Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Все книги автора
Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Михаил Погодин
ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА
Том 1

ВВЕДЕНИЕ
ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Ведя свой род из крепостного крестьянства, спешу принести Освободителю дань сердечной, глубокой благодарности.

Русское государство, в образе происхождения и в ходе событий, представляет совершенное различие с западными государствами.

Счастливым себя почту, если, трудясь много и долго, успел найти и представить ясно хоть некоторые своеобразные наши черты. Верное уразумение прожитой жизни содействует определению и достижению цели.

Да поможет Бог ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ вести нас неукоснительно, по начатому славному пути освобождения, к этой заветной цели — народного развития, образования, благосостояния, — человеческого совершенствования, в духе святого учения Христова.

Всемилостивейший ГОСУДАРЬ, ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО

ВЕЛИЧЕСТВА ВЕРНОПОДДАННЫЙ, МИХАИЛ Погодин. 1871 года, Мая 19.

Предание, донесшееся из глубины веков до наших летописцев, указывает племенам словенским первоначальное место поселения в Европе на среднем и нижнем Дунае, — Дунае, который до сих пор еще слышится у нас повсюду в народных песнях. «По мнозех временех (по потопе), говорит древнейший летописец наш, Нестор, живший в XI столетии, сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска».

Отсюда, вследствие естественного размножения и других побудительных обстоятельств, выселялись они по временам, — задолго до Рождества Христова, — и заняли, наконец, почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себе обитателей по случаю нашествия с запада кельтов или волохов, которые, растревожив словен в их пригретом гнезде, заставили многих искать себе новые места поселения. Они уже тогда стояли на известной степени образования, знакомые с земледелием и первоначальными искусствами, говорили богатым и значительно развитым языком, имели понятия и верования о Боге и жизни посмертной, принесенные еще из прародины своей, Индии, с которой до сих пор обнаруживают родство.

Одни из словен, племена ляшские, поселились к северо-западу от Дуная; другие, наши, к северо-востоку.

Передовым из последних были собственно словене. Спасаясь от нашествия, они должны были спешно и усиленно прокладывать себе дорогу, шли-шли и достигли, наконец, озера Ильмеря,[1] потеснив обитавшую в этих местах чудь. Только здесь смогли они остановиться и построить себе город — Новгород.

«Словени же седоша около озера Ильмеря, прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новгород».

Словенский конец, улица Славно, ручей Словенский, известные до сих пор в Новгороде, указывают своими именами, может быть, на места первого поселения.

Соплеменники, следовавшие по их стопам, также остановились по пути, когда натиск с юга утих, где кому случилось: на Двине,

[1] Ильмерь, современное название — Ильмень. *Примеч. ред.*

Припяти, Соже — кривичи, дреговичи.

Другие, еще прежде повернувшие направо, расселились по Днестру, Бугу, Днепру и их притокам, — тиверцы, хорваты, северяне, поляне.

Все они не составляли сплошного народонаселения, разделяясь между собою реками, лесами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанию летописца, отличались тихим и кротким нравом. Брак издавна совершался между ними по взаимному согласию. Семейные отношения отличались скромностью. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми жили в своих дремучих лесах, питались всякой нечистотой, в распрях и ссорах, и убивали друг друга; брака полюбовного не знали, но уводили или похищали себе жен. Так же жили радимичи, вятичи, северяне. Они сходились на игрища и плясанья между селами и там выбирали себе девиц, с кем которая сговорится. Многоженство было у них в обыкновении. Над покойниками совершалась тризна, насыпалась высокая кладь, на которой и сжигался труп. Сожженные кости собирались в небольшой сосуд и устанавливались на столбах при дорогах. Так поступали вятичи, кривичи и другие вплоть до XII столетия. Мыться и париться в банях составляло древнейший обычай, которому удивился еще, как говорит предание, Св. Апостол Андрей.

Болотистая и лесистая, бедная дарами природы страна досталась на долю словенам, которые, освоившись, должны были подумать о средствах существования.

К счастью, недостатки их вознаграждались удобствами водных сообщений, не только с ближними, но и самыми отдаленными землями.

Вскоре они познакомились со своими приморскими соседями: это были родственные племена, переселившиеся прежде них с Дуная, а далее норманны, известные у нас под именем варягов, самый деятельный и удалой народ в Европе того времени, которые уже с V века хозяйничали на всех морях и имели сообщения по всем берегам: в Британии, Галлии, Германии, Италии, наконец, ближайшие, финны, так называемая ими чудь.

Чудью, состоявшей из множества племен, заселен был, по другую сторону за новгородцами, и весь Восток, от Северного моря до Каспийского.

Смышленые пришельцы разузнали, где в основном расположены естественные ресурсы, в которых они наиболее имели нужду, и что

могут они предлагать в замену перми, булгарам, хозарам, югре. Им удалось даже впоследствии стать твердой ногой на самых выгодных для себя в этом отношении местах, откуда они могли распространять свою власть над соседними областями. Так возникли новые поселения, оказавшиеся вскоре для них необходимыми — Изборск, Торжок, Белозерск, Ростов, Муром, Бежецк, Волок Ламский.

В торговле новгородской приняли вскоре участие и норманны, нигде не упускавшие случая заводить свои связи и расселявшиеся повсеместно; они распространили новгородскую торговлю еще далее, до самого устья Волги, куда, с противоположной стороны, через Каспийское море, из внутренней Азии, проникло с той же целью другое — бодрое, живое, и, вместе, образованное племя того времени — арабы.

Арабы привозили в устье Волги к хозарам пряности, южные плоды, шерстяные ткани, драгоценные камни, которые до сих пор удерживают у нас свои восточные наименования: изумруд, яхонт, бирюзу, жемчуг… Чудские племена доставляли меха, рыбу, хлеб, металлы, юфть. Из низовых южных славянских поселений доставлялся хлеб, мед, воск. Из Греции — паволоки, золото, вино. Норманны торговали мечами франкской работы, янтарем, пухом, невольниками.

Очень рано между всеми этими народами началась взаимная мена, из которой мало-помалу, по мере распространения сообщений, образовалась правильная обширная торговля с определенными путями.

«Бе путь из Варяг в Греки, говорит Нестор, и из Грек по Днепру, и вверх Днепра волок до Ловати, по Ловати внити в Илмер озеро великое, из негоже озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, того озера устье внидет в море Варяжское.

Тем же из Руси может ити в Болгары и в Хвалисы… потече Волга на восток, и втечет семидесятью жерел в море Хвалисское (Каспийское)».

Огромное количество арабских монет (диргемов), седьмого, восьмого и следующего веков, равно как и византийских, норманнских, часто находимых по всему этому пространству, служит неопровержимым доказательством живого сообщения между племенами, здесь обитавшими, с отдаленной древности.

Смышленые словене умели воспользоваться своим выгодным положением, на перепутье норманнов в Грецию и к финским

племенам, передавали товары из рук в руки и богатели. Город их стал, в некотором смысле, перевалочным местом на Севере. Слава о Новгороде распространилась по всему Варяжскому (Балтийскому) поморью, а исландские саги наполнились сказаниями о богатстве и могуществе великого Гольмгарда.

Точно такое же значение получил на юге Киев, принадлежавший другому славянскому племени, полянам (предкам, кажется, нынешних великороссиян).

Новгород подвергся нападению норманнов, господствовавших на всех соседних морях, Киев со всеми южными племенами — хозаров, главная сила которых сосредоточивалась в Итиле (нынешней Астрахани), на устье Волги.

В 859 году (первое определение времени в летописи) какая-то ватага норманнов, называвшихся у нас варягами, приплыла по Варяжскому морю в устье Невы, рассыпалась по сторонам и обложила данью встреченные ею племена, славянские и финские.

Но владычество норманнов продолжалось не долго: племена вскоре восстали, одно за другим, потому ли, что были выведены из терпения насилием пришельцев, или потому, что увидели возможность легко справиться с ними, и не захотели нести напрасных убытков.

Как бы то ни было, хозяева прогнали незванных гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали по-прежнему «владеть сами о себе», но вскоре перессорились между собою, «встал род на род», полилась кровь, и усобице не видать было конца, а норманны, с часу на час, могли воротиться с новыми, еще большими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбление и наложить иго тяжелее прежнего!

Тогда, среди общей смуты, пришла в голову кому-то из воевавших благая мысль, чтобы прекратить кровопролитие: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Совет пришелся по душе. Но где искать князя столь сильного, чтобы он мог дома держать свое имя грозно, а в нужном случае защитить мирные племена от внешних врагов?

Здравый смысл, народный толк, указал им норманнов, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили беспрестанно на все четыре стороны, селились везде, где пригревало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бы из чего, — норманнов, о которых грозная слава распространялась

всюду. Да и кого же в то время было выбрать? Кто имел столько силы и смелости, чтобы взяться за такое трудное и опасное дело? Кто мог лучше защитить от норманнов, как не их соотечественники?

Словене, с подчиненными им, более или менее, кривичами, чудью, весью и мерею, пошли «за море», к одному норманнскому племени, по какой-то причине им более знакомому, которое жило, кажется, в углу Варяжского моря, в соседстве и совокупности с родственными нам племенами, и «называлось Русью, как другие племена назывались Свеями, Англянами, Готами и Мурманами».

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и володеть нами», сказали им послы без всяких околичностей и условий. Вещие слова, определившие дальнейший ход нашей Истории.

Норманны хорошо знали их землю, богатый Гольмгард, знали соседнюю, обильную мехами Биармию (Пермь), знали заманчивую Грецию, куда многие от них часто ездили торговать в Константинополь и служить по найму в императорской варангии (гвардии).

По этому пути, знаменитому austerveg норманнских летописей, уже ходили в Грецию, лет за тридцать, некоторые из той руси, к которой теперь обратились посланные. Нашлись охотники согласиться на вызов: три брата, князья Рюрик, Синеус и Трувор. Они поднялись со всем своим племенем, «пояша по собе всю Русь», и пришли к нам в 862 году.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РЮРИК С БРАТЬЯМИ

862-879

Старший из братьев, Рюрик, сел в Ладоге, откуда, при истоке Невы, всегда удобнее было встретить норманнов, которые обыкновенно приставали к этой гавани, известной у них под именем Альдейгоборга, Синеус поселился у веси на Белоозере, а Трувор в Изборске у кривичей.

Война была любимым занятием, промыслом, привычкой и жизнью норманнов, и вот призванные братья, лишь только утвердились в новых становых своих жилищах, как и начали «воевать всюду» с соседними племенами.

Но через два года меньшие братья умерли: старший, Рюрик,

унаследовал их волости и переселился со своей дружиной в Новгород, главный город словен, уже сильный, богатый торговлей, владевший обширной волостью и имевший свои гражданские учреждения, — «и прозвались Новогородцы от них (от пришедшей руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужам своим Рюрик раздал: кому Полоцк, кому Ростов, кому Белоозеро, — с обязанностью собирать дань, судить и рядить народ и приходить к нему с воинами по требованию. Срубив сам город в Новгороде (Городище?) он велел им также, по исконному обычаю норманнов, рубить везде города или крепости, как необходимые точки опоры, где легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить пленников и сносить добычу.

Мужи Рюриковы разошлись со своими бранными родичами, переселение которых с Севера продолжалось еще много времени, «и по тем городам, говорит древнейшая наша летопись, Варяги везде находники, а первые жители в Новегороде Словене, в Полоцке Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома». Пришельцы составляли главную, господствующую часть городов славянских и финских, и военное, высшее сословие нового государства. «И теми всеми (пришельцами и туземцами) обладаше Рюрик».

Привыкнувшие к воле новгородцы вскоре не поладили с ним, говорит позднейшая летопись: «оскорбишася глаголюще, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и рода его… уби Рюрик Вадима храбраго, и иных много изби Новогородцев, советников его».

Двое из спутников Рюрика, Аскольд и Дир, не князья и не бояре, выпросились у него с родом своим в Константинополь, намереваясь, без сомнения, служить в числе императорских телохранителей или секироносцев.

Отпущенные, они не попали, однако же, куда собирались: пронесясь в легких ладьях по Днепру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся им слишком крепкими, они остановились под крутой горой, на которой, в сени тополей и черешен, виднелся городок…

Осмотревшись и порасспрашивав, они узнали, что городок называется Киевом, что строители его, три брата, Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, умерли, а жители платят дань родам их, хозарам.

Искателям приключений понравилось место при широкой реке, текущей прямо в любезное для них море, на перепутье с Севера, из

родины, в Грецию — так тепло здесь и привольно, всего растет, кажется, вдоволь. А жители смирны, воинов нет, городок не крепок. Не остаться ли здесь?

Подумано, сделано. Аскольд и Дир остались, а поляне, самое тихое из племен славянских, приняли их к себе без прекословия.

Разнеслась молва об удаче и выгодном поселении. Из Новгорода вскоре прибыло к ним несколько мужей, ушедших от Рюрика. После могли останавливаться у них проезжие земляки, а другие приплыть даже нарочно. Число товарищей увеличивалось беспрестанно: они утвердились и начали владеть Полянской землей, как владели их единоплеменники на Севере, и, подобно им, воевать с соседями.

Но таких легких войн вскоре стало для них недостаточно. Другая мысль запала им в голову, другая мечта овладела их живым воображением, достойная норманнской крови. Они вздумали идти на Константинополь, о котором на их родине рассказывались чудеса. Миклагард, Миклагард, великий город! Чего там нет! Какие сокровища везде собраны! Сколько золота и серебра, паволок! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческие воины изнежены до того, что имя их у родственных варангов употребляется в насмешку. О жителях и думать нечего. Путь же недалек, морские бури знакомы. Отчего не попытаться? Ходили же их братья, прежде и после, на Рим, на Париж, на Лондон, на Севиллу. Смелость города берет. Авось!

Начались приготовления к походу. Кликнут клич, который, передаваясь от города к городу, мог вскоре донестись и до отдаленного Севера.

Стали со всех сторон собираться охотники делить труды, опасности и успехи, как это обыкновенно случалось при всяком большом норманнском предприятии. На Царьград, на Царьград!

Славяне принялись строить лодки, которые выдалбливались из цельного дерева, и потому назывались у греков однодеревками, а после у казаков душегубками.

И через два года пустилось по Днепру сборное ополчение из двухсот судов. Первые четыреста пятьдесят верст по реке не представляли никакого затруднения. Но вот начинаются страшные Днепровские пороги, продолжение Карпатских гор, которые до сих пор препятствуют свободному судоходству. Привычные к воде норманны успевают кое-как пробраться через все преграды, где на веслах, где под парусом, где выходя на берег и неся на плечах свои легкие лодки. Но вот открылось раздольное море, и вдали показался

перед ними желанный Константинополь.

Там никто не ожидал гостей.

«Поход этих варваров схитрен был так, свидетельствует патриарх Фотий, что и молва не успела предупредить нас, дабы мог кто-либо подумать о безопасности, и мы услышали о них только тогда, когда их увидели, хотя и отделялись от них многими странами и народоначальствами, судоходными реками и пристанищными морями…

Помните тот час, несносный и горький, говорит он же после, вспоминая это событие, когда в виду нашем плыли варварские корабли… когда это море, утихнув, трепетно расстилало хребет свой, соделывая плавание их приятным и тихим, а на нас воздымало шумящие волны брани; когда они проходили пред городом и угрожали ему, простерши свои мечи?

Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догорала с последними лучами солнца, и заря бытия нашего поглощалась глубоким мраком смерти?»

Быстро и смело вошла русь «внутрь суду», в пристань, высадились на берег, разделили жребием предместья и принялись убивать и грабить.

«Что это? — восклицает ученый, красноречивый проповедник, обливаясь слезами в соборном храме Святой Софии, перед собравшимся народонаселением столицы, — откуда упал на нас этот дально-северный и страшный перун?.. откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море?..

Народ жестокий и дерзкий разоряет и губит все, нивы, жилища, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех сражая мечом, никого не милуя, ничего не щадя. Он, как саранча на ниве и как ржавчина на винограде, или страшнее, как жгучий зной, тифон, наводнение, или не знаю, что и сказать, явился в стране нашей и сгубил жителей ее».

Испуганным грекам показалось, что неприятели уже перелезли через стены, и что город взят.

Молодого императора Михаила III не было тогда в городе: он только что вышел на агарян в Малую Азию. Эпарх (наместник) послал к нему известие, которое настигло его на Черной реке. Михаил поспешил вернуться…

Греки, между тем, вступили, без сомнения, в переговоры с напавшей русью. Предложена была им богатая дань, лишь бы они

сняли осаду и удалились…

Всю ночь жители Константинополя провели в беспрерывных молитвах.

Фотий вынес из церкви Влахернской ризу Богоматери и вместе с народом совершил крестный ход по городу у стен его, держа ризу на руках своих. Все молились усердно, слушая сугубые ектеньи и литургии на определенных местах.

И настал день спасения, 5 июня 865 года.

Русь, видно, довольная богатством, награбленным в предместьях, довольная и полученной данью от города, удалилась столь же быстро, как и явилась, на своих легких судах.

«Как только девственная риза Богоматери обнесена была по стене, говорит Фотий во втором своем слове, варвары сняли осаду города, и мы избавились от ожидаемого плена и сподобились нечаянного спасения…

Мы избавились от грозы, избежали меча, и губитель миновал нас, покрытых ризою Матери Слова: воспоем вместе с нею благодарственные песни рожденному из нее Христу Богу нашему… Она оружие наше и стена, щит и воевода».

Долго после сохранялось между греками воспоминание об этом внезапном нашествии руси.

Походом киевских витязей Аскольда и Дира имя руси огласилось в мире: «начаша прозывати Русска земля; о сем бо уведахом, говорит летописец, яко при сем Цари (Михаиле) приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в летописаньи Гречьстем».

Много золота, серебра, драгоценных камней и паволок добыли удалые варяги, но они привезли в Киев сокровище драгоценнее золота, серебра, драгоценных камней и паволок: они привезли семя христианской веры для будущего государства, которое зарождалось в Новгороде с прибытием первого князя, Рюрика, как родоначальника русских государей.

Тот же патриарх Фотий свидетельствует об их обращении в грамоте, писанной им к восточным епископам в 865 году: «Россы, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, оставили суеверие, исповедуют Христа, и суть друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому».

Таким образом, в одно время с началом государства в Новгороде,

зародилась у нас и христианская вера в Киеве. В отличие от народов западных, получивших ее из Рима, мы приняли ее из Константинополя, от греков, и именно в то время, когда церковь вышла там с победой из борьбы со всеми лжеучителями и успела отпраздновать торжество православия, на основании семи вселенских Соборов. Сообщил ее нам патриарх, который первый восстал и против суемудрия западного, и против папского властолюбия. Принесенное на Русь богослужение, сохраняя в себе учреждения и предания первых времен христианства, оживлялось вдохновенными славословиями великих духовных песнопевцев и незадолго перед тем украсилось священной иконописью.

И Священное Писание со всеми богослужебными книгами, к счастью новых христиан, было только что переведено на славянский язык, для соседних славянских стран, двумя святыми братьями, уроженцами Селунскими, Кириллом и Мефодием. Проповедники болгарские, их ученики, могли принести нам Божественное слово на родном наречии, в основание Русского духовного просвещения.

Государственное начало, вера христианская и духовное просвещение на своем языке — вот три семени, великие, благодатные, почти единовременно упавшие свыше на славянскую почву, в великое знамение будущности русской!

А что происходило, между тем, на Севере? Неужели Рюрик оставался, сложа руки, в Новгороде?

Вероятно, норманнской веревкой, о которой надолго сохранилось воспоминание, он межевал землю, полученную во владение, определяя, куда должны тянуть его волости или верви: к князю, к боярам, к городам.

Может быть, он принимал участие в норманнских походах по Балтийскому и Немецкому морям, в Германии, Франции и Англии; может быть, распространял пределы новгородского владычества на востоке и юге, к стороне Уральских гор; может быть, в продолжение семнадцати лет он успел и там, и здесь. Киевская летопись молчит об этих действиях, сообщая, под 879 годом, лишь известие о его кончине, перед которой он отдал на руки родственнику своему Олегу только что родившегося сына Игоря (следовательно, он был еще тогда в поре полного мужества), ему же передал и свое княжение.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ОЛЕГ

879-912

Олег, молодой, пылкий, деятельный, недолго усидел на месте. Жажда ли деятельности, врожденная норманну, желание ли найти другое жилище, удобнее и веселее низменных северных болот, или распри со строптивыми новгородцами были причиной, но он вскоре снарядился в поход. Народное предание придает ему много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей. Двигался он по тому обыкновенному пути, по которому издавна шли к югу северные скитальцы. Малолетнего Игоря он взял с собой, словно заранее решил не возвращаться в Новгород.

На Днепре Олег занял Смоленск, город вольных кривичей, и посадил там мужа своего; плывя далее вниз, взял Любеч, где посадил также своего мужа. Наконец, представился ему Киев, на который он зарился, может быть, издали и прежде. Надо взять и его!

Но город был укреплен опытными варягами. Для осады его понадобилось бы много времени; брать на щит — успех сомнительный, или, по крайней мере, не верный: у Аскольда и Дира была своя храбрая дружина, а уступить без боя такое завидное владение они не могли.

Олег решился на хитрость, к которой в нужных случаях любили прибегать его соотечественники: он оставил часть своих лодок позади, в прочих схоронил воинов и приплыл под Угорское. Так называлась ближайшая гора к Киеву, где стояли вежами угры (венгры), шедшие в Европу с востока (898) через горы великие. Отсюда послал он к Аскольду и Диру звать их к себе в ладью, выдавая себя за проезжего гостя, плывущего в Константинополь от князя Олега и княжича Игоря из Новгорода: «Придета к нам к родом своим». Легковерные подались на обман. Они вышли из своей крепости с немногими провожатыми, спустились с горы на берег и приблизились к ладьям. Вдруг выскочили спрятанные воины и бросились на них. Показался и сам Олег. «Вы не князья и не княжеского рода, сказал им гордый норманн, уважавший больше всего благородство, а я князь, и вот сын Рюриков», прибавил он, указав на вынесенного между тем из ладьи ребенка Игоря. Несчастные пали в то же мгновение под мечами убийц. Тела их отнесли на гору, где, в Несторово время, был Ольмин двор, и там погребли. На месте погребения Аскольдова этот Ольма построил впоследствии церковь Св. Николая, а Дирова могила, говорит Нестор,

находится за монастырем Св. Ирины, как будто в воспоминание об их христианстве.

Смирные поляне поддались спокойно новому пришельцу, как прежде Аскольду и Диру, и «седе Олег княжа в Киеве».

Он так полюбил доставшийся ему город, что решил прекратить свой неопределенный путь и водвориться здесь навсегда. «Се буди мати градом Русским», сказал Олег. «Беша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью».

Имя Руси сделалось тогда принадлежностью Киева, откуда начало расширяться далее и далее, не найдя еще своих пределов…

Чтобы утвердить свою власть, Олег начал ставить города в новом княжестве, как ставил их Рюрик со своими мужами на севере. Потом определил он дани словен, кривичей и мери, то есть разделил землю на участки (вероятно, тысячи) и назначил, куда какой участок должен тянуть, к какому городу, и сколько представлять дани. Сверх того указал он, чтобы новгородцы, оставшиеся без защиты, платили заморским варягам ежегодно триста гривен, или полтораста фунтов серебра, «мира деля».

Устроив таким образом домашние дела, Олег, истый норманн, начал свои военные поиски. Всякий год, лишь только вскрывался Днепр, отправлялся он на добычу в быстрых ладьях, по рекам, в него впадающим справа и слева, и распространял пределы дани, заставляя мирные и тихие племена славянские, одно за другим, признавать свою власть.

В 883 году, по Днепру, Припяти и Уше, он напал на древлян (живших в нынешней Волынской губернии) и, «примучив их», определил давать по черной куне.

В 884 году, по Десне, ходил он на чеверян (в Черниговской губернии), победил их и возложил дань легкую, велев только отказаться от хозар. Олег сказал: «Я враг им, а не вам».

В 885 году послал он спросить к радимичам, жившим по Соже (в Могилевской губернии): «Кому даете дань?» Они отвечали: «Хозарам». Олег сказал: «Не давайте хозарам, а давайте мне», — и радимичи дали ему по шлягу, как платили прежде хозарам.

Все эти племена, равно как и дулебы, обитавшие по Бугу, хорваты, далее на запад, к горам Карпатским, покорялись ему без сопротивления, а с уличами и тиверцами, жившими по Днестру до моря (в Подольской губернии), он должен был воевать.

Так далеко успел Олег в короткое время разнести славу своего

оружия, столько племен посчастливилось ему подчинить себе, но он не был доволен этими мирными завоеваниями. Чего же ему хотелось более?

Царьград, — вот куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевные мысли всех варягов, вот где надеялись они приобрести самую лестную для себя славу и самую богатую добычу, вот о каком походе думал и Олег.

Среди приготовлений, в 903 году, женил он Игоря, воспитанника своего, бывшего и по возрасте в полном у него повиновении, приведя ему жену из Плескова, варяжского рода, именем Ольгу.

Древнее предание так рассказывает об этой женитьбе. Игорь узнал случайно свою суженую, — он охотился по лесам за зверями в Псковской области, и ему понадобилось переправиться с одного берега реки на другой; издали увидел он плывшую вниз лодку, подозвал к себе и велел перевезти. Лодкою правила молодая девушка, прекрасная собою. Князь прельстился ею, но не получил согласия: она осыпала его упреками и даже грозила броситься в реку. «И абие Игорь отложи юношеское мудрование свое, по свидетельству ее жития, наипаче же со стыдением и молчанием преиде реку, внимая себе о таковых (ее советах) до времени, и оттоле паки иде в Киев». Когда пришла пора ему жениться, он вспомнил об этой встрече, и Ольга приведена была ему из Плескова.

Греческий, так называемый, путь, равно как и Восточная Империя, со своими средствами защиты, становились в Киеве с каждым годом известнее. Гости и воины, дружинами и поодиночке, плавали беспрестанно взад и вперед, с Севера в Константинополь, и из Константинополя на Север, в Новгород, Швецию, Данию и Норвегию, где до сих пор многочисленные рунические камни с их именами свидетельствуют о количестве древних путешественников и живости сообщения. Две тысячи ладей наготовили Олегу кривичи и прочие славяне, которые, по свидетельству греческого императора Константина Багрянородного, нарубив зимою по горам лес, строили обыкновенно ладьи у себя дома, и потом, по вскрытии воды, сплавляли в ближние озера, а оттуда в Днепр, до Киева; там покупала их Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями собственного изготовления, и снаряжала для плавания.

Долго собирался киевский князь с силами, и уже в 906 году, следовательно, через двадцать с лишком лет по водворении своем в Киеве, оставив там Игоря, «иде Олег на Грекы, пояже множество

Варяг, и Словен, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Северу, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулебы, и Тиверцы».

Константин, почти современник, описал обыкновенное торговое плавание Руси в Константинополь, которое может дать нам понятие о трудностях, предстоявших военному многочисленному военному полчищу. Вот собственные его слова, живо изображающие удалых варягов с их приемами, обычаями и даже языком:

«Снарядив суда, Русь спускалась по Днепру до Витичева, крепкого места при реке, которое платило им дань. Здесь оставались они дня два или три, пока все суда соберутся, а потом продолжали путь до Днепровских порогов. Первый порог называется Ессупи, что по-русски и по-славянски толкуется не спать. Порог сей узок… однако же в средине его есть утесистые высокие скалы, имеющие вид островов. Вода, дойдя до них, поднимается и низвергается с величайшим и ужасным шумом. По сей причине, Руссы не отваживаются проходить чрез него, но пристав вблизи к берегу, высаживают людей, а прочие вещи оставляют в судах. Таким образом, идут они нагие в воде, щупая ногами, чтобы не наткнуться где-нибудь на камень, а между тем другие подвигают, упираясь веслами, нос, иные середину, а иные корму судов, и таким образом с величайшей осторожностью проходят сей первый порог в углу оного близ берега.

Пройдя порог, берут они остальных людей с берега и плывут далее ко второму порогу, по-русски Улворси, по-славянски Островунипраг, что значит остров порога; он также опасен и затруднителен для прохода, и они опять высаживают людей, и поступают с судами, как прежде.

Таким же образом переходят они и третий порог, называющийся Геландри… что по-славянски значит звук порога.

После приходят они к четвертому и большему порогу, который называется по-русски Ейфар, по-славянски Неасит, от того, что в скалах его гнездятся пеликаны. К этому порогу все суда пристают переднею частью, люди, избираемые для содержания стражи, выходят и становятся на притинах. (Здесь они содержат бдительную стражу от Печенегов.) Прочие же вынимают из судов вещи, также скованных невольников, и отводят их на берег расстоянием на 6000 шагов, пока не пройдут порога. После этого, суда свои частью тащат, частью несут на плечах до противоположной стороны порога. Тут опять спускают их на воду, садятся в них со всем имуществом и

плывут далее.

Дойдя до пятого порога, называющегося по-русски Баруфорос, по-славянски Вулнипраг, от того, что он составляет большое озеро, переводят они опять свои суда в угол реки, как при первом и втором порогах, и достигают шестого, который называется по-русски Леанти, а по-славянски Веруци, т. е. кипение жидкости. И сей порог проходят они таким же образом, и доплывают до седьмого, по-русски Струбун, по-славянски Напрези, что значит малый порог.

И доходят до так называемого Крарийского перевоза, где перевозятся Херсонцы из Руси и Печенеги в Херсон. Перевоз этот шириною с Гипподром, а высота (берега), усматриваемая глазом с низу, такова, что стрела, пущенная из лука, оттуда прямо ее достигает. (По сей причине приходят сюда Печенеги для нападения на Русь.)

Пройдя это место, пристают они к острову, который называется именем Св. Григория (Хортицы). Здесь приносят они свою жертву потому, что там стоит отменной величины дуб. Они приносят в жертву живых птиц; натыкают кругом стрелы, а иные кладут куски хлеба и мяса, и что у кого есть, как то у них водится. Также мечут жребий о птицах, убивать ли их и есть, или оставлять в живых.

Чрез четыре дня достигали они Днепровского устья, в котором лежал остров Св. Ейферия (ныне Березань). Здесь отдыхали они обыкновенно два или три дня, снабжая свои суда необходимыми вещами, а именно парусами, мачтами и рулями, что все привозили с собою. Потом подавались к Днестру, где еще отдыхали. Отсюда, если ветер был попутный, плыли на парусах к реке Белой, где оставались некоторое время, и продолжали путь к Селине, которая есть не что иное, как рукав реки Дуная. Далее для них уже не было никакой опасности».

Олег счастливо преодолел все препятствия и появился под стенами Константинополя. Греки заградили пристань цепью от Акрополя до Галатской башни, а город заперли. Олег вышел на берег, и воины его огнем и мечом рассыпались по окрестностям, жгли церкви, разбивали палаты, а пленных рубили, расстреливали, бросали в море. По свидетельству византийских летописцев, устрашенные греки обратились с просьбою о мире к русскому князю, на каких ему угодно условиях, лишь бы только прекратить кровопролитие и опустошение.

Олег отступил на некоторое расстояние от города и послал к

императорам Льву и Александру мужей своих — Карла, Фарлафа, Вельмуда, Рулава и Стемида, с требованием, чтобы они обязались платить ему дань.

Греки спросили, сколько дани угодно руси. Олег потребовал по 12 гривен на ключ или лодку (что составило около трехсот пудов серебра), укладов на все русские города: Киев, Чернигов, Переславль, Полоцк, Ростов, Любеч и прочие, где сидели князья, под его рукою сущие, то есть, на все племя русское, все военное сословие, по городам расселившееся. Потребовал, чтобы греки выдавали русским послам все, что они пожелают, чтобы русских гостей довольствовали они в Константинополе в продолжение полугода месячиною — хлебом, мясом, рыбой, вином, овощами, позволяли им ходить в бани, сколько угодно. Потребовал, чтобы греки снабжали русь для обратного пути якорями, веревками (ужа), парусами (пре) и съестными припасами, сколько чего понадобится.

Греки соглашались на все. Императоры просили только, чтобы русь, приходящая без дела, не требовала месячины, и чтобы прочим князь приказал словом своим не буйствовать по селам. Они должны останавливаться в предместье Св. Мамы за стеною, где чиновники царские будут переписывать имена их и выдавать им их месячное, первое от Киева, потом Чернигова, Переславля и от прочих городов. Они должны входить в город в сопровождении царского пристава, не более как по пятидесяти человек, без оружия, и покупать что им вздумается, не платя ни за что мыта (пошлин).

Императоры Лев и Александр, обязавшись платить дань, присягнули в соблюдении договоров и поцеловали крест, а Олег и мужи его приведены были на роту (к присяге) по Русскому закону: они клялись своим оружием и Перуном, богом своим, также Волосом, скотьим богом.

Так кончился этот знаменитый поход. Счастье благоприятствовало смелому Олегу, и он достиг своей цели: заставил трепетать Константинополь; заставил императоров униженно просить мира, исполнить все его желания и платить ему дань; получил богатую добычу для себя, для своих мужей, воинов, и для всего своего племени, вытребовал важнейшие преимущества для Руси на будущее время при всех сношениях ее с Грецией, государственных и торговых.

Весело отправилось торжествующее ополчение домой в обратный путь, — «и приде Олег Киеву, неся золото, и паволокы, и

овощи, и вина, и всякое узорочье».

Подданные встретили его с радостью и прозвали вещим. Слава о его подвигах пронеслась всюду. Дружина рассказывала чудеса. Жители с удивлением передавали из уст в уста эти рассказы, как Олег с двумя тысячами лодок перебрался через Днепровские пороги, как, явившись пред Константинополем, велел он вытащить все свои суда на берег, поставил на колеса, и, вспяв (распустив) паруса, при попутном ветре подкатился под городские стены; как напугал греков; как угадал отраву в присланных от них яствах; как представился им каким-то святым, насланным от Бога с того света наказать их за грехи; как повесил он свой щит на вратах Константинополя; как на обратном пути велел он любезной своей руси сшить паруса шелковые, а словенам кропинные, полотняные, которые тотчас и разодрались ветром, и словене говорили: «имемся своим толстинам, не даны суть Словеном пре кропинныя».

Такие рассказы стали народной собственностью; всякий передавал их по-своему, прибавляя и убавляя по усмотрению; из них, без сомнения, сочинились песни или саги по замышлениям бояньним, которые и дошли до первого нашего летописца, передававшего их в своей летописи с простодушным заключением: «бяху бо людие погани и невегласи».

Через пять лет по возвращении Олега, вследствие умножившихся отношений между русью и греками, оказалось нужным для обеих сторон постановить разные правила. Киевский князь отправил «мужи свои построити мира, и положити ряды межи Греки и Русью», равно другого совещания, бывшего при тех же царях Льве и Александре.

Посольство заключило письменный договор, до нас дошедший, один из древнейших, драгоценнейших документов европейских и также памятников нашей письменности, дающий ясное понятие о гражданском устройстве молодого государства, — такого содержания:

«Мы от рода Русского — Карл, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды… Руалд, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидульфость, Стемид, — посланные от Олега, Великого Князя Русского, и от всех иже суть под рукою его светлых бояр и великих князей, к вам, Льву, Александру и Константину, Царям Греческим.

Первым словом, да умиримся с вами, Греки, и не допустим никого из наших светлых князей обижать вас. Так и вы храните к светлым князьям нашим, и ко всем, иже суть под рукою князя

нашего, любовь непреложную.

Проказа (вред) доказывается свидетельствами: ответчик клянется по вере своей; за ложную клятву наказание.

Если убьет Христианин Русина, или Русин Христианина, да умрет на месте. Если убийца убежит, то имущество его отдается ближнему убиенного, кроме жениной доли. Неимущий убийца остается под судом (держится тяжи), пока найдется, и тогда умрет.

Если ударит кто кого мечом, или ушибет каким-нибудь сосудом, то платит пять литр серебра по закону Русскому; неимущий должен отдать все, что имеет, до последнего платья, в котором ходит, и поклясться, что заплатить за него некому: тем и кончится тяжа.

Если украдет что Русин у Христианина, или Христианин у Русина, и пойманный в краже окажет сопротивление, то обокраденный может убить его и взять свое.

Если отдаст украденное и будет связан, должен воротить втрое.

Если Христианин или Русин станет обыскивать насильно и возьмет чужое, то должен отдать втрое.

Если выбросится Греческая ладья ветром великим на чужую землю, где случится быть Руси, и найдется кто снабдить ее с рухлом[2] своим и отослать домой, то мы обязываемся проводить ее сквозь всякое страшное место до бесстрашного.

Если за бурею или земным боронением боронима, она не может дойти до своих мест спотружаемся гребцам мы Русь и допроводим с куплею поздорову, поблизости от земли Греческой.

Если же случится проказа близ Русской земли, то должны мы проводить ее в Русскую землю; и продать рухло, а придя к вам с куплею, или в сольбу к царю вашему, представить вырученное с честию.

За покражу и убийство на такой ладье, виноватые из нас, Руси, отвечают прежде реченною эпитимьею.

Пленных проданных, где окажутся, выкупать Руси и Грекам, за что проданы, или по челядинной цене, и возвращать в свою страну.

В случае войны, когда будет нужна помощь, желающие почестить царя вашего и остаться у него на службе своею волею да будут.

Пленные выкупаются по 20 золотых.

Украденный, или беглый, или купленный челядин, возвращается

---

[2] Рухло — здесь: принадлежности. *Примеч. ред.*

в Русь по жалобе; если у гостя пропадет челядин, то может его отыскивать; кто противится обыску, тот погубит правду свою.

После Русина, умершего в Греции на службе у царя, не завещав имения своего, наследство возвращается в Русь к милым ближним: а завещанное отдастся, кому написал, от Руси приходящей или удолжающей (то есть пребывающей в Греции).

Беглый злодей, по востребовании, должен быть возвращен в Русь, быв пойман, хотя б и не желал того.

Си же вся да творят Русь Греком идеже аще ключится таково. Месяца Сентября во 2, в неделю 13, в лето созданья 6420 (912)».

Царь Лев одарил послов золотом, паволоками и фофудьями, и, желая привлекать русь более и более к христианской вере, которую греки всегда почитали вернейшим средством обуздывать дикие народы, угрожавшие их царству, велел показать им церковную красоту и палаты златые, и имеющееся в них богатство… и страсти Господни, и венец, и гвозди, и хламиду багряную, и мощи святых. — Провожатые толковали любопытной руси все, ею видимое, и учили вере своей. Послы, по окончании всех дел, отпущены были домой с великой честью.

Последние годы своей жизни Олег провел в покое: «и живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве».

О кончине его ходило в народе такое же чудесное предание, как и о жизни; рассказывали, что он некогда в молодости спрашивал волхвов, кудесников, от чего приключится ему смерть. Один кудесник отвечал, что смерть ему приключится от любимого коня. «Так я не сяду же на него никогда, и удалю с глаз моих», подумал Олег и велел кормить на своей конюшне, но никогда не приводить к себе. Прошло много времени. Олег ходил на греков и воротился. На пятый год по возвращении в Киев вспомнил он о любимом своем коне, призвал старейшину конюхов и спросил: «Где конь мой, которого велел я тебе кормить и блюсти?» Тот отвечал, что конь давно издох. Тогда Олег рассмеялся и укорил кудесника: «Не надо верить волхвам, все то ложь, что говорят они, вот конь мой умер, а я жив». И захотелось ему видеть кости павшего коня. Он поехал верхом к тому месту. Ему указали голые кости и голый лоб. Олег слез с коня и толкнул ногою череп, примолвив со смехом: «Не от этого ли лба взять мне смерть», — как вдруг оттуда выползла змея и укусила его в ногу. Он разболелся и умер.

«И плакашеся по нем вси людие плачем великим, и несоша и

погребоша и на горе, иже глаголется Щековица. Есть же могила его до сего дня, говорит летописец Нестор, словеть могила Олгова» (912).

Олегу, кажется, бездетному, наследовал сын Рюрика Игорь.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ

912-945

Подданные племена попытались было отложиться (913), привязанные слабыми узами к Киеву, но Игорь сходил на древлян (914) и возложил на них дань больше Олеговой.

Новый князь должен был отличиться каким-нибудь необыкновенным подвигом. Игорь вздумал идти в дальнюю сторону, куда не ходили еще варяги, на Восток, познакомиться с другим морем, еще не известным, Каспийским, и проведать, что обретается на его берегах. Восточные страны были давно известны в Киеве: «Тем же из Руси может ити в Болгары и в Хвалисы, на восток доити в жребии Симов», свидетельствует летописец о древнейшем времени. Молва о Востоке могла доноситься до Киева и через русских купцов, торговавших с хозарами в Итиле, на устье Волги, как другие торговали в Константинополе и на Севере.

Игорева Русь поплыла на пятистах судах по Днепру в Черное море, из Черного моря повернули они не направо, как обыкновенно делали в походах на Грецию, а налево, вверх, в Азовское море, через Босфор Киммерийский, потом поднялись вверх по Дону до пограничной крепости Саркела или Белой вежи, построенной для хозаров греческими мастерами. От Саркела послали они просить кагана, чтобы он позволил им пройти через владения и рекой Волгой спуститься в море Каспийское, обещая ему половину добычи, что возьмут с прибрежных стран.

Каган позволил. Русь добралась волоком до Волги, а Волгой, не то что Днепром, было ей с пола-горя прокатиться до желанного раздолья морского.

Здесь, по известию современных арабских писателей, рассыпались они ватагами во все стороны и выходили на берег толпами в Джиле (Гилане), Дейлеме, Табарестане, Абискуне и Нефтяной земле, до самой области Азербайджанской. Везде проливали они кровь, захватывали в плен женщин и детей, грабили, предавая остальное огню и мечу.

Восстенали все народы, обитавшие около этого моря, говорит современный арабский писатель Массуди, и возопили о помощи: с незапамятных времен не видывали они никакого врага, который нападал бы на них с моря, где доселе плавали только суда купцов и рыболовов. Обитатели Гилана и Дейлема вооружились. К ним присоединились прибрежные жители Джорджана. Подошли воины из Берды, Аррана, Бейлекана и Азербайджана. Русь билась со всеми, одолевала всех, шла вперед и достигла Баку.

Возвращаясь на суда после своих набегов, они искали обыкновенно убежища на островах, против Нефтяной земли, где было устроено у них место для добычи. Государем Ширванским был тогда Али, сын Гайсемов.

Снарядилось, наконец, общее ополчение, и отправилось против них к островам на лодках и купеческих судах. Русь ударила на противников и разбила. Несколько тысяч мусульман пало в битве или потонуло в волнах. С тех пор несколько месяцев хозяйничала русь спокойно на Каспийском море, и ни один из окрестных народов не мог предпринять ничего против них. Все приморское население стояло только на страже, опасаясь ежечасно их нападения.

Награбясь досыта, со множеством пленниц, русь отправилась обратно к устью Волги и послала вперед к кагану хозарскому условленную часть добычи.

Аларасия (его гвардия) и другие мусульмане, жившие в стране Хозарской, узнав по слухам о неистовствах руси, обратились к кагану: «Пзволь нам, говорили они, отомстить этому племени. Они вторглись в земли братьев наших мусульман, пролили кровь их, пленили жен и детей».

Царь не в силах был удержать раздраженное население, и только предупредил русь о враждебных намерениях мусульман. Эти последние, собрав войско, потянулись вниз по реке в поисках неприятеля. Многие христиане из Итиля к ним присоединились.

Завидев их, русь сошла с судов и выстроилась в боевой порядок на берегу. Число противников простиралось до пятнадцати тысяч вооруженных и конных. Бой длился три дня, и, наконец, мусульмане победили. Русь была побита мечом, другие, спасаясь на суда, утонули. Только три тысячи спаслось, переправившись на другую сторону реки, смежную с землею буртасов (нынешних чувашей). Здесь они вышли на берег и были истреблены буртасами, а отчасти булгарами-мусульманами, в стране которых искали себе убежища.

Вся их добыча, плоды тяжелых трудов, достались в чужие руки. Избегли меча только немногие.

Силы Киевской Руси расстроились совершенно вследствие этого поражения, и вот почему, вероятно, летопись наша молчит двадцать пять лет о ее действиях, извещая только о краткой войне с печенегами.

Это кочевое турецкое племя, подвинувшись из-за восточных низовий Волги, заняло в то время южное перепутье всех своих предшественников — гуннов, угров, аваров, нынешние Новороссийские степи, и с 913 года начало набегами своими тревожить русские владения, хотя Игорь, быв с ними сначала в мире, и указывал им путь к Дунаю, где, по левому берегу, уже господствовали их соотечественники.

Торговые сношения руси с прочими восточными племенами не прерывались, несмотря на это несчастное событие, и вот что рассказывает нам о них арабский географ XIII века Якут, в дополнение наших сведений об этом племени, которое вскоре у нас совершенно ославянилось.

«Ахмед, сын Фодлана, посланный (в 922 году) Калифом Муктедиром из Багдада к Царю Болгаров, описал виденное им на пути: я читал его записки, и сообщаю оные здесь не без удивления.

Я видел Русских купцов, — говорит он, — в пристани реки Итиля (Волги). Росту они высокого и стройны, как пальма; тело у них красное. Они не носят ни кафтанов, ни камзолов: мужчина накидывает на себя сбоку грубую одежду, так, что одна рука остается свободной. У всякого топор, большой нож и меч. Никогда не ходят они без оружия. Мечи их широки и работы франкской, с насечкой. У всякой женщины привязана на груди маленькая коробочка, железная, медная, серебряная или золотая, соразмерно с достатком ее мужа. На коробочке кольцо; к кольцу привязан нож. На шее цепи золотые и серебряные. Муж, имеющий десять тысяч драхм, заказывает для жены цепь золотых дел мастеру; приобретая еще десять тысяч дает ей вторую, и так далее. Посему богатые русские жены носят множество цепей. Главным их украшением считается зеленый бисер. Мужья платят по целой драхме за бисерину для женского ожерелья.

Приплывая из своей земли, бросают якорь на широкой реке Итиле; выходят из судов и строят себе большие деревянные шалаши на обеих ее сторонах. В каждом живет человек 10 и 20. У всякого длинная, широкая лавка, на которой он сидит со своей женой и с

продажными невольницами… Всякое утро женщина приносит господину чашу с водой; он моет себе лицо, руки, волосы; а она чешет ему голову гребнем.

Сойдя на пристань, каждый идет в свой шалаш, имея при себе хлеб, мясо, лук, молоко и вино; потом идет к высокому деревянному болвану, окруженному малыми, падает ниц и говорит: „О Владыко! Я приехал издалека с таким-то числом невольниц, соболей, и шкур… вот тебе дар мой!“ Кладет все перед болваном, говоря: „Пошли мне доброго купца с серебряными и золотыми деньгами!“ Уходит; но в случае худого торга опять идет к болвану с дарами; приносит оные и маленьким болванам, моля их о заступничестве и кланяясь им смиренно. Когда же выгодно сбывает все с рук, тогда говорит: „Владыка помог мне; теперь я должен платить ему“. Убивает несколько быков, овец; раздает мясо бедным, кладет остаток перед большим и маленькими истуканами; вешает на первом головы убитой скотины, и, когда собаки ночью съедят все мясо, все головы, купец говорит: „Владыка благоволит ко мне: он скушал дар мой“.

Кто из них занеможет, для того разбивают вдали шатер, переносят его в оный, оставляют там хлеб с водою, не подходят к больному близко и не говорят с ним, но ежедневно посещают его, особенно бедного или раба. Выздоровев, он возвращается к своим; если же умрет, то свободного предают огню, а раба оставляют в пищу псам и хищным птицам.

На вора или разбойника надевают петлю, вешают его на высоком дереве и так оставляют, пока от ветра и дождя истлеет.

Слышав, что они сжигают своих умерших начальников с обрядами весьма странными, я ждал случая видеть оные и видел собственными глазами. Умершего опустили в могилу и десять дней над ним сетовали, пока скроили и сшили ему одежду.

Бедного обыкновенно кладут в новую маленькую ладью и сжигают в ней; имение же богатого, собрав, делят на три части: одну дают родственникам; на другую шьют ему платье; на третью покупают меду, чтобы пить его в тот день, в который жена покойника убивает себя и вместе с господином своим сжигается. Вино пьют они день и ночь, так, что некоторые держа чашу в руке, умирают. По смерти знатного мужа, родные спрашивают у его женщин и отроков: „Кто из вас хочет умереть с ним?“ Один из них ответствует: „Я!“ После чего спрашивают у женщин: „Кто из вас желает умереть с ним?“ Одна говорит: „Я!“ Тогда приставляют к ней двух женщин,

чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги; а родные начинают кроить платье умершему и все нужное готовить. Между тем, женщина всякий день пьет, поет и веселится.

Когда настал день сожжения, я пошел на реку, к ладье умершего, но ладья уже стояла на берегу, на четырех деревянных столбах, окруженных большими, деревянными же, болванами. Люди ходили взад и вперед, произнося слова, для меня не вразумительные. Мертвый лежал вдали, в своей могиле. Принесли скамью на ладью со стеганными покрывалами, греческой парчой и подушками из такой же парчи. Пришла старуха, именуемая у них ангелом смерти, и разостлала все вещи на упомянутой скамье. Сия-то женщина занимается шитьем платья и всеми приготовлениями; она же убивает и женщину… Придя к могиле, отрыли землю, приподняли доску и вынули мертвого из могилы: он был в полотняной одежде, в какой умер. От жестокого холода сей земли труп весь почернел. В могиле с мертвым стоял мед, лежали плоды и лютня: их также вынули. Умерший, кроме цвета, не изменился ни в чем. Надели на него исподнее платье, сапоги, пояс, камзол, кафтан парчовый с золотыми пуговицами и соболью шапку, отнесли его в ладью, положили на стеганое покрывало, обложили подушками; принесли мед, плоды, благовонные травы, хлеб, мясо, лук, и все поставили перед ним или возле; положили сбоку оружие умершего. Привели собаку, разрезали ее на две части, и бросили оные в ладью; привели двух коней, которых гоняли кругом до поту, двух волов, изрубили их мечами и бросили мясо в ладью; принесли еще петуха с курицей, зарезали и бросили туда же.

Между тем, женщина, коей надлежало умереть, ходила с места на место и вошла в один из шатров, где лег к ней друг или родственник господина ее, и сказал: „Скажи господину своему, что ты сделала это из любви к нему…“ Это было в пятницу после обеда. Женщину подвели к чему-то, сделанному ими наподобие колодезного сруба: она стала на руки мужчин, заглянула в сруб и произнесла какие-то слова. Ее спустили с рук и снова подняли, в другой и в третий раз. Ей подали петуха: отрезав ему голову, она кинула; а его другие взяли и бросили в ладью. Я требовал объяснения. „В первый раз, отвечал мне переводчик, женщина сказала: вижу здесь отца и мать свою. В другой раз: теперь вижу всех моих умерших родственников. В третий раз: там господин мой: он сидит в раю, прекрасном, зеленом. С ним мужи и юноши. Он зовет меня: пустите меня к нему!“ Ее повели на ладью.

Она сняла с себя запястье и отдала старухе, называемой ангелом смерти; сняв кольца с ног, отдала их двум служащим женщинам, коих называют дочерями ангела смерти. После сего взнесли женщину на ладью, но не впустили в каюту. Пришли мужчины с щитами и палицами и дали ей стакан меду. Она взяла его, запела и выпила. Переводчик сказал мне: „Это в знак прощания с ее милыми“. Ей дали другой стакан: она, взяв его, запела длинную песню. Но старуха велела ей скорее выпить и войти в каюту, где лежал господин ее. Женщина была как бы поражена и не хотела идти туда, засунув голову. Старуха схватила ее за голову, втащила в каюту и сама вошла с нею. Мужчины начали бить палицами в щиты, чтобы другие женщины не слыхали ее крика и не устрашились бы также умереть некогда вместе со своими господами. После того вошли в каюту 6 мужчин… Наконец, положили женщину возле умершего господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки, а старуха, ангел смерти, надела ей петлю на шею и подала веревку двум остальным мужчинам, чтобы тянуть за оную; взяла широкой нож и, вонзив его в бок ей между ребрами, извлекла оный; а мужчины тянули за веревку, пока женщина испустила дух.

Тогда явился ближайший из родственников, нагой; взял в одну руку полено, зажег его, пошел задом к ладье, держась другою рукою?…, и зажег дерево под ладьей. Другие пришли также с пылающими отрубками и бросили их на костер. Скоро все запылало: костер, ладья, комната, тело господина и женщина, и все, бывшее в ладье. В ту же минуту подул сильный ветер, и пламя расширилось.

Подле меня стоял один русский, разговаривая с моим переводчиком. Я спросил у переводчика, что говорит ему русский! „Вот что, отвечал он: Вы, аравитяне, очень глупы: человека, который был вам милее всех, зарываете в землю, где служит он пищею червям; но мы в минуту сожигаем его, чтобы он вдруг перешел в рай“. Тут русский захохотал во все горло и сказал: „Владыка в знак любви к умершему послал ветер, чтобы он скорее обратился в пепел“.

В самом деле, менее, нежели в час, сгорела вся ладья с трупами.

На берегу, где стояла ладья, они сделали нечто подобное круглому холму, поставили в середине оного столб и написали на нем имена умершего и князя русского. После чего разошлись по домам.

Цари русские обыкновенно держат при себе, в своем замке или городе, 400 храбрейших воинов (дружину). Некоторые из них умирают с ними или жертвуют им своею жизнью. Каждый (воин)

имеет жену, которая служит ему, моет голову, готовит пищу, а другая бывает его наложницей. Эти 400 сидят у подножия престола царского, украшенного драгоценными каменьями. С царем сидят на престоле 40 женщин или наложниц. Он не стыдится ласкать их в присутствии своей дружины. Когда ему надобно ехать верхом, то лошадь подводят для него к престолу, с коего он на нее садится, а с лошади сходит также прямо на престол.

У него, царя или князя, есть наместник, который предводительствует войском, воюет с неприятелями и заступает его место для подданных.

Вот известия, слово в слово выписанные мною из сочинения сына Фодланова; за их достоверность ответствует он. Но Бог знает истину лучше всех других. Что касается до нашего времени, то русские уже христиане, как известно».

Так заключает Якут свое извлечение из книги калифского посланника, присовокупляя от себя следующие сведения о русских:

«Русь или Рось есть народ, страна которого лежит между Славян и Турок. У них собственный язык, особая религия и закон, которыми они отличаются от других народов. Считают их до ста тысяч. Они постоянно враждуют со Славянами.

Всякому новорожденному сыну отец подает меч и говорит: твое единственно то, чего добудешь мечом. Если тяжущиеся недовольны судом князя, то сей говорит им: судитесь мечом. У кого меч острее, тот и победитель».

В 941 году Игорь собрал силы для большого похода. На этот раз целью его была Греция. Многочисленные суда русские покрыли Черное море, и болгары послали весть императору, что идет русь на десяти тысячах судов на Константинополь. Но они повернули к азиатским берегам Черного моря, где еще не бывали прежде их удалые товарищи — опустошили Вифинию, Пафлагонию, Никодимию, Понт и пожгли все берега Босфорские. Неистовствам их греки не находят выражений: они распинали пленников, ставили целью и стреляли в них из луков, сажали на кол, связывали руки, вколачивали в голову железные гвозди. Множество церквей, монастырей и селений было предано пламени. Император Роман Лакапин, государь слабый, провел несколько ночей без сна, изыскивая средства защититься, в напрасном ожидании своего войска, посланного против сарацин. Наконец, снарядили греки несколько хеландий (кораблей) и пустили их в море с греческим

огнем, заменявшим в то время порох. Игорь стоял против маяка, готовый к сражению. Он был так уверен в победе, что не велел убивать греков, а брать только в плен. Но надежда его обманула. Ужасный греческий огонь, пускаемый трубами, произвел смятение и совершенное расстройство в русском ополчении. Объятые ужасом при виде своих лодок, внезапно загоравшихся, они бросались в воду, напрасно боролись с волнами и тонули. Не осталось другого спасения, кроме бегства.

Часть руси повернула было опять к Малой Азии и высадилась в Вифинии. Но войска теперь уже находились в сборе. Они встретили русь под начальством патрикия Варды Фоки и доместика Иоанна с силами, несравненно многочисленнейшими, и пришельцы были разбиты. Многие взяты в плен, остальные побежали к судам и не осмелились выходить более на берег. Голод начал одолевать их, и они, ночью снявшись с якорей, отплыли к стороне Фракии. Феофан стоял на страже: узнав об их намерении, он отрядил против них часть своих судов. Надо было сражаться, но сражение нельзя было выиграть, несмотря ни на какую храбрость. Спаслись немногие и долго рассказывали дома об ужасном своем положении во время этого трехмесячного несчастного похода: точно молния, что на небесах, была в руках у греков, и они пускали ее на нас и сожигали! И видеть такое чудо было страшно! Вот почему мы не могли одолеть их. «Бысть видети страшно чудо, яко же молонья, яже на небесех, Греци имут у собе, и сию пущающе жежаху нас; сего ради не одолехом их».

Плененная русь была отведена в Константинополь и торжественно казнена. Гугонов посол видел казнь собственными глазами и рассказывал своему пасынку, историку Лиутпранду, кремонскому епископу, который сохранил для нас это известие, вместе с прочими, в своей летописи.

Но Игорь не пал духом. Ему хотелось во что бы то ни стало загладить стыд своих поражений и отомстить грекам.

Он послал за море звать своих родичей норманнов в поход на Грецию. Там всегда находились охотники служить кому угодно, а на Константинополь, со своими, и подавно! Толпы повалили с Севера в Киев.

Три года продолжался сбор. Наконец, Игорь приготовился, нанял еще печенегов, взял у них талей (или заложников) и отправился в путь.

Корсуняне, поселенцы греческие на берегу Черного моря, известили Константинополь: «се идут Русь без числа корабль», покрыли море кораблями.

Вслед за ними прислали известие и болгары: идет русь и наняла себе печенегов.

Император не рассудил за благо вступать с русью в новую войну, несмотря на прежние победы. Политика его состояла в старании сохранять дружбу с варварами, которые со всех сторон устремлялись на слабеющую империю. Он послал первых своих бояр к Игорю сказать ему: «Не ходи на нас, но возьми дань, что брал Олег, мы придадим к ней и еще». К печенегам греки также отправили богатые дары.

Игорь был тогда на Дунае. Он созвал дружину на совет и передал им речь цареву. «Чего же лучше, отвечала дружина, не бившись, получить золото, серебро и паволоки, если так предлагает царь. Как знать, кто одолеет, мы ли, они ли. Моря никто не знает. Мы ходим не по земле, а по глубине морской. Смерть грозит всем одна».

Игорь послушался, указал печенегам идти на Болгарскую землю, а сам взял у греков золото, серебро, паволоки, на себя и на всех воинов, и возвратился в Киев.

К этому же году арабские летописцы причисляют нападение руси на знатный город Берду, за Кавказом.

Вероятно, часть ополчения, ходившего под Царьград, отряжена была в эту сторону за неимением дела в Греции, чтобы не даром остался тяжелый подъем. Только путь выбрала русь другой, не по Волге, оставившей такие прискорбные между ними воспоминания. Из Черного моря они перешли волоком через Кавказский перешеек, по предгорью, но не могли пробиться через Дербент, а сели на суда в Каспийском море, проплыли до устья Куры, поднялись вверх по Куре и явились, наконец, перед богатою столицей Аррана. Начальник гарнизона выступил против них с отрядом числом более пяти тысяч, но русь разбила их в одно мгновенье; дейлемины были переколоты, а бежавших с поля сражения преследовали до самого города, из которого с другой стороны спешили спасаться все, кто мог только достать вьючного скота. Вступив в город, русь объявила, вероятно, опасаясь прежних последствий, что жизнь обитателей будет пощажена, и сдержала свое слово.

Между тем, войска мусульманские собирались со всех сторон. Русь вышла им навстречу и вынудила разбежаться. Во время

сражения городская чернь действовала против нее и бросала камнями, несмотря на увещания. Русь, потеряв терпение, объявила, чтобы все жители выходили из города. Многие выехали, но многие еще остались. Русь предала их мечу, а девятнадцать тысяч забрала в плен, мужчин, женщин и детей. С остальных, собранных в мечеть, требовала выкупа. Одни христиане начали договариваться и согласились по двадцати драхм за голову, но многие из заключенных не хотели платить и были умерщвлены. Город был разграблен.

Мусульмане из всех соседних стран, растревоженные участью Берды, собрали новое ополчение из тридцати тысяч, но опять были разбиты.

После этой победы русь долго оставалась спокойно в Берде, совершив только один набег на Мерагу, пила, ела и прохлаждалась; но излишнее употребление плодов вызвало между ними заразительную болезнь,[3] от которой их погибло множество.

Мусульмане собрались тогда со свежими силами и осадили город. Несколько приступов русь выдержала, но, наконец, вынуждена была запереться в крепости Берды, Шегристане. Ночью она вышла из крепости, унося на плечах лучшее имущество. Достигнув берега реки Куры без всякой помехи со стороны осаждавших, которые не смели ее преследовать, она села на суда и отправилась восвояси.

Ибн Гаукал, арабский путешественник, был в Берде через четыре года после русского погрома. Город этот, говорит он, находится на почве самой плодородной и производит большую торговлю шелком, плодами и другими дарами земли. Теперь он находится не в таком цветущем состоянии, однако же все еще заключает в себе много рынков, караван-сараев и общественных бань, несмотря на все претерпенное им от Руси.

В следующем году императоры константинопольские и великий князь русский обменялись между собою посольствами и заключили договор на следующих условиях, менее выгодных для руси, чем Олеговы:

«Мы от рода Русского, послы и гости, Ивор, сол Игорев, Великого Князя Русского, и общие слы: Вуефаст Святославль, сына Игорева, Искусев Ольги Княгини, Слуд нетия (племянника) Игорева, Улеб Володиславль, Каницар Передславин, Шигберн Сфанды, жены Улебовой, Прастен Турдов, Либиар Фастов, Грим Сфирков, Прастен

[3] По всей видимости, дизентерию. *Примеч. ред.*

Акунь, нетия Игорева, Кар Тудков, Каршев, Турдов, Егриевлисков, Войков, Истр Аминдов, Прастен Бернов, Аттяг Гунарев, Шибрид Алдань, Колклеков, Стегиетонов Сфирка, Алвад Гудов, Фруд Туадов, Мутур Утин, Купец Адун, Адулб, Иггивлад, Олеб, Фрутан, Гомол, Куц, Емиг, Турбрид, Фурстен, Брун, Роалд, Свен, Стир, Алдан, Тилен, Апубкар, Вузлев, Синко Боричь, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, и от всякого Княжья, и от всех людей Русской земли.

Великий Князь наш Игорь, и бояре его, и люди все Русские, послали нас к Роману, Стефану и Константину, Великим Царям Греческим, сотворить любовь со всем боярством, и со всеми людьми Греческими, на все лета, пока солнце сияет, и весь мир стоит. Если кто из Русских окрестившихся помыслит разрушить эту любовь, то да будет наказан от Бога Вседержителя в сем веке и будущем; а не крещенные да не имеют помощи от Бога, ни от Перуна, да не защитятся щитами своими, да посекутся мечами своими, погибнут от стрел и от иного оружия своего, да будут рабами в сем веке и в будущем.

Великий Князь и бояре его да отправляют корабли в Грецию с послами и гостями, сколько угодно, как уставлено прежде. Вместо печатей золотых послы и серебряных гости, должны отныне привозить грамоту от Русских Князей с означением числа кораблей, в свидетельство, что они приходят с миром. Приходящих без грамоты Греки задерживают до известия от Князя Русского. Если руки не дадут и воспротивятся, да будут убиены, и смерть их не изыщется от Князя вашего. Если уйдут в Русь, то Князь поступай с ними, как ему любо.

Русь не может покупать паволок дороже 50 золотников. По покупке должно предъявлять их цареву мужу, для приложения печати.

Если убежит челядин из Руси или от гостей у Св. Мамы, то Русь, поймав, может взять его к себе обратно; не найдя, после клятвы по закону, взимается от Греков по две паволоки за челядина, как установлено прежде. Наши беглецы должны быть выдаваемы за два золотника вознаграждения.

За краденное возвращается вдвое, а виновный наказывается по закону Греческому или Русскому.

За Греческого пленника, приведенного Русью, платится: за юношу и девицу добрую 10 золотников, за мужа 8, за старого и

малого 5. Русин выкупается у Греков по 10 золотников, или за данную цену.

Корсунской страны Русь не должна искать. Воюя в соседстве, она может, в случае нужды, получить по просьбе помощь от Греков.

Русь должна препятствовать Черным Болгарам воевать страну Корсунскую.

Русь не должна мешать Корсунянам, ловящим рыбу в устье Днепровском. Зимовать там Русь не должна, в Белобережье, или у Св. Ейферия, но осенью должна возвращаться домой в Русь.

Грека виноватого не должно наказывать Руси, а представить, куда следует.

Если Греческому Царю понадобится помощь на супротивных, то да пишет о том к Великому Князю нашему, и он пришлет ему, сколько нужно, чтоб видели прочие страны, какую любовь имеют Греки с Русью.

(Прочие статьи о месте пребывания послов и гостей Русских в Греции, о месячине, о беглых, о побоях, остаются в прежнем виде, как были поставлены в Олеговом договоре.)

Мы написали это совещание на двух хартиях. Одна останется у царства нашего, на ней же есть крест, и где написаны наши имена, а другую, где ваши слы и гости, пусть отнесут они к Великому Князю Русскому и к людям его: да идут на роту хранить истину, как написано».

Послы греческие отправились в Киев вместе с русскими. Великий князь, призвав, спросил их: «Скажите, что велел вам царь». Они отвечали: «Царь наш рад миру, и хочет иметь любовь с князем русским. Твои слы водили его роте, и он послал нас привести также роте тебя и мужей твоих».

Игорь обещался все исполнить и на другой день, поутру, пришел со своими боярами на холм, где стоял Перун. Все они положили свое оружие, щиты и золото, и поклялись, сколько их было не крещенных, а крещеная русь присягнула в церкви Святого Илии, над ручьем, в конце улиц Казарской и Пасынчей беседы.

Игорь, утвердив мир, отпустил послов, одаренных скорою, воском и челядью, произведениями, которыми особенно была богата страна наша и торговала.

Кончину свою Игорь нашел в следующем году (943), у соседнего с Киевом племени древлян, с которых хотел он взять лишнюю дань, и вот каким образом.

Под конец жизни, будучи уже лет семидесяти, он не ходил в дань по своим волостям и препоручал это боярину Свенельду, что было невыгодно для собственной его дружины, которая и приступила к нему с жалобами: «Отроки Свенельжи разбогатели оружьем и платьем, а мы наги. Пойдем, Князь, в дань, чтоб ты добыл, и мы».

Свенельд воевал перед тем угличей, и после трехлетней осады взял город их Пересечень, за что получил от Игоря всю углицкую дань.

Игорь послушался дружины и пошел к древлянам, племени, наименее покорному. Он потребовал с них лишнее и производил насилие, равно как и мужи его. Собрав дань, на обратном пути в Киев вздумалось ему воротиться опять к древлянам, «желая больше именья». Он отпустил дружину, сказав: «Идите с данью домой, а я хочу походить еще». Древляне, услышав, что Игорь возвращается к ним опять, посоветовались с князем своим Малом и решили ему воспротивиться: «Если волк повадится в стадо, говорили они, то вынесет все, пока не убьют его. Таков и Игорь: он погубит нас всех, если мы не убьем его».

Однако же, они послали ему сказать: «Зачем ты идешь, ведь ты получил всю дань». Но Игорь их не послушал. Тогда древляне, выйдя из Коростеня (близ Овруча, в Волынской губернии), перебили всю дружину Игореву (она была очень малочисленна), а самого привязали живого к двум деревьям, нагнув их макушки, которые потом отпустили, так что старый князь киевский живой разорван был на части.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

945-972

Древляне, убив Игоря, испугались последствий. Во избежание мести, они решили звать вдову его Ольгу в супружество за князя своего Мала, «а со Святославом мы сделаем тогда, что хотим», подумали они и отправили в ладье посольство в Киев, но напрасно: мужественная княгиня русская наказала их жестоко, судя по преданию, которое сохранилось в народе о ее действиях. Когда послы пристали к Боричеву взвозу, она пригласила их к себе. «Добрые гости пожаловали, приветствовала она их, что вам угодно?» Те отвечали: «Нас прислала Деревская земля объявить тебе: мы убили твоего

мужа; муж твой был как волк, расхищая и грабя, а наши князья добры: оборонили свою землю. Выдь за нашего князя Мала». Ольга сказала: «Люба мне речь ваша, потому что мужа мне не воскресить, и я хочу почтить вас перед здешними людьми. Ступайте теперь в свою ладью; завтра я пришлю за вами, а вы говорите послам: не хотим ехать на конях, ни пеши идти, понесите нас в ладье». Между тем, Ольга велела выкопать на теремном дворе, за оградой, большую и глубокую яму. Поутру, сидя в тереме, послала она за гостями своих людей, звать их на великую честь. Те отвечали: «Не едем на конях, ни на возах, понесите нас в ладье». Киевляне понесли их в ладье, молвив: «Неволя нам; князь наш убит, а княгиня хочет идти за вашего князя!» Послы сидели и величались. Но их принесли на двор Ольгин и бросили в яму вместе с ладьей. Ольга, смотря на них, закричала им из окошка: «Добра ли честь вам?» «Лютее Игоревой смерти», стенали несчастные. Она велела засыпать их живых землей, а потом послала сказать древлянам: «Если вы в самом деле меня просите, так пришлите за мной послов знатных, чтоб я в великой чести пришла за вашего князя, а то не отпустят меня люди киевские».

Древляне собрали лучших мужей, державших их землю, и послали в Киев. Ольга велела истопить для них баню: когда они вошли, княгиня велела запереть двери и зажечь строение; все они сгорели.

Тогда послала она опять сказать древлянам: «Я уже иду к вам, готовьте меды многие в городе, где убили моего мужа, да поплачусь над гробом его и сотворю ему тризну». Древляне свезли меды многие и заварили. Ольга с небольшой дружиной пришла ко гробу Игоря, плакала по мужу своему и велела людям своим насыпать могилу высокую; когда насыпали ее, велела сотворить тризну. Древляне сели пить, а отроки Ольгины им служили, по ее приказанию. «Где наши послы, спрашивали они Ольгу, которых мы посылали за тобою?» «Идут за мной», с дружиной мужа моего, отвечала она. Когда упились древляне, Ольга велела дружине сечь их, и было перебито пять тысяч.

Княгиня возвратилась в Киев, разместив воинов по остальному населению.

Но месть ее тем не кончилась. В следующем году собрала она многочисленное войско и пошла на Деревскую землю, взяв с собою сына своего Святослава, еще ребенка. Древляне хотели защищаться. Перед выстроившимися полками, Святослав, чуть держась на коне,

метнул копье, но копье, едва пронесясь через уши коня, упало ему под ноги. «Князь начал, вскрикнули Асмуд, кормилец его, и воевода Игорев Свенельд, последуем за князем!» Дружина ударила, и древляне были разбиты, бежали и заперлись по городам. Ольга устремилась к Коростену. Жители боролись отчаянно, потому что они убили Игоря и знали, чего им следует ожидать. Целое лето стояла Ольга, и, не сумев взять города оружием, придумала взять хитростью. Она послала сказать гражданам: «До чего хотите вы досидеться? Все города ваши отдались мне под дань и делают спокойно нивы свои, а вы умрете с голода, если не предадитесь». Древляне отвечали: «Мы рады были бы даться под дань, но ты хочешь мстить за мужа своего». «Нет, отвечала Ольга, я отомстила уже обиду мужа моего, когда вы присылали послов своих в Киев, и во второй раз, и в третий, творя ему тризну. Больше мстить я не хочу, а буду довольна малою с вас данью и уйду». «Чего ты хочешь от нас, спросили древляне, мы рады давать медом и мехами». «Меда теперь у вас нет, отвечала Ольга, ни мехов; я не хочу налагать на вас дани тяжкой, как мой муж; я спрошу у вас мало, потому что вы изнемогли в осаде: дайте мне с двора по три голубя и по три воробья». Древляне были очень рады, собрали птиц и прислали Ольге с поклоном. Ольга приняла и отпустила посланных со словами: «Ну вот, вы и покорились мне и моему дитяти, идите в град свой, а я отправлюсь в Киев». Древляне возвратились в Коростен, рассказали слышанное, и все люди в городе обрадовались. А что сделала Ольга? Она раздала голубей и воробьев воинам, велела им привязать к каждой птице горящую ветку, и, лишь только смеркнется, пустить их на волю. Приказание исполнено, и выпущенные птицы полетели в гнезда свои, под стрехи, в голубятни, — и вдруг все загорелось в городе: дома, сараи, деревья; не было ни одного двора, который бы не пылал, а гасить было нельзя, потому что все дворы загорелись вдруг. Жители побежали вон из города и попали прямо в руки воинов Ольгиных, которым приказано было ловить их. Ольга взяла город, сожгла его, пленила старейшин и всех жителей: одних перебила, других продала в рабы мужам своим, а на прочих наложила тяжелую дань, две части которой шли на Киев, а одна в Вышгород, собственный ее удел.

Потом пошла Ольга по всей Деревской земле с сыном и с дружиною, устанавливая свои порядки.

На следующий год ходила она к Новгороду и определила дани по Мсте и Луге. Становища и угодья ее были известны до позднейшего

времени, как и по Днепру, и по Десне. Село ее, Ольжичи, долго сохраняло это имя. Сани ее были целы в Пскове даже во времена Нестора, то есть через 250 лет после ее смерти; Ольгина гора, Ольгин крест, Ольгины слуды, оставались там долго в памяти народной.

Исходив всю свою землю, она вернулась в Киев и жила спокойно, пребывая в любви с сыном своим.

В 955 году Ольга, пылкая, любопытная, деятельная, отправилась в Константинополь с многочисленной пышной свитой — увидеть город, получить дары, принять там святое крещение, приобщаясь вере, издавна уже известной в Киеве между ее единоплеменниками, и поразившей, видно, ее пылкое сердце.

Это случилось в царствование императора Константина Багрянородного, который сам описал для нас ее пребывание в своей столице со многими любопытными подробностями.

Сентября 9 дня, в среду, приготовлено было во дворце великолепное торжество для принятия… Ольга вошла первая, за нею следовали княжеские особы, ее родственницы, потом знатнейшие придворные госпожи, одна за другой. Великая княгиня остановилась на том месте, где обыкновенно, именем царским, логофет (канцлер) спрашивает иностранных посланников. Шествие заключали посланники русские и купцы, которые стали несколько ниже решетки.

Логофет повел княгиню в приемную палату, где император сидел на золотом троне, окруженный знатнейшими царедворцами, со всеми знаками их высокого достоинства. Поговорив немного с императором, она удалилась в ближние покои, где и села.

Роскошный обед происходил в палате Юстиниановой. Императрица сидела на высоком престоле Феофила, со снохою подле. Русская княгиня стояла в стороне до тех пор, пока прочие княжеские особы не введены были стольником. Все они поклонились императрице в землю, а гордая Ольга слегка только наклонила голову, как заметил император, и села на том месте, где стояла, за стол, за которым сидели знатнейшие придворные госпожи. Во время обеда певчие пели стихи в честь царского дома, а после представлялись разные игры.

В золотой палате происходил другой стол, к которому были приглашены все посланники русских князей, знатнейшие Ольгины служители, также и купцы русские.

После обеда гости были одарены подарками: племянник княгини

получил 30 милиарисий или сребренников (ценою около рубля), 8 знатнейших служителей по 20, двадцать послов по 12, сорок три купца по 12; воины Святославовой дружины по 5, шесть служителей при посланниках по 3, а переводчик княгини 15 милиарисий.

Когда император встал из-за стола, началось угощение сластями на осыпанных драгоценными каменьями блюдах, которыми уставлен был золотой стол в приемной палате. За него сели Константин и сын его Роман со своими детьми, царева невестка и великая княгиня Ольга. Ей подарено было еще 500 милиарисий на богатом блюде, шести родственникам по 20, а восемнадцати знатным мужам по 8.

Святое крещение приняла Ольга от патриарха Полиевкта, а восприемником от купели был сам император Константин. Имя наречено ей Елена, в память древней царицы, матери равноапостольного царя Константина.

Патриарх поучал ее в новой вере, поведал ей о церковном уставе, о молитве и посте, о милостыни, о воздержании тела. Наклонив голову, внимала она его учению, «стоявше аки губа напаяема».

Ольга прожила в Царьграде около двух месяцев. 18 декабря, в воскресенье, был опять обед во дворце за двумя столами: в золотой палате обедали русские, в присутствии императора, а в палате Св. Павла кушала великая княгиня с императрицею, царевой невесткой и детьми. Ольга получила в дар 200 милиарисий, посланники ее по 20, священник Григорий 8, шестнадцать ее родственников по 12, восемнадцать знатных мужей по 6, двадцать два посланника по 12, сорок четыре купца по 6, и два переводчика по 12 милиарисий.

Собравшись в обратный путь, Ольга пришла к патриарху, прося у него благословения: «Люди мои поганы, и сын мой также. Помолись о мне, владыко, чтоб Бог сохранил меня от всякого зла». Патриарх старался убедить ее в помощи Божией и милости и отпустил в отечество.

Император одарил ее снова и простился с нею, называя ее своей дочерью, но Ольга была недовольна константинопольским приемом, наскучившим, вероятно, множеством мелочных обрядов, которым, вольная и гордая, она должна была подчиняться при греческом дворе, или оскорбившись ничтожностью даров, полученных ею от императора.

Еще в 12 столетии показывали в Константинополе русским паломникам Ольгино золотое блюдо, оставленное ею в дар одной из местных церквей.

Греческое путешествие облеклось тотчас на Руси баснословными вымыслами и подало повод ко многим рассказам, свидетельствующим о том высоком мнении, какое имел народ об уме своей княгини. Говорили, что император, увидев ее, прельстился ее красотою и достоинствами и хотел на ней жениться.[4] «Крести меня, требовала Ольга, а если ты не хочешь крестить, то я не крещусь». Царь исполнил ее желание, и когда хотел приступить к своему, то она возразила: «Как можешь ты жениться на мне, после того как сам крестил меня и нарек своей дочерью!» «Переклюкала меня еси Ольга (т. е. перехитрила)», должен был он сознаться удивленный и оставил ее в покое.

Вскоре по возвращении Ольги в Киев, Константин прислал к ней посольство с напоминанием о ее обещании доставить ему воинов на помощь, челядь, воск и скору,[5] в знак благодарности за его дары. «Скажите ему, отвечала Ольга, если он постоит у меня столько в Почайне, сколько я стояла у него в гавани, тогда я пришлю ему, что обещала».

Великая княгиня Ольга, приняв к сердцу новое учение, обещавшее ей вечные радости, пожелала, разумеется, больше всего сделать участником их своего милого, единственного сына, и начала тотчас убеждать его, чтобы он принял святое крещение, но Святослав не хотел ее и слушать. И в самом деле, ему ли, пылкому юноше, воспитанному в бранных норманнских обычаях, могли понравиться святые истины веры Христовой: он уже отведал жизни и ее сладостей, душа и тело его жаждали тревог и деятельности, он мечтал только о кровавых сечах и пирах за столом Одиновым, в чертогах Валгаллы, где ожидают храбрых прекрасные девы. Закон мира, терпения, воздержания, был противен Святославу так же, как и буйным его товарищам, которые видели в нем осуждение всего, чем мила и дорога им была жизнь, и потому презирали всегда тех, кто оставлял веру отцов своих. Напрасно твердила ему Ольга: «Сын мой, я познала Бога и радуюсь; и ты будешь радоваться, если познаешь Бога». «Дружина будет смеяться надо мною, прерывал ее нетерпеливый Святослав, как мне принять закон одному?» «Все окрестятся, лишь бы ты начал», возражала с неудовольствием Ольга,

---

[4] Если учесть, что Ольга была приведена Игорю от Пьскова в 903 году, а посольство в Царьград состоялось в 955, то княгине на момент сватовства императора должно было быть не менее 60 лет. *Примеч. ред.*

[5] Скора — пушнина. *Примеч. ред.*

но юноша отворачивался от нее с досадой, сердился и продолжал творить «норовы поганские», для него любезные.

Тяжело было матери, горячо любившей сына, видеть, как мало он обращал внимания на ее увещания и просьбы; страшно было ей думать, что ожидает его в будущем свете, теперь перед ее глазами открывшемся, за такое слепое упорство; но делать было нечего. Затаив грусть в сердце, она умолкала, печальная, и возлагала всю надежду на Бога: «Если Бог хочет помиловать род мой и землю Русскую, то возложит им на сердце обратиться к нему, как возложил и мне», так думала Ольга, и молилась за сына «по вся дни и нощи», говорит летописец, «кормящи сына до мужества его и до возраста его».

А он, возросший и возмужавший, позабыл вовсе о ее наставлениях: он думал только о битвах и тотчас начал «собирать вои многи и храбры, легко ходя, аки пардуст», посылая сказать племенам, на кого собирался: «Хочу на вас ити».

Стан его не походил на прежние: обоза за ним не следовало, шатров не имел он никогда, а спал на голой земле, положив под себя войлок, с седлом в головах. Котлов с ним не бывало, и мясо не варилось: на углях пек он, что ему попадалось — конину, зверину или говядину, и ел «потонку изрезав». Так жил он, так жили и все его воины.

С какой же страны начать ему свои бранные поиски? Куда идти? В знакомые места, где уже воевали его удалые соотечественники, ему не хотелось: что взять на севере? Трудно ли справляться со смирными славянскими племенами на западе! На юг, под Царьград, дорога была слишком известна. И Святослав решил идти на восток, к Волге, туда, где так ужасно погибли Игоревы дружины, и где тлевшие кости их давно призывали себе мстителей.

По степям, по рекам, через дремучие леса, путями непроходимыми, пришел он из Киева, наконец, на Оку; там жило суровое племя вятичей. «Кому дань даете?» спросил Святослав. «Даем по шлягу от рала хозарам», отвечали они. Русский князь обложил их своею данью и пошел далее.

Сначала плыл он Окою, из Оки переправился в Волгу, спустился вниз по этой широкой реке, и увидел, наконец, за нынешней Казанью, богатый город Булгар, производивший издревле обширную торговлю с арабами, хозарами, весью, пермью и самою русью, и бывший складочным местом товаров Востока и Севера.

Чего желать лучше молодому князю? Можно ли ему упустить из рук такую привлекательную добычу? Святослав напал на Булгар с удалой своей дружиной, взял, ограбил и разорил так, что этот знаменитый город долго не мог подняться и достичь прежней степени величия.

Поплыв ниже, Святослав покорил буртасов, страна которых простиралась от левого берега Волги далеко в глубь Азии.

За буртасами встретилось с ним войско козарское, вышедшее с самим каганом защищать пределы своей земли. Но могло ли оно остановить поток гордого победителя! Произошло сражение, и хозары были разбиты наголову, дорого заплатив за истребление руси в 913 году.

Уничтожив войско, Святослав уже не находит более никаких препятствий. Несчастные жители бросались с дороги, искали себе спасения в соседних странах, надеясь после первого погрома заключить договор с русью и опять поселиться на своей родине в их подданстве. Святослав благополучно достиг устья Волги, где процветал издавна по обеим берегам ее знаменитый Итиль, еще более богатый, чем Булгар, столица хозарских каганов, славная на всем Востоке, долговременное пребывание народа образованного, и сборное место многих азиатских торговцев. Город был уже пуст. Жители разбежались; одни на ближнем острове готовились к обороне, другие удалились на остров Дербентский и со страхом ожидали решения своей участи. Святослав взял город и нашел здесь еще более добычи, чем в Булгаре; воины его разграбили и опустошили все.

И вот перед ними необозримое Хвалынское море. Могли ли внуки норманнов преодолеть искушение разгуляться по широкому его раздолью, поиграть с его ветрами и волнами, поспорить с бурями, и, наконец, посмотреть тех плодоносных берегов, где уже были их отцы и так легко разнесли славу ужасного русского имени!

Русь пустилась по Каспийскому морю, и дня через четыре или пять высадилась уже на берегах Дагестана. Там красовался Семендер (между Итилем и Дербентом, близ Тарху), со своими мечетями, синагогами, церквями, окруженный садами и виноградниками, в которых считалось до сорока тысяч лоз. Он разделил участь Булгара и Итиля.

Святослав у подножия Кавказа! Он победил здесь ясов, обитавших в пределах Грузии, и касогов, соседних с Азовским

морем. Тогда же, вероятно, был занят русью и остров Тамань, образуемый двумя устьями Кубани.

Здесь, в виду любезного руси Черного моря, на крепком острове, по любимому обычаю норманнов, мог он отдохнуть после долгих утомительных походов и сохранить без опасности добычу, которой был обременен; после, он, кажется, и оставил здесь несколько воинов, чтобы удержать за собою это важное место, при двух морях, ключ к странам Кавказским, с которыми теперь он только что познакомился, — основание княжества Тмутораканского, на развалинах Таматархи или Фанагории, принадлежавшей древнему Боспорскому царству.

Отсюда Святослав мог идти вверх по Дону; он взял хозарскую крепость на берегах этой реки, верстах в семидесяти от устья, Саркел или Белую Вежу, построенную для хозаров греческими мастерами от набегов печенежских, перед тем лет за сто; поднимаясь еще выше, напал на вятичей, обложил их данью и вернулся в Киев по старой дороге, которой вышел оттуда.

Три года продолжались бранные набеги молодого князя. Слава о его подвигах пронеслась повсюду. Обитатели Джордшана, еще полные страха, рассказывали Ибн Гаукалу, арабскому путешественнику, около 969 года, о губительном нападении руси, которое осталось надолго в памяти приморских Каспийских областей и попало во все современные летописи.

Страны, прилежащие к Черному и Азовскому морю, также с трепетом услышали новое имя, грозившее затмить все прежние. Калокир, сын херсонского начальника, известил о нем, вероятно, императора Никифора Фоку, и получил поручение пригласить могучего русского витязя на помощь империи.

Не успел отдохнуть Святослав в Киеве, как явилось к нему это посольство. Греки просили Святослава наказать болгар, навлекших на себя гнев Никифора, за то ли, что они не мешали уграм переправляться через Дунай и тревожить пределы империи, или за то, что требовали от него дани.

Святослава зовут на войну! Он ли откажется? Какой пир для него веселее войны? А греки предлагают ему еще тридцать пудов золота, кроме будущей добычи.

С восторгом услышал он предложение, думал не долго и кликнул клич по всей стране своей, возбуждая особенно молодежь, которая, только что наслышавшись о блистательных его подвигах на Оке,

Волге, Каспийском море, Кавказе, рвалась и без того делить с ним труды, опасности, добычу и славу.

Собралось многочисленное войско, до шестидесяти тысяч человек, по свидетельству греков, и легкие ладьи понеслись по знакомому Днепровскому пути, объявились скоро на Черном море и вошли в устье Дуная.

Встревоженные болгары, собрав, что могли, силой хотели воспрепятствовать высадке. Напрасно. Удалые варяги быстро выскочили из своих судов, подняли перед собою длинные щиты, обнажили мечи и начали рубить наповал во все стороны. Болгары не выдержали стремительного удара, смешались, бежали и вынуждены были запереться в Доростоле (что ныне Силистрия). Царь их Петр тут же умер, пораженный от горести внезапным ударом. Святослав пустился по Дунаю, взял семьдесят городов и обосновался в Переяславце.

Тогда-то хитрый грек, который находился беспрестанно при нем, вкрался ему в душу и стал почти братом, сообщил ему тайные свои намерения, внушенные, вероятно, его же доблестью, которой, на его глазах, ничто не могло противиться. Калокир хотел овладеть византийским престолом, переходившим тогда из рук в руки, и за помощь Святослава обещал оставить ему навсегда Болгарию, а дань платить больше прежней.

Искатель приключений, с пылким воображением, Святослав рад был случаю пуститься на новые опасности, помериться с другими сильнейшими противниками и получить в свои руки распоряжение престолом империи. Условие заключено.

Весть о нем должна была скоро дойти до Константинополя: император поздно увидел свою ошибку, пригласив такого помощника, который стал стократ опаснее врага.

Надо было принимать скорые меры. Ожидая к себе под стены с часу на час двух молодых честолюбцев, связанных узами дружбы и выгод, он начал снаряжать пешее войско, вооружал сотни, ставил в строй конную фалангу, одевал всадников в железные латы, готовил метательные орудия и расставлял их на городских стенах. К башне Кентинарии он велел прикрепить тяжелую железную цепь, и по высоким столбам протянуть ее через Боспор до Галатской крепости на азиатском берегу. Сколько мер, забот, трудов и приготовлений! Такой страх возбуждало в столице империи одно имя нашего Святослава!

Никифор решился также примириться и с прежними своими противниками, болгарами, на которых сам вызывал Святослава, надеясь теперь, их посредством, затруднить сколько-нибудь его и Калокировы действия. Он послал к ним доверенных людей предложить мир, напомнить об единоверии и просить даже княжон в замужество сынам Романа, ближайшего наследника империи. Ничто не казалось ему дорогим и невозможным в сравнении с грозившей опасностью!

Болгары, со своей стороны, рады были примириться и обещали помощь, лишь бы император отвратил секиру, висевшую над их головами. Секира была отвращена, хоть только на время, но вследствие домашних обстоятельств Святославовых.

Печенеги видели, как он мимо них прошел по Днепру со всеми своими воинами. Хищные, они вознамерились воспользоваться его отсутствием и ограбить его богатую столицу; остановить их было некому, оборонительных мер не принято нигде, по крайней мере, достаточных: можно ли было думать, чтобы кто-нибудь осмелился потревожить стольный город русских, которые уже сто лет бесспорно властвовали во всех этих странах. Печенеги подошли, наконец, под самый Киев, где великая княгиня Ольга вынуждена была запереться с молодыми своими внучатами. Неприятель обступил город со всех сторон. Не было ни входа, ни выхода. Несколько воинов собрались было в лодках, из-за Днепра, и остановились у другого берега, но не могли ничего предпринять в пользу осажденных. Киевляне долго томились в осаде; голод и жажда уже начали грозить им гибелью, и они решились сдаться, если еще день не получат помощи. Один смелый отрок взялся сообщить это решение заднепровской дружине и счастливо выполнил опасное поручение, пройдя неприятельский стан с вопросом на печенежском языке о своем пропавшем коне. Печенеги поздно увидели ошибку, когда он поплыл по Днепру; пущенные стрелы его не достали.

«Надо спасать княгиню и княжичей во что бы то ни стало, сказал воевода Претич, услышав о намерении киевлян, а не то Святослав нас не простит. Переправимся в лодках, достанем их как-нибудь из города и умчим на нашу сторону».

Поутру, до рассвета, переплыли они Днепр, стремительно бросились на гору, закричали, затрубили в трубы. Печенеги в недоумении дали им путь, киевляне откликнулись. Ольга с внуками и людьми вышла навстречу своим избавителям и благополучно

достигла ладей.

Князь печенежский вступил в переговоры с Претичем, который обманул его, выдав себя за предводителя передовой княжеской дружины. Они заключили мир, подали друг другу руки и обменялись оружием. Печенег дал Претичу коня, саблю и стрелы. Претич ему броню, щит и меч. Печенеги отступили. Так рассказывает летописец, разумеется, по слышанной саге.

Киевляне, избавившись от угрожавшей им опасности, послали тотчас гонца к Святославу звать его домой: «Ты ищешь, князь, и блюдешь чужую землю, а о своей не думаешь; нас едва не взяли печенеги с матерью и детьми твоими. Если не воротишься и не оборонишь нас, так они придут опять. Или тебе не жаль ни отчины своей, ни матери, на старости ее лет, ни детей своих?»

«То слышав Святослав, говорит летописец, вборзе вседе на коне с дружиною своею, и приде Киеву, целова матерь свою и дети своя».

Раздраженный, он не мог оставить печенегов без наказания, собрал войско и прогнал дерзких хищников далеко в поле. Но недолго прожил он в отечестве: соскучился по любезной своей Болгарии. «Нет, сказал он матери и боярам, не любо мне жить в Киеве; я хочу жить в Переяславце на Дунае, там середина земли моей; туда все блага сходятся: от греков золото, паволоки, вина, овощи; от чехов и угор серебро и кони; из руси меха, мед, воск, челядь».

Ольга была уже очень слаба и больна. «Ты видишь, какова я, возражала она своему беспокойному сыну, как же ты хочешь оставить меня? Погреби меня, а после иди, куда тебе угодно».

В самом деле, она скончалась через три дня, и плакал по ней сын ее, и внуки, и люди все плачем великим. Священник, бывший при ней, похоронил ее, а тризну над собою отправить она запретила.

«Ольга, говорит летописец, предшествовала в нашей земле, как утренняя звезда солнцу, как заря свету, и сияла, как луна в ночи. Она была началом примирению; она первая вошла в Царство Небесное из Руси и молит Бога по смерти за Русь. Ее должны славить русские сыновья, как свою начальницу. Воззовем же к ней: Радуйся, Русское познанье к Богу!»

В следующем году Святослав решил исполнить свое заветное желание, и вместо себя посадил старшего сына Ярополка в Киеве, а второго, Олега, в земле Древлянской.

Тогда же пришли к нему новгородцы просить себе князя. «Если

вы не пойдете к нам, говорили они, то мы найдем себе князя и в другом месте». «Но кто к вам пойдет?» отвечал Святослав. Ярополк и Олег отказались; тогда Добрыня научил их просить Владимира, племянника его, от сестры Малуши, ключницы Ольгиной. Новгородцы сказали: «Дай нам Владимира». «Пожалуй, возьмите его», отвечал Святослав, и новгородцы повели к себе Владимира, вместе с Добрынею.

Устроив так дела, Святослав оставил нашу землю на произвол обстоятельств, думая основать новое государство в Болгарии на Дунае, но судьба того еще не хотела.

Болгары, ободренные союзом с греками, решили не пускать его к себе. Воины, оставленные им, были истреблены, вероятно, во время его отсутствия. Надо было вновь покорять всю страну, как будто бы она и не была покорена прежде. Но Святослава ли удержат препятствия? Он устремился на приступ к Переяславцу. Собравшись со всеми своими силами, болгары вышли к нему навстречу из города. Началась ужаснейшая сеча, и победа склонялась уже на сторону неприятелей. «Братья и дружина, воскликнул Святослав, пасть приходится нам здесь, ударим мужески». Сеча возобновилась с новым ожесточением, и к вечеру одолел Святослав, взял город копьем и пленил там двух сыновей покойного царя. Потом прошел он огнем и мечом по всей Болгарии, мстя за неожиданную, враждебную встречу. Говорили, что он в Филиппополе пересажал на кол несколько тысяч человек, и таким образом посеял всюду страх и ужас, заставил всех покориться себе снова.

Между тем, в Византии произошла новая перемена. Иоанн Цимисхий, знаменитый полководец греческий, свойственник царский, умертвил несчастного Никифора, в заговоре с его супругой, и взошел на окровавленный престол. Столь же деятельный, благоразумный, и еще более, может быть, храбрый, нежели его предшественник, он разделял его мнение, сколь опасно для Греции соседство Святослава, но на первое время у него было слишком много забот. Голод в империи, нападение аравитян на Антиохию, заговоры родственников Никифора, связывали ему руки. Со Святославом он желал обойтись пока без войны: отправил к нему посольство вручить богатые дары и объявить, чтобы он, исполнив желание императора Никифора и получив награду, оставил Болгарию, принадлежащую империи, и возвращался благополучно в свое отечество.

«Выкупите у меня прежде все взятые мною города, отвечал Святослав, окрыленный победами и завоеваниями, выкупите ваших пленников, заплатите золотом за Болгарию, и я оставлю ее, а если не хотите, то нет вам мира».

Греки напоминали ему судьбу отца его, Игоря, который за нарушение договора был разбит на Черном море, так что вместо десяти тысяч судов, с которыми пришел, должен был уйти только на десяти, с известием о собственном поражении, и, наконец, погиб ужасной смертью от древлян в наказание за свою алчность. «Такая же участь грозит и тебе, сказали они в заключение, если все греческое войско двинется против тебя из Константинополя».

«Мы сами придем к вам прежде вашего, отвечал Святослав, раскинем шатры свои пред вратами вашей столицы, обнесем город крепким валом, — и тогда выходите на битву. Мы покажем, что мы не малые дети, которых можно напугать угрозами, и увидим, кому достанется победа».

И немедленно, умножив свое войско болгарами и уграми, Святослав двинулся вперед и перешел Балканские горы. Отряды его рассыпались повсюду и опустошили Македонию, Фракию, до Адрианополя, хотя некоторые иногда и терпели поражение.

Цимисхий, желавший переговорами только выиграть время, встретил здесь Святослава с многочисленным, в несколько раз большим войском. Русское войско изумились такому неожиданному множеству неприятелей и устрашилось. Святослав сказал: «Нам некуда деться! Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамим земли Русской и ляжем здесь костьми. Мертвым срама нет, а если побежим, то не спасемся, а срам примем. Станем же крепко. Я пойду впереди! Если голова моя упадет, то промышляйте о себе». Воины воскликнули в ответ: «Где твоя голова упадет, там и наши», и бросились все на неприятеля с отчаянной решимостью. Произошла ужаснейшая битва, длилась она долго, и Святослав победил. Греки бежали.

Упоенный победой, он пошел вперед «воюя и грады разбивая», и уже «за малом бе не дошел Царягорода».

Цимисхий не мог противиться более: ему надо было, во что бы то ни стало, не допускать Святослава до столицы. Он просил мира, осыпал его дарами, соглашался на все его требования, давал дань на все войско. Святослав со своей стороны мог также желать скорого мира, потому что потери его были значительны, и у него уже

недоставало сил для продолжения своих завоеваний, покорения или удержания столицы. Он принял предложение. «Сколько у тебя воинов, спросили греки, на которых мы должны принести дань?» «Двадцать тысяч», отвечал Святослав, хотя у него было только десять: «и прирече десять тысящ». Сверх того взял он дань и на убитых, в пользу их родственников, и, обольщенный, усыпленный врагами, возвратился в Переяславец «с похвалою великою», в полном убеждении, что от греков опасаться ему нечего.

Но Цимисхий и не думал мириться со Святославом. В плодовитом уме своем он уже решил гибель русского князя, который слишком понадеялся на свою храбрость и на свое счастье, не оставлявшее его доселе, ослепился успехами и предался неосторожности, свойственной его племени.

Лишь только удалился Святослав, как император начал готовиться к новому решительному походу. Всю зиму с величайшей деятельностью продолжались приготовления. Он призвал все греческие войска, бывшие в Азии, снарядил флот, собрал множество запасов, и, с наступлением весны, при первой возможности отправил триста судов в устье Дуная, для содействия сухопутному войску, которое немедленно двинулось к Балканским теснинам, оставленным неосторожным Святославом без всякой охраны. Полководцы Цимисхия боялись этого пути, на котором погибло столько войск греческих, среди войн их с болгарами. Но Цимисхий, узнавший через лазутчиков о малочисленности дружины Святослава, настоял на своем намерении; он опасался, чтобы русские, узнав о его походе, не заняли выгодных ущелий, и искал успеха в скорости.

Греки прошли Балканы без всякого препятствия и внезапно появились у Переяславца. Русь упражнялась перед городом в воинских движениях. Хоть и изумленные таким нечаянным нападением, но схватились они за оружие и бросились на греков. Из города подана им была помощь, и победа долго склонялась на ту или другую сторону, пока Цимисхий не пустил на них свою отборную конницу, состоявшую из так называемых бессмертных латников, и привел их в совершенное замешательство, тем более, что они, сражаясь всегда пешими, не привыкли к действиям с конницей. Они должны были отступить и запереться в городе. Калокир, бывший в Переяславце, бежал ночью к Святославу, стоявшему в Силистрии, известить его о новой войне.

На другой день неутомимый император атаковал снова. Русь

ожидала его на стенах. Всеми силами старались они защититься: бросали копья, стрелы, камни. Греки, ободряемые примерами храброго своего вождя, успели, наконец, приставить лестницы, взобрались на стены и принялись колоть русских, которые принуждены были искать спасения на царском дворе, обнесенном оградой, где обыкновенно хранилась казна, но не успели затворить одних ворот. Греки вбежали за ними. Произошла новая битва, и враги были, наконец, отражены со значительной потерей. Цимисхий велел зажечь здание. Когда пламя распространилось повсюду, и держаться не оставалось возможности, русские выскочили, выстроились на открытом месте и хотели еще сражаться… Они все были переколоты, кроме предводителя своего, храброго Свенельда, который спасся с немногими товарищами к Святославу.

Цимисхий, не давая опомниться, пошел вперед.

Тяжело было Святославу думать о взятии Переяславца, а за ним и других болгарских городов, сдававшихся грекам, но он не думал смиряться, он надеялся еще раз победить греков и вышел навстречу Цимисхию. А в наказание измены болгар, он собрал до трехсот лучших граждан и приказал отрубить им головы: многие, скованные, были заключены в темницы.

Уже недалеко от Силистрии сошлись соперники, и началось сражение. Русь дралась отчаянно. Как бешеные бросались они на греков, но греки не уступали. Победа долго оставалась нерешенной, пока, наконец, стремительный удар конницы не решил дела опять, и русь возвратилась в город.

Всю ночь слышен был стон в Силистрии: русские оплакивали своих товарищей, павших в бою, и дикие вопли их разносились далеко по окрестностям, как слышали греки, и свидетельствуют очевидцы между их летописцами.

Цимисхий расположил стан поблизости, укрепившись рвом и валом. На другой день повел он свое войско на крепость. Русские отразили приступ, еще более, к вечеру они сделали вылазку на конях, но, не умея управляться с ними в сражении, были опрокинуты, и возвратились в город без значительного успеха.

Между тем, на Дунае показались огненные греческие суда, о которых на Руси хранилось такое страшное предание. В страхе потерять свои утлые челны порознь, русские тотчас собрали их вместе и поставили в ряд под стеной, омываемой Дунаем. Несколько раз пытались они делать вылазки, иногда уступали, но не показывали

никакой робости и не щадили никаких трудов, оставаясь иногда по целым дням и ночам на поле сражения. Даже женщины, так называемые щитоносицы у норманнов, сражались в их рядах, столь же храбро как и мужчины, и тела их часто находимы были между убитыми. В плен русские никогда не сдавались, и в минуту опасности поражали себя сами мечом, избегая рабства на том свете, ибо, по их мнению, всякий пленник должен там служить своему господину.

Однажды удалось им убить у греков одного знаменитого вождя, которого они, по блистательным доспехам, сочли было за самого императора. Возвратясь в крепость, они вонзили отрубленную голову на копье и выставили на башне, смеясь над греками. Больше всего хотелось им истребить стенобитные орудия, причинявшие им много вреда, но тщетно: греки мужественно их охраняли.

Около двух месяцев продолжалась осада. Утомленный Святослав окопался рвом и заперся, наконец, совершенно в городе. Вылазки прекратились. Император, не сумев справиться с русью в открытом бою, несмотря на превосходство сил, решился смирить их голодом. С этой целью велел он перекопать все пути, ведущие к Силистрии, расставил везде стражу, строго приказал судам наблюдать за сообщениями и не пускать никого ни в город, ни из города, за запасами, и расположился жить покойно в своем стане.

Эти меры скоро оказали свое действие. Войско Святослава терпело крайний недостаток во всяком продовольствии, между тем как греческое жило в изобилии. Никак нельзя было выйти из города, и всякое сообщение прервалось.

Только однажды, в глухую, темную ночь, во время страшной бури с дождем и громом, удалось Святославу выслать на ладьях две тысячи воинов для собрания припасов в окрестностях; они вернулись с богатой добычей, успев даже разбить один греческий отряд.

Император пригрозил смертью корабельным начальникам, если они опять пропустят русь, и те еще более умножили свою бдительность.

Собранные припасы истощились, а достать вновь уже не было никакой возможности. 20 июня русские решились на вылазку под предводительством Икмора, воина, славного между ними своей храбростью. Стремительно напав, они начали было теснить греков, как вдруг один из телохранителей императорских, по имени Анемас, успел подскочить к нему на горячем коне своем и нанес столь сильный удар в левое плечо, что голова его вместе с правой рукой

отлетела и покатилась на землю. Все поле огласилось громом, — греки воскликнули, торжествуя победу, а русские, увидя падение Икмора, испустили от горести ужасный крик, не могли более сражаться и, закинув щиты за спину, поспешно оставили битву.

Как только наступила ночь, и полный месяц появился на небе, они вышли в поле, собрали все трупы убитых на стене и сожгли на разложенных кострах, заколов над ними множество пленников и женщин. Принеся эту кровавую жертву, они погрузили в струи Дуная несколько младенцев и петухов и потом задушили.

Осажденные были доведены, наконец, до крайности. Святослав созвал совет и спросил мнения дружины, что должно делать в таких обстоятельствах. Одни говорили, что должно, выбрав какую-нибудь темную ночь, тихо сесть на суда и спасаться бегством. Другие желали испытать мирные переговоры с греками, ибо уплыть на виду сторожевых судов казалось невозможным.

«Сразимся в последний раз», заключил Святослав.

На другой день, перед заходом солнца, русские вышли из города. Построившись плотной стеной, неся пред собою копья, двинулись они на неприятеля, который ожидал их, также в боевом порядке. Как лютые звери напали они на греков, кололи копьями, поражали стрелами и сбивали всадников на землю. Святослав был везде впереди. С яростью бросался он на греков и ободрял полки свои. Анемас, поразивший накануне Икмора, осмелился напасть и на самого Святослава. Завидя его издали, он понесся прямо к нему, ударил в ключевую кость и поверг ниц на землю. Только кольчужная броня и щит спасли его от смерти. Русские, увидев своего князя в опасности, поспешили со всех сторон к нему на помощь, другие обратились к дерзкому греку… конь его убит, и сам он тотчас пал, пронзенный копьями и стрелами. Русские, ободренные его падением, начали напирать с большим ожесточением, и греки должны были отступить. Насилу удержал их сам Цимисхий, не уступавший своему сопернику в мужестве. К несчастью руси, поднялась ужасная буря с ветром, дувшим им прямо в лицо. От пыли слипались у них глаза. Явилась страшная греческая конница. Русь побежала. Сам Святослав, весь израненный и истекающий кровью, не остался бы жив, если бы наступившая темнота не развела сражавшихся.

Всю ночь стенал Святослав о поражении своей храброй рати, скорбел, предавался гневу. Мало оставалось у него воинов; множество погибло в сражениях. Он увидел, что греки могут

погубить его с остальными, и решился… Святослав решился просить мира.

Цимисхий, со своей стороны, рад был кончить войну, которая, несмотря на победы, стоила ему дорого, а силы и время все еще были ему нужны для других дел, не менее важных. Он принял предложение Святослава, налагая на него обязательства: не помышлять никогда на царство Греческое, не собирать воинов, не подсылать соглядатаев, не наводить других врагов, ни на страну Греческую, ни на страны, ей подвластные, страну Корсунскую и города ее, и страну Болгарскую. Если другой какой неприятель явится против греков, то русский князь обязан помогать им.

Как ни тягостны были условия, но Святослав должен был согласиться на все и объявил о том дружине. «Нас мало, а Русская земля далече, печенеги нам враги; помочь нам некому. Заключим мир с царем; если же он не будет вперед давать дани, так мы, набрав воинов на Руси, придем опять под Царьгород».

Люба была эта речь дружине, изнуренной битвами и трудами. Немедленно лучшие мужи отправились в стан греческого царя, и там, от имени своего князя, обещались исполнить все требования царские, которые и были торжественно записаны: если мы не исполним этих условий — князь и все, иже с ним и под ним, да будем прокляты от Бога, в которого веруем, и от Волоса, скотья бога, станем желты, как золото, и иссечемся собственным своим оружием. Так было сказано в заключении договора.

Император велел отпустить хлеба для русских воинов, томившихся от голода, на каждого по две меры.

Святославу захотелось еще раз увидеть своего врага, который остановил его на пути побед, заставил испытать много нужды и горя, и, наконец, уступить… Император Цимисхий согласился, и в позолоченных доспехах вышел на берег Дуная, сопровождаемый многочисленным отрядом всадников, в блестящем вооружении. Святослав приплыл к нему по реке в простой лодке, гребя веслом наравне с прочими гребцами.

Греки описали нам наружность своего страшного врага: роста он был среднего, собою строен, с голубыми глазами, носом плоским, бороду он брил, усы лежали на верхней губе длинными прядями. Голова у него была почти голая, и только на одной стороне висел пук волос, означавший благородство. Шея толстая, плечи широкие. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя

жемчужинами, с рубином посередине. Одежда на нем была белая и почти не отличалась от других, кроме чистоты. Сидя на лавке в ладье, мрачный и угрюмый, говорил он с императором. Свидание продолжалось недолго, и они расстались.

Немедля выдал Святослав грекам пленных, очистил Силистрию и отправился с печалью в сердце на родину, которую хотел было оставить навсегда, — и Русское царство на берегах Дуная не основалось: зерно его понеслось назад, к северу, в родимую почву.

Опытный Свенельд советовал князю возвращаться сухим путем. Святослав не послушался, пустился в ладьях по Днепру, а печенеги уже дожидались его у порогов, предупрежденные болгарами или самими греками о его возвращении с богатой добычей и малой дружиной. Святославу нельзя было пробиваться, и он возвратился зимовать в Белобережье, терпя со своими воинами во всем великую нужду, так что голова конская стоила у них полфунта серебра.

Весной пустился он опять по Днепру, желая достичь поскорее Киева, приплыл благополучно к порогам… врагов нигде не встречалось, опасностей, кажется, не грозило никаких, ничего не было слышно… С надеждой вошел он в пороги… но печенеги вскоре его встретили. Князь их Куря напал на малочисленную дружину, разбил ее, — и сам Святослав погиб. Там, в порогах, где быстрый Днепр могучей волною бьет в каменные гряды Карпатских гор, преграждающие ему путь, и потом низвергается с них в глубокое свое русло шумными водопадами, — там, среди необозримых степей по обе стороны реки, сложил свою буйную голову, во цвете лет, удалой наш Святослав, самый бранный из всех бранных князей древности, не понимавший, что такое опасность, не знавший, что такое страх, приведший в трепет все окружные земли. Печенеги взяли его голову, оковали череп и сделали чашу, из которой после пили, поминая храброго врага. Верные бояре и отроки, оставшиеся в живых после греческих поражений, пали все кругом любимого вождя. Один старый Свенельд пришел в Киев с немногими воинами — известить осиротелую Русь о несчастной смерти ее славного князя, погибели всего войска и потери завоеванной Болгарии.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК

972-980

Трое молодых сыновей Святослава правили на Руси. Старший, Ярополк, принявший теперь достоинство великого князя, в Киеве; второй, Олег, у древлян; младший, Владимир, в Новгороде. Мудрено им было не поссориться, когда страсти кипели в груди у всех одинаково, руки порывались на битву, все хотели повелевать, и никто не думал повиноваться. И потому мирно между собою прожили они только четыре года.

Война началась между старшими вот по какому случаю: сын Свенельдов, Лют, «гна по звери в лесу», был убит Олегом древлянским, который также «ловы дея». Отец озлобился на убийцу и с тех пор беспрестанно приставал к своему князю: «Поди на брата и возьми волость его».

И Ярополк пошел на него через два года. Сражение случилось под Овручем, первое междоусобное на Руси (976). Олег был разбит и принужден бежать.

Победитель вслед за ним вошел в город и послал искать брата, но его никак не могли найти, пока один древлянин не сказал, что видел накануне, как он, теснимый толпой на мосту, упал в гроблю (ров). Начали вытаскивать трупы из гробли, и уже около полудня нашли тело Олегово, принесли к Ярополку и положили на разостланном ковре. Ярополк, увидев его, заплакал и сказал Свенельду: «Ну, вот чего ты хотел!» Олега погребли за городом, и насыпали над ним могилу, которая была цела еще в Несторово время.

Владимир, третий брат, услышав о его смерти, испугался и бежал за море, к верному пристанищу у единокровных норманнов, а Ярополк прислал своих посадников в Новгород, «и бе един володея в Руси».

Долго жил Владимир у норманнов, собирая себе вспомогательную рать, и уже на четвертый год возвратился в Русь, сопровождаемый полками. Он выслал посадников Ярополковых из Новгорода и велел им сказать своему государю: «Владимир идет на тебя, выходи биться». Прежде, однако же, он пошел на Рогвольда, владевшего в Полоцке, чья дочь оскорбила его отказом выйти за него замуж. Этот Рогвольд, норманнский конунг, пришел из-за моря Двиною в Полоцк и там водворился (а товарищ его Тур поселился у дреговичей, в городе, который прозвался по нему Туровым, а жители туровцами). Добрыня, дядя Владимира, посылал к нему отроков просить его дочери в супружество за своего племянника. Гордая норманнка отвечала: «Не хочу разуть робичича (сына рабыни); я хочу

Ярополка». Посланные принесли в Новгород этот унизительный ответ; Владимир, и еще более Добрыня, воспылали гневом. С готовыми воинами пошли они теперь в Полоцк, в то время как Рогнеду хотели уже вести за Ярополка, — Рогвольд был побежден и пленен вместе с женой, сыновьями и дочерью.

«Робичица», закричал ей, ругаясь, Добрыня, как увидел ее, и велел Владимиру быть с нею перед отцом и матерью. Отца, мать и братьев Владимир потом убил, а ее взял женой, и была она прозвана Гориславою.

Из Полоцка Владимир пошел к Киеву. Брат не мог выйти против и заперся в городе. Владимир укрепился между Дорогожичем и Капичем (этот ров был цел до Нестора) и послал к Блуду, воеводе Ярополка, склонять его на свою сторону: «Не я, говорил Владимир, начал избивать братьев, а он; я пришел на него, опасаясь смерти. Помоги мне! Если я убью брата, то ты будешь мне отцом и примешь от меня великую честь». Блуд согласился, и начал искать случая сам убить своего князя, посоветовав Владимиру помедлить с приступом; однако же увидел, что это невозможно, и убедил Ярополка оставить Киев под тем предлогом, что киевляне будто бы пересылаются с Владимиром, зовут его к себе и хотят предать своего князя. Ярополк ушел на устье Реи, в город Родню, а Владимир занял Киев, и воины его осадили брата в Родне. Осажденные скоро были доведены до крайности, и долго на Руси слышалась пословица: беда, как в Родне. Тогда Блуд сказал Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата, нам их не перебороть, заключи скорее мир с ним». Владимира же послал он предупредить, что ведет к нему Ярополка, и чтобы тот приготавливался убить его.

Владимир с дружиной ожидал брата на теремном дворе. «Иди теперь, посылал его Блуд, и скажи ему, что ты будешь доволен всем, что бы он ни дал тебе». «Не ходи, князь, удерживал его верный слуга Варяжко, убьют тебя. Беги лучше к печенегам и приведи войско». Ярополк не послушал его, и лишь только отворил дверь, которую Блуд тотчас затворил, не пуская за нее его воинов, как два варяга подняли его мечами под пазухи и убили. Варяжко бежал к печенегам и долго воевал с Владимиром, мстя за своего князя…

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

980-1015

Владимир стал единым государем. Наемные норманны, которые помогли ему достичь цели, начали просить у него заслуженной платы: «Город наш, говорили они, мы взяли его для тебя, дай же нам теперь окуп по две гривны на человека». Владимир отвечал: «Подождите, пока соберут куны (деньги)». Норманны ждали месяц, и все-таки не получили ничего. «Ты обманул нас, сказали они князю, пусти нас, по крайней мере, к грекам». Он выбрал из них несколько мужей храбрых и смышленых, а все прочие отправились в Царьград. Владимир, опасаясь, вероятно, их мести, послал предупредить императора: «Вот, идут к тебе варяги, не моги держать их в городе, а то наделают они тебе хлопот, как и здесь; разошли их по местам, и сюда не пускай ни одного».

Оставленным мужам Владимир раздал некоторые города, а Добрыне, своему дяде, неизменному советнику и помощнику, отдал Новгород.

Утвердившись на столе киевском, Владимир начал ходить ежегодно в походы, подобно своим предшественникам. На первый год (981) пошел он к западу, только далее, чем ходил Олег, за хорватов и дулебов, к ляхам, и взял города Перемышль и Червень (Галицию), «иже суть и до сего дне под Русью», сказал Нестор. В том же году ходил он на вятичей и наложил на них дань от плуга, как брал его отец.

На второй год (982) воевал он снова с вятичами, которые заратились, и победил их опять.

На третий год (983) овладел он отдаленной землей ятвягов, потомков сарматских, между Литвой и Польшей. Тогда же, вероятно, покорил он и страны прибалтийские, куда, по известию северных летописцев, мужи его ходили собирать дань.

Столько успешных походов и побед требовали благодарности и жертвы богам. Еще в первые годы своего княжения поставил он в Киеве (а Добрыня в Новгороде) кумиры их на холме, за двором теремным: Перуна деревянного с головою серебряною и усом золотым, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша, пред которыми приводились юноши и девы, совершались жертвы, и осквернялась кровью земля Русская, как вспоминал после с негодованием набожный летописец.

Бояре и старцы сказали теперь: «Мечем жребий на отрока и девицу; на кого падет он, того и зарежем богам». Жребий пал на

одного молодого варяга, прекрасного лицом и душою. Отец его пришел с ним из Греции, и исповедовал веру христианскую. Посланные объявили отцу, что сына его боги требуют себе в жертву. «Не боги они, отвечал старый варяг, а дерево; ныне есть, а завтра сгниют. Бог един, тот, которому поклоняются греки, который сотворил небо и землю, звезды и луну, солнце и человека, и дал ему жить на земле, а эти боги что сделали? Сами они сделаны руками из дерева. Не дам своего сына для бесов». Люди взволновались, услышав от посланных такой ответ, схватили оружие и побежали к дому варягов. Он стоял с сыном в сенях. «Отдай сына, кричали ему люди, мы должны заколоть его богам». «Если они боги, отвечал старик, пусть его возьмут сами, а вы чего хотите?» Все завопили, бросились, подсекли сени под несчастными, они упали, и были убиты разъяренной толпою — первые мученики в Киеве, Феодор и Иоанн.

Владимир ходил еще (984) на радимичей, которых победил на реке Пищане посланный им вперед воевода, прозванием Волчий Хвост, почему Русь всегда и смеялась над ними, говоря: пищанцы волчьего хвоста бегают. Радимичи принуждены были давать дань в Киев, и давали ее еще при Несторе.

Потом ходил он (985) в ладьях вместе с дядей своим Добрыней, на волжских болгар, отдохнувших после разгрома Святославова, во время войн его на Дунае и усобицы между его сыновьями. Хотя он и победил болгар, но заключил с ними мир, по совету Добрыни, который, увидев колодников в сапогах, сказал своему племяннику: «Пойдем лучше искать лапотников». Болгары ходили роте (клялись) в сохранении договора, чтобы продолжался он, пока камень не будет плавать, а хмель тонуть.

После всякого такого похода возвращался Владимир в Киев, обремененный добычей, и начинался у него пир с удалой дружиной. Он был тогда предан удовольствиям чувственным: любил воевать, любил и гулять, есть и пить, тешиться и прохлаждаться. До нашего времени дошли песни, которые складывались долго в народе о пирах Владимировых.

Во стольном городе во Киеве, Что у ласкова князя Володимира, А и было пированье, почестной пир, Было столованье, почестный стол, Много на пиру было князей, бояр, И русских богатырей могучиих; А и будет день в половине дня,

Княженецкой стол во полу-столе. Владимир князь распотешился, По светлой гридне похаживает, Черные кудри расчесывает…

На пирах Владимира раздавались веселые песни, играли гусли; турий рог, наполненный вином, обходил гостей; вещие бояны возлагали руки на живые струны, и струны сами славу князьям рокотали, — Олегу и Игорю, Ольге и Святославу, и самому ласковому князю Владимиру.

Нестор рассказывает о его обедах, обильных винами, медами и мясом, от скота и зверины. Воины, охмелев однажды, возроптали: «Зло нашим головам — дают нам есть ложками деревянными, а не серебряными». Владимир, услышав, тотчас велел сковать ложки серебряные и сказал: «Серебром и золотом я не найду дружины, а дружиной найду серебро и золото, как отец мой и дед».

Могучие витязи его также живут до сих пор в памяти народной: Илья Муромец, Алеша Попович, Чурила Пленкович, Добрыня Никитич и прочие.

Но еще больше вина, пиров, веселья и войны любил Владимир женщин: он побежден был похотью женскою, говорит летописец, и «беша ему водимыя»: Рогнеда, от которой он имел четырех сыновей — Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; он посадил ее на Лыбеди, где в Несторово время находилось сельцо Предиславино.

Гордая и страстная, истая норманнка, она приревновала после к своим счастливым соперницам, а может быть и питала тайную месть к убийце своего отца, матери и братьев. Однажды, как он приехал к ней на Лыбедь и уснул на ее ложе, она решила его зарезать, уже занесла руку с ножом… Но Владимир случайно проснулся и удержал ее. «Я полюбила тебя, сказала Рогнеда, хоть ты убил отца моего, и мать, и братьев, и полонил землю их для меня, но теперь ты охладел ко мне и младенцу моему!..» Владимир велел облечься ей в царскую одежду, как была она в первый день своего соединения с ним, сесть на постель в светлой горнице и ожидать его. Трепещущая, Рогнеда исполнила повеление. Владимир приходит поразить ее, как вдруг выбегает, с обнаженным мечом, сын его, младенец Изяслав, подученный матерью, и говорит ему: «Отец, ты здесь не один!» Владимир бросил свой меч и сказал: «Я не знал того»; ушел, созвал бояр, и рассказал им все, что случилось. Бояре подали совет: не убивай ее ради дитяти сего, но воздвигни отчину отца ее, и отдай ей с сыном твоим. Владимир послушал их, велел построить город, названный Изяславлем, и отпустил туда мать и сына.

Другая жена его была болгарка, от которой имел он Бориса и

Глеба. Одна чешка родила ему Вышеслава, другая Святослава и Мстислава. Жена Ярополкова, гречанка, приведенная его брату еще отцом Святославом, ради красоты лица ее, взята им была к себе беременная и родила Святополка. «От греховнаго бо корени, замечает Нестор, зол плод бывает». Наложниц жило у него двести в Вышегороде, триста в Белгороде, и двести на Берестове, где после было сельцо Берестовое: «и бе не сыть блуда, заключает Нестор, женолюбец, яко же и Соломон. Но Соломон мудр бе, и наконец погибе; се же бе невеголос, а наконец обрете спасение».

Летописец обращает этими словами внимание на принятие Владимиром христианской веры, о чем передано им (986) следующее повествование.

Соседние народы, которым русский князь стал еще страшнее своих предшественников победами, завоеваниями, счастьем, старались привлечь его на свою сторону и войти с ним в союз. Вера казалась им, и очень справедливо, лучшим для того средством. У хозар господствовал закон Моисеев; волжские болгары были магометане; греки хотели обратить Владимира к христианству Восточной церкви; немцы, к которым посылала посольства Ольга, и даже Ярополк, предлагали исповедание римское.

Прежде всех пришли болгары, только что заключившие договор. «Ты князь мудрый и смышленый, сказали они, а закона не знаешь. Прими закон наш, и поклонись Бохмиту». Владимир спросил: «В чем состоит закон ваш?» «Веровать в Бога, — и еще учит нас Бохмит обрезаться, свинины не есть, вина не пить; зато по смерти даст он всякому правоверному по семидесяти жен красных, и на одну из них возложит красоту всех семидесяти, и та будет ему женою». — Владимир слушал это с большим удовольствием, потому что любил жен, но обрезание было ему противно, отвержение мяса свиного также не нравилось, а всего более запрещение вина. «Нет, отвечал он, Руси есть веселие — пити; мы не можем быть без того».

Посланные от папы немцы говорили: «Земля твоя, как и земля наша, а вера твоя не как вера наша. Наша вера свет есть. Мы кланяемся Богу, иже сотворил небо и землю, и всякое дыханье, а ваши боги древо». Владимир спросил: «Какая же у вас заповедь?» — «Поститься по силе, отвечали они, кто ест и пьет, все во славу Божью…» «Нет, прервал Владимир, возвращайтесь домой: отцы наши не знались с вами».

Пришли жиды хозарские и сказали: «Мы слышали, что были у

тебя болгары и христиане учить тебя вере своей — мы распяли того, в кого христиане веруют, а мы знаем единого Бога Авраамова, Исаакова, Иакова». «Где земля ваша?» спросил Владимир. «В Иерусалиме. Но Бог разгневался на нас за грехи наши и расточил по странам чуждым». «Так как же беретесь вы учить других, сами отверженные Богом и рассеянные? Если бы Бог любил вас и закон ваш, так не расточил бы вас по странам чуждым. Хотите вы, чтоб и с нами было то же?»

Наконец, греки прислали к Владимиру своего учителя, который растолковал ему, в чем состоят заблуждения всех этих исповеданий. «Вера Бохмитова, сказал он, оскверняет небо и землю — исповедники ее прокляты более всех людей. Вот, например, какие скверны делают они, мужья и жены, поминая Бохмита…» Владимир плюнул и сказал: «Нечисто есть дело». «Мы слышали, продолжал учитель, что приходили к вам и римляне. Их вера малым различна с нами: они служат опресноками, то есть облатками, а Господь, взяв хлеб, сказал Апостолам: сие есть тело мое, за вы ломимое, потом взял чашу и сказал: се есть кровь моя Нового Завета. Римляне служат не так, и, следовательно, не исправили веры».

Владимир спросил: «Жиды говорят, что они распяли того, кому вы с немцами веруете». Учитель отвечал: «Правда — жиды распяли нашего Спасителя, но за то и прияли наказание; города их разбиты, сами они рассеяны по земле и работают иноплеменникам; мы веруем Ему; ибо Его предрекали Пророки, яко Богу родитися, распяту быти и погребену, и в третий день воскреснути, и взыти на небо».

«Но зачем же Бог сходил на землю, спросил Владимир, и принимал такие страсти?»

«Если ты хочешь слушать, отвечал учитель, то я объясню тебе».

«Я рад слушать», сказал любопытный Владимир.

И учитель начал объяснять ему предание Моисея о создании мира, о падении ангелов, о творении человека, о первородном грехе, о патриархах, о потопе и столпотворении, о вере Авраамовой и обетованиях ему Божиих, о переселении израильтян в Египет, о возвращении их Моисеем в землю обетованную, о судьях и царях, о Давиде и Соломоне, о явлении Пророков, которых старался представить ему как можно выразительнее. Он передал сначала пророчества о наказании Израиля.

Первым начал пророчествовать Осия: «Тако глаголет Господь — преставлю царство дому Израилеву, сокрушу лук Израилев…

отвергнуся их и будут блудяще во языцех». Иезекииль сказал: «Рассею вы вся останки ваши во вся ветры».

Потом предрекали Пророки призвание народов иных к принятию благословения Господня. Исаия сказал: «Откроет Господь мышцу свою пред всеми языки, и узрят все концы земли спасенье от Бога нашего». Давид воспевал: «Хвалите Господа все языки и похвалите его вси людие».

Наконец, возвестили они явление Бога во плоти. Давид возгласил: «Рече Господь Господеви моему: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножью ногама твоима». Исаия: «Се Дева во утробе зачнет и родит сына, и назовут имя ему Еммануил». Ездра: «Благословен Господь, руце распростер свои, спас Ерусалима».

Предречено было и воскресение. Давид пел: «Воскресни, Господи Боже мой, и да вознесется рука твоя».

Владимир слушал речь учителя с глубоким вниманием и спросил: «Сбылось уже это все, или еще теперь сбывается?»

«Сбылось все, отвечал учитель. В лето 3300 от сотворения мира послан бысть Архангел Гавриил в Назарет, к Деве Марии, от колена Давидова, рещи ей: радуйся, обрадованная, Господь с тобою. И при сем глаголе зачала она Слово Божие во утробе, и породи Сына, нарече имя ему Иисус. Волхвы от востока пришли поклониться ему, а Ирод царь хотел умертвить его. По гласу Божиему отрок спасен был бегством в Египет, но по смерти Ирода святое семейство возвратилось в Назарет. Когда возрос Иисус, и было ему тридесять лет, крестился он в Иордане от Иоанна Предтечи… и разверзлись небеса, и Дух сошел в виде голубя, и глас раздался: Сей есть Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих. Иисус начал проповедовать слово Божие, творя чудеса: хромые ходили, слепые прозревали, прокаженные очищались, мертвые воскресали по слову его. Архиереи и книжники исполнились к нему зависти и обвинили в богохульстве. Он был распят в Иерусалиме на Голгофе, — и была тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, завеса церковная раздралася, и многие мертвые восстали. В девятом же часу испустил Он дух, а на третий день воскрес».

«Но для чего ему было родиться от жены, спросил Владимир, удивляясь более и более словам грека, для чего был Он распят на древе, для чего крестился водою?»

«Для того от жены, толковал учитель, что сначала род

человеческий согрешил женою, когда дьявол прельстил Евою Адама, и тот был изгнан из рая. Теперь Бог, воплотившись от жены, открыл путь человеку в рай. На древе Он распят был для того, что сначала человек погиб, вкусив от древа, а теперь, когда Бог приял смерть на древе, древом побежден дьявол. Обновление водою для того, что водою было и первое наказание. Сего ради рече Бог: „Понеже погубих водою человека грех их ради, ныне же паки водою очищу грехи человекам“. Слушай далее.

По воскресении Иисус Христос явился ученикам своим и послал их во вся языки, научать их, крестяще во имя Отца и Сына и Святого Духа. На пятидесятый день сошел по обетованию Дух Святый на Апостолов, и они разошлись по вселенной… проповедовать и учить народы, от них научились и мы, греки.

Христос придет с небес судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его — праведникам дарует он царство небесное, красоту неизреченную, веселье без конца и вечную жизнь; грешникам, неверующим во имя его, страдания огненные и муки вечные».

Сказав это, учитель развернул перед Владимиром картину, изображающую страшный суд, и указал ему праведников, идущих в рай, и на другой стороне грешников, посланных в ад.

С тяжелым вздохом, в глубоком размышлении, сказал Владимир, рассматривая картину: «Счастливы праведные, горе грешникам». «Крестись, прервал учитель, если хочешь стать с праведными». Владимир отвечал: «Дай мне время», — и, осыпав грека дарами, отпустил с честью.

Причина медлительности его была следующая: он должен был знать мнение своей дружины, бояр и старцев, без которых не мог решать ничего. Он созвал их и сообщил предложения болгар, жидов и немцев, которые все хвалили законы свои. «Греки же хулят их, а превозносят только свой. Много толковал учитель их о начале всего мира, хитро сказующе, и чудно его слушати, и любо. Он говорит, что есть еще и другой свет, и если кто вступить в их веру, то, умерши, оживет и не умрет после вовек, а кто послушается другого закона, тот будет гореть на том свете. Вот что я услышал… как вы рассудите?»

Бояре и старцы отвечали: «Ты знаешь, князь, что своего никто хулить не станет, но хвалит всегда. Если хочешь узнать истину, то у тебя есть мужи, — пошли их испытать, как кто служит Богу».

Совет этот понравился князю и всем людям.

Избранные мужи, добрые и смышленые, числом десять, обошли все страны, были у болгар, потом у немцев, и, наконец, пришли к грекам.

Император, узнав о цели их прибытия в Константинополь, повелел показать богослужение во всей красоте. Патриарх облачился в святительские ризы; светильники пылали в храме святой Софии; кадила благовонные дымились, согласные лики славословили Господа. Послов поставили на возвышенном месте, показывали им всю красоту церковную и объясняли значение всех действий. Они были в изумлении, дивились и не находили слов для выражения своих чувств.

Когда они возвратились в Киев, Владимир велел им рассказать о виденном перед дружиною, боярами и старцами. Они начали: «У болгар закон нехорош. Поклонившись, садятся и поворачиваются по сторонам как бешеные. Радости нет никакой, а только печаль. Немцы служат в храмах долго, но без красоты. А когда греки привели нас туда, где они поклоняются своему Богу, то мы не узнали, на земле ли мы были или на небе. Нигде нет такого вида и такой красоты, которых рассказать мы не умеем; уверены только, что здесь пребывает Бог с людьми, и служба их краше всех стран. Всякий человек, вкусив сладкое, не примет горечи, так и мы…»

Бояре, выслушав повествование, сказали: «В самом деле, если бы греческий закон не был лучше всех, то бабка твоя Ольга не приняла бы его: она была ведь мудрее всех людей».

«Где же нам креститься?» спросил Владимир. «Где тебе угодно», отвечала дружина.

В следующем году Владимир пошел на Корсунь, греческий город, и осадил его, став с ладьями своими в Лимени. Корсунцы защищались храбро, и русский князь велел насыпать к стенам города вал. Жители, подрывшись под стеною, уносили землю ночью в город, и работа не имела успеха, как вдруг один изменник, по имени Анастас, дал знать оттуда с пущенной стрелой, чтобы русские перекопали колодцы, из которых трубами проведена вода в город. Совет был исполнен, и жители, томимые жаждой, сдались.

Взяв город, Владимир тотчас послал послов к греческим императорам, Василию и Константину, требовать сестры их, царевны Анны, себе в супружество, грозя в случае отказа взять Константинополь, как теперь взял Корсунь. Император изъявил свое согласие с условием, чтобы он принял христианскую веру: иначе

христианке нельзя сочетаться узами брака с язычником. «Крестись, велели они сказать ему, и получишь сестру нашу и царство небесное». «Я готов креститься, отвечал Владимир, потому что люба мне вера ваша, и посланные мои, испытав, одобрили ее, присылайте сестру вашу с людьми, которые окрестят меня».

Но царевна отказывалась: «Лучше мне умереть здесь, говорила она, чем идти в этот плен». Братья старались убедить ее святостью подвига, если она всю землю Русскую приведет к Богу, а вместе с тем избавит свое отечество от лютой рати, от всех бедствий, которые причинила ему русь и грозит нанести вперед.

Плача и рыдая прощалась юная царевна со своими родственниками и села горестная на корабль, уносивший ее из прекрасной родины, по волнам Черного моря, во власть какого-то неизвестного страшного витязя, в страну суровую, к народу необразованному.

Корсунцы встретили Анну и сопровождавших ее священников и вельмож с поклонами и великой честью, ввели в город и проводили в приготовленную палату.

Епископ корсунский со священниками, прибывшими с царевною из Константинополя, огласив Владимира и передав ему символ веры, совершил над ним таинство святого крещения, в церкви святого Василия, стоявшей посреди торговой площади. Говорили, что Владимир, заболевший перед тем глазами, прозрел в самую минуту крещения, и, изумленный, сказал: «Теперь-то узнал я Бога истинного». Многие из дружины его, совершенно свободные в образе своих действий, почтя чудом его внезапное исцеление тут же крестились.

Во время Нестора уже ходили разные толки о месте крещения Владимирова: одни говорили, что он крестился в Киеве, другие в Василеве, но печерский инок решительно утверждает, что это было в Корсуне, где при нем еще были целы палаты Владимира и царевны.

По совершении крещения совершен был брак.

Скоро Владимир с новобрачной царицей оставил Корсунь, возвращенный грекам за выкуп. С собой взял он Анастаса, помогшего ему взять город, несколько попов, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, иконы на благословенье себе, сосуды церковные, два медных капища и четырех коней медных. В Корсуне велел он поставить церковь на горе, которую насыпали жители землей, унесенной из его вала.

Лишь только возвратился Владимир в Киев, как и велел ниспровергнуть кумиры, одни сжечь, другие истребить, а главного, Перуна, привязать к конскому хвосту и волочить с горы по Боричеву взвозу на ручей, с ручья же в Днепр. Неверные люди плакали, провожая кумир, пущенный по реке. Князь приставил двенадцать человек отталкивать его от берега, пока не пройдет пороги. За порогами выбросило кумир на берег, и то песчаное место долго называлось в народе Перуновой релью.

На другой день велел Владимир созвать жителей всего города к реке, говоря: «Если кто не окажется на реке, богатый или убогий, нищий, работник, тот будет мне противен». Люди собрались с радостью, толкуя про себя: «Если бы это было нехорошо, то князь и бояре не сделали бы того».

Поутру вышел Владимир на Днепр с попами царицыными и корсунскими, с сыновьями и боярами. Народу множество, без числа, толпилось на берегу, — и начался торжественный обряд крещения. Священники читали молитвы, пели: во Христа крещаются, во Христа облекаются, — все люди, мужчины и женщины, старые и молодые, бросились в воду и стали кто по шею, кто по грудь, дети близ берегов, младенцы на руках у матерей. Великий князь, подняв глаза к небу, воскликнул: «Господи Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новых людей твоих и дай им уведати тебя, Бога истинного, как уведали прочие народы христианские, и помоги мне на супротивного врага, да побежу козни его».

Вот была радость, на небесах и на земле, говорит с восторгом благочестивый летописец, видеть столько душ спасаемых!

«Благ Господь и во веки милость его… Рече Господь, яко радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся: се же не един, не два, но безчисленное множество к Богу приступиша, избавлени от прелести диавола. И погибе память его с шумом, а Господь пребывает во веки, хвалим от Русских сынов — новии люди хрестьянстии, избраннии Богом!»

Владимир велел строить церкви по всем тем местам, где стояли идолы. На Перуновом холме, куда приходили князь и люди творить требы богам, поставлен был храм Святого Василия, имя которого получил он при крещении. Тогда же и по прочим городам и селам начали приводить людей на крещение и ставить церкви: рассылались священники, дети отдавались в ученье книжное.

Исполнилось пророчество в Русской земле: «в оны дни услышат

глусии словеса книжная, и ясен будет язык гугнивых».

Так крестился Владимир и сыновья его, и вся почти земля Русская, мирно, беспрекословно, в духе кротости и послушания, не прияв в душу семян воздействия.

Владимир, пожив некоторое время в законе христианском, пожелал создать великолепную церковь, подобную той, какую видел в Корсуне. Место было избрано окропленное кровью мучеников. Шесть лет мастерами греческими строилась церковь, основание которой, скрытое в земле, удивляет до сих пор своим пространством и соразмерностью. Владимир отдал в нее все, что привез из Корсуня — иконы, сосуды, кресты, и поручил ее Анастасу Корсунянину, приставив попов корсунских, определил ей десятую часть от всего имения и всех городов своих. Освящение церкви было совершено с великим торжеством. Для бояр и старцев людских устроено было в тот день великое пиршество, а нищим роздана богатая милостыня.

Греция, и еще более соседняя, единоплеменная Болгария, уже давно просвещенная христианским учением, имевшая многих знаменитых учителей, преемников святых Кирилла и Мефодия, доставляли нам первых священников, пылавших огнем обращения, как бывало везде с первыми христианами. Они принесли с собой священные книги, Евангелие, Апостол, литургию, писания отцов церкви на родном языке, посредством которого как бы неким чудом раскрылся вдруг перед очами новообращенных христиан русских новый, прекрасный, удивительный мир любви, премудрости, святыни, — и души простые, добрые, смиренные, уготованные, приняли божественное семя со страхом и верою, и оно дало им плод со сторицей.

Таков был из первых сам Владимир, который вдруг как будто переродился и начал иную жизнь. Жестокосердый, сладострастный, кровожадный, преданный пьянству, он стал умерен, воздержан, кроток, человеколюбив. Всякое слово, им слышанное в церкви, проникало ему в сердце и оказывалось чудодейственным. Слышал ли он в Евангелии: «не скрывайте себе сокровищ на земле, идеже тля тлит и татие подкапывают, но скрывайте себе сокровище на небесах, идеже ни тля тлит, ни татие подкапывают», — и он приказывал всем нищим и убогим приходить на двор княжий и брать себе все, что нужно, пищу и питье, одежду и куны из скотниц. Распорядясь так, он все еще был недоволен, ибо больные и немощные не могут, говорил он, дойти до моего двора. Что же он сделал? Он велел пристроить

возы, накладывать на них хлеба, мяса, рыбы, всяких овощей, квасы и меды в бочонках, и возить по городу. Из улицы в улицу разъезжали его слуги и спрашивали: «Где больные и нищие, не могущие ходить», — и раздавали всем, кому что надо.

Точно так же, получив понятие из Священного Писания о драгоценности человеческой жизни, он не хотел казнить смертью даже разбойников. Сами епископы насилу могли убедить его, чтобы усугубил строгость, ибо вследствие послабления умножились разбои. «Боюсь греха», отвечал он им. «Ты поставлен от Бога, объясняли священники, на казнь злым, а добрым на милость. Наказывать разбойника можно, только с дознанием», — и Владимир едва уступил их доказательствам.

И бранный дух Владимира, кажется, угас. В продолжение двадцати пяти лет остальной его жизни летопись упоминает в двух словах об одном походе его на хорватов (в 993 году), вероятно, по какой-нибудь особой причине; он жил в мире со всеми соседними государями: с Болеславом, королем ляшским, Андреем чешским, Стефаном угорским.

Только с печенегами война была беспрестанно. Эти варвары размножились в привольных степях Черноморских, принимали к себе единоплеменников из внутренней Азии, и постоянно нападали на русские владения из-за Днепра, Десны и Сулы.

Владимир, лишь только водворился в Киеве, как начал принимать против них меры и поставил множество городов по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, населил их мужами лучшими от словен, кривичей, чуди и вятичей, чтобы преграждать их набеги до Киева; иногда принужден он бывал ходить в Новгород, чтобы нанимать оттуда верховных воинов, то есть норманнов.

О войнах печенежских ходили в народе разные повести; одна (993) кончилась, по преданию, поединком, предложенным от печенегов. Владимир послал бирючей по своим товарам (стану), вызывать охотников, но никто не являлся, что его весьма огорчало. Наконец, пришел один старик, который рассказывал, что у него остался дома сын меньшой, раздирающий воловью кожу руками, и никогда ни кем не осиленный. Князь велел привести его и спросил, может ли он побороться с печенежином. «Я не знаю, князь, могу ли, отвечал молодой человек, испытайте!» Выпустили на него сильного быка, разъяривши его каленым железом. Силач схватил его на бегу рукою за тело и вырвал кусок мяса с кожею «елико рука зая». Опыт

ободрил русь. В назначенный день печенежин явился и посмеялся, увидев перед собою малорослого соперника: «бе бо превелик зело и страшен». Размерено место между полками. Бойцы сошлись и схватились крепко друг за друга. Русин удавил печенежина «в руку до смерти» и потом ударил оземь. Наши крикнули и бросились на печенегов, которые обратились в бегство. Владимир заложил город на броде том и назвал его Переяславлем, потому что юноша переял здесь славу, а его, равно как и отца, «сотвори мужем великим».

По прошествии трех лет печенеги вновь напали на Русь, причем сам Владимир едва избежал опасности: он вышел было против них с малой дружиной из Василева города, незадолго им основанного на реке Стугне, и не мог выдержать их натиска, бежал и едва успел скрыться под мостом. Трепеща за свою жизнь, он обещал поставить церковь Святого Преображения в Василеве (это было в день Преображения), если Бог избавит его от гибели. Печенеги проскакали мимо, и Владимир спасся; он сотворил праздник великий для бояр, посадников, старейшин и многих людей, на котором выпито триста вар меду и роздано убогим полтораста фунтов серебра. Пир продолжался восемь дней, после которых к Успенью князь возвратился в Киев, где начались новые празднества для бесчисленного множества народа. Церковь во славу Преображения Господня была построена немедленно в Василеве. Так он был рад своему нечаянному избавлению!

О последнем набеге печенегов сохранилось предание, совершенно баснословное. Владимир уехал в Новгород нанимать норманнов; печенеги, проведав о его отсутствии, осадили Белгород. Голод начал стеснять осажденных. Созвано было вече, на котором решено сдаться. Один старик, не бывший на вече, узнав об этом решении, упросил старейшин подождать еще три дня и исполнить между тем, что он им скажет. Те согласились. Старик велел выкопать два колодца, потом снести к ним по горсти овса, пшеницы и отрубей, из чего женщины должны были сделать цеж, и опустить в кадке в один колодец; в другой колодец поставить кадку с сытой, взяв меду из княжей медуши, — и потом звать печенегов, чтобы они пришли посмотреть, что делается в городе. Печенеги подумали, что граждане хотят сдаваться, оставили у себя заложников и пошли вдесятером. Их привели к колодцам. «Посмотрите, сказали белгородцы, какое у нас обилие в городе; хоть больше десяти лет простоите вы под стенами, вы нам ничего не сделаете. Сама земля питает нас». С этими словами

зачерпнули они цежи ведром, налили в лотки и сварили кисель. Потом привели к другому, и зачерпнув сыты, начали есть сами и потчевать печенегов. Те отведали, удивились и сказали, что князья им не поверят. Белгородцы зачерпнули еще, налили корчагу цежи и сыты и послали князьям. Князья сварили, съели и решили, что стоять им под городом бесполезно, сняли осаду, разменяли пленников и ушли.

После этой войны семнадцать лет жизни Владимира у Нестора не описано. Вероятно, «ничто же бысть». Замечена только кончина какой-то Малфриды (вероятно, одной из прежних жен Владимировых), знаменитой Рогнеды (997), сына ее Изяслава (998), внука Всеслава (999), и, наконец, царицы Анны (1011).

Сыновья его княжили в уделах, розданных им очень рано, под наблюдением кормильцев, и платили урочную дань отцу: Ярослав в Новгороде, куда перешел он из Ростова, по кончине старшего брата Вышеслава, Святополк в Турове, Борис в Ростове после Ярослава, Глеб в Муроме, Святослав в Деревах, Всеволод во Владимире, Мстислав в Тмуторакани…

В последний год своей жизни (1013) Владимир был огорчен ослушанием сына Ярослава, который, понадеясь на силу новгородскую и помощь варягов или на старость отца и свое отдаление от него, не хотел платить двух тысяч гривен, что новгородские посадники платили уроком киевскому князю, раздавая тысячу гридям в Новгороде. Владимир рассердился. «Готовьте путь, мостите мосты», воскликнул старый князь, собираясь сам идти на войну, как будто закипела в нем прежняя кровь, вспомнилось перед смертью давно протекшее время, и ему вдруг захотелось потешиться в бранном поле, но силы ему изменили, он занемог. Между тем, пришло известие с другой стороны, что идут печенеги. Владимир должен был пока оставить без наказания дерзкого сына, звавшего, между тем, норманнов, и послать свою дружину против печенегов с любимым сыном Борисом, который находился тогда в Киеве. Он уже не смог дождаться их возвращения: 13 июля 1013 года он скончался в любимом сельце Берестовом, лет шестидесяти с лишком от рождения.

Бояре хотели скрыть его смерть, потому что Святополк туровский случился на ту пору в Киеве, а они ожидали Бориса, желая его посадить на престол: ночью, обернув тело покойника в ковер, спустили его по веревкам через разобранный пол и отвезли на санях в

Собор Пресвятой Богородицы, им созданный. Но народ поутру же проведал о кончине: бесчисленное множество собралось в церковь; бояре плакали о Владимире, как защитнике своей земли; бедные — как о своем кормильце и заступнике. Тело его было положено в мраморный гроб, отпето и погребено с плачем великим.

«Се есть новый Константин великого Рима, восклицает летописец, заканчивая его жизнеописание. Хоть он и желал прежде на скверную похоть, но после прилепился покаянию; согрешения, соделанные в невежестве, рассыпались милостынями, и там возобладала благодать, где умножался грех. Дивно есть, сколько добра сотворил он Русской земле, крестив ее. Вечную память сохранят о тебе Русские сыновья, поминая святое крещение!»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК

1013–1019

Во время кончины великого князя Владимира, Святополку, его усыновленному племяннику, случилось быть в Киеве. Имея право на стол великокняжеский, как сын старшего брата Владимира, Ярополка, он остался в Киеве, созвал киевлян и начал оделять их дарами. Те принимали дары неохотно: сердце их было с братьями в дружине Борисовой. Святополк должен был опасаться, чтобы этот любимый князь, имея с собою сильную рать, не лишил его отчины, согласно с желанием людей и бояр, даже кончину великого князя долго скрывавших от Святополка. Может быть, говорил в нем и тайный голос мести за отца Ярополка, убитого Владимиром. Как бы то ни было, он решил погубить Бориса. Ночью, тайно, ушел он в Вышгород и призвал Путшу с вышегородскими боярцами. «Преданы ли вы мне всем сердцем?» спросил их Святополк. «Готовы умереть за тебя», отвечали они. «Ступайте же в стан Бориса и убейте его». Те обещали.

Борис, не найдя нигде печенегов, возвращался со своими воинами, когда пришла к нему весть о смерти отца. Он плакал горько, потому что отец любил его больше всех братьев, и остановился на Альте (близ Переяславля). Воины пришли к нему: «Спеши в Киев и садись на столе отца». «Нет, не могу я поднять руки на брата старшего, отвечал Борис. Он должен быть мне вместо отца». Такой смиренный ответ не мог понравиться дружине, любившей власть,

богатство и войну. От робкого все ушли к смелому, и Борис остался с одними отроками.

Приходит другое известие: хотят погубить тебя. Борис, вероятно, христианин с младенчества, воспитанный в правилах евангельского учения матерью болгаркой, не думал о сопротивлении, которое, за уходом дружины, становилось даже бесполезным, а только о приготовлении к христианской кончине. Венец мученический был ему всего вожделеннее. Услышав смертную весть, провел он всю ночь в священных песнопениях. Кончив оксапсальму, он воспел канон, и, смотря на образ Распятия, висевший в его шатре, произнес молитву: «Господи Иисусе Христе, благоволивый принять вольную страсть грех ради наших, сподоби и меня принять смерть от руки брата моего, и не сотвори ему в том греха». Помолясь, он лег на ложе. Убийцы, как дикие звери, ворвались в шатер и пронзили копьями его и любимого отрока Георгия, родом угрина, которого Борис имел всегда при себе и возложил ему на шею золотую гривну. Не сумев снять ее с шеи, они отрубили ему голову и потом избили многих других отроков. Бориса, еще дышащего, обернули в шатер, положили на колья, и повезли к Вышгороду. Святополк, узнав, что он дышит, выслал двух варягов «прикончать» его. Один поразил его мечом в сердце. Тело Борисово похоронили тайно при церкви Святого Василия в Вышгороде. Имена убийц летописец предал проклятию: Путша, Талец, Еловичь, Ляшко.

Святополк мог ожидать мести от родного Борисова брата, по отцу и матери, Глеба, князя муромского. Надо было извести и его, для предупреждения опасности. Он послал звать Глеба, якобы к занемогшему отцу. Глеб, «сед вборзе на коня», пошел с малой дружиной, «бе бо послушлив отцю». На дороге из Мурома близ Волги споткнулся у него конь, и он надломил себе ногу, однако же поехал далее, достиг Смоленска, который стоял тогда перепутьем между северными, южными и восточными городами русскими. Оттуда отправился он, как обыкновенно, водой, и остановился на Смядине в виду города. Здесь дошло до него известие от Ярослава, уведомленного сестрой Предславой из Новгорода, что отец их умер, что брат Борис убит Святополком, и что он не должен идти в Киев. Глеб облился горячими слезами, и по отцу, и особенно по брату, с которым связан был узами крови, и от которого, по старшинству, получал продолжение материнских наставлений о высокой христианской добродетели. «Увы мне, Господи, говорил он, как

передает летописец, лучше умереть мне с братом любимым, нежели остаться одному на этом суетном свете. Где слова его, которые говорил он мне? Я уж не услышу его сладкого наказа. О брат мой! Если получил ты дерзновение у Бога, умоли, чтоб и мне принять такую же мученическую смерть!»

Она была уже близка! Посланцы Святополка плыли по Днепру, окружили корабль Глеба и обнажили мечи. Отроки его оробели. Начальник убийц, Горясер, закричал им, чтоб они убили своего князя. Повар Глеба, именем или родом Торчин, вынул тотчас нож и зарезал его. Тело брошено было на берегу между двумя колодами, а потом, чудесно узнанное, отвезено к братнему в Вышгород — два христианина, принявшие новое учение к сердцу, приложившие слово к жизни и запечатлевшие кровью преданность святому закону.

Святополк послал убить еще третьего брата, Святослава древлянского, который бежал было в угры, но был настигнут в горах, и начал княжить в Киеве, раздавая людям куны и всякое богатство.

Между тем как эти происшествия следовали одно за другим в Киеве, в Новгороде Ярослав, находившийся в коротких связях с норманнами и желавший утвердить их еще более, вступил в супружество с Ингигердой, дочерью Олава, короля шведского (1019). Долго длились переговоры. Отец дал согласие первому посольству Ярославову; но невеста, по свидетельству норманнских летописей, предъявляла одни условия за другими: сначала потребовала она себе за вено город Альдейгаборг с принадлежащей к нему областью. Послы Гольмгарда (так назывался у норманнов Новгород) обещали ей именем своего князя. Тогда она потребовала, чтобы ей позволено было выбрать в Швеции знаменитого мужа, который поехал бы с нею и получил на Руси тот же сан и силу, какую имел на родине. Послы и князь согласились. Она назначила в спутники себе родственника Рагнвальда, чего весьма не хотелось ее отцу, но она настояла на своем требовании: Рагнвальд был отпущен и получил Ладогу, которую долго держал с честью, платив дань Ярославу.

Норманны, призванные Ярославом на помощь против отца, наглые и буйные, оставшись у него на службе, причиняли насилие новгородцам и женам их. Те не могли долго сносить обид, встали и избили их на дворе Парамоне. Ярослав озлобился: он ждал спасения только от своих воинственных наемников и должен был даже отвечать некоторым образом за их гибель перед всеми их единоплеменниками. Затаив гнев, он уехал на Ракому, в загородное

свое село, на берегу Волхова, и лестью призвал к себе главных новгородцев, которые иссекли норманнов, притворяясь забывшим их самоуправство: «Мне не воскресить уже тех, кто погиб», говорил он. Новгородцы пришли, и были все преданы смерти.

В эту самую ночь получает он известие от сестры Передславы из Киева: «Отец наш умер, Святополк занял его стол, велел убить Бориса и послал на Глеба; берегись его и ты!»

Что было делать Ярославу! Без новгородцев он не мог теперь успеть ни в чем, а надеяться на них было нельзя, после такой вероломной над ними казни. Дорого бы он дал, чтобы не спешить со своей местью. Скрепя сердце, поутру он созвал остальных новгородцев, и, плачущий, сказал им: «О люба моя дружина, что вчера избил я, а ныне надобна». «Ты избил нашу братью, отвечали они, но мы поможем тебе». Вероятно, они надеялись на добро от Святополка еще менее, чем от Ярослава.

Ярослав собрал рать, числом в тысячу варягов. Отличались между ними два знаменитых норманнских витязя — Эймунд и Рагвар. Они оставили свое отечество, обиженные конунгом Олавом, и, собрав дружину из шестидесяти человек, решили искать счастья в Гольмгарде и наняться у кого-нибудь из русских князей, кто даст больше, Ярослава, Святополка или Брячислава, которые, как дошли до них слухи, были в раздоре между собою. Ярослав удержал их у себя, договорясь платить сверх содержания по унции серебра на всякого воина, и, кроме того, по половине унции на всякого начальника ладьи, — серебром или мехами, бобрами и соболями.

Святополк выступил навстречу к новгородскому князю с русью и печенегами. Противники сошлись на Днепре у Любеча и остановились на берегах друг против друга. Долго не решался начать никто. Воевода Святополка, ездя по берегу, ругал новгородцев: «Ну вы, плотники, зачем пришли сюда со своим хромцом? Мы приставим вас рубить нам хоромы». Новгородцев это взорвало. Они сказали Ярославу: «Переправимся завтра; кто не пойдет, того убьем». Ярослав и сам думал о сражении. Он посылал отрока к одному мужу в стане Святополка, ему благоприятствовавшему, спросить: «Что велишь делать? Меду мало наварено, а дружины много». Тот отвечал: «Даче меду мало, а дружины много, да к вечеру вдати», т. е. нападай. Между тем, Днепр начал замерзать. Весь вечер прошел в приготовлениях у Ярослава. Дружине велел он повязать головы повязками, чтобы в темноте можно было узнать своих.

А Святополк, стоявший на берегу между двумя озерами, не думая вовсе о сражении, пил со своей дружиной. Перед рассветом Ярослав поднял полки и переправился. Выйдя на берег, новгородцы оттолкнули лодки, чтобы нельзя было воротиться. Началась злая сеча. Печенегам нельзя было из-за озера помочь Святополку. Его прижали к озеру с дружиной. Все они бросились на лед, — вода только что подмерзла, — и лед обломился. Эймунд и Рагнар действовали сильнее всех. Ярослав начал одолевать, и Святополк бежал к ляхам, к тестю своему, Болеславу Храброму, королю польскому, с которым еще при жизни Владимира были у него переговоры о подданстве с соседней областью, а Ярослав занял Киев, и сел на столе отца и деда, наградив своих помощников, от десяти гривен до гривны серебра, каждому по заслугам.

Болеслав, король польский, справедливо прозванный Храбрым, ужас своих соседей, воевал тогда с немецким императором Генрихом II, который, по свидетельству епископа мерзебургского Дитмара, вошел было в сношения с Ярославом против общего врага; но, получив от него малую помощь, вынужден был примириться на тягостных для себя условиях. Тогда Болеслав взялся за отмщение своего зятя, ненавидя и сам Ярослава, за отказ сестры. Призвав помощь от угров, печенегов, немцев, он пошел в следующем году на киевского князя, который, не ожидая вовсе никакой войны, ловил спокойно рыбу в Днепре, как вдруг принесено ему было известие, что многочисленное войско идет против него, под предводительством Болеслава, помогающего Святополку. Он бросил уду, сказав: «Нечего теперь удой рыбу ловить; как бы самим не попасться на уду», — и начал приготовляться к отпору. Вышел из Киева и встретил Болеслава на Буге. Оба войска остановились и простояли несколько дней в бездействии. Воевода Ярослава Будый насмехался над польским королем: «Что же он не переезжает к нам, мы проткнем ему, кабану, толстое брюхо копьем». «Бе бо велик и тяжек». Болеслав не вытерпел, сел на коня, хотя едва мог держаться на нем по причине тучности, бросился в реку вброд и звал за собою своих воинов отмстить за ругательство. «Кабан переведается с собаками», кричал он. Ярослав был застигнут врасплох, совершенно разбит, лишился даже всякой надежды бороться и бежал в Новгород.

Он не хотел было оставаться и там, а думал прямо искать убежища за морем у норманнов, но новгородцы его не пустили. С посадником Коснятиным, сыном Добрыни, они изрубили Ярославовы

ладьи и сказали, что хотят еще биться со Святополком и Болеславом. Начали собирать серебро, от мужа по 4 куны, от старост по 10 гривен, от бояр по 18 гривен, и послали нанимать норманнов. Те пришли на кораблях. Новгородцы выдали им серебро за их помощь и собрались в поход, но сам Святополк помог Ярославу еще лучше наемных норманнов.

Король польский собирался, по-видимому, оставаться в Киеве дольше, чем желал Святополк; может быть, он думал даже иметь в зяте подвластного себе данника и покорить Киев владычеству Польши. Святополку не хотелось уступить власти кому бы то ни было: он велел жителям убивать тайно воинов польских, разведенных по городам на корм. Ляхов избили много, так что Болеслав должен был опасаться и за себя. Оставаться долее во враждебной земле ему было нельзя; он поспешил удалиться, захватив дочерей Владимира (из которых за Предславу он сватался прежде и получил отказ, а теперь положил к себе на ложе), пленил многих бояр, значительное количество людей, множество имения, приставя к хранению Анастаса, десятинного, изменившего второму своему отечеству так же, как и первому. По пути занял он города Червенские, покоренные прежде Владимиром.

Этим Болеславовым походом хвалятся польские летописцы: они рассказывают, что Болеслав порубил мечом, полученным от ангела, Золотые ворота в Киеве, отчего на лезвии произошла щербина; что Болеслав, перед выступлением из Киева, в знак своего владычества над русскими и, следуя примеру Геркулеса, поставил столпы железные на Днепре, где впадает в него Сула, а в реку велел положить медные трубы, которые от течения воды издают звуки и произносят имя Болеслава… Как бы то ни было, Болеслав ушел из Киева.

Святополк успел освободиться от нечаянного своего врага-благодетеля, но другой уже шел на него. Не с чем было встречать ему Ярослава, и он бежал к печенегам, а князь новгородский опять занял Киев.

Уже на другой год (1019), собрав многочисленное войско, «в силе тяжце», явился Святополк с наемными печенегами. На реке Альте, там, где погиб несчастный Борис, противники сошлись. Все поле было покрыто воинами. «Господи, воскликнул Ярослав, неповинная кровь вопиет к тебе, отомсти! А вы, братья, помогайте мне!» Лишь только взошло солнце, началась битва, какой еще не было на Руси:

воины секли мечами, кололи копьями, так что кровь текла по удольям потоками. Три раза сходились противники, наконец, к вечеру одолел Ярослав.

Святополк должен был искать спасения в бегстве, но он не мог сидеть на коне от слабости. Его положили на носилки и понесли. Ему все казалось, что за ним гонятся, и он беспрестанно оборачивался назад, погоняя своих воинов. Лишь только те останавливались где-нибудь, как он высылал их осведомляться: «Посмотрите, не гонятся ли за нами». Отроки возвращались с ответом, что погони никакой не было, но больной вскакивал и кричал опять: «Гонятся, побежим!» — и воины должны были с ним спешить дальше и дальше. Так достигли они Бреста, города Туровского княжества. Святополк не успокаивался и никак не мог оставаться на одном месте. Ему все чудилась погоня. «Несите дальше, дальше!» Они пробежали Лядскую землю, говорит Нестор, и там, где-то за нею, Святополк «зле изверже живот свой».

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ

1019–1034

Ярослав мстил Святополку за смерть своих братьев, но было, за что мстить и ему. Полоцкий князь Брячислав, сын Изяслава, внук славной Рогнеды, унаследовал ее кровную ненависть к потомству разлюбившего ее мужа.

Брячиславу, в войне с Ярославом, помогали много, по рассказам норманнских странников, его прежние соратники, Эймунд и Рагнар, что мы узнаем из Эймундовой саги. «Служив киевскому князю несколько лет, сребролюбивые норманны были недовольны его скупостью; он всегда задерживал договорное жалованье, а, наконец, утвердясь на столе киевском, начали прижимать их так, что те решились оставить его совершенно. „Ну так что же вы будете делать?“ спросил их Ярослав на прощанье. „Чего тебе хочется всего меньше, отвечали они: мы пойдем к Брячиславу“, и с этими словами отправились они к своим ладьям.

Ярославу было очень неприятно лишиться таких сподвижников, а еще менее получить в них врагов. Жена его Ингигерда, которая принимала деятельное участие во всех делах, по обычаю жен норманнских, как Ольга, как Рогнеда, пошла вслед за ними с ярлом

Рагнвальдом и несколькими мужами. Все Эймундовы люди стояли на берегу и готовились отплыть. Они доложили своему князю, который сел уже в лодку, что княгиня хочет с ним видеться. „Я не верю ей, молвил Эймунд, она похитрее будет своего мужа, но уклоняться от беседы не годится“. Рагнар хотел было проводить своего товарища, но тот остановил его, сказав: „Ведь мы не на войну выходим“. Он подошел к тому месту, где дожидалась его княгиня со своими. Все они сели на холме. На Эймунде был плащ с завязанными тесемками; под полою спрятан был меч. Княгиня и Рагнвальд, говоря, подвигались к нему ближе и ближе, так что прикасались платья. „Нехорошо, сказала Ингигерда, что вы так расстаетесь с князем; мне хотелось бы уладить дело“. Между тем, ни у нее, ни у Эймунда, руки не оставались в покое: Эймунд развязывал тесемки, Ингигерда спускала рукав. Он уже догадался, что здесь не без козни, и в самом деле, лишь только княгиня, высвободив руку, подняла ее кверху, как ее люди бросились на Эймунда, но он успел отскочить, сбросив с себя развязанный плащ, а Рагнар, наблюдавший за беседою из лодки, бежал уже на помощь с товарищами, которые бросились с яростью на людей княгининых и хотели их перебить… Эймунд удержал: „Не надо, пусть идут они в покое домой, я не хочу ссориться с конунгом“. Ингигерда, смеясь над своей неудачей, разумеется, принужденно, удалилась к себе, а Эймунд с Рагнаром поплыли в Полоцк».

Брячислав напал на Новгород, пленил многих жителей и захватил богатую добычу. Ярослав догнал полоцкого князя на обратном его пути около реки Судомы и победил, однако же дал ему в придачу к прежней волости Витебск и Усвят (1021). Норманны рассказывали, что Эймунд и Рагнар успели захватить здесь в плен Ингигерду, ехавшую к мужу, выждав ее в засаде, чем и содействовали к заключению мира между князьями. Первый получил себе в управление северо-западную область с обязанностью охранять пределы Русской земли с этой стороны.

Вскоре за этой войной, Ярослав должен был защищаться от брата своего Мстислава, князя тмутораканского, который, один из всех сыновей Владимира, еще оставался в живых, кроме Судислава, княжившего, вероятно, в Пскове.

Мстислав, истинный витязь в норманнском духе, стал ужасом всех своих соседей около Черного моря. Прежде всего, он помог грекам уничтожить Хозарскую державу в Тавриде. Потом ходил он на соседних с Тмутораканью касогов (1022). «Зачем губить нам

воинов, предложил ему касожский князь Редедя, сразимся лучше мы двое, и не оружием, а борьбою. Одолеешь ты — и возьмешь мои владения, мою землю, жену и детей; а если я одолею, то возьму все твое». Мстислав согласился. Они схватились, боролись долго и крепко, тмутораканский князь начал изнемогать. «Мать Пречистая Богородица, воскликнул он, помоги, я выстрою тебе церковь», и, напрягши все мышцы, стиснул Редедю и ударил оземь, вынул нож и зарезал. Потом овладел всей землей его, взял жену и детей, ставших родоначальниками некоторых нынешних дворянских фамилий, обложил жителей данью и возвратился в Тмуторакань, где и заложил церковь Св. Богородицы, которая стояла там еще при жизни летописца.

Но Мстиславу хотелось больше земель из отцовского наследства. Он пошел на Киев, взяв с собою хозар и касогов (1023). Киевляне не пустили его, однако же, к себе, хотя Ярослава не было тогда дома: он уезжал в Новгород, а оттуда должен был отправиться в Суздальскую землю, где возмутился народ вследствие голода: волхвы пустили там молву, что старые бабы держат припасы. Народ принялся их избивать, и насилу Ярослав успокоил людей Божиим страхом. Казнил одних волхвов, а других разогнал. За житом послали Волгой купцов в Болгарию, которые привезли всего вдоволь, и народ ожил.

Чтоб отбиться от своего нового врага, Ярослав должен был возвратиться в Новгород, и искать помощи там, где находил ее отец его и прочие князья, во всяком случае нужды, — у норманнов. Ждать долго они себя не заставляли, было бы готово золото, серебро и паволоки за их ратную службу. И приплыл скоро к Ярославу Якун Слепой в золотом плаще со своей дружиной. Снарядившись, пошли они на Мстислава, который встретил их у Листвена, недалеко от Чернигова. С вечера исполчил он дружину, поставив северян в середине против варягов, а сам с нею по крыльям. Ночью вдруг поднялась гроза, и пошел дождь. «Пойдем на них», закричал удалой князь, и, под ударами грома, при блеске молнии, воины сразились. Северяне сошлись с варягами, но где же было им устоять против опытной в боях руки норманнского племени! Ярославовы варяги одолевали и «трудишася, секуще север», говорит летописец, но подоспел сам Мстислав с дружиной своей, навалился на варягов и сломил их полк. А между тем буря продолжалась, оружие блистало, освещавшееся вдруг молнией, гром гремел, и сеча была сильна и страшна. Ярослав увидел, что берет не его сила, и бежал вместе с

Якуном, который оставил на месте сражения свою златотканную одежду. На рассвете Мстислав, осматривая поле, усыпанное трупами, сказал: «Как мне не радоваться? Здесь лежит северянин, здесь варяг, а дружина моя цела».

Однако же он не хотел низложить Ярослава совершенно: он послал звать его, как старшего брата, в Киев, «а мне буди сия сторона». Но Ярослав не смел ему верить и прислал в Киев только мужей своих, а сам, только через три года, со вновь набранными воинами, появился в своей столице. Под Городцом братья разделили Русскую землю, назначив границей между собою Днепр (1026), «и начаста жити мирно, в братолюбстве, и уста усобица и мятеж, и бысть тишина велика в земли года три».

На четвертый год Ярослав, верный норманнской природе, в нем обновленной, начал продолжение походов на соседние племена, пошел воевать дальше и дальше.

В 1030 году ходил он и взял Бельз; потом далее на чудь, обложил ее данью и поставил город Юрьев (Дерпт), куда должна была собираться дань с окрестного поморья.

В 1031 году ходил он вместе с Мстиславом на Польшу, которая только что лишилась своего славного Болеслава и раздиралась междоусобиями. Воспользовавшись ими, братья опять заняли города Червенские, долго воевали Лядскую землю и привели много пленников, которых разделили между собою. Доставшихся на свою долю Ярослав посадил близ Киева по реке Реи, поставив на ней несколько городов.

Этот поход был последним для храброго Мстислава. Выйдя на охоту, он разнемогся и умер, вскоре после единственного своего сына Евстафия, и вся власть его досталась Ярославу, который сделался, как Владимир, самовластцем почти всей Русской земли (1036).

Новгород отдал он тогда сыну Владимиру, которому исполнилось 16 лет, а епископом назначил Луку Жидяту, для чего нарочно туда и ездил. Тогда же, вероятно, раздал он города и прочим сыновьям, а брата Судислава, оклеветанного, засадил в темницу в Пскове (1036), где он и оставался во все продолжение Ярославовой жизни.

В отсутствие его печенеги опять набежали на Киев. При первом известии Ярослав собрал войско, словен и варягов, и поплыл на помощь к своей столице. Печенегов было без числа. Ярослав исполчил дружину, поставив в середине норманнов, на правом крыле киевлян, на левом новгородцев. За городом произошло

кровопролитное сражение, и только к вечеру одолел киевский князь. Печенеги разбежались во все стороны, и многие потонули в Сетомли и других реках.

На месте сражения в следующем году (1037) заложил Ярослав великую церковь Святой Софии, наподобие константинопольской, а Киев обвел каменной стеной, для защиты от вражеских набегов, с Золотыми воротами, ветхие останки которых видны еще и теперь.

Надолго отразив дикарей, Ярослав опять принялся ходить на норманнский промысел, раздвигая более и более пределы Русской земли. В 1038 г. на ятвягов, в 1040 на Литву, в 1041 на мазовшан в ладьях, в 1042 старший сын его Владимир ходил из Новгорода на ямь, чудское племя, на юге нынешней Финляндии.

В 1043 году отправил Ярослав сына, снарядив многочисленное войско, на Царьград, к старинной любимой цели русских князей, оставленной в покое после принятия христианской веры и начавшегося родства с греческими императорами. Молодому Владимиру, пылкому и храброму юноше, захотелось, видно, отличиться в предприятии славном, на войне опасной и выгодной, с врагами знаменитыми, и он выпросил у отца его могучую, испытанную дружину, чтобы вместе с нею добыть славы и богатства.

Предлогом послужила обида, причиненная в Константинополе русским купцам, среди которой был убит один знатный русин. Норманны из-за моря явились верными помощниками. С полуночных стран Океана, говорят греки, прибыло в Киев множество воинов. Возглавить поход Ярослав поручил Вышате. В легких однодеревках поплыли витязи под Царьград по знакомому пути. Император Мономах, узнав о несущейся на него грозе, тотчас послал послов навстречу Владимиру, просить, чтобы он отложил оружие, и, из пустой причины, не нарушал долговременного мира. Владимир, которому хотелось войны во что бы то ни стало, осрамил послов и отпустил назад с высокомерным ответом. Константин должен был готовиться к обороне. Всех русских купцов, равно как и единоплеменных с ними воинов, которые служили его телохранителями, он выслал из столицы во внутренние области, и сам со всем греческим флотом двинулся в море; конница пошла берегом. Русь уже подплыла к самому проливу и остановилась у Фара. Противники выстроились, но никто не хотел начинать сражения. Император перед вечером отправил вторичное посольство с предложением о мире. Владимир опять принял послов с презрением и

потребовал по три фунта золота на всякого своего воина, чего и в половину не получил сам вещий Олег. Такого нелепого требования греки, разумеется, исполнить не могли и решили сразиться. На другой день отправили они три галеры ударить на неприятеля и вызвать его в открытое море. Начальнику их удалось проникнуть в середину русских судов и пустить греческий огонь; семь ладей он сжег, одну пленил, одну затопил. Русь снялась с якорей, выплыла на простор, как вдруг, ей на беду, подул ужасный восточный ветер. Поднялась буря. Море взволновалось, и все ладьи русские разметало: одни, опрокинутые, пошли ко дну, другие выброшены были на берег, иные унесены в открытое море. Княжеский корабль был потоплен, так что Владимира едва спас воевода Ярослава Иван Творимирич, приняв его к себе на корабль. На берегу собралось руси до шести тысяч, которым ничего не оставалось делать, как возвращаться сухим путем. Из княжеской дружины никто не хотел им сопутствовать. «Я иду, сказал Вышата, жить ли, умереть ли с товарищами», и покинул свой корабль.

Император, довольный успехом, удалился в город, оставив у Фара суда для преследования неприятеля. Русь после бури собралась в пристани, образуемой двумя мысами. Греки проплыли мимо, и Владимир, увидев их малое число, выслал несколько людей, чтобы пресечь им обратный путь. Гребя изо всех сил, другие русские пловцы успели окружить их со всех сторон. Грекам надо было сразиться, и Владимир разбил их совершенно, в утешение себе за вчерашнюю беду. Четыре судна взял он в плен, и даже то, на котором находился начальник ополчения. Прочие греческие суда сели на мель или разбились о подводные камни. Однако же Владимир, потеряв много судов и людей накануне, не мог исполнить своего намерения напасть на Константинополь и должен был удалиться, хотя и со многими пленными. Сухопутному отряду повезло менее: греки напали на русь близ Варны, захватили и привели пленными в Царьград, где многие из них были ослеплены. Вышата через три года, по заключении мира, был отпущен к Ярославу.

Это был последний греческий поход норманнских русских витязей, которые, в продолжение двухсот лет, чудесами своей отваги, предприимчивости и храбрости, приводили в трепет знаменитую столицу Восточной Империи и распространяли славу своего имени, обогащаясь серебром, золотом и паволоками.

После греческого похода Ярослав ходил только на мазовшан

(1046), подавая помощь зятю, польскому королю Казимиру, за которого отдал перед тем сестру и получил за вено восемьсот человек, плененных Болеславом. Он убил мятежника Моислава и покорил его подданных Казимиру.

С каждым годом усиливался и прославлялся Ярослав более и более. Под конец его жизни, пределы унаследованной им от отцов Руси распространились до Черного и Балтийского морей, до Уральских, Карпатских и Кавказских гор, до внутренней Польши. Вот как широко и далеко очертилась норманнами окружность Русского государства!

Пятерых своих сыновей, рожденных от шведской Ингигерды, Ярослав посадил по главным городам собранных в его руку славянских племен.

Старшему, шестнадцатилетнему Владимиру (род. в 1020 г.), он дал Новгород с его волостями еще в 1036 году.

Следовавшему за ним Изяславу (род. в 1024 г.), важнейшее из норманнских поселений, Туров, на реке Припяти, между дреговичами.

Святославу (род. в 1026 г.) — Чернигов, на реке Десне, с Тмутораканью, на Черноморском полуострове Тамани, и всеми землями по Оке, — северою, вятичами, Муромом и Рязанью.

Всеволоду (род. в 1029 г.) — Переяславль, на Суле, с Поволжьем, землей Белозерской и Суздальской.

Вячеславу (род. в 1036 г.) — Смоленск, на Днепре, и меньшему Игорю Владимир Волынский.

Всех своих сыновей Ярослав переженил на иностранных княжнах, а дочерей выдал замуж за королей и принцев и вступил в родство со многими европейскими государями.

Старший сын Владимир был женат на какой-то северной принцессе, которую местные летописцы считают дочерью английского короля Гаральда.

Изяслав на дочери короля польского Мечислава II, сестре Казимира.

Всеволод на греческой царевне.

Вячеслав и Игорь на немецких принцессах.

Дочь Анна отдана за короля французского Генриха I.

Анастасия за короля венгерского Андрея.

Елизавета за князя норвежского Гаральда.

Гаральд, по рассказам северных саг, был славнейший витязь

своего времени. Пятнадцати лет он уже снискал себе имя в сражении. Вследствие внутренних раздоров он должен был оставить родину и искать убежища на Руси. Ему поручено было начальство над дружиной, охранявшей северные пределы ее. Тогда-то, вероятно, посватался он к дочери великого князя киевского, но получил от нее отказ, какой дала ее бабка Рогнеда Владимиру. Гаральд уехал в Грецию и долго воевал на Средиземном море, по берегам Африки, чтобы добыть себе славы и богатства. Захваченные сокровища, через верных людей, он пересылал для сохранения в Киев, к Ярославу и Ингигерде, а о подвигах сложил следующую песню, имевшую целью привлечь сердце гордой русской девицы:

«Мы сразились с Трандами, но они многочисленностью одержали верх; сеча наша была злая и упорная; юноша, я был отлучен от молодого князя, который пал в сражении; но дева, живущая в Гардах, украшенная золотою гривной, пренебрегает мною.

Шестнадцать нас, мы вычерпали однажды воду, о женщина, из четырех ладей, во время бури; нагруженный корабль был орошен морскими волнами; верно, всякий слабодушный не поплывет туда, — но дева, живущая в Гардах, украшенная золотою гривной, пренебрегает мною.

Я знаю восемь искусств, умею слагать песни, искусен в верховой езде, иногда упражнялся в плавании, могу опираться на шест, я ловок метать копье, править веслом; но дева, живущая в Гардах, украшенная золотою гривной, пренебрегает мною.

Ни женщина, ни юная дева, не будут спорить, что поутру мы были в южном городе, где потрясали мечами и вторгались с железом и оружием: там есть свидетельство совершенных подвигов. Но дева, живущая в Гардах, украшенная золотою гривной, пренебрегает мною.

Я родился там, где Упланды натягивают лук. Теперь военные корабли, ненавистные поселянам, посылаю я подплывать к скалам. Лишь только спустится корабль, носом его мы рассекаем волны; но дева, живущая в Гардах, украшенная золотою гривной, пренебрегает мною».

Наконец, Гаральд возвратился в Киев, богатый и прославленный, и получил руку любезной ему Елизаветы, вместе со всеми сохраненными сокровищами.

Можно вообразить себе, какая сыграна была свадьба в стольном городе во Киеве, в светлом тереме великокняжеском, под песни вещих боянов.

Слава Ярослава разнеслась по всем дальним странам, «рекуще ко Греком, и Угром, и Ляхом, и Чехом, дондеже и до Рима пройде», и Киев стал тогда пристанищем многих королей и князей иностранных, преимущественно скандинавских, точно как и наши князья всегда находили себе помощь и спасение на севере.

Олав святой, король норвежский, изгнанный из своих владений Канутом, королем датским, искал убежища с сыном Магнусом у Ярослава и был принят с честью и радушием. Ярослав и Ингигерда убедительно советовали ему остаться в Гардарике и давали ему область Вулгарию. Однако он, через некоторое время, обольщенный надеждой возвратить себе престол, оставил Киев, и, получив со своими спутниками помощь от Ярослава, снабженный всеми средствами, отправился в отечество.

Магнус, сын его, жил в России очень долго. Друзья его отца, погибшего в сражении, через некоторое время, при переменившихся обстоятельствах, прислали к нему в Россию мужа звать на отцовский престол. Ярослав и Ингигерда потребовали торжественного посольства и приняли все зависящие от них меры для успеха.

Эдвин и Эдуард, сыновья короля английского Эдмунда, изгнанные Канутом, искали безопасности при дворе Ярослава.

Якун Слепой, знаменитый витязь скандинавский, сын шведского короля Олофа и шурин Ярослава, приходил к нему за помощью против брата Мстислава и в сражении Лиственском оставил свою жизнь.

Симон, племянник Якуна Слепого, изгнанный дядей, принят также Ярославом со своими единоземцами.

Сыновья Рогвольда, пришедшего с Ингигердой, оставались в России: Эйлиф служил вместе с Гаральдом, а Ульф есть, вероятно, тот Улеб, который ходил в 1032 году из Новгорода на Железные ворота в Заволочье.

Венгерские принцы, Андрей и Леванта, дети Ладислава Плешивого и какой-то безымянной русской княжны, долго жили на Руси, где Андрей и узнал о своем избрании на престол.

Ярослав пировал, воевал с соседями, пленял и убивал, — и в то же время строил церкви, учреждал монастыри, покровительствовал черноризцам, любил читать и слушать душеспасительные книги.

В 1020 году поставил он церковь Св. Бориса и Глеба.

В 1037 году воздвиг храм Св. Софии наподобие цареградского и украсил его золотом и серебром, мусией и стенной иконописью.

(Этот знаменитый храм, один из древнейших в Европе, был образцовым для всей Руси, сохранился до нашего времени в целости и ныне вполне восстановлен.)

В 1039 году была освящена вновь Владимирова церковь святой Богородицы, поврежденная пожаром 1017 года.

Потом Ярослав основал мужской монастырь святого Георгия, в честь своего ангела, и женский монастырь святой Ирины, в честь ангела своей супруги.

На Золотых воротах заложил он церковь Св. Благовещения. Строительство подвигалось медленно. Князь спросил своего тиуна о причине. Тот отвечал, что мало на работу является поденщиков, которые боятся лишиться найма в деле властительском. Ярослав велел привозить куны на телегах в комары Золотых ворот и объявить людям на торгу, что за день они будут получать по ногате — работников собралось множество, и церковь вскоре была отстроена.

В 1043 году сын Ярослава, Владимир, заложил в Новгороде великолепную церковь Св. Софии, столько знаменитую в его истории.

И по другим местам поставлено было много новых церквей. Увеличилось число черноризцев, которых Ярослав любил в особенности, как и священников. Вообще, вера христианская при нем начала плодиться и размножаться.

До такой степени предан был Ярослав христианской вере, особенно под старость, что велел выкопать из земли кости своих дядей, умерших в язычестве, Ярополка и Олега, и окрестить их. Они были похоронены вновь в церкви Святой Богородицы.

С особенным удовольствием относился он к духовным книгам, читал их, свидетельствует Нестор, днем и ночью, даже сам переписывал и клал на сохранение в основанной им церкви Св. Софии.

Кроме писаний, переведенных первоучителями, святыми Кириллом и Мефодием, и их учениками, Ярослав хотел познакомиться и с другими сочинениями отцов церкви, он собрал переводчиков и велел им переводить книги с греческого языка на славянский. Множество списков было изготовлено, которыми верные люди могли поучаться и просвещаться, и которые стали подлинниками для новых списков, рассеянных по монастырям и церквям. До нас дошли, например, списки с толкований пророчеств, писанных в Новгороде для князя Владимира попом Упирем Лихим.

Благочестивый современник так определил после деяние Ярослава: «Отец его Владимир взора и умягчи, сей же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем ученье приемлюще книжное».

Священнослужителям велено было учить людей и привлекать их к церкви и богослужению.

Введено демественное или уставное пение.

Усилия Ярослава распространить христианское просвещение, вместе с благочестивыми подвигами его отца, святого Владимира, начали приносить свои плоды. В избранных душах божественный свет проникал глубоко, и число их умножалось более и более. После приснопамятных варягов, Феодора и Иоанна, принесших в жертву христианской вере свою жизнь, после равноапостольного князя, преображенного во всем существе своем по получении святого крещения, сыновей его Бориса и Глеба, приявших с такой радостью мученические венцы, должно наименовать здесь в особенности священника Илариона.

Ярославов церковный устав, в дополнение и изменение Владимирова, дает епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, причиняемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, поджоги, воровство, драки и проч.

Ярославу принадлежит первое оглашение русских законов, которое он, «списав», дал первоначально новгородцам, отпуская их с благодарностью из-под Киева, с их помощью приобретенного, и сказал: «По сей грамоте ходите, якоже писах вам, такоже держите».

Эта Русская Правда, явственная и в договорах с греками под именем закона Русского, распространилась и по всей его державе. Норманнская в своем основании, она подверглась в продолжение двухсот лет до Ярослава влиянию славянскому, и потом несколько христианскому.

Вот весь круг первоначальных отношений между русскими людьми ее времени: убийство и право мести за оное, побои и пеня, укрывательство холопов, кража, порча оружия, со свидетелями, поручителями и судом 12 целовальников. Ниже мы приведем ее полностью, как ясное изображение современного общества, и вместе, как памятник живого языка.

К 1051 году принадлежит многознаменательное действие Ярославово: без всякого сношения с Византией, откуда мы получили

пастырей, он назначил киевским митрополитом Илариона, который и был посвящен епископами в соборе Святой Софии.

Так с самого начала власть духовенства стала у нас в подчинении власти правительства, сохраняя свое верховное право только в деле веры и ее учения.

Ярослав, в глубокой старости, на восьмом десятке, дождавшись многих внуков, между которыми последним был Мономах, сын Всеволода от греческой царевны, скончался в Киеве, на Федорову субботу, февраля 19 числа, 1051 года.

Из детей его был при нем только один, его любимец Всеволод (старшие — Изяслав туровский находился на ту пору в Новгороде, а Святослав черниговский во Владимире Волынском).

Летописец передает нам наставление Ярослава детям при наделении их областями.

«Живите мирно, и тогда Бог покорит вам противных; если же будете ссориться, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, что приобрели они трудом великим. Слушайте старшего брата, которому поручаю стол на мое место. Он будет вам вместо отца, и не даст никого в обиду».

Тело Ярослава положено в мраморной раке, целой до нашего времени, погребено в Софийском соборе, им основанном, с плачем Всеволода и всего народа.

Митрополит Иларион, написавший Исповедание православной веры и Похвалу Великому Князю Владимиру, так прославляет Ярослава, обращаясь к отцу его. (Предлагаем отрывки из обоих сочинений с переводом на современный язык, чтобы познакомить с религиозным образованием духовенства):

«Весьма добрым и верным свидетелем служит сын твой Георгий, которого сотворил Господь преемником по тебе на престоле: он не нарушает твоих уставов, но утверждает; не уменьшает учреждений твоего благоверия, но еще распространяет; не искажает, но приводит в порядок. Он недоконченное тобою окончил, как Соломон предприятия Давидовы; создал дом Божий великий и святый, в честь Его Премудрости, на освящение твоему граду, и украсил его всякими украшениями: золотом, серебром, драгоценными камнями, дорогими сосудами, так что церковь сия заслужила удивление и славу у всех окружных народов, и не найдется подобной ей во всей полунощной стране от востока до запада. Он и славный город твой Киев обложил величием, как венцом, и предал народ твой и город святой,

всеславной, скорой помощнице христиан, Богородице, которой создал и церковь на великих вратах, в честь первого праздника Господня, святого Благовещения, так что приветствие Архангела Деве можно приложить и к сему городу. Деве сказано было: радуйся, благодатная, Господь с тобою (Лука, I, 28). А граду можно сказать: радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!..

…Встань от гроба твоего, честная главо! Встань, отряси сон! Ты не умер, но спишь до общего всем восстания. Встань! ты не умер. Не свойственно умереть тебе, когда уверовал ты во Христа, жизнь всего мира. Отряси сон, возведи очи и посмотри, как Господь, сподобив тебя почестей небесных, не оставил тебя без памяти и на земле, в сыне твоем. Встань, посмотри на сына своего Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, которого извел Господь от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей, — и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину; посмотри и на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Господь хранит их: как содержат они благоверие, тобою преданное, как часто посещают святые храмы, как славят Христа, как поклоняются Его имени. Посмотри и на город, сияющий величием, посмотри на процветающие церкви, посмотри на возрастающее христианство; посмотри на город, освящаемый и блистающий иконами Святых, благоухающий фимиамом и оглашаемый хвалами святыми и божественными песнопениями.

И видев все сие, возрадуйся, возвеселись, и восхвали благого Бога, строящего все сие. Но ты уже и видишь, хотя не телом, но духом. Господь дает тебе видеть все сие. — Итак, радуйся и веселись, что семена веры, тобою посеянные, не иссушены зноем неверия, но, орошенные дождем Божия благопоспешения, расплодились изобильно… Радуйся, учитель наш и наставник благоверия!»

О Христианстве

«Един сын от Троицы — в двух естествах: Божеском и человеческом, совершенный человек по вочеловечению, а не в привидении, и совершенный Бог по Божеству, а не простой человек. На земле Он явил (свойства и дела) Божеские и человеческие: как человек, возрастал во утробе матерней, и как Бог, изшел, не рушив девства; как человек, питался матерним млеком, и как Бог, повелел Ангелам с пастырями воспевать: слава в вышних Богу; как человек, повит был пеленами, и как Бог, путеводствовал волхвов звездою; как

человек, возлег в яслях, и как Бог, принял от волхвов дары и поклонение; как человек, бежал во Египет, но как Богу поклонились Ему рукотворенная египетская (Исход, 19, 1.); как человек, пришел креститься, но как Бога убоявшись, Иордан возвратился вспять; как человек, обнажившись, вошел в воду, и как Бог, принял свидетельство от Отца: сей есть сын Мой возлюбленный.

…Спаситель пришел, но Израилем не был принят, как говорит Евангелие: во своя прииде, и свои Его не прияша (Иоанн, 1, 11), а язычниками принят, как предрек Иаков: и той чаяние язык (Бытие, 49, 10). Ибо, при самом рождении Его, волхвы из язычников первые поклонились Ему: а иудеи искали убить Его и за Него избили младенцев. Исполнилось слово Спасителя: яко мнози от восток и запад приидут, и возлягут со Авраамом, и Исааком, и Иаковом, во царствии небеснем. Сынове же царствия изгнани будут во тму кромешную (Матфей, 8, 11, 12). И опять: яко отъимется от вас царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его (21, 43). К язычникам послал Он учеников своих, говоря: шедше в мир весь, проповедайте Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет (Марк, 16, 13, 16). И: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Матфей, 18, 19, 20). И прилично было благодати и истине возсиять над новыми людьми. Ибо, по слову Господню, не вливают вина нового, то есть учения благодатного, в мехи ветхи, обветшавшие в иудействе: аще ли же ни, то просядутся меси, и вино пролиется (9, 17). Когда не могли иудеи сохранять закона образного, но многократно поклонялись идолам: то как могли бы сохранить учение благодати истинной? Для нового учения нужны новые мехи, новые народы, и обое соблюдется.

Так и было. Вера благодатная распространилась по всей земле, дошла и до нашего народа Русского. Воды закона иссохли, а источник Евангелия наполнился воды, — покрыл всю землю, разлился и до нас…»

Ярославова Русская Правда

1. Если муж убьет мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будет мстителей, то с убийцы взыскать 40 гривен, будет ли убитый русин, или гриден, или купец, или ябетник, или меченосец. Если то будет и изгой, или словенин, также полагается 40 гривен.

2. Или если кто будет избит до крови или синих пятен, то такому

человеку не искать очевидцев. Если же на нем не будет никаких знаков, то он обязан представить свидетелей: и буде не может того сделать, то и конец делу. Если кто не в состоянии мстить за себя, то взять ему 3 гривны, да лекарю плата.

3. Если кто кого ударит палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом, или тупой стороною меча, тот платит 10 гривен. Если бы его и не настигли, то все он платит 10 гривен битому, чем и кончится дело.

4. Если кто кого ударит мечом, или его рукояткою, с того взыскать 12 гривен за обиду.

5. Но если кто кого ударит по руке, и рука отвалится, или отсохнет, то платит 40 гривен. Если нога останется цела, или же только начнет хромать, то детям раненого смирять дерзкого.

6. Если кто отсечет у кого какой-нибудь палец, тот платит за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый ус 12 гривен; за клок бороды тоже.

8. Если кто вынет меч, и, однако же, не ударит, то платит гривну.

9. Если муж толкнет мужа от себя или к себе, то платит 3 гривны; только обиженный должен представить двух свидетелей; если же это будет варяг или колбяга, то он дает только присягу.

10. Если раб укроется или у варяга, или у колбяга, и если они после трех дней не выведут его, а господин между тем спознает его в третий день: то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

11. Кто без спросу поедет на чужой лошади, тот платит хозяину 3 гривны.

12. Если кто возьмет чужую лошадь, или оружие, или одежду, и хозяин спознает их у кого-нибудь в своей округе, то он имеет право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяин спознает свою вещь, однако же не получит ее, то он не в праве сказать тому, в чьих руках та вещь остается: «Это мое», но должен сказать ему так: «Пойдем со мною на свод; отыщем, у кого ты взял это». Если тот не пойдет, то обязан представить двух порук на 5 дней.

14. Во всех других случаях, если кто станет искать чего-нибудь на другом, а сей начнет запираться, то истец должен идти с ним на извод перед 12 граждан. И если по исследованию окажется, что ответчик поступил неправо, не давая требуемой вещи, то истец вправе взыскать с него свой скот (деньги), да за обиду 3 гривны.

15. Если кто, спознав своего раба, захочет взять его, то ответчик

должен вести господина к тому, у кого он купил спознанного раба, а сей обращается ко второму, второй к третьему; здесь господин должен сказать третьему: «Ты мне отдай твоего раба, а свой скот (деньги) отыскивай при очевидце».

16. Если холоп ударит свободного человека и скроется в доме, а господин не захочет выдать его, то платит господин за него 12 гривен. После, ударенный им человек, если встретит его где-нибудь, имеет право бить его.

17. Если кто испортит у кого копье, или щит, или одежду, и пожелает испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то с него скота (деньги). Но если бы он испорченного не захотел удержать за собою, то платит ему скота (денег) столько, сколько бы он сам заплатил за те вещи.

Княжением Ярослава оканчивается первый период Русской Истории, который по всей справедливости можно называть Варяжским или Норманнским. Князья, сохраняя чистый норманнский характер, подновляемый брачными союзами, ходили войною во все стороны, на восток и запад, юг и север, и облагали данью соседние племена, близкие и дальние, расширяя пределы своих владений и вводя везде норманнские порядки.

Любимой целью их бранных набегов был Константинополь, плативший Руси почти постоянную дань.

Рассматривая описанные события, мы постараемся теперь извлечь их смысл и понять, как возникало, развивалось и образовалось ими государство Русское.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

И государства, как все существа в мире, начинаются неприметными точками. Долго-долго, в сильное увеличительное стекло, надо смотреть на безобразную, разнородную груду земли, людей и их действий, на этот человеческий хаос, чтобы, наконец, поймать в нем трепещущую точку, поймать, вонзиться взорами и уже не выпускать потом ни на минуту из виду; с напряженным вниманием подмечать ее тихое, медленное, постепенное увеличение, все эпохи, или, лучше, моменты развития, пока, наконец, через много-много лет, много времени, точка эта обозначится, забьется жизнью, установится на своем месте, оденется плотью, обретет лицо, укрепится костьми и начнет действовать.

Рюрик был призван новгородцами.

Это происшествие принадлежит одному Новгороду, и то ненадолго: после того как преемник Рюриков оставил Новгород, оно оторвалось, если можно так выразиться, от последующей Истории; все дела пришли в первобытное положение, то есть новгородцы стали жить сами по себе и платить дань заморским варягам, как прежде, и ушедшим варягам-руси, которым посчастливилось утвердиться в Киеве. Кроме этой дани, Новгород уже не был соединен никакими узами с Киевом, и, следовательно, с текущей рекой Русской Истории, а, напротив, составил особое целое, как то мы видим ясно при Святославе, который отказывался от него за себя и сыновей. В Новгороде мы усматриваем только новое гражданское, то есть норманнское начало при Рюрике, которое вскоре подверглось влиянию древнего славянского, блеснуло и угасло.

Следовательно, такое совершенно отдельное происшествие нельзя назвать безусловно началом Русского Государства, еще менее, нежели современное утверждение Аскольда и Дира в Киеве. Это только прибытие, начало водворения норманнов между нашими славянскими племенами, временный военный постой в одном городе.

Почему же этим происшествием начинают Русскую Историю? Не имеет ли оно, по крайней мере, какой-нибудь доли в основании государства? Не соединяется ли чем-нибудь с последующими событиями? Нет ли какого перешейка, моста, между этим островом и твердой землей?

Главное, существенное в этом происшествии, относительно к происхождению Русского государства, есть не Новгород, а лицо Рюрика, как родоначальника династии, хотя он, подобно Ромулу, не имел, может быть, никакого понятия о своем будущем значении, Рюрика, который пришел с чувствами дружелюбными к племени, призывавшему его по доброй воле. Началось преемство, стало за кем следовать, хотя еще и в пустом пространстве. Вот почему это происшествие бессмертно в Русской Истории! Воздадим честь и Новгороду, старшему сыну России (рожденному, впрочем, прежде матери), за призвание князя, роду которого предназначено было основать впоследствии величайшее государство в мире.

Младенец Рюриков, Игорь, с его дружиной, есть единственный плод норманнского призвания в Новгород, единственный ингредиент в составлении государства, тонкая нить, которой оно соединяется с последующими происшествиями. Все прочее прошло, не оставив

следа. Если бы не было Игоря, то об этом северном новгородском эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в Русской Истории, или только мимоходом.

Таким неприметным атомом, относительно к формации, началось государство, зародышем, который именно едва можно поймать микроскопом исторических соображений. Это, употребим сравнение, бессмысленный корень слова, первый элемент звука.

Олег, удалой норманн, соскучился в Новгороде, или принужден был оставить его; пошел, с младенцем Игорем, куда глаза глядят. Случай, прихоть, нужда! Он пошел точно, куда глаза глядят, ибо поселиться в Киеве он сначала не мог думать: там жили его земляки, Аскольд и Дир, и жили уже 20 лет, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобы эти бранные, как он, витязи согласились уступить ему добровольно богатое место. И в самом деле, он побоялся сомнительной борьбы и, подойдя к Киеву, пошел на них не с открытой силой, а с хитростью, которая могла удасться или нет.

Или Олег мог отправиться со своей дружиной мимо Киева, на службу в Грецию, и пропасть там вместе с Игорем, не оставив следа, подобно сотням своих единоплеменников, и тогда другой вид Истории, другие лица и другие имена!

А как сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденного, младенца, на котором, однако же, лежит судьба отечества, который остался связать всю последующую Историю с новгородским призванием норманнов, который еще должен утвердить за отцом своим место в главе Русской Истории.

Кроме тех опасностей, которые он разделял с Олегом, были и другие: Олег мог иметь детей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство над дружиной, легко способное достаться более решительному, храброму, искусному. Вот каким случайностям подвергался Олег, и при нем Игорь, и зародыш русского Рюрикова государства!

Но не слишком ли много видеть здесь зародыш государства? Точно, это менее чем зародыш, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгород, Олег становился странствующим рыцарем со своей дружиной, лишался места. В эту минуту как будто пропало, скрылось из виду зачавшееся государство. Минута неизвестности! Семя предано произволу ветров!

Не должны ли мы трепетать за него? Что с ним будет? Куда

понесется оно? Где найдет себе родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно в Киев, где ему приготовлено лоно, где государству поставлена цель. Мнимой прихотью Олега выражается воля Провидения! Династия, оставшись в Новгороде, повела бы дела по необходимости иначе. Из Новгорода должна бы утвердиться у нас связь не только государственная, но и духовная, с Западом, латинством, папой, а надо было, видно, по высшему предначертанию, чтобы Европа пока состояла из двух половин, чтобы распадавшейся в то время религии приуготовилась особая церковь на Востоке, чтобы там когда-то, через тысячу лет, среди славянских племен, народилось государство-наследник римскому Востоку, Греческой Империи, Константинополю, как римский Запад достался в наследство, с землей, жителями, религией и образованием, немецкому народу.

Олег пошел, точка двинулась, это правда, точка, не более, но выйдет линия, и какая линия? Пол-экватора, треть меридиана.

Олегу посчастливилось овладеть Киевом. Он умертвил владельцев киевских, а мирные жители приняли его без сопротивления. Он остановился здесь и потом решился, кажется, остаться, по крайней мере, со своей стороны, в этом городе, обильном естественными произведениями, на большой реке, откуда так легко можно было совершать набеги во все стороны, особенно на заманчивый Царьград, — где так хорошо было, в продолжение двадцати лет, его единоплеменникам, Аскольду и Диру. Впрочем, где-нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла переменить намерение. Поселение Олега в Киеве было так же мирно, как и Рюриково в Новгороде, чем и определялся характер их взаимных отношений к жителям.

Владея Киевом и его областью, Олег в благоприятных обстоятельствах удержал право Рюриковых даней и распространил их, обложив новые племена. За данью, однако же, надо было всегда ходить специально — оброк непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще в состав государства, почти точно как платя дань прежде за море в 859 г., а только подготовлялись. Кое-где были оставлены мужи, которые, верно, часто отлучались, ходя на войну. Смерть застала Олега в Киеве.

Киев, с выражением Олега: «Се буди мати градом Русским», и временная дань с некоторых племен, — вот состояние зародыша, форма государства, оставленного преемником Рюрика.

Ленивый Игорь потерял было дань, перестав ходить за ней, и племена, пользуясь благоприятным случаем, отлагались. По крайней мере, всю свою жизнь он прожил в Киеве, и привычка, которую называют второй натурой, привычка дружины и города к князю и его роду, а князя к дружине и народу, привычка к оседлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игоре приобретение, почти невещественное, к родительскому наследству. Семя не развилось, но несколько укрепилось, приготовилось для развития. Под конец своей жизни Игорь захотел было притеснить соседних древлян и погиб за то от руки их. Новая опасность, по крайней мере, опасность Рюрикову роду: ближнее племя восстало и решилось на такое отважное действие — убить князя: что же сделают дальше! Что будет с самой дружиной? Как легко кажется какому-нибудь смельчаку захватить начальство и увести ее на промысел или самому сесть на престол!

К счастью, вдова Игоря, Ольга, имела характер мужской: она устроила все дела, и, мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее в большую зависимость; она же установила некоторые дани на севере.

У Игоря был также один сын, как у Рюрика, Святослав, к счастью молодой руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели разделиться, которой необходимо было раскинуться, хоть слегка, из одного центра, а не многих: одно семя должно было пока развиваться, одно государство расти, а не многие равносильные возникнуть вдруг. Рано было начинаться удельным княжествам: если бы у первых князей было по многу детей, то они, поссорясь тотчас между собою (неизбежный случай), воспрепятствовали бы развитию, не укрепившись, ослабли бы, и не успели бы захватить столько посторонних земель, кои могли отойти в состав других государств. Тяжело детям остаться сиротами, пока отец не устроит хозяйства.

Святослав, храбрый, твердый, воинственный, возмужав, взял и, следовательно, стал брать дань с новых племен и смирил прежние, которые беспрестанно пытались откладываться. Но полностью он владел собственно одним Киевом. Так и думал, если о чем-нибудь думал. Еще более, самый Киев он считал постоем и решился оставить его так, как Олег оставил Новгород. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверице с дыма, когда Греция предлагала ему золото пудами, и он решился перенести не столицу (это неверное выражение), а жилье в другое место, переселиться к другому

славянскому племени, в страну, им покоренную, в Болгарию, и перенести семя в другую почву! Оно так слабо привязано было к нашей земле, хотя уже и пустило росток, такой слабый корень имело, что не стоило ни малейшего труда оторвать его. Зародыш выкинуть. Болгарии выпадал жребий сделаться Русью, Нормандией. Наша почва оставалась для другого семени, и всего прежнего почти как будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятие об оседлости, наследственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты в норманнском характере Святослава достаточно было, чтоб уничтожить, изгладить слабые плоды ста лет. Святослав пошел, и семя опять предано произволу ветров. Перед отбытием Святослав отдал старшему сыну Ярополку свой Киев, а второго послал княжить на Волынь. Святослав не разделил, как говорят у нас обыкновенно, свои владения, но другого сына послал в дикое поле. Древлян, племя, самое близкое к Киеву, разоренное Ольгой, обложенное двойной данью и потому теснее связанное с Киевом, легче было держать в повиновении. Вот главная причина, почему Святослав послал туда сына.

Третьего сына, Владимира, вытребовали себе сами новгородцы, почти против воли Святослава, который говорил им даже: кто к вам пойдет?

Следовательно, Святослав все-таки владел одним Киевом, где жил, где жил и отец его; здесь нечего говорить о делении, ибо делят целое, делят свое владение, а Святослав не владел древлянами, которые только платили ему дань. Тем более должно сказать это о прочих дальних племенах, и, всего вернее и точнее, о новгородцах. Но если бы даже и владел — все только Киевом и ближней Волынью. Вот что отдал он двум сыновьям своим.

Не было деления, и еще менее пагубного примера! Деление было общее во всей Европе, необходимая принадлежность, степень гражданского общества, а не частная ошибка. Но у нас, повторю, не было еще ни деления, ни частной ошибки, ни примера.

Святослав пошел в Болгарию. Дети его могли следовать за ним туда же после его смерти, в помощь, для участия в его походах и предприятиях, а какая приманка для корыстолюбивых и честолюбивых норманнов богатый Константинополь и Малая Азия! И между славянскими племенами возникли бы опять прежние отношения, и надлежало бы ожидать новых обстоятельств, новых государей для готовых элементов государства.

Как все зыбко!

Случился же именно в это время в Греции такой государь, как Иоанн Цимисхий, один из самых воинственных государей в целом ряду византийских императоров, в продолжение долговременного периода. Он заставил Святослава удалиться из любезной Болгарии, который на обратном пути и сложил свою буйную голову с остальными мужами. Сыновья его лишены были средств идти в Болгарию, отнятую греками, не могли переселиться туда, если бы и хотели. Они остались у нас, владея порознь Киевом, Волынью и Новгородом.

Семя переслано опять к нам, или, лучше, укрепилось, глубже опустилось в нашей земле. Опасностей стало меньше, по крайней мере, дома.

До сих пор было по одному князю, и у этого одного князя бывало во владении по одному городу, из которого уже он ходил, по своему усмотрению, брать дань с разных племен, ближних и дальних. Теперь являются три князя, три брата, сыновья Святослава.

Олег так княжил на Волыни, а Владимир в Новгороде, как Ярополк в Киеве.

Еще два племени стали приготавливаться к составу будущего государства, хотя и порознь: не целое разделилось на части, как мы видели, но возникли части, которые после составят целое. Прибавим Полоцк с Рогвольдом, и Туров с Туром.

Были ли разделены дани между братьями? Вероятно, сначала каждому предоставлялось ходить в свою сторону, как далеко сможет. Но у них не было и времени ходить за данью по племенам, ибо братья тотчас перессорились между собой, сначала Ярополк с Олегом, потом Владимир с Ярополком, и возникла мысль о едином владении: один хотел завладеть, чем владели трое.

Ярополк одолел Олега, а Владимир, испугавшись, бежал за море, «и бе Ярополк владея един в Руси», посадив посадников на Волыни и в Новгороде. Вот уже новое явление! Ярополк, как прежде Рюрик, схватившись, так сказать, за оставшиеся концы, удержал власть братьев во всей полноте ее, и, следовательно, получил ее больше всех своих предшественников. Пребыванием князя в городе как будто узаконивалась принадлежность его наследнику. Все три области, Киев, Волынь и Новгород, составили одно владение. Ярополк один владел из Киева Волынью и Новгородом, через своих посадников.

Все три племени достались точно так же Владимиру.

Владимир, живя почти через сто лет после Рюрика, а время имеет свою силу, особую от происшествий и лиц, Владимир, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лет, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, с сильным характером и воинственным духом, Владимир, который, кроме своего Новгорода, отнял три владения (Полоцк, древлян и Киев) и умертвил двух владетелей (Рогвольда с сыновьями и Ярополка), Владимир первый стал князем-государем в настоящем значении этого слова, хотя все еще слабо, то есть только владетелем.

Ему уже не была нужна помощь чуждая, варяжская, и он спровадил от себя главную ватагу: так был он силен своими собственными домашними силами.

Он ходил за данью гораздо дальше прежних князей, даже за Карпаты, вероятно, определяя оную (новгородцы), а с другой стороны за Волгу. Некоторые племена даже сами привозили ему дань в Киев.

Он жил в своем владении, не думая о переезде, как еще его отец, так сказать, водворился, установился, а дух норманнский, дух движения, через сто двадцать лет, в четвертом колене, родившемся на Руси, стих и сам по себе.

У Владимира было двенадцать сыновей (само прежнее многоженство его имеет здесь свою историческую важность и значение), и он разослал их по племенам, уделив каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнее по его связям и богатству, чем у его предков, и совершенно от него зависела. Вот когда собственно племена начали входить в состав государства или подготавливать будущее государство, образовываясь в гражданском отношении отдельно, порознь. Вместо двенадцати прежних племен, двенадцати даней, мы видим теперь двенадцать обособленных владений, княжеств, под владычеством отца, великого князя киевского.

Супруга Владимира Анна, дочь и сестра византийских императоров, вступив в супружество с которой, он принял христианскую веру, содействовала еще более к утверждению этой мысли о постоянном местопребывании, сохранении владения и оставлении в наследство детям. (Точно как после другая греческая царевна, Софья, утвердила идею царя при Иоанне III и устроила двор.)

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лет княжения, участие

духовенства, которое у нас, как везде, приложило, разумеется, особое старание в смягчении нравов, и, следовательно, в мирной оседлой жизни.

Таким образом, политическое соединилось с религиозным, и первый христианский князь был одновременно и первым государем-владетелем, чуть ли и не правителем, потому что в его время мы видим следы положительного, письменного законодательства, вероятно, по примеру церкви, — сначала, разумеется, по норманнским обычаям для дружины, а потом и для народа, с влиянием греческих и славянских обычаев.

Каждый сын Владимира княжил так в своем городе, как отец в Киеве, центре, матери всех городов Русских, по выражению Олега. Живя посередине племен, князья легче могли содержать их в полном подданстве, нежели прежде один князь из дальнего Киева, и приучать к повиновению. Все они были, однако же, слабее своего отца, которому платили урочную дань, не смея ему противиться, кроме под конец одного Ярослава, который был дальше всех и мог надеяться на чужую помощь.

Сыновья, как и отец, должны были считать города уже своею собственностью, и даже средством для прокормления, содержания. Понятие о наследстве стало прикладываться к земле, приготовилось понятие о поземельной, хотя временной, собственности у князей, которые, разумеется, начали принимать участие и в правлении по примеру отца. Намечены будущие уделы по племенам.

Но все эти князья жили недолго. Одни умерли (при нем и после: Вышеслав, Изяслав, и проч.), другие погибли вследствие особых обстоятельств (при Святополке: Борис, Глеб, Святослав, и потом сам он, Святополк), третьи (Судислав) не могли ничего сделать против Ярослава, который остался один, и после нескольких междоусобных войн (со Святополком, Брячиславом, Мстиславом), и смерти братьев, получил почти все их княжества.

Они достались ему уже с такой зависимостью, в какой, привыкнувшие, находились от его братьев, принадлежали ему еще крепче, разумеется, чем Владимиру, и были управляемы по заведенному порядку, через наместников, ему подчиненных.

Ярославу принадлежали Киев, Волынь, Подолия, Галиция, Литва, Балтийское поморье, Новгород, Двинская область, Поволжье, Северская страна.

Все эти страны принадлежали ему точно, ибо города их мы

немедленно находим в уделах сыновей и внуков, как их вотчины, и наоборот — при этих последних они не могли быть завоеваны, потому что все действия их известны нам по летописям.

Границами Ярославовых владений были: Балтийское море, нынешняя Пруссия, Царство Польское, Карпаты, Новороссийские степи, Волга, отдаленное Заволочье.

Так удалые норманны, в продолжение двухсот лет, раскинули план будущего государства, наметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астролябии, с плеча, куда хватила размашистая рука…

Все племена и города находились в подданстве у одного князя (а потом одного рода), были одного происхождения, говорили на одном языке, хотя и разными наречиями, исповедовали одну веру, словом, это было государство, в некотором смысле, целое, хотя и сметанное на живую нитку. Шлецер, заключу мое рассуждение словами великого учителя, назвал удачно этот период Russia nascens.

Итак, двести лет рождалась Россия…

Симеон Полоцкий молился Богу, говорит предание, чтобы муки царицы Натальи Кирилловны продолжились более, дабы новорождаемый младенец Петр воспользовался долгой жизнью. Может быть, двухсотлетнему рождению и младенчеству Русского Государства, еще долговременнейшему юношеству, будет соответствовать в размерности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Общество во вновь образовавшемся государстве составляли: князь, дружина, воины, смерды.

Первой заботой норманнских князей было здесь, как и в прочих странах Европы, утвердить власть за собой, для чего, на удобных местах, строили они (Рюрик, Олег, Владимир, Ярослав) новые города и занимали важнейшие из прежних, расселяя в тех и других своих людей.

Став твердой ногой на всех важнейших точках, они принялись межевать землю по своему обычаю для определения даней. Веревка, упоминаемая в летописях Нормандии, употреблялась здесь, без сомнения, точно так же, и следы ее остаются долго в названии участков, на которые разделена была земля, верви, в глаголе тянуть,

которым до сих пор означается принадлежность в старинных грамотах.

Подчиненные племена обложены были данью от дыма или от рала, от плуга, по белке, по кунице, медом, скорою и другими естественными произведениями, а некоторые платили по шлягу, вероятно, по какой-нибудь иностранной серебряной монете, арабской, греческой, норманнской, приобретенной торговлей. Количество дани составляло цену и значение волости.

Князь держал землю, охранял безопасность, налагал дань, раздавал волости, ходил на войну, заключал договоры, творил суд и правду, пользуясь за то известными податями.

Сидеть, держать, ходить, водить, рядить — вот какими словами можно определить некоторым образом круг княжеских действий, по крайней мере, домашних: сидеть — владеть, сажать — давать власть, держать — управлять, ходить — собирать дань, водить — назначать, рядить — распоряжаться.

За данью князь ходил сам или посылал своих мужей по известным определенным путям. Вместе с собираньем дани князь занимался и судом. Такие объезды получили впоследствии название полюдьев, а путь стал однозначным с данью.

Дружина составляла драгоценное сокровище князя, ходила с ним на войну, призывалась на совет, пировала вместе.

Находясь всегда при князе, обновляясь часто новыми пришельцами, вследствие убыли при беспрерывных походах, особенно со Святославом, Владимиром и Ярославом, дружина не могла пустить глубоко корней в земле, она не получила поземельной собственности, которой, по причине малозначительности, не дорожила, довольствуясь участием в добыче и дани.

Это преимущество движимого имущества перед недвижимым дало особый характер древней Русской Истории, а по ней и времени последующему.

Дружина разделялась на старшую и младшую, бояр и отроков или детских (упоминаются еще между ними гриди и гости).

Звания эти были наследственными.

Некоторые из них получали волости и города в управление и себе на содержание, где заменяли князя, посылались также собирать дань.

Бояре имели своих отроков («отроци Свенелжи»).

Остальные норманны расселились по городам и составили главную часть их населения, военное сословие. Они содержались за

счет тянувших к ним судом и данью волостей, созываемые, ходили на войну и также получали долю в добыче. Дела свои решали они в общих собраниях или вечах, в которых принимали участие, разумеется, и туземные обитатели.

Город разделялся на внутренний и внешний, внешний — острог, внутренний — детинец (после кремль), получивший имя, вероятно, от детских, его занимавших.

В городах были посадники, собственно правители, тысяцкие — начальники над воинами, тиуны — над сборами. Под ними были сотские и десятские. При суде встречаются имена ябедника и метельника с неопределенными занятиями. Отроки были их помощниками.

Туземное словенское население называлось на языке господствовавшего племени смердами. Оно жило по волостям и городам, владело землей, производило по местам торговлю, тянуло данью к судам и городам, а во всех прочих делах управлялось само собой.

Поселяне шли, кажется, охотно по найму в закупы, преимущественно ролейные, обрабатывать землю и исправлять другие службы и распоряжения господина, за известное жалованье, надеясь жить спокойнее под его защитой и имея свободу переходить куда угодно.

Много искони было и холопов, добытых войной, на стороне и дома, вследствие вины и сопротивления, как древлян во время Ольги. Холопами или невольниками производилась даже значительная внешняя торговля.

Холопству подвергались и свободные, за известные провинности, за неплатеж долга, за женитьбу на рабе.

Торговлей занимались норманны и словене, все сословия без различия, и даже сами князья, по Днепру с Грецией, по Волге с Востоком, по Двине с Пермью, по Неве и Двине с Балтийским морем.

Серебро ценилось на вес: гривна (марка, литра), означала фунт. В гривне считалось 20 ногат, а в ногате две с половиной резани. Кун в гривне 25. Кунами назывались и вообще деньги, другое слово для денег — скот.

Язык слышался двоякий. Пришлое племя употребляло свой язык, северный, Norrena, следы которого мы встречаем в именах собственных: Рюрик, Трувор, Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Свенельд, Руалд, Торберн, Ивар, Грим, Колскет, Фроде, Адун и проч.; в именах

Днепровских порогов ессупи (ei-sofa, не спи), ульворси (holmfors, островной порог), геландри (giallandi, звенящий), варуфорос (barufors, волнистый порог); в именах, относящихся к гражданскому устройству и управлению: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, ряд, скот, гривна, стяги.

В мужах княжих, отроках и детских, добрых людях, дружине, робичиче, слышится перевод.

Туземцы говорили своими словенскими наречиями (еще очень между собою близкими), в которых мало-помалу потерялся язык северных пришельцев.

Точно то же должно сказать и о вере. Норманнское учение видно по договорам с греками, — в их клятвах, знаменующих веру в бессмертие души; по сказаниям Нестора, в их жертвоприношениях и именах богов: Перуна и Волоса; по известиям арабским — в их обрядах.

Славянское учение должно быть восстановлено из языка, известных и уцелевших обычаев и обрядов, поверий и песен.

Стрибог и Дажбог, в числе кумиров, поставленных Владимиром, принадлежали, без сомнения, славянам.

Волхвам приписывалось знакомство с тайными силами природы и их употреблением.

Норманнские и славянские верования уступили святому учению Христову, первые семена которого принесены Аскольдом и Диром, почти одновременно с основанием государства в Новгороде; плоды его мы видим уже в дружине Игоревой, и, наконец, особенно в жизни Ольги и Владимира. Греческие священники, а за ними и болгарские, явились в Киев и завели живую связь с Византией, умственную и духовную.

Священное Писание, переведенное тогда же на близкое родственное славянское наречие, если не тождественное, понятное всему народу, разнесло повсеместно новые правила, взгляды, мысли. С принятием христианской веры Владимиром произошел переворот в избранных душах.

Способность, с которой было принято и понято многими святое учение, указывает на готовность и значительную степень житейского развития племен. Основались многие монастыри мужские и женские, где новые люди устремились искать спасения. Другие пустились на Восток в странствие ко святым местам. В дальних областях и глухих местах, впрочем, долго держалось язычество. Из Ростова многие

жители выселились на Волгу, не желая принять христианской веры, и некоторые обряды его уцелели до нашего времени.

Вместе с христианской верой начинается у нас письменность и грамотность: кроме Священного Писания русские христиане получили книги, нужные для богослужения, кормчие, некоторых отцов церкви, хронографы, которые послужили образцами местным грамотеям: из числа их, в конце этого периода, мы имеем киевского митрополита Илариона, новгородского епископа Луку Жидяту, печерского игумена Феодосия, неизвестного киевского летописца, послужившего источником или основой для Нестора.

Народная норманнская поэзия жила в сагах, в которых воспевались удалые подвиги князей, удивительный поход Олегов «посуху, аки по морю», под Константинополь, гибель Игоря, месть Ольги убийцам ее мужа, путешествие в Грецию, чудеса храбрости Святослава, сватовство Владимира дядей Добрыней и совместные их походы. Песни о богатырях Владимировых поются до сих пор в Великой России.

«Начати же ся тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым волком по земли, сизым орлом под облакы. Помняшеть бо речь первых времен усобице.

Тогда пущашеть десять соколов на стадо лебедей: которой дотечаше, та преди песнь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы Касожьскими… Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедей пущаше, но своя вещия персты на живыя струны воскладаше, они же сами князем славу рокотаху».

С христианством характер поэзии переменился, но цветом ее покрылось еще сказание о принятии веры, житие Владимира, житие Бориса и Глеба, сказание об основании церквей.

Народная поэзия словенская жила в песнях обрядовых, праздничных, плясовых, семейных, в которых воспевается преимущественно свободная, беззаботная жизнь девичья, горькая доля замужества от притеснений свекра и свекрови, измена полюбовника, несчастная судьба вдовья. Русская песня ожидает разработки, которой дополнится История.

Законы явствуют из договоров русских князей с греками. Первое оглашенное собрание, принадлежащее Ярославу, известно под именем Русской Правды. Ими определяется кровная месть за

убийство, денежная пеня или вира за раны и повреждения, а также и за кражу, указываются средства для возвращения собственности. Двенадцать избранных судей, впоследствии целовальников, представляют нечто вроде суда присяжных.

В темных и сомнительных случаях производилось испытание железом, и дело решалось судебными поединками, которые назывались, по крайней мере вскоре, полем.

О частной, домашней жизни господствующего племени известно следующее.

Норманны любили пировать: «Руси есть веселие пити», сказал Владимир. На пирах пилось за здравие, как видно из ближайшего к этому времени известия о пире под 1063 г. На этих-то пирах и раздавались песни Боянов.

В походах образ жизни был другой, как видно из примера Святославова.

Охота и рыбная ловля были любимыми занятиями русских князей.

Из славянских обычаев, древнейшее известие есть о банях, которое приписывается Св. Апостолу Андрею: «Дивно видети Словеньскую землю, идучи ми семо, говорит, по преданию, Св. Апостол Андрей: видех бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будут нази, и облеются квасом усняным, и возмут на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьют, егда влезуть, ли живи, и обльются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье собе, а мученье».

Сватовство норманнское видно из описания брака Владимирова. «И седе (Владимир) в Новегороде, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочу пояти дъчерь твою собе жену“. Он же рече дъчери своей: „хочеши ли за Владимира?“ Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“. И придоша отроци Владимирови, и поведаша ему всю речь Рогънедину. В сеже время хотяху Рогънедь вести за Ярополка».

Многоженство допускалось. Муж давал за жену выкуп, вено. Красота уважалась.

Дети отдавались на воспитание приближенным боярам, которые назывались кормильцами.

Молодые князья очень рано рассылались на княжение, как сыновья Владимира, и с самых молодых лет принимали участие в

войнах: Святослав начал сражение, не имея еще силы пустить далеко копье.

Над покойниками насыпались курганы и совершались тризны.

Князь жил в тереме каменном, при котором был обширный двор. У князей были загородные дворы: у Владимира в Киеве сельцо Берестовое, у Ярослава в Новгороде Ракома.

Туземные слова для означения жилищ: хоромы, клети, истобки или истбы. Сенями называлась, кажется, верхняя часть дома. Одрины — горница, где стоял одр, постель; стол — седалище, стул; стрехи — навесы на дворе.

В поле употреблялись шатры или вежи.

Одежда называлась портами. Корзно — род епанчи. Луда — плащ шерстяной. Платки, убрусы, сапоги, лапти, ковры, поясы. Для езды: воза, кола, сани, седла, узды.

В пищу употреблялось мясо скота и зверей, в нужде и конское, рыба, овощи, мед, сыта, кисель, хлеб. Мясо варилось и пеклось. Были повара. Кадь, лукно, ведро, латки, лжицы, ножи — вот слова, встречающиеся в памятниках о мере и весе. Питье — мед, вино, квас, олуй.

Свойства народные видны в действиях. Война была любимым занятием норманнов. Оружие их: мечи, щиты, копья, сабли, стрелы, ножи, брони. Сражения выливались в рукопашные схватки. Войско выстраивалось, разделенное на крылья. Станы, или товары, укреплялись окопами, города осаждались, брались копьем. Употреблялись засады. Перед войском носились стяги или знамена.

На войне русские искали славы и корысти.

Гордость, жестокость, мстительность, к которой обязывались они и по закону, хитрость, сладострастие — их пороки. Добродетели открыло христианство, а в язычестве отличались они только доблестями, каковы храбрость, смелость, неустрашимость, терпение. Женщины не уступали мужчинам: примеры Ольги, Рогнеды, Ингигерды, достаточно свидетельствуют об этом.

Относительно телосложения отличались ростом и стройностью.

Письменные памятники норманнского периода: договор Олега 911 года; договор Игоря 944 года; договор Святослава 971 года — в летописи.

Эти договоры, сочиненные сначала, по всей вероятности, на греческом языке, были переведены болгарскими грамотеями, которые жили в Константинополе или Киеве, подобно двум переводчикам

великой княгини Ольги, приезжавшим в Константинополь с ее свитой, по свидетельству императора Константина.

Церковный устав Владимира. Церковный устав Ярослава. Самый же примечательный для нас во всех отношениях памятник есть Русская Правда великого князя Ярослава, в которой сохранилось преимущественно местное наречие. То же должно сказать и об Уставе о мостовых великого князя Ярослава. Льготные грамоты Ярослава пропали.

Памятники норманнского периода вещественные: основание десятинной церкви, сооруженной Владимиром Святым, несколько букв из ее надписей. Храм Св. Софии в Киеве, основанный Ярославом, с современной мозаикой и живописью, 1031. Храм Св. Софии, основанный сыном его Владимиром в Новгороде в 1043 году. Основание церкви Св. Ирины. Развалины Золотых ворот Ярославовых 1037 года. Пещеры варяжские в Киеве. Пещеры Антониевы и Феодосиевы. Изображения Св. Ольги, Владимира, Бориса и Глеба на образах и житиях в лицах. Гробница Ярослава. Монеты Владимира и Ярослава.

Основание Русской Истории заключается в древнейшей летописи монаха киево-печерского Нестора, жившего во второй половине XI века.

СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ С ИСТОРИЕЙ ЗАПАДНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА

Западные европейские государства обязаны происхождением своим завоеванию, которое определило и всю последующую их историю, даже до настоящего времени.

«Основание новых больших государств, говорит Тьери, один из представителей западной истории в наше время, было преимущественно действием силы; новые общества устроились из обломков обществ древних, разрушенных насильственно; и в этом процессе воссоздания многочисленные племена лишились, не без страданий, своей свободы и даже имени, замененного именем чуждым.

Сословия высшие и низшие, которые ныне наблюдают себя с недоверчивостью или борются за образ мыслей и правления, суть ничто иное во многих странах, как племена завоеванные и порабощенные прежних времен. Таким образом меч завоевания

возобновил лице Европы, и, разместив ее жителей, оставил свою древнюю печать на каждом народе, составившемся из смеси многоразличных племен. Племя воинственных пришельцев сделалось классом привилегированным, перестав быть особливым племенем. Из него произошло воинское дворянство, которое, принимая в недра свои все, что было честолюбивого, буйного, бродяжного в низших сословиях, для того чтобы не перевестись, возобладало над населением трудолюбивым и мирным, в продолжение военного правительства, происшедшего от завоевания. Племя побежденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружием, но работой, обитая не в крепких замках, а в городах, образовало общество, как бы отдельное от военного союза завоевателей. Этот класс поднялся по мере того, как ослабевала феодальная организация дворянства, происшедшего от древних завоевателей, естественно или политически, — может быть потому, что сохранил в стенах своих остатки римской гражданственности, и с этой слабой помощью начал новую цивилизацию».

Вот что видят французы и англичане в истории своих земель, — и это очень верно.

Предлагаю вкратце историю западных государств.

К одному племени приходит другое (к галлам франки, к бриттам норманны, к испанцам вестготы, к итальянцам лонгобарды и проч.). Пришельцы побеждают туземцев и поселяются между ними. Предводитель делит землю между своими сподвижниками, которые (феодалы), в крепких замках, становятся господами, угнетают народ, отделяют его от государя, — и живут за счет племени побежденного. Возникает непримиримая ненависть между этими племенами, которая усиливается тем более, чем долее должна бывает таиться. Только в городах укрываются немногие жители, которые в течение веков, после многих тщетных усилий и жертв, мало-помалу, с величайшим трудом освобождаются от их влияния и успевают приобрести себе независимость, при помощи королей, которым феодалы были также тяжелы. В городах образуется среднее сословие, а при дворе аристократия, происходящая от феодалов, которые переходят туда из замков, присваивают себе все привилегии и начинают угнетать народ под другой формой. Среднее сословие после оборонительной войны предпринимает наступательную, стремясь уравниваться мало-помалу с привилегированной аристократией. Она не уступает, и борьба этих двух сословий

оканчивается революцией, историю которой Наполеон выразил в четырех словах: галлы свергли иго франков.

В наше время низшие классы, вслед за средним, являются на сцену, и точно как в революции среднее сословие боролось с высшим, так теперь низшее готовится на Западе к борьбе со средним и высшим вместе. Предтечей этой борьбы мы уже видим: сенсимонисты, социалисты, коммунисты, соответствуют энциклопедистам, представившим пролог к Французской революции. Горе, если средние сословия не образумятся там заблаговременно и не сделают уступок. Им дается теперь на решение задача такого же рода, как нотаблям в 1789 году: те не поняли своего положения и навлекли на свое отечество тучу бедствий. Не понимают, кажется, и наши знаменитые современники, судя, например, по просьбам манчестерских фабрикантов и речам Грагама и Пиля, которые с таким ожесточением не хотят уступить одного часа из двенадцати в облегчение несчастных работников и вешают равнодушно на аптекарских весах капли их пота и крови, в гордой надежде распутать Гордиев узел, который лишь только затягивается крепче на Западе.

Все эти происшествия, прошедшие, настоящие и будущие, имеют тесную связь между собой, составляют одну цепь и ведут свой род, совершенно генеалогически, от завоевания, т. е. от начала западных государств.

Завоевание, разделение, феодализм, города со средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов, — это первая трагедия европейской трилогии.

Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция, — это вторая.

Уложения, борьба низших классов… будущее в руце Божией.

Истории западных государств, повторю, представляют одни и те же явления, только с немногими отличиями, смотря по количеству, качеству, соразмерности и прочим отношениям ингредиентов начала.[6]

Обратимся теперь к Русской Истории и посмотрим, представляет ли она эти главные, характеристические явления Западных Историй.

---

[6] Древняя политическая история Европы, т. е. греческая и римская, представляют совершенное подобие с новыми в этом отношении. Вся История Рима от Ромула до Цезаря есть не что иное, как борьба патрициев с плебеями, которые уравнялись, увы, уже под военным диктаторством Цезаря. У греков те же отношения выразились в соперничестве Афин и Спарты, в войне Пелопоннесской, пока Филипп и Александр не положили им также конца; Цезарь и Александр совершенно соответствуют Наполеону, а история Французской революции есть кровавая миниатюра всех западных историй.

С первого взгляда мы примечаем, что у нас, в начале ее, нет решительно, по крайней мере, в том виде: ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы…

Отчего такое различие?

Западные явления, как мы видели, тесно связаны со своим началом, из которого они непосредственно проистекают: так точно и наши явления, наша История, должны быть связаны с нашим началом. Если следствия различны, то и начала различны.

Действительно, мы имеем положительное сказание летописи, что наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания. Вот источник различий! Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас происходит от призвания, беспрекословного занятия и полюбовной сделки.

Призвание и завоевание были в то грубое, дикое время, положим, очень близки, сходны между собою, разделялись очень тонкой чертой, — но разделялись!

Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; разве вооруженным глазом можно подметить их тонкое различие? Но дайте время этим семенам развиться, вырасти, и вы увидите, что из одного возникнет дуб, а из другого пальма, или какое-нибудь нежное, благоуханное растение, и тонкое различие зерен обнаружится разительно в цветах и плодах.

Вот два шара, употреблю другое сравнение, совершенно равные. Положите их на одно место рядом, ударьте их с одинаковой силой, — но случись одной линии, какому-нибудь легкому, неприметному склонению, разделить толчок, — шары понеслись в разные стороны и через некоторое время вы видите их в беспредельном между собой расстоянии. Ничтожная разница в первом толчке, изменяя направление, решает их судьбу и переносит на противоположные точки.

Так и в истории государств: малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях.

Рассмотрим теперь политические явления, сопровождавшие наше начало, сравнительно с западными, генеалогия которых выше объяснена.

Составные части, элементы государства, в первый период его происхождения, суть: государь, народ, разделяющийся на сословия — высшее (дворянство), среднее (собственно, так называемое,

промышленное, городовое), низшее (сельское), и земля.

Будем говорить о каждом элементе порознь.

Государь, сам по себе. Первый наш князь, Рюрик, призван был добровольно в Новгород, Олег принят в Киев без сопротивления. Тот и другой не имел, следовательно, и даже не мог иметь враждебных чувств победителя, завоевателя, какие питали западные государи; тот и другой не мог смотреть на свое владение, как на добычу, взятую с боя, приступом; не имел никаких внутренних врагов, ни внешних соперников, в своем, хотя и ничтожном, в сравнении с западными королевствами, владении. Наш государь был званым мирным гостем, желанным защитником, а западный государь был ненавистным пришельцем, главным врагом, от которого народ напрасно искал защиты.

И отношения его были совершенно другие, чем на Западе, — к боярам, городам, народу.

К боярам. На западе король был обязан своим сподвижникам (герцоги, графы), помогавшим ему покорить землю, а наш князь не имел никаких обязанностей к боярам, большей частью его родственникам, которые сопровождали его без всякой со стороны его нужды; не имели случая оказать ему никаких важных необходимых услуг — и только в случае неудовольствия могли оставить его.

К народу. С народом у нас князь имел дело лицом к лицу, как его защитник и судья, в случаях, впрочем, очень редких, за что и получал определенную дань, — вот в чем состояло его отношение, — а западный государь отделен был совершенно своими вассалами.

Переходим к боярам.

Бояре, сами по себе. Бояр и мужей, соответствующих западным воеводам, у нас было гораздо меньше, чем на Западе (в Галлии, Британии, Испании, Италии), куда пришли огромные войска-племена со множеством предводителей. Потому-то они не составили у нас особого класса, многочисленного сословия, сильного элемента, а были только передним рядом княжеской свиты, гвардии, дружины.

Отношения бояр к князю. Воеводы западные почитали себя почти равными королю, который без них ничего не значил, не мог владеть государством, не мог действовать, всего менее повелевать ими, а наши находились в полном распоряжении князя, — ближайшие исполнители его приказаний, — его родственники, слуги, наемники, без которых он мог обойтись всегда. Они зависели от князя, а на Западе князь зависел от них. Те делали, что хотели, а

наши, что приказывал им князь.

К земле. Феодалы западные отняли у туземцев, разделили между собою, как добычу, землю, которую покорили под предводительством короля, а наши не прикоснулись к земле, а получали иногда от князя, временно, в виде жалованья или по договору за свою службу, часть дани, доходов с того или другого города, — как его наместники, приказчики или откупщики, которых он всегда мог сменить, без малейшего для себя вреда и неудобства.

Феодалы рассеялись по всему пространству покоренной земли, а наши не имели постоянного пребывания и жили там, где назначал им князь, — преимущественно при нем, участвуя в его походах военных и мирных.

К народу. Феодалы западные, отняв землю и заставив работать на себя ее обитателей, с самого начала поставили себя во враждебное отношение к ним, а наши бояре, не имея никакого дела до народа, кроме сбора дани и суда, жили большей частью в добром согласии с ним.

К государству. Феодалы западные основали многие владения, малые государства, из которых отвлеченно состояло одно большое, а у нас было одно какое ни есть государство. Западное государство можно выразить дробью 10/10, а наше единицей.

Народ и земля. Земля на Западе досталась сполна пришельцам, а у нас осталась как прежде, в общем владении народа, под верховной (отвлеченной), властью князя, который о ней не думал, потому что не имел никакой нужды. Народ на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в рабство, а у нас остался свободным, как был, потому что не был покорен. Вся перемена состояла только в дани, которую он начал платить князю или его приказчикам, дани естественными произведениями, в которых у него был излишек, и которых девать было некуда — следовательно, не отяготительной.

Одним словом — наш народ был посажен на легкий оброк, а западный осужден на тяжелую барщину. Оброк и барщина, сами по себе, составляют еще и теперь важное различие для поселянина, уже смиренного, ручного; а что сказать о тяжелом оброке и легкой барщине в первое время гражданских обществ, близкое к природе и естественной свободе?

Города. Города на Западе, с остатками римской образованности и гражданственности, стали пребыванием людей особого звания, занятых промышленностью, а наши города были те же села с

одинаковыми жителями и занятиями, и названы городами потому только, что князья избрали их местами пребывания для себя или для своих мужей и воинов, и огородили, по этой причине они не могли стать особенным элементом государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетворением первых потребностей этого рода, оставалась, как прежде, занятием поселян.

Сословия. Победители и побежденные, покорители и покоренные, дали происхождение двум классам на Западе, дворянству и рабам, — а у нас не было ни победы, ни покорения, и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства, в европейском смысле.

Не от кого было откупаться, некуда было скрываться, и не произошло убежищных городов, не зародилось и третьего, то есть среднего сословия.

Все жители различались только по своим занятиям, равно доступным для всякого, а в политическом, гражданском отношении, были равны между собой и перед князем.

Надеюсь, читатели видят теперь ясно происхождение, последовательность, связь начальных государственных явлений на нашем Востоке, и противоположность их от первого момента с историей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась в течение последующих двухсот лет, которые служат у нас продолжением первого момента и составляют с ним нераздельное целое, заключают одно происшествие, начало государства, чего опять не представляет Запад.

Хлодвиг, Вильгельм Завоеватель, Албоин и прочие, покорили Галлию, Англию, Ломбардию, одним разом, с твердым намерением поселиться, и тотчас основали государства, окружность которых ими уже была очерчена. Такое действие требовало больших усилий, особенного напряжения, а сохранение приобретенного в своем владении — еще более, чем и определились, как мы видели, все их гражданские отношения, определилась вся западная история. Там государства родились в одночасье, а наше рождалось двести лет.

Рассмотрим теперь влияние этой долговременности на первоначальные отношения, нами выше объясненные.

Первые князья владели у нас по одному городу, в котором жили, или, лучше сказать, остановились постоем, ибо не имели мысли о

постоянном пребывании; они не боялись потерять ничего, тем более что ничем не дорожили, следовательно — как сначала им не нужны были помощники для водворения, так, естественно, и теперь были не нужны для того, чтоб сохранять владения.

Пользуясь благоприятными обстоятельствами, они начинают ходить в походы со своей дружиной по разным сторонам и распространять пределы своей дани, все еще не думая о прочном владении. Если у них недоставало собственных средств, они нанимали себе войско у единоплеменников. Чаще всего целью их были богатые соседи, особенно Греция, вознаграждавшая сторицею их труды.

Таким образом, князья постепенно богатели, распространяли свои владения, усиливались и еще более утверждали первоначальную самобытность — к тому времени, когда дух движения успокоился, все пути преградились, и привычка к давнишнему месту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимире и Ярославе, которые окончили очертание окружности, положили по последнему камню основания, почти через двести лет после первого прибытия варягов.

Вот как первоначальное отличие русского князя от западного короля утвердилось окончательно.

Точно такое же действие долговременным основанием государства произведено и на бояр сравнительно с Западом: первые поколения их не имели большого значения, а последние, Владимировы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюрика и Олега, как товарищи, могли еще, может быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды их пресеклись едва ли не в продолжение несчастных походов Святослава, и Владимир привел себе новых мужей, нанятых им на Севере для войны с Ярополком; закончив войну, одних, по выбору, он оставил у себя, для службы, а других выпроводил в Грецию. Ярослав поступал таким же образом.

Наши мужи по городам получали от князя воинов, которые помогали им исправлять их должность, между тем как феодалы западные, получив землю, обязаны были ставить королю воинов, которые и составляли единственное его войско. Таким образом, наши бояре по необходимости были подчинены князю, и боярство в западном смысле решительно отстранилось.

Самая дружина, вследствие беспрерывных многолетних войн, несколько раз переводилась и возобновлялась сполна, и, следовательно, не могла пустить глубоких корней, усилиться на счет

князя, а находилась в совершенной от него зависимости.

Племена славянские облагались одно за другим данью, на том же основании, как первые, — оставаясь свободными, владея по-прежнему землей и не питая никакой ненависти к пришельцам.

Пределы государства распространились, следовательно, исподволь, без усилий со стороны князя, без непосредственного участия бояр, без отягощения народа.

Число городов увеличивалось, только как жилищ для княжеских наместников и сборщиков дани.

Тьери, желая итогом изобразить состояние Франции в эпоху основания государства, приводит места из законов салических:

«Если свободный человек убьет франка, или варвара, или человека, живущего под законом салическим, то повинен заплатить пеню в двести су. Если римлянин владелец, то есть имеющий поземельную собственность в области, где живет, будет убит, то уличенный в убийстве должен заплатить сто су.

Кто убьет франка или варвара на службе короля (truste), тот должен заплатить шестьсот су. Если римлянин, гость короля, был убит, то пеня в триста су.

Если кто, собравши войско, нападает на человека свободного (франка или варвара) в его доме и убьет, то будет осужден на шестьсот су. Но если простолюдин или римлянин будет убит такой толпой, то будет выплачен только половиной этой пени.

Если римлянин наложит узы на франка, без законной причины, то повинен заплатить тридцать су. Но если франк свяжет римлянина без причины, то повинен платить пятнадцать су.

Если римлянин ограбит франка, то повинен заплатить семьдесят два су. Если франк ограбит римлянина, то повинен заплатить тридцать су» и проч.

«Вот, говорит Тьери, каким образом закон салический отвечает на вопрос, столь часто подвергаемый обсуждениям, о первоначальном различии гражданском между франками и галлами».

Развернем Русскую Правду, написанную во время Ярославово, в эпоху окончательного основания государства, — представит ли она такую противоположность с законом салическим, какую противоположность мы видели в основании Русского государства с основанием западных государств. Где искать лучше поверки?

«Аж убьет муж мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, браточаду, любо братню сынови; ожели не будет кто его мьстя,

то положити за голову… ачели будет Русин, любо гридь, любо купец, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, любо Словенин, то 40 гривен положити зань».

За русина и словенина совершенно одна пеня! Они, следовательно, имели одинаковые права. Как разительно этот закон Русской Правды, замеченный Карамзиным, противоположен с салическим, и как ясно подтверждается им различие в начале государств западных с русским! В основание государства у нас была положена приязнь, а на западе ненависть.[7]

К историческим, бытовым (фактическим) отличиям присоединились, что очень удивительно для мыслящего наблюдателя, совершенно соответственные отличия физические и нравственные.

Физические: пространство, народонаселение, его плотность, почва, климат, положение, система рек.

Нравственные: народный характер, религия, образование.

Рассмотрим, как эти отличия содействовали к произведению одинаковых явлений и следствий с историческими, вышеперечисленными.

I. Пространство. Такая обширная страна, как Россия Ярославова (между Балтийским морем, Польшей, Карпатскими горами, Новороссийскими степями, Волгой и дальним Севером), страна в несколько раз более Франции, Англии, Ломбардии, Ирландии, не могла быть вдруг, подобно им, завоевана; пройти это пространство взад и вперед, вдоль и поперек — недостанет жизни одного поколения, а покорить, содержать в повиновении, тем более. Так и было. Монголы после прошли ее, правда (и то в немногих направлениях), но монголы ходили многочисленным войском, почти целым народом, а норманны могли набегать только артелями, с которых было довольно временной дани.

Итак, пространство представило невозможность быстрого завоевания, а другое следствие от этой причины было следующее: земли свободной было много, не так как на Западе, и никто не дорожил ею, ни князь, ни бояре, ни местное население. Бери всякий, сколько хочешь, — на что же было отнимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное!

---

[7] В этом признаются многие из западных писателей: сенсимонисты даже выходят из того начала, что вся общественная жизнь у них составлена на начале оппозиции, то есть вражды, следовательно, должна быть преобразована.

II. Народ туземный (славянский) был очень многочислен и един по своему происхождению, — чего также не представит ни одна страна того времени, Галлия, Британия, Италия, заселенные раньше, получившие много разнородных обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло влияние, которому невольно подчинились малочисленные пришельцы. Норманны растворились в славянском населении, подобно капле вина в сосуде воды, так что их стало не видно, лишь только прекратились северные выселки, и они остались одни, то есть, после Ярослава. А на Западе наоборот: там взяли преимущество пришельцы и наложили свою печать на туземцев. Там галлы, в известных отношениях, стали франками, а у нас варяги-русь превратились в славян.

Надобно, впрочем, прибавить, что славяне, восприяв в недра свои норманнов, удержали при себе доставленные ими дары, гражданство и христианство.

Заметим еще вот что: многочисленность всегда внушает уважение к себе. Князья, и особенно их мужи, находясь часто с немногими помощниками, вдали от своих жилищ, среди многолюдных обществ, в невыгодной для себя пропорции, должны были, естественно, из опасения, воздерживаться от лишних притеснений, если бы даже когда и представлялся им повод или случай, что и содействовало к поддержанию доброго согласия и приязни между пришельцами и туземцами.

III. Заселение не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, реками, без больших дорог, при трудных сообщениях, препятствовало в IX столетии всякому потоку завоевания и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдруг идти далее, не осмотревшись на месте, а это требует времени. Все походы производились по рекам, а страны, лежавшие вдали от оных, в глуши, по сторонам, в заволочьях, оставались долго в покое, пока князья распространились по всем городам, откуда уже могли, на досуге, ходить направо и налево.

IV. Земля бедная, обильная только главными естественными произведениями, удовлетворяющими первым нуждам, голоду и жажде, и то за труд, с потом и кровью, земля, не доставлявшая никакого излишка, не привлекала завоевателей. Что взять было князьям, боярам, от ее бедных жителей? Они спешили на промысел в другие богатые места, под Царьград, к берегам Черного и Каспийского морей. Уже только тогда, как пути были преграждены,

ни домой на Север, ни в Грецию на юг, и деваться было некуда, они, между тем, привыкнув к земле и жителям, остались жить на неблагодарной почве. Совсем не то на Западе, где пришельцы нашли себе рай земной, в сравнении с их отчизной, из которого некуда им было желать более.

V. Климат суровый, холодный, заставлял обитателей жить дома, около очагов, среди семейств, и не заботиться о делах общественных, делах площади, куда выходили они только в крайней нужде, предоставляя все с охотою князю и его боярам, чем устранялось всякое столкновение и раздоры.

VI. Положение ровное, без гор, одинаковое, содействовало одинаковости отношений, гражданскому равенству — везде одни и те же выгоды и невыгоды. Некому и нечем было воспользоваться. Феодалу негде было бы выстроить себе замка, он не нашел бы себе неприступной горы, да и камня нет на строение, а только сгораемый лес.

VII. Система рек, текущих внутри земли, странное отделение от всех морей (Белого, Балтийского, Черного и Каспийского), вследствие принадлежности устьев иноплеменникам, мешали туземцам приходить в соприкосновение с другими народами, получать новые понятия, узнавать чужие выгоды и невыгоды и судить о своих. Мы оставались одни и шли своей дорогой, или, лучше, сидели дома, в мире и покое, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различия нравственные:

VIII. Характер славянский. Нет нужды входить здесь в доказательства, что одни свойства имеет северный человек, другие южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрее, чем у другого; что каждый народ имеет свой характер, свои добродетели и свои пороки. Славяне были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый. Все древние писатели утверждают это о своих славянах, то есть западных. Наши имели и имеют эти качества еще в высшей степени. Потому они и приняли чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью и не раздражали ничем. Поляне платили дань хозарам, пришел Аскольд — стали платить ему, пришел Олег — точно так же. «Кому вы даете дань?» спрашивает Олег северян. «Хозарам». «Не давайте хозарам, а давайте мне», — и северяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушие, противоположные

западной раздражительности, содействовали к сохранению доброго согласия между двумя народами, слившимися вскоре воедино. (Только в самых крайних случаях они стояли за себя: так, древляне убили Игоря, так, словене разделались с буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это и не доводили до крайностей.)

IX. Религия. Варяги-язычники встретились у нас со словенами-язычниками, и оставляли одни других в покое. А западные завоеватели встретились с христианами и начали действовать друг против друга, — новый источник ненависти, которого у нас не было.

Впоследствии варяги приняли христианскую веру и распространили ее между славянами, принявшими ее так же, по своему характеру, без сопротивления, по крайней мере, большей частью, а на Западе наоборот. У нас пришельцы сообщили религию туземцам, а там туземцы пришельцам.

И вера принята у нас восточная, во многом противоположная религии западной. Те получили ее из Рима, а мы из Константинополя. Не место заниматься здесь разбором отличий между обеими церквями; укажем только на те, которые соответствуют вышеописанным политическим отличиям: западная более стремится вовне, восточная углубляется внутрь; у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие; у них инквизиция, у нас терпимость. Действуя вовне, западная церковь вошла по необходимости в соприкосновение со светской властью и получила на время преимущество над ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать, как ей угодно.

X. Образование. У западных племен, к которым пришли завоеватели, уже было образование, — и гражданское, и умственное, — кроме религиозного, о котором мы сейчас говорили. Каково же было им расстаться с этими сокровищами в жертву варварам! А у нас гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, которого пришельцы не коснулись. Новое гражданское образование привито у нас к дереву свежему, дикому, а там к старому и гнилому. Их здание выстроено на развалинах, а наше на нови. Мы получили гражданское образование от пришельцев, а западные племена дали им.

Столько различий положено в основание Русского государства сравнительно с западными! Не знаешь, которые сильнее: исторические, физические или нравственные! Каковы же они вместе, действуя одно на другое, укрепляя себя взаимно, приводя к одному

концу!

Эти различия развивались впоследствии и представляли из Русской Истории, при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели, совершенную противоположность с историей западных государств, что касается ее путей, средств, обстоятельств, формы происшествий, — противоположность, которую представляет наша жизнь и теперь, несмотря на все усилия, преобразования, перевороты, время.

Вот что надо иметь непременно в виду, скажем здесь кстати, рассуждая о Русской Истории, в каком бы то ни было ее периоде, произнося приговор ее событиям, разбирая ее достоинства и недостатки, хваля и порицая действующие лица, изъявляя желания или опасения для будущего времени. Иначе мы будем впадать в детские ошибки, то есть искать такие плоды, для которых не было семян, и оставлять без внимания другие, может быть, драгоценнейшие, потому что их нет нигде.

Предложу для ясности простое сравнение: хорошо ли мы поступили бы, если бы бросили рожь — нашу кормилицу, и принялись везде сеять маис, обольщенные рассказами о его сладости и вкусе? Мы должны были бы вскоре умереть от голода, потому что не наготовились бы маису на целое народонаселение, хоть бы вздумали строить везде оранжереи.

Происшествия не имеют такой очевидности и осязательности, как естественные произведения, и много времени проходит иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значение того или другого; но смело можно сказать даже судя по одному, разобранному нами теперь началу, что мы должны отказаться от своего прошедшего существования, т. е. своей Истории (что, впрочем, и делают некоторые), должны необходимо допустить нелепое заключение, что нынешняя Россия произошла из ничего, если будем прикладывать западный масштаб к русской исторической жизни. Нет! Западу на Востоке быть нельзя, и солнце не может заходить там, где оно восходит.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО КИЕВСКОЕ

По обозрении норманнского периода Русской Истории приступаем к изложению событий, составляющих содержание периода, по преимуществу, удельного, от кончины Ярослава до

покорения России монголами (1054–1240).

Главные уделы, назначенные Ярославом, были: Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир. Особые княжества: Новгородское и Полоцкое.

Начинаем повествование с Великого Княжества Киевского.

Изяслав, как старший из оставшихся сыновей Ярослава, сел, по его кончине, на стол киевский, имея отчиной Туров (1054).

Область Изяслава по левому берегу Днепра, увеличенная вскоре Волынским уделом меньшего брата Игоря, граничила к востоку с Переяславским и Черниговским княжествами, от которых отделялась рекой Днепром; к северу с Полоцким княжеством и Литвой; к западу, за Вислой и Дунайцем, с Польшей; к югу с Венгрией, по Карпатские горы, и потом степями Подольскими и Новороссийскими, до реки Тясмени.

В Изяславовой области заключались нынешние губернии:[8]

Киевская, Подольская (кроме южной части), Волынская, значительная часть Минской и Гродненской, почти вся Галиция и часть западной Польши.

Изяславу принадлежал и Новгород, где он посадил посадником Остромира.

Братья остались в данных им отцом городах, к которым, у старших, если не прежде, то теперь, приданы были области: к Чернигову Муромская, к Переяславлю Ростовская.

Полоцк составлял особое владение в роде Рогнеды, у правнука ее Всеслава, сына Брячислава Изяславича.

Лет двадцать жили Ярославичи в согласии, по крайней мере, внешнем, рядили ряды дома, обороняли Русскую землю, соединенными силами ходили на войну.

Они выпустили из псковского поруба дядю Судислава, сына Владимира, который сидел там двадцать четыре года (1035–1059), заточенный братом Ярославом по клевете. Племянники водили дядю к кресту, чтобы он не замыслил на них зла. Несчастный старик постригся в монастыре Св. Георгия, и вскоре умер (1063).

Собравшись с мужами своими, они отменили смертную казнь за убийство и положили денежную пеню. К правилам, внесенным при отце их в Русскую Правду, они присоединили еще несколько других, определяющих пени за различные преступления.

---

[8] Имеется в виду дореволюционное административное деление России. *Примеч. ред.*

«Правда, постановленная для Русской земли, в собрании Изяслава, Всеволода, Святослава, Коснячка, Перенега, Никифора Киянина, Чудина, Микулы.

18. Если будет несправедливо убит огнищанин,[9] то убийце платить за него 80 гривен; а прочие не подлежат сей пене. За убийство княжеского гонца (?) 80 гривен.

19. Если кто убьет огнищанина в разбое, или если убийца не будет отыскан, то платит виру тот округ, где совершилось убийство.

20. Если будет убит огнищанин за кражею в клети, или кражею лошади, быка или коровы, то убиение его как убиение пса. Такой же конец и за тиуна.

21. Но за княжеского старосту 80 гривен; за старшего конюха, приставленного к стаду, 80 гривен, как то постановил Изяслав, по делу своего конюшего, убитого дорогобужцами. За сельского, княжеского и крестьянского старосту 12 гривен; за рядового княжеского 5 гривен, за земледельца и холопа 5 гривен.

22. За крепостную кормилицу и дядьку (?) 12 гривен.

23. За княжеского коня, если он будет зарезан, 3 гривны; за земледельческого 2 гривны; за кобылу 60 резаней, за быка гривна, за корову 40 резаней, за трехгодовалого быка 13 кун, за годовика полгривны; за теленка 5 резаней, за ярку ногата, за барана тоже ногата.

24. Если кто уведет чужого холопа или рабу, тот платит хозяину 12 гривен.

25. Если кто придет в крови или в синих пятнах, то такому жалобщику не искать свидетеля.

26. Если кто украдет лошадь, или быка, или окрадет клеть, и если он крал их один, то повинен платить гривну и 30 резаней. Если же воров будет и до 10, то каждый из них должен заплатить по 3 гривны и 30 резаней.

27. Если кто сожжет или выдерет княжескую борть, тот платит 3 гривны; за борть земледельца 2 гривны.

28. Если кто самовольно, без княжеского повеления, накажет земледельца, тот платит битому 3 гривны; за огнищанина, тиуна и меченосца, в сем случае, 12 гривен.

29. Если кто запашет или истребит полевую межу, тот за обиду платит 12 гривен.

---

[9] Огнищанин — крестьянин, земледелец. *Примеч. ред.*

30. Ежели кто украдет ладью, то платит за ладью 30 резаней, да пени 60 резаней же.

31. За пару голубей и цыплят 9 кун; за пару уток и гусей, за пару журавлей и за одного лебедя 30 резаней; да пени 60 резаней же.

32. Если кто украдет собаку, или ястреба, или сокола, то платит за то 3 гривны.

33. Если кто убьет вора на своем дворе, или у клети, или у хлева, то так тому и быть. Если он будет удержан до рассвета, то вести его на княжеский двор; если же он будет убит, и другие видели его связанным, то платить за него.

34. Если будет убит вор, и следы ног будут открыты внутри двора, то так тому и быть; если же следы будут найдены вне двора, за воротами, то платить за убийство его.

35. Если кто украдет сена, то платит 9 кун; за дрова то же. За покражу овцы, козы или свиньи, если бы даже десятеро украли одну овцу, платить пени 60 резаней. Поймавшему вора 10 резаней. Меченосцу из гривны куна; для девятины 15 кун; князю 3 гривны. Из 12 гривен поимщику 70 кун; для десятины 2 гривны; князю 10 гривен.

36. Вирные приносы постановляются следующие. Вирнику получать 7 ведер солоду на неделю; сверх сего дается ему баран, или полоть ветчины, или две ногаты (резани); в середу одна резань, да три сыра, в пятницу то же; хлеба давать вдоволь, тоже и круп; кур по две на день; лошадей ставить четверку и корму давать им столько, сколько могут съесть. Вирнику 60 гривен, 10 резаней и 12 векшей; да предварительно платить одну гривну. Если же постом потребуется для него рыбы: то брать ему за рыбу 7 резаней. Таким образом, всех кун должно идти на него 15 в неделю; а брашна столько, сколько могут съесть. Виры сбирать вирникам до воскресенья. Это пошлины, постановленные Ярославом.

37. Но для мостовщиков назначаются следующие пошлины. Если они наведут мост, то брать им за работу по ногате, да со сваи столько же. Если нужно будет поправить несколько досок в обветшавшем мосте, 3, или 4, или 5, то брать ту же плату».

Пещеры, Антониева и Феодосиева, где число братий умножалось, были предметом общего благоговения и любви Ярославичей; они помогали святым отшельникам своими приношениями, и младшие завидовали брату. Было, однако же, время, когда печерники подверглись гневу Изяслава — за пострижение двух его любимцев, которые убежали от мира для спасения душ в новую обитель —

Варлаам, сын первого боярина Ивана, и Ефрем, ключник великого князя, предержавший все в его дому. Изяслав, впрочем, был укрощен объяснениями сподвижника Антониева и Феодосиева, Никона, и начал часто ездить к ним во вновь основанный монастырь, чтобы слушать их святые беседы.

Ему захотелось вскоре основать и собственный монастырь, во имя своего ангела, Св. Димитрия, и он выпросил у Антония и Феодосия игуменом к себе этого Варлаама, после которого принял управление в пещерах Феодосий.

Меньшие Ярославичи жили недолго. Первым умер Вячеслав смоленский (1057), на чье место переведен Игорь из Владимира, который достался, кажется, великому князю Изяславу к Киеву, а потом умер и Игорь (1069), после которого Смоленск разделен на три части.

Малолетние дети Вячеслава и Игоря остались пока ни при чем, и, может быть, с матерями увезены на время в Германию.

Внешние походы продолжались по обычаю:

Изяслав из Новгорода ходил (1055) на чудь (в нынешней Эстляндии).

На голядов (живших в Прусской Галиндии) — 1058.

На ссолов (в нынешней Курляндии), и обложил их данью (1060).

Потом, вместе с братьями и Всеславом полоцким, Изяслав ходил на торков, восточное племя, жившее по соседству (к востоку) с Переяславским княжеством, с которыми еще и прежде имел дело Всеволод (1055). Кочевые дикари, услышав об идущем на них ополчении, по воде и по суше, разбежались. Много умерло от голода, много от холода, мором и судом Божиим (1060). Другие поддались и заселили южные границы княжества Киевского, близ реки Роси, и Переяславского, где и начали скоро русеть.

Торки были смирены, но вскоре явились с этой стороны, с юго-востока, новые враги, гораздо более сильные и опасные, половцы, единоплеменные или родственные с печенегами и прочими древними и новыми выходцами из Азии.

Они обитали прежде в степях Азиатских, близ Каспийского моря, а теперь подвинулись к северо-западу, оттеснили печенегов и торков и заняли ровное пространство на север от Черного моря, преимущественно по Дону. Это дикое, хищное племя, осыпаемое поносительными прозвищами от наших летописцев, показалось еще в первый год по смерти Ярослава, но тогда ушло, заключив мир с

Всеволодом (1055), а теперь, с 1062 года, начинаются их опустошительные набеги.

Многими чудесными знамениями предвестилось, по замечанию современников, это бедствие. Солнце изменилось, и не стало давать света, как месяц снедаемый; явилась звезда на западе превеликая, пуская от себя лучи, будто кровавые. Семь дней видел ее народ с вечера по закате солнечном; Волхов в Новгороде шел пять дней вверх, и рыболовы в Киеве вытащили неводом детище уродливое, так что и смотреть было страшно летописцу.

Половцев мог бы удерживать один удалой князь Ростислав, сын Владимира Ярославича, отнявший Тмуторакань у Святославова сына Глеба. Он разнес по югу ужас русского имени, но вскоре погиб (1067), отравленный греками.

Между тем, «рать почал» (1065) наследственный враг Ярославичей, внук знаменитой Рогнеды, Всеслав полоцкий.

В 1067 г. он напал на Новгород, по примеру отца, сжег и ограбил его.

Ярославичи пошли на его волость, взяли Минск на щит, иссекли мужей, а жен полонили. На Немизе сеча была злая. Всеслав бежал. Братья зазимовали в Смоленске, и летом призвали к себе Всеслава на сейм, обещая с клятвой не причинить ему никакого зла. Тот поверил клятве, был вероломно схвачен на Рши и отвезен в Киев, где и посажен в темницу с двумя сыновьями, — ненадолго.

Половцы появились снова (1068). Ярославичи вышли к ним навстречу, но были разбиты на Альте и вынуждены искать спасенья в поспешном бегстве. Грабители «розсулися» по всей земле.

«Божие наказание, восклицает летописец, за грехи наши. Мы называемся христианами, а не погански ли живем? Игрища утолочены, и людей на них бывает столько, что толкают друг друга на бесовском позоре, а церкви в час молитвы стоят пустые. Трубами и скоморохами, гуслями и русальями, диавол отвлекает нас от Бога. Встретив на пути монаха, монахиню, всякий спешит домой назад, иной верит закыханью (чиханью) на здравье голове. Не поганские ли это обычаи? Вот за что казнит Бог нас, как и другие народы. Покаемся, братия, востягнем по добро, не будем платить злом за зло, клеветой за клевету, прилепимся любовью к Господу Богу».

Изяслав и Всеволод добрались до Киева, Святослав до Чернигова. Люди киевские сбежались вслед за ними и сотворили вече на торговище. Решено было еще раз попытать счастья с половцами.

Варяжские наемники послали к князю за оружием и конями. Изяслав отказал. «Это Коснячко виноват, воевода», кричали люди, взбежали на гору на двор к нему, но не нашли его дома. Там разделились они на две толпы: одна бросилась к городовому погребу, а другая на княжий двор. Изяслав сидел в сенях со своей дружиной и смотрел из оконца, что делается. Люди, стоя внизу, начали перебраниваться с князем. «Видишь, князь, сказал ему Тукий, брат Чудинов, люди мятутся; пошли стеречь Всеслава». А в это время подоспела и другая толпа, отворившая погреб. Волнение увеличилось. «Худо дело, твердили бояре Изяславу, посылай к Всеславу, вели подманить его к окну и приколоть». Но князь не послушался, и люди в самом деле бросились с криком к темнице Всеслава. Тогда Изяслав увидел беду, и, испуганный, бежал. Люди пустились грабить княжее имущество, золото и серебро, куны и бель, а прочие, освободив Всеслава, поставили его среди княжего двора (1068, сент. 15).

Всеслав сел на киевском столе 15 сентября, в день Воздвижения святого Креста, «которому он поверил, замечает летописец, и который теперь спас его и возвеличил, а клятвопреступников наказал».

Половцы, между тем, опустошали все окрестности и подступали к Чернигову, но были отражены Святославом.

Изяслав бежал не туда, где в подобных обстоятельствах искали спасения его отец и дед, не на север, не к норманнам, которым теперь стало не до чужих дел, занятым своими смутами, он бежал на запад, в Польшу, к племяннику Болеславу II Смелому, сыну сестры его Марии и Казимира, — и польский король дал ему войско, с которым изгнанный князь киевский возвратился (1069) отыскивать себе стол своего отца. Всеслав вышел было к нему навстречу, но, увидев, что ему сладить не под силу, бежал ночью тайно от киевлян к себе в Полоцк (5 апреля).

Поутру проснувшись, киевляне увидели себя без князя, и поспешно возвратились в Киев, где сотворили вече.

На вече они решили просить помощи у Святослава и Всеволода. «Мы виноваты, послали они сказать братьям, прогнав своего князя, — но вот ведет он ляхов на нас. Ступайте защищать город отца своего, а если не хотите, нам неволя: мы зажжем его и уйдем в Греческую землю».

Люди были уверены, что там всегда радушный прием для секироносцев.

Святослав обещал заступиться и утешил киевлян. Вместе с братом послал он сказать Изяславу: «Всеслав бежал, противника тебе нет, не води ляхов. Если ты хочешь иметь гнев, то знай, что нам жаль отчего стола: мы вступимся».

Изяслав послушался братьев и отпустил ляхов. С немногими воинами и Болеславом приближался он к Киеву, а сына Мстислава послал вперед (1069). Тот пришел и начал свирепствовать, иссек 70 человек чади, которые выпустили Всеслава из темницы, одних ослепил, других обобрал, без всякого испытания. Киевляне вышли с поклоном к подошедшим между тем Изяславу и Болеславу (мая 2). Оставшиеся ляхи были распущены на покорм в Киеве, но их вскоре начали убивать хозяева, и король должен был спешить восвояси.

Изяслав немедленно отправился из Киева на Всеслава и выгнал его из Полоцка, где посадил сына Мстислава, и по внезапной смерти его, другого сына, Святополка (1069), которому, однако же, деятельный Всеслав не давал владеть спокойно своей вотчиной, и, наконец, вынудил уступить совершенно (1071).

Торг, где происходило враждебное вече, Изяслав согнал к своему двору на гору.

И Антоний, в подземной своей пещере, не избег гнева Изяслава по подозрению в расположении к ненавистному для него Всеславу. Черниговский князь, наслышавшись о его святости, рад был дать ему убежище у себя и прислал дружину, которая ночью похитила его из заточения и привезла в Чернигов, где в Болдиных горах выкопал он себе новую пещеру и прожил некоторое время.

Изяслав, однако же, помирился с ним и убедил возвратиться в Киев.

Он оказывал великое уважение и сотруднику его Феодосию. Однажды приехал он с немногими отроками и слез с коня у ворот, на коне никогда не въезжал он на монастырский двор. Привратник не пускал, говоря, что не велено отпирать ворот до вечерни. «Я князь, сказал Изяслав, меня ли ты не пустишь?» «Не велено пускать и князя. Если хочешь, подожди до вечерни». Изяслав послал его к игумену, а сам остался у ворот и дожидался ответа, пока Феодосий вышел и принял его, объяснив причину монастырского правила.

Изяслав часто оставался за трапезой, и, вкушая простых монастырских яств, говорил: «Отче, всех благих мира сего исполнился дом мой, рабы мои изготовляют мне всякие дорогие яства, но они не приходят мне так по вкусу, как твои; никогда у себя

не ел я так сладко, как здесь. Отчего это происходит?» Феодосий, желая «уверить Князя на любовь Божию», отвечал: «Если хочешь знать, так вот отчего — когда у нас братия задумают что стряпать, хлеб печь или варить сочиво, то возьмут сначала благословение от игумена, потом положат три поклона перед алтарем, зажгут свечу от святого престола и разведут ею огонь. Вся служба совершается с молитвой и благословением Божиим, а твои рабы, работая, ссорятся, бранятся, клянутся, приставники их бьют, и все происходит с грехом». Изяслав, выслушав, сказал: «Поистине, отче, так есть, как ты говоришь».

Изяслав твердо сел в Киеве, наказав всех своих врагов, но ненадолго.

Приятнейший день, в продолжение нового трехлетнего княжения, для него и для всего народа, было перенесение мощей святых мучеников Бориса и Глеба, чудеса которых, пересказываемые в Вышгороде, разносились по всей Русской земле, в новую церковь, сооруженную великим князем киевским. Съехались братья со своими мужами и боярами. Собрались епископы и игумены, между которыми сиял своими добродетелями кроткий Феодосий печерский. К нему с любовью и благоговением обращались преимущественно народные очи. Стечение было многолюдное. Впереди шли чернецы с свечами, диаконы с кадилами, потом епископы, и, наконец, митрополит Георгий, за которым следовала деревянная рака. Сами Ярославичи несли ее на плечах. Лишь только открыли ее в церкви, как воздух наполнился благоуханием, народ прославил Бога, и сам митрополит, не веровавший доселе святости мучеников, пал ниц перед ракой и просил торжественно прощения. Он взял руку святого Бориса, приложил ее к своим глазам и сердцу, благословил ею Изяслава, Святослава, в бороде которого остался один ноготь, Всеволода, и всех людей. Пошли за Глебом. Нетленное его тело почивало в каменной раке. Ее поставили на сани и на веревках повезли в церковь. В дверях она стала и не шла. Велено народу воззвать: «Господи помилуй», — и она двинулась. Когда обе раки поставлены были на место, совершена была божественная литургия. Это было 2 мая 1072 года, день, оставшийся навсегда самым большим праздником для всей той страны. После литургии князья обедали вместе, каждый со своими боярами, весело и любовно.

Но вскоре дружба эта сменилась ненавистью: на следующий год (1073) Святослав черниговский поднялся на старшего брата, склонив

на свою сторону младшего, Всеволода. Хотел ли он только больше власти, как свидетельствует Нестор, или мстил за старую обиду при дележе, или увлекся подозрением, что Изяслав сговаривается против меньших братьев с Всеславом полоцким, остается неизвестным; по крайней мере, последнюю причину выставлял он перед Всеволодом.

Изяслав опять бежал в ляхи с многим богатством, на которое хотел нанять себе войско, но ляхи, обобрав изгнанника, указали ему путь от себя.

Он поехал дальше, к немецкому императору Генриху IV, которому представлялся в Майнце, на берегах Рейна (в начале 1075), и поднес в дар множество золотых и серебряных сосудов, а также мехов драгоценных, и просил его заступничества, обещая, как говорит один немецкий летописец, признать себя данником Империи.

Генрих послал в Киев Бурхарда, трирского духовного сановника, брата Оды, жены покойного Вячеслава, и велел объявить князьям русским, чтобы они возвратили Изяславу похищенный ими стол, или, несмотря на отдаленность, немецкое войско заставит их смириться.

Святослав не испугался угрозы, хотя и принял послов радушно, показал им свои сокровища и одарил богатыми дарами, удивившими всю Германию. Никогда не было принесено в Империю столько золота, серебра и драгоценных тканей, замечают немецкие летописи. Это служит доказательством, как была богата Византия, а от нее и Русь, в сравнении с обедневшим Римом и вообще Западом.

Обманувшись и здесь в своих надеждах, Изяслав обратился к папе, знаменитому Григорию VII, судье царей и народов западных, и послал к нему сына просить о защите, пожаловаться на обман короля польского, и за покровительство признать власть папы над Русью, не только духовную, но и мирскую.

Что могло быть приятнее для честолюбивого римского первосвященника? Утвердившемуся на Западе, ему открывались теперь виды на Восток, и то государство, которое готовилось наследовать Византии, изъявляло ему свою покорность. Он написал письмо к изгнаннику:

«Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию, Князю Россиян (Regi Russorum), и Княгине, супруге его, желает здравия и посылает апостольское благословение.

Сын ваш, посетив святые места Рима, смиренно молил нас, чтоб мы, властью Св. Петра, утвердили его на княжении, и дал присягу быть верным главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю, —

согласную с вашею, как он свидетельствует, — поручили ему кормило государства Российского именем верховного Апостола, с тем намерением и желанием, чтобы Святый Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота и сделал вас некогда сопричастником славы вечной. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим послам — из коих один вам известен и друг верный — изустно переговорить с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Приимите их с любовию, как послов Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложат вам от имени нашего, и проч. Всемогущий Бог да озарит сердца ваши, и да приведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 мая, Индикта XIII (то есть 1075 г.)».

Болеслава уговаривал Григорий возвратить отнятое, но польский король сам имел тогда нужду в русской помощи, и сыновья врагов Изяслава, Олег Святославич и Владимир Всеволодович приходили помогать ему против чехов (1076).

У Изяслава был еще заступник посильнее папы, императора и короля — смиренный игумен Печерского монастыря, Феодосий.

Овладев Киевом, победители прислали звать Св. Феодосия к себе на обед. «Не пойду на пиршество Иезавелино, приобщитися вашего брашна; оно исполнено крови и убийства», — сказал он посланному и присоединил еще многое в укоризну князьям, веля передать им все. Они не смели гневаться на Феодосия, зная его как святого человека, но не послушались его речей, и он начал обличать Святослава, как неправедно восставшего на старшего брата: иногда посылал к нему письма, иногда поручал боярам пересказывать свои упреки изустно. Наконец, написал к нему длинное послание, заключая его словами: «глас крови брата твоего вопиет на тя к Богу, как Авелева на Каина». Святослав, прочтя послание, пришел в неистовство, «как лев рыкнул на праведнаго», ударил хартией оземь, — и промчалась молва, что быть Феодосию осужденным на заточение. Братья поражены были горестно и обратились все молить преподобного, чтобы он оставил князя в покое. Сам великий Никон со страху решился уйти в тмутораканский свой монастырь, как ни убеждал его Феодосий не разлучаться с ним до кончины. Бояре приходили многие, рассказывали о княжем гневе и просили не противиться ему: «он ушлет тебя на заточение». Феодосий оставался твердым. «Чего же лучше, братия, говорил он. Не о чем скорбеть мне: у меня нет ни детей, ни семьи, ни богатства. Я готов на заточение». Ему даже очень

хотелось «поточену быти». И начал он укорять Святослава еще более о братоненавидении, не велел у себя в монастыре на ектеньях поминать его имени, как севшего через закон на киевском столе, а велел поминать только имя Изяслава, законного князя. Святослав, как ни был разгневан на Феодосия, не осмеливался причинить ему ни малейшего зла, в страхе перед его добродетелями. Феодосий же, в свою очередь, понял, что лучше смягчить свой гнев, и позволил поминать имя князя на ектеньях, но лишь только после имени Изяслава.

Святослав, узнав об умилостивлении Феодосия, обрадовался, потому что очень желал беседовать с ним и насытиться духовных слов его. Тотчас послал он к Феодосию спросить, позволит ли ему прийти в монастырь или нет. Феодосий позволил, и Святослав, обрадованный, явился со своими боярами. Игумен с братьею, выйдя из церкви, встретил его и поклонился по обычаю, а князь сказал ему: «Вот, отче, не смел придти к тебе, думая, что ты гневаешься, и, может быть, не пустишь меня в монастырь». А Феодосий отвечал: «Что успеет гнев наш еже на державу вашу. Но подобает нам обличать и глаголать вам потребное на спасение души, а вам лепо есть того послушати». Они вошли в церковь, и, по молитве, сели. Феодосий много говорил от святых книг и потом старался показать князю, как любил его брат, а князь вспоминал многие вины его, за которые не хотел сотворить с ним мира. После долгой беседы Святослав вернулся в дом свой, благодаря Бога, что сподобился беседовать с таким мужем. И с тех пор часто приходил к нему насыщаться духовной пищи, которая было для него слаще медвяного сота.

И Феодосий посещал его, всегда напоминая о страхе Божием и братней любви. Однажды пришел к нему святой муж, когда в палате его пировался пир: раздавались шумные клики и радостные возгласы, кто играл на гуслях, кто на органах, кто пел песни, пляска в полном разгаре, как есть обычай перед князем. Феодосий взглянул, остановился у дверей и сел, поникнув очами. Вдруг шумная толпа увидела святого мужа в его ветхой одежде, сидящего вдали в глубокой задумчивости, — и внезапно все умолкло по знаку княжескому. Феодосий приподнял тогда голову и произнес тихим голосом: «А будет ли так, чада, на том свете!» У князя показались слезы, он прекратил празднество. И после, всегда прекращал он свои игры, когда показывался игумен в его жилище. Если случалось ему вперед узнать, что идет Св. Феодосий, он выходил встречать за

дверями. «Отче, говорил ему Святослав, истинно говорю тебе, что если бы об отце возвестили мне, восставшем из мертвых, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомневался я столько, как твоей преподобной души. — Если ты боишься меня столько, отвечал ему Феодосий, так сотвори волю мою, и возврати брату стол его отца. И Святослав умолкал, не зная, что отвечать ему. Так был сердит он на брата, что имени его не мог он слышать равнодушно.»

Феодосий, по кончине Антония (1073), положил основание Печерской церкви, только что назнаменованное покойным. Святослав с сыном Глебом начали первые работы, вместе с братьею. На болезненном одре своем Св. Феодосий напоминал о примирении Святославу, который пришел навестить его с сыном Глебом (1074), но все напрасно. Изяславу помогла смерть.

Святослав умер от резания желвей (1076 г., дек. 27). Изяслав, уже находившийся в Польше с письмом Григория, успел собрать вспомогательное войско и пустился опять искать своего права.

Всеволод, занявший место умершего брата, вышел к нему навстречу и заключил с ним мир.

Два брата разделили между собою всю Русскую землю: Изяслав послал сына Святополка в Новгород, вместо умерщвленного в Заволочье Глеба Святославича, а Ярополка посадил подле себя в Вышгороде, владея сверх того Волынью, Червенскими городами и дреговичами. Всеволод кроме Переяславля получил Чернигов и Смоленск, куда посадил сына Владимира.

Племянники — Борис Вячеславич, Игоревичи, Святославичи, и внуки, три сына Ростислава, жили в праздности. Все они, уже взрослые, хотели себе волостей и не могли смотреть равнодушно на отчуждение своих вотчин, набирали боевых товарищей.

Два раза они брали Чернигов. В первый раз Борис продержался только восемь дней (1077, мая 4), но во второй раз воины Всеволода были совершенно разбиты в большом сражении (1079, авг. 23), и он принужден спасаться бегством в Киев. «Не тужи, брат, утешал его Изяслав. Разве ты не знаешь, что бывало со мною? Меня выгнали вы и ограбили, я скитался по чужим странам, — а за что? Я помогу тебе: если владеть нам в Русской земле, то обоим, а если нет, я положу за тебя свою голову».

Взяв на себя братнину беду, он велел собирать воинов от мала до велика, — и они пошли к Чернигову: Изяслав с сыном Ярополком,

Всеволод с Владимиром. Молодых князей не было в городе. Граждане заперлись. Владимир проник в острог и сжег его, а люди перешли в детинец. Между тем, Олег и Борис шли на помощь к осажденным. Изяслав и Всеволод оборотились к ним навстречу. Олегу не хотелось биться: «Нельзя стать нам против четырех князей, говорил он Борису, пошлем лучше с мольбою к стрыям». Борис и слышать не хотел о мире. «Терпеть их не могу, отвечал он; если ты не хочешь, я пойду один». Противники сошлись на Нежатиной ниве. Произошла злая сеча, и прежде всех был убит Борис, которому так хотелось сражаться.

«Бориса же Вячеславича, воспевает древний поэт, слава на суд приведе, и на канину зелену паполому (на шелковой покров) постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя».

После Бориса убит был и Изяслав, стоявший с пешими. На него наскочил кто-то сзади и ударил копьем так, что он тут же и пал мертвый. Сеча продолжалась, и Всеволод победил, а Олег должен был бежать в Тмуторакань с малой дружиной (1079, окт 3).

Тело Изяслава привезли по Десне в ладье до Городца. Весь Киев вышел к нему навстречу. С плачем отнесено оно было на гору и положено в церкви Св. Богородицы. Ярополк шел позади со своей дружиной, причитая: «Отче, отче мой! Сколько горя перенес ты на своем веку, и от братий, и от людей, а самому пришлось тебе за братьев положить свою главу!» Все плакали так, что и пения было не слышно в плаче.

Изяславу, по праву старшинства, наследовал брат его Всеволод (1078).

Он принял власть Русскую всю, по замечанию летописи: действительно, ему принадлежали Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир Волынский, Туров, Суздаль, Ростов, Белозерск, почти все Ярославово владение.

Сына, Владимира Мономаха, он посадил в Чернигове.

Племяннику Ярополку, сыну Изяслава, предоставил Владимир вместе с Туровым. Другой племянник, Святополк, остался княжить в Новгороде.

Святославичи, совершенно отчужденные, особенно вследствие неудачного покушения, хотели еще раз испытать счастья, и в следующем году (1079) явились под Воином, в Переяславской волости, с половцами, но Всеволод смирил хищников, разумеется, ценою серебра, и они отошли прочь, а на обратном пути, поссорясь за

что-то, убили Романа (2 августа), а Олега заточили в Царьград.

Таким образом, и отдаленная Тмуторакань досталась Всеволоду, который послал туда посадником Ратибора.

Он освободился от своих первоначальных противников, но подросли и возмужали другие — сыновья Ростислава и Игоря, которые также не хотели оставаться без хлеба. Все они приступали к великому князю за волостями, кто за той, кто за другой, всегда недовольные, всегда готовые поднять оружие. Всеволоду на киевском столе княжить было гораздо неприятнее, и он с прискорбием вспоминал о своем спокойном переяславском княжении.

Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич явились под Тмутораканем (1081) и выгнали посадника Всеволода. На них вскоре напал Олег, возвратившийся из Греции, и заставил удалиться (1083). Давыд занял тогда Олешье (напротив Херсона), торговый греческий город, а двое Ростиславичей выбежали от Ярополка (1084), потом напали на него и выгнали. Всеволод прислал к нему на помощь сына Владимира, который выгнал Ростиславичей и возвратил ему стол. Давыду Владимир дал Дорогобуж.

Ростиславичам Всеволод дал города Червенские, которые надолго остались в их роде, составляя княжество Галицкое.

Ярополк, послушав злых советников (1085), вздумал идти на дядю Всеволода, может быть, за то, что выделенные им для Ростиславичей города принадлежали первоначально к числу его волостей.

Правая рука Всеволода, сын Владимир, появился на Волыни, и Ярополк бежал в ляхи, оставив мать, жену, дружину в Луцке. Лучане предались Мономаху, и он пленил семейство Ярополка, отправил его в Киев, а стол владимирский предоставил Давыду.

Ярополк возвратился вскоре с ляшской помощью (1087), и Владимир рассудил за благо заключить с ним мир, отдав отнятое.

Но он жил недолго, убитый (22 ноября) на пути в Звенигород, неким Нерадцем, поразившим его на возу саблей и бежавшим к Ростиславичам в Перемышль. Потому и пало на них подозрение.

Тело Ярополка было отнесено в Киев и похоронено в отцовском монастыре Св. Димитрия, где он сам начал строить церковь Св. Петра и Павла. Великий князь с сыновьями, Владимиром и Ростиславом, боярами, вышли к нему навстречу, в сопровождении духовенства, которое в особенности чтил покойный, давая десятину от своих доходов, равно как и дочь его.

Всеволод ходил к Перемышлю (1088), вероятно, для наказания Ростиславичей.

Внешние войны при Всеволоде были с половцами, которые, за год до его смерти (1092), взяли Песочен на реке Супое, Прилуку и Переволочну близ устья Ворсклы.

В этом году была ужасная засуха и мор, в продолжение которого в одном Киеве купцы продали до семи тысяч корстов (гробов) от Филиппова дня до мясопуста.

Всеволод скончался в 1093 году, шестидесяти с лишком лет от роду. Он отличался добрым нравом, воздерживался смолоду от пьянства и блуда, был любим своим отцом, Ярославом, больше всех, знал пять языков: вероятно, норманнский, греческий, финский, славянский и половецкий. Под старость он ослабел телесно и душевно, подпал влиянию молодежи, которая наводила его на дружину старшую. Люди не доходили до княжей правды, тиуны грабили и продавали их, не говоря ничего князю.

Тело Всеволода положено в церкви Св. Софии, возле гробницы отца, по его приказанию.

Всеволод построил в 1086 году церковь Св. Андрея.

В 1089 году освящена им церковь Печерская в присутствии многих епископов.

Всеволод оставил после себя вторую жену свою, от которой имел сына Ростислава (род. 1069) и трех дочерей; все они посвятили себя монашеской жизни. Евпраксия была в замужестве за немецким императором Генрихом IV, вынуждена была оставить его, бежала к графине Матильде в Каноссу, судилась с мужем перед папой и собором, и, наконец, нашла себе успокоение в отечестве, уже после смерти отца, постриглась в монахини в 1106, и скончалась 10 июля 1109 года. Екатерина постриглась в 1108, а Янка в 1113. Янка учредила женский монастырь при церкви Св. Андрея, основанной ее отцом. Она ходила после в Грецию и привела оттуда митрополита Иоанна скопца, наследовавшего Иоанну, хитрому книгам и ученью.

После Всеволода не оставалось больше сыновей Ярослава, и стол киевский перешел к внукам, старшим из которых оказался Святополк Изяславич.

Владимир, сын Всеволода, рассудил: если я останусь в Киеве и сяду на столе отца моего, то должен буду воевать со Святополком, которому он принадлежит, потому что его отец сидел здесь прежде моего, и он послал за старшим двоюродным братом к Турову, а сам

пошел в Чернигов, предоставив меньшему своему брату Ростиславу Переяславль.

Святополк приехал немедля, и был встречен киевлянами (1093, апреля 24).

Между тем, половцы шли на Русскую землю. Услышав о смерти Всеволода, они прислали послов к Святополку будто бы договариваться о мире. Святополк, не посоветовавшись с большой дружиной отца, а только со своими, задержал послов и посадил их в темницу. Половцы начали воевать и осадили Торцийский град. Святополк отпустил послов, но половцы теперь уже не захотели мира. Он начал собирать войско; мужи смышленые сказали ему: «Не пытайся идти против них, у тебя мало воинов». «У меня восемьсот отроков, я могу стать против них», отвечал он, подстрекаемый молодежью. «Если бы ты пристроил восемь тысяч, и того не было бы много, а земля наша оскудела от войн. Проси лучше помощи у брата Владимира». Святополк, наконец, послушался мужей. Владимир собрал войско, приказав о том же Ростиславу.

Все они собрались в Киеве у Св. Михаила, и началась между ними распря: Владимир хотел мира, Святополк хотел войны. «Что вы ссоритесь, сказали им бояре поумнее, тогда как поганые губят землю Русскую. После вы уладитесь между собою, а теперь идите вместе против врагов, либо миром, либо ратью». Князья поцеловали крест и пошли к Триполю. Перед Стугною созвали они дружину и начали думать. Владимир говорил: «Стоя здесь, за рекою, в грозе сей, сотворим мир». И этому совету вняли бывалые мужи, Ян и прочие. Киевляне же спорили и твердили: «Хотим биться, перейдем через реку». Последнее мнение одержало верх: воины переправились через Стугну, прошли мимо Триполя, за вал, Святополк по правой стороне, по левой Владимир, в середине Ростислав. Половцы двигались навстречу со стрелками впереди. Наши остановились между валами, подняли стяги и выпустили своих лучников. Половцы подошли к валу, ударили всей силой на Святополка и смяли полк его (26 мая). Святополк стоял крепко, но люди его побежали, не выдержав нападения, тогда должен был побежать и он. Потом навалились половцы на Владимира. Закипела сеча лютая, много убыло у него из полка, многих бояр потерял он, и должен был, наконец, также побежать вместе с Ростиславом. Они достигли Стугны, вошли в реку, тогда очень полноводную, Ростислав начал тонуть на глазах Владимира; тот хотел его спасти, но едва не утонул и сам.

«Своею недоброю волною, восклицает певец Слова о полку Игореве, поглотила Стугна чужие ручьи и разметала струги по кустам! Днепр — затворил он свои темные берега юному князю Ростиславу: и плачется мати Ростиславова по юноше князе Ростислав. Уныли цветы от жалости, и древо с печалью к земле приклонилось».

С малой дружиной переправился Владимир через Стугну, горько плача о своем брате и своих товарищах, и возвратился печальный в Чернигов.

Святополк бежал в Триполь, затворился там и пробыл до вечера, а ночью ушел в Киев.

Тело Ростислава после нашли в реке, принесли в Киев и погребли в церкви Св. Софии, подле отца. Мать его и все люди плакали о нем и жалели по велику, «юности его ради».

Предание говорит, что перед походом он хотел принять благословение в Печерском монастыре. Один монах, Григорий, вышел на Днепр за водой. Слуги княжие начали смеяться над ним и поносить его. Старец сказал: «Вам надо бы сокрушаться, дети, и просить о себе молитв, а вы согрешаете горше. Суд Божий решен над вами: вы все найдете себе смерть в воде, вместе с вашим князем». Ростислав, услышав это, подумал, что Григорий ему не пророчествует, а грозит, рассердился, велел связать ему руки и ноги и бросить с камнем в воду: «Ты говоришь мне, сказал он, что я умру в воде, но я умею плавать, умирай же ты». В гневе Ростислав не пошел в монастырь за благословением и получил достойное по греху своему наказание.

Половцы разделились на разные толпы: одни возвратились под Торческ. Девять недель стояли они под городом. Торки боролись крепко, но голод и жажда истомили их; они просили хлеба у киевского князя; тот прислал, но нельзя было провезти запас в город, плотно окруженный врагами. Держаться больше жителям стало невмоготу. Половцы запалили город, а людей разделили и увели в плен. Другие пошли к Киеву, принялись грабить между Киевом и Вышгородом. Святополк вышел было опять против них на Желяну, но был разбит совершенно, еще больше чем под Триполем, и прибежал в Киев только сам-третий, накануне нового праздника Русской земли, Святых мучеников Бориса и Глеба. «И наутро, 24 июля, был плач в городе, а не радость, говорит летописец, грех ради наших великих и за умножение беззаконий». Так и первая победа

половцев над русскими князьями случилась на праздник Вознесения Господня. Как будто исполнилось слово пророка: «Преложу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание».

Половцы, увидев, что одолели, пустились по земле, воюючe. Летописец живыми красками описал это разорение, одно из самых гибельных: «Города все опустели, говорит он, села опустели, жители уведены в неволю, другие побиты, иные перемерли с голода и жажды, бегая от врагов; на полях, где паслись прежде стада волов, овец, коней, не встретишь никого, разве диких зверей, нивы поросли тернием, гумны сожжены. Несчастные пленники, нагие и босые, истекая кровью из ран, спрашивают друг у друга со слезами, откуда ты… я из такого-то города; я из такой-то веси. Все, вздыхая, возводят очи на небо; тела у них почернели, лица покрылись бледностью, язык испален.

Но не моги сказать никто, — чтоб мы были ненавидимы Богом. Кого любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почел, прославил и вознес? Никого. Но видя нас, неправо пребывающих, нанес он нам эту рать и скорбь, дабы пробудились от злых дел, и в будущий век, даже против воли, обрели милость. Где было у нас умиленье? Ныне же вся полна суть слез. Где было у нас воздыханье? Ныне плач по всем улицам услышится. Праведен еси, Господи, и прави суди Твои. Мы надеемся на милость Твою! Не по беззаконию нашему сотвори нам, и не по грехам нашим воздай нам. Все мы грешны. Так и я, грешный, много и часто прогневлял Бога, и согрешаю по вся дни», заключает свое описание смиренный летописец.

Нельзя было думать о войне. Святополк решил иначе обезоружить поганых. Он просил у Тугоркана, половецкого князя, дочь себе в супружество (1094), разумеется, взнося за нее богатое вено. Но и это средство помогло мало. Другие половцы пришли к Чернигову, нанятые Олегом, который решился еще раз попытать счастья, пользуясь ослаблением своих соперников, Святополка и Владимира.

И действительно, Мономах должен был уступить ему Чернигов, опустошенный вокруг половцами, и удалиться в Переяславль. Новые толпы явились под Юрьевым, стояли целое лето под городом и чуть не взяли его. Святополк договорился с ними, чтобы не ходили на Русь. Жители оставили, впрочем, этот город, открытый для нападений, и князь киевский построил для них другой, на Витичевом холме, прозвав своим именем — Святополчь, и велел сесть там,

кроме юрьевцев, засаковцам и другим. Половцы сожгли после Юрьев «тощий».

К пущему горю, саранча налетела на поля и поела всякое жито и траву.

Между тем, Мономах, уступая в Переяславле требованиям дружины, позволил умертвить обманом половецких послов, Итларя и Китана, приходивших к нему с миром. Поступив так, добра ждать было нечего, надо было действовать быстро, а не ожидать к себе мстителей.

Святополк и Владимир решили сами идти на половцев, чего прежде никогда не бывало, и о чем не смели думать их отцы. Они велели и Олегу следовать за собой. Тот обещался и пошел, но возвратился. Мудрено ему было нести войну половцам, которые только что добыли ему отчий стол и несколько раз прежде подавали скорую помощь.

Святополк и Владимир благополучно достигли кочевий половецких, взяли вежи, полонили много скота, коней, верблюдов, челяди, и привели в землю свою.

Образ действий Олега рассердил их и встревожил. В самом деле, такой друг половецкий среди земли должен был возбуждать опасения, особенно после этого явного доказательства дружбы к их врагам; надо было вывести его наружу: или избавиться от него, или подвести под одну ответственность. Они послали сказать ему: «Ты не ходил с нами на поганых, которые погубили Русскую землю, ну вот у тебя Итларевич. Это враг Русской земли: убей его, либо выдай нам». Олег не послушался, и началась между ними ненависть.

Святополк и Владимир послали звать его на совет (1096): «Иди в Киев положить ряд перед епископами и игуменами, перед мужами отцов наших и людьми градскими, как уберечь Русскую землю от поганых».

Гордый Олег, «восприняв смысл буй и словеса величава», отвечал: «Не пристало судить меня ни монахам, ни смердам», — и не пошел к братьям.

«Ты не ходил с нами на поганых, сказали они, ты не идешь к нам на совет теперь, — так, стало, ты держишь в уме на нас лихо. Пусть же Бог рассудит нас».

Они без промедления пошли к Чернигову. Олег, не приготовившись к обороне, бежал и затворился в Стародубе. Братья погнались за ним, осадили город, и начались сечи. Одни приступали к

городу, другие бились из города крепко, и было много пораженных с обеих сторон. Тридцать три дня стояло войско около города, и вышел, наконец, Олег, прося мира. Братья дали ему мир на условии: «Ступай Смоленску к брату Давыду, и приходи вместе в Киев к столу отцов и дедов наших, — то есть старейший город в земле во всей; там достойно есть снятися, и поряд о всем положити». Олег обещал и поцеловал крест, от нужды, но не то было у него на уме.

Половцы, между тем, беспрерывно набегали с разных сторон, в отмщение ли за поход Святополка и Владимира, или узнав об усобице.

Боняк пришел к Киеву и разорил все окрестности, сжег княжий двор на Берестовом, а Куря был у Переяславля и сжег Устье.

Под Переяславлем появился сам Тугоркан, тесть Святополка, и осадил город, в котором затворились переяславцы. Святополк и Владимир выступили против него по своей стороне Днепра, под Зарубом переправились, не замеченные половцами, и подошли к самому Переяславлю. Граждане обрадовались, увидя своих, и вышли к ним навстречу. Они перешли Трубеж, за которым стояли половцы, и бросились на ненавистных врагов, хотя Владимир и советовал построить полк. Те, однако же, не устояли и побежали. Наши за ними, «секуще и полоняще». Множество половцев было убито, несколько князей, сын Тугоркана, и сам он. Поутру нашли его тело, и Святополк похоронил его на Берестове, между дорогой, идущей на село, и монастырской. Бог послал эту победу 19 июля.

Но на другой же день, 20 числа, Боняк, что приходил недавно и сжег двор княжий на Берестове, внезапно появился под Киевом и чуть не въехал было в город. Половцы зажгли дома по болонью, монастыри Стефанечь и Германечь, а потом напали на Печерский, выбили ворота и бросились в церковь. Монахи после заутрени спали по кельям. Услышав крик, они побежали, кто за монастырь, кто на полати. Половцы убивали встречных, брали, что могли, и, наконец, зажгли церковь. Тогда же сожгли они и двор красный, что поставил Всеволод на Выдубиче.

А Олег вместо того, чтобы по обещанию звать брата и идти с ним вместе на совет в Киев, пустился в другую сторону — в дальние Черниговские волости. Там Изяслав, сын Владимира, захватил его Муром.

Олег одолел его (Изяслав пал в битве), взял Ростов, Суздаль и всю страну, решил идти на Новгород, но был, в свою очередь,

побежден подоспевшим оттуда Мстиславом, крестником своим, и должен был, при его посредстве, согласиться, наконец, на Киевский сейм.

В следующем году собрались все русские князья в Любече на берегу Днепра на совет, — Святополк, Владимир, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич; пришел и строптивый Олег с братом своим Давыдом. Все они сидели на одном ковре и думали: «За что мы губим Русскую землю, сами на себя котору деюще? А половцам то и любо, и рвут они землю нашу по частям. Имеем же отныне едино сердце, и будем блюсти ее сообща; пусть каждый держит свою вотчину: Святополк — Киев; Владимир — Переяславль; Давыд, Олег и Ярослав — Чернигов, Новгород. А кому раздал города Всеволод, у тех они и останутся: у Давыда — Владимир, у Ростиславичей — у Володаря Перемышль, у Василька Теребовль».

Все они поцеловали крест: «Если кто с сих пор поднимется на брань, то быть всем заодно на зачинщика». Потом поцеловались они между собою, и, подтвердив: «Да будет на него крест честный и вся земля Русская», разошлись; люди были рады такому совету и любви, но недолго продолжались совет, и любовь, и радость.

Бояре смутили Давыда, прежде даже, нежели расстались князья. Проводив Святополка из Любеча в Киев, он начал наговаривать ему на Ростиславичей: «Кто убил брата твоего Ярополка? Ростиславичи. У кого скрылся его убийца? У Ростиславичей. А ныне Василько мыслит на меня и на тебя, сговорившись с Владимиром; я узнал это точно: подумай о своей голове».

Святополк смутился умом, сомневаясь, правда это или ложь. Ему жаль было брата, да жаль было и себя. «Слушай, сказал он Давыду, истину ли ты говоришь — Бог тебе судья. Если ты завистью возбуждаешься, Он накажет тебя».

Давыд заверил — и прельстил, наконец, Святополка. Они стали думать вместе: что же делать с Васильком? «Надо взять его, сказал Давыд. Пока он не будет в наших руках, ни тебе княжить в Киеве, ни мне во Владимире».

А между тем Василько, которому, равно как и Владимиру, и в голову не приходило никакого худа, переехал на Выдубичи — поклониться святому Михаилу. Он отужинал в монастыре, и на ночь возвратился в дом свой на Рудице.

Утром 4 ноября, Святополк присылает звать его на именины. Святополк, по христианскому имени Михаил, именинником был 8

ноября. Василько отвечал, что не может дожидаться так долго, опасался дома рати от ляхов.

Давыд прислал к нему со своей стороны: «Подожди, брат, не ослушайся брата старейшего». Но Василько никак не соглашался.

«Видишь, сказал Давыд Святополку, он не помнит (не чтит) тебя, ходя в твою руку, а воротится в свою волость, — увидишь, если не отнимет тотчас Турова, Пинска и других городов твоих. Будешь жалеть тогда. Позови же киевлян, возьми его и отдай мне».

Святополк согласился и послал за Васильком: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то приходи хоть ныне поздороваться со мною, и посидим все вместе с Давыдом». Василько обещал и, сев на коня, поехал. Его встретил детский, проведавший о злоумышлении, и удерживал, говоря: «Не ходи, князь, хотят тебя взять», но он не послушал его, размышляя с собою: «Может ли быть, чтобы хотели взять меня! Мы только что поцеловали крест — быть всем на того, кто поднимется на братьев». Размыслив так, он перекрестился, и, сказав: «Воля Господня да будет!» — продолжал путь свой.

Он приехал с малой дружиной на княжий двор. Святополк встретил его, и они пошли в палаты; явился Давыд, все сели вместе. Святополк начал опять упрашивать Василька остаться до Михайлова дня. «Не могу остаться, брат, отвечал тот, я уж и товары услал вперед». А Давыд сидел, как немой. «Ну если так, хоть позавтракаем вместе», сказал Святополк. Василько согласился. «Посидите вы здесь, я выйду распорядиться», и вышел вон. Давыд остался один с Васильком. Начал Василько разговаривать с ним, но в Давыде не было ни голоса, ни послушания: страх обуял его. Посидев некоторое время, Давыд спросил, где же брат (то есть Святополк). Ему отвечали: «Стоит на сенях». «Я схожу за ним, сказал Давыд, вставая, а ты, брат, посиди один», — и вышел вон. В тот же миг люди его бросились на Василька и сковали по рукам и по ногам. Сопротивляться возможности не было; он был один. Потом его заперли и на ночь приставили к нему сторожей.

Наутро созвал Святополк бояр и киевлян и поведал им, что слышал от Давыда, будто Василько убил его брата, а на него сговаривался с Владимиром и хочет также убить и занять его города. Бояре и люди отвечали: «Голову свою, князь, надо тебе беречь; если Давыд говорит правду, Василько должен принять казнь; если он говорить ложь, то даст ответ Богу и примет месть».

Между тем, слух разнесся по Киеву, что происходит на княжем

дворе. Проведали игумены и пришли к князю молиться о Василько. Святополк ссылался на Давыда; он уже сжалился, и ему хотелось отпустить Василька.

А Давыд, боясь теперь Василька еще больше, настаивал на ослепленье: «Если ты пустишь Василька, твердил он, то ни тебе не княжить, ни мне…» И слабый Святополк уступил: «Делай, что хочешь».

Той же ночью скованного Василька отвезли на колах в Звенигород, верстах в 20 от Киева, и посадили в темницу. Он еще не понимал, куда его везут и что с ним будет. Вдруг видит он, что торчин точит нож; только тогда догадался он, что хотят его ослепить, и горько заплакал, возстенал. Вошли посланные, — Сновид Изечевич, конюх Святополка, и Дмитр, конюх Давыда, и стали расстилать на полу ковер. Разостлав, подошли они к Василько и хотели повалить: в отчаянии он начал бороться, и нельзя было с ним сладить. На подмогу пришли другие; все вместе они повалили, наконец, Василька на пол и связали, потом сняли доску с печи и положили ему на грудь. Сновид Изечевич и Дмитр сели по концам; он рвался и бился из-под них, и не могли удержать его. Тогда сняли другую доску с печи, наложили и сели по концам еще двое; вся грудь у него захрустела, — так придавили они вчетвером несчастного. Подступил к нему торчин, именем Беренди, овчюх Святополка, с ножом в руке, и хотел ткнуть в глаз, — но не попал, а только порезал лицо, рубец видел после на Василько сам летописец, — он ткнул еще и оторвал зеницу; ткнул в другой раз и оторвал другую зеницу. Василько уже был без чувств. Его вынесли на ковре, положили на телегу замертво и повезли во Владимир.

Дорогой сторожа остановились в городе Здвижени обедать, за мостом, на торговище. Василька, все еще бесчувственного, они стащили с воза и принесли в избу; сняли кровавую сорочку и отдали попадье выстирать. Попадья, выстирав, надела на Василька и начала громко стонать над ним, считая его умершим. Он услышал ее стон, очнулся и спросил: «Где я?» «В Здвижени городе», отвечали ему. «Дайте мне воды». Ему подали. Он выпил, и вступила в него душа, он опомнился, ощупал сорочку и закричал: «Зачем вы сняли с меня мою сорочку кровавую? Я хочу умереть в ней и предстать пред Господом».

Сторожа, отобедав, опять положили его на телегу, потому что путь был труден, и привезли во Владимир на шестой день. Вслед за

ним, как будто какой улов уловив, приехал во Владимир и Давыд, посадил его на дворе Вакееве и приставил тридцать человек да двух отроков княжих, Улана и Копчу, стеречь его.

А что делалось в Киеве?

Владимир Мономах, услышав об ослеплении Василька, ужаснулся. Он тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам звать их в Городец (против Киева, близ устья Десны). «Воткнут нож между нами, говорил он. И мы должны исправить это зло, какого не бывало никогда в Русской земле, ни при отцах, ни при дедах наших. Если мы не исправим его, то еще больше зло встанет на нас, и брат начнет убивать брата, и погибнет земля Русская, и враги наши Половцы придут и возьмут все».

Давыд и Олег огорчились не меньше Владимира и, собрав войско, пришли в Городец, где уже стоял в бору Владимир. Все князья вместе послали мужей своих сказать Святополку: «За что ослепил ты брата своего? Если б была какая вина за ним, ты должен был бы обличить его пред нами, — говори, чем он виноват?» Святополк отвечал: «Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и хотел убить меня, занять мои волости — Туров, Пинск, Берестье и Погорину; он договорился будто бы с Владимиром, чтобы сесть тому в Киеве, а ему во Владимире; неволя мне была беречь свою голову. Слепил же его Давыд, а не я, и увел к себе». Посланцы возразили на то: «Не оправдывайся тем, что Давыд ослепил его; не в Давыдовом городе он взят и ослеплен, а взят и ослеплен в твоем городе».

Наутро князья собрались переправляться через Днепр, и Святополк уже хотел бежать из Киева, но киевляне не пустили его; им пришла мысль отправить посольство к Владимиру. Всеволожая, его мачеха, и митрополит Никола пришли к нему с такими словами: «Молимся, князь, тебе и братьям твоим; не погубите Русской земли. Если вы начнете рать между собою, поганые обрадуются и возьмут землю нашу, что отцы и деды ваши добыли трудом великим. Они искали чужих земель, а вы хотите потерять свою! Смилуйтесь».

Владимир почитал княгиню как мать, ради своего отца, который любил его много, и которого он не ослушался никогда ни при жизни, ни по смерти; он много чтил и святительский сан. Выслушав их речь, он облился слезами и согласился на просьбу. Братья его послушались. Киев спасся. Обрадованные, княгиня с митрополитом, воротясь, поведали киевлянам, что рати не будет. Князья начали советоваться и

сошлись на том, чтобы Святополк шел на Давыда, — взял его или выгнал, ибо это все его была вина. На том и поцеловали крест.

Василько, между тем, оставался во Владимире. «Я был там», говорит летописец Василий, современник Нестора, сохранивший нам все эти драгоценные подробности. Это было перед великим постом. Однажды ночью присылает за мною князь Давыд. Я пошел к нему. Около него сидела дружина; он посадил меня и сказал:

«Василько говорил отрокам моим Улану и Колче: слышу, что Владимир и Святополк идут на Давыда. Если бы Давыд послал мужей своих к Владимиру, да я молвил бы, что знаю, так Владимир воротился бы домой. Поди же, пожалуй, Василю, к тезю своему Василько, с этими отроками, и скажи ему: если он пошлет мужа своего к Владимиру, и тот воротится, то я дам ему город, который хочет — Всеволож, Шеполь или Перемиль.

Я пошел к Василько и передал ему речи Давыдовы. Василько отвечал: „Я не говорил того, сказал он, но, пожалуй, пошлю к Владимиру сказать, чтобы не проливал крови из-за меня. Странно мне только то, что Давыд дает мне свой город, когда у меня есть собственный Теребовль, моя область. Ступай к Давыду и скажи, чтобы он прислал мне Кулмея: его пошлю я к Владимиру“».

Давыду не хотелось отпустить Кулмея, и он опять послал меня к Василько сказать, что Кулмея нет. В это свидание Василько объяснил с полной откровенностью свои прежние намерения.

Между тем, пасха прошла, а слуха о рати киевской не было, и Давыд хотел было занять Василькову волость, но был вынужден его братом удалиться без успеха. Святополк, соучастник его, пошел, наконец, на него, по обязательству с братьями, и, остановившись в Берестье,[10] ждал к себе ляхов.

Давыд искал помощи там же, у Владислава. Ляхи обещали ему, взяв с него пятьдесят гривен золота, и звали в Берестье, где ожидал их на сейм Святополк. «Мы помирим вас там», говорили они, и Давыд пошел с Владиславом.

Святополк стоял в городе, ляхи на Буге. Киевский князь приветствовал их и дал им дары великие против Давыда. Владислав сказал тогда Давыду: «Не слушает нас Святополк, иди лучше домой, а мы поможем тебе, если придут русские князья на Владимир».

Святополк пошел к Пинску, послав за воинами; потом пришел к

---

[10] Брест Листовский, ныне город Гродненской губернии.

Дорогобужу, дождался там войско и приступил к Владимиру, где затворился Давыд, напрасно ожидая помощи от ляхов, которые обманули его во второй раз, взяв золото от обоих, от Давыда и Святополка. Семь недель стоял Святополк, и Давыд должен был уступить, просясь только выйти из города. Святополк согласился, и, поцеловав крест в великую субботу, вступил во Владимир, а Давыд ушел через Червен в ляхи.

Святополк исполнил, таким образом, обязанность, возложенную на него братьями за ослепление Василька, — изгнать Давыда в наказание за его извет. Он мог теперь возвратиться в Киев. Нет. Надеясь на множество своих воинов, он вздумал, как прежде Давыд, идти сам на Володаря и Василька; он забыл свою вину и опасность, забыл полученное прощенье, а помнил только, что их волость принадлежала некогда его отцу и брату, и, вопреки Любечскому условию, вопреки последней клятве пошел на них ратью.

Самого Мономаха, случившегося тогда в Ростове, Святополк хотел привлечь на свою сторону.

Володарь и Василько выступили навстречу Святополку, и сошлись на Рожнем поле. Слепой Василько показался впереди и, подняв крест между полками, сказал: «Ты взял сперва свет из очей моих, а теперь хочешь взять мою душу. Вот крест, что целовал ты на мир и любовь, да будет он судьей между нами!»

Битва началась; много пало с обеих сторон. У Ростиславичей шло лучше. Некоторые благоверные люди видели, говорят, крест в небе над Васильковыми воинами, — и они одержали победу. Святополк бежал во Владимир с двумя Ярополковичами, Святошею, сыном Давыдовым, и прочей дружиной. Ростиславичи, остановившись на своей меже, его не преследовали.

Он послал сына Ярослава к уграм звать их против Володаря, а другого Мстислава, рожденного от наложницы, посадил во Владимире.

Не добыв Перемышля и Теребовля, Святополк вскоре снова потерял и Владимир, потому что Давыд не думал отказываться от своей отчины. Не найдя помощи у ляхов, он обратился в другую сторону — к половцам, помирился на дороге с Володарем, с которым у него был теперь один и тот же враг, князь киевский. Враги стали приятелями, а приятели врагами. Давыд оставил у него жену и поспешил за новыми союзниками.

Между тем, сын Святополка Ярослав пришел с королем

Коломаном и двумя епископами и осадил Володаря в Перемышле.

Давыду на дороге встретились половцы с Боняком, и он возвратился на поприще действий.

Решено было справиться прежде с уграми.

На последнем к ним ночлеге Боняк встал в полночь, отъехал от полков и завыл по-волчьи; ему тотчас отозвался волк, и за одним волком начали выть многие. Половецкий князь возвратился к Давыду веселый, уверяя его, что завтра их победа. У них было четыреста воинов: у Давыда сто, да у половцев триста. Боняк разделил своих на три полка: Давыда поставил под стягом, на крыльях по пятидесяти, а Алтунопу пустил с пятьюдесятью чади на вороп. Угры стояли по Вягру уступами. Алтунопа подошел к первому уступу, выстрелил и отскочил. Угры пустились за ним и наткнулись на Боняка, а Алтунопа, обернувшись, ударил на них с тыла, — и сбил угров, как ворон сбивает галок. Они спасались бегством, одни утонули в Сане, другие в Вягре, многие, поскакав горою вдоль Сана, сталкивали друг друга. Два дня продолжалась погоня. Пал епископ и многие бояре. Ярослав бежал в ляхи, а Давыд занял Червен, и, наконец, осадил свой Владимир, внезапно отрезав владимирцев.

Начались схватки, одни нападали, другие отстреливались, как вдруг, на стенах, был сражен стрелою Мстислав, сын Святополка.

Об этом Мстиславе рассказывали, что он, напрасно искав сокровищ в пещере Варяжской, хмельной от вина, лишил жизни одного инока, Василия, и много мучил другого, Феодора, который не хотел открыть ему тайны. Сраженный, он сказал: «Умираю за Василя и Феодора».

Смерть Мстислава таили три дня, на четвертый собралось вече, и люди сказали: «Князь наш убит: если мы сдадимся, то Святополк нас погубит. Пошлем лучше к нему за помощью, а не получим — будь что будет».

Святополк отрядил к ним Путяту, своего воеводу. Путята по дороге зашел в Луцк к Святоше, который присоединился к нему, хотя только что обещал Давыдовым мужам уведомить их о движении Святополка. Давыдовы воины спали в полдень. Святоша и Путята внезапно напали на них и начали сечь. Граждане вышли из города и присоединились к ним. Давыд опять бежал с племянником своим Мстиславом, а Святоша и Путята взяли город, посадили Святополкова посадника Василия и отошли: Святоша в Луцк, Путята в Киев.

Давыд не успокоился. Он опять бежал к половцам и пришел вновь с Боняком, выгнал Святошу из Луцка, а потом взял и Владимир, откуда Святополковы посадники вынуждены были бежать.

Обстоятельства умножались и запутывались.

Давыд обратился ко всем князьям, прося у них общего суда в своей обиде. Святополк, Владимир, Давыд, Олег, собрались тогда в Уветичах, близ Киева, и позвали туда же на сейм Давыда.

Он приехал и сказал: «На что я вам, кому от меня обида?» Владимир отвечал: «Ты сам присылал к нам и говорил: хочу придти к вам и пожаловаться. Теперь ты пришел и сидишь на одном ковре; что же не жалуешься? Кто обидел тебя?» Давыд молчал. Братья сели на коней и стали отдельно. Святополк со своей дружиной, Давыд и Олег со своей. Они думали о Давыде Игоревиче, не допуская его к себе; он сидел особо. Договорившись, послали к Давыду мужей своих: Святополк Путяту, Владимир Орагоста и Ратибора, Давыд и Олег Торчина, сказать ему: «Вот что говорят тебе братья: не хотим давать тебе стола Владимирского, потому что ты бросил нож в нас, его же не было в Русской земле; но мы не берем тебя, не причиняем тебе никакого зла. Ступай, садись в Бужском остроге, а Святополк даст тебе Дубен и Черториск, Владимир двести гривен, Давыд и Олег столько же». К Володарю и Васильку они также послали послов: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость — Перемышль, а холопов наших и смердов выдайте. Если любо — сидите; не любо — мы будем кормить Василька здесь сами».

Володарь и Василько не послушались такого решения, уменьшавшего их волости, а Давыд, — ему нечего было делать, — сел в Бужске, к которому Святополк после добавил Дорогобуж.

Владимир же отдал Святополк своему сыну Ярославу. Племянники вознегодовали на это, и Ярослав Ярополкович пошел с дружиной на Берестье, но Святополк усмирил его. Пленного и скованного, его привели в Киев. Митрополит и игумены упросили Святополка, и племянник, у раки святых Бориса и Глеба, выпущен был на волю, бежал, пойман сыном великого князя уже близ Ляшской земли на Нуре, приведен в Киев, где вскоре в оковах и умер.

Лучшим следствием второго сейма было то, что Мономах с этих пор совершенно сошелся со Святополком и до самой кончины его, в продолжение тринадцати лет, они действовали заодно.

Первый замысел его, однако же, чтобы Новгород был у

Святополка, а Владимиру посадить сына своего во Владимире, не состоялся, вследствие сопротивления новгородцев. Вызвав сына, Мономах прислал было его с мужами своими и новгородскими в Киев к Святополку. «Се прислал Владимир сына своего, сказали мужи, да идет во Владимир, а се Новогородцы, поимше сына твоего, да идут Новогороду». А новгородцы отвечали напротив: «Мы присланы к тебе, и сказано нам вот что: не хотим Святополка, ни сына его; если у сына твоего две головы, так пошли его. А Мстислава дал нам Всеволод, мы воскормили его себе князем, ты же ушел от нас».

Святополк долго спорил с ними, они не соглашались и увели к себе Мстислава назад.

На следующий год (1103) Мономах, в исполнение любимой мысли своей, опять начал звать князей на половцев. Святополк передал мысль дружине. «Негоже идти весною, возразили мужи, мы погубим смердов». Решено князьями сойтись и подумать с дружинами вместе. Собрались все на Долобске в одном шатре. Святополк сидел со своею дружиною, а Владимир со своею. Все молчали. Владимир прервал, наконец, молчание, обратясь к Святополку: «Брат, ты старший, начни говорить, как нам промыслить о Русской земле». А Святополк отвечал: «Нет, начни ты». Владимир сказал: «Что мне говорить, когда твоя дружина и моя собираются спорить со мною, будто я хочу погубить смердов. Дивно мне, братья, что вы жалеете смердов и их коней, а о том не думаете, что выедет весною смерд пахать со своею лошадью, и наскочит половчин, ударит смерда стрелой и возьмет ту лошадь его, и потом жену его, и детей, и гумно зажжет, — что же вы об этом не подумаете? Или вам лошади жаль, а смерда не жаль?» Никто не мог опровергнуть слов Владимира. Вся дружина согласилась: «Воистину, это так»; и Святополк ответил: «Я готов». Владимир был доволен: «Ты, брат, сотворишь великое добро Русской земле», сказал он киевскому князю. Они послали звать Давыда и Олега: «Пойдем на половцев, либо живы будем, либо умрем». Давыд согласился, а Олег отговорился нездоровьем. Присоединились к ним еще Давыд полоцкий, Мстислав Давыдович, Вячеслав, другой сын Ярополка.

Князья и войско помолились Богу, произнесли обеты Спасителю и Пречистой Матери Его, сотворили милостыню убогим и подаяния монастырям и пошли в поход на конях и в ладьях. Ниже порогов они остановились в протоках, на Хортичем острове, отсюда перебрались в

поле, и через четыре дня достигли Сутеня. Половцы, прослышав об их появлении, собрались во множестве и начали думать. Урособа советовал просить мира у руси: «Крепко будут они биться с нами, потому что много зла причинили мы Русской земле». А младшие кричали: «Ты боишься руси, а мы не боимся; мы изобьем этих и пойдем в земли их, и возьмем все города». Половцы послали вперед сторожей с Алтунопой, который славился мужеством между ними. Наши сторожи устерегли и избили их всех. На половцев напал страх, они шли уже, как будто дремали, у коней их не было силы в ногах, а русские выступали на них веселые и радостные. Увидев сильное устремление на себя, поганые не выдержали и побежали. Наши за ними. Это случилось 4 апреля. Победа была одержана совершенная. Одних князей убито двадцать. Бельдюз был взят живой. Его привели к Святополку, и он начал давать за себя золото и серебро, коней и скот. Святополк препроводил его к Владимиру. Тот упрекнул его: «Знаешь ли ты, кто вас предал? Предала вас рота (клятва): сколько раз ходили вы роте и потом воевали Русскую землю; зачем же ты не учил сынов своих и рода своего не преступать роты? Ты проливал кровь христианскую: будь же кровь эта на голове твоей», — и велел Владимир убить его. Воины рассекли его на части. Князь и воины начали пировать. Владимир сказал: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвелимся в он, яко избавил Господь нас от враг наших, и дал их брашно людям русским». Русские взяли тогда в землях половецких множество скота, овец, верблюдов, челяди и возвратились домой со славой великой, повоевав еще по пути печенегов и торков.

Половцы пытались отплатить за погром 1103 года: в 1106 они воевали около Зареческа. Святополк посылал на них Яна Вышатича и Иванка Захарьича, хозара, которые их прогнали.

В 1107 году явились Боняк, Шарукан старый и много других князей в Переяславском княжестве, которое чаще всего подвергалось нападениям, лежа на их пути. Святополк, Владимир, Олег и прочие быстро собрались против них, переправились через Сулу и ударили. Половцы, не ожидая, испугались, со страха не могли даже поставить стяга, бросились к коням и стали их хватать, а иные побежали пешие, оставя свои товары. Наши гнались до Хорола, «гоняще и секуще», а других брали руками. Таза, Бонякова брата, убили, Сугра и брата его взяли, Шарукан едва убежал. Это было 12 августа, а 13 Святополк в заутреню Успеньева дня пришел в Печерский монастырь

возблагодарить Бога и поклониться гробу святого Феодосия, как то обыкновенно делал, идя на войну и возвращаясь с нее. Братья поздравляли его с посланной от Бога радостью.

Половцы после этого поражения утихли, набегали очень редко и всегда были отражаемы. Мономах доставил, таким образом, мир Русской земле, и извне, и внутри (самое трудное дело, какое только можно было сделать в эти тревожные времена), ибо междоусобия утихли, также благодаря его деятельному участию в делах и благоразумию. Великий князь Святополк во всем его слушался, и с ними двоими состязаться не мог никто. Да и некому уже было заводить спора. Ростиславичи, вдали, были довольны своими Галицкими уделами. Святославичи княжили в Чернигове. Братьев Святополка не осталось никого, племянники еще только возмужали. Одни полоцкие князья продолжали питать злобу против Ярославичей, но что они могли сделать? Разве потревожить страны смежные, что по временам и случалось. Доблестный Владимир решил воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами, чтобы покончить начатое дело, поразить еще раз половцев и навсегда избавить Русскую землю от их разрушительных набегов, как Мстислав первый порешил с печенегами.

В 1111 году, по вызову Владимира, собрались князья, дали друг другу клятву и на второй неделе поста выступили на половцев в землю их, Святополк, Владимир, Давыд с сыновьями, и прочие. В пятницу они были на Суле, в субботу на Хороле; в воскресенье средокрестное пришли на Псел, потом на Голтву, где дождались прочих, потом двинулись к Ворскле; там, на другой день, в среду, целовали крест со многими слезами, возлагая на него всю свою надежду; оттуда перешли многие реки и на шестой неделе поста во вторник пришли к Дону.

Здесь облачились они в брони, построили полки и приблизились к городу Шаруканову. Владимир приставил своих попов ехать перед полком, петь тропари и кондаки креста честного и канун Святой Богородицы. Они подступили к городу перед вечером, а поутру в воскресенье жители вышли к ним навстречу с поклоном, вынесли рыбы и вина. Князья русские здесь переночевали, назавтра, в среду, пошли к Сугрову и зажгли город, в четверг выступили с Дона, и 24 марта сошлись с половцами.

Князья сказали: «Здесь нам смерть, станем же крепко», перецеловались друг с другом и призвали имя Божие. «И бывшу

соступу, говорит летописец, и брани крепце, Бог вышний воззре на иноплеменников с гневом», — и битва решилась в нашу пользу. Множество половцев легло на месте, при потоке Дегея. Князья воздали хвалу Богу и праздновали здесь свою победу, а в следующий день Лазарево воскресенье и Благовещение.

В воскресенье пошли они дальше, и в понедельник на страстной неделе встретились с новыми полчищами половцев, которые «выступиша яко борове велиции и тмами тем оступали полки русские». Полки ударили одни на другие, и «сразившимася челома тресну аки гром». Началась лютая сеча, и люди падали с обеих сторон. Наконец, победа опять склонилась на сторону русских князей, и половцы были разбиты наголову при реке Салнице. Добыче не было счета: коней, овец, рогатого скота, колодников захвачено множество. Князья, говорят, спрашивали их: «Отчего не могли вы нам противиться, имея такую силу и быв в таком множестве?» «Нельзя нам было противиться, отвечали они, ездили кто-то наверху над вами в оружии светлом и страшном и помогали вам». «Это были ангелы, говорит летописец, многие видели во время битвы, как головы сваливались с половцев, невидимо снимаемые. Ангелы внушили Владимиру и идти на половцев: над Печерским монастырем стоял долго столп огненный, снесся оттуда в церковь, а потом к Городцу, где был тогда Владимир в Радосыни».

Князья русские вернулись с великой честью и добычей. Слава об их победе разнеслась по всем дальним странам — к грекам, ляхам и чехам, даже и до Рима дошла, говорит летопись. Разумеется, она по праву больше всех принадлежала Мономаху, о котором навсегда осталось предание, как о победителе половцев, избавителе Русской земли от поганых. Так, один из продолжателей Нестора говорит, что «Мстислав наследовал пот отца своего, Владимира Мономаха Великого: Владимир сам собою постоял на Дону, и много потерпел за землю Русскую, а Мстислав мужей своих послал загнать половцев за Дон».

Позднейшая Волынская летопись сохранила то же предание. «Ревновал Роман деду своему Мономаху, говорит она, погубившему поганых измаильтян, рекомых половцев. Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, принял земли их и загнал окаянных агарян, отроки в Обезы за железные врата, а Серчан остался у Дона… и воротился уже по смерти Владимировой».

Этим знаменитым походом закончилось двадцатилетнее

княжение Святополка. В следующем году он занемог и скончался за Вышгородом почти шестидесяти лет (1113 г., апреля 16). Бояре и дружина его плакали по нему. Тело его было привезено в ладье в Киев, и по отпевании положено в церкви Михаила, им созданной.

Патерик Киевский обвиняет его в излишнем корыстолюбии при сношениях с жидами, продаже соли.

Княгиня, дочь Тугорканова, раздала столько богатств попам и убогим по монастырям, что все люди дивились: никто не может сотворить такой милости.

Из детей после Мстислава, убитого в 1099 г. при осаде Владимира, остались Ярослав, княживший во Владимире с 1100 года, и малолетние: Брячислав (род. 1104) и Изяслав.

Дочери его были выданы замуж: Сбыслава в 1102 г. за славного короля польского Болеслава Кривоустого, с разрешения папы, потому что была с ним в свойстве.

(Болеслав в уважение ходатайства Святополка простил своего брата Избыгнева, находившего (1106) себе убежище в Киеве.)

Другая дочь Передслава в 1104 г. была в замужестве за королевичем венгерским, сыном Ладислава Николаем.

Киевляне, собравшись на другой день по смерти Святополка, 17 апреля 1113 года, положили на вече посадить на киевском столе Владимира, сына Всеволода, и послали в Переяславль звать его на стол отцов и дедов.

Владимир, которому, таким образом, во второй раз, без очереди, доставалось великое княжение, медлил идти на зов и думал о брате. Киевляне разграбили, между тем, двор киевского тысяцкого Путяты, главного воеводы Святополка, потом напали на жидов, торговавших в Киеве. Возмущение распространялось. К Владимиру послано второе посольство: «Иди же князь в Киев: если ты не пойдешь, то много зла воздвигнется; уже не Путятин двор, не сотских, не жидов разграбят, а пойдут на двор твой, да на бояр, да на монастыри. Смотри, чтоб не отвечать тебе за монастыри». И Владимир, услышав это, пришел в Киев. Митрополит Никифор, епископы и киевляне встретили его с честью великой, — и сел он на столе отца своего и деда. Все люди обрадовались, и мятеж улегся.

Черниговские князья спокойно оставались дома и не предъявили никаких притязаний, потому ли, что старший Давыд, вообще расположения мирного, уступил Киев добровольно, а младший Олег, из-за него, не имел права; потому ли, что отец их, владея Киевом

незаконно, не в очередь, порушил право и для своих детей; потому ли, что они не осмелились предпринять что-либо против всеобщего желания киевлян и не могли надеяться одержать верх над самым мужественным, умным и самым любимым из всех князей русских, и, может быть, получили себе вознаграждение за невольную уступку.

Для ближайшего знакомства с этим примечательнейшим лицом русской древности помещаем здесь отрывок из его Поучения детям, заключающий описание, собственными словами, его действий (нам уже вообще известных) до вступления на великокняжеский киевский стол.

«А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал пути дея и ловы 13 лет. Первое к Ростову идох, сквозе Вятиче, посла мя отец, а сам иде Курьску, и пакы 2-е к Смоленьску со Ставком Скордятичем, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславом, а мене посла Смолиньску; то и-Смолиньска идох Володимерю. Тое-же зимы тои посласта Берестию брата на головне, иде бяху пожгли, то и ту блюд город тих. Та идох Переяславлю отцю, а по Велице дни из Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить с Ляхы. Оттуда пакы на лето Володимерю опять. Та послав мя Святослав в Ляхы: ходив за Глоговы до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяци; и в то-же лето и детя ся роди старейшее Новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святослав умре, и яз пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той-же зиме та к Новугороду, на весну Глебови в помочь; а на лето со отцем под Полтеск, а на другую зиму с Святополком под Полтеск, ожегоша Полтеск; он иде Новугороду, а я с Половци на Одрьск, воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска к отцю придох Чернигову; и Олег приде, из Володимеря выведен, и возвах и к собе на обед со отцем в Чернигове, на Краснем дворе, и вдах отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришед, и проидох сквозь Половечьскыи вои бьяся до Переяславля, и отца налезох с полку пришедше, то и пакы ходихом, том же лете, со отцем и со Изяславом биться Чернигову с Борисом, и победихом Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Оброве, и Всеслав Смолнеск ожьже, и аз всед с Черниговци о двою коню, и не застахом в Смолиньске; тем же путем по Всеславе пожег землю, и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародуб весь, и аз шед с Черниговци и с Половци, на Десне изъимахом князи Асадука и Саука, и дружину их избиша; и назаутрее за Новым

городом разгнахом силны вои Белкатгина, а се мечи и полон весь отъяхом.

А в Вятичи ходихом по две зиме, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих 1-ю зиму, и пакы по Изяславичих за Микулин, и не постигохом их; и на ту весну к Ярополку совкуплятися на Броды. Том же лете гонихом по Половьцих за Хорол, иже Горошин взяша. И на ту осень идохом с Черниговци и с Половци, с Читеевичи, к Меньску: изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины. На ту зиму идохом к Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом. И на весну посади мя отец в Переяславли перед братьею, и ходихом за Супой; и едучи к Прилуку городу, и сретоша ны внезапу Половечьскые князи 8 тысяч, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхом услали наперед на повозех, и внидохом в город: толко Семцю яша одиного живого, ти смерд неколико, а наши онех боле избиша и изъимаша, и не смеша ни коня пояти в руце, и бежаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожин день, идохом к Беле вежи, и Бог ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половец, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста, и потом на Святославль гонихом но Половцих, и потом на Торческый город, и потом на Гюргев по Половцих, и паки на той же стороне у Красна Половци победихом, и потом с Ростиславом же у Варина веже взяхом. И потом ходив Владимирю, паки Ярополка посадих, и Ярополк умре. И пакы по отни смерти и по Святополце на Суле бившеся с Половци, до вечера, быхом у Халепа, и потом мир створихом с Тугорканом и со инеми князи Половечьскыми, и у Глебови чади пояхом дружину свою всю. И потом Олег на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с ним 8 дний о малу греблю, и не вдадуче им в острог, съжаливъси хрестьяных душ и сел горящих, и монастырь, и рек: „не хвалитися поганым“, и вдах брату отца своего место, а сам идох на отця своего место Переяславлю, и внидохом на святаго Бориса день из Чернигова, и ехахом сквозе полкы Половьчские не в 100 дружине, и с детми и с женами; и облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и с гор. Бог и святый Борис не да им мене в кориcть, неврежени доидохом Переяславлю.

И сидев в Переяславли 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода, и идохом на вои их за Римов, и Бог ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и накы Итлареву чадь избиша, и вежи их взяхом, шедше за Голтавом. И

Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложил к Половцем, и на Бог идохом, с Святополком на Боняка за Рось, и Смолиньску идохом, с Давыдом смирившеся, паки идохом другое с Воронице. Тогда же и Торци придоша ко мне, из Половец Ичитеевичи, идохом противу им на Сулу. И потом паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихох Смолиньску; и се ныне иду Ростову. И пакы с Святополком гонихом по Боняце. Но ли оли убиша, и не постигохом их, и потом по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его. И на зиму Смолиньску идох, и-Смоленска по Велице дни выидох, и Гюргева мати умре. Переяславлю пришед на лето, собрах братью, и Боняк приде со всеми Половци к Кснятиню, идохом за не из Переяславля за Сулу; и Бог ны поможе, и полъкы их победихом, и князи изъимахом лепшии, и по Рожестве створихом мир с Аепою, и поим у него дчерь, идохом Смолиньску; и потом идох Ростову. Пришед из Ростова, паки идох на Половци на Урубу с Святополком, и Бог ны поможе, и потом паки на Боняка к Лубьну, и Бог ны поможе, и потом ходихом в воину с Святополком, и потом пакы на Дон идохом с Святополком и с Давыдом, и Бог ны поможе, и к Выреви бяху пришли Аепа и Боняк, хотеша взяти и: ко Ромну идох со Олгом и с детми на нь, и они очютивше бежаша…

…А всех путей моих, говорит Мономах в заключение, было восемдесят и три великих, прока меньших не испомню. Миров сотворил я с Половецкими князьями без единаго двадцать, при отце и кроме отца, дая скота много и многи порты свои. Пустил из оков знатных Половецких князей вот сколько: Шарукановых двух братьев, Богубарсовых трех, Овчининых четверых, а всех знатных князей иных сто; а живых Бог в руки мне дал, Коксуся с сыном, Аклана из Бурчевичей, Таревскаго князя Азгулуя, и иных молодых кметий пятнадцать, — тех иссек и бросил в реку Славлию; по чередам (?) избито лепших не с двести».

Читатели видят, какая была это жизнь, исполненная деятельности, тревог и опасностей! Послушаем теперь в переводе об отдыхах и забавах Мономаха.

«А вот как я трудился, охотясь: за лето, сидя в Чернигове, угонивал я с отцем моим всякого зверя по сту, кроме лова турова. В Чернигове же вот что делал: коней диких вязал своими руками в пущах по десяти и по двадцати, а кроме того ездя по рови (?) ловил диких коней своими руками; туры метали меня на рогах два раза и с конем, один раз бодал меня олень, два раза лоси; один ногами топтал,

а другой бодал рогами; вепрь сорвал у меня меч с бедра, медведь у колена укусил подклада (?), лютый зверь вскочил ко мне на бедро и повалил со мною коня, но Бог соблюл меня невредима. Много раз падал я с коня. Из Чернигова в Киев ездил я нестишь (?) к отцу, одним днем, до вечерни. Голову разбил себе дважды, руки и ноги ушибал себе в юности, не блюдя живота своего, не щадя головы своей».

Как проводил Мономах свое время, как велось его хозяйство и как делались его дела, всего яснее видно также из его Поучения, написанного, разумеется, по образцу его собственной жизни, согласно с общим обычаем.

«Да не застанет вас солнце на постеле, говорит Мономах, так жил отец мой и все добрые мужи совершенные. Отдавши хвалу Богу заутренюю, и потом увидев солнце восходящее, прославите Бога с радостию и говорите: просвети очи мои, Христе Боже, яко дал мне еси свет Твой красный! и еще: Господи, приложи ми лето к лету, да грехов моих покаявся, оправдаю живот. Потом седше думати с дружиною, или люди справливати, или на лов, на игру ехати, и лечь спати: спати от Бога присуждено полудне; от чина почивают и звери, и птицы, и человеки.

Ходя путем по своим землям, не давайте отроком пакости деяти, ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в житех, да не клясти вас начнут. Где остановитесь, напойте, накормите хозяина. А более всего чтите гостя, откуда бы он ни пришел к вам, простой ли, добрый человек, или сол, — если не можете дарами, то брашном и питьем. Они, мимоходяще, прославят человека по всем землям добром или злом. Больного присетите, на похороны ходите, яко вси мертвени есмы; не минете человека непривечавше, дадите каждому доброе слово. Всего же более не забывайте убогих, кормите по силе, придавайте сироте, оправдывайте вдовицу, не давайте сильным погубить человека, худого смерда. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убивать его, хоть и будет кто повинен смерти, не погубляйте никакой души христианской! Речь молвяче, и лихо и добро, не клянитесь Богом, ни креститесь, в том нет никакой нужды. Если случится целовать крест ко братье, или к кому другому, управьте сердце, на чем можете устоять, и потом уже берегитеся, чтоб не преступить. От епископов, попов и игуменов, с любовью принимайте благословение, и не устраняйтеся от них, по силе любите их и снабжайте, да примите от них молитву к Богу. Больше всего не имейте гордости ни в сердце,

ни в душе своей, но говорите: мы смертны, ныне живы, а завтра в гробе. Что ты нам дал, то не наше, а твое, порученное нам на мало дней; в землю не хороните ничего — это грех великий. Почитайте старого как отца, молодого как брата. Жену свою любите, но не давайте власти над собою. Что знаете доброго, не забывайте, а чему не умеете, тому учитесь; так отец мой, сидя дома, изумел пять языков; в том есть честь от иных земель. Леность всему мати: что умеешь, то забудешь; чего не умеешь, тому не выучишься. Не ленитесь ни на что доброе. А се вам конец всему: страх Божий имейте выше всего.

Что надобно делать отроку моему, то делал я сам, на войне и на ловах, ночью и днем, на зною и на зиме, не дая себе упокоя, не надеясь ни на посадники, ни на бирючи. Все делал сам, что было надобно, весь наряд в дому своем, в ловчих ловче наряд сам держал, и в конюхах, и о соколах, и об ястребах. За церковным нарядом и службою призирал сам.

В доме своем не ленитеся, но все видете. Не надейтеся на тиуна, или отрока, чтоб приходящие не посмеялись ни вам, ни дому вашему, ни обеду вашему; на войну вышед, не надейтеся на воевод, не лагодите ни питью, ни одеянью, ни спанью: сторожей наряжайте сами, и все изрядивши, ложитесь спать подле воев; оружия вы не снимайте, — ленощами, врасплох, человек погибает внезапно; а вставайте рано. Лжи блюдитесь, и пьянства, и блуда, в том душа погибает и тело…»

Что Мономах в действительности жил так, как учил детей, мы имеем современного свидетеля, славного митрополита Никифора. Отвечая на вопросы князя, доказывавшие его благочестивую любознательность, о разделении церквей и посте, Никифор прибавляет:

«Что говорить такому князю, который больше спит на голой земле, чем остается дома, отгоняет ношение светлых одежд, и, ходя по лесам, носит одежды сиротские, и, по нужде входя в город, облекается в княжеские одежды для своего сана. Что говорить и об употреблении пищи и питья. Знаю, что, угощая других на обеде светлом, сам ты служишь и только смотришь, как другие насыщаются и напиваются.

Не подумайте, дети мои, или тот, кто прочтет сию грамоту: не хвалюся я своей смелостью, а хвалю Бога и прославляю милость Его, иже соблюл меня грешного и худого столько лет от тех часов

смертных, и не сотворил меня ленива, на все дела человеческие потребна. Потщитеся на вся дела добрая, славьте Бога со святыми Его. Не бойтеся смерти, дети, ни от рати, ни от зверя, но творите мужеское дело, как вам Бог подаст. Сколько спасался я от рати, и от звери, и от воды, и от коня спадши: так и вас — ничто не может повредить и убить, если не будет что повелено от Бога: а если от Бога будет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут отъять. Отчее добро есть блюсти; но Божие блюдение лепше есть человеческого.

Прочитавши словеса сия божественные, дети мои, похвалите Бога, давшего нам милость Свою, и се от худого моего безумия наказанье; послушайте мене, если не вполне, то хоть в половину. Коли Бог умягчит вам сердце, и вы прольете слезы о грехах своих, говорите: яко блудницу и разбойника и мытаря помиловал еси, так и нас грешных помилуй. Молитеся так в церкви и дома, ложась спать. Не пропускайте ни одной ночи — молитеся в землю; если будет вам невмочь, то хоть трижды. Этими поклонами и пением побеждает человек дьявола и покрывает грех, что в день нагрешил. И ездя на коне, без всякого орудья, зовите беспрестанно втайне: Господи помилуй, — если не знаете других молитв. Лучше так молиться, нежели безлепицу мыслить.

Если забудете что, перечитывайте часто; и мне будет без сорома, и вам будет добро».

Изображение Владимира Мономаха с нравственной стороны представляется яснее всего в следующем его письме к двоюродному брату, Олегу Святославичу, по случаю гибели сына Изяслава в сражении под Суздалем.

«Горе мне печальному и многострадальному! Много боролся я с сердцем, помышляя, как стать перед страшным Судиею, без каянья и смиренья между собою. Сказано: кто Бога любит, а брата не любит, ложь есть. Также: если не отпустите прегрешений брату, то и отец ваш небесный не отпустит вам…

Ничего нет лучше, как жить в согласии, но дьявол, не хотя добра роду человеческому, сваживает нас искони: были рати при умных дедах, при добрых и блаженных отцах наших. Пишу к тебе, потому что принуждает сын мой, а твой крестник, что сидит близ тебя. Он прислал ко мне мужа своего с грамотой, говоря: уладимся и смиримся, а братцу моему суд пришел; не будем за него местниками, возложим то на Бога. Они станут перед Богом, а мы Русской земли не погубим.

Видя смиренье сына моего, я сжалился и послушался, и написал к тебе сию грамоту: примешь ли ее с добром или поруганьем, увижу по твоему ответу.

Что мы, человеки грешные? Ныне живы, а утро мертвы; день в славе и чти, а заутро в гробе и без памяти; иные разделят по себе наше собрание. Вспомни, брат, о наших отцах: что взяли с собою? Только то, что сотворено их душами.

Когда дитя мое и твое было убито перед тобою, когда ты увидел кровь его, и тело увянувшее, как цвет молодой процветший, ты вникнул бы в помыслы души своей, стоя над ним, и сказал бы: увы мне, что я сделал ради света сего мечетного — грех себе, отцу и матери слезы. Тебе надо бы покаяться тогда, и написать мне грамоту утешительную, а сноху мою послать ко мне, потому что нет в ней ни зла, ни добра, — чтоб я оплакал, вместо песней, и мужа ее и свадьбу их, не видав их первой радости. Пусти же ее хоть теперь Бога деля с первым словом, да потужив с нею, упокою ее на месте: пусть горюет, как горлица, сидя на сухом дереве, а я утешуся о Боге. Сын мой пал на полку; здесь нет ничего необыкновенного. Суд пришел к нему от Бога, а не от тебя. Так умирали и отцы наши. Конечно, лучше если б он не искал чужого; не ввел бы он меня в стыд и печаль. Отроки соблазнили его, ища себе пользы, и нашли ему зло.

Сотворив волю свою и воротя себе Муром, тебе не занимать бы Ростова, а послать ко мне, мы и уладились бы отсюда. Суди сам: мне ли следовало посылать к тебе, или тебе ко мне. Ты все приказывал дитяти: шлися к отцу. Он посылал десять раз. Ты пошли ко мне раскаяся, посла или попа, и напиши грамоту с правдою; тогда волость свою возьмешь с добром, и нас оборотишь к себе, и будем жить лучше прежнего: я тебе не ворожбит, ни местник. Я не хотел видеть крови твоей у Стародуба, но не дай Бог и мне видеть свою кровь от руки твоей, или от твоего повеления, или от иного какого брата. Лгу ли я, знает про то Бог и Крест честный. Если я погрешил, идя на тебя Чернигову, а то было из-за поганых, каюся, и в том послушался братьев. Добро ты помыслишь теперь, хорошо; лихо — вот сын твой крестный, с малым братом своим, сидит подле тебя, едучи хлеб деден; убей их. Я не желаю зла братье своей, но желаю добра братье и Русской земле.

Мы рядилися с братом твоим; он говорит, что не может решить ничего без тебя, и мы не делали ему никакого зла, но сказали ему: шли к брату, пока уладимся.

Молвлю тебе так не по нужде, ни беды мне нет никоторой, но душа мне лучше всего света сего. Если из вас кто не хочет добра, ни мира христианам, не буди ему мира от Бога узрети для души своей в будущей жизни».

Таков был Владимир Мономах.

Русская земля могла теперь обещать себе мир и тишину еще более, нежели прежде. Владимир, владея княжествами — великим Киевским, Переяславским, Смоленским, Суздальским, и в некотором отношении Новгородским, был так силен, что никто не мог с ним спорить. Мужественный, хотя и убеленный сединами, старец, славный по всей Русской земле, любимый народом, чтимый братьями, страшный врагам, отец многих храбрых сыновей, в родственных связях с разными государями Европы, Мономах сделался Великим Князем в полном смысле слова, в отца место прочим, — и все они должны были его слушаться.

Он посадил в Переяславле сына Святослава, а после Ярополка, в Смоленске Вячеслава, в Суздале Юрия, старшего Мстислава призвал (1117) из Новгорода и посадил в Белгороде, вероятно, чтобы иметь его при себе, и в случае своей смерти оставить ему Киев; в Новгороде сел внук его, сын Мстислава, Всеволод.

Половцы, услышав о смерти Святополка, сунулись было в Виру, но Владимир успел их встретить с сыновьями, племянниками и старым Олегом, который здесь в первый раз вооружился против друзей своих — половцев. Они бежали и никогда уже более не показывались в пределах русских при Мономахе. Владимир мог посвятить все свое время домашним делам.

Каменная церковь в Вышгороде, в похвалу и честь святых мучеников Бориса и Глеба, созданная старшими князьями русскими, была готова. Надо было переносить мощи. Съехались князья, митрополит Никифор и все епископы, Феоктист черниговский, Лазарь переяславский, Никита белогородский, Данило юрьевский, игумены: Прохор печерский, Сильвестр, что переписывал летопись Несторову, от святого Михаила, Савва от святого Спаса, Григорий от святого Андрея, Петр киевский и прочие, — и был собор велик от собравшегося народа со всех сторон.

В первый день мая освящена была церковь и совершена первая литургия. Угощал Олег: все у него обедали и пировали, «бысть угощенье великое». На другой день, поутру, митрополиты, епископы, игумены, облекшись в святительские ризы, зажгли свечи и с

кадилами благовонными приступили к ракам Святых. Сначала взяли они раку Борисову и поставили ее на повозку, которую за веревки потащили сами князья и бояре. Впереди шли чернецы со свечами, потом попы, далее игумены, перед ракой епископы, за ней князья. Народ напирал со всех сторон, давка случилась страшная, шествие остановилось. Везти далее раку не было никакой возможности. Такое множество толпилось везде, что страшно было смотреть: весь город: стены, крыши, были усыпаны людьми. Чтобы освободить проход, Владимиру тогда пришла мысль резать ткани и бросать по сторонам лоскутья, меха, опушки, серебреники. Народ раздался, и рака была пронесена, но в церкви очень трудно было поставить ее на место. Пошли за Глебовой и принесли ее. Между князьями произошел спор — Владимиром с одной стороны, и Давыдом с Олегом с другой: Владимир хотел поставить раки посредине церкви и воздвигнуть над ними серебряный терем, а Святославичи хотели поставить в камору, где отец их назначил место. Митрополит и епископы, видя, что никто другому уступить не хочет, сказали: «Бросьте жребий, — где угодно святым мученикам, пусть там и лягут». Князья согласились. Владимир положил свой жребий на святой трапезе, а Давыд и Олег свой. Их жребий вынулся, — и поставили святых мучеников в камору, на правой стороне от алтаря.

Владимир после оковал раки их серебром и золотом и украсил резьбою столь хитрой, что сами греки удивлялись богатству и художеству. Самые каморы были также украшены.

Князья, бояре и все люди, странные и убогие, праздновали три дня и расстались.

Мономах поставил еще церкви: в Переяславле, на Альте, святых мучеников, где погиб Борис, святого Иоанна в Копыреве конце, в Киеве, в Суздале, Владимире, Смоленске и по другим городам.

Из городов, вероятно, ему принадлежит, в княжестве Суздальском, куда он часто ездил, основание Владимира на Клязьме, которому судьба предназначала стать при его внуках ступенью на пути к истинному средоточию России, Москве.

Созвав в Киев знатнейших бояр и тысяцких, Ратибора киевского, Прокопия белгородского, Станислава переяславского, Нажира, Мирослава и боярина Олегова Иоанна Чудиновича, Мономах рассуждал с ними о Русской правде и присоединил или подтвердил многие новые важные законы: о ростах, о наемниках, о свидетельствах, о побоях, о наследстве, о судебных пошлинах, о

долгах, о холопах, смердах и проч., законы, доказывающие его предусмотрительность, заботливость и здравый смысл.

В 1115 году Владимир устроил мост через Днепр.

Внутреннее спокойствие, какого никогда не было на Руси, ни прежде, ни после, нарушилось, но ненадолго, притязаниями двух князей: Глеба минского (1116) и Ярослава, сына Святополка, владимирского (1117); они были тотчас усмирены, и отдались Владимиру во всю волю.

Глеб минский, наследуя вражду потомства Рогнеды, тревожил северные пределы Киевского княжества — дреговичей, и сжег Случеск. Владимир его останавливал, но он не только не раскаивался, а еще более распалялся на Владимира. Тогда великий князь киевский двинулся на него с сыновьями, Давыдом Святославичем и Ольговичами. Вячеслав взял Оршу и Копыс, а Давыд с Ярополком взяли Друцк на щит; сам Владимир шел на Минск. Глеб затворился, но увидя, наконец, что он готовится к долговременной осаде, испугался и выслал послов просить мира. Владимир сжалился, да и не хотелось ему проливать кровь в святые дни великого поста, — он дал мир. Глеб вышел из города с детьми и дружиной, поклонился Владимиру и обещался слушаться его. Великий князь киевский, наказав его во всем, смирил и отдал Минск. Ярополк для пленных дручан выстроил город Желды.

В 1119 г., однако же, Владимир отнял Минск у Глеба Всеславича, вероятно, за какое-нибудь новое ослушание, и самого привел в Киев, где тот вскоре и умер.

Ярослав, ближайший по старшинству наследник великого княжества, женатый на внучке его, дочери Мстислава, жил с ней дурно и прогнал ее от себя. Владимир, «не терпяче злоб его», пришел на него ратью, сопутствуемый также всеми прежними князьями, к которым должны были присоединиться теперь, по соседству, и Ростиславичи, Володарь и Василько. Шестьдесят дней стояли князья под Владимиром. Ярослав покорился, как и Глеб, перед стрыем своим, и ударил перед ним челом. Владимир, наказав его во всем, веля приходить к себе, «когда позову», дал ему мир.

Святополчич бежал, однако же, вскоре к уграм, — бояре отступились от него, — и Мономах отдал Владимир сыну Роману. На третий год беглец приходил было с ляхами к Червну при посаднике Фоме Ратиборовиче, но, не успев ничего, ушел, а на пятый год уже с большими силами — уграми, ляхами, чехами, к которым, вероятно,

принуждены были присоединиться и Ростиславичи, — пришел под Владимир, где княжил сын Мономаха Андрей, занявший место умершего Романа. Мономах тотчас начал собирать войско, чтобы вместе с сыном Мстиславом идти на помощь к Андрею, но судьба помогла ему сама. Ярослав, уверенный в успехе, подъехав близко к стенам, требовал сдачи и, грозя князю Андрею и гражданам, говорил: «Город мой; если вы не выйдете с поклоном, то увидите, что будет, завтра приступлю и возьму город». Он ездил еще под острогом, как вышли два ляха, замыслившие убить его, неизвестно по какой причине, и легли под взъездом, а когда он возвращался назад и спустился по взъезду, на пути к своим товарищам, ляхи выскочили навстречу и пронзили его. Едва унесли его еле дышащего, и в ночь он умер. Угры, ляхи и чехи ушли восвояси, Володарь с Васильком также. К Владимиру посланы послы с мольбой и дарами. Так избавился он без всякого со своей стороны усилия от могучего врага, и богатое княжество Владимиро-Волынское досталось его роду. Летописец приписывает неожиданный успех смирению Мономаха, в противоположность гордости Ярослава.

Новгородцы, имея у себя молодого внука Мономаха, решились было на самоуправство и ограбили Даньслава и Ноздрчу, без сомнения, преданных Владимиру бояр, и действовавших вопреки новгородцам в его пользу. Владимир разгневался, как сказано в самой Новгородской летописи, велел Мстиславу привести всех бояр новгородских в Киев, завел их честному кресту, поточил виноватых и особенно сотского Ставра, а прочих отпустил домой. Случай необыкновенный в новгородской древней истории, доказывающий силу и могущество Мономаха.

Через год он даже послал туда своего посадника Бориса.

Таким образом, Мономах овладел почти всей Русской землей, по крайней мере, заставил себя слушаться везде. Киев, Переяславль, Смоленск, Суздаль, Ростов, Владимир, даже самый Новгород, принадлежали ему совершенно, Полоцк почти, и только черниговские князья, хотя и покорные, и галицкие, оставались самостоятельными.

Половцы при Владимире не смели шевельнуться. В 1116 г. он посылал сына своего Ярополка, а Давыд Всеволода, на Дон, и они взяли три города: Сугров, Шарукань, Балин.

Не имея возможности поживиться на Руси, половцы вынуждены были искать ее на стороне: так, в 1117 г. ходили они с Аепою на волжских болгар, которые отравили его с прочими товарищами,

выслав им на поклон питье с растворенным ядом.

В 1116 году половцы бились два дня и две ночи сряду на Дону с торками, берендеями и печенегами, остатками разных племен турецких, кочевавших искони по тучным пастбищам нынешней южной России. Одоленные искали себе убежища в областях русских, где уже поселились прежде некоторые из их единоплеменников, и служили киевским князьям. Вслед за ними пришли беловежцы, без сомнения, — родом хозары. Владимир принял их всех и оставил военными поселениями на границах великого княжества Киевского, для охраны от других варваров; но некоторых из них, берендеев, через три года (1121) выгнал, вероятно, за набеги, от которых эти дикие сыны степей не могли удержаться, на соседние Русские земли, а другие, торки и печенеги, сами бежали, опасаясь его наказания за такие же подвиги. Впрочем, многие из них остались и верно служили киевским князьям.

Всех соседей Владимир держал в страхе. Сыновья, по указаниям его, ходили во все стороны и везде разносили страх русского имени, как то было в первые десятилетия норманнского владычества.

Мстислав в 1116 г. ходил с новгородцами и псковичами на чудь, взял их город Медвежью Голову и погостов без числа, и возвратился с большой добычей.

В 1120 году Андрей с половцами воевал ляхов, а Юрий из Суздаля ходил по Волге на болгар, победил их полки и взял много полона.

И Греция, после продолжительного спокойствия со стороны Руси, опять услышала на некоторое время это страшное для нее имя. В 1116 году зять Владимира, царевич Леон, сын императора Диогена, истинный или мнимый, ходил на его преемника Кир-Алексея, с помощью половецкой и, вероятно, русской, — и ему подчинилось несколько городов Дунайских, но в Доростоле два подосланных сарацина его убили. Тогда же Владимир послал на Дунай своего воеводу Ивана Войтишича, который занял многие города, и посажал посадников по Дунаю. В следующем году посылал он на Дунай сына Вячеслава с воеводой Фомой, сыном его старого сподвижника Ратибора, которые возвратились, однако, от Доростола без успеха.

Предание об этих походах на Империю, соединенное со славой имени Владимира, может быть, послужило основанием сказаниям новейших летописей о подвигах Мономаха в Греции. Они говорят, что Владимир, при самом вступлении на великокняжеский стол,

посылал воевод во Фракию с сыном Мстиславом, что они завоевали всю Фракию, и что император Алексей, прося о мире, прислал Владимиру крест от животворящего древа, венец царский, с главы своей снятый, крабицу сердоликовую, из которой император Август веселился, и цепи златые. Мономах венчался будто этим венцом от руки греческого митрополита Неофита, привезшего драгоценные дары в Киев. (Несколько греческих вещей значатся, впрочем, в завещаниях московских князей с XIV века, и так называемые Мономаховы царские утвари употребляются при царских венчаниях).

Мономах, уже седой старец, приближался к закату дней своих, оставаясь старшим князем из всего Владимирова и Ярославова рода; старшие двоюродные его братья, от Владимира и Изяслава, скончались гораздо прежде, а Святославичи, Олег в 1115 и Давыд в 1125 году, кроме младшего Ярослава, который был годами, впрочем, моложе его. Даже из младших его двоюродных братьев никого при нем не оставалось в живых.

Всех своих сыновей он успел женить и всех дочерей выдать замуж при своей жизни, даже некоторых внуков и внучат, и посредством этих браков вошел в родство со многими европейскими государями. Сам он женат был три раза: первая супруга его была Гида, дочь английского короля Гаральда (прочие неизвестны).

Старший сын Мстислав женился на Христине, дочери шведского короля Инга Стенкильсона. (Во второй раз — на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича.)

Их дочери выданы были замуж: одна за норвежского короля Сигурда, а потом за датского Эрика Эдмунда; вторая за Канута Святого, короля оботритского, отца Волдемара Славного, короля датского, названного этим именем, может быть, замечает Карамзин, в честь великого прадеда Владимира Мономаха; третья за греческого царевича (1121).

За сына Юрия (1107) Мономах взял половецкую княжну, дочь Аепы, внучку Осеневу.

За сына Романа в 1113 г. Володаревну.

Ярополк, из половецкого похода, в 1116 г., привел себе жену, «красну вельми», ясского князя дочь.

Андрей женился на внучке половецкого князя Тугоркана в 1117 г.

Дочь Евфимия выдана (1112) за венгерского короля Каломана, уже престарелого.

Вторая дочь, вероятно, Мария, за греческого царевича Леона,

которого Анна Комнина называет самозванцем.

Третья, Агафия, за Всеволодка городенского.

Свои владения Мономах разделил между сыновьями следующим образом: старшему Мстиславу он отдал стол великого княжества Киевского, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туров, Георгию Суздаль, Андрею Владимир, Всеволоду, внуку, Новгород. Распоряжения его простирались даже на внуков.

Этот славный, уважаемый, любимый всеми, ужасный врагам князь русский скончался в 1125 году, на берегу Альты, близ построенной им церкви святых мучеников Бориса и Глеба, 73 лет от рождения, княжив в Киеве 13, в Переяславле около 20 лет.

О кончине его переведем мы простые, но сильные слова Киевской летописи, которая лучше всего выражает народное мнение об усопшем:

«В лето 1125 преставился благоверный князь, христолюбивый и великий князь всея Руси, Владимир Мономах, иже просвети Русскую землю, как солнце пуская лучи, его же слух произыде по всем странам, — особенно же был он страшен поганым; братолюбец, и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю. Преставление его было мая 19. Тело его положено у святой Софии, у отца Всеволода, с песнями и молитвами обычными. Святители горестные плакали о святом и добром князе; народ и люди плакали о нем, как дети плачут по отце или по матери; вот как все о нем плакали. С плачем великим разошлись люди и дети его по тем волостям, что роздал им».

В Суздальской летописи встречаются при этом еще следующие замечания:

«Сей чудный князь Владимир старался сохранять Божии заповеди, и, нося страх Божий в сердце, всегда поминал слова Господни: о сем познают вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга, и любите врагы ваши, и добротворите ненавидящим вас. Он не возносился, ни величался, а предоставлял все Богу, и Бог предал всех зломыслов под руки его, и он отпускал их одареных. Милостив был паче меры, не щадил имения своего, оделяя требующих, и церкви зижа и украшая».

Митрополит Никифор в вышеупомянутом послании свидетельствует то же самое:

«Руки твои простираются ко всем, говорит он князю. Ты не держишь у себя серебра и золота, но раздаешь все неимущим, а скотница (казна) твоя по благодати Божией всегда полна, неоскудна и

неистощимая. Великую веру, продолжает та же летопись, имел он к Богу и к сродникам своим, к святым мученикам, Борису и Глебу, тем же и церковь прекрасную создал на том месте, на Альте, где была пролита неповинная кровь. Был очень жалостлив, и приял тот дар от Бога, что, входя в церковь и слыша пение, всегда проливал слезы, и молился всегда со слезами. За то Бог и совершал все его прошения, и исполнил лета его в доброденстве».

Такие отзывы продолжаются в летописях при всяком случае, например:

Продолжатель Несторов под 1139 г., описывая милостивый поступок Ярополка, говорит в похвалу ему: «Ярополк был милостив, добр, имел страх Божий в сердце, как и отец его имел страх Божий в сердце».

Летописец Василий прибавляет, рассказывая об осаде Мономахом Киева: «Он преклонился на мольбу княгини, ибо почитал ее как мать свою, ради отца своего, которого он любил и не ослушался никогда, ни при жизни, ни по смерти, потому и послушал ее, как мать; он любил и духовенство, особенно чернеческий чин, приходящих к нему напитывал и напоял, как мать детей; видел ли кого шумна или в зазоре, не осуждал, но все перекладывал на любовь».

Это любезное и необыкновенное в его время качество, снисходительность, видно и из следующих слов Поучения, примечательных и в авторском отношении:

«Кто прочтет сию грамоту из детей моих, из чужих людей, и не понравится ему она, не смейся и не сердись, скажи: на далеком пути, на санях сидя, безлепицу молвил».

В последнем отношении всего примечательнее начало Поучения, исполненное истинного красноречия:

«Я, худой, от деда своего Ярослава, благословенного, славного, названный в крещении Василием, а по-русски Володимером, от отца своего возлюбленного и матери Мономахини… пишу сию грамоту для детей моих и всех христианских людей. Имейте страх Божий в сердце и творите милостыню неоскудную — вот начаток всякому добру.

Велий еси Господи, и чудна дела Твоя! Никакой разум человеческий не может не поведати чудес Твоих: как небо устроено, солнце… как луна и звезды, и тьма и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом!.. И сему чуду дивимся, как

человек созданный от персти бывает разноличен; если весь мир совокупить, то всякий явится с своим образом? И птицы небесные умудрены Тобой, Господи? Егда повелишь, воспоют и возвеселят… Благословен еси Господи и хвален зело… Иже не хвалит Тебя Господи, и не верует всем сердцем и всею душою во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят.

Научися верный человече, быть благочестивым делателем, по Евангельскому слову, помысл чист имети, понуждайся на добрые дела, Господа ради: очам управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу порабощенье, гневу погубленье. Лишаем — не мсти; ненавидим и гоним — терпи; хулим — моли; умертвим грех. Господь указал нам побеждать врага тремя добрыми делами: покаяньем, слезами, милостынею. Помните, что ими улучить можно милость Божию, не тяжкая это заповедь, — не одиночество, не чернечество, не голод, что творят иные добрые».

Современные свидетельства, а еще более самые действия Мономаха, переданные нами согласно со всеми летописями, подтверждают искренность и правдивость его слов. И народ любил Мономаха за его княжеские доблести, за его человеческие добродетели. Во всей Русской земле чтилась память его долго после его кончины.

Новгородцы в 1142 году говорят Всеволоду Ольговичу: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племянника вашего, хотим племени Владимира».

Киевляне в 1147 г. отвечают Изяславу Мстиславичу, звавшему их на Олеговичей, среди которых находился сын Мономаха: «Княже, не гневайся на нас, на Владимира племя руки поднять не можем; на Олеговичей, так пожалуй, хоть с детьми».

В то же время куряне отказались перед сыном этого Изяслава, Мстиславом, идти на его противников, между которыми находился внук Мономаха: «За тебя князю, биться рады, а на Владимира племя, говорили они, не можем идти, на Юрьевича руки поднять не можем».

(И позднейшее потомство сохранило то же почтение, ту же любовь к Мономаховой памяти. Когда в XVI веке возникла мысль о царском титуле для великих князей московских, имя Мономаха тотчас представилось правительству. Так и теперь — венец, которым венчается русский царь в великую минуту вступления на престол первой державы в мире, именуется Мономаховым, как бы в знамение той любви, той взаимной преданности, того высокого, чистого

духовного союза, который долженствует быть между русским царем и русским царством.)

Стол киевский был занят старшим сыном Мстиславом. Заблаговременно призванный отцом из Новгорода и живший подле в Вышгороде, он имел силу в своих руках, и никто из старших по праву, не многих, впрочем, князей — не мог с ним спорить, как прежде никто не мог спорить с его отцом.

Владение Мономаха хотя и разделилось между пятью его сыновьями, но они все находились в полном послушании у старшего, благодаря его доблестям.

Княжение его, впрочем, очень кратковременное, 1125–1132, было совершенным продолжением Мономахова, грозное как для внешних, так и для внутренних врагов. Половцы, пытавшиеся напасть на Переяславское княжество, были отражены братом великого князя Ярополком, но Мстислав тем не удовольствовался: он послал своих воевод на дикое кочевое племя, прогнать их как можно далее от русских пределов:

«Се бо Мстислав великий наследи отца своего пот Владимира Мономаха великого. Владимир сам собою постоя на Дону, и много пота утер за землю Русскую, а Мстислав мужи своя посла, загна Половцы за Дон, и за Волгу, и за Яик, и тако избави Бог Русскую землю от поганых».

Дома прежде всего он должен был принять участие в делах Черниговского княжества, которое, по кончине славного своею кротостью Давыда Святославича, было отнято у дяди, Ярослава, племянником Всеволодом Ольговичем. Мстислав обещался помочь обиженному, но не исполнил своего обещания. Особенно подействовал на него Григорий, игумен Св. Андрея, любимый еще отцом Мономахом и самим Мстиславом. Он не допустил Мстислава идти войною на Всеволода, сказав: «Лучше преступить крестное целование и не начинать войны, нежели проливать христианскую кровь». Собрав собор архиерейский, он объявил Мстиславу торжественно: «Мы берем грех на себя». Мстислав послушал их, и всю жизнь, прибавляет летописец, раскаивался в этом преступлении клятвы. Может быть, просьбы дочери, жены Всеволода, вместе с уступкой Курска также имели здесь участие в решении Мстислава. Несчастный Святославич вынужден был оставить добычу у похитителя и удалиться в свой Муром, где он стал родоначальником князей муромских и рязанских.

Гораздо строже был Мстислав в отношении к полоцким князьям, «зане не бяхуть его воли, и не слушахуть его, коли зовяшеть в Русскую землю в помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье, и про се ся Мстислав разгневася на не, и хотяше на не ити».

Половцы на некоторое время задержали Мстислава.

В 1127 году, то есть на второй год после своего вступления на великокняжеский стол, он снарядил общий поход против полоцких князей: брату Вячеславу он велел идти на кривичей из Турова, брату Андрею из Владимира, зятю Всеволоду из Городна, Вячеславу Ярославичу из Клеческа. Сборное место их назначено под Изяславлем. Всеволод Ольгович должен был идти на Стрежев к Борисову, Иван Войтишич с торками, сын Изяслав из Курска, сын Ростислав из Смоленска, к Дрютеску, сын Всеволод с новгородцами к Неклочу.

Все князья должны были выступить в один день, 11 августа. Полочане, стесненные со всех сторон, должны были покориться, по взятии Логожска и Изяславля, выгнали от себя князя Давыда Всеславича с сыновьями, и приняли от руки Мстислава Рогволода.

Через два года (1129) Мстислав опять разгневался на полоцких князей и послал за ними привести их в Киев. Здесь, посадив в три ладьи Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей, с женами их и детьми, двух Рогволодовичей, «поточи их Цареграду за непослушание их», а города кривские отдал в управление своим мужам.

В следующем году (1130) Мстислав посылал сыновей своих на чудь, которая и была обложена данью.

Наконец в 1131 ходил он сам на Литву, с сыновьями, Ольговичами и Всеволодом городенским, опустошил много земли, но часть его киевлян, не успевшая за ним следовать, была перебита этими дикарями, которые, вышедши из своих убежищ в лесах, где они прятались, нагнали отставшую дружину и истребили ее.

На Святой неделе в пятницу, 15 апреля 1132 года, Мстислав скончался, предоставив княжение брату Ярополку и отдав ему на руки своих сыновей.

Через день, 17 апреля, в воскресенье, он был похоронен в церкви Св. Феодора, его ангела, им построенной в 1129 г. В год своей смерти он заложил еще церковь каменную Божией матери Пирогощей. При нем также была освящена церковь святого Андрея в Янчине монастыре.

Семейство осталось после Мстислава многочисленное — сыновья: Всеволод, княживший в Новгороде (изгнанный оттуда и скончавшийся вскоре в Пскове).

Изяслав и Ростислав, сидевшие на великокняжеском столе, один после другого, Святополк и Владимир, родившийся в год его смерти.

Последние двое, особенно Владимир, не поддержали славы отцовского имени.

Дочери: одна выдана была в замужество за Всеволода Ольговича черниговского, другая за полоцкого князя Брячислава Давыдовича, третья за Ярослава Святополчича, четвертая за венгерского королевича Гейзу, пятая за греческого царевича.

Мстислав получил пятую часть из Мономахова наследства, а теперь его пятая часть разделилась еще на четыре.

Потомство Мстислава знаменито в Русской Истории подвигами Ростиславичей и преимущественно родом старшего сына Изяслава, через внука Мстислава, и правнука Романа волынского, давшего столько славных государей княжеству и королевству Галицкому.

С Ярополка (1132) собственно начинается смятение в древней Руси. Число князей увеличилось. Три степени или поколения были уже на поприще действий, которые входили между собою в состязание.

Случилось, что способнейшие нашлись между младшими, а самый старший был слаб и мягок, не похож ни на отца Мономаха, ни на брата Мстислава.

Он захотел прежде всего исполнить слово, данное умершему великому князю и пристроить его детей. С этой целью призвал он из Новгорода старшего племянника Всеволода, и предоставил ему Переяславль.

Братья перепугались, думая, что Ярополк хочет и Киев отдать ему после своей смерти, взялись за оружие, и не успел Всеволод сесть на своем столе, как на другой же день выгнал его оттуда дядя Юрий, и он вынужден был возвратиться к новгородцам, которые его, однако же, не захотели принять.

Ярополк выгнал Юрия, в свою очередь, через восемь дней, из Переяславля, и призвал туда другого племянника, Изяслава из Полоцка. И этот просидел немного долее своего старшего брата, вынужденный уступить княжение Вячеславу, вследствие нового договора братьев, которые, видно, успели охладить привязанность великого князя к племянникам (1133).

Полочане так же, как и новгородцы, не были довольны переменой, выгнали от себя оставленного Мстиславича и призвали одного из возвратившихся своих князей, Василька.

Изяслав получил Туров и Пинск в дополнение к оставшемуся у него из прежней волости Минску. Но недолго владел и Туровом. Вячеслав прогнал его оттуда (1134), оставив Переяславль, отданный великим князем младшему брату Юрию в обмен на Суздаль, Ростов и прочую область.

Тогда, улучив благоприятную пору, поднялись Ольговичи, лишившиеся Курска. Соединившись с Давыдовичами, они начали войну против великого князя, под предводительством своего брата Всеволода, который, видя слабость и распри, без дальнейшего повода, рад был случаю в мутной воде наловить себе рыбы.

Мстиславичи, оставшиеся вследствие всех этих переворотов ни с чем, решились присоединиться к ним, против своего несчастливого благодетеля.

Изяслав, которого брат Всеволод хотел было с новгородцами посадить в Суздале, узнав о происшедшем на юге, прибыл, после неудачного похода до Дубны, в Чернигов (1134).

Начались походы из Киева в Чернигов, и из Чернигова в Переяславль и Киев. Села на обеих сторонах горели, и жители убегали спасаться в лесах.

Великий князь, с намерением расстроить составившийся против него союз, дает, наконец, Изяславу Владимир, из которого Андрей перешел в Переяславль. Юрий должен был идти назад в Залесскую сторону. Но Ольговичи продолжали искать своего. «Что наш отец, твердили они, держал при вашем отце, то хотим и мы держать при вас. Если нет, то не пеняйте на то, что будет; вы виноваты, на вас наша кровь». Следующий год весь прошел в военных действиях. Ольговичи напали на Переяславль. Великий князь поспешил к брату на помощь (1135). В верховьях Супоя противники сошлись. Половцы побежали. Киевская дружина за ними, а князья остались одни. Василько Маричич, внук Мономаха, пал, и многие за ним с обеих сторон. Братья — Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей, увидев полки свои расстроенными, отъехали восвояси, а бояре их, возвратясь из погони на помощь с тысяцким, попали Ольговичам в руки.

Всеволод устремился на Киевскую область, и все не мог ничего сделать. Увидя, что Ярополк начал собирать войско против него, он отошел к Чернигову. Начали переговоры о мире, но никак не могли

договориться. Зимой Ольговичи опять явились с половцами на киевской стороне Днепра, воевали от Триполя около Красна и Василева до Белгорода по Желани, и далее, до древлян.

Воины Ярополка собрались во множестве со всех земель; он мог надеяться на успех, но не захотел проливать крови, уступил, «сотворися мний», и отдал Ольговичам то, чего они хотели, вопреки мнению братьев и дружины, которые, во что бы то ни стало, хотели решить распрю оружием. Свои укоряли и хулили его за это смирение, но зато он прекратил тем брань лютую (1136).

Ольговичи недолго оставались в покое. Всеволод искал, видно, больше того, что получил. Он хотел всего, и чем сильнее становился, тем был все жаднее.

Он опять привел половцев и ворвался с ними в Переяславское княжество, взял Прилук и другие города, собрал Посульское. Ярополк, как ни желал мира, понял, что добром ничего ни сделаешь, и решил покончить с ним разом. Созвался со всеми братьями и племянниками, вытребовал к себе суздальцев и ростовцев, смольнян и полочан, туровцев. От Васильковича и Володаревича пришли галичане, и от короля венгерского поспела помощь, призваны берендеи. С такой силой явился великий князь под Черниговом. Всеволоду пришлось плохо, надеяться было не на что, он оробел и решил бежать, но черниговцы не пустили его и заставили смириться перед Ярополком; «и тот простил его, милостивый нравом, подобно отцу».

Вскоре по заключении мира Ярополк скончался (18 февраля), и положен в Янчине монастыре у Св. Андрея.

Следующий за ним брат его Вячеслав немедленно прибыл в Киев (24 февраля) и занял его место.

Но неугомонный Всеволод и не думал оставить его там в покое. Зная его слабость, чувствуя свое превосходство, надеясь на верных друзей своих — половцев, он вздумал захватить себе великое княжество и выгнать Вячеслава из Киева, как прежде выгнал тот дядю Ярослава из Чернигова. Сила была для него правом. Собрав малую дружину, сколько случилось под рукой, он с братьями явился тотчас под Вышгородом и занял его. На другой день подступил он к Киеву, стал в Копыреве конце и начал зажигать дворы под городом (4 марта), послал сказать Вячеславу без всяких околичностей, чтобы тот шел вон. Вячеслав не мог противиться и отвечал ему с митрополитом: «Я пришел по уставу наших отцев, после братьи своей, Мстислава и

Ярополка, а если тебе захотелось этого стола, покидая отчину, то, пожалуй, я стану тебя меньше; отойди Вышегороду, я уйду в свою волость, в Туров, а Киев тебе».

Всеволод Ольгович (1139) стал великим князем, не имея на то ни малейшего права, как сын отца, не сидевшего никогда в Киеве, как младший даже в своем роде, сравнительно с Давыдовичами.

Занять киевский стол удалось легко, но удержать его оказалось гораздо труднее. Сыновья Мономаха, Вячеслав, Юрий и Андрей, естественно, негодовали на Всеволода, который лишил их отцовского наследия; племянники их, Мстиславичи, теряя законную и верную надежду заступить некогда их место, не могли чувствовать к нему расположения. На собственных братьев, родных и двоюродных, не мог он вполне полагаться, потому что у них были свои особенные причины к неудовольствию. Черниговом Всеволод владел не по праву, выгнав родного дядю Ярослава; собираясь на Киев, он обещал дать под собою Чернигов брату Игорю. Тот и явился за исполнением обещания, но Всеволод отдал Чернигов Давыдовичам, которым следовал он по праву, и которые его давно дожидались. Таким решением он перессорил братьев между собою. Родные отошли от него, раздраженные, готовиться к наступательным действиям.

Всеволод не боялся этих опасностей. У него, избалованного счастьем, носились в голове другие мысли. Он хотел один держать всю землю Русскую, и, предупреждая законные притязания Владимировичей, равно как и Мстиславичей, лишить их средств вредить себе, отнять у них остальные волости: Туров у Вячеслава, Переяславль у Андрея, Владимир у Изяслава, Смоленск у Ростислава.

Замыслы обширные, для исполнения которых ему необходима была помощь, и он начал искать ее.

Первые помощники были половцы, издавна ему знакомые, готовые за серебро и золото воевать, с кем угодно.

На ляхов мог он надеяться по родственным связям.

Давыдовичи должны были служить ему в благодарность за уступленный им Чернигов.

Галицким князьям обещал участие в добыче на Волыни.

Новгородцы были на его стороне после ссор с Юрием и просили его брата или сына.

Наконец, братьев он привлекал видами на вознаграждение из будущих приобретений.

Всеволод распорядился вот как: сам с сыном Святославом пошел

на Переяславль; галицкие князья должны были ударить на Владимир, Ольговичи на Туров, новгородцы на Суздаль.

Меры задуманы хитро, но привести их в действие оказалось по времени неудобным; они не удались, и Всеволод должен был ограничить свои желания.

Он стоял на Днепре и послал к Переяславлю брата Святослава. Андреева дружина встретила его, разбила и преследовала, но князь не пустил ее гнаться дальше границы.

Великий князь нашел себя вынужденным отказаться хоть на время от своего намерения и оставить Переяславль за Андреем. Он потребовал только, чтобы Андрей всегда держал его сторону. Они заключили мир, и Андрей целовал крест. В эту же ночь загорелся Переяславль; воины Всеволода не тронулись с места. На другой день, поутру, Всеволод прислал сказать Андрею: «Видишь, я креста не целовал еще тебе, а у вас случился пожар. Это мне Бог давал, — вы сами зажгли. Я мог сделать с вами все, что мне угодно, если бы хотел вам лиха. Смотри же, исправляй, в чем целовал крест. Исправишь, — то добро, а не исправишь — рассудит Бог».

Всеволод поцеловал крест и оставил Андрея в покое. Он не достиг своей цели, но, по крайней мере, приобрел союзника.

Отряд галицкий успел еще менее: воины, шедшие на Изяслава Мстиславича к Владимиру, дойдя до Горыни, всполошились от неизвестной причины и вернулись восвояси, не сделав ничего.

Ляхи опустошили только Владимирскую волость, Давыдовичи Туровскую.

Вячеслав и Изяслав решили просить мира у Всеволода и послали к нему послов договариваться. Всеволод не хотел было их слушать, но после, подумав, что нельзя ему быть без них, дал им их прошение и поцеловал крест.

Таким образом, хотя он не успел взять себе власть, как хотел, но, по крайней мере, удержал за собою Киев и примирил себе Владимировичей и Мстиславичей.

Новгородцы, принявшие к себе Святослава Ольговича, не поладили с ним, и он прислал сказать брату: «Тягота в людях сих, не хочу оставаться с ними; присылай сюда, кого хочешь».

Всеволод послал Ивана Войтишича и велел ему привести к себе лучших людей, думая дать новгородцам сына. Новгородцы пуще взволновались и начали избивать приятелей Святослава. Всеволод, услышав о новгородском смятении, не пустил ни сына, ни мужей

новгородских, к нему приведенных. Новгородцы прислали епископа с послами просить сына, «а брата не хотим». Всеволод, наконец, согласился, но когда тот отправился, они передумали и отказали наотрез: «Не хотим ни сына, ни брата твоего, ни племени вашего, но хотим племени Владимира: дай нам шурина, Изяслава Мстиславича». Всеволод рассердился; ему жаль было отдать Новгород Великий племени Владимира; он вернул сына и послов, а Мстиславичей позвал к себе и дал им Берестий: «Новагорода не берите, пусть посидят сами о своей силе. Где найдут они князя!» Новгородцев держал он все лето и зиму, и с епископом.

Они соскучились сидеть без князя, да и жито не шло к ним ниоткуда. Они послали к Юрию во второй раз за его сыном Ростиславом. Всеволод рассердился, занял Городец Острьский и некоторые другие города, захватил все, что где попалось: имущество, скот, коней, овец. Изяслав Мстиславич обратился к сестре и уговорил ее выпросить у мужа Новгород брату их Святополку. Всеволод, наконец, согласился, и задержанные им мужи новгородские устроили это дело так, что новгородцы в третий раз отпустили от себя Ростислава и приняли Святополка. Мстиславичи были, таким образом, удовлетворены, имея Владимир и Новгород.

Скончался Андрей Владимирович, и жадный Всеволод не мог упустить случая расширить свою власть. Он послал сказать Вячеславу в Туров: «Ты сидишь в Киевской волости, а она принадлежит мне. Ступай в Переяславль, отчину свою». Туров он отдал своему сыну Святославу.

С чужими Всеволод кое-как управился, но свои озлоблялись на него больше и больше: до сих пор они не получили от него почти ничего; только Святослав, по возвращении из Новгорода, после продолжительного спора, получил Белгород для разлучения с Игорем. «Дает волости сыну, говорили они, а братью не наделяет ничем».

Они домогались себе вятичей и заключили договор с Давыдовичами, ходив на них перед тем к Чернигову ратью.

Всеволоду неприятен был такой союз. Всех братьев пригласил он к себе в Киев для полюбовного соглашения. Они пришли. Святослав, Владимир, Изяслав стали в Ольжичах, а Игорь у Городца. Начались споры. Святослав поехал к Игорю и спросил его: «Ну, что дает тебе брат старейший?» «Дает нам всем по городу, отвечал Игорь, Берестий и Дрогичин, Черторысск и Кляческ, а отчины своей не дает Вятичей».

Все братья поцеловали крест между собой, первыми Святослав с Игорем, а потом на другой день оба с Давыдовичами, чтобы действовать заодно против Всеволода: кто отступит крестного целования, тому крест пусть мстит.

Всеволод позвал всех братьев к себе на обед; они не пошли и велели ему сказать: «Ты сидишь в Киеве, и мы Киевской волости не хотим, а просим у тебя Черниговской и Новогородской».

Но Черниговской и Новгородской волости Всеволод никак не хотел уступить им, а стоял на том, чтобы они взяли предложенные четыре города.

«Ты нам брат старший, заключили они, и если не даешь, чего просим, так нам самим о себе поискати».

И, рассорясь со Всеволодом, пошли ратью на Вячеслава к Переяславлю, который добыть себе хотелось Игорю. Начались сражения. Всеволод прислал Лазаря саковского к Вячеславу на помощь. Поспешил к нему и Изяслав из Владимира, бился несколько раз с ними и вынудил отойти прочь. В это время шел Ростислав к зятю из Смоленска с полком своим, и, услышав о битвах Ольговичей под Переяславлем, повоевал волость их около Гомия. Изяслав двинулся и опустошил села около Десны и около Чернигова. Игорь, «хотяче мстити себе», опять явился с братьями под Переяславлем, бился три дня и, не успев ничего, возвратился восвояси. Вражда разгоралась сильнее и сильнее.

Всеволод прибег к новому средству: вызвал из глубины киевских пещер брата Николу-Святошу, который давно уже променял броню на вретище и спасался в своей келье, исправляя строго все монашеские послушания. Ему поручил Всеволод быть посредником и передать братьям: «Братья, возьмите у меня с любовью, что я вам даю: Городец, Рогачев, Берестий, Дрогичин, Клеческ, и перестаньте воевать с Мстиславичами».

Они послушались святого отшельника, и на зов Всеволода приехали все вместе в Киев.

Но лукавому Всеволоду больше всего не хотелось, чтобы братья договорились между собой: прежде всего ему надо было разделить их. Он послал сказать Давыдовичам: «Отступитесь от моих братьев, я вас наделю». И они отступились, изменив крестному целованию. Всеволод обрадовался разлучению и дал Давыдовичам Берестий, Дрогичин, Вщиж и Ормину. А потом послал за братьями и дал им: Игорю Городец, Юрьев и Рогачев, а Святославу Клеческ и

Черторысск. Братья, оставшись одни, вынуждены были согласиться и разошлись неудовлетворенные, с занозою в сердце. Неудовольствие усилилось вскоре вот от чего: Вячеслав, снесясь с Всеволодом, опять отдал Переяславль племяннику Изяславу и отошел в свой Туров, а Владимир получил сын Всеволода Святослав.

Ольговичи озлобились. Дружба брата с Мстиславичами, особенно с Изяславом, который приобрел, кажется, полное его доверие, тревожила их до крайности: они видели в нем соперника, который ни за что не уступит им Киева. «Осажался, ворчали они, своими шурьями, а нашими ворогами, нам и себе на безголовье и безместье». Они приставали беспрестанно к брату, чтобы он пошел против Мстиславичей, но он не послушался.

Уладя несколько дела, Всеволод отдал дочь Звениславу в ляхи за короля Болеслава (1141), на зиму посылал сына, Изяслава Давыдовича и Владимирка галицкого, в помощь зятю Владиславу на Болеславича.

В это время сыграно было много свадеб: выдав дочь, Всеволод женил и сына, взяв за него Васильковну, полоцкого князя (1143). Все братья и ляхи пировали на свадьбе. А Изяслав отдал дочь в Полоцк за Рогволода Борисовича. Всеволод был на свадьбе у него с женою и боярами. Вскоре Всеволод выдал замуж и двух Всеволодовен, внучек Мономаха, одну за Владимира Давыдовича, другую за Юрия Ярославича.

Около этого времени появляется на сцене новое действующее лицо, Владимирко галицкий, который объявил войну Всеволоду, желая распространить свои владения на Волыни.

Всеволод поднялся со всеми силами: Ольговичи, Давыдовичи, Мстиславичи, Всеволодовичи, Владислав, лядский князь, и прочие, пошли под его предводительством на Владимирка, и принуждали его поклониться Всеволоду, но тот и слушать не хотел, надеясь на пришедших к нему в помощь угров. Они не оказали ему, однако же, никакой пользы. Полки его были обойдены, и галичане испугались. «Мы здесь стоим, а там полонят наших жен и детей». Владимирко, видя беду неминуемую, обратился к Игорю: «Если ты примиришь меня со своим братом, то по Всеволодовом животе я помогу тебе про Киев». И так склонил он лестью на свою сторону Игоря, который, на беду себе, только и думал, что о Киеве.

Игорь начал просить брата и даже выговаривать ему с сердцем, когда тот показал нерасположение: «Ты обрек мне Киев, а приятелей

не даешь мне наживать, стало быть, ты не хочешь мне добра».

И послушался Всеволод, дал Володимирку мир, впрочем, за большую цену. Владимирко приехал, поклонился ему и вручил за труд 1400 гривен серебра. Всеволод поздоровался с ним, и, принимая серебро, сказал: «Ну вот, отсчитал ты, смотри же, больше не греши». Примирив его, возвратил ему Микулин и Ушицу. Так закончился первый галицкий поход. «Владимирко много говорил сперва, замечает летописец, а после много заплатил». Серебро Всеволод не оставил у себя, но одарил всех братьев, кто был с ним в походе.

Возвратившись из похода, Всеволод занемог и, беспрестанно побуждаемый братом, созвал, наконец, братьев в Киев (1145) и объявил: «Владимир посадил по себе в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав посадил брата своего Ярополка, а я молвлю: если Бог возьмет меня, то я даю Киев по себе брату моему Игорю». Изяславу Мстиславичу было это очень не по душе, но спорить было нельзя, и он вынужден был целовать крест. Все братья сели у Всеволода в сенях, и он сказал: «Игорю, целуй крест, чтобы иметь тебе братью в любовь, а вы, Владимир, Святослав, Изяслав, целуйте крест Игорю — быть довольными, что он даст вам по воле, а не по принуждению». И все поцеловали крест. Когда присяга кончилась, Всеволод продолжал: «Подбивает меня Владислав, лядский князь, на своих братьев». Игорь убедил его поберечь себя и остаться дома, а их отпустить. Тот согласился, и они пошли, кроме Изяслава Мстиславича, отговорившегося болезнью, — проникли во внутренность Лядской земли.

Братья Владислава смирились и уступили ему четыре города, а русским князьям Визну.

Владимирко замышлял что-то на великого князя за покровительство племяннику, Ивану Берладнику, который, после неудачной попытки в Галиче, нашел у него убежище. Всеволод, которому стало получше, решился предупредить его замыслы, собрался со всеми князьями и пошел на него войной. Дорога испортилась, и воины едва достигли Звенигорода, сожгли острог в первый день, и жители на вече решили было сдаться, но воевода Иван Халдеевич велел схватить трех мужей, подавших совет сдаться, разрубил их пополам и выбросил тела из города, пригрозив тем же и прочим. Звенигородцы начали биться без лести. Всеволоду очень хотелось взять город: три дня приступали его воины, бились от ранней зари и до вечерней, зажигали несколько раз — ничто не

помогало, и он вынужден был снять осаду.

Всеволод, возвратившись, в Киев, почувствовал себя очень дурно, послал за братьями и призвал киевлян к себе на остров под Вышгородом. «Я очень болен, сказал он им, вот брат мой Игорь, отдайтесь ему». Киевляне отвечали: «Рады, отдаемся». Они взяли Игоря в Киев, созвали всех своих и целовали ему крест под Угорским, а на другой день вышгородцы. «Ты наш князь», твердили они ему с лестью. Всеволод, едва дыша, послал к Изяславу Мстиславичу зятя своего Владислава, а к Давыдовичам Мирослава Андреевича спросить: «Стоите ли в крестном целовании у брата своего Игоря». Они отвечали: «Стоим». К утру, 1 августа 1146 г., скончался Всеволод и был погребен у святых мучеников.

Игорь созвал киевлян на Ярославов двор и получил от них новую присягу. Дав присягу, они собрались еще у Туровой божницы и прислали звать Игоря. Игорь поехал с братом Святославом, и, остановившись в некотором отдалении с дружиной, отправил к ним брата на вече. Киевляне начали жаловаться на тиунов Всеволода, на киевского — Ратшу, и вышгородского — Тудора: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород, а ныне, княже Святославе, целуй нам крест с братом, что вы не отдадите нас в обиду». Святослав отвечал: «Целую вам крест и с братом, что вам не будет никакого насилья, а вот и тиун на вашу волю». Святослав слез с коня и поцеловал крест на вече, и киевляне, слезши с коней, поцеловали крест: «Брат твой князь и ты — целуем крест, оже не льстить ни под Игорем, ни под Святославом». Взяв с собою лучших мужей, Святослав возвратился к Игорю и сказал: «Брат, на том целовал я крест им, чтоб тебе их любить и иметь в правду». Игорь слез с коня и целовал крест на всей их воле, по слову братнему, и отъехал обедать, а они бросились грабить Ратшин двор и мечников. Игорь послал к ним брата Святослава с дружиной, и тот едва усмирил мятеж.

Тогда же послал Игорь и к Изяславу Мстиславичу, сказать ему: «Се брата нашего Бог понял — стоишь ли ты в крестном целовании?» Он ответа на эту речь не дал, и посла не отпустил.

Не понравился, однако же, киевлянам Игорь. Они послали в Переяславль сказать Изяславу: «Иди, князь, к нам, хотим тебя». Изяслав того и ждал; собрав тотчас войско, он взял благословение у епископа Евфимия, в соборе святого Михаила, и пошел на Киев, переправившись через Днепр у Заруба. «Я Киева ищу не себе, говорил он, отец мой, Вячеслав — брат старший, ему ищу я Киева!»

На той стороне Днепра явились к нему черные клобуки и все Поросье: «Ты нам князь, а Ольговичей не хотим, ступай скорее, мы с тобою». Изяслав двигался вперед. В Дерновое пришли белгородцы и василевцы с теми же речами: «Иди, иди, не хотим Ольговичей». Наконец, показались и киевляне, повторяя то же: «Иди, иди, ты наш князь, не хотим быть за Ольговичами; где увидим твой стяг, туда готовы и мы».

Изяслав был в полном удовольствии. Созвав в поле всех своих приверженцев, христиан и поганых, он сказал: «Братья! Всеволода имел я в правду братом старейшим; он был старше меня, брат и зять, ровно отец, а этим (то есть Игорю и Святославу) не уступлю. Что Бог даст — либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отца своего и деда». Изяслав шел, не останавливаясь.

Бедный Игорь увидел, что Киева, им так давно желанного и с таким усилием полученного, сохранить ему будет труднее, нежели приобрести. Надо было приготовиться к борьбе с открывшимся врагом. Надеяться он мог только на родного брата Святослава, а двоюродные, Давыдовичи, находились с ним издавна в неприязненных отношениях. Он послал к ним, однако же, спросить, может ли полагаться на их верность. Они потребовали много волостей. От крайней нужды, Игорь дал им все, чего они просили, лишь бы только пришли к нему с помощью.

Кроме внешней помощи нужно было застраховаться и дома, приобрести благорасположение знатнейших бояр: Игорь призвал к себе Улеба тысяцкого, Ивана Войтишича, Лазаря саковского, и старался заверить их, что у него им будет так же хорошо, как и у брата.

Бояре обещали, но они-то первые и изменили ему; они-то, приняв честь великую и от Всеволода, и от Игоря, совместно с киевлянами предали нового князя, вынуждая его выступить навстречу Изяславу Мстиславичу, а того торопили к себе, говоря: «Скорее, Давыдовичи идут с помощью. Лишь только ты покажешься, мы бросим стяг и побежим с полком в Киев».

Изяслав приблизился, наконец, к Киеву, и стал перед валом, где есть Надово озеро у Шелвова борка. Множество киевлян стояло отдельно у Ольговой могилы. Игорь с братом и племянником готовился к битве. Он отослал князей и бояр по их полкам, сказав: «Суди нас Бог». Улеб и Иван, приехав в свои полки, бросили стяги и повернули к Жидовским воротам. Киевляне прислали к Изяславу

взять к себе его тысяцкого со стягом; берендеи переправились через Лыбедь и захватили Игоревы товары около Золотых ворот. Несчастный Игорь увидел измену, но решил испытать счастья и пошел со своими на Изяслава, который стоял за озером; понадобилось обойти его и подняться к верху, другие полки двигались от Сухой Лыбеди: произошла сумятица; берендеи очутились сзади и начали сечи. Изяслав ворвался сбоку и разделил братьев, которые должны были искать спасения в бегстве через Дорогожицкие болота. Игорь отстал от других, забрав один далеко в сторону. Конь его увяз, и никто не знал, что с ним случилось. Брат его Святослав бежал к устью Десны, за Днепр; племянник Святослав Всеволодович прибежал в монастырь Св. Ирины, где и был захвачен; за воинами победители гнались до Вышгорода, до устья Десны и до перевоза Киевского, «и многим падение бысть».

Изяслав со славой и честью великой вступил в Киев. Множество народа вышло к нему навстречу, игумены с монахами, попы со всего города в ризах. Он поклонился Божией Матери у святой Софии и сел на столе отца своего и деда.

Многие бояре Игоря и Всеволода были захвачены, Данило великий, Гюргий Прокопович, Ивор Гюргевич, внук Мирослава, и отпущены за выкуп. Дома дружины, села, стада разграблены. Много добра в домах и монастырях похищено киевлянами.

Святослава Всеволодовича Изяслав оставил при себе, сказав: «Свой ми есть сестричич», — и дал ему пять городов: Бужск, Межибожье, Котельницу и проч.

Игорь найден был уже через три дня в болотах и приведен к Изяславу, который, заковав, велел отослать его в Переяславль и посадить в темницу в монастыре Св. Иоанна.

О дяде Вячеславе, который искал будто Киева, Изяслав забыл, но тот помнил свое старшинство и если не надеялся оспорить Киева, то хотел возвратить себе, по крайней мере, города, отнятые у него Всеволодом, и, осмелев, занял даже Владимир, куда посадил племянника малолетнего, Андреевича. Изяслав не думал, однако же, допустить такое самоуправство: он послал сына Мстислава и племянника Святослава отнять у него даже Туров и посадить там брата Ярослава, что и было исполнено.

Давыдовичи, враждебные Ольговичам, предложили ему свой союз, с тем, чтобы он помог им покорить себе Северское княжество.

Изяслав приходил к ним на сейм и дал им сына Мстислава с

переяславцами и берендеями: «Идите на Святослава, если не выйдет перед вами, станьте около и дожидайтесь меня. Я приду вам на смену и осажу его, а вы возвратитесь домой отдыхать».

Такая беда собиралась над Святославом, но и он не сидел сложа руки: если не нам, то доставайся же Киев кому-нибудь, лишь бы не Изяславу, — и он рассчитал верно, кто будет помогать ему с ревностью: это младший сын Мономаха, Юрий, который давно уже желал оставить свою лесную сторону, занял Переяславль внезапным набегом, выменял его у брата Ярополка на Ростов и Суздаль, но все ненадолго, и, наконец, вынужден был опять возвратиться восвояси. Юрий, разумеется, никак не мог теперь смотреть равнодушно на водворение племянника в Киеве. Он обрадовался союзнику и прислал к нему сына Ивана на помощь, которому тот отдал Курск с Посемьем.

Давыдовичи отправились в поход и опустошали все по пути. Они подступили к Новгороду, потом к Путивлю, преследуя Святослава, который был принужден, наконец, удалиться с семейством своим и братним в лесную сторону. Изяслав Давыдович пустился за ним один в погоню и был им разбит 16 января 1147 года.

Князья вскоре узнали о неудаче. Изяслав Мстиславич, который, между тем, подоспел к ним как и обещал, распалился еще более на Святослава, — он был храбр и крепок на рать. Собрав дружины свои, он поспешил с братьями на Святослава к Карачеву. Целый день, вплоть до ночи, шел он вперед, воюя и все разоряя. По дороге собиралась к нему разбитая дружина. К полудню пристал и пораженный Изяслав Давыдович.

Святослав, не надеясь выдержать второго соединенного нападения, бежал ночью за лес к вятичам.

Киевский князь остановился. «Я дал вам волости, сказал он Давыдовичам, все, чего вы хотели: вот Новгород, вот и все Святославово имение. Что окажется здесь его, челяди и товара, то разделим на части, а Игорево все мое». Так и было исполнено. Изяслав оставил их и возвратился в Киев.

Все противники разошлись, поход закончился; Изяслав утвердился в Киеве, Давыдовичи овладели Северской землей. Но война только начиналось: Юрий хотел ее, чтобы получить себе Киев, Святослав хотел ее, чтобы выручить брата, и Давыдовичи хотели ее, чтобы утвердить за собой захваченные вместе приобретения: Новгород, Северскую землю, Изяслав — чтобы порешить с неугомонным врагом.

В следующем году (1147) начаты враждебные действия вдали, на другой стороне, в Новгородской, Смоленской и Суздальской волости, где в первый раз встречается имя Москвы.

У союзников собралось много силы, и они угрожали Чернигову. Давыдовичи испугались и решили оставить Изяслава и перейти на их сторону.

Святослав Всеволодович, державший у великого князя пять городов, выпросился у него в Чернигов: «Там мне жизнь вся, отче, отпусти меня в Чернигов, я буду просить волости у дядей». Изяслав отпустил его, велев готовиться к походу.

Давыдовичи, замыслив злое дело, вновь прислали звать Изяслава: «Земле нашей грозит беда, а ты все медлишь».

Тогда Изяслав созвал бояр и всю дружину свою, киевлян и объявил им, что, договорившись с братьями, с Давыдовичами и Всеволодовичем, он хочет идти на Юрия к Суздалю, зачем тот принял врага его Святослава, — а брат его Ростислав присоединится по дороге к нему со смольнянами и новгородцами.

Киевляне отвечали: «Князь, не поднимайся с Ростиславом на стрыя[11] своего, а лучше с ним договорись; Ольговичам же не верь и в путь с ними не ходи».

Изяслав возразил: «Они целовали мне крест, и я думал думу с ними вместе; отложить сего пути я не хочу, а вы поспевайте».

Киевляне отказались: «Князь, не гневайся на нас, мы на Владимирово племя руки поднять не можем; на Ольговичей — пожалуй, пойдем хоть с детьми».

«Ну, так пусть идет только кто хочет», заключил Изяслав; собрался, и, оставив брата Владимира в Киеве, выступил на Альту, потом к Нежатину и стал полками у Руссотины, послав боярина своего Улеба к Давыдовичам.

Улеб проведал в Чернигове, что они уже целовали крест Святославу Ольговичу и прискакал назад к своему князю уведомить об измене. Черниговские приятели прислали также остеречь его, чтобы он не шел дальше, ибо думают его убить или полонить вместо Игоря.

Каково было удивление Изяслава! Не медля, он отступил назад, и, как будто еще не веря слухам, послал сказать братьям: «Мы замыслили великое дело: поклянемся же еще, по обычаю наших

---

[11] Стрый — дядя по отцу. *Примеч. ред.*

отцов и дедов, пройти его в правду, не имети меж собою ни извета, ни тяжи, а с противными биться».

Давыдовичи отказались: «Для чего целовать крест без дела? Мы целовали его тебе: разве мы провинились?»

«Греха нет по любви поцеловать крест, и это еще душе на спасение, возразил посол, во исполнение наказа Изяславова. Вы стоите, братья, в крестном целовании, так я сообщаю вам вот что: до меня дошли слухи, что вы передались к Ольговичу и хотите меня убить вместо Игоря. Так ли это, братья, или не так?»

Давыдовичи не могли вымолвить ни слова. Они только взглянули друг на друга и долго молчали. Наконец, Владимир сказал послу: «Отойди пока прочь, посиди там, мы тебя позовем».

Долго они думали и советовались, видя свое разоблачение, и, наконец, призвали посла: «Брат! Точно — мы целовали крест Святославу Ольговичу. Жаль нам стало брата нашего Игоря. Суди сам, любо ли было бы тебе, если бы мы держали твоего брата. Пусти Игоря — он уже чернец и схимник, — и мы ездим подле тебя».

Посол привез Изяславу удостоверение, что Давыдовичи отступили от него. Тогда он отослал им крестные грамоты со следующими словами: «Вы целовали мне крест до моей смерти, и я изыскал вам волость, дал Новгород и Путивль, прогнал с вами вместе Святослава, взял жизнь его и разделил с вами, а вы теперь переступаете крест, ведете меня лестью и хотите убить. Вот же ваши крестные грамоты! Что ни будет, то будет! Бог со мною и сила животворящего креста!»

Деятельный Изяслав тотчас изменил все свои распоряжения и решился управиться прежде всего с новыми врагами: брату Ростиславу, уведомив о происшедшем, не велел он идти на Юрия, как положено было сначала, а спешить скорее к нему; Юрия же должны были удерживать новгородцы и смольняне, о чем сообщить в Рязань.

В Киев послал тогда же он известие к брату Владимиру, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю и велел им созвать киевлян на двор к святой Софии: пусть, де, посол мой скажет им мою речь о лести черниговских князей.

Сошлись все киевляне от мала до велика на двор к святой Софии и сели. Открылось вече. Князь Владимир сказал митрополиту: «Вот, брат Изяслав прислал двух мужей киевлян, чтобы они поведали братье своей, что над ним готовилось». Добрыня и Радило выступили и сказали: «Брат твой целует тебя, князь, кланяется митрополиту,

целует Лазаря и киевлян всех!» Киевляне сказали: «Говорите, с чем вас князь прислал». Послы начали от имени князя: «Я объявлял вам, что хотел идти на дядю Юрия с братом Ростиславом и Давыдовичами и приглашал вас с собою, а вы мне отвечали, что не можете поднять руки на Владимирово племя, на Юрия, на Ольговичей же вызывались хоть с детьми. Теперь же, вот что я вам говорю: Владимир Давыдович и Изяслав, брат его, и Святослав Всеволодович, племянник мой, которому сделал я столько добра и который целовал крест мне, — ныне поцеловали против меня, к Святославу Ольговичу, и сослались с Юрием, а мне изменили, замыслили либо убить меня, либо захватить в Игоря место, но Бог меня заступил, и крест, который они мне целовали. Так собирайтесь же теперь ко мне, братья-киевляне, пойдем на Ольговичей к Чернигову, чего вы хотели, что мне обещали; поднимайтесь все от мала и до велика; кто имеет коня — на коне; у кого нет коня — в ладье. Ольговичи не меня одного хотели убить, а искоренить вас всех».

Киевляне в один голос воскликнули: «Рады, идем за тобою и с детьми, как ты хочешь. Слава Богу, что он избавил тебя и нашу братью от такой лести!»

Вдруг одному человеку вспало на ум сказать: «Хорошо, пойдем за князем, но надо подумать о себе: вспомним, братцы, что случилось при Изяславе Ярославиче — злые люди выпустили полоцкого Всеслава из темницы и поставили себе князем; нашему городу приключилось тогда много зла. И у нас есть враг — это Игорь; да сидит он не в темнице, а в святой Федоре. Убьем его, — да и пойдем к Чернигову, к нашему князю, кончать с ними со всеми».

Народ взволновался при этих словах. «Полноте, перестаньте, воскликнул молодой Владимир, брат Изяслав того не приказывал». «Знаем мы, слышалось в ответ, что он не приказывал, да мы сами хотим убить Игоря».

«Игоря блюдут сторожа. Его нечего бояться. Лучше пойдем прямо к князю».

«Нет, кричали киевляне, не слушая Владимира, добром не кончить с этим племенем, ни нам, ни вам».

Напрасно запрещали им, напрасно уговаривали их митрополит, тысяцкий Лазарь и Владимиров тысяцкий Рагуил, чтобы они не трогали Игоря.

Они ничего не слушали, кричали, буйствовали и бросились к монастырю. Владимир вскочил на коня и погнал вперед, чтобы

спрятать Игоря; на мосту столпилось множество людей, так что нельзя было проехать, и он повернул коня направо, мимо Глебова двора, но объезд был велик, Владимир не успел: когда он подъехал к монастырю, киевляне уже тащили из ворот несчастного Игоря.

Услышав о народном волнении на вече, он ушел в церковь и упал со слезами перед образом (которому теперь еще поклоняются с благоговением богомольцы), молясь об отпущении грехов и о сподоблении мученического венца. Началась обедня. Как звери, ворвались в церковь рассвирепевшие люди, бросились на Игоря, стащили с него мантию и поволокли вон. Напрасно стонал Игорь: «За что вы, злодеи, хотите убить меня как разбойника? Что я вам сделал? Вы сами целовали мне крест иметь князем себе. Я не взыскиваю с вас ничего, я монах». «Бейте его, бейте», раздавался крик в буйной толпе, другие рвали с него одежды. «Берите, берите все что хотите, разденьте хоть донага: нагим родился из чрева матери моей, нагим и умру». В этот-то миг встретил его Владимир в воротах монастырских. «Ох, брат, куда меня ведут они», воскликнул несчастный Игорь, увидев молодого князя. Владимир соскочил с коня, пал на него и прикрыл его своим плащом. «Братья мои! умолял он киевлян, не сотворите сего зла, не убивайте Игоря», и повел его, поднявшегося, под руки, к воротам матери своей, вдовы великого Мстислава, жившей близ Федоровского монастыря. Неистовая толпа за ними, осыпая ударами Игоря. Доставалось и Владимиру. Один боярин, увидев своего князя в опасности, соскочил с коня и поспешил к нему на помощь. Владимир успел оттащить Игоря на двор к матери и запереть ворота, там пустил его на Кожуховы сени, а толпа принялась бить Михаля, сорвала с него крест на золотой цепи. Михаль убежал; другие вернулись к воротам, выломали их, ворвались на двор. Они увидели Игоря на сенях, разбили сени под ним, стащили вниз и принялись бить у лестницы, «конец всход». «Владыко! прими в мире твоем душу мою!» стонал несчастный. Неистовые, потащили за ноги, привязав к ним веревки, тело еще дышащее, со Мстиславова двора, через Бабин торжок, на княжий двор, и там уже прикончили его 19 сентября, в пятницу. У святой Богородицы увидели они повозку, положили на нее и повезли на подол, где и бросили на торговище. Проходившие благоверные люди прикасались к поруганному телу, покрывались его одеждами, мазались его кровью, брали лоскуты от разодранных одежд на спасение себе и на исцеление. Владимиру дали знать, что тело брата его валяется на торговище. Он послал

тысяцкого. Лазарь осмотрел тело и, увидев, что оно мертво, сказал окружающим: «Ну, вы убили Игоря, похороним же, по крайней мере, тело его». «Не мы убили его, кричали киевляне, а Давыдовичи, Ольгович, Всеволодович; они замыслили зло на нашего князя, они хотели погубить его лестью, но Бог за ним и святая София».

Тысяцкий велел положить тело поблизости в Новгородской божнице святого Михаила. Там оставалось оно ночь. Поутру разнесся слух, что зажглись все свечи над ним, но митрополит запретил новгородцам разглашать о чуде. Поутру приехал игумен Св. Феодора, где Игорь жил монахом, облек его тело в монашеские одежды, отпел обычные песни и отвез гроб в Симеоновский монастырь, отца его Олега и деда Святослава, на конце города.

Изяслав стоял тогда в верховье Супоя. Получив скорбное известие от брата, он заплакал и сказал: «Если бы я знал, что это случится, я отправил бы Игоря куда-нибудь дальше, и тогда сбережена была бы жизнь его. Вот, прибавил он, обратясь к дружине, теперь мне не уйти от порока великого: скажут, Изяслав велел убить Игоря, но Бог тому свидетель, что я знать о том не знал и ведать не ведал». «Нет, князь, утешали мужи, напрасно ты печалишься о том, что скажут люди: Изяслав убил его или велел убить! Люди все знают, и Бог знает, что убил его не ты, а братья его, которые крест тебе целовали, но крест переступили и самого тебя погубить хотели». Изяслав жаловался на киевлян и сказал в заключение: «Так тому и быть. Все будет там, а Богу судить».

Пришла весть и к Давыдовичам; те переслали ее к брату убиенного, а он с горькими слезами поведал о ней своей дружине.

Святослав, с прибывшим к нему Глебом Юрьевичем, вместо умершего внезапно Ивана Юрьевича, был в то время уже далеко на пути к цели. Они подошли к Курску. Сын Изяслава Мстислав должен был оставить город, жители которого объявили ему, как киевляне его отцу, что не могут поднять руки на Мономахова внука, хотя против Ольговичей готовы биться за него и с детьми. Почти все княжество Курское было занято, кроме некоторых городов, отбившихся.

Между тем, уже начали страдать и Давыдовичи: Ростислав сжег Любеч, опустошил окрестности, много зла сотворил везде; Изяслав вышел к нему навстречу. Братья советовались с дружиной и черными клобуками, как бы им пересечь путь противникам от Сулы, где они стояли.

Те проведали об их намерении, двинулись к Чернигову и успели

миновать Всеволож, где братья надеялись их настигнуть.

В сердцах взяли они Всеволож на щит, и с ним еще два города, туда вошедшие. Уневеж, Бохмач, Белавежа и другие города, услышав о взятии Всеволожа, побежали к Чернигову. Изяслав и Ростислав послали за ними в погоню и взяли три города, а прочие ушли. Братья велели сжечь стены. Глебльцы не успели бежать, но выдержали осаду, бившись с утра и до вечера.

Из-под Глебля Изяслав и Ростислав возвратились в Киев, откладывая поход, пока реки станут.

В Киеве на совете Изяслав решил: «Брат, тебе Бог дал верхнюю землю, ты иди против Юрия со смольнянами и новгородцами, призови к себе своих ратников и держи там Юрия, а я здесь буду управляться с Ольговичами и Давыдовичами».

Ростислав отошел к Смоленску.

Между тем, Глеб Юрьевич из Курска отнял городок Остерский у Изяслава, и Изяслав пригласил его к себе в Киев. Он обещал прийти, но не пришел, и, поверив наветам Жирослава, вздумал было овладеть Переяславлем, но Мстислав Изяславич успел ему поставить преграду.

Изяслав пошел на него к Городку. Напрасно прождав себе помощи, он вынужден был поклониться Изяславу и выехал из Городка.

В следующем году (1148) Изяслав с угорской помощью, с берендеями, с полком Владимировым и Вячеславовым двинулся к Чернигову и опустошил все села. Оттуда пошел к Любечу, «идеже их вся жизнь», и повоевал также ту сторону. Давыдовичи с союзниками, выйдя за ними, не могли помешать им нисколько и должны были остановиться перед рекою у Любеча. Лучники с обеих сторон бились. Пошел дождь. Изяслав сказал мужам своим и уграм: «Из-за реки нельзя нам биться, а за нами Днепр „располивает“: пойдем за Днепр». На другой день они благополучно переправились на свою сторону.

Брата Ростислава Изяслав известил так: «Брате, являю ти, на Олговичи к Чернигову ходил, и на Олгове стоял, и много им зла учинил, землю их повоевал, и оттуду идохом к Любчю… и разъиде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою биться полком, и на ту ночь бысть дождь велик, и бе на Днепре лед лих, и того дня поидохом на ону сторону. И тако Бог, и Святая Богородица, и сила животворящего креста, приводе ны в здоровьи в Киев, и тебе, брат, прашаю, в здоровьи ли еси, и што ти тамо Бог помогает».

Давыдовичи вместе с Ольговичами, стесненные со всех сторон и

не получавшие помощи от Юрия, вынуждены были, договорившись между собой, просить мира у Изяслава: «Так было при отцах и дедах наших, — мир стоит до рати, а рать до мира. Не упрекай нас, что мы вставали на рать: жаль нам было брата нашего Игоря. Мы хотели только, чтобы ты пустил его. А теперь брат наш убит, к Богу пошел, — нам всем там быть, — а то Богу править. А мы доколе будем Русскую землю губить, а быхом ся уладили!»

Изяслав отвечал: «Братья! чего же лучше, — христиан блюсти. Вы совещались на сейме, дайте и мне погадать с братом Ростиславом».

И он послал мужей к Ростиславу сказать: «Братья Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, просят у меня мира. А я пока гадаю с тобою, как нам обоим будет угодно. Скажи мне, хочешь ли ты мира? Дадим мир, благо они просят его, хоть и причинили нам много зла. Хочешь ли войны — я отдаю на волю твою».

«Кланяюсь тебе, отвечал Ростислав, ты меня старше. Как ты решишь, так и будет, я готов на все; если же ты на меня месть возлагаешь, то я, брат, сказал бы вот что: Русских земель ради, христиан ради, мир для меня лучше! Они вставали на рать, а что успели! Помирись, брат, лишь бы они отложили вражду за Игоря и не делали того, что думали делать; если же продолжать им вражду за Игоря, то лучше оставаться с ними в рати, и пусть рассудит нас Бог».

Изяслав, услышав такой ответ, послал к Чернигову белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия с мужами, которые должны были сказать князьям его слова: «Вы целовали мне крест не искать брата Игоря, и переступили то, и разобидели меня; ныне я все то забываю Русской земли ради и христиан ради. Если вы каетеся о том, что учинить хотели, и мира у меня просите, то целуйте мне крест».

И князья целовали крест в святом Спасе вражду за Игоря отложить, блюсти Русскую землю и стоять всем за каждого.

Положение Изяслава становилось лучше. Пришел к нему еще и помощник с вражеской стороны: старший сын Юрия. Ростислав, поссорившись с отцом и поклонясь Изяславу, сказал ему: «Отец меня обидел и не дал мне волости в Суздальской земле; я пришел к тебе — ты старше всех в Владимировых внуках; я хочу потрудиться за Русскую землю и ездить подле тебя. Бог и ты!»

Изяслав отвечал: «Всех нас старше отец твой, но не умеет жить с

нами в ладу, а мне дан Бог иметь вас всех братьев моих, и весь род мой, в правду, как и душу свою. Отец не дает тебе волости, а я тебе даю», — и дал ему Бужск, Межибожье, Котельницу и еще два города.

Изяслав был очень доволен, приобретя себе столько союзников, и решился смирить последнего оставшегося врага — Юрия.

Он взял с собой Ростислава на сейм в Городец, где объявил Давыдовичам, что хочет идти на Юрия за его обиды к Новгороду. «Стрый мой Юрий обижает из Ростова мой Новгород: отнимает дани и пакостит по дорогам. Я хочу идти на него и решить дело либо миром, либо мечом. Вы целовали мне крест — пойдемте же вместе. А отчего не пришли сюда Святослав и сестричич мой?»

Давыдовичи отвечали: «Сестричич твой и Святослав не приехали, а мы крест целовали на том быть с тобою, где будет твоя обида».

Решено было подняться к Ростову, лишь станет лед: Давыдовичам и Ольговичам (хотя они не приезжали на сейм) через вятичей, а киевскому князю через Смоленск: соединиться же всем на Волге.

Князья отобедали у Изяслава, пребывая в любви и веселии, и разъехались. Ростислав смоленский просил дочери у Святослава Ольговича за старшего сына Романа, который и приведен был из Новгорода через неделю (9 янв. 1119 г.).

Отправляясь в поход, великий князь Изяслав распорядился так: в Киеве оставил брата Владимира, в Переяславле сына Мстислава, а Ростиславу сказал: «Иди в Бужск, постереги оттуда Русскую землю, пока я схожу на твоего отца и возьму с ним мир или улажусь иначе». Полкам Изяслав велел следовать за собой, а сам уехал вперед к брату Ростиславу в Смоленск.

В Смоленске братья свиделись и провели время в великой любви и веселье со своими дружинами: не было счета их взаимным подаркам. Изяслав дарил Ростислава произведениями Русской земли и царских Греческих земель, а Ростислав дарил произведениями верхних северных земель и от варягов.

К Юрию отправили они мужа с речами, но не получили от него никакого посольства, ни ответа. Из Смоленска Изяслав съездил в Новгород, с малой дружиной, намереваясь пригласить с собою новгородцев, и приказал Ростиславу дожидаться его на устье Медведицы, где назначено сняться всем вместе.

Новгородцы обрадовались радостью великой, услышав, что идет к ним сам великий князь Изяслав, и послали к нему навстречу, иные

за три дня пути до Новгорода, другие за день, «всеми силами». И шел Изяслав в город с великой честью. В воскресенье встретил его сын Ярослав с боярами новгородскими, и все поехали вместе к обедне у святой Софии. После обедни киевский князь и сын его, новгородский князь, послали подвойских и бирючей кликать по улицам и звать всех людей к князю на обед, от мала и до велика; граждане сошлись, обедали вместе в полном удовольствии и веселье, и разошлись по домам.

На другой день поутру велел Изяслав звонить вече на Ярославовом дворе; новгородцы и псковичи сошлись на вече. Изяслав сказал: «Вы, братья, и сын мой, присылали ко мне жаловаться, что вас обижает стрый мой Юрий; я оставил Русскую землю из-за вас и из-за ваших обид; и вот я здесь; гадайте же, братья, как на него идти: либо мир возьмем с ним, либо ратью кончим». «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав, рады с тобою идти, за свои обиды», закричало в один голос все вече. «Все идем, восклицали новгородцы, всякая душа, — хоть дьячок, будь у него гуменцо прострижено, но не поставлен, иди и тот, а поставлен, пусть молится Богу».

Итак, пошли с Изяславом все новгородцы, псковичи и корела. На устье Медведицы он остановился ждать Ростислава. Через четыре дня пришел первый брат с полками смоленскими и русскими, а черниговские князья не сдержали своего слова: они остановились в своих вятичах, выжидая, что будет с Изяславом и Юрием. Изяслав сказал брату Ростиславу: «Хоть они не идут, как обещали, но лишь бы Бог с нами был!» Братья отправились вниз по Волге, подступили к Коснятину, а вести от Юрия все еще не было: ни посла своего к ним не отправил, ни их посла не отпустил. Они начали жечь его города и села и воевать всю землю по обеим берегам Волги, потом двинулись на Углече поле, а оттуда на устье Мологи, и пустили русь воевать с молодым Ярославом.

Между тем, наступило тепло около Вербной недели, и вода по Волге и Мологе поднялась лошадям по брюхо. Новгородцы и русь возвратились от Ярославля, сотворив много зла земле той и приведя с собой много полона. Изяслав с братом, видя, что реки выходят из берегов, решили прекратить опустошения. Итак, Ростислав пошел в Смоленск, Изяслав в Новгород, а дружина русская «они с Ростиславом идоша, а друзии кому куда годно».

Изяслав, возвратившись в Киев, услышал много наговоров на

Ростислава от Юрьевичей: «Он замышлял много зла, подговаривал на тебя людей, берендеев и киевлян: только б помог Бог отцу его, и ему въехать бы в Киев, дом твой взять, и брата твоего захватить, и жену твою; пусти его к отцу: это твой враг, и ты держишь его на свою голову».

Изяслав велел ему прийти к себе; он стоял тогда на Выдобиче, против святого Михаила, на острове. Изяслав выслал для него насад свой, в котором тот с дружиной, что с ним было, и переправился. Для него был приготовлен особый шатер. Изяслав велел ему идти в шатер и послал к нему мужей своих сказать: «Ты, брат, пришел ко мне от отца, когда отец тебя приобидел и волости тебе не дал; я принял тебя в правду, как достойного брата своего, и волость тебе дал, какой отец тебе не давал, и приказал тебе стеречь Русскую землю, пока я управлюсь, как Бог даст, с отцом твоим. Ты же удумал, слышу я теперь, если бы Бог помог отцу твоему на меня, въехать в Киев, брата моего схватить, и сына, и жену, и дом мой взять».

Ростислав отвечал: «Брат и отец! ни в уме, ни в сердце моем того не бывало; кто на меня молвит, я готов с ним на очную ставку, князь ли, муж ли который, из христиан или поганых, — ты старше меня, суди меня с ним».

«Нет, возразил Изяслав, этого не проси, сделать я не могу: ты хочешь заворожить меня с христианами ли то, или с погаными. Зла я тебе не творю, ступай к отцу».

И посажен он был в ладью с четырьмя только отроками, и отправлен вверх по Днепру; дружина его взята под стражу, имение отнято.

Ростислав пришел к отцу в Суздаль и ударил перед ним челом. Юрий сжалился над сыном своим в его горе и сказал: «Неужели нет мне и детям моим никакой части в Русской земле?» «Иди, возбуждал его озлобленный княжич, вся Русская земля и черные клобуки хотят тебя за свое бесчестье».

И Юрий решился: собрав силу свою, дождавшись половцев, пустился он в поход, выступил в июле месяце на вятичей.

Владимир Давыдович дал знать киевскому великому князю: «Юрий, стрый твой, идет на тебя и уже вошел в наши вятичи. Мы целовали крест быть всем с тобою заодно; присоединяйся».

Изяслав, получив известие, заторопился, а Давыдовича возблагодарил: «Брат! помогай тебе Бог за твою верность! Се муж мой, ты приставь к нему своего и пошлем вместе к Святославу

Ольговичу».

Владимир отвечал послу киевскому: «Мы с братом стоим в крестном целовании и не дай Бог нарушить его; но хорошо, если бы управил и брат Святослав».

Посланные мужи, приехав к Святославу, сказали ему: «Так говорит тебе Изяслав — вот, брат, идет на меня стрый Юрий; помоги же мне, как помогают братья Владимир и Изяслав».

И мужи от Давыдовичей подтвердили: «Братья твои Владимир и Изяслав говорят тебе — мы крест целовали быть всем заодно, мы собираемся, собирайся и ты!»

Святослав смолчал и не дал никакого ответа; только сказал им: «Ступайте в товары[12] ваши, я вас позову». Он держал их там неделю, поставив сторожей, дабы никто не имел с ними сношения, а между тем послал к Юрию спросить: «В самом ли деле ты идешь на Изяслава, скажи мне правду, — не погуби волости моей, ни введи меня в тяготу».

«Как не идти мне в самом деле, отвечал Юрий, племянник мой Изяслав приходил на меня, волость мою повоевал и пожог, да и сына моего выгнал из Русской земли, он возложил на меня срам; или сниму с себя срам, земли своей ища, и честь свою найду, или сложу свою голову».

Святослав, выведенный из сомнения таким ответом, призвал послов и дал ответ: «Вороти мне имение брата моего, и я с тобою буду».

Изяслав, не медля, прислал вновь посла к Святославу сказать: «Брат, ты ведь целовал мне крест отложить вражду за Игоря. Что же теперь ты поминаешь ее, когда Юрий идет на меня ратью. Теперь надо управить честному кресту. Вижу я, что ты не хочешь быть со мною, ты уже переступил крестное целование, не ходя вместе на Волгу, — а что было со мною! Так и теперь, лишь бы Бог не оставил меня и крестная сила!»

Юрий пошел вперед и остановился у Ярышева. Тут примкнул к нему Святослав Ольгович, которого не покидала жажда мести и ненависть к Изяславу: «Брат, сказал он Юрию, всем нам враг Изяслав. Он убил нашего брата».

Соединившись, Святослав Ольгович и Юрий послали послов к Давыдовичам, желая отвести их от союза с Изяславом Мстиславичем:

---

[12] Товар — походный, военный обоз, лагерь. *Примеч. ред.*

«Братья, пойдем же на Изяслава!» Те отвечали: «Не можем; ты целовал нам крест, а помощи не подал; Изяслав приходил, землю нашу повоевал, и города наши по Задеснью пожог, — мы были доведены до крайности и поцеловали ему крест. Итак, мы не смеем играть душою и остаемся с ним». Тотчас дали они знать Изяславу о походе Юрия вместе со Святославом Ольговичем.

Юрий подошел к старой Белой Веже и стоял там месяц, ожидая половцев, а оттуда пошел на Супой, где подоспел к нему Всеволодович (в угоду дяде Святославу, вопреки своему желанию) и половцы в большом числе. Тогда двинулся он к Переяславлю, торопясь взять его прежде, нежели Изяслав придет в помощь.

Грозно было ополчение Юрия. Изяслав сказал: «Если бы дядя пришел только со своими сыновьями, я уступил бы ему волость любую, но он привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, — так я хочу с ним биться».

Киевляне не соглашались ему содействовать: «Мирись, князь, говорили они, мы не идем». Изяслав упросил их идти, чтобы ему выгоднее было, по крайней мере, помириться от силы — и они пошли.

У Витичева соединились братья: Изяслав, Ростислав и Изяслав Давыдович, уговорясь заранее, лишь минует Юрий Чернигов. Они решили перейти Днепр и перед Альтой услышали, что лучники Юрия уже переправились через Стряков, а половцы приближаются к городу. Братья поспешили на помощь к осажденным. Их разделял Трубеж. Лучники перестреливались. На ночь прислал сказать Юрий Изяславу: «Ты, брат, приходил на меня, повоевал мои земли и снял с меня старейшинство; ныне, брат и сын, не станем более проливать крови христианской, христиан деля в Русской земле: отдай мне Переяславль, и я посажу в нем сына, а ты сиди царствуя в Киеве; не хочешь — пусть будет воля Божия!»

Изяслав не согласился и даже посла не отпустил. Поутру отслушал он обедню у святого Михаила. Евфимий епископ, со слезами провожая его, просил: «Князь, примирись со стрыем своим, много спасения примешь от Бога и избавишь землю свою от великой беды!» «Нет, не могу; я добыл головою Киев и Переяславль», отвечал Изяслав, надеясь на множество своих воинов, и выступил на Юрия. Вечером, с братьями Ростиславом и Владимиром, сыновьями Мстиславом и Ярославом созвал он бояр своих и всю дружину свою и начал думать, идти ли к Юрию на ту сторону за Трубеж. Одни мужи

говорили: «Князь, не езди, ты видишь, он пришел отнимать земли, и, ничего не добившись, уже поворотил, и на ночь, верно, отойдет прочь». А другие советовали ему: «Поезжай, князь, Бог привел его к тебе, не упускай его из рук».

Изяслав выслушал всех и послушал последних, переправился через Трубеж и, не всходя на гору, стал на луге. Около полудня выбежал перебежчик из Юрьева полка, суздальцы погнались за ним, а Изяславовы дозоры переполошились и закричали: «Рать!». Изяслав двинулся с полками.

Юрий, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, построив полки свои, вышли против и остановились за валом. Так стояли полки до вечера и смотрели друг на друга. К ночи Юрий вернул свои полки назад к товарам. Изяслав хотел их преследовать, а братья отговаривали: «Не езди, пусти их, они твои наверное»; другие говорили даже, что они уже бегут. Любы были такие речи Изяславу; нетерпеливо хотел он преследовать, а они, верно, того и ожидая, развернулись, Юрий посередине, сыновья его по правую руку, а Ольгович и Всеволодович по левую. Началась злая сеча, и кончилась не так, как ожидал Изяслав: первыми побежали поршане, потом Изяслав Давыдович, потом киевляне, а переяславцы, у которых и прежде был договор с сыном Юрия, оставшимся в Городце, изменили среди дела: «Юрий нам князь свой, его искать бы нам и издалеча», воскликнули они и перешли на его сторону. Полки Изяслава и Ростислава замешались. Сам Изяслав сошелся полком своим со Святославом Ольговичем и с половиною полка Юрьева, пробрался сквозь и, оглянувшись назад, увидел за ними, что все его полки рассыпаны; ему нечего было делать, как бежать; он переправился через Днепр только сам-третий у Канева. Юрий, одержав полную победу, вступил в Переяславль, поклонился святому Михаилу и оставался там три дня; на четвертый день пошел он к Киеву и остановился на лугу против монастыря.

Изяслав уже был там. Посоветовавшись с братом Ростиславом, он открылся киевлянам: «Се стрый идет на нас. Можете ли вы биться за нас?». Они отвечали: «Господине наши князи! не погубите нас до конца. Отцы, братья и сыновья наши на полку, одни избиены, а другие изойманы, и оружие снято; идите лучше в свои волости, чтобы не взяли нас на полон. Вы ведаете, что нам с Юрием не ужиться; после — лишь только увидим ваши стяги, станем подле вас».

Возражать было нечего. Тяжело было Изяславу отказаться от

добычи, которую думал он крепко держать в руках, а должен был уступить необходимости. Взяв жену, детей, митрополита Клима, поехал он печальный в свой старый Владимир, Ростислав отошел к Смоленску.

Юрий с великой радостью вошел в Киев и занял стол отца своего. Тотчас рассажал сыновей своих по главным городам киевским: старейшего Ростислава посадил он в Переяславле, Андрея в Вышгороде, Бориса в Белграде, Глеба в Каневе, а Васильку отдал Суздаль. Верный союзник его, закоренелый враг Изяслава, Святослав Ольгович, сказал: «Держиши отчину мою» и, в награду за труды, вытребовал Курск с Посемьем и взял еще Сновскую тысячу от Киевской волости, Слуцк, Клецк и всех дреговичей. Владимир Давыдович черниговский, придя, поклонился Юрию. Владимир галицкий вступил с ним в союз.

Но Изяслав не думал уступить так легко и скоро Киевское княжество, которым владел три года. Он начал искать себе помощи в чужих землях. Послал просить ее в угры к зятю своему королю Гейзе, в ляхи к свату Болеславу, с его братьями Мстиславом и Генрихом, и к чешскому князю Владиславу, также свату, — чтобы сели они на коней и шли полками своими к Киеву, а если самим будет нельзя, чтобы отпустили полки с «меньшей братьею» или воеводами.

Король венгерский отказался по причине войны с императором; «если же буду порожен, то приду сам или пущу полки». Ляшские князья сказали: «Мы с тобой соседи; оставим дома одного, а двое придем к тебе». Чешский князь отвечал, что готов привести помощь.

Изяслав опять послал к ним послов и в угры, и в ляхи, и в чехи, с дарами и честью великой: «Награди вас Бог, братья, за то, что хотите помогать мне. Садитесь же на коней о Рождество».

И на Рождество сели они все на коней. Король венгерский прислал 1000 всадников с такими речами: «Вот тебе полки мои, а сам я хочу подступить под горы галицкого князя, чтобы не мог он двинуться против тебя; ты справляйся с кем у тебя обида; если полков моих не хватит, я пущу тогда другие, сильнейшие, либо сам сяду на коня».

Приехал и князь польский Болеслав с братом Генрихом, а Мстислава они оставили стеречь землю от пруссов.

Изяславу хотелось склонить на свою сторону старшего дядю Вячеслава, княжившего в Пересопнице: «Будь мне в отца место, садись в Киеве, а с Юрием я не могу жить! Если же ты не хочешь

принять меня в любовь и не идешь сидеть в Киеве, я пожгу твою волость».

Вячеслав передал его речи к Юрию в Киев вместе с вестями: «Угры уже идут, ляшские князья сели также на коней, Изяслав подходит: либо дай ему, чего он хочет, либо иди с полками ко мне, защитить мою волость, которую он грозится жечь, если я не приму его стороны. Я жду тебя — мы рассудим здесь вместе, что нам Бог даст, добро или зло. Если же не придешь, то на меня не жалуйся».

Юрий выступил со всей своей силой и нанятыми дикими половцами.

Между тем, союзники собрались у Изяслава. Он дал им обед с великой честью, одарил многими дарами, — и после долгого веселья разошлись все по товарам, а на другой день выступили в поход. В Луцке Болеслав, король польский, опоясал мечом многих сынов боярских.

А в Пересопницу к Вячеславу уже собрались все сыновья Юрия. Пришла помощь галицкая, сам Владимир приступал к Шумску.

Наконец, Юрий пришел в Пересопницу. Ляхи и угры испугались. Изяслав со своими союзниками двинулся от Луцка к Чемерину на Олыке, как вдруг получают Болеслав и Генрих весть от брата их Мстислава о нападении пруссов на их землю. Болеслав и Генрих передали весть Изяславу, что было ему весьма неприятно, они долго думали и послали послов к Юрию и Вячеславу: «Вы нам в отца место, а ныне пошли на нас с сыном и братом своим Изяславом. Мы все по Бозе христиане, одна братия себе, и должны быть вместе за одно. Нам хочется, чтобы вы договорились между собою. Пусть сидит в Киеве тот, кому следует — вы это знаете. А Изяславу принадлежат Владимир, Луцк и прочие города. Но Юрий должен вернуть Новгороду все его дани».

Вячеслав и Юрий отвечали: «Спаси Бог вас, зятя нашего короля, и брата нашего Болеслава, и сына нашего Генриха за то, что желаете добра между нами; но если вы хотите, чтобы мы помирились, так не стойте на нашей земле, не губите нашей жизни, ни наших сел, а ступайте домой, Изяслав же во Владимир. Тогда мы с братом и сыном нашим договоримся».

Изяслав и Болеслав, Генрих и угры, разъехались.

Русские князья стали пересылаться между собой послами. Изяслав требовал всех даней новгородских Новгороду по старине, а Юрий не соглашался.

Этого мало. Когда угры и ляхи ушли от Изяслава, Юрий вздумал выгнать Изяслава даже из его волости и двинулся с сыновьями и половцами к Луцку.

Сыновья, Андрей и Ростислав, шли стороною вперед. Когда они стояли под Муровицей, Андрей впереди, за ним Ростислав, ночью вдруг всполошился стан, неизвестно по какой причине. Половцы бросились бежать с воеводой своим Жирославом. Ростислав, испуганный, послал звать брата, торопя его скорее назад. Тот не тронулся с места. Собственная дружина приступила к нему: «Что ты ждешь князя, отъезжай прочь, или хочешь добыть себе срам?» Твердый Андрей не послушался никого, стерпел весь переполох и дождался света.

Поутру увидя, что половцев никого нет, и что ему одному делать нечего, он отошел спокойно к брату, куда съехались и все половецкие князья. Решено было вернуться к Дубну и ждать помощи от отца. Между тем, Юрий заходил к Луцку с другой стороны. Младшие князья, узнав о его прибытии, двинулись туда двумя дорогами. Приблизившись к городу, они увидели стяги отца своего и дружину городскую, выходящую напасть на его лагерь.

Андрей вздумал тотчас ударить на лучан, братьям это было невдомек, даже стяг его не был поднят, потому что он не любил величаться в бою. Стремительно бросился он, сопровождаемый своей дружиной, на неприятельскую пехоту, и сломал копье на первом противнике. Пехота, не выдержав его натиска, побежала назад к городу. Андрей в запальчивости погнался за ними, уже один, без дружины, потерявшей его в схватке из виду. Только из меньших детских двое увидели издалека своего князя, попадающего в беду, и поскакали к нему на помощь, но он уже был окружен врагами, двумя копьями поражен был его конь, третье ударилось в лук седельный; немчин напирал на него с рогатиной, а из города камни, как дождь, сыпались на него; тогда только он опомнился. «Вот хочет мне быть смерть Ярославича», помыслил он в сердце своем, обратился с молитвою к мученику Феодору (память которого в тот день праздновалась), выхватил меч и отразил удар. Все это происходило в мгновение ока, — один из детских его уже убит, а он как-то ловко успел поворотить коня, и тот, весь истекая кровью, вынес его из толпы врагов. Доскакав до стана, верный конь пал мертвый от ран на землю. Отец Юрий, дядя Вячеслав и вся братья обрадовались без памяти, увидя Андрея живого, чудом спасшегося от неминуемой

смерти; «мужи отни дали ему похвалу великую, зане мужески сотвори паче бывших всех ту». Князь Андрей велел похоронить коня своего над рекою Стырем «жалея его удали».

Шесть недель стояли князья под Луцком, и Владимир Мстиславич начал изнемогать в городе. Изяслав пришел к нему на помощь, биться с Юрием. Но в то же время приблизился к Юрию и союзник его, Владимир галицкий, и стал между Владимиром и Луцком. Он разъединил противников и старался примирить их между собою.

Изяславу становилось трудно, и он смирился. «Введи меня в любовь к дяде моему, а твоему свату Юрию, послал он сказать Владимиру, я виноват перед Богом и перед ним».

Владимирко согласился, но Ростислав, обиженный, вправду или нет, Изяславом, отговаривал отца от мира. Другой противник его был Ярославич, Юрий. А второй сын Юрия, Андрей, оказал милосердие: «Не слушай Ярославича, говорил он, примири к себе сыновца, не губи отчины, отче господине. Помяни слово писаное: „Се коль добро еже жити братья вкупе“».

Мудрый князь галицкий говорил старшим князьям: «Бог поставил нас властителями в месть злодеям и в добродетель благочестивым. Не прощая виновных, можем ли мы сами молиться: „Остави нам прегрешения наши, якоже и мы оставляем их“. Племянник ваш Изяслав, почти сын ваш, не оправдывается перед вами, но кланяется и милости просит. Я не простой ходатай между вами, — а от Бога: Ангелов Бог не посылает, а Пророков и Апостолов нету».

Вячеслав, от рождения добрый, повернулся к миру и любви; здесь действовало и опасение, чтобы Изяслав, по отбытии Юрия, не стал тревожить его волостей. Он начал уговаривать всех младших братьев помириться, чтобы Русская земля поднялась и воспряла в братской любви князей.

Юрий склонился, — и все князья заключили между собою мир: Изяслав уступил Юрию Киев, а Юрий обязался возвратить все дани новгородцам, также все пограбленное по Переяславскому полку; челядь, стада и прочее должно было вручить хозяевам, что кто узнает. Договорившись так, князья поцеловали крест и разъехались, а весной заключили и мир в Пересопнице, где был общий сейм.

Юрий хотел было предоставить Киев старшему брату Вячеславу, но бояре отговорили его: «Брату твоему не удержать Киева, и не

достанется он ни тебе, ни ему». Юрий дал брату Вышгород.

Изяслав, согласно договору, прислал мужей и тиунов своих за стадами и товарами. Мужи его одни явились сами, а другие послали своих тиунов. Все они приехали в Киев к Юрию и начали искать свое. Но Юрий заспорил, и мужи должны были вернуться ни с чем.

Изяслав роптал: «Мы целовали, братья, крест на том, чтобы взять, кто узнает что свое. Итак, блюди целование, и дай тебе Бог здоровья, а не хочешь — мы посмотрим, что будет; в обиде я оставаться не могу».

И он пошел на Юрия, оставшегося без союзников, надеясь внезапностью дополнить силу. Сначала он напал на сына его Глеба перед Пересопницей, так что тот едва спасся в город, а дружина его, кони, лагерь, остались в добычу Изяславу. Он уже выслал из города сказать Изяславу: «Как Юрий мне отец, так и ты отец; с отцом моим ты разбирайся как хочешь, а меня пусти к нему и целуй на том крест, чтобы не трогать меня. Тогда я приеду к тебе сам и поклонюся». Изяслав отвечал: «Вы все мне братья, и до вас нет мне никакого дела, но обижает меня отец ваш, и с нами жить не умеет».

Глеб приехал и поклонился ему. Изяслав позвал его на обед, проехал вместе до Дорогобужа, и потом велел сыну Мстиславу проводить за Корческ, сказав: «Ступай к отцу, а это волость моя по Горыню». Сам он отправился к черным клобукам, которые приняли его с великой радостью и выставили все свои полки, между тем как Юрий сидел беззаботно в Киеве, думая, что тот дома, в своем княжестве.

Поздно увидел он свою ошибку, защищаться не посмел и опрометью побежал за Днепр с сыновьями, а оттуда в город Остерский. Брат его Вячеслав из Белгорода поспешил в Киев и сел на Ярославле дворе.

Изяслав приближался в Киеву, и киевляне все толпились к нему навстречу: «Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сел. Но мы не хотим его, говорили ему люди, ты наш князь, поезжай к святой Софии и садись на столе отца своего и деда».

Изяслав послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сесть в Киеве, а ты не хотел; теперь приехал, когда увидел, что брата твоего нет. Ступай в свой Вышгород».

«Если ты хочешь убить меня, сын, то убей, а сам я отсюда не выеду», отвечал Вячеслав.

Изяслав, поклонясь святой Софии, взъехал на Ярославов двор со

всеми своими полками, за ним множество киевлян. Вячеслав сидел на сеннице. Многие говорили Изяславу: «Князь, возьми его и захвати его дружину», а другие говорили: «Подсечем под ним сени». Изяслав отвечал: «Оборони меня Боже! я не убийца братьев моих. Дядя мой мне как отец. Я сам пойду к нему», и, взяв с собою мало дружины, пошел он на сени к Вячеславу и поклонился ему. Вячеслав встал перед ним, они поцеловались и сели оба по месту. Изяслав сказал Вячеславу: «Отец, нельзя мне ссориться с тобою! Видишь ли народа силу, людей полк? Они замышляют на тебя лихо; поезжай в свой Вышгород, и оттуда я буду с тобою договариваться».

Вячеслав сошел с сеней и поехал в свой Вышгород, а Изяслав сел в Киеве.

На этот раз Киев достался ему легко, но непрочно. С двух сторон ему угрожали опасности: с одной Юрий с Ольговичами, которых звал к себе на помощь, а с другой Владимирко галицкий, верный союзник своего свата, лишали его покоя, несмотря на уверения Гейзы.

Не имея сил овладеть Переяславлем, где крепко сидел Ростислав, он увидел, что ему не удержать и Киева. Тогда он решился поладить с Вячеславом и поехал, наконец, к нему сам с боярами.

«Ты мне отец, возьми волость, которую тебе угодно; остальное отдай мне. С Юрием я не могу управляться, а тебе рад служить. Вот тебе Киев». Вячеслав отвечал ему с гневом: «А зачем ты не отдавал мне его намедни и заставил со стыдом выехать с Ярославова двора? Теперь, когда одна рать идет на тебя из Галича, а другая из Чернигова, так ты отдаешь мне Киев!»

Изяслав объяснил дяде все обстоятельства и уверил его в своей покорности и преданности.

Вячеславу люба была эта речь. Он согласился; они поцеловали крест перед гробом святых мучеников на том, чтобы Изяславу иметь отцом Вячеслава, а Вячеславу иметь сыном Изяслава. На том и мужи их целовали крест, чтобы хотеть добра обоим князьям, честь их стеречь и не ссорить между собою.

Изяслав поклонился святым мученикам, потом отцу своему Вячеславу, и сказал: «Дай же мне теперь полк свой; я пойду один против Владимира. Тебе не нужно трудиться, и ты иди в Киев, если тебе то угодно».

Вячеслав отдал ему всю свою дружину, Изяслав, ударя в трубы, созвал киевлян и объявил им об их решении, а сам пошел к Звенигороду против Владимира, сказав: «Этот ближе, с ним и надо

справиться прежде».

На дороге присоединились к нему черные клобуки, заперев жен и детей в городах Поросских.

Полки противников встретились на Ольшанице. Начались перепалки. У Изяслава было мало людей, потому что Вячеславова дружина к нему еще не подошла. Владимир наступил сильно; поганые, видя преимущество Владимира, оробели; черные клобуки начали уговаривать Изяслава: «Князь, сила противная велика, а у тебя мало дружины. Отойди прочь, не погуби нас, и сам не погибни. Ты наш князь! Коли силен будешь, мы с тобою, а теперь не твое время». «Нет, братья, отвечал Изяслав, лучше умрем здесь, чем примем на себя такой срам». Но и киевляне начали вести те же речи: «Иди прочь», — и, не дожидаясь его решения, побежали сами, а за ними и черные клобуки отправились к своим вежам. Нечего оставалось делать Изяславу. С грустью сказал он: «Неужели надеяться мне только на гостей, угров и ляхов, а на дружину мою напал страх», — и сам поворотил коня. Владимирко не гнался за ним, опасаясь засады, и потому весь полк его уцелел.

Изяслав приехал в Киев, к Вячеславу, на Ярославов двор. Они начали обедать, как вдруг слышат, что с Черниговской стороны Киева показывается Юрий с сыновьями, Давыдовичами и Ольговичами. Многие киевляне поплыли в насадах к Юрию, и в дружине Изяслава началось смятение.

Князья увидели свое положение. «Поезжай пока, отче, в свой Вышгород, я поеду во Владимир, а после что Бог даст», сказал Изяслав дяде, велев дружине своей собираться; и ночью отправился он опять из Киева, потеряв его так же скоро, как и приобрел.

На другой день приблизился Владимирко галицкий к Ольговой могиле. Юрий выехал к нему с Давыдовичами и Ольговичами; там поздоровались они, не слезая с коней, у Сетомля на болонье. Они вздумали было послать в погоню за Изяславом Бориса Юрьевича, но уже было поздно. Владимир съездил поклониться в Вышгород к святым мученикам, потом приехал к святой Софии; от святой Софии ездил к святой Богородице десятинной, а оттуда к святой Богородице в Печерский монастырь.

Киевляне опасались, однако же, галицкого князя и увели Юрия в Киев. Сейм происходил в Печерском монастыре; союзники разошлись в великой любви.

Владимир занял по дороге города Волынские и хотел было

овладеть Луцком, куда бежал Мстислав Изяславич из Дорогобужа; он посадил в Пересопнице сына Юрия Мстислава и повернул в Галич.

Пересопницу, осенью, вместе с Туровом и Пинском, Юрий отдал самому даровитому сыну своему, Андрею, который, между тем, унял половцев, опоздавших с помощью и начавших буйствовать в окрестностях Переяславля.

Изяслав, уступив необходимости, не думал отказываться от прежних притязаний: он посадил сына Мстислава в Дорогобуже, а сам с братом, из Владимира, немедля начал свои действия. Послал соглядатаев в Пересопницу к Андрею, «розирая наряд его» и положение крепости, под видом переговоров, с целью взять ее, как удалось ему прежде с Глебом. Но теперь было не так: город укреплен, и дружина в сборе. Тогда он переменил образ действий и обратился опять с просьбой к Андрею: «Мне нет отчины ни в уграх, ни в ляхах, а только в Русской земле: проси мне волости у отца по Горину». Андрей просил, но без успеха. Изяслав так выражал свою обиду: «Дядя не дает мне волости, не хочет меня в Русской земле. Владимирко по его веленью отнял мои города и собирается теперь на Владимир».

Он решил управиться прежде всего с князем галицким, который был главной причиной его невзгод, и пристал к королю венгерскому Гейзе с настоятельными требованиями и упреками, через брата своего Владимира: «Ты уверял меня, что Владимир не смеет головой шевельнуть, и я выгнал Юрия, а Владимир пришел, свечался с Ольговичами и выгнал меня: садись же на коня и уйми его». Король отвечал: «Хорошо, сажусь на коня, поспешай и ты; Владимир узнает, кого задел».

У Владимира были приятели в уграх, которые дали ему знать, что король поднялся. Он стоял тогда у Бельза; оставив возы, сам он погнал к Перемышлю. Король взял Санок и многие села около Перемышля. Владимир обратился к архиепископу венгерскому, епископам и мужам, с многим золотом, прося их отговорить короля от продолжения похода, в чем те и преуспели: король сослался на замерзание рек. Было, действительно, время уже о Димитриеве дне.

Угры, опустошив страну, возвратились назад, Владимир Мстиславич с ними. Король выдал за него дочь Банову, одарил многими дарами и отпустил с великой честью во Владимир, а муж ее, отдохнув с дружиной, пошел после. Король наказывал с ним поклониться Изяславу, отцу его и брату, и объяснить, что царь

греческий встает на него ратью и потому нынешней зимой и весной нельзя ему садиться на коня для него; «Но, впрочем, отче, заключил король, твой щит и мой едины. Если мне самому нельзя, я пришлю тебе помощь, десять ли тысяч, или больше, а летом я в твоей воле, и мы отомстим нашу обиду».

Изяслав был очень рад и благодарил брата за труды, для него перенесенные, выговаривал только за то, что жену свою Бановну он заставил долго себя дожидаться; «но здесь паки моей сносе, а твоей жене, удолжилося».

Между тем, мужи Вячеславовы, берендеи и киевляне, звали его в Русскую землю. Неутомимый, он откликнулся тотчас на приглашение и, дав недолго отдохнуть Владимиру, с Бановной отправил его опять к королю: «Брат, ты был в уграх у зятя, короля; ты ведаешь всю мысль и думу их, потрудись же для моей чести и для своей». Владимир отвечал: «Труд мне не в труд для твоей чести, и для чести брата нашего Ростислава, — еду». Изяслав поручал ему сказать королю так: «Если царь встает на тебя ратью, то как тебе с ним Бог даст, а помощь мне пусти свою, как обещал. Мне нужно на Юрия, на Ольговичей, на галицкого князя. За то твоя обида не твоя, а моя, и моя обида твоя».

Король исполнил его желание и прислал свои полки. Изяслав начал поход свой осадой Пересопницы. Неугомонный Владимирко, не смиренный походом короля, от которого он откупился, успел, однако же, прийти, чтобы поставить Изяславу преграду на пути.

Дружина начала отговаривать Изяслава: «Ты пойдешь на Юрия, а Владимир за тобою; трудно тебе бороться с ним, князь, и нам также, видишь сам». «Вы, братья, вышли за мною из Русской земли, отвечал им Изяслав, лишились своих сел и жизней, я хочу возвратить вам все, и сам не могу оставить своей отчины, или возвращу ее, или сложу свою голову. Встретится ли со мною Владимир, сражусь с Владимиром; встретится ли Юрий, сражусь с Юрием».

Оставив брата Святополка блюсти Владимир, он пошел со всеми силами, с сыном Мстиславом, Борисом городенским, с уграми, к Дорогобужу. Дорогобужцы встретили его с крестом и поклонились ему. Он приветствовал их, сказав: «Вы люди отца моего и деда. Бог вам на помощь». Те изъявили опасение, чтобы угры не причинили вреда городу. Изяслав успокоил их: «Я вожу угров не на своих людей, а на врагов, не бойтесь ничего», — и отпустил в город. От Дорогобужа он двинулся к Корческу. Корчане поклонились ему

также с радостью. Он, минуя город, остановился на Случе. Тут пришла к нему весть, что Владимирко соединился с Андреем Юрьевичем и идет на него, переправляясь через Горину. Изяслав переправился через Случь, потом через Ушу, под Ушеском. Тут настигли его лучники Владимира и начали стрелять через реку, Изяслав отступил за другую речку у города, и начали воевать то с этой стороны, то с той. От одного перехваченного галичанина Изяслав узнал, что сам Владимир стоит недалеко за лесом, ожидая своих воинов, без которых побоялся вступать в лес. Изяслав решил напасть на него врасплох.

Дружина возражала: «Нельзя идти тебе на него — река еще зла, и стоит он, заслонившись лесом. Лучше пойдем вперед к Киеву, и если Владимир нас настигнет, то сразимся, как ты сам сказал, у Зареческа; а если Юрий встретит нас прежде, то дадим место ему. Дойти бы только до Тетерева, там прибавится к нам дружина, а дойдем, Бог даст, до Белграда, там еще больше».

Изяслав послушал и переправился через Ушу, переправился вскоре и Владимир. Лагеря их были расположены на близком расстоянии. Изяславовы сторожа видели галицкие огни, а галицкие сторожа видели Изяславовы огни. Изяслав решил отойти за ночь к Мичску, велев разложить всем большие огни, чтобы обмануть противников. У Мичска встретила его дружина, развернутая по Тетереву, и поклонилась; мичане также. Изяслав перешел Тетерев, и тут только слез с коня, чтобы отдохнуть. Отобедав и дав вздохнуть коням, пошли они к Воздвижени. Там простояли до вечера. Перед вечером Изяслав опять сел на коня, созвал к себе князей и угров и спросил их совета, стоять ли или идти дальше: «Владимир ли настигнет нас здесь, подойдет ли Юрий, нам будет трудно. Не лучше ли, своего труда не жалея, ночью, продолжать путь на Белгород! Если мы успеем, то Юрий побежит от нас, и мы вступим в сильный полк киевский. Люди будут биться за нас, я уверен. Если же нельзя будет проехать к Белгороду, то мы повернем к черным клобукам, а с ними нечего будет бояться ни Владимира, ни Юрия».

Угры отвечали: «Мы гости, ты знаешь своих людей; если ты вполне надеешься на киевлян, то поедем ныне же ночью, кони под нами; лучше, если прибудет дружины».

Изяслав отпустил вперед брата Владимира к Белгороду. «Будут белгородцы обороняться, так наказал он ему, ты дай нам знать и бейся с утра и до обеда; а мы повернем к черным клобукам, на

Абрамов мост, и с черными клобуками подойдем к Киеву. Если же ты изъедешь Белгород, то мы присоединимся к тебе».

Владимир подошел к Белгороду, Борис пил там на сеннице с дружиной и попами белгородскими. Мытник устерег и разобрал мост, а то все они были бы взяты в плен. Борис бежал. Белгородцы же высыпали к мосту и объявили об его бегстве. Мост быстро восстановили, и Владимир, войдя в город, послал сказать брату, что ни у Бориса, ни у Юрия не было вестей об их походе.

Изяслав, собрав полки, поспешил в Белгород, оставил там брата, на случай нападения Владимира галицкого, и двинулся к Киеву с уграми.

А там уже Юрия не было. Убежавший Борис застал его на Красном дворе, и он в одной ладье переправился через Днепр в Городок.

Изяслав занял в третий раз Киев, встреченный радостно гражданами; поклонился Святой Софии и приготовил большой обед для угров и киевлян на Ярославовом дворе. Угры скакали на конях своих. Киевляне удивлялись их удальству и искусству.

Владимир галицкий стоял у Мичска, как вдруг получает известие от Луцка, что Юрий уже в Городце, а Изяслав в Киеве. Он рассердился и отказался от дальнейшей помощи, сказав Андрею и Владимиру Андреевичу: «Один я биться с Изяславом не могу. Чудно мне, как ведет свое княженье сват, — рать на него идет из Владимира, а он о том и не ведает; сыновья его сидят — один в Пересопнице, другой в Белгороде, — и устеречь не могут. Изяслав хотел вчера биться со мною, идя на Юрия и оборачиваясь на меня, а ныне уже вся Русская земля у него под рукою. Что же я буду делать? Правьте, как хотите сами». Владимирко удалился в Галич, собирая серебро со всех городов по пути и грозя в противном случае брать их на щит. Мичане не могли представить ему, чего он требовал; женщины должны были вынимать серьги из ушей, снимать гривны с шеи. Серебро было собрано и отдано князю.

Изяслав опять послал за Вячеславом: «Отче, кланяюся тебе, Бог взял у меня отца, и ты будь мне отцом; я согрешил перед тобою — в первый раз, когда победил Игоря у Киева, во второй раз, когда победил Юрия у Тумаща, и не положил на тебя чести; я каюсь перед тобою. Если ты отдашь мне, то и Бог отдаст мне. Вот тебе Киев, садись на стол отца своего и дяди».

«Спасибо тебе, сын мой, сказал Вячеслав, что ты на меня честь

возложил; уважил бы ты меня так прежде, уважил бы тем самого Господа Бога. Если я тебе отец, то ты мне сын; у тебя нет отца, а у меня нет сына, — будь же ты мне сыном и братом». И они поцеловали крест на том, чтобы быть им заодно и в добре, и в зле.

Вячеслав вступил в Киев и сел на стол отца своего и деда. Поутру он призвал к себе Изяслава и сказал ему: «Сын! Спасибо тебе за честь, что возложил на меня как на своего отца, а я скажу тебе вот что: я стар, и всех дел не могу переделать; останемся мы оба в Киеве, и если случится какое лихо с христианами или погаными, мы пойдем оба, я со своей дружиной, а ты со своей; пойдешь ты один, иди вместе и моим полком, и своим». Изяслав с великой радостью и с великой честью поклонился отцу своему: «Буди так, пока мы живы».

Вячеслав позвал к себе на обед сына своего Изяслава, всех киевлян и угров и мужей королевских. Оба они одарили своих помощников и гостей всякими дарами, паволоками, одеждами, сосудами, конями и воздали им великую честь.

На третий день призвал Изяслав угров и отправил их домой к королю с великой благодарностью: «Помоги тебе Бог за твою нам помощь! Ты помог так, как брат родной брату, или сын отцу. Мы пришлем к тебе еще сына Мстислава с нашими речами».

И Изяслав с Вячеславом отправил его через некоторое время, повторяя: «За помощь твою нам нечем тебе откупить, разве головою своей. Если будет где тебе обида, дай Бог нам быть там самим с полками, или с братьею своею, или с сынами своими. Желаем тебе совершить твое дело добро. Звать тебя не зовем, потому что царь с тобою в ссоре, но пришли нам помощь, либо такую же, либо покрепче, с нашим сыном, а твоим братом Мстиславом; поскольку Юрий силен, Давыдовичи и Ольговичи с ним заодно, дикие половцы ему помогают за его золото. Если мы будем свободны, то придем к тебе на помощь; если ты будешь от царя поражен, то приходи ты сам, а мужи твои и брат твой Мстислав расскажут тебе, как нам Бог помог, и как взялася по нас вся Русская земля. Помощь ожидаем к весне».

За Ростиславом, который и прежде уговаривал своего брата отдать дяде старейшинство, князья послали мужей. Вячеслав говорил: «Бог скупил нас по месту с твоим братом, а моим сыном Изяславом; он добыл Русской земли и положил на мне честь, посадил в Киеве. А тебе я вот что скажу: как сын мне брат твой Изяслав, так и ты. Приходи же к нам, и рассудим вместе, что Бог явит». Изяслав говорил: «Ты, брат, много вынуждал меня положить честь на стрые

нашем. Я исполнил ныне твое желание. Собирайся же в Смоленске и в Новгороде, где находится сын мой и твой Ярослав, и приходи на совет».

И Юрий не оставался в праздности. Он не унывал и не думал уступать без спора любезного Киева, готовясь к новой войне, созывая своих союзников — Давыдовичей и Ольговичей, Владимирка галицкого.

Собрались они и пошли на Киев, присоединив соседних половцев, в Городке отпраздновали Юрьев день и стали в Родуни. Изяслав не давал им переправляться через Днепр. Воины его выезжали из Киева в насадах, а Юрьевы из своего лагеря, и бились они долго и крепко на Днепре, вплоть до устья Десны. Изяслав дивно устроил свои ладьи: он накрыл их досками так, что гребцов было не видать, только весла; вверху стояли бойцы в бронях и стреляли, да два кормчих, один на носу, другой на корме, ходили куда хотели, не оборачивая ладей.

Юрий с братьями решились спуститься по Днепру к Витичевскому броду, но не смели пустить ладей своих мимо Киева. Они спустили их в озеро Долобское, а оттуда перетащили берегом в Золотчу, из Золотчи в Днепр. Половцы же шли по лугу. И Изяслав, со всеми князьями, дружиной, киевлянами и черными клобуками пошел к Витичеву сухим путем, а ладьи его отплыли по Днепру. Подойдя, стали они у Витичева, против Мирославского села, и опять началось сражение. Изяслав не давал им переправиться на свою сторону Днепра, а Юрий на свою.

Юрий предложил, наконец, своим товарищам: «Здесь нам не перейти; надо перехватить брод Зарубский». Все согласились. Младшие князья в ладьях поплыли около песка, по своей стороне, а Юрий и Святослав поехали подле них берегом. Юрьевич и Всеволодович прибыли к Зарубскому броду. У брода стоял на страже Изяславов боярин Шварн, потому-то брод и не был тверд: не было тут князя, а боярина не все слушают, замечает летописец. Половцы увидели, что стражи мало, вошли в Днепр в бронях, на конях, со щитами и с копьями, как бы на бой, и покрылся Днепр множеством воинов, а русь переправлялась в ладьях. Шварн бежал. Молодые князья послали сказать Юрию и прочим, чтобы они спешили, пока Изяслава нет. Изяслав и в самом деле хотел двинуться вперед и напасть на них, равно как Ростислав и Вячеслав; но дружина, киевляне и в особенности черные клобуки отговаривали: «Князь,

нельзя тебе ехать к ним: они все на конях, пойдут перед тобою ко Роси, ты за ними, а как же ты оставишь пеших? Нет, это не годится. Лучше поезжай ты в Киев, а нас отпусти; приставь к нам, пожалуй, брата Владимира. Мы, забрав все свое, придем к тебе в Киев. Не бойся — мы хотим головы свои сложить за твоего отца Вячеслава и за брата Ростислава, а Юрия мы не хотим».

Князья послушались и возвратились, переночевали в Триполе, а поутру стали около Киева, не вступая в город. Изяслав Мстиславич перед Золотыми воротами у Язины, Изяслав Давыдович между Золотыми воротами и Жидовскими, против Бориславова двора, Ростислав с сыном Романом перед Жидовскими воротами. Борис городенский у Лядских ворот. Киевляне же со всеми своими силами, конные и пешие, стали между князьями и по краям, около всего города, многое множество. Пришли и черные клобуки, берендеи, торки, ковуи, печенеги и начали было буйствовать по окрестностям. Владимиру Мстиславичу поручено унять их и расставить. Берендеи стали между дебрями от Олеговой могилы до Щековицы, а ковуи и прочие от Золотых ворот до Лядских, а оттуда до Киева и до Берестового, до Угорских ворот и до Днепра. Князья решили не наступать на противников, а дожидаться их. «Лишь бы отбиться от них, сказал Изяслав, а то они не крылаты, не перелетят через Днепр; если перелетят, то сядут же, и мы увидим, что Бог даст».

Вячеслав сказал тогда Изяславу и Ростиславу: «Юрий мне брат, но он моложе меня; я хотел бы послать к нему послов и напомнить свое старшинство, и суд Божий, призирающий на правду». Изяслав и Ростислав охотно согласились. Вячеслав, в их присутствии, отправил своего мужа: «Ступай к брату Юрию, целуй от меня брата и напомни ему: я убеждал тебя и Изяслава, обоих вас, не проливать крови христианской и не губить Русской земли. Отговаривая вас от войны, я не искал своего права, когда вы меня обижали и клали на меня бесчестье, раз и два. Изяслав, идя биться с Игорем, говорил, что ищет Киева не себе, а мне, — ибо я отец, старше всех; а как взял Киев, то не только не отдал его мне, но еще отнял у меня Туров и Пинск. Так точно и ты, когда поехал в Переяславль биться с Изяславом, говорил, что ищешь Киева не себе: Вячеслав брат мне старший, это отец. А помог тебе Бог взять Киев, так ты отнял у меня Пересопницу и Дорогобуж, и дал мне один Вышгород. Я не искал своего права, хотя у меня были полки, была сила, данная Богом; не искал, ради Русской земли и ради христиан; я обуздывал вас, а вы меня не слушали, но это

не для меня, а для Бога. Теперь другое: Изяслав хотя и дважды слова своего не сдержал, но ныне поклонился мне. Добыв Киев, посадил меня и назвал отцом, а я назвал его сыном. Ты мне говорил: младшему я не могу поклониться, ну а я тебя старше, да и не малым, а многим: у меня уже борода росла, а ты только что родился; хочешь ли ты поехать на мое старшинство, поезжай, Бог тебе судья».

Юрий отвечал: «Кланяюсь тебе, брат; ты говоришь правду, и я признаю твое старшинство, ты мне как отец; пусть же отъезжает Изяслав во Владимир, а Ростислав в Смоленск, и мы договоримся с тобой, в чем надо».

Вячеслав возразил: «У тебя семь сыновей, и я не гоню их от тебя прочь, а у меня два сына, Изяслав и Ростислав, да другие младшие. Для ради Русской земли и для ради христиан я говорю тебе вот что: ступай в свой Переяславль и в свой Курск, а вон у тебя еще Ростов великий; Ольговичей отпусти домой, и мы договоримся, не проливая христианской крови. Если же, сказал старик, озираясь на святую Богородицу, что над Золотыми воротами, ты хочешь по своему замыслу поступить, как поехал, то пусть судит нас Пречистая с Сыном».

Юрий, однако же, не послушал. Наутро подступил он под Киев и стал по той стороне Лыбеди: полки начали биться через реку Лыбедь. Андрей был таков же, что и под Луцком: без ведома дружины переправился он через Лыбедь с половцами (а Владимира Андреевича не пустил кормилец его, потому что был еще молод), погнал ратных до полков их и был на дороге оставлен товарищами. К счастью, случился тут один половчин, он схватил Андреева коня под уздцы и отвел назад, ругая свою братью.

Воины продолжали биться, одни на Лыбеди, другие, переправившись, бились на болонье, иные на песках, против Лядских ворот. Их собралось множество с разных сторон. Изяслав послал всем братьям сказать, чтобы забрали дружину из полков, не руша их, и бросились все вдруг на неприятеля. Приказание исполнено; воины Юрьевы были приперты к Лыбеди, иные, не попав на брод, утонули, другие соскочили с коней и были перебиты. Тут погиб и половчин, Боняков сын, что хвалился войти в Золотые ворота, как отец его; ни один человек не переехал больше на эту сторону.

Юрий решил отступить, тем более, что ему пришла весть о галицкой помощи. Изяслав и Ростислав хотели за ним пуститься в погоню. Вячеслав отвечал: «Дети, се начало Божией помощи! Они

пришли сюда и не успели ничего, добыли только срама, а вы, дети, не торопитесь; либо до вечера, либо до утра, посмотрим, что будет».

Юрий пришел в Белгород. «Вы мои люди, отворяйте мне город». Белгородцы отвечали: «А Киев тебе отворил ли? Наши князья: Изяслав, Ростислав и Вячеслав».

Юрий пошел через бор к Верневу, оттуда за вал, и стал у Бзяницы, ожидая помощи от Владимира, к которому уже послал вперед сыновца[13] Владимира Андреевича.

Изяслав не хотел допустить их до этого соединения, и, поклонившись во вторник святой Богородице десятинной и святой Софии, выступил из города. Все киевляне устремились за ним: «Идите все, кто может в руки взять хотя бы кол, а если кто не пойдет, выдай его нам, мы сами побьем». И так пошли все, с радостью, за своих князей, конные и пешие, многое множество, не оставив никого дома. На ночь остановились они у Звенигорода. В среду поутру выступили рано и остановились обедать перед Василевым.

Туда приехал к Изяславу посол от угор, от сына его Мстислава: «Радуйся, зять твой король отправил к тебе помощь, какой никогда не бывало; я пришел с нею; уведомь нас, как скоро мы тебе надобны». «Вы всегда нам надобны, отвечал обрадованный Изяслав, торопитесь скорее, мы идем на суд Божий».

Они пошли мимо Василева через Стугну к валу и остановились полками на ночь перед валом, а на другой день сторожа нагнали Юрьевы полки на Перепетовом поле. В четверг Вячеслав, Изяслав и Ростислав прошли валом на чистое поле, двинулись биться с Юрием.

Начались переговоры и посольства с обеих сторон; Ольговичи и половцы не давали мириться, скорые на кровопролитие. Юрий удалился за Рут. На рассвете в пятницу Изяслав опять начал напирать, а Юрий отошел, ожидая Владимирка. Вдруг пала такая мгла, что конца копья было не видать, к тому же пролился дождь, и полки отошли к озеру, которое их и развело. К полудню рассеялась мгла, небо прояснилось, и полки увидели себя вокруг озера, так что только крылья могли биться между собою, а средним воинам нельзя было и съехаться. Изяслав, Ростислав и Вячеслав пошли на верх озера, а Юрий отступал дальше и дальше за малый Рутец, через грязи. В пятницу, лишь стала заниматься заря, полки ударили в бубны, затрубили в трубы; но Юрий, избегая битвы, опять уклонился за Рут.

---

[13] Сыновец — племянник. *Примеч. ред.*

Киевляне пустились в погоню и начали отнимать возы. Тогда Юрий с сыновьями увидели, что нельзя им уйти за Рут, решили биться, развернули полки и стали против. Андрей, старший из сыновей Юрьевых, выстроил полки отца своего, потом отъехал к половцам и укрепил их на сечу, потом вернулся к своей дружине и ободрил ее.

Перед началом битвы Изяслав и Ростислав поскакали к Вячеславу и сказали: «Ты хотел всем нам добра, отче, но брат твой не согласился; приходится нам теперь либо голову свою положить, либо честь твою обрести».

Вячеслав отвечал: «Брат и сын, от рождения своего не охоч был я до кровопролития, но брат мой довел меня до того, что мы стоим на этом месте. Пусть рассудит нас Бог».

Изяслав, подъехав к своему полку, послал приказ прочим: «Смотрите на мой полк, и как двинется он, так идите и вы».

Полки сошлись, и была сеча крепка. Изяслав на одной стороне, а Андрей на другой, творили чудеса храбрости.

Полки еще только сближались друг против друга, когда Андрей, выехав впереди всех, начал биться; копье у него сломалось, шлем упал с головы, щит вырван из рук, конь, раненый в ноздри, начал метаться. Андрей ничего не замечал и продолжал действовать. А Изяслав бился перед своим полком: его ранили в руку, в бедро; копье у него сломалось, он упал с раненого коня.

Долго длилась сеча, сеча злая, но, наконец, помог Бог Вячеславу и Ростиславу. Половцы пустили по стреле и побежали, потом Ольговичи, наконец, и сам Юрий с детьми.

Много перетонуло их дружины в Руте, много взято в плен, много осталось на месте сражения. Тут погиб и черниговский князь Владимир Давыдович, и много половецких князей.

Когда полки сошлись, конные и пешие, Изяслав лежал раненый. Он поднялся; пеший воин хотел было ударить его, сочтя врагом. Изяслав вымолвил: «Я князь». «Тебя-то нам и надо», воскликнул воин и начал сечь его мечом по шлему, на котором сияло изображение Св. мученика Пантелеймона. Он пробил шлем до лба. «Я Изяслав, князь ваш», сказал раненый и снял с себя шлем: тогда его узнали, разнеслась тотчас молва, все воины начали сбегаться, подняли его на руки с великой радостью, как царя и князя своего. Но Изяслав сильно ослабел от ран, весь истекая кровью.

Его известили, что убит Владимир Давыдович черниговский, и что брат его Изяслав горько плачет по нем. Изяслав, превозмогая

боль, велел посадить себя на коня и вести туда. Долго они плакали вместе. Изяслав жалел о нем, как бы о своем родном брате и, наконец, сказал Изяславу Давыдовичу: «Ну, нам его уже не воскресить, врагов своих мы победили, Чернигов — твой. Ступай туда, взяв тело брата своего, а я дам тебе помощь. Ныне вечером же быть всем в Вышгороде».

Так и было исполнено. Изяслав сел на столе брата своего Владимира в Чернигове, Юрий перешел через Днепр у Триполя и удалился в Переяславль. А Ольгович и Всеволодович перебежали у Заруба и укрылись в Городце. Из Городца Святослав не мог ехать в Чернигов, — он был тяжко болен, — и послал сыновца Святослава Всеволодовича; но тот скоро вернулся назад сказать, что Чернигов уже занят Изяславом Давыдовичем, и советовал ему ехать лучше в Новгород Северский.

Владимир галицкий не успел привести помощь Юрию; в Бужске узнал он, что дело уже кончено, и, повернув, поспешил в Галич.

Вячеслав, Изяслав и Ростислав, возблагодарив Бога и Его Пречистую Матерь, с честью и похвалой великой пошли к Киеву. Их встретили все святители с крестами, митрополит Клим, игумены и попы. Они поклонились святой Софии и повеселились, но недолго. Ростислав должен был спешить в свой Смоленск, а Изяслав решил добить Юрия и избавиться навсегда от своего неугомонного противника, с помощью угорской.

Мстислав, точно, уже шел с нею. В Сапогыне веселился он с уграми: Владимир Андреевич прислал ему много вина из Дорогобужа, как вдруг этот князь извещает, что Владимир галицкий идет на него. Мстислав передает весть уграм. Угры, пьяные, хвалились: «Пусть идет на нас; мы будем с ним биться». Мстислав расставил в ту ночь дозоры, а сам лег спать с уграми. Сторожа прибежали к нему в полночь, извещая: идет Владимир. Мстислав с дружиной вскочили на коней, а угры, пьяные, лежали, как мертвые. Против света Владимир напал на них и всех перебил, только немногие попали в плен. Мстислав бежал в Луцк со своей дружиной.

Неприятная весть пришла в Киев к Изяславу, что сын его побежден, а угры избиты. Но он не унывал: «Не идет место к голове, а голова к месту, сказал он свою поговорку. Дай Бог здоровья королю и мне, а отмстить мы сможем».

И решился он один идти на Юрия к Переяславлю, с Вячеславом и берендеями. Два дня бились они под городом и сожгли посад,

стеснили Юрия и послали сказать ему: «Кланяемся тебе; иди в Суздаль, а в Переяславле оставь сына; мы не можем допустить, чтобы ты оставался здесь с нами; ибо боимся, что ты приведешь половцев» (1151).

Не было Юрию ниоткуда помощи: дружина его была разбита или взята в полон; он был вынужден, скрепя сердце, согласиться, и поцеловал крест с детьми своими.

Настал праздник Св. Бориса и Глеба. Вячеслав и Изяслав прислали послов напомнить ему: «Иди в Суздаль». Юрий хотел побывать в Городце и оттуда обещал идти в Суздаль. Вячеслав и Изяслав настаивали на одном: «Иди в Суздаль; если же ты хочешь побывать в Городце, хорошо — побудь месяц; а если не пойдешь, то мы придем и станем около Городца, как стояли здесь. Целуй крест, чтобы не искать тебе Киева ни под Вячеславом, ни под Изяславом», и на всем на том должен был целовать крест Юрий. Вячеслав и Изяслав прибавили: «До Святослава Ольговича тебе дела нет», и Юрий не включил его в договор.

Юрий оставил в Переяславле сына Глеба, а сам пошел в Городок. Андрей же выпросился у него идти еще прежде в Суздаль: «Делать нам здесь нечего, затепло отойдем», и отец отпустил его в домой.

Святослав Ольгович, услышав, что Юрий договорился с Вячеславом и Изяславом и выведен из Переяславля, решил договориться также со своим родом. Одному бороться ему не приходилось. Он послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мир стоит до рати, а рать до мира. Мы все братья. Отчины между нами две, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда: ты, брат, Давыдович, а я Ольгович. Возьми же себе все Давыдово, а что Ольгово, то оставь нам, и мы между собою поделимся». Изяслав поступил по-христиански, принял братьев в любовь и возвратил им их отчину.

А Юрий не думал выезжать из Городка. Он тянул время, все еще надеясь по-прежнему на перемену своих обстоятельств, но не с таким противником имел он дело. Тот, не давая ему отдыха и собрав всех князей, Давыдовичей и Ольговичей, пошел к Городку. Много дней бились они под Городком. Тяжко было Юрию, но, доведенный до крайности, он вынужден был, наконец, уступить. «Ну, я уже иду в Суздаль», сказал он своим противникам и ушел, оставив в Городке сына Глеба, потому что Изяслав тогда взял себе Переяславль и посадил там сына Мстислава.

Юрий по дороге останавливался у Святослава Ольговича,

который принял его с честью великой.

Изяслав и Вячеслав сели в Киеве, Вячеслав на Великом дворе, а Изяслав под Угорским. Но Изяслав не успокоился. Победив Юрия, отправив его в отдаленный Суздаль, спалив, наконец, Городок, он хотел теперь унять Владимира галицкого, который столько мешал ему во всех его предприятиях и ставил часто в самое трудное и опасное положение (1152).

Он убедил Гейзу начать войну с Галичем, в отмщение за поражение угров с Мстиславом у Луцка. Он взял с собой Вячеславов полк, лучших киевлян, черных клобуков, всю русскую дружину и отправился на Галич. Угры шли ему навстречу. Они соединились и решили дать сражение близ Перемышля. У короля было 73 полка, кроме Изяславова, кроме поводных коней и товарных. Изяслав сказал дружине своей: «Братья и дружина! Бог не полагал никогда бесчестья на Русской земле и на русских сынах; во всех местах мы честь свою брали; ныне, братья, нам надо постараться, чтобы и в этих землях, перед чужими людьми, честь свою взять». И с этими словами со всеми своими полками он пустился вброд. Король переправился по другому броду. Все напали на Владимира, потопили многих, многих избили, пленили, а Владимир едва успел убежать один с семейством в Перемышль. Города Перемышля потому не взяли, что воины бросились грабить двор княжий, вне города, над рекою Саном, где было собрано много всякого богатства.

Владимирко смирился, и усиленными просьбами, раскаянием в своей вине, подкупами угорских бояр и всеми средствами успел, наконец, склонить короля к миру, несмотря на возражения Изяслава и его сына. Он обещал возвратить русские города и содействовать киевскому князю во всех его начинаниях. Король пригрозил ему новой войной в случае неисполнения принятых обязанностей, и успокоил своего зятя.

Посланные мужи привели к кресту Владимира, который лежал, как будто изнемогая от ран, а ран у него не было.

Некоторое время король и Изяслав провели вместе, в великой любви и великом веселье, и потом разъехались. Король в угры, Изяслав в Русскую землю. Придя во Владимир, Изяслав послал посадников в города, на которых целовал крест Владимир: в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, — и Владимирко их не отдал. Вот он был каков! Изяслав послал сказать королю: «Нам уже не возвращаться, ни тебе, ни мне; я только говорю тебе, что Владимир

отступил от крестного целования; не забывай же своего слова, что ты сказал».

Изяслав благополучно вернулся в Киев к отцу своему Вячеславу и послал сказать брату Ростиславу смоленскому, как он виделся с королем в здоровье, и как Бог помог им победить Владимира галицкого, и как вернулся благополучно в Русскую землю. Услышав это, Ростислав обрадовался и похвалил Бога. Изяслав теперь успокоился, но не успокоился его противник Юрий. Ему не сиделось на далеком Севере. Сердце влекло его к югу, в Русскую землю, и лишь только узнал, что Городец его сожжен Изяславом, еще перед последним походом в Галич, то он решил опять идти испытать счастья. Он привлек на свою сторону рязанских князей и обратился к старым друзьям, половцам.

А Изяслав, услышав о его приготовлениях, послал сказать Ростиславу: «У тебя Новгород сильный и Смоленск. Если Юрий пойдет на тебя, я приду к тебе на помощь, а если не тронет твою волость, то иди ты поскорее ко мне».

Юрий шел прямо к Киеву. Вся Половецкая земля, что между Волгой и Днепром, к нему присоединилась. Он занял вятичей и остановился в Глухове. Двинулся и Владимирко из Галича.

Подал помощь и Святослав Ольгович, опасаясь, чтобы в противном случае на него самого не напал рассерженный Юрий с готовыми полками. Юрий твердил: «Они сожгли мой Городец, и божницу сожгли, я отожгу им сполна».

Половцев набиралось к нему беспрестанно все больше и больше. Они пошли на Чернигов, куда уже успел придти Ростислав на помощь Изяславу Давыдовичу. Князья велели всем людям бежать из острога в детинец. Половцы, заняв острог, зажгли весь посад и выходили ежедневно биться с черниговцами.

Князья жаловались, что половцы бьются не крепко; «Назавтра я начну со своей дружиной», сказал мужественный Андрей, и лишь только показалась пехота из города, как он бросился вперед, одних избил, других вогнал в город; поревновали ему и другие князья и ездили под город, но пехотинцы, устрашенные, уже не смели показываться. Двенадцать дней стояла рать под Черниговом. Вячеслав и Изяслав решили идти на помощь городу. Половцы, испугавшись, начали уходить прочь. Тогда вынуждены были отступить и князья. Изяслав думал преследовать их, но этого нельзя было сделать, потому что они шли не останавливаясь, и время было к

заморозкам. Решили все разъехаться по домам и ждать, когда встанут реки. Половцы ушли на Путивль, разоряя все по дороге, а Юрий на Новгород Северский, и оттуда в Рыльск.

Святослав Ольгович старался удержать его, выговаривая, что он волость его разорил и жита около города потравил, а теперь хочет оставить его на жертву Изяславу, который «придет на меня из-за тебя, и прок волости моей погубит».

Юрий обещал ему было подмогу, но оставил только Василька с 50 человек дружины и отправился в Суздаль, вновь разорив вятичей по дороге.

Изяслав был недоволен этими успехами; лишь только встал лед, он пошел с Вячеславом на Святослава Ольговича к Новгороду. На Альте он сказал своему дяде: «Ты уже стар, и трудиться тебе не должно; поезжай в Киев, а мне отдай только полк свой».

Он отрядил сына Мстислава на половцев, а сам подошел к городу взять острог. Начались стычки, и Святослав Ольгович принужден был просить мира. Изяслав не хотел мириться, но увидя, что приближается весна, согласился. Поцеловали крест и разъехались (1153).

На обратном пути в Чернигове Изяслав получил известие, что сын его Мстислав победил половцев на Угле и Самаре, прогнал их, захватил их добро, отбил множество христианских душ и возвращается с множеством пленных, стадами и конями.

Так все обратилось в пользу Изяслава, и он уже находил награду своим тяжелым трудам. Не опасаясь Юрия, в мире с Черниговом, укротив Ольговичей, загнав половцев, теперь он имел только одного врага, Владимирка галицкого, но был почти уверен, что с ним справится, имея в залоге против него королевское слово.

Изяслав послал к Владимирку своего мужа, Петра Бориславича, с крестными грамотами, того, который был в Перемышле и водил его к кресту. «Ты целовал крест возвратить мне все в Русской земле, и того не сделал. Но я не помню зла. Возврати теперь. Не хочешь — ты отступил от крестного целования, и вот твои крестные грамоты, а нам с королем что Бог даст». Владимирко и не думал сдержать своего слова. Он отпустил русского мужа с насмешками, как вдруг скоропостижно умер. Преемник его, Ярослав, вернул Петра Бориславича и поручил ему уверить Изяслава в своей преданности (1153).

Несмотря на обещания, Ярослав галицкий не думал, впрочем,

отдавать городов своему названному отцу. Тогда Изяслав собрал все полки, свой, Вячеслава, Изяслава черниговского. Мстислав пришел с переяславским полком, и все черные клобуки. Потом пришли из Дорогобужа брат Владимир, Святополк из Владимира, Владимир Андреевич из Берестья. Ярослав выступил навстречу со своими полками. Изяслав пустил только часть своих воинов биться за Серет, а сам пошел к Теребовлю. Ярослав последовал за ним, хотя и не успел помешать его переправе через Снов. Полки стали друг против друга. Галицкие мужи отослали своего князя и остались биться одни. Полки сошлись, и была сеча злая, бились противники от полудня до вечера. И вследствие смятения, не видели они, кто победил. Изяслав обратил в бегство галичан, а братья его от них бежали: Святополк владимирский, Владимир Мстиславич и Мстислав Изяславич. Изяслав, преследуя, пленил галицких мужей, а галичане Изяславовых. Изяслав остался на месте сражения, а галичане убежали в свой город Теребовль. Он поставил на поле брани стяги галицкие, под которые шли галичане и были пленяемы Изяславом. Пленников у него набралось больше, чем оставалось своей дружины, и он, убоявшись нападения на другой день из Галича, велел перебить пленников. Жестокость, которой он, в сердцах на галичан, посрамил себя в конце своей жизни. Лучших мужей взял он с собой в Киев. Был плачь велик по всей земле Галицкой.

На следующий год (1154), Изяслав вступил во второй брак, взяв жену из обез, царскую дочь, навстречу которой посылал два раза сына своего Мстислава; перед походом на Галич, Мстислав дошел до Олешья и, не встретив, вернулся; теперь он встретил ее в порогах и привел к отцу.

Юрий, между тем, пошел было против него опять с ростовцами, суздальцами, и со всеми детьми, но на походе случился конский падеж: едва добрался он до Козельска. Хотя половцы явились к нему, но он был вынужден вернуться в Суздаль. Судьба и без войны освобождала его от сильного противника.

Изяслав, оплакав брата Святополка, вместо которого послал княжить сына Ярослава во Владимир, внезапно разболелся и вскоре преставился, в воскресенье на ночь в Филиппов день, 13 ноября. Погребение его было в церкви Св. Феодора в отцовом монастыре.

Это был князь деятельный, неутомимый, радушный, который не знал отдыха на своем веку и под конец своей жизни дорогой ценой, и то на короткое время, купил себе Киев.

Вся Русская земля и все черные клобуки, вернейшие его слуги, плакали по нему как по царю своему и господину, а всего более как по отце. Много плакал и дядя его Вячеслав: «Сыну! То есть мое место, говорил он над гробом, но пред Богом не что учинити!»

Сын Изяслава, Мстислав, спрятав тело его, уехал в свой Переяславль, а Изяслав Давыдович черниговский, узнав о смерти Изяслава, внезапно приехал к Киеву. Вячеслава оповестили, когда он уже подошел к Днепру, к перевозу. Вячеслав послал спросить его: «Зачем ты приехал, и кто тебя позвал? Ступай в свой Чернигов».

Изяслав отвечал: «Я приехал оплакать брата своего, ибо не был на его погребении. Позволь мне поклониться его гробу». Вячеслав, посоветовавшись с Мстиславом и мужами своими, не пустил его в Киев, потому что Ростислав еще не приходил из Смоленска, и Изяслав воротился, разумеется с досадою, в Чернигов, вступил в переговоры со Святославом Ольговичем и послал за Юрием в Суздаль.

А Вячеслав позвал в Киев Святослава Всеволодовича: «Ты Ростиславу сын любимый, побудь здесь в Киеве, пока он приедет из Смоленска, и тогда все вместе будем держать совет». Святослав Всеволодович, без ведома Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича, исполнил желание Вячеслава.

Ростислав, наконец, прибыл, и все киевляне вышли к нему навстречу с радостью великой. Рады были и черные клобуки. Ростислав, вместе со Святославом Всеволодовичем, поехал и поклонился отцу своему Вячеславу. Вячеслав обрадовался ему и сказал: «Сыну, я стар, и рядов всех не могу рядити, отдаю Киев тебе; как держал и рядил твой брат, так держи и ряди ты; имей меня отцом и держи на мне честь, как имел меня отцом Изяслав и держал на мне честь, и вот полк мой и дружина моя». Ростислав поклонился отцу своему Вячеславу и сказал: «Вельми рад, господине отче! Имею тебя отцом господином, как и брат мой Изяслав имел тебя и в твоей воле был».

Киевляне, посадив Ростислава в Киеве, сказали ему: «Как брат твой Изяслав честил Вячеслава, так и ты чести, я до твоего живота Киев тебе».

Ростислав дал племяннику Святославу Всеволодовичу Туров и Пинск за то, что он приехал по зову Вячеслава и держал ему волость.

А Юрий уже с половцами. Он осадил Переяславль, но был отражен Мстиславом с помощью, присланной из Киева, и пошел к

Чернигову, куда поспешил против него и Ростислав со всеми киевлянами и торками. Лишь только киевский князь перешел Днепр, как получил известие, что Вячеслав, с вечера здоровый, лег спать и скончался. Ростислав вернулся, оставив полки, оплакал своего деда и проводил до гроба с честью великой, у святой Софии, где лежит Ярослав, прадед его, и Владимир, отец его. На Ярославовом дворе Ростислав созвал всех мужей Вячеславовых, тиунов и ключников, велел разложить перед собой все имение своего отца, золото, серебро, платье, и начал раздавать по монастырям и церквям, затворам и нищим; себе не взял ничего, кроме креста на благословение, а остаток назначил на исправление по нему церковных треб, под надзором мачехи, супруги Мстислава. Распорядившись, он хотел было ехать к Чернигову к полкам своим, но мужи его отсоветовали, говоря: «Бог поял стрыя твоего Вячеслава, а ты не утвердился еще с людьми в Киеве; поезжай лучше в Киев и утвердись с людьми. Тогда, если Юрий придет к тебе, захочешь ты мириться, будешь мириться, ибо ты утвердился уже с людьми, захочешь ли ты биться, ты будешь биться».

Ростислав не послушался, пошел к Чернигову и требовал у Изяслава Давыдовича крестного целования на том, чтобы сидеть ему в отчине своей в Чернигове, а Киева не искать. Изяслав отвечал: «Я до сих пор не делал ничего против вас, и вам не за что было приходить на меня. Так пусть же нас рассудит Бог!»

К нему уже пришли половцы с Глебом Юрьевичем. Ростислав, увидя против себя такое ополчение, без достаточных сил, начал просить мира и передавал Изяславу под собой Киев, а под Мстиславом Переяславль.

Мстислав, услышав об этом предложении, рассудил: «Так не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева», и повернул коня с дружиной своей от дяди. Половцы объехали полк киевский и начали биться. У Ростислава на первом поскоке пал конь. Святослав, сын его, это увидел, соскочил со своего коня и начал биться с окружавшими его. Собралось несколько дружинников и подвели ему другого коня. Рать его была разбита, он бежал в Смоленск, Мстислав в Луцк, а Святослава Всеволодовича захватили половцы. Изяслав Давыдович выкупил его с женой, равно как и многих из русской дружины, не отдавая вообще никого половцам, из тех, кому удалось убежать в город.

Одержав такую победу, он послал сказать киевлянам, что хочет

ехать к ним. У них не оставалось никакого князя, и они звали его, чтобы не взяли их половцы. Изяслав договорился было со Святославом Ольговичем, чтобы ему сидеть в Киеве, а тому в Чернигове, но они вскоре услышали, что Юрий идет, и увидели, что им нельзя удержаться против сильного суздальского князя. Сам Ростислав, выйдя с полками своими ему навстречу из Смоленска просил мира: «Отче, кланяюсь тебе; ты прежде был добр до меня, как и я до тебя; будь мне вместо отца».

Юрий отвечал: «Я рад, сын, с Изяславом я не мог ладить, а ты мне брат и сын».

Вслед за Ростиславом встретил Юрия Святослав Ольгович, а потом и Всеволодович ударил ему челом, говоря: «Избезумился я!» По ходатайству Святослава Ольговича Юрий дал ему мир, и все они вместе пошли к Чернигову. С дороги Святослав Ольгович послал к брату своему Изяславу в Киев, говоря ему: «Выезжай, брат, из Киева; идет Юрий, и мы звали его оба». Но Изяславу не хотелось лишиться Киева, и он не слушал брата.

Наконец, Юрий подошел к Чернигову со своим войском. Святослав снова послал уговаривать Изяслава: «Иди из Киева, Юрий уже близко, я отдам тебе Чернигов, для ради христианских душ», ибо прежде Изяслав с ведома Святослава сел в Киеве. Но все-таки он медлил: так полюбился ему Киев, говорит летопись. Наконец, Юрий миновал Чернигов и стал приближаться к Киеву.

«Отдай мне Киев, послал он уже сам сказать ему, мне отчина Киев, а не тебе». Нечего было делать: должен был решиться Изяслав. «Вот тебе Киев, отвечал он, скрепя сердце, не сам я приехал сюда, а посадили меня киевляне. Не сотвори мне пакости». Юрий согласился на мир, и Изяслав вышел из Киева.

Наконец, Юрий сел на стол отцов своих и дедов (1154). Исполнилось его горячее желание, и противников не осталось. Самый сильный умер, старший еще прежде его, — остальные все ему поклонились. Никто не имел права больше его. Юрий вздохнул свободно, достигнув цели своих горячих желаний. Он раздал сыновьям города киевские: Андрея посадил в Вышгороде, Бориса в Турове, Глеба в Переяславле, а Василько дал Поросье.

Мстислав с братьями княжил в земле Волынской. Давыдович в Чернигове, Ольговичи в Новгороде Северском.

Казалось — все дела уладились, и биться было не за что. Нет, много оставалось еще князьям причин, если не внешних, то

внутренних, начать, отдохнувши, новые распри между собой.

Изяслав Давыдович отведал Киева, и ему хотелось, как старшему из потомков Ярослава, достать себе первый стол.

Мстислав Изяславич, отец которого с такими усилиями приобрел себе Киев, который сидел сам так долго в Переяславле, не мог довольствоваться теперь бедным уделом на Волыни, между тем как пришлые из Залесской стороны сыновья Юрьевы сели по городам земли Русской.

Ярославу галицкому жаль было отказаться от волынских приобретений.

Наконец, сам Юрий, раздраженный против покойного Изяслава, хотел отнять у детей его и остальные их города, точно как прежде Изяслав отнял у него не только Переяславль, но и Городец Остерский. И он послал младших князей выгнать Мстислава из Пересопницы. Мстислав удалился в Луцк. Юрий велел зятю своему Ярославу галицкому напасть на него в Луцке. Мстислав удалился к ляхам.

Однако же, положение Юрия было затруднительно, в виду новых опасностей, тем более что Изяслав Давыдович порывался начать с ним войну. Юрий позвал к себе на помощь Ростислава: «Сыну, мне не с кем удерживать Русскую землю, а поеди семо».

Ростислав встретил с великой честью великую княгиню, Юрьеву, на пути, сам проводил ее до Киева, а из Суздаля к мужу и явился к Юрию со всем своим полком. Дядя принял покорного племянника с любовью, и тот приступил к нему с просьбой о своих племянниках, сыновьях любезного ему брата и друга Изяслава. Юрий склонился на его просьбу, и Ярослав Изяславич, равно как и Владимир Мстиславич, пришли к Юрию с полками своими, на зов Ростислава, и поклонились. Мстислав только не посмел к нему ехать, опасаясь пленения. Юрий, впрочем, принял и его в любовь и поцеловал крест ему, вместе с братьями.

Вследствие такого лада, вместе с галицкой помощью, подошедшей к Юрию, стал сговорчивее и Изяслав Давыдович. На сейме в Лутаве Юрий дал ему Корческ, а верному своему союзнику и помощнику, Святославу Ольговичу, Мозырь, — чем и удовлетворились, хоть на время, притязания.

Половцы, на сейме, просили за братьев своих, плененных берендеями, но те отказали, говоря: «Мы умираем за Русскую землю с сыном твоим и слагаем головы за твою честь». Юрий не стал

настаивать и удовлетворил половцев дарами.

Таким образом, Юрий уладился со всеми врагами, внутренними и внешними, устроил и семейные дела: женил сына Глеба на дочери черниговского князя Изяслава Давыдовича, а другому сыну Мстиславу велел взять за себя в Новгороде дочь посадника Петра Михалковича. Но старший сын его, доблестный Андрей, посаженный им подле себя в Вышгороде, причинил ему сильное огорчение, оставив этот удел.

Андрею надоели нескончаемые, бесплодные войны за Киев; он посчитал, что его отцу, уже семидесятилетнему, недолго оставалось жить на свете, а после этой близкой смерти Киев ему достаться никак не мог при таком множестве соискателей, из которых иные имели и права гораздо больше, чем он, а именно: все старшие двоюродные братья, не говоря об Изяславе Давыдовиче, уже сидевшем на киевском престоле, и о Святославе Ольговиче, имевшем притязание даже прежде Изяслава и Юрия. А там еще издали глядели с жадностью на Киев ретивые сыновья Изяслава. Борьба с ними со всеми, вместе или поодиночке, притом без права, не предвещала верного успеха, а трудов множество; в Суздальском же княжестве ожидало его владение обширное, почти бесспорное; он родился там, или, по крайней мере, провел лучшие годы жизни, привык к земле, людям и обычаям. И жена его была оттуда родом, и предпочитала, разумеется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной беспрерывных опасностей; ее братья, Кучковичи, близкие к Андрею, твердили беспрестанно об их родине и убеждали сестру и зятя туда вернуться.

Как бы то ни было, Андрей, вскоре по водворении в Вышгороде, решил оставить этот удел, и в 1155 году, без отцовской воли и даже ведома, тайно, ночью, с женой, детьми и двором, отправился на свою любезную Залесскую сторону, взяв с собой из Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впоследствии получила такое важное значение в Русской Истории, и ныне составляет первую Московскую святыню, под именем Владимирской.

Предположения Андреевы оправдывались беспрестанно: через год начались новые смятения в Русской земле.

Юрий хотел воспользоваться междоусобицей Мстиславичей, чтобы низложить противного ему Мстислава Изяславича (1157). Ему хотелось достать Владимир для племянника Владимира. Еще отцу его Андрею, своему младшему брату, Юрий обещал перед кончиной

удержать волость его за сыном. Давыдович и Ольгович вызывались идти с ним, но зять Ярослав Владимиркович отговорил брать их с собой, чтобы не предоставить им участия в успехе. Союзники осадили Владимир, но безуспешно.

Юрий должен был отступить, и, дойдя до Дорогобужа, сказал своему племяннику: «Сыну, я целовал крест с твоим отцом, а моим братом Андреем на том, чтобы тот из нас, кто останется в живых, был отцом для обоих детей и удержал их власть; после я целовал крест тебе, чтобы иметь тебя сыном, искать тебе Владимира. Мне не удалось теперь исполнить это обещание, но вот тебе волость». И он дал Владимиру Дорогобуж, Пересопницу и все Погоринские города.

Тогда же хотел он выдать любезному зятю своему Ярославу Берладника, приведенного из Суздаля в оковах. Этот сонаследник Галицкого княжества, изгнанный еще Владимирком из своего удела, служил Юрию. Ярослав уже прислал за ним дружину, но митрополит и игумены убедили Юрия не делать того: «Не грех ли тебе, продержавши его в такой нужде, после крестного целования, отдавать теперь на убийство!»

Юрий послушался и отправил Берладника назад в Суздаль, но Изяслав Давыдович перехватил его на пути и увез в Чернигов.

Черниговский князь замышлял вновь рать на Юрия, сговорился с Мстиславом Изяславичем и примирил самого Ростислава, который послал к нему своего старшего сына Романа. Только Святослав Ольгович не согласился идти без причины на великого князя киевского. Изяслав собрался напасть на Киев, как вдруг получил известие о кончине Юрия, который пировал у осменика Петрила, и в ту же ночь занемог, а через пять дней умер, 13 мая, в среду (1138), и наутро в четверг положен в монастыре Святого Спаса. Двор его красный был разграблен, и другой, за Днепром, который назвал он Раем, также двор сына его Василька. Много суздальцев перебито по городам и селам, а товары их расхищены. Киевляне послали звать Изяслава Давыдовича: «Иди князь, Юрий умер». Изяслав прослезился, сказав: «Слава тебе, Господи, рассудившему меня с ним смертью, а не кровопролитием».

Изяслав Давыдович вступил в Киев (1158) в троицкое воскресенье, 19 мая, предоставив Чернигов племяннику Святославу Владимировичу, со всем полком своим, но принужден был отменить это распоряжение.

Великий князь киевский, вероятно, желая угодить своим

союзникам Мстиславичам и задобрить их, пошел вместе с ними искать Владимиру Мстиславичу Туров, доставшийся, наконец, представителю старшего Изяславова рода, Юрию, сыну того несчастного Ярослава, который, незадолго перед своим старшинством, обладая великой силой, погиб изменой при осаде Владимира. «Многу мольбу творил» Юрий Ярославич, выслав из города к Изяславу и прося: «Брате, прими мя в любовь к себе». Изяслава не трогали его мольбы, но хотел непременно взять Туров и Пинск.

Впрочем, он не успел в своем намерении, простояв десять недель около города; конский падеж заставил снять осаду. Возникла новая война за Берладника. Ярослав галицкий не считал себя твердым на своем столе, пока жив был этот законный наследник и притязатель на целую половину Галицкого удела, находившийся под покровительством великого князя киевского. Он подговорил всех князей русских и даже лядских, самого венгерского короля, чтобы они были помощниками ему против Ивана, и все они обещали, отправили каждый особых послов в Киев, требовать у Изяслава выдачи. Изяслав переспорил всех, дал отказ начисто и вскоре начал собираться идти войной на Галич, предупреждая нападение Ярослава с союзниками. Он послал просить помощи у Святослава Ольговича черниговского и предлагал ему за нее Мозырь и Чечерск.

Тот отвечал: «Я гневался на тебя, брат, что ты не исправил мне Чернигова и волости, но лиха тебе не желал; если враги грозят тебе войной, то избави меня Боже теперь ссориться с тобой. Ты брат мне, — дай нам Бог пожить с тобою в добре».

Вслед за Святославом и прочие Ольговичи целовали крест между собою на вечную любовь.

Они послали послов к противникам объявить им о своем союзе, и те вынуждены были отложить свое намерение идти войной на Киев.

Но Изяслав, ободрившись таким оборотом обстоятельств, задумал сам начать ее, себе на беду; он объявил, что ищет Галича Ивану Берладнику, к чему побуждали его, впрочем, сами галичане. Они обещали покинуть Ярослава и передаться ему, лишь покажутся киевские стяги.

Святослав Ольгович долго отговаривал Изяслава: «Кому, брат, ищешь волости — брату или сыну; лучше бы тебе не затевать спора; дело другое, если бы шли на тебя — тогда и я с племянниками готов бы был вступиться».

Изяслав не слушал и шел.

Еще на дороге Святослав послал к нему Георгия Ивановича, Шакушаня брата, который нагнал его в Василеве и сказал решительно: «Не велит тебе брат починать рати, воротися».

Изяслав с гневом отвечал послу: «Буди ему ведомо, что не ворочусь я ни под каким видом, — я уже пошел; да скажи ему еще вот что: если он сам не идет и племянников не отпускает, то чтобы берегся: не поползти бы ему из Чернигова к Новгороду, если я, Бог даст, слажу с Галичем. Пусть он тогда не пеняет на меня».

Изяслав, дойдя Мунарева, остановился в ожидании племянника, которого он послал за дикими половцами.

Здесь он услышал, что Мстислав, Владимир и Ярослав с галичанами идут к нему навстречу на Киев.

У Василева присоединились к нему половцы, и он подступил к Белгороду, уже занятому Мстиславом с братьями, объявившими, что ищут Киева Ростиславу смоленскому.

Под Белгородом пришли к Изяславу новые толпы половцев: Башкорд, отчим Святослава Владимировича (мать его бежала к половцам и вышла там замуж).

Изяслав, показав осажденным полки свои, велел им оставить город, но те в продолжение 12 дней не двигались с места, а между тем обнаружилась измена в полках Изяслава: берендеи, делая вид, что ездят к городу биться, начали переговариваться с его противниками. Поимав в зажитье мужа Мстислава, Козму Сновидича, они послали в город этого отрока, написав свое письмо: «У нас, князь, для тебя и добро, и зло: если ты хочешь любить нас, как любил твой отец, и дашь нам по хорошему городу, то мы отступимся от Изяслава».

Мстислав обрадовался предложению: в ту же ночь отправил к ним, с присланным отроком, своего мужа Олбыря Шерешовича, обещать им все, чего они желают.

В полночь все торки и берендеи с криком бросились к городу. Изяслав догадался об их измене, поскакал к их товарищам, а те уже пылали, зажженные перед сдачей. Он должен был искать спасения в бегстве, с племянниками — Святославом Владимировичем и Владимиром Мстиславичем, и пустился на Вышгород к Гомию, куда прибежала к нему и жена его: она ушла из Киева в Переяславль к зятю Глебу, оттуда на Глебль, Хоробор, Ропеск; в Ропеске принял ее с честью Ярослав Всеволодович и проводил в Гомий к Изяславу.

Изяслав пошел на вятичей, взял на щит город Святославлев, и оттуда занял всю сторону, мстя Святославу Ольговичу за то, что ни сам он не ходил к нему на помощь, ни сына не пускал.

А тот, в свою очередь, захватил имущество бояр Изяслава, пленил их жен и не отпускал без выкупа. Много товара Изяславовой дружины захватил и Мстислав, золота и серебра, челяди, коней и скота, что все препроводил во Владимир.

Из половцев, бежавших из-под Белгорода на Юрьев, многие перехвачены берендеями и юрьевцами, многие утонули в Роси.

Союзники Мстислава, Владимир и Ярослав, вступили в Киев 2 декабря и послали за Ростиславом, «вабяче и Киеву», так как и прежде целовали ему крест: «яко тебе его ищем».

Ростислав отвечал им с Иваном Ручешником и Якуном, смоленским и новгородским мужем: «Если вы в правду зовете меня с любовию, то я иду в Киев на свою волю, чтобы вам иметь меня отцом себе в правду и слушаться. Вот что я вам объявляю: не хочу видеть Клима на митрополии — он не взял благословения у патриарха и святой Софии».

А Мстислав крепко стоял за Клима и твердил, что не хочет Константина, который проклинал его отца.

С тяжкими речами поехал Иванко в Смоленск к своему князю, приславшему старшего сына Романа договариваться. Долго спорили они между собою, и, наконец, положили, отстранив обоих, привести третьего митрополита из Царьграда.

На светлый праздник, 12 апреля (1160), вступил Ростислав в Киев и встречен был людьми с великой честью, которые радовались вдвойне: Воскресению Господню и княжему сидению.

1 октября назначен был съезд со Святославом Ольговичем в Моровийске. Князья свиделись с великой любовью, обедали вместе и пировали. Дарам взаимным не было счета. Ростислав одарил Святослава соболями, горностаями, черными кунами, песцами, белыми волками, рыбьими зубами. Святослав принес Ростиславу пардуса и двух коней борзых в кованых седлах.

Изяслав Давыдович, потеряв и Чернигов, и Киев, почти лишенный убежища, не мог быть спокойным. С призванными половцами он явился под Черниговом, но вследствие помощи, присланной туда великим князем Ростиславом, должен был отойти без успеха. Долго скитался по окрестным местам, пытался напасть изъездом на разные города, воевал села, наконец, ушел к племяннику

своему во Вщиж, оттуда искал покровительства Андрея и просил его дочери в супружество Святославу Владимировичу. Русские князья, пришедшие осаждать его, услышав, что Изяслав Андреевич идет на помощь, дали мир.

На следующий год (1161) Изяславу удалось составить большой союз против великого князя Ростислава: он подговорил Всеволодовичей, потом пристал к нему Олег, сын Святослава Ольговича, и вот по какому случаю: великий князь Ростислав, сблизившись со Святославом, упросил его отпустить в Киев «детя Олега», чтобы он познакомился с лучшими киевлянами, торками и берендеями. Святослав отпустил сына, не питая никакого подозрения. Олег, придя к Ольжичам, послал спросить великого князя, где ему стать. Тот указал место около Олеговой могилы, а сам стоял у Шелвова сельца под бором. Два дня обедал гость у великого князя. На третий, когда он выехал на поездьство, остановил его один Ростиславов муж: «Князь, у меня есть до тебя орудие велико (важное дело). Обещаешь ли мне не открывать никому, что я скажу тебе?» Олег обещал. «Князь, будь осторожен, тебя хотят захватить, верно так». Олег поверил и стал проситься у Ростислава в Чернигов к отцу, под предлогом болезни матери. Ростиславу не хотелось отпустить его так скоро, он не соглашался, не имея лиха в сердце, но, наконец, отпустил. Олег, возвратясь, скрыл от отца извет, но втайне сердился и начал проситься в Курск.

Здесь нашли его Изяславовы послы, приступили к нему с любовными речами и убедили к союзу, к которому должен был пристать поневоле и отец его Святослав Ольгович.

Половцев к Изяславу пришло множество. Все союзники выступили в поход, один Святослав оставался в Чернигове. Изяслав подошел сначала к Переяславлю, на Глеба, зятя своего, веля ему идти на Ростислава, но Глеб отказался, и, простояв две недели под Переяславлем, враги отошли прочь без успеха. Между тем, Ростислав собрался с силою и вступил против них вперед. Половцы бежали, а за ними и Изяслав.

Но, спустя некоторое время (1162), он явился с другой стороны. С новыми ватагами половцев он перешел Днепр за Вышгородом и стал на болонье в лозах, против Дорогожича. Наутро, 8 февраля, в среду, выстроив полки с братьями, Изяслав приступил к подолу. Место от горы до Днепра было загорожено кольями. Ростислав стоял там с Андреевичем. Началась сеча. С обеих сторон падали многие.

Страшно было смотреть издали, как будто второе пришествие наступало. Изяслав начал одолевать. Половцы, прорываясь через колья, проникали в город и зажигали дворы. Берендеи побежали к Угорскому, а другие к Золотым воротам. Дружина Ростислава начала советовать: «Князь, бороться нет силы, братья не успели придти к тебе, ни берендеи, ни торки, а у врагов сила велика. Ступай лучше в Белгород и там дождись братьев со всеми своими полками».

Ростислав послушал дружину и отошел к Белгороду с полками своими и с княгинею, где в тот же день подоспел к нему Ярослав, сыновец его, с братом Ярополком, а Андреевича отправил он к торкам и берендеям.

Изяслав вступил в Киев в третий раз, 12 февраля, и, отпустив всех плененных киевлян, пошел под Белгород.

В это время случилось знамение в луне страшное и дивное: луна шла через все небо, от востока до запада, изменяя образы свои, сначала убывала понемногу, а потом погибла вся, явясь скудной, черной, наконец, открылась кровавой, потом с двумя лицами, одно зеленое, а другое желтое, в середине же словно два воина бились мечами; у одного шла из головы как будто кровь, а у другого молоко. Старые люди говорили: не к добру такое знамение — оно предвещает княжую смерть, что и случилось.

Изяслав стоял перед детинцем четыре недели, а острог до него еще пожог сам Ростислав.

Святослав присылал из Чернигова уговорить Изяслава, чтобы он просил мира, а «если не дадут тебе мира, иди за Днепр; будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». Изяслав не принял совета и отвечал: «Братья мои, отойдя, воротятся в свои волости, а мне не к половцам идти; в Вырине могу я голодом мерети; так лучше здесь я хочу погибнуть».

Все союзники начали подходить к Белгороду: Мстислав из Владимира, Рюрик из Торческа, берендеи, ковуи, торки, печенеги. Дикие половцы устерегли приближение, и, пригнавши к Изяславу, поведали ему рать велику.

Изяслав оробел и увидел себя вынужденным искать спасения в бегстве. Князья за ним. Торки нагнали его возы, и началась сеча, многих взяли руками, Шварна, обоих Милятичей, Степана и Якуна, Нажира Переяславича. Изяслав был настигнут за озерами, при въезде в бор. Войбор Негечевич ударил его саблей, другой ударил копьем. Он упал с коня, его принесли к Ростиславу. Ростислав начал

говорить: «Мало тебе было, брат, волости Черниговской, ты выгнал меня из Киева, мало тебе было и Киева, ты хотел выгнать меня даже из Белгорода». Изяслав ничего не отвечал, лежащий, и только попросил воды. Ему подали вина, Мстислав отправил его, еле живого, в монастырь к святому Симеону, в Копыреве конце, где он и скончался 6 марта. Тело его отвезено в Чернигов. Святослав положил его в отцовской церкви, у Св. мучеников, 13 марта, в понедельник.

Ольговичи поцеловали крест Ростиславу, но победители вскоре не поладили между собою: главный деятель, Мстислав, поссорился с дядей, многие речи встали между ними, и он, раздраженный, оставил Киев. Сын Ростислава Давыд, без отцовского приказа, в Торческе захватил посадника Мстиславова Вышка.

Мстислав ходил на дядю Владимира Андреевича, веля ему отступиться от Ростислава, но тот не согласился.

Ольговичи, поцеловав крест Ростиславу, напали, однако, также на его брата Владимира, вместе с полоцкими князьями, и заставили его уступить им Случеск. Он удалился к Ростиславу, который дал ему Триполь с четырьмя городами.

В следующем году (1163) великий князь помирился с племянником и вернул ему все города, Торческ и Белгород, а за Триполь дал Канев.

Остальное время княжения Ростислава прошло довольно спокойно, и с туровским князем был заключен мир.

В Новгороде княжил сын Ростислава, Святослав, с согласия суздальского великого князя Андрея, с которым великий князь киевский был в союзе.

Сильно поразила Ростислава смерть ровесника его, вначале противника, а потом верного союзника, Святослава Ольговича, 3 февраля (1164), в Чернигове, так что он намеревался тогда же оставить княжение: «Хотел бых свободитися от маловременного и суетного света сего, и мимотекущего, многомятежного житья сего». Печерский игумен Поликарп, особенно им почитаемый, отговаривал его: «Вам Бог тако велел быти, правду деяти на сем свете, в правду суд судити, и в крестном целовании стояти». Ростислав отвечал: «Отче! Княжение и мир не может без греха быти, а уже есмь был немало на свете сем, а хотел был поревновати». «Если так тебе угодно, сказал игумен, да исполнится воля Божия». «Прежду еще мало времени, заключил великий князь, суть ми орудьица».

В Чернигове начались распри по кончине Святослава Ольговича,

и великий князь Ростислав вступился за своего зятя (Олег был женат на его дочери), который и получил, наконец, четыре города.

Половцы, до того спокойные после участия в войнах Юрьевых, и победы над ними Мстислава Изяславича, услышав о раздоре князей между собой, подошли к порогам и начали грабить гречников, т. е. купцов, торговавших в Греции. Великий князь послал Владислава Ляха с ратью защитить гречников.

В следующем году (1168) он призвал всех союзных князей в Киев для той же цели. Пришел Мстислав из Владимира, Ярослав, брат его, из Луцка, Ярополк из Бужска, Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич, Глеб Юрьевич, Рюрик, Давыд, Мстислав, сыновья великого князя, Глеб городенский, Иван Юрьевич (туровский?), галицкая помощь. Все собранное войско стояло долгое время у Канева, пока не взошли гречники и залозники.

Ростиславу хотелось помирить новгородцев с сыном его Святославом, с которым они начали ссориться. Для того предпринял он путешествие в Новгород. По дороге, в Чечерске, встретил зять его Олег Святославич, со своей женой. Они угостили тестя обедом и почтили великими дарами. На другой день Ростислав пригласил их к себе на обед и предложил им еще больше даров: перед Смоленском за триста верст начали встречать его лучшие мужи, потом внуки, а, наконец, и сын Роман с епископом Мануилом. Перед въездом чуть не весь город вышел к нему навстречу. Так обрадовались смольняне старому своему князю, княжившему у них около сорока лет. Множество даров принесено ему было на поклон.

Из Смоленска Ростислав пошел в Торопец, но, чувствуя себя весьма нехорошо, велел сыну выехать к нему навстречу на Луки. На Луках повидался он с сыном и новгородцами, которые принесли ему великие дары и целовали ему крест иметь сына его князем и другого князя не искать до его смерти. Оттуда возвратился он в Смоленск.

Сестра, видя его изнемогающего, убеждала остаться в Смоленске. «Нет, отвечал Ростислав, я не могу лечь здесь. Везите меня в Киев. Если умру в дороге, положите меня с отцовским благословением у святого Феодора. Если же Бог освободит от болезни, я постригусь в Печерском монастыре».

По пути из Смоленска, в Зарубе, селе Рогнеды, болезнь усилилась, Ростислав почувствовал себя очень дурно и сказал покладнику своему Ивану Фроловичу и Борису Захарьевичу: «Позовите ко мне Симеона попа. Пусть сотворит молитву надо

мною». Смотря на икону Божией матери он тихо молился: «Милостивая госпожа, милостью своей помилуй меня, грешного раба своего Михаила, воздвигни меня из глубины греховныя и спасения сподоби». Слезы лились у него из глаз. Он отер их убрусцем и тихо произнес: «Ныне отпусти раба своего по глаголу твоему с миром». Скончался 14 марта 1169 г., а 21 положен в отцовском монастыря в Киеве.

Сыновья Ростислава, вместе с братьями его Владимирами, родным и двоюродным, решили призвать на великокняжеский стол Мстислава, но до его прибытия поцеловав между собой крест, разделили между собою волости, — всякий взял себе что хотел: Владимир Мстиславич взял Торческ со всем Поросьем, Владимир Андреевич Берестий. Владимир предоставлялся Ярославу Изяславичу. Несколько уделов отдано Ростиславичам. Киевские владения уменьшались, таким образом, более и более.

Присланный Мстиславом вперед Василько Ярополчич с тиуном проведал о тайном договоре и дал знать о нем во Владимир. Мстислав уведомил своих союзников: Ярослава галицкого, ляхов, Всеволодовичей, «являя твердь братьи» (объявляя о твердом своем намерении), и звал их на помощь.

Ярослав немедленно прислал к нему пять полков. В Микулин пришли берендеи, торки, печенеги, все черные клобуки. Мстислав двинулся.

Владимир Мстиславич вышел, между тем, из Триполя, с женой и матерью, и занял Вышгород.

Мстислав Васильевским путем вскоре достиг Киева и взял ряд с братьями, с дружиной и киевлянами.

На другой день он обратился к Вышгороду и пустил берендеев на вороп.[14]

Начались схватки. Много падало с обеих сторон. Послы ходили между князьями с речами о мире и, удалившись о волость, наконец, они поцеловали крест: Владимир, Давыд, Рюрик, Мстислав. Мстислав, 13 мая 1167 г., в понедельник, вступил в Киев. Владимир должен был вернуться в Триполь, а Вышгород отдан Давыду.

Но дядя, издавна враждебный Мстиславу, еще держал зло на уме. Муж Давыдов, Василь Настасич, проведал это и сказал своему князю, а тот Мстиславу.

---

[14] Вороп — налет, набег, нападение. *Примеч. ред.*

Владимир, поняв, что известны Мстиславу замыслы его, приехал оправдываться и остановился в Печерском монастыре. Туда прибыл и Мстислав, велел ему сидеть в экономовой келье, а сам сел в игуменовой и послал спросить его: «Брат, зачем ты приехал, я не посылал за тобой». Владимир, с дьячком Имормыжем, отвечал: «Брат, я слышал, что на меня наговаривают злые люди». Мстислав сказал: «Я слышал про то от брата Давыда». Послали в Вышгород, за Давыдом, который прислал Василя, приставив к нему Радила тысяцкого и Василия Волковича.

Мстислав приехал через три дня в Печерский монастырь, и Владимир прислал мужей своих Рагуила и Михаля, которые начали препираться с Василем, а за Василя вышел Давыд Боринич.

Дело было ясно. «Брат, сказал Мстислав, ты целовал мне крест, и губы еще не обсохли. Отцы наши говорили: Бог тому судья, кто преступит крестное целование; целуй опять, если не хочешь лиха и на меня ничего не думал».

Владимир сказал: «Рад, целую, — то все на меня лжа». Мстислав отпустил его в Котельницу, но он не смирился и продолжал свои замыслы, сносился с берендеями, и, получив от них обещание, открыл мысли свои Рагуилу Добрыничу, Михалю и Завиду. Те отвечали: «Ты, князь, задумал о себе. Мы ничего не знали и не едем за тобой». Владимир, взглянув на своих детских, сказал: «Ну, так они будут моими боярами», — и отправился на соединение с берендеями ниже Ростовца. Те увидели его одного: «Что же ты говорил нам, будто все братья с тобой, и Андреевич Владимир, и Ярослав, и Давыд! А ты едешь один и без мужей. Ты обманул нас! Так лучше нам в свою голову, чем в чужую», — и начали пускать в него стрелы. «Не дай Бог поганому поверить, воскликнул горестный Владимир, пропал я душой и телом». Он побежал. Детских его перебили берендеи около него. Он пустился к Дорогобужу, куда прежде убежала жена его. Владимир Андреевич занял мост через Горину и не пустил его к себе. Он должен был искать спасения уже не на Руси и поворотил к радимичам к Суздалю; Андрей выслал к нему навстречу сказать: «Иди в Рязань к отчичу своему к Глебу, я тебя наделю». Владимир пошел туда, оставя жену с детьми у Всеволожей в Глухове. Мстислав выслал мать его, вдову деда Мстислава: «Ступай в Городок, а оттуда куда тебе угодно; не могу жить с тобою в одном месте, потому что сын твой ловит головы моей, переступая крест».

Вложил Бог в сердце Мстиславу Изяславичу (1168) мысль благую

о Русской земле, которую любил он всем сердцем, и созвал он всех братьев своих, начал думать с ними и сказал: «Братья, пожалейте о Русской земле и о своей отчине-дедине, которую на всякое лето несут поганые в вежи свои, с нами роту взимаюче и всегда переступаюче. Вот они уже отнимают у нас и Греческий путь, и Соляный, и Залозный; хорошо бы нам, братья, поискать отцов и дедов своих пути и своей чести, воззряче на Божию помощь». И была эта речь угодна всей братии и мужам их. Они отвечали: «Буди так. Дай Бог нам за христиан и за Русскую землю сложить свои головы, и к мученикам причтеным быти».

Мстислав послал к Ольговичам в Чернигов и велел им быть с собою. Тогда Ольговичи были в союзе с Мстиславом. И собрались все братья в Киеве: Рюрик из Вручего и Давыд из Вышгорода; Всеволодовичи Святослав и Ярослав, Олег Святославич, брат его Всеволод, Ярослав из Луцка, Ярополк, Мстислав Всеволодович, Глеб из Переяславля, брат его Михаил и многие другие. Воззрев на Божию помощь и силу честного креста, вышли они из Киева 2 марта, в субботу, на средокрестной неделе.

Ярополк, брат Мстислава, был очень болен, но не хотел отстать от своих братьев. В Тумаще начала одолевать его болезнь, а Мстислав был уже за Каневым. К нему послана весть о болезни брата. Мстислав велел игумену Поликарпу и попу Данилу ехать к брату, и если он умрет, похоронить его у святого Федора. Он скончался в четверг, 7 марта.

Князья шли девять дней. Половцы, услышав от кощея[15] от Гаврилки Ивановича, что идут на них все князья русские, побросали своих жен и детей и побежали. Князья пустились за ними в погоню, оставив у своих возов Ярослава Всеволодовича, настигли их у Черного леса и, прижав к лесу, одних перебили, других взяли в плен; Бастеева чадь и другие гнали их даже за Оскол. Станы по Углу и по Снепороду были захвачены; столько досталось полона от половцев, что всем русским воинам «наполнитися до изобилия» и пленниками, и чагами, и детьми их, и челядью, и конями, и скотиной. Освобожденные христиане отпущены были на волю.

Князья, съехавшись, осмотрели полки свои и увидели, что все с Божьей помощью были здоровы, и из всех полков был убит только Коснятин Васильевич, Ярунов брат, да седельник Ярослава

[15] Кощей — смерд. *Примеч. ред.*

Изяславича, и взят в плен Коснятин Хотович. Похвалив Бога, с радостью великой, вернулись князья домой на самое Воскресение Христово, и людям была двойная радость: Воскресение Господне и возвращение князей с победой и славой. Братья, однако, втайне сетовали на Мстислава.

Вскоре опять князья все собрались в Киеве. Мстислав сказал: «Братья, мы сделали много зла половцам, вежи их поимали, детей полонили и увели стада; они будут пакостить нашим гречникам и залозникам. Поедем навстречу гречникам». Князья пошли в поход и стали у Канева.

Все было согласно и мирно, но злые люди посеяли раздор. Петр и Нестер Борисовичи начали вести злые речи Давыду на Мстислава. Они сердились на него за то, что Мстислав отпустил их от себя, по вине их холопов, которые украли коней в Мстиславовом стаде.

Давыд поверил и передал навет брату Рюрику: «Приятели поведали мне, что Мстислав хочет нас взять». Рюрик возразил: «За что же? Ведь он недавно целовал нам крест». Наветники говорили: «Мстислав будет звать вас на обед, тут и будет ваше ятье, и слова наши оправдаются». Мстислав не имел о том никакого понятия, питая к братьям совершенную любовь. Он действительно послал звать их к себе на обед, а те отвечали: «Поцелуй прежде нам крест, чтоб не замыслить на нас лиха, так мы придем к тебе». Мстислав удивился и объявил о требовании дружине своей. Дружина отвечала: «Без дела, князь, велят тебе братья целовать крест. Мы знаем твою любовь к ним. Верно, злые люди, завидуя братской любви, придумали лихо; злой человек хуже беса: бес того не замыслит, что замыслит злой человек. Скажи братьям, что ты крест целуешь, а они чтоб выдали тебе, кто вас сваживает».

И послал Мстислав послов Давыду с той речью. Давыд отвечал: «Кто же мне будет говорить и предостерегать меня, если я выдам». Мстислав поцеловал к ним крест, и они поцеловали, но сердце их не было с ним.

Владимир Андреевич начал требовать волости. Мстислав, поняв, что просит он волости изветом, отвечал: «Давно ли ты крест целовал и волость взял у меня».

Тот разгневался и пошел к Дорогобужу.

Новгородцы, между тем, прогнав от себя Святослава Ростиславича и поссорясь с Андреем, прислали к Мстиславу просить у него сына Романа. Ростиславичи рассердились еще более на

Мстислава и начали сноситься между собой и с великим князем суздальским Андреем, который не любил его всегда, а теперь еще более, за отправку новгородцам сына против его воли. Все князья поклялись крестом между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андрея: к полкам ростовским, суздальским, владимирским, со старшим сыном его Мстиславом, присоединились Роман из Смоленска, Глеб из Переяславля, Олег Святославич и брат его Игорь черниговские, Владимир из Дорогобужа, Рюрик из Вручего, Давыд из Вышгорода, брат его Мстислав, брат Андрея Всеволод Георгиевич, племянник Мстислав Ростиславич, всего 11 князей. Главным воеводой послан был Борис Жирославич. Сам Андрей не пошел, уверенный, что дело обойдется успешно и без него.

Все полки соединились в Вышгороде и на второй неделе поста осадили Киев. Мстислав затворился и бился крепко из города. Помощников у него не было никого, кроме торков и берендеев, и те льстили под ним. Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабела: «Что, князь, стоишь? говорила она ему, нам их не перемочи». Мстислав не мог противиться долее: с четвертого приступа город был взят, и сын Изяслава должен был оставить Киев. Бастеева чадь погналась к Василеву, стреляя в плечи ему, и захватила многих из его дружины: Дмитра Хороброго, Олекса дворского, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тиуна его, и многих других. За Уновью Мстислав соединился с братом Ярославом, и оба поспешили во Владимир, а жена его и дети достались в плен победителям.

Киев был взят в марте 1169 г., на второй неделе поста. Сборная рать бросилась грабить по горе и подолью. Суздальцы, смольняне, черниговцы и Олегова дружина хватали ризы, иконы, книги, колокола из Десятинной церкви, от Святой Софии. Дома, церкви и монастыри загорелись. В монастыре Печерском показался было огонь, но пожар был потушен. «И бысть в Киеве, говорит тамошний летописец, стенание и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные. Сия же вся содеявшаяся грех ради наших».

А суздальский летописец почитает это бедствие наказанием за митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополит незадолго перед тем наказал печерского игумена Поликарпа, не веля ему есть молока и мяса в господские праздники, что казалось страшным грехом, привлекшим общее тяжелое наказание.

Мстислав (Андреевич), разумеется, по мысли и воле своего отца, посадил в Киеве дядю Глеба Юрьевича; никто не смел противиться, хотя и был еще в живых старший двоюродный брат. Сын Андрея вернулся во Владимир с честью и славой великой.

Глебу досталось на долю мало покоя в Киеве. Сначала потревожили его половцы. Подойдя к нашим пределам, они разделились на две части: одна обратилась к Переяславлю и стала у Песочна, другая по той стороне Днепра, к Киеву, и стала у Корсуня. Они послали сказать Глебу, что хотят положить мир между собою, «внидем в роту, да ни вы начнете боятися нас, ни мы вас». Глеб рад был идти к ним на сейм и посоветовался с дружиной: с которыми договариваться прежде? Решено начать с переяславских, с целью сохранить город, предоставленный сыну Владимиру, которому было только 12 лет. Так и дал он знать стоявшим под Киевом, обещая придти к ним немедленно. А они, не дождавшись его, пустились воевать, заняли Полоной, город десятинный святой Богородицы, и Семыч, взяли сел без числа, с людьми, мужами и женами, конями, овцами, скотом, и погнали восвояси. Глеб на пути к ним в Корсунь, по замирении переяславских половцев, узнал, уже на Перепетовом поле, об их предательстве, и хотел тотчас погнаться за ними, но берендеи его не пустили, взяв коня его за повод: «Не надо, тебе лепо ездить только в великом полку, а теперь пусти пока нас с которым-нибудь из твоих братьев». Глеб дал им брата Михалка с сотней переяславцев, а их пошло полторы тысячи. Михалко послушался брата и пошел без своей дружины, которая даже и не знала о его походе. Они обошли сначала сторожей половецких, 300 человек, и побили одних, других пленили; от пленных узнали, что за ними идет половцев 7000 и решили их перебить, «а то они станут нам первыми ворогами, когда дойдет дело до драки с теми; нас же мало». Перебив пленников, двинулись вперед, встретились вскоре, сразились и одолели, а полон отняли: «Сколько есть еще ваших позади?» спросили они. «Теперь идет великий полк». Уповая на крест честный, наши решились схватиться и с большим полком. Переяславцы, «дерзки суще», бросились с Михалком, но берендеи повернули его назад: «Ты наш город, не езди вперед, мы поидем». У поганых было 900 копий, а у наших 90. Сеча была зла. Половцы убили нашего знаменосца и сорвали челку со стяга. Произошло замешательство. Воевода Володислав, Янев брат, решил взять стяг Михалков и навязал на него прилбицу. Кучей бросились все на половцев и убили

знаменосца половецкого; сам Михалко был ранен двумя копьями в бедро, а третьим в руку, наконец, половцы побежали с князем Тоглием. Наши, погнавшись, взяли полторы тысячи пленных. И вернулся Михалко с победой и честью великой в Киев. Победа приписана была в Киеве покровительству Божией Матери десятинной, владения которой были опустошены половцами, «да аще Бог не даст в обиду человека проста, егда начнут его обидети, аже он своее Матери дому» (1170).

Едва Глеб справился с половцами, как у него появился новый враг, Мстислав, столь же деятельный, беспокойный, как и его отец. Он хотел управиться с Глебом, как Изяслав управился с его отцом Юрием. По удалении из Киева, он воевал на Волыни и, получив помощь из Галича, двинулся с союзными войсками на Киев.

Между тем, Владимир Андреевич скончался в Дорогобуже; тело было привезено в Вышгород. Глеб выслал игумена печерского Поликарпа и Симеона, от Св. Андрея, проводить его до Киева. Давыд не отпустил с ними княгини, своей ятрови,[16] опасаясь воинов Мстислава, о которых только тогда услышал. Дружина Владимира сама отказалась идти, в страхе от мщения киевлян. Игумены просили собственной Давыдовой дружины: некому ни коня вести, ни стяга нести. Давыд отвечал: «Честь его и стяг его с душой отошли. Возьмите попов мученических». Владимир был погребен 13 февраля, в субботу, в первую неделю поста.

Великий князь, не надеясь справиться с Мстиславом, оставил Киев и ушел в Переяславль.

Мстислав соединился с торками и берендеями в Триполе, и потом занял оставленный Киев, взял ряды с пришедшими вместе с ними братьями и киевлянами.

Из Киева пошел Мстислав в Вышгород, пустив своих на вороп. У Давыда было много дружины своей и братьев. Он занял острог заранее и отразил нападение, Глеб прислал к нему в помощь Григорья тысяцкого с полком, пришел Кончак с родом своим, дикие половцы, а Мстислава оставила вспомогательная дружина галицкая, может быть, подкупленная, представя ложную грамоту, будто бы написанную от князя Ярослава, чтобы им не стоять под Вышгородом более пяти дней. Мстислав объяснил братьям о своем положении; он находился тогда перед Золотыми воротами, и все решили идти восвояси, чтобы,

---

[16] Ятровь — жена деверя или шурина. *Примеч. ред.*

отдохнув, придти вновь, тем более, что сам Глеб спешил через Днепр, на помощь к Давыду, а на черных клобуков надеяться было нельзя. Мстислав отступил в понедельник на второй неделе по Пасхе. Давыд послал за ними в погоню Владислава Ляха, который догнал их у Болохова и долго провожал стрелами.

Глеб отпустил половцев в степи. Они остановились за Василевым у седельников, дожидаясь свою дружину, а Василько Ярополчич, союзник Мстислава, напал на них из Михаилова, впрочем, был разбит ими, соединившимися с седельниками. Глеб, в свою очередь, сжег его город и раскопал гроблю.

Мстислав, среди сборов на Глеба, умер, 19 августа 1170 г. Вскоре за ним последовал и Глеб, 20 января 1171 г.

Ростиславичи, княжившие вокруг, во Вручем, в Вышгороде, в Торческе, призвали по праву Владимира Мстиславича из Дорогобужа, «вабяче и» в Киев на стол. Он, нарушив клятву к союзникам своим, к Ярополку и Мстиславичам, отдал Дорогобуж сыну Мстиславу и, пришед в Киев тайно, сел на столе 18 февраля, на масленице.

Андрею, великому князю суздальскому, не любо было, что Киев, взятый им и отданный брату, теперь, после смерти Глеба, предоставлен без его воли Владимиру; он велел, без всяких околичностей, новозванному великому князю идти из Киева назад в Дорогобуж.

Владимир Мстиславич не успел исполнить приказания и скончался 30 мая 1171 г., на русальной неделе в воскресенье. «Се же много подья беды, бегая перед Мстиславом, або в Галичь, або в Угры, або в Рязань, або в Половцих, за свою вину, зане же не устояше в крестном целованье; тако бо бяше ко всей братьи своей вертлив».

В начале июля в Киев прибыл Роман Ростиславич из Смоленска, по приказу Андрея. Половцы воевали по Роси и набежали на Переяславль, но были отражены Игорем Святославичем северским, который отпраздновал праздник Бориса и Глеба в Вышгороде с Ростиславичами, представил им сайгат и был одарен ими.

Спокойствие внезапно нарушилось подозрением Андрея: ему сказали, что брат его Глеб умер в Киеве не своей, а насильственной смертью, изведенный такими-то киевскими боярами, и он потребовал их от Ростиславичей: «Выдайте мне Григория Хотовича, Степана и Олексу Святославца, — это враги всем нам».

Ростиславичи не хотели их выдать, и отпустили Григория от себя.

Рассерженный Андрей прислал сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею — иди же из Киева, а Давыд из Вышгорода. Ступайте в Смоленск и там делитесь между собою. Киев я отдаю брату Михалку».

Так был силен Андрей, что одного своего слова он считал достаточным, дабы выслать многих князей из их княжеств и произвести совершенно новое между ними размещение.

И этого слова было в самом деле достаточно: Роман, услышав его, собрался и беспрекословно выехал из Киева, а Рюрик, Давыд и Мстислав, огорченные, решили попытаться, не успеют ли сменить гнев Андрея на милость. Они послали сказать Андрею: «Брат! Правда, мы нарекли тебя отцом своим, целовали крест тебе, и стоим в крестном целовании, хотим добра тебе, а ты брата нашего Романа вывел из Киева, и нам кажешь путь из Русской земли, без всякой со стороны нашей вины. Но Бог и сила крестная над всеми». Андрей не дал им никакого ответа.

Между тем, Михалко, которому он назначил Киев, не пожелал переезжать туда, а послал меньшого брата Всеволода с племянником Ярополком.

Ростиславичи, видя, что им на Андрея надеяться нечего, сговорившись, внезапно напали ночью на Киев, захватили Всеволода и его племянника, всех бояр, и отдали Киев брату Рюрику, договорившись с Михалком.

Ольговичи черниговские, не терпевшие Ростиславичей, рады были этому случаю и послали своих мужей к Андрею, подговаривая его на ослушников: «Кто тебе ворог, говорили они, тот и нам ворог; мы готовы с тобою».

Андрей уже и сам «разжегся гневом» и послал Михна мечника с новым приказом в Киев: «Поезжай к Ростиславичам и скажи Рюрику: пусть он идет в Смоленск к брату в свою отчину; Давыду скажи: всё от него, я не велю ему быть в Русской земле!»

Мстислав (Ростиславич) привыкший с юности не бояться никого, кроме Бога, как говорит летописец, выслушав этот грозный приказ, велел перед собой остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь к своему князю, сказал он, и донеси ему: мы считали его до сих пор отцом себе по любви; но если он прислал тебя с такими речами ко мне, не как к князю, а как к подручнику и простому человеку, то я не хочу знать его. Что замыслил он, пусть и делает, а Бог за всем!»

Обруганный, обесчещенный посол явился во Владимир. Когда Андрей увидел его в таком положении, остриженного, без бороды, «образ лица его потускнел, говорит летописец, и взострися на рать, и бысть готов».

Все воины собрались на его зов: ростовцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, рязанцы. Сами новгородцы пришли с юным сыном его Георгием. Рать поручил Андрей опять испытанному воеводе Борису Жирославичу и велел ему Рюрика и Давыда выгнать из своей отчины, «а Мстислава взявши, не троньте и приведите ко мне».

Летописец, передавая эти слова, сам, кажется, вострепетал, и так при них рассуждает: «Андрей князь, толик умник сы во всех делех, добль сы, и погуби смысл свой невоздержанием, распалевся гневом, такова убо слова похвальна испусти!»

Когда ополчение проходило мимо Смоленска, князь Роман выслал сына со своими полками, вынужденный идти просить родных братьев, от страха перед Андреем.

Потом, по дороге, получив приказ, присоединились князья полоцкий, пинский, туровский, городенский; потом Ольговичи с полками черниговским и новгород-северским; наконец, братья Андреевы, Михалко и Всеволод, перед тем выпущенный из плена, племянники Ярополк и Мстислав Ростиславичи, Владимир Глебович переяславский.

Все князья и войско остановились у князя черниговского, Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совещания, и потом пошли на Киев.

Киев уже был пуст: Ростиславичи оставили его и разъехались по своим городам: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давыд уехал в Галич, просить помощи у родственного им Ярослава.

Князья, заняв оставленный Киев, поспешили к Вышгороду, где засел главный противник Андреев Мстислав, которого им было велено представить живого суздальскому великому князю.

Святослав Всеволодович черниговский, старший между всеми князьями, которых числом было двадцать, отрядил вперед Всеволода Юрьевича и Игоря с младшими князьями. Мстислав не унывал. Увидя подходившую рать, выстроил полки свои и вышел к ней навстречу. Полки те и другие ждали боя. Лучники сошлись и начали перестреливаться между собой. Приметив замешательство между

своими, Мстислав подскочил к дружине и воскликнул: «Братья, ударим, надеясь на помощь Божью и святых мучеников Бориса и Глеба!» Противники стояли тремя полками: новгородцы и суздальцы, и посередине Всеволод Юрьевич. Мстислав бросился на центр и потоптал его, а другие воины, увидя, что он всего только с кучкой дружинников, окружили его, и все перемешалось. «И было ужасное смятение, говорит летописец, и стон, и крик, и голоса незнаемые, лом копийный, и стук оружейный; от множества праха не видать ни конников, ни пешцев». Крепко бились враги и разошлись к ночи; впрочем, убитых, к удивлению, оказалось немного, а больше раненых. Таков был бой первого дня у Мстислава с Всеволодом, Игорем и другими младшими князьями. А назавтра пришли все силы, окружили город и начали ежедневно ходить на приступ; из города также выбегали биться часто. Мстислав держался. Много было в его дружине раненых и убитых добрых мужей, но он не думал сдаваться. Девять недель продолжалась осада.

На десятой неделе приходит на Ростиславичей Ярослав Изяславич луцкий со всей Волынской землей, но с тем требует себе старейшинства перед Ольговичами, которым Андрей предоставлял Киев. Ольговичи не уступают ему Киева, и своенравный Ярослав вступает в переговоры с Ростиславичами, договаривается о Киеве и переходит на их сторону. Кажется, и Святослава Всеволодовича черниговского, наконец, он тайно привлек к себе, обещая наделить впоследствии.

Между осаждающими разнесся слух, что галичане идут на помощь к Ростиславичам, и что черные клобуки готовы перейти на их сторону.

Как бы то ни было, по справедливой или мнимой причине, полки черниговские дрогнули и, не дождавшись рассвета, бросились через Днепр в великом смятении, так что и удержать их никому было невозможно, и множество потонуло в реке. За ними последовала и рать суздальская, которой одной нечего оставалось делать. Мстислав, увидев такое внезапное бегство, «никому не гонящу», выехал из города с дружиной, ударил на стан и взял множество колодников.

Много пота утер он, и много мужества показал он со своей дружиной, за то и наградил его Бог победой, паче всякого чаяния (1173).

Рать Андрея со стыдом возвратилась во Владимир.

Ярослав Изяславич луцкий занял Киев, но ненадолго. Святослав

черниговский начал просить у него наделенья по договору: «Помни первый уговор — ты говорил, если сядешь в Киеве, то наделишь меня, а если я сяду, то наделю тебя. Теперь ты сел, право ли, криво ли, надели же меня». Ярослав отвечал: «С чего тебе владеть в нашей отчине? До этой стороны тебе дела нет». Святослав возразил: «Я не угрин, не лях, мы внуки одного деда, сколько тебе до него, столько и мне; если не стоишь в первом ряду — твоя воля».

А сам, договорившись с братьями, внезапно напал на Киев. Ярослав, один, не смел затвориться и бежал, оставив даже жену и сына. Святослав захватил их и всю дружину, имения Ярославова без числа и увез все в Чернигов.

Ярослав, услышав, что Киев остался без князя, ограбленный Ольговичами, вернулся и, приписывая нападение Святослава подвоху киевлян, обложил их податью, чтобы выкупить жену и сына; обложил всех игуменов и попов, чернецов и черниц, латину и гостей, все затворы и всех киевлян.

Святослав, впрочем, помирился с ним, а Ростиславичи, не извлекшие от блистательной борьбы с Андреем никакой пользы для себя, которая досталась другим, решили прибегнуть к покровительству Андрея, смирились перед ним и просили отдать Киев Роману. Тот обещал им подумать, но был убит заговорщиками из личной мести. Ростиславичи должны были надеяться на себя. Они позвали брата Романа смоленского к себе на помощь.

Ярослав, сказав: «Вы привели брата Романа и хотите отдать ему Киев», уехал в Луцк и не согласился возвратиться, несмотря на их вызов.

Роман сел на стол в Киеве в 1174 г.

Половцы напали на Русскую землю и взяли шесть городов берендеев. Роман послал на них братьев, которые рассорились между собою и были разбиты.

Святослав Всеволодович хотел воспользоваться их неблагоприятными обстоятельствами. Обвинив в чем-то Давыда, он потребовал наказания, говоря: «Ряд наш так есть — оже ся князь извинит, то в волость, а муж в голову, Давыд же виноват». Роман не исполнил его требования, и Святослав переправился через Днепр, опять занял Киев, но, испугавшись прибытия Мстислава с полком, отошел к себе домой.

Впрочем, Ростиславичи, не надеясь удержать за собой Киев, решили добровольно уступить его черниговскому князю, выговорив

себе, разумеется, новые уступки.

Роман удалился в Смоленск, а Святослав занял Киев, который принадлежал некогда и его отцу (1176).

Стол владимирский после многих смут достался тогда меньшим Юрьевичам, Михалку, и потом брату его Всеволоду, которым Святослав имел случай оказать важные услуги.

Еще один из Ростиславичей оставил Русскую землю, и самый храбрый между ними, Мстислав, прославившийся защитой Киева от Андреевой рати. Он был вызван новгородцами и долго отказывался: «Яко не могу идти из отчины своей и со братьею своею разойтися». «Прилежно бо тщашеся, прибавляет летописец, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тесняся, размышливая с мужи своими, хотя исполнити отечествие свое». Братья и мужи старались уговорить его: «Иди, брат, если зовут тебя с честью, разве Новгород не наша также отчина?» Он уступил убеждениям, надеясь впоследствии вернуться в Русскую землю.

Несколько лет прошло спокойно, кроме незначительных набегов половецких.

Святослав послал сына Глеба с дружиной в помощь к зятю, Роману Глебовичу рязанскому. Великий князь Всеволод захватил его в плен (1179), и Святослав разжегся гневом, тем более, что Всеволод был ему многим обязан. Он хотел идти к Владимиру, но боялся оставить Русскую землю во власти Ростиславичей, «яко мьстился бых Всеволоду; но нелзе Ростиславичи, а теми во всем пакостят в Русской земле; а в Владимире племени, кто ми ближний, тот и добр».

Давыд в ладьях ходил «ловы дея» по Днепру, Святослав по Черниговской стороне. И вздумал он с женой и милостником своим Кочкарем захватить Давыда: «Давыда возьму, а Романа выгоню, и останусь один в Русской земле с братьею, и тогда отомщу Всеволоду за обиду мою».

С этой мыслью, переехал он через Днепр и ударил на товары Давыда, который спасся в ладье с княгиней. Черниговцы по берегу за ними, начали стрелять, но не достали.

Святослав захватил дружину его и товары и переехал в Киев под Вышгородом, а на другой день опять пустился по Днепру, но не нашел его ни на котором пути. Давыд спасся в Белгород к брату.

Тогда Святослав переправился за Днепр, сказав: «Я объявился Ростиславичам, и не могу больше оставаться в Киеве».

В Чернигове он созвал всех сыновей и младших братьев,

дружину, на совет, куда идти, к Смоленску или к Киеву. Игорь отвечал: «Отче, лучше, если бы была тишина, но если так не приходится, то лишь бы ты был здоров». Решено было идти на великого князя суздальского.

Рюрик, услышав об удалении Святослава из Киева, занял город и послал за братьями Ростиславичами, равно как и за галицкой помощью, а Давыда отправил к старшему брату в Смоленск.

Святослав (1180), собравшись с братьями в Чернигове, сказал: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь (Святославич), старше Всеволода, и ныне я вам в отца место остался; и велю тебе, Игорь, здесь быть с моим братом Ярославом, блюсти Чернигов, и я с Всеволодом пойду к Суздалю — выручать сына Глеба; там как уже рассудит нас Бог!» И половцев разделил он надвое: одних взял с собой к Суздалю, других оставил у братьев.

На пути пристал к нему сын Владимир с полками новгородскими.

Они опустошили Поволжье.

Всеволод, великий князь суздальский, встретил их на берегах реки Влены.

Противники стояли две недели, друг против друга, бившись через реку. Суздальцы держались на холмах, в оврагах и зарослях, так что нельзя было дойти до них полкам Святославовым. И Всеволодова дружина порывалась на них, но Всеволод не пускал. Наконец, Всеволод послал рязанских князей; они ударили на товары Святослава и смяли их, иных побили, других взяли; но Всеволод Святославич (черниговский) подоспел на помощь, и рязанские князья должны были бежать назад со значительными потерями.

Святослав, в нетерпении, послал к Всеволоду послом попа сказать: «Брат и сын! Много сделал я тебе добра и не чаял получить от тебя такую благодарность; но если ты уже замыслил так на меня и на сына моего, то не далече тебе искать меня — отступи немного от речки, — и дай мне путь, чтоб я мог подойти к тебе ближе, и пусть рассудит нас Бог. А если ты не хочешь дать мне пути, то я тебе дам: переезжай на эту сторону, и рассудит нас Бог здесь».

Всеволод выслушал послов Святослава и отослал их во Владимир, а Святославу не отвечал.

Святослав не мог оставаться дольше, боясь тепла: ушел и сжег по дороге Дмитров. Всеволод не велел за ним гнаться, но взял многие его товары.

Выйдя из земли Суздальской, Святослав пошел с сыном в

Новгород.

А в его отсутствие братья вздумали сходить на Смоленск, соединясь с полоцкими князьями, и осадили Друцк. Прослышав о его возвращении, они отошли к нему навстречу, и Давыд, подоспевший из Смоленска, не успел дать им сражение. Узнав о приближении Святослава, он бежал из Друцка; Святослав сжег острог и отошел к Рогачеву, оттуда Днепром спустился к Киеву. Игорь с половцами ожидал его против Вышгорода.

Половцы отпросились у Святослава лечь с Игорем по Долобску. Рюрик выслал на них свою рать, которая разбила их совершенно. Многие князья половецкие остались на месте сражения, другие попали в плен.

Рюрик, впрочем, несмотря на одержанную победу, держав совет с мужами своими, опять уступил Святославу старейшинство и Киев, а себе взял всю Русскую землю (1180).

Примирился Святослав и с Всеволодом владимирским, посылал ему помощь на болгар и женил сына Мстислава на его свояченице, ясыне; а другой сын женился тогда на дочери Рюрика.

Союз великого князя Святослава Всеволодовича с Рюриком Ростиславичем принес большую пользу как им, так их волостям и всей земле Русской.

Со следующего года начинаются их общие походы на половцев.

Святослав и Рюрик (1183), сговорившись, стали у Олжич, ожидая брата Ярослава из Чернигова. Ярослав советовал отложить поход до лета. Святослав послал, однако же, сыновей со своими полками к Игорю, веля ему ехать вместо себя, а Рюрик послал со своими полками Владимира Глебовича. Владимир, по праву русских князей, хотел ездить впереди со своим полком, Игорь же не позволял того. Князья рассорились и разошлись. Владимир обобрал Северские города, а Игорь один сходил на половцев.

В следующем году собрались и Святослав с Рюриком. На зов их пришли: Святославичи — Мстислав и Глеб, Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Луцка, с братом Мстиславом, смоленские — Романович Мстислав и Давыдович Изяслав, городенский Мстислав, Ярослав пинский с братом Глебом, Глеб Юрьевич дубровицкий, галицкая помощь. Только родные братья, к неудовольствию Святослава, не приняли участия в походе, говоря: «Далеко нам идти вниз по Днепру, нельзя оставить земли своей без охраны, а если пойдешь на Переяславль, то скупимся на Суле».

Святослав спустился по Днепру и по Инжиреву броду переправился на другую сторону. Там отрядил он младших князей, дав им две тысячи берендеев. Половцы бежали от них. Русь, не догнавши, остановилась на Ереле, его же зовет Углом. Половецкий князь Кобяк, считая, что их мало, поворотился и думал их разбить. Русские и половцы начали перестреливаться между собою через реку. Святослав и Рюрик, услышав о таком положении дела, подослали им помощь и поспешили сами. Произошло сражение. Половцы испугались полков, беспрестанно прибывавших, и пустились бежать. Наши за ними. Победа была одержана полная, июля 30 дня, в понедельник. Сам Кобяк Карлыевич был взят в плен с двумя сыновьями, Билюкович Изай, Товлий с сыном, брат его Бокмиш, Осалук, Барак, Тарх, Данил и Седвак Кулобичский, Корязь Калотанович. Многие были убиты. Князья возвратились домой со славой и честью великой.

В это же время Игорь Святославич предпринял особый поход.

В 1185 год знаменитый Кончак явился отмстить за поражения половцев: он хвалился пленить русские города и пожечь их огнем. «Бяше бо обрел мужа таковаго бесурменина, иже стреляше живым огнем. Бяху же у них луци тузи самострелнии, едва 50 муж можаше напрящи». Думая обмануть, он говорил Ярославу Всеволодовичу, что просит мира; Святослав и Рюрик предостерегли Ярослава и пошли Кончаку навстречу. Встретившиеся им гости из половцев сообщили известие, что Кончак на Хороле. Младшие князья, однако же, не нашли его там. Другие взошли по соседству на холм и увидели его шатры по лугу. Нападение было удачно, сам басурман с живым огнем захвачен в плен и приведен к Святославу 1 марта; много было побито и взято поганых. За Кончаком послан в погоню Кунтувдей с 6 тысячами человек, но не мог догнать его, потому что за Хоролом оказалась талая вода.

Игорь северский не успел принять участия в этом блистательном походе, пошел после один, со своими братьями, но был совершенно разбить половцами и взят в плен.

Великий князь Святослав Всеволодович ходил, между тем, в Карачев, для сбора рати с верхних земель на задуманный им летом поход. На обратном пути в Новгороде Северском он услышал о походе Игоревом, а как приплыл в ладьях в Чернигов, Беловодь Просович прибежал к нему с печальной вестью. Святослав заплакал: «Досадно было мне на Игоря, а теперь еще больше мне его жаль! Не

воздержавши юности, они отворили ворота на Русскую землю. О, братья моя, дети мои и мужи земли Русской! Если б Бог помог нам притомить поганых».

Святослав прислал сына и Владимира успокаивать людей в Посемье и вместе послал к Давыду в Смоленск звать его на охрану Русской земли.

Пришедшая помощь стала в Триполе, Ярослав в Чернигове собирал войско.

Половцы, победив Игоря, возгордились и решили идти всей землей на Русь. Произошел спор. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где избиты братья наши, где пал великий наш князь Боняк». Кза говорил: «Пойдем на Семь, откуда вышло русское войско, оставя только жен и детей, полон для нас готов собран, мы возьмем город без опаса».

Не сумев договориться, они разделились надвое. Кончак осадил Переяславль. Князь Владимир Глебович оборонялся храбро, был впереди всех, получил много ран и слал беспрестанно к Святославу за помощью, также к Рюрику и Давыду: «Се половцы у мене, а помозите ми». Присланные смольняне на вече отвечали: «Мы пришли оборонять Киев, а на стороне воевать мы не можем, и так уже изнемогли». Они ушли, а Святослав с Рюриком двинулись к Переяславлю. Тогда половцы отошли от Переяславля и приступили к Ромну, сожгли его, а людей избили или пленили; русские князья туда опоздали.

Иные половцы пришли по другой стороне, сожгли острог у Путивля и, повоевав, возвратились восвояси.

Через год (1187) Святослав и Рюрик опять собрались на половцев. Услышав, что они остановились на Татинце, на Днепровском броде, князья пустились на них изъездом, без обозов. Владимир Глебович, приехавший к ним из Переяславля, выпросился у Святослава и Рюрика ездить впереди с черными клобуками. Святославу было обидно отдать ему преимущество перед своими сыновьями, но он должен был согласиться с мнением прочих князей, которые уважали мужество и храбрость молодого Владимира. Половцы бежали, однако же, за Днепр, и князья отказались от преследования, потому что Днепр разлился. На обратном пути Владимир Глебович занемог и скончался 18 апреля, оплаканный переяславцами.

Летом половцы приходили воевать по Руси и в Черниговской

области.

Зимою Святослав и Рюрик с братьями опять собрались в поход. Они шли по Днепру, потому что везде был глубокий снег. На Снепороде они захватили сторожей и узнали от них, что стада пасутся у Голубого леса. Ярослав отговаривался, как и прежде, идти дальше Днепра: «Земля моя далека, а дружина моя изнемогла». Рюрик уговаривал Святослава: «Брат и сват, нам того и просить было у Бога. Мы знаем теперь наверное, что половцы лежат за полдень. Кто раздумывает идти, что нам до того за дело? Мы двое не смотрели ни на кого, но что нам Бог давал, тое сведали». Святославу понравилась эта речь: «Я готов, брат, всегда, но лучше бы идти всем вместе. Пошли к Ярославу и понудь его». Рюрик послал сказать ему: «Тебе не годится измясти нами! Кланяюся тебе, брат, ты поди для меня до полудни, а я для тебя поеду десять дней».

Ярослав отвечал, не хотя ехать: «Не могу ехать один, а полк мой пеш. Вы должны были дома предупредить меня, до которых мест думали идти».

Начались споры. Сколько ни старался уговорить Рюрик князей идти, но не мог, потому что Святослав, хоть и желал идти, но не желал оставить брата Ярослава одного, — и все вернулись по домам.

Некоторое время прошло в мире и тишине. Главные князья породнились между собой еще более. Рюрик послал князя Глеба, шурина своего, с женой, Славна тысяцкого с женой, Чурыню с женой, и многих бояр в Суздаль, к великому князю Всеволоду Юрьевичу, за дочерью его Верхуславой, для старшего сына своего Ростислава. Великий князь Всеволод дал за нею в приданое многое множество золота и серебра, одарил сватов многими дарами и отпустил с великой честью. С невестой поехали сестричич княжой, Яков, с женой, и многие бояре с женами. Отец и мать плакали о ней много и проводили до трех станов. Ей было только восемь лет от роду. Она приехала в Белгород на Офросиньин день, а наутро Богослова была венчана у святых Апостолов в деревянной церкви епископом Максимом. Рюрик устроил Ростиславу свадьбу, какой не бывало на Руси: одних князей было больше двадцати; снохе своей он дал город Брагин, Якова свата, со всеми боярами, одарив многими дарами, отпустил с великой честью. На той же неделе отдал Рюрик свою дочь Ярославу за Игоревича Святослава, в Новгород Северский. Тогда же вернулся к нему из плена сын Владимир с Кончаковной, и отец обвенчал их.

Но мысль о половцах не оставляла князей и среди их веселья: они послали полки с воеводой Романом Нездиловичем, которые захватили стада за Днепром, потому что половцы были в отлучке за Дунаем.

Согласие князей Святослава и Рюрика нарушилось из-за Галича, где умер князь Ярослав, и начались мятежи.

Король венгерский, занявший Галич, увидел, вследствие происков Романа волынского, что не может удержать его, и прислал к Святославу просить у него сына (1189). Тот, думая, что король отдает ему Галич, отправил Глеба тайно от Рюрика. Рюрик, проведав, послал вслед за ним мужей своих, а Святослава начал упрекать: «Зачем послал сына к королю без моего ведома; ты изменил своему слову (соступился ряду)». Святослав спорил: «Брат и сват, я послал сына не на тебя повадить короля, а на свое орудие. Если ты хочешь идти войной на Галич, я готов с тобой».

Митрополит также побуждал князей со своей стороны: иноплеменники отняли вашу отчину — вам следовало бы потрудиться.

Князья пошли: Святослав с сыновьями, а Рюрик с братом. По дороге начали они спорить о волости Галицкой и никак не могли договориться: Святослав отдавал Галич Рюрику, а себе выговаривал всю Русскую землю, около Киева, Рюрик же не хотел вовсе лишиться Русской земли, но хотел поделиться Галичем. Так и вернулись, не сделав ничего.

Галич опять достался Владимиру, сыну Ярослава, которого принял под свое покровительство император из уважения к его родству с суздальским великим князем Всеволодом.

Временная размолвка на время забылась: Святослав и Рюрик ходили на охоту в ладьях по Днепру, к устью Тесмени, и обловились множеством зверей, «и тако наглумистася, и в любви пребыста и во веселие по вся дни, и возвратишася» (1190).

Той же осенью Святослав, по наговору, взял Кунтувдея, торческого князя, но Рюрик, считая его полезным для Руси, выпросил ему свободу. Кунтувдей, не терпя своего срама и желая отомстить Святославу, убежал к Тоглию, половецкому князю; вместе начали они думать, как бы напасть на Русь. Набегам их не было конца.

Между тем, у Рюрика и Святослава возник новый спор из-за волостей. Святослав начал сноситься с братьями, Рюрик со своими, с великим князем суздальским Всеволодом и Давыдом смоленским, и

пока они спорили между собой, половцы воевали. Рюрик, наконец, сказал: «Ты, брат, целовал крест на Романовом ряду, как была межа, когда Роман, брат наш, сидел в Киеве; а если ты теперь поминаешь старые тяжи, бывшие при Ростиславе, то ты сступил ряду, — и вот тебе крестные грамоты».

Святослав долго возражал, отослал послов и, наконец, вернул, поцеловав крест на всей их воле.

В ту же зиму знатные мужи из черных клобуков приехали в Торческ к Ростиславу Рюриковичу и звали его на половцев: «Нынешней зимой половцы воюют нас часто, подунайцы мы, что ли? Отец твой далеко (он пошел на Литву), и Святославу мы не шлем, потому что он ныне недобр до нас за Кунтувдея».

Ростиславу понравилась эта дума с его мужами, и он послал к Ростиславу Владимировичу с приглашением: «Брат, хочу ехать на земли половецкие, а отцы наши вдалеке; иных старших нет, будем за старших, приезжай ко мне поскорее».

Они пустились набегом до Протолчии, захватили много стад половецких по Днепровскому лугу, а за Днепр ехать было нельзя, потому что река была в краях.

Половцы настигли их с полками на Ивле, в трех днях пути от Днепра. Ростислав развернул полки и послал вперед лучников, которые ударили на них и взяли живых 600 человек. Черные клобуки захватили князя Кобана и отпустили за выкуп. Ростислав вернулся в Торческ с честью и славой великой и отправился во Вручий к отцу, который ходил на Литву, и был в Пинске у тещи и шурьев, на свадьбе Ярополка.

Набеги с обеих сторон не прерывались. Князья русские и половецкие ходили из страны в страну, как будто на охоту. Великий князь Святослав сам принимал в них участие, в 1190 и 1191 годах.

1192. Святослав и Рюрик стояли у Канева все лето, охраняя землю Русскую. Осенью знатные мужи из черных клобуков просили Рюрика отпустить с ними опять Ростислава, потому что половцы ушли на Дунай, но Рюрик не отпустил. Зимой Рюрик вытребовал к себе от половцев Кунтувдея и дал ему у себя город Дверень, Русской земли ради.

1193. Святослав послал сказать Рюрику: «Ты снимался с половцами лукоморскими — пошлем ныне за всеми половцами, за Бурчевичами».

Собравшись против Канева, половцы звали князей на свою

сторону.

Князья, подумав, отвечали: «Ни деды наши, ни отцы наши не ездили к вам: приезжайте вы к нам сюда, а если не хотите, то как вам угодно».

Бурчевичи, имея много колодников из черных клобуков, не хотели идти, а лукоморцы желали мира, на который Святослав не соглашался, говоря: «Не могу с половиной их мириться».

Рюрик, посоветовавшись со своими мужами, послал сказать ему: «Се, брат, мира ты не улюбил, — скажи, чего же ты хочешь: идти ли в поход на зиму или остаться на стороже?»

Святослав отвечал: «Ныне, брат, пути не можно учинити, потому что в земле нашей не родилось жито; довольно, если бы землю свою устеречи».

Рюрик: «Брате и свату! Если тебе пути нету, то мне путь есть, путь на Литву, и нынешней зимой хочу подеяти орудий своих».

Святослав возразил: «Брате и свату! Если ты идешь из своей отчины на свое орудье, то и я уйду за Днепр для своих орудий, — кто же останется в Русской земле?»

Такими речами «измяте он путь Рюриков».

Зато сын его Ростислав успел совершить новый славный поход, будучи подговорен черными клобуками. «Пойдем, князь, с нами, время благоприятное, такого не дождемся в другой раз», и Ростислав, не сказав отцу, поехал к ним с охоты от Чернобыли в Торческ, а за дружиною послал, пригласил еще Мстислава Мстиславича из Триполя, который приехал к нему с мужем, Сделавом Ярославичем, уже за Росью.

Соединившись с черными клобуками, они пустились изъездом и на Ивле, реке половецкой, взяли сторожей, от которых узнали, что половцы стоят далее, а стада их на этой стороне Днепра, на русской. Они ехали всю ночь и на рассвете ударили. Победа была полной, они взяли много скота, лошадей, челяди и погнали их домой.

Половцы настигли, но, видя силу их, не посмели вступить с ними в бой и провожали их молча до Руси, следуя издали.

Ростислав прибыл со славой, одержав вторую победу над половцами, около Рождества, и тотчас поехал во Вручий к отцу, который опять собирался на Литву.

Святослав прислал сказать ему: «Ну вот, сын твой полонил половцев, затеял войну, а ты хочешь идти в сторону, — возвращайся лучше в Русь стеречь своей земли». Рюрик послушался и пришел в

Русь со всеми полками.

Ростислав, между тем, отпросился у отца к дяде Давыду в Смоленск. Всеволод, тесть его, услышав о его славе, пригласил к себе во Владимир, продержал у себя всю зиму и отпустил, осыпав дарами зятя и дочь.

1194. Святослав, заспоря о границах с рязанскими князьями, с которыми до сих пор был в дружбе, хотел было идти войной на них и спрашивал согласия у великого князя суздальского Всеволода; но тот, считая Рязань своей подчиненной волостью, не позволил. Он должен был вернуться от Карачева назад и дорогою занемог. По Десне приехав в Киев, он в Вышгороде молился святым мученикам, облобызал Св. раку и хотел поклониться гробу отца. Поп пошел за ключом от церкви, и он отъехал, не дождавшись. Жаль ему стало, что не поклонился гробу отца, и в субботу поехал опять к Св. мученикам, но уже не смог вернуться в Киев. В понедельник услышал, что сваты идут за внучкой, Глебовной, сватать за царевича, послал к ним навстречу мужей киевских. Силы истошались, язык коснел и, очнувшись, он спросил: «Когда будут Маккавеи?» Княгиня отвечала: «В понедельник». «Не дождусь я», сказал Святослав. Отец его, знаменитый Всеволод Ольгович, скончался на память святых Маккавеев. Княгиня не понимала, что значит его вопрос, и думала, что он видит видение и стала расспрашивать. Больной едва выговаривал: «Верую во единого Бога, Отца Вседержителя», велел постричь себя в монахи и послать за сватом Рюриком. Он скончался и был положен в святом Кириле, отцовом монастыре.

Рюрик Ростиславич приехал и сел на великокняжеский стол, к великому удовольствию киевлян, любивших его «зане всех приимаше с любовью, и крестьяны, и поганые, и не отгоняше ни когоже».

1195. Он послал за братом Давыдом в Смоленск: «Мы остались старшие в Русской земле, приезжай ко мне в Киев, мы решим все, что относится до Русской земли, до братьи и до Владимиря племени, а сами в здоровье увидимся».

Давыд приехал из Смоленска в ладьях, в среду на Русальной неделе. Рюрик позвал его на обед. Был большой пир, и дары многие, и любовь. Из Киева племянник Ростислав Рюрикович позвал его на обед к себе в Белгород. И там было веселье великое, и любовь, и дары. Потом Давыд позвал к себе брата Рюрика с детьми на обед, угостил и отпустил с дарами многими. Потом Давыд позвал все монастыри на обед, был весел и раздал им многую милостыню,

оделил нищих; потом позвал черных клобуков. Пировали у него все черные клобуки, и он одарил их многими дарами и отпустил.

Киевляне начали звать Рюрика на пир и оказали ему великую честь, принесли большие дары; Давыд позвал к себе киевлян и был с ними в любви великой и веселье многом.

По окончании праздников, Рюрик и Давыд закончили переговоры о Русской земле, распределили все волости и расстались совершенно довольные друг другом, но вдали, там, на севере, был один недовольный, это Всеволод, великий князь суздальский.

Он прислал сказать: «Вы нарекли меня старшим в своем Владимире племени, ныне ты сел в Киеве, а мне чести не учинил в Русской земле и раздал все младшей своей братии. Если же мне нет в ней части, то Киев и Русская земля пред тобою: кому ты часть в ней дал, с теми ее и стереги; я посмотрю, как ты удержишь ее с ними, а мне не надо».

Всеволод оскорбился, что Рюрик отдал лучшую волость зятю своему Роману — города: Торческ, Триполь, Корсунь, Богуславль, Канев, которые он хотел иметь сам.

Рюрик посоветовался с мужами, как ему удовлетворить свата без обиды Роману, которому целовал крест не отдавать бывшие под ним волости никому. Он предложил Всеволоду другую волость, но Всеволод отказался от нее. Между ними возник спор, и они уже начали собираться на войну между собою. Рюрик призвал митрополита Никифора и рассказал ему о своем положении. Митрополит сказал: «Князь! Мы приставлены от Бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития. Если кровь должна пролиться от того, что ты отдал волость младшему в ущерб или предосуждение старшему и целовал ему крест, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя, а ты послушай меня: возьми волость у зятя и отдай старшему, а Романа награди иной».

Рюрик послал к Роману сказать, что Всеволод негодует из-за него. Роман отвечал: «Отче! Для чего же ссориться тебе со сватом из-за меня, а не жить в любви? Отдай ему волости, а мне дай другую за нее, или кунами, чего она стоит».

Рюрик посоветовался с мужами и послал сказать Всеволоду: «Ты жаловался, брат, на меня за волость — ну вот тебе волость, что ты просил». И отдал ему: Торческ, Корсунь, Богуславль, Триполь, Канев; они утвердились крестом честным жить в любви.

Всеволод отдал Торческ зятю Ростиславу Рюриковичу, а в прочие

города прислал посадников.

Роман рассердился теперь в свою очередь; он подумал, что Рюрик сговорился прежде с Всеволодом отнять у него волость для сына и прислал ему с упреком. Рюрик отвечал: «Я дал тебе волость эту прежде всех, а Всеволод обиделся; я передал тебе все его речи, и ты отступился от своей волости по воле. Тогда я отдал ее Всеволоду; без него нам быть нельзя; мы положили на нем старейшинство во всем Владимири племени; и ты мне сын свой, а вот тебе иная волость, той равная».

Роман не брал той волости, затаив обиду на своего тестя и не хотя жить с ним в любви; советовался с мужами своими и начал сговариваться с Ярославом Всеволодовичем черниговским, подбивая его на Киев.

Рюрик уведомил Всеволода об этих замыслах: «Думай и гадай о Русской земле, о чести своей и нашей».

А к Роману послал мужей своих обличить его.

Роман испугался и поехал в ляхи к Казимиричам за помощью. Казимиричи были в раздоре с дядей своим Мечиславом и просили Романа вступиться за них, «а потом мы все пойдем мстить твоей обиды». Роман вышел биться с Мечиславом. Мечиславу не хотелось биться с Романом: напротив, он прислал к нему мужей убеждать, чтобы он помирил его с племянниками. Но Роман не послушался ни его, ни мужей своих, дал полк Мечиславу, и неудачно. Ляхи потоптали русь, и Роман должен был бежать в город к Казимиричам, откуда дружина отнесла его раненого во Владимир.

Тогда он послал к тестю поклониться и молиться, возлагая на себя всю вину свою; послал просить и митрополита Никифора, прося его ходатайства, дабы тесть принял его и гнев забыл.

Рюрик смилостивился: «Если он покается в вине своей, то я приму его, и дам надел; если он устоит, то я и сыном его буду иметь так, как имел прежде, и добра хотел». Он послал мужей привести его к кресту, и дал ему Полоной и пол-Торческа Русского.

Покончив с Романом, Рюрик хотел покончить и с Ольговичами, которые показали свои виды на Киев. Сославшись со сватом Всеволодом и братом Давыдом, он послал мужей к Ольговичам: «Целуйте нам крест со всей своей братьей, чтобы вам не искать нашей отчины, ни Киева, ни Смоленска, под нами и под нашими детьми, и под всем нашим Владимиром племенем, как разделил нас дед наш Ярослав, а Киев вам не надобен».

Ольговичи, посоветовавшись между собой, отвечали, огорченные: «Если ты требуешь, чтобы мы блюли Киев под тобой и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; но если ты велишь нам отказаться от него вовсе, то мы не угры, не ляхи, но единого деда внуки: при вашем животе не ищем Киева, а после вас кому его Бог даст».

И были между ними многие речи, и не договорились они между собой. Всеволод хотел собрать все племя Владимира и собирался идти на Ольговичей той же зимой.

Ольговичи испугались и послали к Всеволоду мужей своих и игумена Дионисия, «кланяючеся и емлючеся ему во всю волю его». Он поверил и слез с коня. А других послов послали они к Рюрику: «Брате, нам не было с тобой лиха николи; если мы и не укончали ряду этой зимой с тобой, Всеволодом и Давыдом, то ты к нам близко; целуй нам крест не воевать с нами, пока мы уладимся или не уладимся с Всеволодом и Давыдом».

Рюрик согласился, желая свести Ольговичей с Всеволодом и Давыдом.

Он распустил дружину свою, братьев, детей и половцев, и поехал в Овруч. А Ольговичи, между тем, нарушив клятву, пошли на Давыда к Витебску и воевали Смоленскую область. Мстислав Романович был взят в плен. Ярослав собрался взять даже Смоленск изъездом.

Рюрик послал к нему навстречу с крестной грамотой: «Ты хотел убить моего брата и соступился ряда и крестного целования. Вот тебе крестная грамота. Ступай к Смоленску, а я приду под Чернигов: как рассудит нас Бог и крест честный».

Ярослав, услышав это, остановился, не поехал к Смоленску, но вернулся в Чернигов и послал послов к Рюрику, подтверждая крестное целование и обвиняя Давыда за помощь своему зятю.

Рюрик отвечал: «Я уступил тебе Витебск и послал посла к брату Давыду, уведомить его о том, а ты не дождался и отпустил своих племянников к Витебску; они, идучи, повоевали Смоленскую область. Вот почему Давыд выслал на тебя свои полки».

Они спорили и не договорились. Рюрик (1196), посоветовавшись с мужами, послал послов к свату Всеволоду суздальскому с речами: «Романко изменил нам, мы договорились сесть на коня о Рождестве Христове и сняться всем у Чернигова. Я соединился с братьею, с дружиной своей и с дикими половцами и, доспев, ждал от тебя вести; от тебя вести не было, ты на коня в ту зиму не садился, поверив

Ольговичам, аже им стать на всей воле нашей. Услышав, что ты на коня не садишься, я распустил братью свою и диких половцев, поцеловал крест с Ярославом черниговским на том, чтобы не воевать, доколе либо уладимся, либо не уладимся все вместе; а ныне, брате, моему сыну и твоему Мстиславу тако ся поткло, что вязит у Ольговичей, и потому не стряпая садись на коня; снимемся где-нибудь и отомстим за свою обиду, за свой сором, выручим племянника и найдем правду».

От Всеволода не было вестей все лето, и, наконец, он сказал: «Начинай, я готов за тобой». Рюрик привел братьев и диких половцев и начал воевать с Ольговичами.

Ярослав прислал послов: «За что, брате, почал ты область мою воевать, а поганым руки полнить? А мне с тобою ничто не розошло: Киева под тобою я не ищу. А Давыд если и наслал Мстислава на моих племянников, то Бог их рассудил, и я Мстислава отдам тебе без выкупа, по любви. Поцелуй же со мною крест и введи меня с Давыдом в любовь; а до Всеволода нет дела тебе с братом Давыдом: если захочет уладиться с нами, то уладится».

Рюрик намеревался послать послов к Всеволоду, желая на самом деле всех примирить, а Ярослав ему не верил, думая, что замышляет против него. Он занял все пути и не пускал послов через свою волость.

Так продолжалось в спорах все лето, до осени.

Роман Мстиславич, забыв прощенную ему вину и доброту тестя, опять пристал к Ольговичам и посылал своих людей воевать волость Рюрикову и Давыдову, помогая Ольговичам.

Рюрик отправил в Галич племянника своего Мстислава к Владимиру сказать: «Зять мой переступил ряд и воевал волость мою, — так повоюйте с вашей стороны волость его. Я было и сам хотел идти под Владимир, но не могу, получив весть, что сват Всеволод по обещанию сел на коня помогать мне на Ольговичей и стать у Чернигова. Он уже соединился с братом Давыдом и вместе жжет их волость. Они взяли и пожгли вятские города; мне надо их дождаться».

И Владимир галицкий, в исполнение Рюрикова наказа, повоевал и пожог волость Романову около Перемиля, а Ростислав Рюрикович с другой стороны повоевал и пожог волость его около Каменца. Они захватили много челяди и скота, и, отомстив, возвратились домой.

Ярославу Всеволодовичу горько было узнать, что Всеволод и

Давыд соединились и жгут волость его; он собрал братьев, затворил города свои с сыновьями и племянниками и приготовился к обороне: стал под лесами, устроив засеки от Всеволода и Давыда, велел по рекам сломать мосты, призвал диких половцев и послал сказать угрожавшим: «Брате и свату! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если ты любишь с нами ряд правый и хочешь быть с нами в любви, то мы любви не бегаем, и на всей воле твоей стать готовы, а если ты умыслил что на нас, то тоже не побежим, и пусть рассудит нас Бог и святой Спас».

Всеволод начал рассуждать с Давыдом и рязанскими князьями, желая помириться с Ольговичами. Давыду же не нравился мир; он побуждал идти под Чернигов: «Мы сговорились все собраться у Чернигова и договориться сообща, на всей воле своей. А ты теперь ни мужа своего послал к брату Рюрику, ни поведал своего и моего прихода: объясни ему с мужем, чтоб он до весны доспев сидеть, воевался с Ольговичами и ждал от тебя правой вести. Он теперь воюется и волость свою жжет для тебя, а мы без его совета хотим мириться! Говорю тебе вчеред, брате, что такого мира не улюбит брат мой Рюрик».

Всеволод, однако, не послушался Давыда, ни рязанских князей, и начал договариваться с Ольговичами, предлагая им условия про волость свою и про детей своих: выдать Мстислава Романовича, выгнать Ярополка из земли своей и отступиться от Романа Мстиславича волынского; не искать Киева под Рюриком и Смоленска под Давыдом.

Ярослав черниговский согласен был на все и только не хотел предать Романа, потому что тот ему помог. Всеволод решился, водил к кресту Ярослава и всех Ольговичей; Ярослав послал мужей своих и водил к кресту Всеволода, Давыда и рязанских князей.

Всеволод, помирившись, послал сказать Рюрику. Тот разгорячился и упрекал его, что не исполнил своего обещания: «Сват, ты целовал мне крест на том, кто мне ворог, тот и тебе ворог, и просил у меня части в Русской земле. Я дал тебе волость лучшую не от обилья, а отняв у братьи своей и у зятя Романа, тебе деля; он ворогом мне стал ныне ни про кого, как про тебя. Ты обещал мне сесть на коня и помочь мне — и перевел все лето и зиму; ныне сел, и какую же подал мне помощь? Свой ряд взял, а про кого была мне рать, про кого я и на коня всадил тебя, про зятя моего, того отдал рядить, и с волостью, мною данною, Ярославу? А мне с Ольговичами

которая обида была? Они Киева подо мною не искали! Тебе было не добро с ними, и я про тебя с ними стал не добр, и воевался с ними, и волость свою зажег. Ты не исправил ничего, как умолвился со мною, и на чем крест целовал!»

Так пожаловавшись на него, Рюрик отнял у него города, что дал прежде в Русской земле, и раздал братьям своим.

Такому нельзя было остаться без наказания: не Всеволоду перенести это; затаив гнев в сердце, он решил выжидать удобного случая.

В 1197 году скончался брат Рюрика, Давыд смоленский, в схиме, оставя свой стол старшему племяннику, Романовичу Мстиславу, а сына Константина прислал к Рюрику на руки в Русь.

Несколько лет прошло для Рюрика в покое: он строил церкви — в Белгороде каменную святых Апостолов, которая освящена при нем митрополитом Никифором с епископами.

В том же году в Киеве на новом дворе церковь Св. Василия во имя своего Ангела.

В 1198 году родилась у него первая внучка, у Ростислава дочь, Евфросиния, прозванием Измарагд, что значит драгоценный камень, и «бысть радость велика во граде Киеве и Вышгороде». Приехал племянник Мстислав Мстиславич и тетка ее Передслава; новорожденная была взята на воспитание в Киев на горы дедом и бабкой.

В 1199 году, 10 июля, в субботу, заложил Рюрик стену каменную под церковью Святого Михаила у Днепра, что на Выдобичи. 111 лет стояла церковь от основания великим князем Всеволодом; никто не смел подумать об этом сооружении: Рюрик нашел художника Милонега, в крещении Петра, который поставил ее в один с небольшим год, от 24 июля 1199 года до 24 сентября 1200. Торжественно было освящение в присутствии князя Рюрика с супругой Анной, сыновей Ростислава и Владимира, снохи Ростиславлей и дочери Передславы.

Это были последние успехи, праздники и торжества Рюрика.

В 1202 году поднялся он на зятя своего Романа волынского, причинившего ему столько зла, вместе с Ольговичами, которые пришли к нему на помощь в Киев; но Роман, овладевший Галичем по смерти Владимира, вступив в союз с великим князем суздальским Всеволодом, предупредил нападение. Собрав полки галицкие и владимирские, он появился в Русской земле. Черные клобуки

пристали к Роману. Он немедля двинулся к Киеву. Киевляне отворили ему ворота Подольские в Копыреве конце.

Рюрик был внезапно свержен. Роман велел ему ехать во Вручий, Ольговичам за Днепр в Чернигов, в Киеве посадил Роман, вероятно, с согласия великого князя суздальского Всеволода, двоюродного своего брата, Ингваря Ярославича.

Так Роман, издавна враждебный тестю, начал свое отмщение; так для несчастного Рюрика, в конце многотрудной его жизни, начались неожиданные бедствия.

Той же зимой ходил Роман в угоду греческому императору Алексию Комнину III на половцев (1203), взял вежи половецкие, освободил много христианских душ и привел домой.

Рюрик не мог снести своего унижения: опомнившись от удара, он нанял половцев, привлек к себе Ольговичей, появился внезапно перед Киевом и, раздраженный, взял город на щит 1 января 1204 года. Половцы ничему не дали пощады «и сотворися великое зло в Русстей земли, какого не было от крещения над Киевом». Прежние напасти не значили ничего в сравнении с этой: не только взято и сожжено Подолье, но взята и гора, разграблены святая София и Десятинная, все монастыри; иконы ободраны; кресты честные, сосуды священные, книги расхищены, порты блаженных первых князей, развешанные в церквях на память им, «все положиша себе Половцы в полон». Иноземные гости затворились в церквях; жизнь они сохранили, но имущество было потеряно. Множество народа уведено в плен, чернецов и священников, киевлян с детьми; множество пало под ударами врагов. Город сожжен. «И все то стало с Киевом за грехи наши», говорит летописец.

Несчастье это предвещено было знаменьями: однажды зимой в третьем часу ночи все небо как бы потекло и побагровело. Снег же по земле и по крышам как бы облился кровью; многие видели, что звезды отрывались с неба и падали на землю.

Так был взят Киев, так был вскоре взят и Царьград латинскими ратями.

Народ ожидал светопреставления.

Рюрик не остался, однако же, в Киеве, не имея верной надежды удержать его за собой, и удалился опять во Вручий, удовлетворив только жажду мести…

Роману хотелось развести его с Ольговичами и половцами. Он пришел к Рюрику во Вручий и заставил его целовать крест к себе и

великому князю Всеволоду с сыновьями, и сказал ему: «Ну, ты целовал крест великому князю, пошли же мужа своего к нему, я пошлю также, и мы будем просить его, чтобы он опять отдал Киев тебе».

Всеволод, действительно, согласился отдать Киев Рюрику.

В следующем году (1203), Роман посылал к великому князю суздальскому, молясь об Ольговичах, чтобы принял их в мир.

На зиму все русские князья примирились между собой, ходили на половцев, разорили стоянки и возвратились с великой добычей.

Вот цель, для которой, вероятно, Роман старался прекратить внутренние несогласия.

На обратном пути в Триполе прошел сбор о волостях, кому что следует за его труды для Русской земли, и дьявол произвел смятение великое: князья перессорились, Роман захватил Рюрика и, послав в Киев, велел постричь его в монахи вместе с его женой, дочерью, своей женой, которую отпустил еще прежде от себя, и сыновей, Ростислава и Владимира, увел с собой в плен.

Всеволоду прискорбно было происшедшее в Русской земле: он послал мужей в Галич к Роману, который послушался великого князя, и отпустил его любимого зятя — Ростислав сел на стол киевский, разоряемый все более и более.

Недолго торжествовал и Роман. Вскоре он был убит изменой в войне польской (1205), им предпринятой.

Рюрик, услышав о смерти своего лютого врага, скинул с себя монашеское платье и сел князем в Киеве, он хотел расстричь и жену свою, но та, на старости лет, не согласилась и приняла схиму.

Ольговичи, приходившие в Киев, вследствие смерти Романа, договорились с Рюриком, чтобы идти вместе на Галич и получить себе вознаграждение из богатого наследства. Они поцеловали крест Рюрику, Рюрик поцеловал крест им (1206).

Поход не имел никакого успеха. Галичане отбились от пришедшего ополчения, и осаждавшие возвратились с великим срамом.

Рюрик отдал Белгород Ольговичам, которые прислали сюда своего брата Глеба. Таким образом, Киев ослаблялся более и более, и самые ближние города доставались иным князьям, даже из других родов.

Ростислав Рюрикович выгнал Ярослава Владимировича из Вышгорода и сел в нем.

Между Ольговичами появился теперь князь способный и предприимчивый — Всеволод, сын Святослава, по прозванию Чермный. Он составил союз, чтобы идти на Галич, куда уже столько раз в последнее время ходили на добычу русские князья. В союзе принимал участие и Рюрик, но князья, опять не имев успеха, должны были воротиться восвояси.

С дороги галичане, по своей воле, призвали к себе на стол Игоревичей, племянников последнего князя Ярослава.

Всеволод нашел себе вознаграждение сам. На обратном пути, надеясь на множество своих воинов, он остановился в Киеве, сел на стол без всяких околичностей и разослал посадников по городам русским, а Рюрику велел ехать во Вручий, которому под конец опять доставалась, таким образом, старая слава стольного города.

Рюрик, видя свою неудачу, ушел во Вручий, сын его Ростислав в Вышгород, а Мстислав Романович сел в Белгороде.

Всеволод Чермный не удовольствовался Киевом, он послал сказать Ярославу Всеволодовичу, присланному великим князем суздальским на место умершего бездетного Владимира Глебовича: «Иди из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галича под моею братьею не ищи (его звали в Галич). Если не пойдешь добром, то я принужу тебя ратью».

Ярославу не было помощи ниоткуда, и он повиновался, прося только дать ему путь. Всеволод поцеловал ему крест и дал путь, а Переяславль отдал своему сыну.

Рюрик не смирился во Вручем. Он сговорился с Мстиславом Романовичем, с сыновьями и племянниками, и выгнал Всеволода из Киева, а сына его из Переяславля, который отдал своему сыну Владимиру.

Так мало осталось силы у русских князей в стольных городах, что они беспрестанно, при малейшем перевесе, могли изгонять друг друга из своих владений.

Всеволод со своими родными осадил Киев и стоял перед ним три недели, но не смог взять и отошел прочь (1206).

На следующий год (1207) Ольговичи опять явились искать Киева, приведя с собою и Святополчичей из Турова и Пинска. Они переправились через Днепр к Триполю, осадили город и взяли у Ярослава Владимировича, подручника Рюрика. Там пришла к ним и галицкая помощь от Владимира Игоревича. Все они подошли к Киеву. Рюрик ушел во Вручий.

Ольговичи осадили Белгород, где заперся Мстислав Романович. Мстислав не в силах был бороться с такими многочисленными врагами и начал просить мира. Всеволод целовал ему крест и дал путь в Смоленск, его отчину. Оттуда пошел он к Торческу, где затворился Мстислав Мстиславич. Принудил и его к покорности. Овладев всеми русскими городами, Всеволод занял Киев, разорив страну.

Всеволод суздальский решился, наконец, пойти на него войной: «Русская земля, сказал он, разве им одним отчина, а нам не отчина, — пойду к Чернигову. Пусть рассудит нас Бог».

Всеволод отправился в поход и хотя задержан был на пути отношениями с рязанскими князьями, но Рюрик, едва прослышав о его походе, один изгоном напал на Киев и вытеснил Чермного в четвертый раз (1207).

Теперь просидел он в Киеве несколько долее, и даже Галич достал сыну своему Ростиславу, но ненадолго, потому что галичане вскоре выгнали его (1210) и опять посадили Романа Игоревича.

Ольговичи посылали посольство к великому князю Всеволоду с митрополитом Матвеем, прося мира и покоряясь ему во всем. Великий князь, видя их покорность, не помянул злобы их и целовал им крест. Всеволод и Рюрик вступили между собой в переговоры, и Рюрик уступил Киев Всеволоду, а сам сел в Чернигове.

Так, по древнему выражению, «взмялась земля Русская», что Мономахович, много раз и подолгу княживший в Киеве, попал в Чернигов, а черниговский князь по договору получил себе во владение стол великокняжеский.

Всеволод Чермный выдал свою дочь за любимого сына Всеволода Георгия (1211).

На другой год (1212) скончался великий князь суздальский Всеволод, и на севере начались междоусобия.

Всеволод Чермный, не ожидая себе оттуда помех, вновь выгнал Ростиславичей из Русской земли: он ставил им в вину, что, с их будто бы участием, родные ему Игоревичи повешены в Галиче, — и положен укор на всем роде.

Ростиславичи обратились с просьбой к представителю своего рода, храброму Мстиславу Мстиславичу новгородскому, который поспешил к ним на помощь с преданными ему новгородцами.

Мстислав Романович из Смоленска, с братьями, Владимир Рюрикович, Константин и Мстислав Давыдовичи, Ингварь Ярославич

из Луцка, который сидел некогда в Киеве недолго, по милости Романовой, собрались все к Вышгороду на его призыв и пустились изгоном к Киеву.

Всеволод бежал за Днепр с братьями. Они за ним к Чернигову — Чермный вдруг умер, и союзники осадили брата его Глеба. Три недели продолжалась осада. Пригород сожжен, множество сел вокруг разорено. Наконец, князья договорились между собою и разошлись.

На киевском столе остался Ингварь Ярославич, Мстислав Романович в Вышгороде, а Мстислав Мстиславич отошел назад в Новгород. Потом решено было отдать Киев Мстиславу Романовичу. Ингварь удалился в Луцк.

О судьбе Рюрика Ростиславича за это время нет ничего в летописях, а есть только известие, что он скончался в Чернигове в 1213 году, сын же его Ростислав в 1218.

Главным поприщем действий на юге стал Галич, и главным действующим лицом Мстислав Мстиславич новгородский, призванный туда сначала ляхами, а потом удержанный самими галичанами и Романовичами.

Киевский князь помогал ему в его беспрерывных войнах с противниками, которые одни перед другими старались там усилиться.

Между тем, пользуясь замешательствами, половцы часто являлись под Киевом, а Литва воевала волость Черниговскую. Угры взяли было верх, и Мстислав Мстиславич принужден был искать убежища в своем старом Торческе. Он, наконец, одолел своих противников с помощью киевского и прочих русских князей, соединил весь Галич под свою державу, но показалась черная туча на старую Русь с другой стороны…

Таким образом, Киевское великое княжество, некогда сильное, через сто лет после Ярослава, подверженное влиянию северного Владимира, ослабело, наконец, совершенно, вследствие увеличения числа князей и стеснения границ и снизошло на степень ничтожного удела.

Обозрим степени его силы и последовавшей слабости.

Значение великого князя киевского зависело, вообще, от личных его свойств, уменья пользоваться обстоятельствами и от количества посторонних его владений.

Киев, принадлежность старшего в роде Ярославичей, имел князей из родов Изяслава, Святослава, Всеволода (преимущественно из последнего, через сына его Мономаха, и правнуков, Мстиславичей:

Изяслава владимирского и Ростислава смоленского), которые приносили ему с собой свои силы, средства и отношения.

Из черниговских князей владели Киевом собственно только первенцы трех поколений: Всеволод Ольгович, сын его Святослав, сын Святослава Чермный.

Войны киевских великих князей относились более всего к обороне Русской земли от восточных племен, между которыми главное место занимают половцы. Они также воевали для распространения своих владений, утверждения своего первенства, отражения соперников и помощи союзникам.

Первый великий князь Изяслав (1034–1067), поставленный в отца место братьям, был недолго сильнее их, пока имел Киев со всей Русской землей, Новгород, Туровскую отчину, и овладел, по смерти младшего брата, княжеством Волынским с городами Галицкими, и, наконец, получил еще третью часть Смоленска.

Все потерял он вследствие половецкого набега и восстания дружины, хотевшей еще, вопреки ему, испытать битвы (1067). Так непрочно было его владение!

Хотя Изяслав с польской помощью вскоре получил Киев, но потерял столь же легко опять, вследствие нападения братьев, черниговского Святослава с Всеволодом переяславским (1068–1073).

Наконец, приведя в другой раз иностранные полки, он получил Киев, благодаря преимущественно внезапной смерти Святослава (1076–1078).

У брата его Всеволода (1078–1093) собралось под рукой почти все отцовское наследство: Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир, Смоленск, Новгород. Но он должен был тотчас начать новое деление: племяннику Ярополку Изяславичу он предоставил Владимир, равно как и отчинный его город Туров. Другому племяннику, Давыду Игоревичу, он дал Дорогобуж.

Ростиславичам Червенские города, которые с этих пор совершенно отделились от Киева и составили особое независимое княжество, Галицкое.

Следующий великий князь Святополк Изяславич туровский (1093–1113) был силен преимущественно союзом с двоюродным братом Владимиром Мономахом, с которым счастливо ходил на половцев и укрощал внутренние распри.

Но Черниговское княжество возвратилось при них в род Святослава, добытое мечом Олега с помощью половцев (1094).

Мономах (1113–1125) стал еще сильнее, благодаря своим доблестям: он владел Киевом; отчиной Переяславлем с Суздальской землей; Смоленском, по договору еще со Святополком; Владимиром, вследствие неудачной попытки Ярослава Святополковича, и Туровом, его отчиной; Новгородом, избравшим себе издавна его сына Мстислава. Ему повиновались все князья, даже черниговские. Половцы не смели тревожить Русь.

Но у него было пять сыновей и уже несколько внуков, между которыми разделилось его обширное владение: Мстислав получил Киев, Ярополк Переяславль, Вячеслав Туров, Андрей Владимир, Юрий Суздаль, внуки — Всеволод Новгород, Изяслав Курск, Ростислав Смоленск. Городно еще прежде он отдал за дочерью сыну Давыда Игоревича, Всеволодку.

Мстислав, старший сын, переведенный им заблаговременно из Новгорода в Белгород, получил Киев, уже весьма обрезанный, и только благодаря личным своим качествам он поддерживал с честью достоинство великого князя, пользовался покорностью братьев с их полками, и приобрел своим детям княжество Полоцкое. Он укротил половцев (1123–1132).

С брата Мстислава Ярополка начинается ослабление Киевского княжества и вместе великокняжеского достоинства (1132–1139), умножились междоусобия, вследствие коих он уступил Ольговичам Курск, — а по его смерти Киев достался, вне всех прав, дерзкому и способному Ольговичу, черниговскому князю Всеволоду.

Всеволод Ольгович (1139–1146) думал было отстранить всех Мономаховичей от владения Киевом и Русской землей, прогнать их из Владимира, Турова и Переяславля, и хотя не преуспел в своем намерении, но все-таки остался сильнейшим князем своего времени, располагая силами Черниговского княжества вместе с Киевским и умея принуждать к послушанию прочих князей.

Он не мог только по желанию передать Киева брату Игорю, и, после многих превратностей, великое княжество досталось Изяславу Мстиславичу, вместе с дядей, старшим между живыми сыновьями Мономаха, Вячеславом туровским.

Изяслав, обладавший Владимиром, все время (1146–1152) занят был войнами за Киев, отнимая и уступая его дяде Юрию, и удержал, собственно, благодаря помощи угорской и брату Ростиславу смоленскому.

Он умер, оставив так же, как и отец его, несколько сыновей,

утвердившихся на Волыни.

Владимирское, главное княжество, образовало совершенно независимое владение, оставленное в роду старшего сына Изяслава, Мстислава.

Смоленское стало отчиной второго Мстиславова сына, Ростислава.

Туровское княжество досталось возмужавшему представителю Изяславова (Ярославича) рода, Юрию Ярославичу.

Последующие князья, получая Киев среди споров, должны были вступать в различные сделки со своими соперниками, противниками и помощниками.

Киев остался в своих собственных пределах, с Русской так называемой землей, на юг до Новороссийских степей, на север до границ Туровского и Полоцкого княжеств.

И из этих коренных волостей Киевских начались уступки: Юрий (1155–1157), сильный своими Залесскими волостями, в пределах великого княжества, давал уделы сыновьям: союзнику своему, Святославу Ольговичу, уступил он за помощь, оказанную им при взятии Киева у Изяслава Мстиславича, кроме Курска с Посемьем, Сновскую тысячу, Слуцк, Клецк и всех дреговичей, то есть северную часть Киевского княжества, к которой присоединил (1155) Мозырь; Изяславу Давыдовичу он дал Корческ.

Ростислав (1161–1169) из Киевских городов (1162) давал племяннику Мстиславу Изяславичу: Торческ, Белгород, Триполь. Поссорясь с ним, отнял эти города, а помирясь, отдал опять, заменив Триполь Каневым.

Триполь же с четырьмя городами дал дяде Владимиру Мстиславичу.

Ростиславу много помогали его Смоленские волости и союз с Андреем, великим князем суздальским.

После смерти Ростислава (1169) князья поделили было между собой волости и, уступая Мстиславу Киев, дядя, Владимир Мстиславич, брал себе к Триполю все Поросье, а Владимир Андреевич Берестье, на что прибывший Мстислав Изяславич не согласился.

Андрей Боголюбский, не жаловавший Мстислава, особенно вследствие отправления им сына Романа в Новгород на княжение вопреки распоряжениям суздальского князя, прислал на Киев рать с 11 подчиненными князьями. Киев был взят (1169), несмотря на

сопротивление Мстислава, опустошен и отдан брату Андрея, переяславскому князю Глебу.

Это был сильнейший удар стольному городу, после которого киевские князья уже почти не выходили из зависимости, более или менее, от владимирских князей, до которых и дошел черед старейшинства.

В пределах самого Киевского княжества являлось все более и более удельных князей, не только из братьев или сыновей великого князя, но и прочих, даже чужих.

Так, в это время, во Вручем сидел Рюрик Ростиславич, в Вышгороде Давыд, в Белгороде Мстислав, в Михайлове Василько Ярополчич, в Торческе Михалко Юрьевич.

Святослав Всеволодович (1177–1194), получив уступленный ему Киев, предоставил всю Русскую землю Рюрику Ростиславичу и слушался великого князя Всеволода суздальского. Значение его поддерживалось еще помощью Ольговичей черниговских.

Рюрик Ростиславич (1193–1202) став по его смерти великим князем, уступил великому князю суздальскому Всеволоду Торческ, Корсунь, Богуславль, Триполь, Канев, отданные им прежде Роману волынскому, который получил за них Полоной и пол-Торческа Русского.

У Рюрика Киев был отнят Романом волынским, но вскоре (1202) взят им обратно с помощью половцев, которые опустошили и разорили его так, что он никогда уже не смог подняться.

В войне Рюрика с Всеволодом Чермным, Киев, ослабевший и раздробленный в продолжение двух-трех лет, много раз переходил из рук в руки и достался, наконец, Всеволоду Чермному, который уступил Рюрику свой Чернигов.

После его смерти, он хотел повторить опыт своего деда, Всеволода Ольговича, и выгнать Мономаховичей из Русской земли и, действительно, выгнал князей из Торческа, Триполя, Белгорода; но был жестоко наказан за то Мстиславом новгородским.

Последний князь из рода Мономаховичей (1214–1224), Мстислав Романович, без посторонних владений, не имел уже никакой самостоятельности: под самым Киевом должен был терпеть Ольговича, в Белгороде, снизошел на степень князя подчиненного и помогал только двоюродному своему брату, Мстиславу Мстиславичу, покорявшему Галич.

Киевское княжество под конец уже ничего не значило,

пренебреженное даже и суздальскими князьями, которые, впрочем, в свою очередь, ослабели и должны были отказаться от своего влияния на Киев.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Чернигов, древний город северян, известный грекам, упоминается еще в договоре Олега (906 г.). Он был столицей брата Ярослава, Мстислава, который, победив его под Лиственом, предоставил себе всю восточную половину Русской земли по Днепр (1026), но вскоре умер (1036) бездетный.

Ярослав отдал Чернигов третьему сыну Святославу (род. в 1026 г.), который стал, через наиболее известного своего сына Олега, родоначальником Ольговичей и многих из нынешних княжеских ветвей.

Область его, по Ярославову делению, граничила к западу с Киевским княжеством, от которого отделялась Днепром; к северу очень мало с Полоцким, со Смоленским и Переяславским-Суздальским; к востоку, со стороны Мурома и Рязани, с финскими племенами, от которых отделялась Окой; к югу с Воронежскими степями, Курским и Переяславским княжествами.

Черниговское княжество, следовательно, со своими волостями, Северскими, Муромскими и Рязанскими, вятичами, занимало нынешнюю губернию этого имени, часть Могилевской, южный клин Смоленской, Калужскую, Тульскую, часть Московской, Рязанскую, часть Владимирской, Тамбовской, Воронежской, Орловскую.

Тмуторакань, на полуострове Тамани, принадлежала также к уделу Святослава.

Удел Святослава остался в продолжение всего этого периода во владении его рода, и преимущественно одной его ветви, Ольговичей.

В истории Черниговского княжества повторились те же явления, какие мы видели в истории великого княжества Киевского: сначала обширное и сильное, оно разделилось между тремя сыновьями Святослава на три княжества: Черниговское, Новгород-Северское и Муромское; а те, в свою очередь, на многие частные уделы, число которых увеличивалось по мере увеличения числа князей: Березой, Вщиж, Вырь, Козельск, Путивль, Трубчевск, Рыльск и проч.

Черниговские князья имели непосредственное отношение к Киеву, часто искали великого княжества, вследствие чего вели войны

с другими искателями и входили в союз, воевали иногда и между собой, то есть с новгород-северскими братьями. В остальное время они разделяли судьбу Киева, ходя с великими князьями на половцев и принимая участие в прочих их действиях. Впоследствии они подверглись влиянию Владимира, и, наконец, совершенно ослабев, стали легкой добычей новых врагов, нагрянувших на Русскую землю.

Святослав долго сидел спокойно в своей отчине, участвуя в действиях старшего брата Изяслава и усердно помогая ему во всех войнах: с торками, Всеславом полоцким, половцами.

В 1064 году ходил он в Тмуторакань, на помощь к сыну Глебу, согнанному со своего стола племянником, Ростиславом Владимировичем, явившимся из Новгорода. Он усадил сына, но ненадолго, потому что Ростислав, по удалении дяди, опять согнал двоюродного брата, который воротился к отцу и вскоре получил Новгород.

Когда половцы в 1068 году разбили на Альте и обратили в бегство Ярославичей, Изяслав за робость был изгнан из Киева своими воинами, а Святослав собрался с силами в Чернигове и вышел навстречу врагам, к Сновску. У него было три тысячи, а у половцев, говорят, двенадцать. «Некуда нам деваться, воскликнул он к своей дружине, подобно первому Святославу, попытаемся…» Черниговцы ударили и смяли полки половецкие. Враги бежали, много их утонуло в Снове, много взято в плен, и в том числе их князь.

При возвращении великого князя в Киев, Святослав дал убежище преподобному Антонию, навлекшему на себя гнев Изяслава, прислав отроков увезти его ночью из пещеры. Антоний ископал в Чернигове пещеру в Болдиных горах.

В 1073 году, «желая больше власти», или по наговору бояр, может быть, негодуя за обиду при дележе наследства после младших братьев, скончавшихся вскоре после отца, Святослав пошел с братом Всеволодом на великого князя ратью, снова заставил бежать и сел на киевский стол, который стал и для его потомков постоянной целью искания.

Чернигов свой он тогда уступил брату Всеволоду, бывшему с ним в союзе.

Он недолго, впрочем, пользовался похищенной властью, скончался в 1076 году, пятидесяти лет от роду. Похоронен он был в церкви Св. Спаса в Чернигове, как бы в доказательство, что Киев принадлежал ему не по закону, и что его дети лишились прав искать

его. Ему приписывается основание монастырей в Чернигове — Ильинского и Елецкого.

Святослав, ревностный почитатель Св. Антония и Феодосия, любил чтение; знаменитые сборники, для него переписанные (1074 и 1076), остались для нас свидетельством его любви к книжному учению.[17]

После него осталось пять храбрых сыновей, изображения которых мы видим в старинном сборнике вместе с изображениями их отца и матери: Глеб, Роман, Давыд, Олег, Ярослав. Двое старших погибли вскоре после отца: Глеб, княживший сначала в Тмуторакани, а потом в Новгороде, убит был в Заволочье в 1078 году. Роман, следовавший за ним в Тмуторакани, убит половцами на обратном пути из Руси (1079), где он напрасно искал своей отчины.

Остальные сыновья должны были поплатиться за временный успех отца. Они лишились своей Черниговской отчины и долгое время принуждены были скитаться по белому свету.

При приближении великого князя Изяслава с ляхами, Всеволод вышел к нему навстречу, а на Чернигов, в отсутствие его, 4 мая, напал племянник, Борис Вячеславич. Он владел городом, впрочем, только восемь дней.

Всеволод, заключив мир с братом, возвратился в Чернигов, а Борис бежал в Тмуторакань к Роману Святославичу. Туда же вскоре бежал (1078) и Олег, живший дотоле у Всеволода в Чернигове.

Незадолго перед тем он ходил вместе с Владимиром Мономахом к ляхам на помощь против чехов. Молодые княжичи проникали тогда в глубь Богемии до Глоговского леса. Они подружились между собой крепко, и Олег крестил тогда у Мономаха двух старших его сыновей: Мстислава и Изяслава.

Оставаясь теперь ни при чем в Чернигове, он хотел испытать счастья («той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше. Ступает в злат стремень в граде Тьмуторакане»). Он привел вместе с Борисом половцев на Всеволода. Всеволод вышел против

---

[17] Предлагаем послесловие старшего сборника: «Великый в князих князь Святослав, въжделанием зело въжделав, державный владыка, обавити покръвеныя разумы в глубине многострпътных сих книг, премудраго Василия в разумех, повеле мне немудруведию премену сътворити речи инако, набъдяща тожьство разум его. Яже, акы бъчела любодельна, с всякого цвета писанию събърав акы в един съть в вельмысльное сердце свое, проливаеть акы съть сладък из уст своих пред боляры, на въразумение тех мысльм, являяся им новый Птоломей не верою нъ желание(м) паче, и събора деля многочьстьныих, божествьных книг всех, имиже и свои клети испълнь, вечьную си память сътвори, еже памяти вину въсприяти. А конец въсем книгам: оже ти себе нелюбо, то того и другу не твори. В лето 6581 написа Иоанн Диак изборьник с великууму князю Святославу». Подлинник сборника писан для болгарского царя Симеона (889–927).

них и был разбит на Сожице, 23 августа. Здесь были убиты Иван Жирославич, и Тукий, Чудинов брат, что советовал некогда Изяславу в Киеве убить Всеслава полоцкого, Порей, воинствовавший (1064) с Ростиславом в Тмуторакани. Победив, князья подступили к Чернигову. Всеволод бежал к брату в Киев, который подал ему помощь. Олега и Бориса не было в городе. Черниговцы затворились. Владимир, сын Всеволода, ворвался в город «окольний» (острог), и люди спаслись в «днешний» (детинец). Услышав, что Олег и Борис приближаются со своими ратями, Изяслав и Всеволод повернули полки против них.

Олег хотел покориться и просить мира у дядей, но Борис воспротивился. Началось сражение. Борис был убит в самом начале (равно как и великий князь Изяслав), Олег опять бежал в Тмуторакань.

Всеволод занял великокняжеский стол и посадил в Чернигове сына Владимира.

На следующий год Олег снова приходил на Чернигов с братом Романом, но опять неудачно. Всеволод заключил мир с половцами, которые убили Романа, а Олега заточили в Царьграде (1079), так что последнее убежище детей Святослава, Тмуторакань, для них пропала, на время доставшись Всеволоду.

Наш древний паломник, игумен Даниил, свидетельствует о пребывании Олега на острове Родосе в продолжение двух лет.

Наконец, он успел спастись из Греции, вернулся в Тмуторакань, переходившую, между тем, из рук в руки у праздношатавшихся княжичей, овладел ею и перебил хозаров, участвовавших в убийстве брата и его заточении.

Десять лет княжил Олег на этом отдаленном острове, и о нем ничего не было слышно; наконец, он дождался своего часа: Всеволод умер, половцы рассыпались по Русской земле и разбили соединенных князей.

Олег увидел, что может воспользоваться поражением и бессилием своих врагов и возвратить себе отеческое наследие, ими захваченное. Он призвал половцев, своих старых приятелей, с которыми уже два раза приходил воевать Русь и, оставя Тмуторакань, появился под Черниговом.

Владимир, княживший там спокойно пятнадцать лет, не смог ему противостоять: он затворился было в городе и бился восемь дней. Половцы, между тем, грабили везде, жгли и палили села, монастыри.

Добрый князь сжалился о бедствии христиан, заключил с Олегом мир. «Дружина моя билась с ними, говорил сам Мономах, о малую греблю; восемь дней мы не впускали их в острог, но, сожалея о христианских душах, о селах и монастырях горящих, я сказал, чтобы не хвалились поганые, и отдал брату отца его место, а сам пошел в Переяславль на отца своего место. Мы выступили из Чернигова на день святого Бориса и ехали сквозь полки половецкие, не восте дружины, с женами и детьми. Половцы облизывались на нас, как волки, от перевоза и с горы, но Бог и святой Борис не дали им меня в корысть; дошли невреженые до Переяславля».

Половцы пустились воевать по окрестностям, с согласия самого Олега, чем и приобрел он себе дурную славу, которая перешла ко всему его потомству.

Набеги половецкие продолжались. Владимир Мономах с братом, великим князем Святополком, не могли оставить половцев без отмщения и наказания. Послы их, пришедшие с миром, были предательски убиты в Переяславле. Святополк и Владимир пошли войной и звали с собой Олега. Тому, разумеется, нельзя было подняться на своих союзников и благодетелей. Он обещал, но не пошел.

Князья опустошили половецкие земли и, возвратившись, «начаста гнев имети на Олега, яко не шедшу ему с нима на поганые, иже погубили суть землю Русскую».

Они требовали у Олега, чтобы он выдал им Итларевича или убил его, «то есть ворог Рустей земле». Олег не согласился.

В 1096 году Святополк и Владимир потребовали к себе Олега на совет. «Не пристало судить меня ни епископам, ни игуменам, ни смердам», отвечал гордый князь, питавший ненависть к братьям, а может быть, и опасаясь их измены, — и те решили усмирить его.

Он бежал из Чернигова в Стародуб, 3 мая, в субботу, и заперся там. Осада продолжалась 33 дня. Олег, в крайности, вышел, наконец, просить прощения у братьев и обещал придти в Киев на их зов вместе с братом, Давыдом смоленским, но не подумал исполнить своего обещания; напротив, непреклонный, он кинулся в другую сторону.

Взяв у брата в Смоленске дружину, он появился в Рязани и оттуда стал требовать Мурома, принадлежавшего к отчине Святославова рода, у сына Мономаха, Изяслава, его крестника, который, придя из Курска, захватил город, пользуясь смутами. «Ступай, сказал он, в волость отца своего, в Ростов, я хочу сам сесть

в Муроме и положить отсюда мир с отцом твоим. Он выгнал меня из моего отцовского города, ты ли не хочешь отдать мне здесь моего хлеба?» Изяслав не послушался, надеясь на множество воинов, собранных из Суздаля, Ростова, Белоозера, и встал перед городом. Олег надеялся на свою правду, — «он был прав», говорит летописец, — и пошел на него полком. Они сошлись, — брань была лютая, — Изяслав был убит; воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег вошел в Муром, и граждане приняли его.

Он пленил там вдову Изяслава, захватил ростовцев, суздальцев, белозерцев, и велел сковать их. Тогда вздумал он воспользоваться благоприятными обстоятельствами и пошел на Суздаль. Суздальцы приняли его. Олег пошел дальше на Ростов и также занял город. Таким образом, он подчинил себе под власть всю землю Суздальскую и Ростовскую, посажал посадников по городам и начал брать дань.

Брат убитого, другой сын Владимира, крестник Олега, Мстислав новгородский, прислал к нему посла сказать: «Иди из Суздаля в свой Муром и в чужой волости не сиди, а я пошлю молиться к отцу и помирю тебя с ним, хоть ты и убил моего брата. Делать нечего: в ратях погибают мужи и цари».

Мстислав в самом деле послал посла к отцу просить его о мире с Олегом, и тот написал письмо к своему строптивому двоюродному брату и куму.

Олег не послушался ни Мономаха, ни Мстислава. Предприимчивый, он замышлял захватить и Новгород и послал вперед в сторожах младшего брата Ярослава, который остановился на Медведице.

Мстислав уже шел, и начальник его передового отряда, Добрыня Рагуилович, изгнал Олеговых данников. Ярослав побежал той же ночью известить брата о приближении неприятеля с многочисленной ратью. Олегу не под силу было бороться, и он отступил к Ростову. Мстислав за ним. Олег отошел к Суздалю, и Мстислав туда. Олег велел зажечь город, где остался в целости один двор монастыря Печерского и церковь Св. Димитрия, построенная епископом Ефремом и наделенная от него селами, и бежал в Муром.

Мстислав по его следам пришел к Суздалю и предложил мир Олегу, несмотря на свой успех, говоря: «Я меньше тебя и послушаюсь во всем, шлися к отцу моему, а дружину, что заял, вороти».

Олег согласился, но замыслил измену; а Мстислав поверил и

распустил дружину по селам, не оставив нигде даже сторожей.

Вдруг, когда он сидел за обедом, пришла к нему весть, что Олег уже на Клязьме.

Олег остановился на Клязьме, полагая, что Мстислав побежит; но к Мстиславу собралась дружина в тот день и в другой: новгородцы, ростовцы, белозерцы. Олег нашел его уже готового. Четыре дня стояли они друг против друга. К Мстиславу пришла неожиданная помощь: в четверг, по Федорове неделе, брат Вячеслав, присланный от отца с половцами. В пятницу Олег подступил к городу. Мстислав встретил его с новгородцами и ростовцами на реке Колокше. Стяг Владимира передал он половчину, именем Куную, и поставил его на правом крыле с пехотой. Началась сеча на реке Колокше: Олег против Мстислава, и Ярослав против Вячеслава. Кунуй пошел в тыл, ведя пехоту. Олег, заметив его движение, испугался и бежал к Мурому. Там он оставил брата Ярослава, а сам поспешил в Рязань. Мстислав пришел в Муром и заключил мир с муромцами, освободив своих людей: ростовцев и суздальцев. Потом пошел к Рязани на Олега, который бежал и оттуда; Мстислав заключил мир и с рязанцами, освободив своих людей, заточенных Олегом, и послал сказать Олегу: «Не бежи никуда, но пошлися к братье своей с мольбою. Они не лишат тебя Русской земли, и я сам буду просить также отца моего о тебе».

Олег обещал поступить по его совету, и Мстислав отошел назад в Суздаль, а оттуда в свой Новгород.

В Любече был назначен княжеский съезд. Олегу с братьями его, Давыдом и Ярославом, предоставлена была их отчина, удел Святославов, который и разделен был между ними на три части, никогда уже после не составлявшие одного целого владения: княжество Черниговское утверждено за Давыдом, Северское отдано Олегу и Муромское Ярославу. Князья, соединенные между собою родственными узами, переходили со стола на стол, по праву старейшинства, кроме муромских, которые имели совершенно особое княжество.

Давыд Святославич отличался перед всеми своими братьями кротостью. Он получил, вероятно, от дяди Всеволода Смоленск, который по требованию великого князя Святополка и Владимира Мономаха вынужден был на некоторое время променять на Новгород (1093). После Любечского съезда (1097) он утвердился в Чернигове и находился в подчинении у братьев Святополка и Владимира, посылал

сына Святошу (1099) на Давыда Игоревича, принимал участие на съезде в Уветичах (1100), ходил на половцев с братьями в 1103, 1110, 1111 годах. В 1113 году, к великой радости его и его супруги, поставлен был епископом в Чернигов печерский игумен Феоктист. В 1115 году участвовал Давыд в перенесении мощей Святых мучеников Бориса и Глеба в Вышгороде. В 1116 году ходил от Мономаха на Глеба полоцкого и взял Дрютеск на щит. В 1117 году ходил от Мономаха на Ярослава Святополчича. Он скончался в Чернигове в 1123 году.

О нравственных качествах его сохранилось следующее свидетельство в одном древнем духовном слове, сказанном в день Св. Бориса и Глеба: «Скажю вы притчу… не в чуже стране бывшю: Давыд Святославич… ни с кем не имеаше вражды; аще кто нань рать воздвигнет, он же покорением своим рать уставляше, княжаше в Чернигове в большем княженьи, понеже бо старей братьи своей. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на себе примиряше; кому ли крест целоваше, в весь живот свой несступаше; аще кто к нему неисправляше целования, он единако исправи, никого приобиде, ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. В велице тишине бысть княжение его».

Давыдом основан в Чернигове в честь его ангела монастырь Глебоборисовский. Он оставил трех сыновей, Святослава, Владимира и Изяслава, из которых старший Святослав, или, как в просторечии называли его, Святоша, посвятил себя строгой монашеской жизни, доказывая тем свое благочестивое воспитание.[18]

Давыду Святославичу должен был наследовать оставшийся младший брат его, Ярослав муромский (Олег умер прежде его). Он, действительно, и приехал из Мурома занять отцовский стол, но владел им недолго.

Племянник его, Всеволод Ольгович, достойный сын отца, самый деятельный и способный из всех братьев, не имея никакого права в отношении к дяде, при старших двоюродных братьях, Давыдовичах, напал на него врасплох, разбил и полонил его дружину, а самого вынудил удалиться из Чернигова (1127).

Обиженный, ограбленный он обратился с просьбой о

---

[18] Внучка Давыда, дочь Святоши, была замужем за Всеволодом Мстиславичем псковским, причтенным к лику святых.

покровительстве к великому князю киевскому Мстиславу. Тот обещал, поклялся и приготовился идти войной на зятя (Всеволод был женат на его дочери). Всеволод, испуганный, употребил все старания остановить его, кланялся, молился, подкупал бояр. Так прошло все лето до зимы. Ярослав нарочно приехал из Мурома «кланяяся ему (Мстиславу) моляшеться река: крест еси целовал ко мне, пойди на Всеволода». А Всеволод со своей стороны приступал к Мстиславу с просьбами, и Мстислав изменил своему слову.

Несчастный Святославич принужден был оставить добычу у похитителя и удалиться в свой Муром, где стал родоначальником особой ветви князей муромских и рязанских.

Всеволод находился в подчинении великого князя Мстислава и ходил по его слову на полоцких князей в 1128 году, и на Литву в 1131 г. Но по кончине его начал действовать иначе: воспользовавшись распрями Мономаховичей, он стал требовать себе волостей, вероятно, Курска, уступленного когда-то его отцу. «Что ны отец держал при вашем отци, тогоже и мы хочем; аже не вдаст, то не жалуйте, что се удеет, то вы виновати, то на вас буди кровь».

Началась война. Всеволод осадил Переяславль, и, услышав о приближении великого князя Ярополка, вышел к нему навстречу. Произошло сражение в верховьях Супоя, 18 августа 1133 года. Ольговичи победили и пленили многих киевских бояр. Внук Мономаха, Василько Маричич, царевич Василько Леонович, были убиты. Владимировичи удалились. Всеволод перешел Десну и стал против Вышгорода. Ярополк начал собирать против него войско. Между тем, велись переговоры, которые не имели желанного конца. Всеволод отошел в Чернигов, но в декабре Ольговичи с половцами опять напали на киевские владения и опустошили всю сторону от Триполя около Красна и Василева до Белгорода, Киева и Вышгорода, по Желани, даже до Деревской земли. У великого князя Ярополка собралась большая рать, но он решил уступить, избегая кровопролития, «и вда Ярополк Ольговичем отчину свою, чего и хотели, и тако утиши брань ту лютую» (1136).

Всеволод был, однако же, недоволен, и замышлял зло: в 1138 году он привел половцев к Прилуку, взял несколько городов и собрал Посульское.

Ярополк, вышедший из терпения, собрался со всеми силами и явился перед Черниговом.

Всеволод оробел и решил бежать, но черниговцы не пустили его:

«Ты думаешь спастись к половцам, а волость свою погубить хочешь. К чему же ты воротишься? Лучше покинь свое высокоумие и проси мира: мы ведаем милосердие Ярополка: он не любит кровопролития, стараясь соблюдать землю Русскую».

Всеволод должен был послушаться, начал слать послов к Ярополку с мольбой о мире, одних за другими; и тот, наконец, простил его, милостивый нравом, подобно отцу.

Вскоре великий князь Ярополк (1140) скончался. Всеволод, с братом Святославом и Владимиром Давыдовичем, напали на Киев, точно как прежде на Чернигов; он изгнал оттуда брата Ярополка, великого князя Вячеслава, и стал без всякого права великим князем киевским (1139).

Чернигов он отдал своим старшим двоюродным братьям, Давыдовичам, удержав за собой, однако же, вятичей.

Братья родные, Игорь и Святослав, которым он прежде обещал Чернигов, рассердились, ходили войной то на Чернигов, то на Переяславль и беспрестанно требовали себе наделения в отчине, отказываясь от уделов в Киевском княжестве.

Всеволод, на киевском столе, думал было покорить под свою власть всю Русскую землю, Переяславль, Владимир, Смоленск, Туров, Новгород, но должен был отказаться от своего намерения. Братьев, которых он всегда старался ссорить (Ольговичей с Давыдовичами), удовлетворил он некоторыми Киевскими городами, которыми они вынуждены были, наконец, удовольствоваться, и привлек на свою сторону.

Давыдовичи, получившие по его милости Чернигов, служили ему верно и участвовали во всех его походах.

В 1139 году Изяслав Давыдович ходил на Мономаховичей с половцами.

В 1142 г. ходил по приказанию великого князя в Польшу, в помощь к его зятю Владиславу, на младших его братьев Болеславичей.

В 1144 г. Владимир Давыдович ходил с великим князем Всеволодом на Галич и получил часть добычи.

В этом году великий князь Всеволод выдал за него Мономахову внучку, Всеволодковну.

В следующем году (1145) он взял клятву с Давыдовичей, призвав их в Киев, на верность и любовь к брату Игорю, которому предоставил Киев.

В 1146 г. Давыдовичи ходили в войске великого князя Всеволода на Галич, которое вернулось без успеха.

Перед смертью Всеволод присылал к Давыдовичам, как и к прочим братьям, спросить: «Стоите ли в крестном целовании?» Они отвечали: «Стоим».

Великий князь скончался 1 августа, и брат его Игорь послал к Давыдовичам с тем же вопросом; они начали просить у него много волостей.

Киевляне и черные клобуки предали Игоря, несмотря на принятые им условия; он был разбит и взят в плен призванным Изяславом Мстиславичем.

Святослав, брат его, бежал в Чернигов и спросил Давыдовичей: стоят ли они в крестном целовании, данном пятого дня. Они подтвердили клятву. Святослав оставил у них мужа своего Коснячку и отправился в Курск ставить людей для замышляемой борьбы с Изяславом, и оттуда к себе в Новгород.

Но Давыдовичи замышляли иное. Издавна враждуя с младшими Ольговичам за Чернигов, которого те искали, они начали тайно советоваться между собой и не допускали к своим советам Святославова мужа. Тот узнал об их кознях и дал знать своему князю: «Княже, думают о тебе, хотят тебя захватить, не моги ехать к ним, если пришлют за тобой». Наконец, они решились и послали сказать великому князю Изяславу киевскому: «Игорь был также зол нам, как и тебе, держи его крепче». А Святославу: «Иди из Новгорода в Путивль, а от брата откажись». Святослав отвечал: «Не спрашиваю себе волостей ничего, отпустите только брата». «Целуй крест, повторяли они, что не будешь просить и искать за брата, а волость держи».

«Началось дело злое, доведем до конца братоубийство; пойдем искореним Святослава и переимем волость его», думали они и просили великого князя Изяслава идти вместе с ними под Новгород.

Изяслав приходил к ним на сейм и дал им сына Мстислава с переяславцами и берендеями.

Новгород-Северское княжество было покорено, но ненадолго. Святослав нашел себе союзника в лице суздальского князя Юрия. Они пригласили половцев и собрали множество сил. Соединясь, они опять заняли Северское княжество и грозили Чернигову. Давыдовичи испугались: не потерять бы им Чернигова, на который шел их озлобленный враг вместе с сильным помощником. «Изяславу

невмочь охранять наших волостей, гадали они, когда ему самому грозит опасность от Юрия».

Они послали в Киев предупредить великого князя о приближении неприятеля и звать к себе на помощь: «Брате, се заял Ольгович Святослав волость мою Вятичи, пойдем на него; прогнав его, пойдем на Юрия в Суздаль, либо побьемся с ним, либо мир сотворим».

Но решение у них уже было принято другое: они задумали оставить великого князя и пристать к его врагам. Тогда же они послали сказать Святославу Ольговичу, которого послы настигли в Спаске. «Не помяни злоб наших, так молились они, и не имей на нас жалобы; возьми свою отчину, именье твое возвратим тебе, а ты целуй нам крест и станем все заодно».

Святослав с удовольствием принял их предложение, радуясь новым союзникам.

Давыдовичи, замыслив предательство, прислали, однако же, вновь звать Изяслава к себе на помощь.

Улеб, боярин, посланный Изяславом к Давыдовичам, узнал в Чернигове, что они уже целовали крест Святославу Ольговичу, и прискакал назад к своему князю уведомить об измене. Черниговские приятели прислали также остеречь его, чтобы он не шел дальше, ибо думают его убить или пленить.

Изяслав потребовал у них дать новую присягу.

Давыдовичи отказались: «Для чего целовать крест без дела? Мы целовали его тебе, разве мы провинились?»

«Греха нет на любви поцеловать крест, и еще это душе на спасение, возразил посол, в исполнение наказа Изяслава. Вы стоите, братья, в крестном целовании, так я сообщаю вам вот что: до меня дошли слухи, что вы предались Ольговичу и ведете меня лестью, хотяче яти, ли убити в Игоря место. Так ли это, братья, или не так?»

Давыдовичи не могли вымолвить ни слова. Они только взглянули друг на друга и долго молчали. Наконец, Владимир сказал послу: «Отойди пока прочь, посиди там, мы тебя позовем». Долго они думали и советовались, видя свое разоблачение, и, наконец, призвали посла: «Брат! Точно, мы целовали крест Святославу Ольговичу. Жаль нам стало брата нашего Игоря. Суди сам, любо ли б было тебе, если б мы держали твоего брата. Пусти Игоря — он уже чернец и схимник — и мы ездим подле тебя».

Посол привез Изяславу подтверждение, что Давыдовичи предали его. Тогда он отослал им крестные грамоты со следующими словами:

«Вы целовали мне крест до моей смерти, и я изыскал вам волость, дал Новгород и Путивль, прогнал с вами вместе Святослава, взял его жизнь и разделил с вами, а вы теперь переступаете крест, ведете меня лестью и хотите убить. Вот же вам крестные грамоты, что ни будет, то будет! Бог со мною и сила Животворящего креста».

В Киеве произошло страшное смятение вследствие полученного от великого князя известия об измене черниговских князей. Несчастный Игорь Ольгович, заключенный в монастыре, был убит (1147).

Великий князь Изяслав соединился, между тем, с братом Ростиславом смоленским. Многие черниговские волости были ими опустошены. Всеволож, куда ушли другие два города, был взят на щит. Уневеж, Белавежа, Бохмач, услышав, что Всеволож взят, бежали к Чернигову, «и инии гради мнози бежаша». Изяслав и Ростислав послали за ними в погоню, настигли их в поле, некоторых пленили, а прочие ушли. Князья велели их сжечь. Глебль отбился. Война была отложена до установления рек, и братья разошлись.

В следующем году (1148) Изяслав с помощью угорской, с берендеями, с полком Владимировым и Вячеславовым, двинулся к Чернигову и опустошил все села. Давыдовичи не смели выйти из города. Оттуда пустился к Любцу, «идеже их вся жизнь» и опустошил страну. Давыдовичи с союзниками, выйдя за ними, не могли помешать им нисколько и должны были остановиться перед рекою у Любца. Лучники с обеих сторон перестреливались. Пошел сильный дождь; Изяслав вынужден был удалиться, опасаясь разлива.

Давыдовичам приходилось очень тяжело. Находясь между двумя огнями, они дали знать Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу о своем затруднительном положении. Те пришли на сейм, и все они послали напомнить Юрию: «Ты целовал нам крест придти на Изяслава и не пришел, а он города наши пожег и земли наши повоевал за Десною; ныне приходил опять к Чернигову, став на Ольгове поле, и опустошил всю страну до Любца, а ты все-таки к нам не показывался, ни на Ростислава не наступал. Так слушай же: хочешь идти на Изяслава — иди, и мы с тобою; не идешь, нам нельзя погибать ратью одним, и в крестном целовании мы правы».

Послы вернулись без всякого удовлетворительного ответа, и Давыдовичи вместе с Ольговичами вынуждены были, согласясь между собой, просить мира у великого князя Изяслава: «Так было при отцах и дедах наших: мир стоит до рати, а рать до мира. Не

упрекай нас, что мы ставали на рать: жаль нам было брата нашего Игоря. Мы хотели только, чтобы ты пустил его. А теперь, брат наш убит, к Богу пошел, нам всем там быти, а то Богу правити. А мы доколе будем Русскую землю губить, а быхом ся уладили».

Изяслав, посоветовавшись с Ростиславом, принял их предложение. Князья целовали крест в святом Спасе вражду про Игоря отложить, блюсти Русскую землю и быть всем заодно.

Осенью Давыдовичи были на сейме с великим князем Изяславом у Городка. Изяслав выразил сожаление, отчего не пришли брат Святослав и сестричич и, напомнив им об их обещании «быть с ним вместе», объявил, что намерен идти на Юрия за обиду новгородцев. Владимир отвечал: «Аже брат Святослав не приехал, ни сестричич твой, яве есве, а мы все крест целовали на том, ако кде твоя обида будет, а нам быти с тобою». Решено было «ако ледове станут», идти Давыдовичам на вятичей к Ростову, а собраться всем на Волге.

«И ту Изяслав Мстиславич, поя на обед к себе Владимира Давыдовича и брата Изяслава, и тако обедавши и пребывше в весельи и в любви, и разъехашеся».

Однако же, они не исполнили полностью своего обещания и в начале зимы остановились в вятичах, выжидая, чем кончится поход Изяслава. Изяслав с братом Ростиславом, одни, опустошили Поволжье.

Впрочем, Давыдовичи остались верными великому князю Изяславу Мстиславичу, и при новом походе Юрия Владимир (1149) предупредил его: «Се Гюрги, стрый твой, идет на тя, а уже есть вшел в наше Вятиче, а мы есме к тобе хрест целовали с тобою быти, а являю ти; пристроивайся».

Изяслав благодарил его и поручил ему уведомить Святослава Ольговича. Владимир отвечал: «Мы с братом стоим в крестном целованье, и не дай Бог соступить его; но хорошо, если бы управил и брат Святослав».

Давыдовичи прибавили от себя к словам Изяславовым до Святослава Ольговича со своими мужами: «Брат, ти молвит Владимир и Изяслав — мы есми хрест целовали, яко всем нам быти за один, а ве, брате, доспеваеве; а ты, брате, также доспевай».

У Святослава Ольговича сердце лежало более к Юрию, и, снесясь с ним, он опять перешел на его сторону, под предлогом, что ему не возвращено имение брата. Оба они послали звать Давыдовичей на Изяслава. Те отвечали Юрию: «Ты целовал нам крест, а Изяслав,

пришед, землю нашу повоевал, и по Задеснью города наши пожег. Ныне мы целовали крест Изяславу Мстиславичу, с теми же хочеве быти, а душею не можеве играти». Тогда же послали они известить великого князя о грозящей войне, в которой приняли участие, и которая кончилась, впрочем, для них для всех несчастливо.

Тогда Давыдовичи должны были поклониться Юрию, севшему на киевский стол, и помогать ему в войне 1150 года.

В 1151 году Давыдовичи, братья, дотоле дружные, разделились. Владимир был на стороне Юрия, а Изяслав, по неизвестным причинам, перешел опять к Изяславу Мстиславичу. Последние победили соединенных противников в сражении за рекой Рутом. Владимир, «добрый и кроткий», как говорит Киевская летопись, был убит. Великий князь, оплакав его, вместе с Изяславом, сказал сему последнему: «Нам не воскресить брата; ступай в Чернигов — похорони его; и сему уже не стой, но нарядися, а я помощь к тебе пришлю».

Изяслав Давыдович сел в Чернигове.

Владимирович получил себе частный удел.

Святослав Ольгович северский, оставленный Юрием, предложил ему мир и союз: «Брат! Мир стоит до войны, а война до мира. Мы с тобою братья: прими нас к себе. Отчин у нас две: одна отца моего Олега, а другая твоего отца Давыда; ты, брат, Давыдович, а я Ольгович; возьми себе Давыдово, а нам отдай Ольгово, мы поделимся между собою».

Изяслав поступил по-христиански: принял братьев и отчину их возвратил им, а свою оставил при себе.

Все они по требованию великого князя ходили на Юрия, затворившегося в Городце, бились с ним, и, наконец, вынудили идти в Суздаль, а Городец сожгли.

Но в следующем году (1152), когда Юрий опять поднялся на великого князя, Святослав, находясь в дороге, вынужден был присоединиться к своему старому союзнику. Они опустошили вместе Черниговские волости и осадили сам Чернигов, под которым стояли двенадцать дней. Услышав, что великий князь Изяслав с Ростиславом приближаются на помощь, отошли прочь.

Черниговский князь ходил с ними после на Новгород (Северский), где князья заключили мир, вняв просьбам Святослава Ольговича.

В галицком походе 1153 года он также принимал участие.

По случаю внезапной кончины великого князя Изяслава Мстиславича, черниговский князь, Изяслав Давыдович, вздумал было овладеть великокняжеским столом: «не устряпав ништо», он отправился в Киев. Вячеслав, ожидавший старшего племянника Ростислава, узнав, что черниговский князь уже стоит перед перевозом, послал к нему спросить: «Зачем ты приехал и кто тебя звал? Ступай в свой Чернигов». Изяслав отвечал: «Я приехал оплакать брата. Меня не было на похоронах. Позволь мне поклониться его гробу».

Вячеслав, посоветовавшись с мужами, не пустил Изяслава в Киев.

Между тем, из Смоленска прибыл Ростислав и пошел на него войной, говоря: «Целуй нам крест на том, чтобы сидеть тебе в Чернигове, а нам в Киеве». Изяслав отвечал: «Я ничего не сделал вам — за что вы пришли на меня? А как мне с вами Бог даст!» Изяслав противопоставил ему столько воинов, при помощи половцев, что Ростислав готов был даже уступить ему и Киев, и Переяславль. Произошло сражение. Ростислав, побежденный, удалился в Смоленск, а Изяслав Давыдович занял Киев, призванный киевлянами, и договорился со Святославом Ольговичем, которому предоставил Чернигов, как вдруг нагрянул Юрий.

Святослав Ольгович убеждал Изяслава уступить Юрию, обещая выехать из Чернигова, но Изяслав полюбил Киев и долго не мог решиться. Юрий, уже близко подошедший, говорил с угрозой: «Мне отчина Киев, а не тебе». Изяслав должен был поклониться ему, хоть и не искренне, говоря: «Разве я сам сел в Киеве? Меня посадили киевляне! Не сотвори мне пакости, а се твой Киев» (1153).

На сейме в Лутаве (1155) черниговский князь получил от Юрия Корческ (а Святославу Ольговичу был дан Мозырь).

Святослав Владимирович, недовольный, видно, своим уделом, бежал из Березого во Вщиж (1156), занял все города по Десне.

В 1157 году Изяслав хотел идти с Юрием на Владимир Волынский, но тот не принял его помощи. В том же году он перехватил Ивана Берладника, отосланного Юрием в оковах в Суздаль, в угоду зятю, Ярославу галицкому.

Между тем, он не оставлял мысли овладеть Киевом и подговаривал князей на Юрия. Мстиславичи, наконец, согласились, но Святослав Ольгович отказывался, ссылаясь на присягу.

Изяслав, уже совсем готовый выступить на Юрия, получил

известие, что тот внезапно умер. Изяслав во второй раз занял Киев, предоставив Чернигов племяннику, Святославу Владимировичу (1158).

Святослав Ольгович и племянник Святослав Всеволодович, неприязненные прежде между собой, соединились и пошли на него войной, вследствие которой Чернигов решено было отдать Святославу Ольговичу, а Новгород Святославу Всеволодовичу.

Большая часть Черниговской области осталась за Изяславом.

Владимирович, вместо Чернигова, должен был удовольствоваться прежним уделом.

Изяслав задумал из Киева идти в Галич, вступаясь за Берладника и надеясь, может быть, приобрести новые волости (1139). Святослав черниговский тщетно старался удержать его от похода: «Кому, брат, ищешь волость — брату или сыну; лучше бы тебе не затевать спора; дело другое, если бы шли на тебя, тогда я и племянники готовы вступиться». По дороге он послал к Изяславу еще посла с теми же речами. Изяслав пригрозил прогнать его из Чернигова назад в Новгород за его отказ в помощи.

Святославу тяжело было слышать угрозы, переданные ему послом: «Господи, сказал он, ты видишь мое смирение: сколько я уступал, не хотя пролить крови христианской, не губить своей отчины: взял Чернигов с семью городами пустыми — Моровийск, Любеск, Оргощь, Всеволож, где псари сидят да половцы, а он всю Черниговскую область держит, и то ему недосыти; он грозит еще выгнать меня из Чернигова, целовав мне крест не подозрети подо мною никаким образом. А яз, брате, не лиха хотя тебе, бороню не ходити, но хотя добра и тишины земли Русской. Пусть судит нас Бог!»

Противники заставили Изяслава бежать, и он должен был скитаться по разным городам Черниговской области, взял на щит город жены Святославовой, занял вятичей, мстя Святославу черниговскому, который за то захватил имение бояр Изяславовых, пленил их жен, пока не нашел убежище у племянника Святослава Владимировича во Вщиже.

Он послал оттуда послов к великому князю Андрею владимирскому, прося у него дочь за племянника Святослава и помощи против русских князей, оступивших его во Вщиже, помогая Ольговичам.

Андрей прислал сына Изяслава со своим полком и муромской

помощью. Услышав о его приближении, князья согласились на мир со Святославом Владимировичем и отошли восвояси.

Изяслав Давыдович продолжал стараться об устройстве союзов против великого князя Ростислава. Он привлек к себе Всеволодовичей, даже сына Святослава, Олега. Отцу был очень неприятен поступок его сына. Мужи вступились за него: «Странно, что ты жалуешься на племянников и на сына, а о своем благосостоянии не думаешь. Не явна ли измена тебе, что Роман Ростиславич сулит Изяславу Чернигов, лишь бы жил с ним в любви; что сына твоего Изяслав хотел задержать в Киеве. Ты погубил свою волость, держася за Ростислава, а он помогает тебе плохо».

Святослав согласился действовать с ними заодно, но не выходил из Чернигова.

Соединенные Ольговичи напали на Киев, Ростислав удалился в Белгород, а Изяслав Давыдович занял в третий раз, 12 февраля, великокняжеский стол, и потом осадил Ростислава в Белгороде.

Святослав Ольгович советовал ему помириться, но Изяслав отвечал с сердцем: «Братья мои, воротившись, разойдутся по своим волостям, а мне не умирать же с голоду в Выри. Лучше здесь умру».

Все союзники собрались к Ростиславу на помощь; Изяслав должен был бежать, и во время бегства был убит.

Говорили, что он всегда носил на себе рубашку своего брата, Николы-Святоши, но в этот день позабыл ее надеть. Ростислав и Мстислав приехали к нему, еще живому. Ростислав, плача над ним, сказал: «Мало тебе было волости Черниговской, ты выгнал меня из Киева, и того было недосыти: ты хотел выгнать меня из Белгорода». Изяслав попросил воды, ему подали вина; испив, он испустил дух. Тело его было отвезено в Чернигов и погребено в церкви святых мучеников.

Ольговичи целовали крест Ростиславу, а брата его, Владимира Мстиславича, принудили уступить им Случеск.

Недолго пережил Изяслава Давыдовича и двоюродный брат его, остававшийся старшим из всех Ольговичей. В 1164 году Святослав Ольгович закончил тревожную жизнь свою в Чернигове, 13 февраля, а 17, в понедельник, положен во гроб. Княгиня, половчанка, договорившись с первыми мужами князя своего, скрыла его смерть. Все они присягнули не извещать Святослава Всеволодовича, епископ и дружина; но епископ изменил, «бяше бо родом Гречин». Написав грамоту, он послал сказать Всеволодовичу: «Стрый ти умер, за

Ольгом послали, а дружина по городам в далеке, княгиня сидит в изуменье с детьми, и товара у нее множество. Приезжай скорее, Олега еще нет, и ты возьмешь ряд с ним по своей воле».

Святослав Всеволодович, прочитав грамоту, отправил сына в Гомий и посадников по городам, а сам собрался ехать в Чернигов, но, услышав, что Олег предупредил его, послал к нему послов; они начали слаться между собой, торгуясь о волостях. Олег же «на ся поступив уладися»: Святославу предоставил Чернигов, а себе взял Новгород. Святослав обещался наделить его братьев, Игоря и Всеволода, но слова не сдержал.

В 1167 году умер Святослав Владимирович во Вщиже, и с ним прекратилось потомство Давыдово. Черниговская область, вся, с Северской страной и вятичами включительно, осталась во владении одного Олегова рода.

Смерть Владимировича была новой причиной раздора между Святославом Всеволодовичем черниговским и Олегом Святославичем новгородским: Олег просил в правду наделения, но Святослав посадил сына во Вщиже, а лучшую волость отдал своему брату. Началась война между двоюродными братьями. Олег, будучи болен, не мог вести ее, и только благодаря посредству великого князя Ростислава получил, наконец, себе четыре города и заключил мир.

В 1169 году все Ольговичи ходили на половцев, по вызову великого князя Мстислава Изяславича, «быв в его воле», но в нападении Андреевых воинов на Киев приняли участие, действуя уже против него.

Последовало несколько мирных лет: «ничто же бысть».

Новое нападение Андрея (1173) было особенно возбуждено Ольговичами; услышав о его споре с Ростиславичами, Святослав Всеволодович черниговский прислал сказать ему: «Кто тебе враг, тот враг и нам. Иди, мы готовы помогать тебе».

Двадцать князей соединились под Киевом. Черниговский князь, как старший между ними, принял главное начальство: «Како ся бяшеть с ним свещали и со всею его братиею». В продолжение осады Вышгорода пришел Ярослав Изяславич луцкий со всей Волынской землей. Ольговичи не уступали ему старейшинства; но Святослав Всеволодович заключил с ним, кажется, тайное соглашение. Осаждающие, вследствие неверных слухов, разбежались. Ярослав занял Киев. Черниговский князь потребовал у него наделения и получил отказ.

Тогда, соединившись с братьями, он напал на Киев. Сам Ярослав едва успел спастись в Луцк; Святослав захватил жену его с сыном, всю дружину и отправил в Чернигов.

Впрочем, он не остался в Киеве, не надеясь удержать его за собой.

В 1174 и 1175 годах возобновилось междоусобие у Святослава Всеволодовича с Олегом Святославичем. Один нападал на Чернигов, другой на Новгород.

Святослав Всеволодович принял участие в делах восточной России, и, по убиении Андрея Боголюбского, помогал младшим его братьям, Михаилу и Всеволоду Юрьевичам, добыть его отчину. Он дал им в провожатые сына Владимира с полком. Другой сын, Олег, проводил их жен также с полком.

Не видя никакой опасности со стороны севера, он счел тогда удобным приобрести себе Киев; Ростиславичи вынуждены были, наконец, исполнить его желание, и Роман отошел в Смоленск.

Святослав сел в Киеве (1177), но еще нетвердо, спорил и боролся с Ростиславичами, и уже только после суздальского похода (1180), по договору с ними, получил себе Киев, уступив Рюрику всю Русскую землю.

Чернигов достался тогда его брату Ярославу.

С этого времени, вследствие соглашения великого князя Святослава с Рюриком, начинаются частые походы русских князей на половцев — Ярослав черниговский ходил с ними неохотно и действовал не усердно; в походе, начатом 23 февраля 1183 года, в первую неделю поста, Ярослав сказал у Ольжич: «Ныне, братья, не ходите; оже даст Бог на лето пойдем». Князья приняли его совет. В следующий поход с братьями он идти отказался, сказав: «Далече ны есть ити вниз Днепра, не можем своея земли пусты оставити, но же поидем на Переяславль, то скупимся с тобою на Суле». В 1183 г. Ярослав отказался от участия под предлогом начавшихся переговоров: «Аз есмь послал к ним мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужи поехати». В 1187 году на Снепороде Ярослав объявил: «Не могу идти дале от Днепра. Земля моя далече, а дружина моя изнемоглася». Напрасно убеждали его брат и Рюрик. «Не могу поехати один, а полк мой пеш; вы бы есте мне поведали дома же дотоле ити». Князья венулись.

В 1191 году отпускал он, однако же, сына с братьями на половцев.

В 1194 г. Ярослав участвовал в семейном совете о походе на Рязань великого князя Святослава Всеволодовича.

После смерти Святослава Всеволодовича Ярослава призвал Роман волынский занять освободившийся стол и свергнуть тестя его Рюрика. Он получил тогда от Рюрика Витебск.

Рюрик, сговорившись с великим князем Всеволодом (1193), потребовал от Ярослава и всех Ольговичей, чтобы они отказались за себя и за свое потомство от Киева, принимая Днепр границей.

Ольговичи, держав совет, выразили свое неудовольствие и отвечали Всеволоду: «Если ты требуешь от нас блюсти Киев под тобою и под Рюриком, то мы в этом стоим. Если же ты хочешь, чтобы мы отказались от него навсегда, то отвечаем: мы не угры и не ляхи, но внуки одного деда; при вашем животе мы не ищем, а после вас что Бог даст».

Всеволод грозил им войной, они испугались и послали архимандрита Дионисия, «кланяючися и емлючися ему по всей воли его», и Всеволод дал им мир.

Других послов послали они к Рюрику, говоря: «Брат, нам с тобой не было лиха никогда. Нынешней зимой мы не окончили ряда с тобой и Всеволодом, но ты к нам близок: целуй нам крест, что не будешь с нами воевать до тех пор, пока мы уладимся или не уладимся с Всеволодом и Давыдом».

Рюрик согласился «не возставать на рать до ряду», и водил их к кресту на том же, распустил дружину и отослал диких половцев.

Но Ярослав изменил присяге и, не дождавшись переговоров, послал своих племянников на зятя Давыдова воевать Смоленскую область.

Давыдовы полки, с племянником его Мстиславом Романовичем, по недоразумению, были разбиты. Олег звал дядю Ярослава из Чернигова: «Мстислава взял я в плен, и полки его победил. Смоленские пленники говорят, что братья их не хороши с Давыдом. Приезжай скорее сюда не стряпая с своими. Такого времени не будет. Мы возьмем ныне честь свою».

Ярослав, обрадованный, поспешил к Смоленску.

Рюрик возвратил ему крестные грамоты и угрожал напасть на Чернигов.

Ярослав вернулся и старался оправдаться, слагая вину на Давыда, который помогает своему зятю. Рюрик призвал половцев и начал войну. Ярослав жаловался: «За что, брат, начал ты воевать мою

волость и руки полнить поганым. У меня с тобою ни в чем не разошлося, и я Киева под тобою не ищу. Давыд посылал Мстислава на моих сыновцев и Бог их рассудил: я отдам тебе Мстислава без выкупа по любви. Целуй же крест мне и введи меня в любовь с Давыдом. Если Всеволод хочет с нами уладиться, то уладится, а ваше дело сторона с братом Давыдом».

Рюрик потребовал пропуска для своих послов к брату Давыду и великому князю Всеволоду.

Ярослав, подозревая Рюрика, что тоже хочет против него договариваться, не пускал послов через свою волость. Ольговичи перекрыли все пути.

Война продолжалась все лето до осени. Всеволод во исполнение своего обещания Рюрику, пришел (1196) воевать Черниговскую и Северскую волости и соединился на пути с Давыдом смоленским.

Они заняли и пожгли города вятичей. Ольговичи были поставлены в затруднительное положение. Ярослав велел двум Святославичам запереться в Чернигове, Олегу и Глебу принять меры для обороны других городов от Рюрика, а сам с братьями и племянниками, дикими половцами, отправился против Давыда и Всеволода, стал, прикрывшись своими лесами, на реках велел сжечь мосты и послал мужа к Всеволоду и Давыду: «Брат и сват, ты взял нашу отчину и наш хлеб: если ты хочешь быть с нами в любви и учинить ряд правый, то мы любви не бегаем и станем на всей твоей воле; а если ты умыслил что-нибудь — мы готовы на бой».

Всеволод изъявил согласие помириться, хотя Давыд всячески его отговаривал и побуждал идти на Чернигов.

Всеволод поставил условие — отпустить Мстислава Романовича, выгнать Ярополка из своей земли и отступиться от Романа волынского.

Ярослав соглашался на все, «ни Киева под Рюриком не искати, ни Смоленска под Давыдом не искати», но не хотел оставить Романа.

Во время переговоров, в 1198 году он скончался, и на столе его сел Игорь Святославич, знаменитый князь северский. Он княжил очень недолго, до 1202 г., так же как и брат его Олег Святославич.

Они сблизились с Рюриком, помогали ему против Романа волынского, который, предупредив нападение, отнял Киев у Рюрика и отправил Ольговичей за Днепр к Чернигову.

В том же году Ольговичи участвовали во взятии и разорении Киева Рюриком.

При посредстве Романа, введены они были, однако же, вскоре, в любовь к великому князю суздальскому.

Всеволод прислал боярина своего Михаила Борисовича привести их к кресту, и Ольговичи послали своих бояр к великому князю привести его к кресту. Роман также целовал крест.

После смерти Романа волынского они хотели было овладеть Киевом (1204), но Рюрик предупредил их. Они договорились идти вместе на Галич. Рюрик дал им у себя Белгород. Общий поход на Галич, в 1205 году, не имел успеха.

В 1206 году все Ольговичи имели сейм в Чернигове. Всеволод Святославич Чермный, предприимчивый и способный, занимал между ними первое место. Соединясь с половцами и смоленскими князьями, они опять пошли на Галич. К ним присоединился и Рюрик со своими сыновьями и племянниками из Киева.

Ополчение разошлось, вследствие помощи угорской, но, на обратном пути, галичане тайно призвали Игоревичей, двоюродных братьев последнего галицкого князя, Владимира Ярославича, которым, таким образом, достался Галич.

А Всеволод Святославич тогда же занял Киев, разослал посадников по городам и вынудил Рюрика удалиться в свой Вручий.

Потом он выгнал и Ярослава Всеволодовича из Переяславля, который отдал сыну.

Началась война Всеволода с Рюриком, в которой принимали участие все их братья, с той и другой стороны. Киев несколько раз переходил из рук в руки. После похода в 1207 году Всеволод выгнал всех князей из русских городов, из Триполя Ярослава Владимировича, из Белгорода Мстислава Романовича, из Торческа Мстислава Мстиславича.

Всеволод, великий князь суздальский, восстал против него: «Разве только им отчина Русская земля, а не нам?»

Он собрался в поход, прослышав о котором, Рюрик напал на Чермного и снова выгнал из Киева.

Ольговичи смирились и прислали с мольбой к великому князю суздальскому Всеволоду митрополита Матфея, «просяче мира и во всем покоряючеся».

Они договорились с Рюриком и отдали ему Чернигов, а себе взяли Киев.

Три года прожил Рюрик в Чернигове.

После его смерти Всеволод Чермный возвратился к прежнему

своему намерению. В то время несчастные Игоревичи вследствие смут погибли в Галиче. Он воспользовался этим предлогом и объявил Ростиславичам: «Вы повесили моих братьев в Галиче и положили укор на всех нас: нет вам части в Русской земле».

Те обратились с просьбой к знаменитому Мстиславу новгородскому, который только что перед тем покончил распрю владимирских князей на Липецком поле. Он немедленно устроил союз. На Всеволода нагрянули вдруг: Мстислав Романович из Смоленска с братом, Владимир Рюрикович, Ингварь Ярославич из Луцка, и предводитель ополчения, Мстислав Мстиславич из Новгорода. Всеволод бежал в Чернигов, князья за ним, в бегстве он умер.

Союзники осадили Глеба Святославича, его брата, стояли под Черниговом три недели, опустошили все окрестности и, наконец, заключили мир.

После 1217 года и до 1224 не сохранилось никаких известий в летописях о Чернигове, который, вследствие последних беспрерывных войн, ослабел, видно, до такой степени, что не мог принимать никакого участия в общих действиях.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Новгород Северский, в стране северян, живших по Десне, Семи и Суле, присужден был по решению Любечского сейма второму из оставшихся сыновей Святослава Ярославича, знаменитому Олегу, который, после многих превратностей, водворился здесь с 1097 года и действовал, по большей части, согласно с братьями двоюродными, Святополком и Владимиром.

В Новгороде он и закончил свою жизнь, 18 августа 1113 года, раньше своего старшего брата Давыда, княжившего в Чернигове (1123).

После Олега остались три сына: Всеволод, женатый на дочери великого князя Мстислава Владимировича, Игорь и Святослав, женатый в 1109 году, во время путешествия отца к половцам, на Аепиной дочери, Гиргеневой внучке.

Старший, Всеволод, из Новгорода напал (1127) на своего дядю в Чернигове, занявшего братнее Давыдово место, прогнал его в Муром, занял его стол, а потом напал и на киевского князя Вячеслава Владимировича и занял стол великокняжеский (1139).

Братья его, Игорь и Святослав Олеговичи, оставались в Северских странах. Недовольные тем, что Всеволод предоставил приобретенный им Чернигов, вместо них, Давыдовичам, как старшим, пытались расшириться за счет Переяславля и домогались получить себе земли в вятичах, оставленные Всеволодом в своем владении; но Всеволод не пускал их туда, а дал в прибавление только по Киевскому городу. Переяславские их походы окончились ничем.

Игорь сблизился с великим князем, надеясь получить после него Киев, ходил с ним на Галич и в ляхи, стараясь служить и угождать ему. Всеволод умер и, умирая, привел к присяге киевлян и близких князей на верность Игорю.

Святослав ему много помогал; появился сильный соперник в лице Изяслава Мстиславича, призванного самими киевлянами. Игорь был разбит и посажен под стражу.

Давыдовичи, княжившие в Чернигове, издавна враждебные Ольговичам, хотели воспользоваться обстоятельствами и отнять у последнего Ольговича, Святослава, его княжество. С этой целью они предложили союз Изяславу Мстиславичу, занявшему Киев, и просили у него помощи. Святославу Ольговичу они прислали тогда сказать: «Ступай из Новгорода в Путивль, а брата оставь». Святослав отвечал: «Не хочу ни волости, ни иного чего, пустите только брата». Давыдовичи требовали, чтобы он не искал брата, а поцеловал им крест. Святослав обратился за помощью к Юрию суздальскому: «Брата Всеволода Бог взял, послал Святослав сказать суздальскому князю, а Игоря Изяслав полонил. Приходи в Русскую землю, выручи мне брата, а я тебе здесь помощник».

Юрий с радостью ухватился за случай и отправил вперед к Святославу сына Ивана, которому тот тотчас дал Курск с Посемьем, чтобы задобрить еще более его отца и удостоверить в готовности к пожертвованиям.

Тогда же послал он за половцами, к своим дядям, и их пришло к нему триста.

Приехали еще в помощники: один из рязанских родственных князей да галицкий Иван Берладник, по найму за серебро.

Вот с какими средствами Святослав и Юрий ожидали своих врагов.

Враги подступили под Новгород и расположились полками у самой переспы. Начались схватки и приступы. Мстислав Изяславич напомнил Давыдовичам наказ отца дожидаться его прибытия. Князья

прекратили нападения и пустились по окрестностям. Захвачены были в лесу по Рахне стада Игоря и Святослава (кобыл стадных три тысячи, коней тысяча), сожжены жита и дворы. Далее разграблено Игорево сельцо, где он устроил себе двор, запасено множество готовизны в бретьяницах, вин и медов в погребах, всякого товара тяжелого — железа и меди. Давыдовичи велели накладывать все на воза себе и воинам, а потом зажечь двор и гумно, где стояло 900 стогов, и церковь Св. Георгия. Потом, соскучась, видно, стоять без дела под Новым городом в ожидании Изяслава Мстиславича, они отошли к Путивлю, о чем и дано ему было знать. Путивльцы бились крепко, хотя князья и обещали не отдавать их в неволю. Наконец, пришел давно ожидаемый великий князь Изяслав с силой киевской. Путивльцы сдались ему немедленно, объявив, что только его дожидались, и просили, чтобы он поцеловал им крест. Изяслав исполнил их желание, вывел посадника, а своего посадил, разделил тамошний двор Святослава на четыре части: скотницы, бретьяницы и весь товар, которого не под силу было и вывезти, — одного меду в погребах было 500 берковцев, вина 80 корчаг. Церковь святого Вознесения была опустошена полностью: взяты сосуды серебряные, кадильницы, колокола, евангелие кованое, книги, платы служебные, все шитые золотом. Все княжение было взято и разделено; челяди отведено семьсот.

От Путивля союзники повернули к Новгороду, о чем дал знать Святославу один муж его отца, перешедший на службу к Владимиру Давыдовичу. Святослав передал полученное известие своим друзьям и сподвижникам, и те посоветовали ему бежать в лесную сторону, потому что сопротивляться в Новгороде не было никакой возможности, без людей и припасов. И Святослав бежал, взяв с собой жену и детей; из дружины одни последовали за ним, другие оставили его.

Изяслав Давыдович в сердцах, что он ускользнул от их рук, выпросился у братьев пуститься за ним в погоню на конях, чтобы захватить его или, по крайней мере, его жену, детей, имение. Братья отпустили с ним дружину, а сами по его следам двигались тихо. Изяслав от Новгорода направил свой путь на Севск и Болдыж. В Корачеве услышал Святослав о погоне и похвальбе Изяслава от взятых в плен берендеев. Узнав, что у него войска только три тысячи, без возов, Святослав решил дать ему бой или сложить свою голову, отдать в плен дружину, детей и жену. Он вышел навстречу, сразился

и разбил своего противника, 10 января 1147 года.

Следовавшие князья вскоре узнали о происшедшем. Изяславу Мстиславичу разожглось еще более сердце на Святослава. Собрав своих воинов, он поспешил с братьями на Святослава к Корачеву. Целый день вплоть до ночи шел он вперед, опустошая страну. По дороге собралась к нему разбитая дружина. К полудню пристал и сам разбитый Изяслав Давыдович.

Святослав, не надеясь выдержать второго соединенного нападения, бежал ночью за лес к вятичам.

Великий князь Изяслав, покорив почти все Северское княжество, оставил Давыдовичей. «Я изыскал вам волости, сказал он Давыдовичам, все, чего вы хотели: вот Новгород, вот и все Святославово владение. Что окажется здесь его челяди и товара, то разделим на части, а Игорево все мое». Так и было исполнено.

По удалении великого князя Изяслава Давыдовичи пошли к Брянску. Святослав был тогда уже в Козельске, предупрежденный племянником Всеволодовичем о продолжение преследования, и вышел оттуда к Дедославлю, где оставил его Берладник, взяв за службу двести гривен серебра. Из Дедославля он повернул на Колтеск, куда пришла к нему на помощь от Юрия дружина белозерская. Святослав рассудил тогда пойти на Изяслава Давыдовича, как вдруг занемог Иван Юрьевич, которого он не хотел оставить при смерти, и отпустил свою дружину одну. Утомились и Давыдовичи. Они решили возвратиться восвояси, поручая закончить свое дело вятичам: «Святослав ворог как нам, так и вам, ловите убить его лестью, а также разделаться и с его дружиной; имение же его вам на полон», сказали они созванным мужам и, обремененные добычей, пустились в обратный путь.

Святослав мог вздохнуть спокойно и отпустил своих союзников, половцев, осыпав их дарами.

К прискорбию его, разнемогшийся Иван Юрьевич скончался в понедельник, на Масленой неделе, 24 февраля 1147 г.

К утру приехали два брата его, Борис и Глеб, «сотворили плач велик» и взяли тело его отвезти к отцу в Суздаль.

Святослав отошел в верх Оки и стал в Лобынске, в устье Протвы, куда Юрий прислал к нему послов с дарами великими для него, для его жены и для всей дружины, паволоками и скорою. «О сыне моем не тужи, говорил он, если Бог взял его у тебя, я пришлю тебе другого». Так дорожил Юрий союзом со Святославом, союзом,

обещавшим ему Киев, хотя и в дальнем будущем.

В следующем году начались военные действия. Святослав Ольгович воевал Смоленскую область Ростиславову и взял народ голяд, в верху Протвы. Оттуда имел свидание с Юрием в соседней части его владений, в апреле 1147 года.

Потом Святослав вернулся в Лобынск и в Неринске перешел Оку. Там пришли к нему послы из Половецкой земли, 60 человек чади, от его дядей, спросить, как его здоровье, и когда он велит прислать к себе помощь. Святослав пошел вперед не останавливаясь. В Дедославле примкнул к нему отряд половцев, которых он послал воевать в верх Угры, а сам двигался вперед. Посадники Давыдовичей бежали перед ним из городов по пути, и он занял всех вятичей до Брянска, места по Десне, Мценск. Число воинов его увеличивалось беспрестанно: подоспели бродники, наконец, сами дядья и сын Юрия Глеб.

Настойчивые действия Юрия, который собирался идти со значительными силами на Чернигов и Киев, устрашили Давыдовичей, и они оказались вынужденными предложить мир Святославу Ольговичу. Тот с радостью принял их предложение.

Между тем, известие об их измене произвело волнение в Киеве, среди которого несчастный Игорь Ольгович был убит.

Святослав, получив известие о его бедственной кончине, с горькими слезами поведал о ней своей дружине.

Он с прибывшим к нему Глебом Юрьевичем был в то время уже далеко на пути своем к цели. Они приступили к Курску. Сын Изяслава Мстислав должен был оставить город, жители которого объявили ему, как киевляне его отцу, что не могут поднять руки на Мономахова внука, хотя против Ольговичей готовы биться за него и с детьми. Почти все Курское княжество было занято, кроме некоторых отбившихся городов.

Но эти временные успехи не принесли им никакой пользы.

Изяслав Мстиславич с братом Ростиславом поднялись на них со всеми силами и опустошили Черниговские и Северские волости.

Юрий не мог подать им помощи. Страшная опасность угрожала им, — и Давыдовичи вместе со Святославом Ольговичем должны были просить мира у великого князя киевского (1148).

Князья целовали крест в святом Спасе: вражду про Игоря отложить, блюсти Русскую землю и быть всем за один брат.

Но когда Юрий вновь поднялся (1149), Святослав Ольгович

постарался уклониться от содействия своим новым союзникам. Когда они потребовали, чтобы он приготовился к войне, он смолчал и не дал никакого ответа послам. Только сказал им: «Ступайте в шатры ваши, я вас позову», — он держал их там неделю, поставя сторожей, чтобы никто не имел с ними сношения, а между тем спрашивал Юрия: «В самом ли деле ты идешь на Изяслава, скажи мне правду, не погуби волости моей, ни введи меня в тяготу».

«Как не идти мне в самом деле, отвечал Юрий, племянник мой Изяслав приходил на меня, волость мою повоевал и пожег, да и сына моего выгнал из Русской земли, он возложил на меня срам; земли своей мщу и честь свою найду, или сложу свою голову».

Святослав, выведенный из сомнения таким ответом, призвал послов и дал ответ: «Воротите мне имение брата моего, и я с вами буду».

Изяслав вновь прислал посла к Святославу сказать: «Брат, ты ведь целовал мне крест отложить вражду за Игоря и за товары его. Что же теперь ты поминаешь ее, когда стрый идет на меня ратью? Теперь надо управить честному кресту. Вижу я, что ты не хочешь быть со мною, ты уже переступил крестное целование, не ходя вместе на Волгу, — а что было со мною! Так и теперь, лишь бы Бог не оставил меня и крестная сила!»

Юрий шел вперед и остановился у Ярышева. Тут примкнул к нему Святослав Ольгович, которого не покидала жажда мести и ненависть к Изяславу. «Брат, сказал он Юрию, всем нам враг Изяслав. Он убил моего брата».

Соединившись, Святослав Ольгович и Юрий послали послов к Давыдовичам, отговаривая их от союза.

Но те не согласились.

Поход Юрия, в котором Святослав Ольгович принимал деятельное участие, был успешен: Киев у Изяслава и Вячеслава был отнят. Юрий тогда дал в награду своему союзнику, кроме Курска с Посемьем, Слуцк, Клецк и всех дреговичей.

Некоторое время Святослав Ольгович спокойно владел Северским княжеством, возвращенным ему после таких усилий. Но вскоре изменились обстоятельства в войне Изяслава с Юрием, и Юрий должен был отказаться от Киева и отойти в Суздаль.

Святослав Ольгович вынужден был договариваться также со своим родом. Одному бороться не было сил. Он послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мир стоит до рати. Мы все братья; отчины

между нами две, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда. Ты, брат, Давыдович, а я Ольгович: возьми себе все Давыдово, а что Ольгово, то оставь нам, и мы между собою поделимся».

Изяслав Давыдович поступил по-христиански, принял братьев в любовь и возвратил им их отчину (1151).

Но Юрий не успокоился и опять пошел на Изяслава. Святослав Ольгович по дороге должен был принять его сторону. Дела пошли неудачно, и Юрий должен был отложить на время свое намерение. Его половцы ушли на Путивль домой, разоряя по дороге, а Юрий на Новгород Северский и оттуда в Рыльск.

Святослав Ольгович старался удержать его, выговаривая, что он волость его поел, и жита около города потравил, а теперь хочет оставить его на жертву Изяславу, который «придет на меня из-за тебя и прок волости моей погубит» (1152).

Юрий оставил ему только сына Василька с 30 дружинниками и вернулся в Суздаль, повоевав по дороге остальных вятичей.

Новгород, действительно, подвергся сильному нападению великого князя Изяслава Мстиславича, в начале зимы, в феврале месяце, острог был взят после жаркой битвы, и Святослав получил мир только вследствие приближения весны.

После смерти Изяслава Мстиславича, Изяслав Давыдович успел занять Киев и отдал Святославу Ольговичу Чернигов; но когда показался Юрий, Святослав Ольгович отдал ему назад Чернигов, убедив примириться с Юрием (1154).

Святослав Ольгович отнял тогда у Святослава Всеволодовича Сновеск, Карачев и Воротынск за то, что племянник отступал от него во время последних передвижений.

Он еще получил от великого князя Юрия, за свои услуги, Мозырь, — и был спокоен во все время его княжения (1154–1157).

По кончине Юрия, когда Изяслав Давыдович во второй раз овладел Киевом и отдал Чернигов племяннику Святославу Владимировичу, Святослав Ольгович, сговорившись с другим племянником, Святославом Всеволодовичем, пришел отнимать его. Начались переговоры. Было определено сидеть в Чернигове Святославу Ольговичу, а Новгород Северский отдан Святославу Всеволодовичу.

Таким образом, Святослав Всеволодович, скитавшийся до сих пор из страны в страну, служивший то дядям по матери Мстиславичам, то братьям Давыдовичам, то дяде по отцу Святославу

Ольговичу, получил, наконец, себе отцовский город (1157).

Он принимал участие в киевских и черниговских делах.

В Новгороде Северском Святослав Всеволодович прожил семь лет и после смерти Святослава Ольговича черниговского, после долгих прений с его сыном, Олегом, получил Чернигов, а Олегу предоставил (1164) Новгород Северский, обещая наделить сверх того его братьев, Игоря и Всеволода. Но не исполнил.

Олег женился на дочери великого князя Ростислава киевского.

Святослав Всеволодович не хотел наделить его и после смерти Святослава Владимировича (1166) во Вщиже, даже посылал на него рать с половцами, а тот ходил на Стародуб, и уже только в уважение ходатайства великого князя Ростислава он получил четыре города.

Олег Святославич постоянно был с ним во вражде, ходил разорять Черниговские волости, а тот, в свою очередь, отплачивал разорением Новгородских.

Олег ходил часто на половцев, бился с Боняком и победил его (1166); разорил земли Козины и пленил его (1167), участвовал в знаменитом походе великого князя Мстислава Изяславича (1168) и в войне против него Андрея Боголюбского (1169).

В 1173 и 1174 годах вел ожесточенную войну с черниговским князем, Святославом Всеволодовичем, который, наконец, подступил к Новгороду, отбил Олегову вылазку, сжег острог и пленил дружину, но дал ему мир.

Последнее время его жизни прошло в мире и тишине. В 1180 году он скончался, и Новгород достался брату, Игорю Святославичу северскому, который был женат на дочери Ярослава галицкого.

Игорь с усердием действовал заодно со Святославом Всеволодовичем черниговским, и, по примирении последнего с Рюриком Ростиславичем, принимал деятельное участие в их походах на половцев.

В походе 1183 года Игорь не хотел уступить первенства переяславскому князю Владимиру Глебовичу, который за то обобрал, возвращаясь, Северские города.

Игорь решил предпринять поход на половцев один, с братом Всеволодом Святославичем и с некоторыми из предводителей черных клобуков. На реке Хирии они долго воевали и причинили большой вред половцам, которых много утонуло со скотом и лошадьми, убегая от руси.

Около этого времени Игорь с честью принял своего зятя, брата

жены, Владимира галицкого, которого отец Ярослав прогнал от себя.

Изгнанник, не принятый никем из русских князей, прожил в Путивле два года и потом примирен был с отцом, что могло подать повод впоследствии к избранию Игоревичей на галицкий стол.

В 1184 году Игорь Святославич предпринял особый поход на половцев: «Половцы выходят теперь навстречу русским князьям, сказал он братии, вежи их остались без обороны. Ударим на них». Он пошел с братом Всеволодом, сыном Владимиром и сыновцем Святославом. Когда они были за Мерлом, им встретился отряд в 400 половцев, которые с той же целью выехали воевать Русь. Половцы были разбиты.

В блистательном весеннем походе 1183 года Святослава Всеволодовича, вместе с Рюриком Ростиславичем и прочими русскими князьями, Игорь опять не успел принять участия, к крайнему своему прискорбию.

Осуждая Ярослава, который отказался под предлогом начавшихся переговоров с половцами у его мужа Ольстина Олексича, он сказал: «Не дай Бог отрекаться от похода на поганых — поганый всем нам общий враг».

Потом он начал гадать с дружиной, как бы обогнать полки Святослава. Дружина возразила: «Птицей (потскы) поможешь перелететь в такое время. Муж Святославов приехал к тебе в четверг, а сам он выступить намеревался в воскресенье: как же ты можешь, князь, настичь его?» Игорю было неприятно это возражение, и он хотел поехать полем, возле Сулы, но дорога оказалась неудобной: серен (гололедица) велик, так что нельзя было двинуться воинам, и должно было оставить это распоряжение.

Зато на следующий год Игорь со своими родными снарядил сильный полк. «Хощу бо, рече, копие преломити конец поля Половецкого! С вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шоломом Дону.

Комони (кони) ржут за Сулою; звенит слава в Кыеве; трубы трубят в Новеграде; стоят стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода.

И рече ему буй-тур Всеволод: один брат, один свет светлый ты, Игорю, оба есве Святъславичя! Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни — сведоми кмети (смышленые молодцы), под трубами повити, под шеломы взлелеяни, конец копия вскормлени; пути им ведоми, яругы

им знаеми; луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють акы серы вълци в поле, ищучи себе чти, а князю славы».

Так воспевает певец Слова о полку Игореве.

Брат Всеволод из Трубецка, Святослав Ольгович, племянник, из Рыльска, сын Владимир из Путивля, соединили свои полки. У Ярослава Всеволодовича Игорь испросил Ольстина Олексича, с ковуями черниговскими.

Выступили князья в поход 23 апреля, во вторник. Когда они подошли к реке Донцу, случилось солнечное затмение. «Видите ли знамение, что оно значит?» спросил Игорь своих бояр. Те, поникнув головою, отвечали: «Не к добру это знамение». «Братья и дружина, сказал Игорь, тайны Божией никто не знает, а знамение творит Бог, творец мира. Что сделает он с нами, на добро наше или на зло наше, увидим».

Сказав это, он переправился через Донец и остановился в Осколе на два дня, ожидая брата Всеволода, шедшего другим путем из Курска. Оттуда они пошли к Сальнице. Тут пристали к ним сторожи, посланные ловить языка, и сказали, что видно много половцев в доспехах: «Вам надо или торопиться, или ехать домой — не наше время». Игорь сказал: «Воротиться не бившись, это срам, хуже смерти. Что Бог даст, то и будет».

Решив так, они проехали всю ночь, и на другой день, в пятницу, около обеда, встретили полки половецкие.

Половцы, оставив за собою вежи, в полном числе, от мала до велика, стояли на той стороне реки Сююрлия. Игорь разделил войско на шесть полков: в середине сам, направо Всеволодов полк, налево племянника Святослава, впереди два полка — один с сыном Владимиром, другой Ярослава, ковуи с Ольстином Олексичем, третий — лучники, собранные из всех полков. Игорь сказал: «Братья, сего есмы искале, а потягнем!» С этими словами русские пошли на половцев. Когда они приблизились к реке Сююрлию, выдвинулись половецкие лучники, пустили по стреле в русь и бросились назад, с ними бросились назад и те, которые стояли дальше за рекой. Младшие князья устремились за беглецами, а старшие шли за ними тихо. Половцы пробежали свои вежи, и русские забрали там всякое добро; многие вернулись уже ночью с богатой добычей.

«С зарания в пяток потопташа поганыя пълкы Половецькыя, и рассушясь стрелами по полю, помчяша красныя девкы Половецькыя,

а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами (?), и япончицями, и кожухы, начяша мосты мостити, по болотом и грязевым местом, и всякыми узорочьи Половецькыми. Чьрлен стяг, бела хорюговь, чьрмна чолка, сребрено стружие (оружие) храброму Святъславичю!»

Между тем, вероятно, была осознана непрочность одержанной победы и опасность, какой подвергались русские воины.

Игорь подал совет немедленно идти назад, одержав победу, стяжав честь и славу. «Половцев слишком много, и прибывает их час от часу; если они и погонятся за нами завтра, то лучшие конники успеют отойти, а с нами что Бог даст».

Святослав Ольгович отвечал дядям: «Я гнал далеко по половцам, и кони мои устали; если я поеду теперь, то должен буду остановиться на дороге».

Всеволод присоединился к его мнению, чтобы тут переночевать. Игорь сказал: «Пусть будет так, но чтобы не пришлось нам здесь умереть».

В субботу на рассвете русские увидели половцев, выступавших «аки борове». Игорь сказал: «Вон, вся земля на нас поднялася».

На совете было положено — сойти с коней и с боем прорываться к реке Донцу: «Если мы побежим, то спасемся; но грех нам оставить черных людей. Смерть или жизнь — но всем вместе».

Они спешились и пошли, крепко сражаясь с утра до вечера. Игорь был ранен в руку, воевода еще прежде его. Многие были побиты в русских полках.

«С зарания до вечера, с вечера до света, летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копия харулажныя, в поле незнаеме, среди земли Половецькыя. Ту кроваваго вина недоста, ту пир докончаша храбрии Русичи. Сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую».

Так прошла суббота. Русские все шли и бились. В воскресенье утром ковуи замешались и побежали. Игорь был в то время на коне, ибо не мог идти по причине раны. Он поскакал к ковуям, чтобы остановить их бегство, и снял шлем, стараясь быть поскорее узнанным; но никто не вернулся, кроме Михалка Георгиевича. Он увидел, что далеко отдалился от полков, и поскакал назад к полкам, которые храбро бились. Бегство ковуев мало расстроило прочих: несколько простых и отроков боярских смялись с ними, — а добрые все бились, двигаясь пешими. Игорь был уже в одном полете стрелы

от своих, но половцы окружили его и захватили в плен.

Будучи в руках половцев, Игорь увидел брата Всеволода, бьющегося изо всех сил; оружия у него же почти не осталось. Он шел по берегу озера и оборонялся. «Господи, воскликнул Игорь, дай мне смерть, чтобы не увидеть его падения».

«И так в день Святаго Воскресения наведе на ны Господь гнев свой, в радости место наведе на ны плач, и в веселья место желю на реце Каяле».

Игорь вспомнил о взятии им на щит города Глебова, Переславля, и о разорении, произведенном тогда между христианами. Он считал плен наказанием за свою вину. «Где ныне возлюбленный мой брат, восклицал он, по сказанию летописца, где ныне брата моего сын! Где чадо рождения моего, где бояре думающие, где мужи храборествующие, где ряд полчный, где кони и оружья многоценные? Не от всего ли того обнажихся, и связня преда мя в руки беззаконьнным тем? Се возда ми Господь по беззаконию моему и по злобе моей на мя, и снидоша днесь греси мои на главу мою».

Русское войско все было перебито или пленено.

Игоря взял себе муж, именем Чилбук; Всеволода взял Роман Кзич, Святослава Ольговича Ельдечук в Бурчевичах, а Владимира Копти в Улашевичах. Едва пятнадцать человек русских спаслось, а ковуев еще меньше, потому что все они были окружены полками половецкими, как стенами, и бежать было некуда.

В Посемье случилось страшное смятение, когда разнесся слух о поражении и плене князей: «Что нам делать, без князей и без дружины!» Точно то же было и в Новгороде Северском.

«Въстона Киев испугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Русской земли, люди бились, как рыба в мотве».

Великий князь киевский думал о мести и собирал отовсюду рати, а половцы «взяли гордость великую» и думали напасть всем народом на Русскую землю.

Игорь содержался в плену. Сторожей при нем было 20 человек, которые, впрочем, исполняли его желания без прекословия. Половцы, чтя его происхождение, давали ему волю, даже отпускали охотиться; особенных слуг было с ним до шести. Совершалась у него и божественная служба. Не надеясь уйти из плена, он привел к себе попа из Руси.

Вдруг один половчин, именем Лавор, предложил Игорю бежать с ним в Русь. Игорь сначала не верил ему и отвечал с прежней

гордостью: «Для ради славы не бежал я прежде от дружины, и ныне не славным путем не стану я искать себе спасения». Сын тысяцкого и конюший побуждали его воспользоваться предложением. Думцы говорили: «Мысль высоку и неугодну Богу имеешь ты; но вот воротятся половцы, и потеряешь ты не только славу, но и живот». Игорь уступил их настояниям и сговорился с Лавром через своего конюшего, бежать вечером, потому что днем и ночью стерегли его сторожа. Лишь солнце зашло, конюший пришел сказать князю, что Лавор его ожидает. Это было в пятницу. Ужасен и трепетен, поклонился Игорь образу Божию и кресту честному и, приподняв полу, вылез из шатра. Сторожа, напившись кумыса, играли и веселились, полагая князя спящим. Он дошел до реки, которую перешел вброд, а за рекою приготовлен был конь. Беглецы благополучно миновали вежи.

Через одиннадцать дней они достигли Донца. Оттуда прибыл Игорь в Новгород, к великой радости всех князей, Ярослава черниговского, Святослава киевского и Рюрика Ростиславича.

В 1191 году Игорь ходил на половцев с братьями два раза, — в первый раз с успехом, а во второй, встретив сильное сопротивление, вынужден был отойти.

В 1193 году Игорь похоронил брата, славного Всеволода, о котором летопись говорит: «Преставися князь Всеволод Святославич, месяца Мая, — и тако спрятавше тело его вся братья, во Ольговичех племени, с великою честью и с плачем великим и рыданием: понеже бо в Ольговичех всих удалые рожаем и воспитанием и возрастом и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имеяше ко всим».

Игорь принимал живое участие во всех войнах и переговорах Ярослава Всеволодовича черниговского, относительно Рюрика Ростиславича киевского и Всеволода Юрьевича, великого князя суздальского, и помогал против них Роману волынскому.

После смерти Ярослава Всеволодовича, Игорь, как старший, занял черниговский стол и сблизился с Рюриком Ростиславичем, а в Северских городах остались княжить его сыновья: Владимир, Олег, Роман, Святослав, Ростислав.

Игорь скончался в 1202 году.

По кончине Владимира галицкого, когда все русские князья ходили на Галич, Олеговичи и Мономаховичи, и вынуждены были отойти без успеха, сыновья Игоря Святославича, двоюродные братья,

по матери, последнему галицкому князю, Владимиру Ярославичу, призваны были к себе галичанами с обратного пути на стол (1206), владели некоторое время, но, посреди смут, погибли насильственной смертью, кроме Владимира, спасшегося на родину, вместе с сыном Изяславом (1211).

ТМУТОРАКАНЬ

Тмуторакань, варяжское поселение на полуострове Тамани, образуемом двумя устьями Кубани, в Черное и Азовское море, отдано Владимиром Святым его сыну Мстиславу, который помог оттуда грекам уничтожить Хозарскую державу в Тавриде (1022), покорил соседние кавказские племена, ясов и касогов, и потом грозил самому Ярославу киевскому.

Братья разделили между собою всю Русскую землю (1024), приняв Днепр границей. Мстислав тмутораканский поселился в Чернигове, но жил недолго и скончался, не оставив наследников (1076).

По Ярославову делению Тмуторакань досталась второму его сыну, черниговскому князю Святославу, который прислал сюда сына Глеба.

Глеб спокойно мерил, сколько сажен, по льду через пролив от Тмуторакани до Керчи, как вдруг явился ему неожиданный соперник.

Ростислав, удалой сын удалого отца, новгородского Владимира (ум. 1052), проживавший по его смерти в Новгороде ни при чем, подговорил таких же молодцов, как сам, — Вышату, сына воеводы Остромира, Порея и других, — добрался за две тысячи верст от Волхова до Тмуторакани, о котором шла, видно, далекая слава, и выгнал оттуда князя Глеба (1064). Отец, Святослав, пришел на помощь, и племянник, не захотев с ним бороться, отступил. Но лишь тот ушел к себе в Чернигов, как Ростислав опять выгнал своего двоюродного брата и сел на его столе.

Он тотчас начал, — норманнский боевой дух еще держался тогда в князьях, особенно смолоду, — ходить войной по сторонам, брал дань с касогов и других окрестных племен. Греки испугались опасного соседства и подослали своего катапана (начальника), который вскоре вкрался к нему в доверие. Однажды случилось Ростиславу пировать со своей дружиной. Грек вызвался выпить за его здоровье. «Пожалуй», отвечал ему веселый витязь. Катапан отпил

половину чаши, а другую подал князю, пустив яд из-под ногтя в напиток. Ростислав выпил и через семь дней умер, 3 февраля 1066 года. Он был положен в церкви святой Богородицы.

Вероломный грек убежал в Корсунь и предсказал там княжую смерть, за что был побит каменьями, когда предсказание исполнилось.

Так плачевно кончилась жизнь молодого Ростислава, и русское владение на юге, на берегах Черного моря, между Константинополем и Кавказом, не удержалось в третий раз, после попытки Святослава и успеха Мстислава, — впредь до четвертого, лет через тысячу?

Ростислав оставил трех малолетних сыновей: Рюрика, Володаря и Василька, которые поддержали славу своего рода и были достойными внуками Владимира и детьми Ростислава.

После смерти Ростислава, Никон великий, сотрудник святых Антония и Феодосия, основавший монастырь на острове, приходил в Киев звать Глеба на стол тмутораканский.

Глеб, через некоторое время ушедший в Новгород, передал стол брату Роману.

После смерти отца Святослава, когда его сыновья были лишены уделов, Олег приходил в Тмуторакань к брату Роману и оттуда, наняв половцев, вместе с Борисом Вячеславичем, ходил на Чернигов, но неудачно (1078).

Роман, с Олегом, повторил нападение (1079), но половцы сговорились с дядей Всеволодом, и на обратном пути убили его. «Суть кости его и доселе там лежат», говорит летописец.

Олег был заточен ими в Царьграде, и Даниил, русский паломник, встретил его на острове Родос, где он прожил два года.

Великий князь Всеволод посадил посадника Ратибора в Тмуторакани.

Остров переходил из рук в руки у праздношатавшихся княжичей: Ростиславичи, возмужав, хотели возвратить себе Тмуторакань, которую могли считать своей отчиной, — и в 1081 году Володарь Ростиславич вместе с Давыдом Игоревичем захватили там посадника Ратибора.

У них отнял Тмуторакань Олег (1083), вернувшись из греческого заточения, перебил хозаров, посоветовавших убить его брата Романа, и сел на столе.

Он прожил десять лет в Тмуторакани и вернулся на родину уже после смерти Всеволода (1093), отняв с помощью наемных половцев

Чернигов у Мономаха. Олег остался княжить в Чернигове. С тех пор о Тмуторакани не стало слышно: половцы, усилясь в странах Черноморских, стесняли, вероятно, население русское, так что оно не могло держаться, разбрелось в страхе по разным сторонам, — и княжество погибло.

От Черниговского княжества отделились еще Муромское и Рязанское. О них см. далее.

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Переяславль существовал при Олеге и значится в его договоре с греками (906). Укрепление принадлежит, по преданию, ко времени Владимира Святого, при котором, во время войны с печенегами, отрок Усмошвец, на поединке, «удави Печенезина в руку до смерти, и удари им о землю, и кликнуша, и Печенези побегоша, и Русь погнаша по них секуще, и прогнаша я. Владимир рад быв, заложи город на броде том, и нарече и Переяславль: зане перея славу отрок-от. Владимир же великим мужем створи того и отца его».

По Ярославову делению Переяславль достался третьему, любимому, сыну его, Всеволоду. Волость его граничила к западу с Киевским княжеством, от которого отделялась Днепром, к северу с Черниговским, Северскими городами и вятичами, к востоку с Рязанскими волостями, к югу с кочевьями половцев.

Оно заключало в себе нынешние губернии Полтавскую, Курскую, за исключением Путивльского и Рыльского уездов, и часть Харьковской.

К Переяславскому княжеству принадлежала первоначально страна Залесская с Ростовом, Суздалем, Белым озером.

Род Всеволода сидел по большой части на столе Киевского княжества, и Переяславское княжество предоставлялось тогда, обыкновенно, брату или старшему сыну великого князя, который и действовал с ним заодно.

Переяславское княжество по своему положению подвергалось более всех набегам соседних половцев, и князья должны были быть всегда наготове для их отражения, которому содействовали прежде других великие князья киевские.

С этой целью были поселены на юге и здесь, со стороны Киева, племена восточные, единоплеменные с половцами, торки, ковуи и черные клобуки.

Всеволод, первый князь переяславский, был свидетелем их нападения в самый год отцовой смерти (1054) и заключил мир с князем Болушем, предложив им, без сомнения, какой-нибудь выкуп.

В 1062 г. набежали они с князем Искалом, разбили Всеволода и много воевали по сторонам.

К 1068 году принадлежит их первое сильное нападение на Альте: они совершенно разгромили соединенное русское ополчение, которое вынуждено было спасаться бегством. Вследствие этого великий князь Изяслав был вынужден оставить киевский стол, отданный дружиной его племяннику, заточенному Всеславу полоцкому.

При возвращении его с польской помощью (1069), Всеволод переяславский, вместе со Святославом черниговским, старались его умилостивить.

В 1070 г. заложена была церковь в монастыре Всеволодовом, Св. Михаила.

В 1071 г. новое нападение половцев.

В 1072 году братья перенесли мощи своих дядей, Св. Бориса и Глеба, в новую церковь, построенную в Вышгороде великим князем Изяславом; при этом присутствовал Петр, епископ переяславский.

В следующем году (1073) возникла распря между братьями; Всеволод принял сторону Святослава, и Изяслав вынужден был бежать. Святослав занял Киев, а Всеволоду отдал Чернигов.

Переяславль получил тогда старший сын Всеволода, Владимир Мономах, имевший около 20 лет от роду.

Отец посылал его (1076) в ляхи, на подмогу им против чехов, вместе с Олегом, сыном Святослава.

После смерти Святослава, Всеволод сел в Киеве, в январе 1077 года, впрочем, ненадолго: великий князь Изяслав шел на Киев с новыми силами. Всеволод на Волыни заключил мир, и, уступив Киев возвратившемуся Изяславу, вернулся в Чернигов.

Переяславль оставался в его владении во время княжения в Чернигове и Киеве.

В 1089 году освящена была церковь Св. Михаила митрополитом Ефремом. «Се бо Ефрем бе скопец, высок телом, бе бо тогда многа зданья воздвиже, докончав церковь святаго Михаила… юже бе создал велику сущю, и пристрой ю великою пристроею, украсив ю всякою красотою».

Он заложил на воротах церковь Св. мученика Феодора, также церковь Св. Андрея: «у церкве от ворот, и строение банное

(крестильницы), сего же не бысть прежде в Руси». Ефрем заложил также стену каменную около детинца, украсил град Переяславский зданиями церковными и прочими.

Так и в Суздале митрополит Ефрем построил церковь Св. Димитрия и наделил ее селами.

По кончине Всеволода (1093) Мономах остался в Чернигове, а Переяславль отдал брату Ростиславу.

В тот же год, пойдя со своим полком в ополчении великого князя Святополка киевского и Владимира черниговского против половцев, молодой Ростислав разделил с ними несчастную участь, и во время бегства утонул в реке Стугне, на глазах у своего брата Владимира, который напрасно пытался подать ему помощь с опасностью своей жизни.

В следующем году Олег привел половцев на Чернигов. Мономах уступил ему отчину и удалился в Переяславль.

В 1093 году пришли половцы Итларь и Китан к Переяславлю, к Владимиру — на мир. Итларь вошел в город с лучшей дружиной, а Китан остановился с воинами между валами, взяв у князя сына в тали (заложником). Дружина Ратибора, мужа Владимирова, советовала ему перебить Итлареву чадь. Владимир не соглашался, отговариваясь тем, что ходил с ними роте (дал им клятву). «Всегда ходяче с тобою роте, возражала дружина, половцы губят Русскую землю и проливают христианскую кровь. Греха с ними нет». Владимир уступил, и в ту же ночь послал Славяту, мужа, приехавшего тогда к нему из Киева от Святополка для некоего орудья, с торками и малой дружиной, выкрасть сына. Те удачно исполнили поручение, потом убили Китана и перебили его дружину. Это случилось вечером в субботу.

Итларь в ту ночь был со своей дружиной на дворе у Ратибора и не имел помышления о том, что случилось с Китаном; наутро, в воскресенье, Ратибор собрал своих отроков с оружием и велел им затопить истопку. А Владимир прислал своего отрока Бяндюка за Итларевой чадью: «Зовет вас князь Владимир, обувшись, позавтракавши в тепле избе у Ратибора, приходите ко мне». Итларь отвечал: «Буди так». Лишь только взошли они в истопку, двери за ними тотчас заперли, сняли верх, и Олбег Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, ударил Итларю в самое сердце. Тот тут же испустил дух, и дружина его была вся перебита в неделю сыропустную, в воскресенье, в 1 часу дня 24 февраля 1096 г.

Сделав так, добра ждать было нечего. Святополк и Владимир,

собравшись с силами, решили сами идти на половцев. Поход их был успешен. С этого времени начинаются согласованные действия великого князя Святополка из Киева с Мономахом из Переяславля.

Они ходили на Олега к Чернигову за связь его с половцами и безучастие в общем русском деле против них. Олег, вынужденный им уступить, появился тогда в Залесской стороне и, победив Мономахова сына Изяслава, захватившего Муром, овладел всеми областями. Изяслав был убит.

Мономах послал из Переяславля сына Вячеслава с помощью, а с другой стороны Олега теснил еще один сын Мономаха, Мстислав новгородский, который, в свою очередь, победил Олега, и, как его крестник, постарался примирить его с отцом.

На следующем, Любечском, сейме, созванном по призыву Мономаха, за ним была утверждена отчина Всеволода (1097).

За сеймом последовало вероломное ослепление теребовльского князя Василька Ростиславича.

Мономах решил наказать отступника, и вместе со Святославичами пошел к Киеву из Переяславля; они вынудили Святополка наказать главного виновника, Давыда Игоревича, пойдя на него войной (1098).

Между тем, Святополк отправился в поход и там, вдруг изменив свое намерение, захотел обобрать Ростиславичей. Может быть, Святославичи согласились поддерживать его за какую-нибудь выгоду или участие в добыче. Но он хотел привлечь на свою сторону и Мономаха, который уехал тогда по своим делам в Ростов. Послы были отправлены к нему и встретили его на дороге.

«Встретили меня на Волге послы от братьи и говорили: пристань к нам и прогоним Ростиславичей, отнимем их волость. Если же ты не пойдешь с нами, то мы будем себе, а ты себе. Я отвечал: гневайтесь как хотите, а я креста преступить и идти с вами не могу. Отрядив их, взял я, прискорбный, в руки псалтирь, разогнул, и вот что мне вынулось: Вскую печалуешь, душе? Вскую смущаеши мя, и прочая. И потом я собрал все сие словца любыя, и сложил по ряду, и написал».

Этот-то случай и подал Мономаху, во время переяславского княжения, мысль описать свою жизнь в так называемом Поучении.

На втором Уветичском сейме (1100) Владимир был отнят у Давыда Игоревича и вскоре предложен Мономаху за Новгород, но это решение не состоялось, вследствие отказа новгородцев.

С Уветичского сейма Мономах еще более сблизился с великим князем Святополком, и они вместе начали свои походы на половцев, вследствие которых Русь вздохнула свободно.

По занятии Мономахом киевского стола, Переяславское княжество было им отдано сыну Святославу (1113), а по смерти его, Ярополку. Ярополк ходил отсюда на Дон, вместе с Давыдовым сыном. Они взяли города: Сугров, Шарукань, Балин. Ярополк привел себе из этого похода жену, «красну вельми, Ясского князя дщерь полонив». Он княжил в Переяславле около двадцати лет, участвуя во всех действиях своего отца и потом старшего брата Мстислава.

В походе на полоцких князей он взял на щит, вместе с черниговским Давыдом, город Друцк (1116), и для плененных дручан построил город Желди.

Переяславское княжество пользовалось при нем спокойствием.

По кончине Мстислава (1132), когда Ярополк стал великим князем, Переяславль переходил из рук в руки. Сначала великий князь отдал его племяннику Всеволоду Мстиславичу, по договору с его отцом, но тот пробыл там только один день, изгнанный дядей Юрием. От Юрия Переяславль отнят и через неделю отдан другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, потом брату Вячеславу. Когда Вячеслав удалился в свой Туров, Ярополк поменялся Переяславлем с Юрием на Суздаль, а после Переяславль отдан, вследствие союза с Ольговичами Изяслава Мстиславича, опять ему, а от него Андрею Владимировичу.

Всеволод Ольгович черниговский, став великим князем (1140), хотел отнять у него Переяславль. Начались военные действия.

Подступив к Переяславлю, он послал сказать Андрею: «Изволь идти к Курску». Андрей, посоветовавшись с дружиной, отвечал: «Лучше мне смерть и с дружиной на своей отчине и едине взяти, нежели Курское княжение: отец мой в Курске не сидел, а в Переяславле. Если тебе, брат, недосыти волости, всю землю Русскую держачи, и ты хочешь еще этой волости, то сперва убей меня, тогда и волость тебе, а живой я из своей волости не выйду. Не дивно это нашему роду: так бывало и прежде. Разве Святополк не из-за волости убил Бориса и Глеба? А долго ли прожил сам после? Здесь лишился живота, да и на том свете осужден на вечную муку».

Всеволод стоял на Днепре и послал к Переяславлю брата Святослава. Андреева дружина встретила его, разбила и преследовала, но князь не пустил ее гнаться далеко за пораженными.

Великий князь нашел себя вынужденным отказаться, хоть на время, от своего намерения, и оставил Переяславль за Андреем. Он потребовал только, чтобы Андрей держал всегда его сторону. Они заключили мир, и Андрей поцеловал крест. В эту же ночь загорелся Переяславль; воины Всеволодовы не тронулись с места. На другой день поутру Всеволод прислал сказать Андрею: «Видишь, я креста не целовал еще тебе, а у вас загорелось, это мне Бог давал, вы сами зажгли. Я мог сделать с вами все, что мне угодно, если бы хотел вам лиха. Смотри же, исправляй, в чем целовал крест. Исправишь, то добро, а не исправишь — рассудит Бог».

По кончине Андрея (1142), Переяславль достался его старшему брату Вячеславу, изгнанному из Турова.

Ольговичи — Игорь и Святослав — ходили на него войной два раза (1042), и были отражены с помощью великого князя и Изяслава Мстиславича, который получил его по новому договору великого князя Всеволода с Вячеславом и остался здесь в продолжение княжения Всеволода, служа ему во всех его начинаниях.

Изяслав Мстиславич, по кончине Всеволода (1146), посадив в Переяславле своего сына, отправился отсюда добывать киевский стол, несмотря на данное зятю слово, в чем и преуспел.

В возникшей войне Переяславль переходил из рук в руки от Изяслава и его сына Мстислава к Юрию и его сыну Ростиславу.

Была пора, когда Юрий, довольствуясь Переяславлем, уступал Киев Изяславу, но тот не соглашался, несмотря на убеждения духовенства. «Я добыл Киева и Переяславля, говорил он, своей головой и уступить не могу». Наконец, Изяслав действительно вынудил Юрия удалиться в Суздаль и отказаться от своих владений на Руси. В Переяславле сел его сын Мстислав.

Но Изяслав вскоре умер (1154). Юрий явился, занял Киев, преимущественно вследствие ссоры великого князя Ростислава, брата Изяслава, с его сыном Мстиславом. Мстислав заподозрил, что дядя выдает его, и сказал: «Так не будь же ни мне Переяславля, ни дяде Киева». Он оставил его полки и удалился в свой прежний Владимир.

Юрий отдал Переяславль сыну Глебу, который и владел им до 1169 года, когда по милости Андрея Боголюбского получил Киев, взятый войсками его сына.

Глеб оставил в Переяславле своего сына, Владимира, еще малолетнего (1169–1187).

При Глебе и Владимире было самое спокойное время для

Переяславского княжества, на которое тогда не нападали и половцы, разбитые в самом начале Глебова княжения.

Возмужав, Владимир Глебович отличился в походах на половцев.

В 1183 году переяславский князь послан был Рюриком Ростиславичем из Русской земли на половцев вместе с Игорем Святославичем, ходившим от великого князя Святослава Всеволодовича. Владимир, по праву русских князей, «прося у него ездити напереди полком своим, — князи бе Русции удале (?) бяхуть напереде ездить в Русской земли». Игорь же не дозволял того. Князья рассорились и разошлись. Владимир по пути обобрал Северские города, но в следующем походе принимал уже деятельное участие, так же как и в успешном походе 1183 г.

Когда половцы в отмщение пришли осадить Переяславль (1186), Владимир бился впереди всех, получил много ран, и слал беспрестанно за помощью, которая, наконец, и освободила его от осады.

В походе 1187 г. Владимир Глебович, приехавший к князьям из Переяславля, отпросился у Святослава и Рюрика ездить впереди с черными клобуками. Святославу было обидно отдать ему преимущество перед своими сыновьями, но он должен был согласиться с мнением прочих князей, которые уважали храбрость молодого Владимира, «зане бе муж бодр и дерзок и крепок на рати». Половцы бежали, однако же, за Днепр, и князья отказались от преследования, потому что Днепр разлился. На обратном пути храбрый Владимир Глебович занемог и скончался 18 апреля, оплаканный переяславцами.

После него мы видим в Переяславле князя Ярослава Мстиславича, племянника великому князю владимирскому Всеволоду, и двоюродного брата Владимиру Глебовичу, по известию о его кончине в 1199 г.

В 1202 году великий князь Всеволод владимирский прислал в Переяславль сына Ярослава. «Переяславцы же, поимше князя своего Ярослава от Св. Спаса, поидоша с радостью великою, хваляще Бога и святую Богородицю и святаго Михаила, давшаго им князя, егоже желаша».

Ярослав в 1206 г. ходил на половцев вместе с прочими князьями.

В 1207 г. он был вызываем королем венгерским на стол галицкий, поспешил из Переяславля к Галичу, но, услышав, что Владимир Игоревич приехал уже туда за три дня, воротился.

Всеволод Чермный, заняв Киев на обратном пути из галицкого похода, выгнал Ярослава из Переяславля: «Иди к отцу своему, и Галича под моею братьею не ищи, а не то пойду на тебя ратью». Ярославу не было помощи ни от кого, и он попросил у него мира. Всеволод поцеловал крест, пропустил его беспрепятственно и посадил в Переяславле своего сына Михаила.

Рюрик, поднявшись из Вручего, выгнал их обоих, и, сев в Киеве опять, посадил в Переяславле сына Владимира (1207).

И также ненадолго. Чермный несколько раз брал Киев и, наконец, изгнанный, умер в Чернигове в 1212 г.

Великий князь Юрий владимирский прислал сюда брата Владимира, который в 1215 году женился здесь на дочери Глеба, черниговского князя, и ходил вскоре на половцев, но был разбит ими и взят в плен.

В 1216 г. здесь опять появляется Владимир Рюрикович, вызванный из Переяславля Мстиславом новгородским на помощь против великого князя суздальского. После мы видим Владимира на столе смоленском, а в Переяславль приходили княжить владимирские князья.

От Переяславского княжества отделилось княжество Суздальское или Владимирское.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Смоленск, город кривичей, существовал до Рюрика. Олег на пути к Киеву овладел им и посадил здесь своего мужа.

Смоленск был известен императору греческому Константину Багрянородному.

Ярослав предоставил Смоленск четвертому сыну, Вячеславу. Он вскоре умер, сын Борис остался малолетним, и Смоленск отдан был братьями Игорю, переведенному из Владимира Волынского, а после его смерти разделен ими на три части.

Некоторое время Смоленск был во владении Давыда Святославича (1093–1097). Потом достался Всеволоду и его потомству. Всеволодов сын, Мономах, посадил здесь сына Святослава, которого вскоре вывел отсюда в Переяславль. Он часто приходил сюда, основал здесь церковь Св. Богородицы, и завещал после внуку Ростиславу, второму сыну его старшего сына Мстислава.

При Ростиславе Смоленск совершенно отделился от Киева и

остался в его роде.

Смоленское княжество заключало в себе нынешнюю Смоленскую губернию, с присоединением уездов — Торопецкого от Псковской, Можайского от Московской, и Ржевского от Тверской.

Ростиславу обязан Смоленск своим значением: он построил там церкви и учредил епископию, призвав епископом Мануила, грека, хорошего певца, которому определил десятину из всех княжеских доходов, что составляло с лишком триста гривен или полтораста фунтов серебра.

Грамоты Ростислава, по поводу учреждения епископии в Смоленске, представляют нам важные данные о княжеском управлении и доходах в древней России.

Все время своего княжения он был ревностным помощником отца, дядей, и потом в особенности брата Изяслава Мстиславича.

К отцу водил он смоленские полки на Полоцк (1127), на чудь (1130), на Литву (1131).

Дяде Вячеславу помогал против Ольговичей и опустошил их область около Гомия (1141).

С зятем Всеволодом Ольговичем ходил два раза на Галич (в 1143 и 1145 г.).

Когда Изяслав начал искать себе Киев, Ростислав ревностно служил ему: или ходил к нему на Днепр, или оставался мешать опаснейшему врагу его, дяде Юрию, на пути его из Суздаля (1147–1152) мимо Смоленской области.

В 1147 году противником его, Святославом Ольговичем, взят у него люд Голяд, в верховьях Протвы.

Перед походом братьев на Волгу против Юрия решено было собраться всем в Смоленске.

Пришел Изяслав (1149), и начались пиры в великой любви и веселье, с мужами и смольнянами. Все одарились дарами великими. Изяслав принес Ростиславу, что от Русской земли и царских земель, а Ростислав от верхних земель и от варягов.

В этом году Ростислав принимал деятельное участие в поражении Юрия суздальского на Перепетовом поле, а в следующем году в отражении от Чернигова. Он всегда советовал брату уступить старейшинство дяде Вячеславу, что, наконец, Изяслав и исполнил (1151).

По кончине брата Изяслава (1154) Ростислав был приглашаем дядей Вячеславом на киевский стол, но не смог удержать его.

Ростислав пользовался таким авторитетом, что многие князья прибегали к его покровительству, например, рязанские (1155), Святослав Владимирович вщижский (1156). Новгородцы посадили было к себе его сыновей, Святослава в Новгород, а Давыда на Новый Торг (1157).

Он принимал участие и в полоцких делах (1158).

Наконец, после смерти Юрия, Ростислав, призванный во второй раз на киевский стол, предоставил смоленский сыну Роману.

Перед смертью (1158) случилось ему заехать в Смоленск на пути в Новгород для примирения сына с новгородцами. За триста верст начали встречать его лучшие мужи смоленские. Потом встретили его внуки, и, наконец, сын Роман с епископом Мануилом, и чуть ли не весь город, со множеством даров. Из Смоленска он продолжал было путь до Торопца, но вернулся, застигнутый болезнью, встретившись с новгородцами на Луках. Сестра Рогнеда уговаривала его лечь в Смоленске, в своем зданье, но он велел везти себя в Киев к отцу, в его монастырь Федоров, и умер на дороге в Рогнедином селе.

Роман, сын его, помогал Андрею Боголюбскому в его борьбе против Киева и против Новгорода (1169) и получил было на время себе Киев, предоставив Смоленск сыну Ярополку, но княжил там недолго и вернулся домой.

Смоленск, вследствие водворения Ростиславичей на юге, участвовал во всех киевских событиях и походах на половцев. Роман скончался в 1180 году.

Жена его, дочь Святослава Ольговича, так причитала над его гробом: «Многия досады прия от Смольян, и не видя тя, господине, николиже, противу их зла, ни котораго зла воздающе».

За Романом следовал Давыд, проживавший до того в Руси. Княжение Давыда продолжалось семнадцать лет (1180–1197).

И он имел одних врагов и друзей с братом Рюриком Ростиславичем, действовавшим в Русской земле.

В 1185 году был решен общий поход на половцев после несчастья Игоря Святославича северского. Давыду со смольнянами поручено стеречь Русские земли. Он остановился у Триполя, но когда Владимир Глебович из Переяславля спросил помощи, смольняне отказались идти дальше, сказав на вече: «Мы шли до Киева и стали бы биться, если бы здесь была война, а другой войны искать нам нельзя: мы изнемогли».

В 1186 году, в самом Смоленске, случилась эпидемия, причем

умерло много лучших людей.

По кончине Святослава Всеволодовича, Рюрик сел на киевский стол (1194). Он пригласил брата Давыда к себе в Киев, как старшего, думать о Русской земле. Давыд отправился из Смоленска по Днепру, в ладьях, был принят с великой честью, угощаем, и сам угощал киевлян, монастыри, черных клобуков, «и ряды все уконча о Русской земле и о братье своей, о Владимири племени».

Ростиславичи вместе с великим князем Всеволодом суздальским, потребовали от Ольговичей, чтобы они за все свое потомство отказались от Киева и Смоленска; те не захотели принимать на себя такой обязанности, вследствие чего возникли междоусобия.

Великий князь суздальский договорился действовать заодно с великим князем киевским.

Зять Рюрика, Роман волынский, принял в войне участие, держа сторону Ольговичей.

Ярослав Всеволодович черниговский прислал своих племянников к Витебску (1193), не дождавшись конца переговоров, вопреки условию. Они воевали Смоленскую область. Полоцкие князья пришли на помощь к Ольговичам. Давыд выслал на них племянника Мстислава Романовича. Противники сошлись на второй неделе поста, во вторник. Ольговичи отоптались в снегу, потому что снег был велик, и выстроили свои полки. Мстислав Романович бросился на них и сшибся с Олеговым полком. Стяги Олеговы были повержены, и сын его Давыд иссечен. Против полоцкого полка поставлен был смоленский полк с тысяцким Давыдовым Михалком. Смольняне не выдержали, побежали назад. Полочане, заметив, что Мстислав одолевает Олега, не стали преследовать их, а, повернувшись, ударили в тыл полка Мстислава. Мстислава не было тут: он погнался вперед за Олегом, считая победу решенной, и думал возвратиться к своим, а попал в середину врагов, которые, полочане, и взяли его в плен. Прочие полки, вернувшись из преследования и не видя своих стягов, захваченных полочанами, испугались и бежали в Смоленск к Давыду. Тогда вернулся и Олег, выпросил себе от полочан плененного Мстислава Романовича и послал весть к дяде Ярославу в Чернигов, зовя его против Давыда: «Полк его победили, Мстислава взяли в плен, и сказывают смольняне, изойманые, что братья их живут недобре с Давыдом. Лучше этого времени не выбрать для нападения». Они все сбирались было пуститься к Смоленску изъездом.

Но Рюрик послал к Ярославу черниговскому навстречу из Вручего крестные грамоты: «Если ты поехал убить моего брата и обрадовался случаю, то ты соступился ряду и нарушил крестное целование. Вот тебе крестные грамоты. Ступай к Смоленску, а я приду к Чернигову. Пусть нас рассудит Бог».

Ярослав, получив их, вернулся от Смоленска и винил за витебское дело Давыда, который помогал своему зятю.

И в следующем году была разорена Смоленская область Романом волынским, союзником Ольговичей.

Великий князь Всеволод выступил, наконец (1196), в поход против Ольговичей с большой силой и соединился с Давыдом смоленским. Ольговичи смирились и начали переговоры с Всеволодом о мире. Он согласился с условием, чтобы им не искать Киева от Рюрика, и от Давыда Смоленска, к неудовольствию последнего, ибо он не хотел, чтобы мир был заключен отдельно от Рюрика. «Давыд же не любяшеть мира, но пущашеть и поити к Чернигову, река ему: Како еси был умолвил с братом своим Рюриком и со мною, аже совокупитися у Чернигова всим, да любо быхом умирилися все на всей воле своей; ты же ныне ни мужа своего еси послал ко брату своему Рюрикови, и ни своего прихода поведаеши ему, ни моего; а умолви с ним мужем своим, а переже весны доспев седети и воеватися со Олговичи, а вести от тебя ждати правой. Он же ныне воюется с ними, и волость свою зажегл тебе деля; а ныне без его думы хочем миритися. А, брате, повидаю ти, сего ти мира зде не улюбит брат мой Рюрик».

Поход прервался. Давыд возвратился в Смоленск и вскоре скончался в 1197 г. 25 апреля. Он положен в церкви Бориса и Глеба, основанной его отцом. Больного, велел он себя нести в монастырь на Смядине и принял там монашеский чин.

Давыд перед кончиной стол свой отдал племяннику Мстиславу Романовичу, а сына Константина послал в Русь, брату Рюрику на руки.

Мстислав Романович склонялся некоторое время на сторону Ольговичей и просил о том прощения у великого князя суздальского (1205).

Он ходил с Ольговичами на Галич (1206).

Но когда Чермный захотел выгнать из Руси всех Ростиславичей, то он принял участие со смольнянами в общем ополчении князей против него, под предводительством знаменитого Мстислава

новгородского, который незадолго перед тем из Торопца, Смоленского удела, явился в Новгород и решил вскоре распрю его с переяславским князем Ярославом Всеволодовичем.

По дороге смольняне поссорились с новгородцами, которые убили у них одного человека.

Мстислав победил и посадил на киевский стол смоленского Мстислава Романовича.

В Смоленске сел двоюродный брат его Мстислав Давыдович (1212).

Ему принадлежит примечательный торговый договор (1228) с Ригой, Готландом и немецкими городами, из которого видна обширная заграничная торговля Смоленска.

Из уделов Смоленских известен Торопец (в котором княжил знаменитый Мстислав, перешедший отсюда в Новгород, а после в Галич), Витебск, Красный.

ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Владимир именем показывает свое основание великим князем Владимиром Святым.

Он находился в стране древлян, имевших еще, сколько известно, города Вручий (Овруч) и Коростен.

По Ярославову делению Владимирское княжество получил пятый сын, Игорь, переведенный в Смоленск на место умершего брата Вячеслава (1057).

Владимир поступил тогда, вероятно, во владение великого князя киевского Изяслава.

Брат его, за ним следовавший, Всеволод, отдал Владимир племяннику Ярополку Изяславичу (1078).

Ярополк отлучился к дяде Всеволоду в Киев на велик день в 1084 году. Воспользовавшись его отсутствием, двое Ростиславичей бежали из Владимира, где, видно, жили на хлебах у Ярополка, — и потом пришли с войском и согнали его со стола. Всеволод прислал тогда сына Мономаха восстановить порядок, что тот успешно и исполнил. Ростиславичи должны были удалиться. В этом же году Всеволод отдал владимирский город Дорогобуж Давыду Игоревичу, а города Червенские, к области Владимирской прежде принадлежавшие, Ростиславичам (1084), которые приставали к нему за волостями.

Ярополк, «послушав злых советник», может быть, за этот выдел

собрался идти на дядю, но тот предупредил его, прислав опять с войском сына Мономаха. Владимирский князь бежал в ляхи, оставив жену и дружину в Луцке. Мономах подступил к Луцку, и лучане сдались ему. Он отправил мать, жену и дружину Ярополка в Киев, а во Владимире посадил Давыда Игоревича из Дорогобужа.

В следующем году (1086), Ярополк возвратился из ляхов (вероятно, с помощью) и заключил мир с Мономахом, который предоставил ему опять Владимир.

Пересидев некоторое время во Владимире, он поехал зачем-то в соседний Звенигород. «Лежащю и ту на возе, саблею с коня прободе и (проклятый Нерадец), месяца Ноября в 22-й день, и тогда воздвигнувся Ярополк, выторгну из себе саблю, и возопи великим гласом: ох, тот мя враже улови». Тело Ярополка отроки его Радко, Вънкин и многие другие, положили на коня перед собой и отвезли во Владимир, а после в Киев.

Было ли это убийство действием личной вражды или по чьему-то научению, остается неизвестным. Ростиславичи подозреваются потому, что убийца нашел убежище в Перемышле у старшего из них, Рюрика, и великий князь Всеволод ходил вскоре войной к Перемышлю; но они не получили никакой пользы от смерти Ярополка. На Давыда Игоревича падает подозрение, потому что ему достался Владимир, и что он хотел овладеть и Червенскими городами (1086).

Прошло несколько лет. Давыд владел Владимиром, Ростиславичи Червенскими городами, а на Днепре происходили междоусобные войны, с одной стороны, между великим князем Святополком и Мономахом, а с другой стороны — Святославичами, войны, подавшие повод к Любечскому съезду (1095). На этом съезде, между прочим, были утверждены владения — за Давыдом Владимир, за Володарем Перемышль, за Васильком Теребовль.

Но не успели разъехаться князья, как возникли между ними новые раздоры. Владимирский князь Давыд Игоревич, по наветам своих бояр, настроил великого князя Святополка против Василька, якобы угрожавшего его Владимиру, в союзе с Мономахом, думающим о Киеве.

Василько был заманен во двор к великому князю и там ослеплен. Давыд увез его во Владимир, «аки некий улов уловив», и посадил его во дворе Вакееве, приставив стеречь его 30 мужей и двух отроков: Улана и Колчко. Все князья восстали на Святополка за совершенное

злодеяние. Тот сослался на Давыда, и ему поручено было изгнать виноватого.

Тогда Давыд, в страхе перед угрожавшим нападением, постарался умилостивить Василька и предлагал ему города Всеволож, Триполь или Перемышль, с тем, чтобы он убедил братьев прекратить свои приготовления.

Между тем, слухи о походе князей смолкли, и Давыд вздумал исполнить прежнее, может быть, свое намерение, и отнять у Ростиславичей их уделы, принадлежавшие первоначально к Владимиру, но был встречен Володарем, заперся в Бужске и вынужден был выдать Василька.

В следующем году братья пришли войной, взяли город Всеволож и сожгли его, люди бежали огня и были иссечены по повелению Василька, который сотворил мщение на людях неповинных.

Потом подступили братья под Владимир и послали сказать жителям: «Мы пришли не на ваш город, не на вас, но на своих врагов: Туряка, Лазаря и Василя. Они уговорили Давыда, который послушался их и сотворил зло. Хотите ли биться за них, мы готовы, а если не хотите, то выдайте их». Граждане созвали вече и сказали Давыду: «Выдай сих мужей, мы не хотим биться за них, „а за тя битися можем“. Если же ты не хочешь их выдать, так мы отворим ворота, а сам промышляй о себе». Давыд отвечал: «Их нет здесь», и послал их в Луцк. Туряк убежал оттуда в Киев, а Лазарь и Василь вернулись в Турийск. Люди, узнав, что они в Турийске, кликнули на Давыда и сказали: «Выдай кого те хотят, а если нет, то сдаемся». Давыд послал за Василем и Лазарем и выдал их Ростиславичам. Мир был заключен немедленно, в воскресенье. Поутру на заре Василь и Лазарь были повешены и расстреляны стрелами. «Се второе мщение створи(ша), его же не бяше лепо створити, говорит летописец, дабы Бог отместник был». Ростиславичи отошли от города.

Едва успел Давыд избавиться от одного врага, как явился другой — Святополк, великий князь киевский, обратившийся за помощью к ляхам, у которых просил ее и Давыд. Ляхи провели обещаниями обоих. Святополк осадил Давыда во Владимире и, по семинедельной осаде, вынудил его оставить свое княжество, в великую субботу, 1099 года.

Из Владимира пошел было он на Ростиславичей, но был разбит ими и возвратился во Владимир, где посадил своего сына Мстислава, рожденного от наложницы, а другого сына Ярослава послал в угры за

помощью. Изгнанный Давыд ушел через Червен в ляхи.

Не найдя помощи у ляхов, он отправился к половцам, и по дороге примирился с Володарем, у которого оставил и жену. Приглашенные половцы уже шли к нему. Они вместе с Давыдом поспешили на помощь к осажденному уграми в Перемышле Володарю, которых привел Ярослав Святополчич. Угры были разбиты, и победители появились под Владимиром. Мстислав был убит стрелой на стенах. Но помощь, пришедшая из Киева, решила дело, впрочем, ненадолго. Давыд, принужденный бежать, возвратился с новой половецкой помощью и взял Владимир, изгнав Святополковых посадников. Он просил себе суда. На Уветичском сейме (10 августа 1100 г.) Давыд был лишен владимирского стола за ослепление Василька и получил себе в удел город Бужск, с придачей от Святополка Дубна и Черторыйска, да от Мономаха и Святославичей по 200 гривен.

Владимир отдан сыну великого князя киевского, Ярославу.

В 1102 этот князь обманом захватил бежавшего двоюродного брата Ярослава Ярополчича на Нуре и привел к отцу в Киев.

В 1111 он принимал участие в походе на половцев.

На протяжении следующих двух лет (1112 и 1113) Ярослав ходил на ятвягов, дикое литовское племя, жившее в лесах, по северо-западным границам Владимирского княжества.

Он женился на внучке Мономаха, дочери его старшего сына Мстислава, но жил с нею нехорошо, за что в 1117 году подвергся нападению великого князя. Шестьдесят дней продолжалась осада. Ярослав покорился и получил мир. Наказав его, Владимир о всем «вели ему к собе приходити, когда тя позову». В следующем году Ярослав отослал, однако же, свою жену, за что дед снова пошел на него ратью. Бояре оставили Ярослава, и он вынужден был бежать оттуда к Болеславу, супругу сестры своей Сбыславы, в угры. Мономах отдал Владимир сыну Роману, а после его скорой смерти — другому сыну, Андрею (1119).

В 1121 году Ярослав приходил к Червену, искать своей отчины, но без успеха.

В 1123 году привел он к Владимиру многочисленное ополчение, ляхов, чехов, угров, к которым присоединились и Ростиславичи; он надеялся быстро взять город. Однажды, в воскресенье рано поутру, разъезжая под стенами, он бранил людей с князем Андреем и говорил: «Это город мой. Если вы не предадитесь и не выйдете с поклоном, то увидите, что будет. Я приступлю завтра и возьму

город». Между тем, как он грозился так, готовилась ему смерть. Два ляха, вероятно, им оскорбленные, стерегли его в засаде, на пути возвращения в свой лагерь, и, выскочив оттуда, когда он оказался рядом, смертельно его ранили. В ту же ночь он умер (1123). Владимир остался за Андреем Владимировичем, который перешел отсюда после смерти старшего брата, великого князя Мстислава (1132), в Переяславль, а Владимир, по распоряжению следовавшего брата его великого князя Ярополка, был предоставлен старшему Мстиславову сыну Изяславу. Изяслава новый великий князь Всеволод Ольгович (1139) перевел также в Переяславль; Владимир же отдал он сыну Святославу, за что и началась у него война с галицким князем Владимирком, имевшим виды на эту волость.

Святослав был выведен оттуда Изяславом Мстиславичем, когда этот последний стал великим князем (1146). Ему дано было в удел несколько мелких городов на Волыни: Бужск, Котельница, Межибожье, впрочем, ненадолго. Он ушел к себе на родину в Чернигов, а эти города отданы были великим князем Изяславом Ростиславу Георгиевичу.

Вячеслав получил тогда Пересопницу вместо принадлежавшего ему Турова.

Хотя Изяслав добыл себе Киев, но он сидел там неспокойно и несколько раз находил убежище во Владимире, откуда, в союзе с уграми, опять начинал свои поиски, оставляя во Владимире брата или сына.

В 1149 году, разбитый дядей Юрием Долгоруким, он прибежал во Владимир только с женой, детьми и митрополитом Климом. Он послал за помощью к уграм, чехам и полякам, которые, по родству, и пришли на его зов. Болеслав, король польский, в Луцке возвел многих детей боярских в рыцарское достоинство, «ту пасаше Болеслав сыны боярскы мечем многы».

Великий князь Юрий Долгорукий поспешил встретить своих врагов. Он пришел к брату Вячеславу в Пересопницу. Туда спешила и галицкая помощь с Владимирком. Изяслав выступил из Луцка и расположился станом у села Чемерина, близ города Олыки. Между тем, союзники, угры и ляхи, получили неблагоприятные известия из дома и должны были думать об отступлении, что было весьма некстати для Изяслава. Они хотели, впрочем, на прощанье примирить противные стороны. Юрий и Вячеслав отвечали, что они готовы мириться, но прежде иноплеменники должны были уйти из Русской

земли.

Союзники ушли, Изяслав должен был вернуться во Владимир. Начались переговоры, которые не привели к желанному концу, потому что Юрий не соглашался по требованию Изяслава возвратить новгородцам дани: «Выжену Изяслава, говорил он, а волость его всю переиму». Он пошел к Луцку. Начались сражения. Изяслав пришел на помощь из Владимира. Но Владимирко галицкий стал на Полоной между Владимиром и Луцком, «и тако разъеха е». Изяслав прислал ему сказать: «Введи меня в любовь к стрыеви моему и своему свату Дюргеви: яз во всем виноват перед Богом и перед ним». Ростислав Юрьевич и Юрий Ярославич были против него, а Андрей Боголюбский вместе с Владимирком галицким приняли его сторону. Мира хотел и старший брат Юрия, Вячеслав. Он был заключен в Пересопнице. Изяслав уступал Юрию Киев, а Юрий возвращал все дани новгородские по желанию Изяслава; пограбленное по Переяславском полку, стада или челядь, должно было быть возвращено хозяевам.

Изяслав за своими стадами и своим добром послал мужей своих и тиунов, а мужи одни поехали сами, другие послали также своих тиунов. Юрий не дал ничего, и мужи возвратились ни с чем. Тогда Изяслав послал к Вячеславу и Юрию жалобу: «Се, брате, на том семы хрест целовали, кому свое познаваючи имати; ныне же, брате, оже хощети хресту управити, то дай ны Бог пожити; не хощеши ли управити, а то узрим».

Изяслав тотчас начал военные действия, выгнал сына Юрия Глеба из Пересопницы и отпустил его за Корческ, сказав: «Это волость моя по Горыню». Потом отправился к черным клобукам, внезапно занял Киев, откуда Юрий бежал, сговорился с дядей Вячеславом, — но усидел недолго, и подоспевшим на помощь Юрию Владимирком, в свою очередь, принужден был бежать обратно во Владимир. И там стало ему хуже, ибо Владимирко, возвращаясь из-под Киева, занял города Волынские и хотел было овладеть Луцком. Отраженный, отошел он в Галич, продолжая грозить владимирскому князю.

В Пересопнице посадил он сына Юрия Мстислава, замененного на осень (1150) другим сыном, Андреем (Боголюбским), который получил вместе и Туров с Пинском.

Изяслав не мог сделать ничего против Андрея и избрал на время другой образ действий, просил Андрея убедить отца о

предоставлении ему страны по Горыню, впрочем, не унывал и послал к венгерскому королю Гейзе брата Владимира звать на Галич, что тот и исполнил, но был упрошен прекратить войну.

Собравшись снова идти на Киев, Изяслав опять послал брата в угры за помощью и с приведенными десятью тысячами угров начал поход. Уклонясь от встречи с подоспевшим Владимирком, он преодолел все препятствия и в третий раз занял Киев.

Владимирко, рассерженный оплошностью Юрия, ушел домой, собирая подать со всех городов Волынских по пути. Женщины должны были вынимать серьги из ушей и гривны с шеи.

Изяслав хотел совершенно изгнать Юрия из Русской земли и просил новой помощи у короля, но ведомые сыном Мстиславом угры были разбиты в Сапогыне.

Мстислав бежал в Луцк. Однако Изяслав справился и один, и заставил, наконец, Юрия окончательно удалиться в Суздаль (1151).

Покончив с Юрием, он хотел покончить также и с Владимирком, надоедавшим ему не меньше Юрия. Король пришел, наконец, по его вызову, и они вместе заставили Владимирка смириться и обещать возвратить Изяславу Волынские города. Король согласился на мир с этим условием, несмотря на возражения Изяслава.

Но лишь только король и Изяслав отошли от Галича, как Владимирко изменил своему слову: Изяслав определил посадников в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, но Владимирко не пустил их туда. Изяслав послал к нему с повторением требования мужа, при котором деятельный князь галицкий, непримиримый враг владимирского, скончался (1152).

Сын Ярослав обещал исполнить требования Изяслава и также не исполнил, за что тот ходил на него войной и одержал перед своею кончиной победу, но не решительную.

Во Владимире Изяслав посадил тогда сына Ярослава, а Мстислав находился при нем в Переяславле, где и остался по прибытии в Киев великого князя Ростислава. Но им обоим не посчастливилось, и Мстислав вернулся из Переяславля на Волынь, сначала в Луцк, а потом в Пересопницу.

Юрий суздальский, заклятый враг его отца, овладев великим княжеством, захотел выгнать его и оттуда и послал войско, так что Мстислав должен был отправиться за помощью в ляхи, оставив в Луцке брата Ярослава.

Дядя Ростислав смоленский, встретившись с великим князем

киевским, примирил его с племянниками, которые на зов его пришли в Киев со своими полками и целовали крест. Только Мстислав не поехал, опасаясь, чтобы Юрий не захватил его. Юрий обнадежил его в своей любви и послал к нему мужа с крестным целованием.

Владимирское княжество, оставшись в роде Изяслава, разделилось между его сыновьями, Мстиславом и Ярославом, и братом Владимиром, на три удела: Владимир, Луцк и Пересопницу (кроме Дорогобужа, принадлежавшего Владимиру Андреевичу), и представило тотчас обыкновенные явления времени, то есть междоусобия.

Мстислав Изяславич напал (1136) на дядю Владимира, взял в плен жену и мать его и отправил в Луцк, «всадив я на возы», дружину ограбил и отнял весь товар, привезенный незадолго перед тем Мстиславлею, вдовою, из угор, от дочери-королевы. Владимир бежал в Перемышль.

Но недолго был спокоен и Мстислав во Владимире. На него пришел великий князь Юрий вместе с Ярославом галицким, ища по обещанию Владимир для племянника своего Владимира Андреевича, отец которого, младший сын Мономаха, княжил некоторое время во Владимире. Владимир ходил было из-под Владимира на Червен и приглашал жителей отворить ему ворота: «Яз есмь не ратью пришел к вам, зане есте людие милии отцу моему, а яз вам свой княжич». В ответ «один с города, потягнув, удари его стрелою в горло, но не смертельно. В гневе он повеле воевати много вокруг».

Между тем, Юрий, простояв десять дней под Владимиром, не смог взять его и отступил. Мстислав преследовал его до Дорогобужа, «воюя и жга села, и много зла створи». Юрий, придя в Дорогобуж, сказал племяннику: «Я обещал отцу твоему и тебе искать Владимира, „аче ти есмь Владимира не добыл, а се ти волость“», — и дал ему Дорогобуж, Пересопницу и все Погорынские города.

Мстислав Изяславич ходил в следующем году (1158) помогать Изяславу Давыдовичу черниговскому на Юрия, который внезапно умер, и Изяслав Давыдович стал великим князем.

Недолго, впрочем, был Мстислав в дружбе и с ним, приняв сторону Ярослава галицкого, который требовал выдачи Берладника. Мстислав, позарившись, подобно своему отцу, на Киев, возглавил все союзные полки, пошел на великого князя и занял Белгород. Берендеи и торки, находившиеся в стане великого князя, изменили ему и вошли в переговоры с Мстиславом: «аще ны хощеши любити, якоже ны есть

любил отец твои, и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава». Мстислав рад был этой речи, послал к ним отрока своего Олбыря Шерошевича, «и яся им по всю волю их, и роте к ним ходи».

Изяслав, преданный, должен был бежать, а Мстислав, Владимир Андреевич и Ярослав заняли Киев 22 декабря. Мстиславу досталось много добра Изяславовой дружины, золота и серебра, челяди, коней и скота, и все это он отправил во Владимир.

На киевский стол был опять призван дядя Ростислав смоленский, с которым Мстислав много спорил о митрополите. Ростислав не хотел Клима, а Мстислав не хотел Константина. Решено было отстранить обоих и звать третьего из Царьграда. Владимирский князь получил себе, однако же, несколько городов в Киевской области.

Мстислав помог великому князю в 1161 году, при нападении на него Изяслава Давыдовича, но вскоре «розгневався на стрыя своего Ростислава, и много речи вста межи ими». Сын Ростислава Давыд захватил посадника Мстиславова в Торческе. Мстислав осадил Владимира Андреевича в Пересопнице, веля ему отступить от Ростислава, но тот не согласился, и Мстислав вернулся во Владимир.

Владимир Мстиславич, изгнанный из Пересопницы, овладел было Слуцком, но ненадолго, и брат Ростислав дал ему у себя Триполь с четырьмя городами.

В 1163 дядя и племянник помирились. Ростислав возвратил ему отнятые города, а за Триполь дал Канев.

В 1168 г. Мстислав из Владимира, Ярослав из Луцка, Ярополк из Бужска, Владимир Андреевич из Пересопницы, приходили к великому князю в Киев, а оттуда к Каневу, «дондеже взыде Гречник и Залозник».

После смерти великого князя Ростислава братья послали за Мстиславом во Владимир, и он занял великокняжеский стол, столько им желанный, а Владимир достался брату его, Ярославу луцкому (1169).

Недолго, впрочем, усидел Мстислав в Киеве. Он восстановил против себя сильного князя владимирского Андрея, особенно за то, что против его воли отпустил сына Романа княжить к новгородцам. Андрей послал на него многочисленную рать, к которой должны были присоединиться почти все южные князья, и Мстислав, после отчаянного сопротивления, спасся бегством во Владимир.

На следующий год он ходил на Киев с братом Ярославом и

галицкой помощью, имел некоторые успехи, но, вследствие ухода галичан, не мог там удержаться и опять вернулся во Владимир, где вскоре и умер, договорившись с братом Ярославом о детях, «да не подозреет волости под ними».

Владимир унаследовал (1171) сын его, молодой Роман волынский, прибывший из Новгорода, после славной своей победы над полками Андрея Боголюбского. Это был знаменитейший из князей волынских. Он женился на дочери великого князя киевского Рюрика Ростиславича.

Роман много воевал с дикими ятвягами, племенем литовским, и прославился между ними своей жестокостью, о которой осталось воспоминание в пословице: «зле Романе робишь, як Литвином орешь».

Узнав о неудовольствии галичан своим князем Владимиром, сыном Ярослава, подговорил их выгнать его, что те и исполнили. Призванный ими на княжение, отдал свой Владимир брату Всеволоду, княжившему в Бельзе (1188).

В Галиче ему, однако, не посчастливилось, и он должен был бежать оттуда перед угорской ратью, под предводительством короля Белы, который принял под свое покровительство галицкого князя.

Владимира брат ему не отдал, и он бежал к ляхам, с которыми был в родстве, и, наконец, к тестю, Рюрику Ростиславичу, великому князю киевскому. После разных превратностей, неудач, он возвратил, наконец, себе Владимир (1188).

Рюрик дал ему еще несколько городов в Русской земле, вероятно, за какие-либо труды его в отношении к литовцам или к половцам.

Города эти были взяты назад вследствие требования великого князя Всеволода, впрочем, с его согласия, что было источником вражды Романа к Рюрику.

Роман обратился к Ольговичам и звал их на Киев. Рюрик прислал ему крестные грамоты. Он обратился за помощью к Казимировичам, своим двоюродным братьям, должен был принять там участие в их войне против дяди Мечислава, был разбит им, и явился к Рюрику с повинной головой, получил от него Полоный и половину Торческа Русского, а вслед за тем ушел опять к Ольговичам.

Область его была за то разорена около Перемиля и Каменца союзниками, а на северо-западе ятвягами, которых, впрочем, он поспешил наказать.

Между тем, Владимир Ярославич галицкий умер, и Роман с

помощью союзных с ним ляхов занял во второй раз Галич (1197).

С этого времени Владимирское княжество делило участь Галицкого и, переходя из рук в руки, долго принадлежало племянникам Романа, Александру и Всеволоду Всеволодовичам, и, наконец, досталось сыну Романа Даниилу, который женился на дочери Мстислава галицкого и служил ему во всех войнах с уграми, ляхами и прочими врагами.

Когда Даниил получил Галич, тогда Владимир стал уделом брата его Василька.

Иноземцы вот как описывают Владимир: «Яко така града не изобретох ни в немечкых странах, тако сущу оружником стоящим на нем, блистахуся щиты и оружници подобии солнцю».

От Владимирского княжества отделилось Луцкое, потом Бельзское, Червенское, а прежде Дорогобуж, Пересопница, Овруч. Князья их, число которых умножилось, как и в прочих русских княжествах, участвовали в войнах галицких, киевских, равно как и в походах на половцев.

Кроме двух сыновей Романа, Даниила и Василька, осталось потомство от дяди его, Ярослава, имевшего сыновей: Всеволода, Ингваря, Мстислава, Изяслава, — и от брата Всеволода, с его сыновьями: Александром и Всеволодом.

ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

Области, составляющие Галицкое княжество, самое западное из всех русских княжеств, смежные с Польшей и Венгрией, по склонам Карпатских гор, были покорены первоначально Владимиром Святым (981) и присоединены к его киевскому великокняжескому столу.

По его кончине овладел было ими на некоторое время Болеслав, король польский; возвращаясь из Киева (1018), где он помогал зятю своему Святославу, но после него они снова были возвращены великим князем Ярославом при помощи брата его Мстислава тмутораканского (1031).

По разделу Ярослава Червенские города принадлежали к Владимирскому на Волыни княжеству, которое было предоставлено его младшему сыну Игорю (1054), вскоре переведенному в Смоленск и там умершему (1060).

Игореву волость принял во владение его старший брат, великий князь киевский Изяслав, а после него она досталась Всеволоду.

Всеволод (1078) отдал Владимир старшему сыну убитого за него брата, своему племяннику, Ярополку Изяславичу. Червенские же города внучатым племянникам, Ростиславичам, которые оставались после отца, погибшего в Тмуторакани (1066), без владения, жили в доме Ярополка и ходили на промысл в Тмуторакань (1081) и на Владимир (1084), — Рюрику, Володарю и Василько.

Такой раздел не мог быть приятен владимирскому князю Ярополку Изяславичу, который восстал было и на великого князя Всеволода, но был смирен его сыном Мономахом.

Ростиславичей подозревают даже в предательском убийстве Ярополка на пути в Звенигород (1087), после распри и примирения его с великим князем киевским, на том основании, что убийца, Нерадец, нашел убежище у перемышльского князя Рюрика, за что великий князь Всеволод ходил на него войной.

На Любечском съезде (1097) за Ростиславичами утверждена была их волость, данная великим князем Всеволодом: за Володарем Перемышль, за Васильком Теребовль.

Старший брат их Рюрик перед тем скончался (1092).

Оба князя отличались, даже в то бранное время, воинскими доблестями, и имели обширные замыслы, особенно Василько, который много воевал с ляхами.

Новый владимирский князь Давыд Игоревич убоялся их властолюбия. Ему представилось, что он не удержит за собой Владимир, полученный по решению Любечского съезда, и подговорил против Ростиславичей великого князя Святополка, а может быть, он под этим предлогом хотел присоединить к Владимирскому княжеству Червенские города. Как бы то ни было, в гостях у Святополка в Киеве Василько был ослеплен, увезен и посажен под стражу во Владимире (1097).

Прочие русские князья, во главе с Мономахом, возмущенные этим злодеянием, решили наказать виновного. На великого князя киевского Святополка было возложено это поручение.

Давыд испугался и вошел в сношение с заточенным им Васильком через одно духовное лицо, Василия, прося его преклонить братьев к миру и обещая дать ему город, но Василько отвечал, что у него есть волость — Теребовль, а к Владимиру может послать боярина своего Кулмея. В беседе с Василием несчастный галицкий князь так объяснял свои прежние намерения: «Василько оставил меня у себя, рассказывает этот летописец, выслал вон слугу, сел со мною и

начал говорить: „Слышу — Давыд хочет выдать меня ляхам, он не сыт моею кровью, он хочет ее еще! Да, я сотворил ляхам много зла, хотел сотворить еще больше, мстя за Русскую землю! Пускай отдает ляхам — я не боюся смерти. Признаюсь пред тобою откровенно: Бог наказал меня за мое возвышение. Как пришла мне весть, что идут ко мне берендеи, торки, печенеги, я подумал: скажу брату Володарю и Давыду — дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте, ешьте и веселитесь. Я пойду зимой на Лядскую землю, летом возьму Лядскую землю и отомщу за Русь. Потом хотел я перевести дунайских болгар и поселить на своей стороне. Потом хотел я проситься у Святополка и Владимира на половцев: либо добуду себе славы, либо сложу свою голову за Русскую землю. Другого помышления не было в сердце моем, ни на Святополка, ни на Давыда; не хотел я зла братьи моей никакого; Бог низложил меня и смирил за мою гордость“».

Между тем, наступала Пасха. Не слыхать было ни о какой войне. Давыд обрадовался. Не видя мстителей, он уже думал, что туча прошла мимо, решил воспользоваться своим злым делом и захватить Василькову волость.

Но Володарь, брат Василька, встретил его у Бужска. Давыд не осмелился принять бой и заперся в Бужске. Володарь осадил его. «И нача Володарь молвити: почто зло створив и не каяшися его? Да уже помянися, колико еси зла створил?» Давыд перекладывал вину на великого князя Святополка. «И рече Володарь: Бог свидетель тому, а ныне пусти брат мой, и створю с тобою мир». Давыд с радостью послал за Васильком и, приведя его, отдал Володарю. Мир был заключен, и они разошлись.

Братья, однако же, не считали себя удовлетворенными. В следующем году (1098), мстя Давыду, они взяли его город Всеволож и сожгли. Бежавшие жители были перебиты. Потом осадили Давыда во Владимире и вытребовали у него мужей, которых считали своими врагами-наветниками. Несчастные были расстреляны. Совершив это, Ростиславичи ушли.

Между тем, пришел великий князь Святополк, взявшийся наказать виновного. Выгнав Давыда из Владимира (1099) и обеспечив себя со стороны ляхов, он решил отнять у Ростиславичей их княжество, как принадлежавшее его отцу и брату. Володарь вышел к нему навстречу. Они встретились на поле Рожнем. Василько, подняв над собой крест, сказал: «Ты целовал этот крест, и взял еси зрак очью моею, а теперь хочешь взять и душу мою — пусть же станет между

вами этот крест». Началось сражение. Много народу пало с обеих сторон. Некоторые благоверные люди видели крест в небе над Васильковыми воинами. Святополк вынужден был бежать во Владимир. Братья сказали: «Довлеет нам на меже своей стати» — и не пошли далее.

На Уветичском съезде (1100) князей решено было оставить у Ростиславичей один Перемышль, Василька же обязывались князья кормить у себя, «а холопи наша выдайта и смерды». Но Ростиславичи не согласились и смогли удержать за собой свои волости.

Оба брата приняли впоследствии участие во владимирских распрях, стоя в рядах Мономаха против Ярослава Святополчича (1117), которому достался Владимир, а после в рядах Ярослава Святополчича против Мономахова сына (1123).

Володарь был пленен поляками через боярина Петрока и выкуплен Васильком за большой выкуп, незадолго перед смертью.

Братья умерли почти в одно время (1124), оставив по два сына: Володарь — Владимирка и Ростислава; Василько — Григория и Ивана. Между ними началась было тотчас ссора, и Владимирко хотел изгнать брата Ростислава, сторону которого держали Васильковичи. Но этот последний вскоре умер (оставив малолетнего сына Ивана, что после прозвался Берладником), так же, как и один Василькович, за которым последовал и другой (ум. 1140), и вскоре все Галицкое княжество собралось под рукой Владимирка.

Владимирко прокняжил в бесспорном владении почти тридцать лет (1124–1152), и успел значительно усилить, возвеличить свое княжество, в котором стольным городом при нем стал Галич.

Бояре, пребывая постоянно на одном месте, снискали себе значение, какого нигде не имели в прочих княжествах, кроме Новгорода. Соседние примеры, польский и угорский, также могли иметь на них влияние.

Владимирко находился в беспрерывных сношениях с соседями, ляхами и уграми, которым подавал помощь против первых, а также и с великими князьями киевскими и суздальским Юрием Долгоруким, на дочери которого Ольге женил впоследствии единственного сына Ярослава.

Сначала он находился как будто в некоторой зависимости от великого князя киевского, Всеволода Ольговича, и ходил, по его слову, на Вячеслава туровского (1139), потом посылал свои полки в Польшу, на помощь к Владиславу против Болеславичей (1141), также

по требованию великого князя киевского: но вскоре рассорился с ним, когда тот отдал Владимир своему сыну Святославу (1142), между тем как он сам имел виды на Владимир и постоянно желал распространить пределы своего княжества за счет Владимирского, которое некогда с Галицким составляло одно целое.

Великий князь собрал многочисленное войско. Все юго-западные князья явились на зов его (1144). Изяслав Давыдович, заходя с другой стороны, занял Ушицу на левом берегу Днестра, к востоку от Каменца, и Микулин. Краковский князь Владислав принял также участие в этом походе. Противники стали одни против других на обоих берегах Серета, близ Теребовля. Русские князья убеждали Владимирка, «нудяще его приехати ко Всеволоду поклонитися; оному же того не хотящю, но и слышати, ниже видети, и не хоть ехати поклонитися ему». Угры пришли к нему на помощь, но не успели оказать никакой пользы.

Неприятели опасались переправляться через реку и начали спускаться вниз по ее течению. Владимирко отступал, имея цель заманить неприятеля в горы и закрыть главные города: Перемышль, Звенигород и Галич. Всеволод переправился через Серет и пустился его преследовать. Владимирко остановился перед Звенигородом, противников разделяла болотистая река Белка. Всеволод велел строить гати и отрядил часть войска зайти к неприятелю в тыл горами со стороны Перемышля и Галича. Владимирко стал перед городом на болонье, но здесь трудно было ему биться, из-за тесноты места. Галичане, узнав об обходе, испугались и сказали: «Мы здесь стоим, а там возьмут наших жен». Владимирко был вынужден искать мира и обратился к брату Всеволода Игорю: «Если ты примиришь меня с братом, то я обещаю тебе помогать про Киев». Всеволод должен был уважить ходатайство брата, и мир был заключен. Владимирко должен был внести тысячу четыреста гривен серебра, «переди много глаголав, а последи много заплатив». Всеволод целовал его с братьями и, примирив к себе, сказал ему: «Вот, отсчитал ты теперь, так уж больше не греши», — и возвратил ему Ушицу и Микулин, занятые вспомогательными войсками.

В следующем году пришел искать себе убежища в Галиче тот польский боярин Петрок, кознями которого пленен был некогда отец Владимирка. Ограбленный, ослепленный, изувеченный, с женой и детьми, он изгнан был из Польши и прибегнул под покровительство галицкого князя (1145).

Между тем, племянник его, Иван Ростиславич, достигнув давно мужского возраста, хотел себе волости. Он жил, как кажется, праздно в Звенигороде. Галичане, недовольные Владимирком, по всей вероятности, бояре, вздумали призвать его к себе на стол, как только закончилась война с Всеволодом. Воспользовавшись отсутствием князя, уехавшего на охоту в Тисменицу, они послали звать к себе Ивана (1145). Тот приехал. Владимирко собрал дружину и осадил его немедля в Галиче. Три недели продолжалась осада. Иван выходил из города биться, и многие пали с обеих сторон; наконец, в неделю мясопустную случилось, что Владимирко отрезал Ивана от города, куда тот не мог возвратиться. Он вынужден был пробиваться сквозь полк и спасся к Дунаю, а оттуда полем бежал к Всеволоду в Киев. Галичане бились еще неделю после бегства Ивана, и, наконец, должны были отворить ворота. Владимирко иссек многих людей, а других наказал различными казнями. Не мог он простить и великому князю за предоставление убежища беглецу. В отмщение взял он город Прилук, в верховьях великого Буга.

Но и Всеволод был не такого рода князь, который мог бы оставить всякое какое бы то ни было действие против себя, без наказания. В 1146 году он опять пришел с многочисленным полком на Галич. Война началась осадой Звенигорода. Острог был сожжен в первый день. Жители, собравшись на вече, решили сдаться, но мужественный воевода Иван Халдеевич, захватив трех зачинщиков, разрубил каждого надвое и выбросил из города. Тем пригрозил и прочим. Звенигородцы начали биться без лести. Всеволод зажег город в трех местах, они погасили, и, восклицая: «Тебя, Бога, хвалим», заставили Всеволода удалиться домой без успеха.

Он собирался идти в третий раз на Галич, но смерть помешала ему.

В междоусобиях киевских, после смерти великого князя Всеволода, Владимирко принял деятельное участие, держа сторону Юрия Владимировича Долгорукого, от которого надеялся так или иначе получить Волынские города в вознаграждение. Он и породнился с ним, женив своего сына на его дочери. Ходив несколько раз со своими полками до Киева, он несколько раз решал судьбу войны, подвергавшейся беспрестанно случайностям.

Его помощь Юрию восстановила против него соперника Юрия, Изяслава Мстиславича, княжившего некогда во Владимире, который, в свою очередь, связанный родством с уграми, водил их несколько

раз на Галич, и только различными хитростями Владимирко успевал спасаться от беды.

В 1149 году, когда Юрий выгнал Изяслава из Киева и хотел отнять у него Владимир, Владимирко пришел на помощь к великому князю, стоявшему в Пересопнице у брата Вячеслава. Владимирко с главными своими силами остановился у Шумска, на пути из Кременца к Острогу. Польские и угорские помощники Изяслава должны были, по своим обстоятельствам, идти восвояси, и он остался один против Юрия с его союзниками. Изяслав смирился и явился с просьбой к Владимирку о ходатайстве перед дядей. Владимирко, «ладя е», сказал: «Бог поставил нас волостелями в месть злодеям и в добродетель благочестивым. Как можем мы молиться Богу: Отче наш, остави нам прегрешения наша, яко же мы оставляем. Изяслав вам племянник, как бы сын ваш, не творится пред вами прав, но кланяется и милости у вас просит. Я не прост есмь ходатай между вами. Ангела же Бог к вам не пошлет, а пророка или апостола в наши дни нетуть». Вячеслав туровский пристал к совету галицкого князя, и оба вместе успели убедить Юрия. Мир был заключен в Пересопнице. Юрий не исполнил, впрочем, условий, и Изяслав, посредством быстрых и искусных действий, овладел Киевом.

Владимирко бежал к Юрию за помощью через Болохово, мимо Мунарева, к Володареву. Изяслав, договорившись, между тем, с дядей Вячеславом, вышел навстречу к Звенигороду, но тот уже шел через Перепетово. Через Стугну и Ольшаницу, вверху, они сошлись, и Владимирко, благодаря своей силе, вынудил его войско разбежаться, и едва собственный полк Изяслава уцелел. Тем и доставил галицкий князь Киев опять Юрию, с которым встречался в Печерском монастыре. Киевляне, однако же, не доверяли ему, и увели Юрия в город. Владимирко поклонился гробам святых мучеников в Вышгороде, святой Софии, Десятинной Богородице в Киеве, помолился в Печерском монастыре… «Князья сотворили любовь между собою велику». На Киев Владимирко шел через Подолие к реке Стугне, а из Киева к Горыне и потом к Луцку.

На обратном пути он посадил сына Юрия Мстислава в Пересопнице, занял города, предоставленные ему, вероятно, по договору, и хотел было взять сам Луцк, но граждане отбились.

Изяслав просил помощи у короля венгерского, жалуясь, что Владимирко выгнал его из Киева и грозится придти во Владимир. Король отвечал: «Владимир узнает, кого затронул», — собрал свои

полки и пошел войной на Галич, а приятели из угров дали о том знать галицкому князю. Вероятно, этот отряд вступил в окрестностях города Дукля, на Решов, мимо Краковской границы. Владимирко стоял тогда у Бельза и, услышав, что король вошел уже в гору, покинул свой лагерь и поспешил с дружиной к Перемышлю. Король, пройдя гору, взял Санок и опустошил многие села около Перемышля. Владимирко увидел, что ему нет возможности отбиться от такой силы, обратился к архиепископу и двум епископам, бывшим при короле, и к мужам его, с золотом и многими дарами, чтобы те уговорили короля возвратиться домой. Они, действительно, успели убедить короля, который, под предлогом наступления морозов, ибо время было о Дмитриев день, оставил галицкие владения.

Избавившись от беды, Владимирко остался при прежнем расположении, то есть с дружбой к свату своему Юрию и враждой к Изяславу. Весной 1131 года король прислал по обещанию помощь к Изяславу, которая вступила, вероятно, в Галицкие пределы по прежнему пути, к Решову, лесами, на Томашов, Крилов и Владимир. Владимирко, со своей стороны, поспешил со своими полками к Юрию на помощь и настиг Изяслава сначала в Пересопнице, потом на Уше. Изяслав, стоя на другом берегу, разложил великие огни и, тем обманув Владимирка, отступил к Мичску. Из Мичска поспешил вперед, захватил врасплох Белгород и появился перед Киевом, откуда Юрий, ничего не ожидая, должен был бежать в Городок, на другую сторону Днепра. Владимирко с Андреем, сыном Юрия, стоя на Уше, ничего о том не знали, — так все это быстро случилось. Они послали проведать, что происходит впереди, сторожей, которые принесли им весть, что Юрий уже в Городце, а Изяслав занял Киев.

Владимирко рассердился и обратился с горькими упреками к Андрею и бывшему с ним двоюродному его брату, Владимиру Андреевичу: «Удивительно княжение свата моего: рать идет на него из Владимира; ты, сын его, сидишь в Пересопнице, другой сын в Белегороде, как же ея не устеречи. Если так вы княжите с отцом своим, так правьте сами, а мне на Изяслава одному идти нельзя. Изяслав вчера хотел со мною биться, на вашего отца идя и ко мне оборачиваясь, — и вот уже он в Русской земле, что же мне делать. Прощайте, идите к отцу», — и, поворотив коней, отошел назад в Галич.

На обратном пути он взял серебро по всем городам. Мичск пригрозил даже взять на щит, если бы граждане не принесли столько,

сколько он требовал. Мичане, не сумев набрать столько, повынимали серебро из ушей и с шеи и принесли ему в слитках.

Юрий, однако же, не унывал и собирался с силами. Дела его пошли хорошо, и он послал звать, для лучшего успеха, Владимирка. Владимирко двинулся и по пути узнал, что Мстислав Изяславич, идущий к отцу на помощь с уграми, остановился у Сапогыня, куда Владимир Андреевич прислал много питья из Дорогобужа, и Мстислав пировал и пил с уграми и, получив весть от дяди, передал он ее уграм: «Идет Владимирко». «Ну что же, отвечали угры пьяные, пусть придет, мы подеремся с ним». Мстислав, на ночь расставив сторожей, лег спать с уграми. В полночь прибежали сторожа с криком: «Владимирко идет». Мстислав с дружиной, сев на коней, начал будить угров, а те лежали мертво пьяные. Владимирко ударил на них и перебил множество. Мстислав с дружиной бежал в Луцк.

А Изяслав, между тем, совершенно разбил Юрия за Рутом и вынудил удалиться в свою Залесскую сторону. Владимирку нечего было делать, и он вернулся в Галич.

Изяслав, упоенный успехом, звал короля на Владимирка (1152): «се Владимир Галицкой дружину мою и твою избил; гадай, брат, как нам на себя покор не положити, и отомстить за себе и за дружину».

Король отвечал: «Отче, кланяюсь тебе. Прислал ты мне сказать про обиду галицкого князя: я собираюсь, собирайся и ты. Нам оставить такого дела нельзя, а как Бог даст».

Изяслав послал сына Мстислава вести короля на Галич. Король дал знать: «Я сажусь на коня с сыном твоим Мстиславом, садись и ты».

Плохо приходилось Владимирку.

Изяслав собрался со всеми полками своими и за Дукельской низменностью пошел той дорогой королевской, по которой король приходил с Ярославом Святополчичем на Андрея Мономаховича под Владимир.

За Саном нагнал его посол, сказать, что король его дожидается уже пятый день. Он двинулся к Ярославлю, переправившись через Сан между Лежайском и Крешевым. От короля пришел к нему муж с тысячью воинов. Изяслав поспешил вперед и соединился с зятем, к великой радости обоих. Здесь в шатре начали они думать, как ударить наутро. Полков у короля было семьдесят три, кроме Изяславовых, кроме коней обозных и товарных. Рано король велел ударить в бубны и, выстроив полки свои, сказал Изяславу: «Поезжай со своими

полками близ моего полка и останавливайся, где я остановлюсь: добро нам о всем гадати вместе». Изяслав отвечал: «Так буди». Они расположились станом на левом берегу Сана, ниже Перемышля. День был воскресный, а в воскресенье король имел обыкновение ничего не предпринимать. Владимирко со своими полками стоял на правом берегу. Поутру король начал ставить полки свои на бродах. Галичане напротив, «и не могоша стягнути противу Королеви». Изяслав стал выше короля на другом броде. Другие угорские полки еще выше. Все они переправились вброд, ворвались в полки Владимирковы и смяли их. Владимирко, отступив за твердыню, не выдержал, подался. Нападение, стремительное со всех сторон, усиливалось. Он вынужден был бежать и попал было к уграм и черным клобукам, и едва спасся в Перемышль с Избыгневом Ивачевичем. Битва происходила в треугольнике между реками Саном, Вягром и той возвышенностью, на которой стоит Перемышль. Он был бы тогда взят, потому что в городе никого не оставалось, но все воины угорские бросились на загородный двор княжий, на лугу, над рекою Саном, где было много всякого добра.

Изяслав и король стали лагерем перед городом, над рекой Вягром. Владимирко, не видя никакой надежды на успех, начал слать к королю, прося мира, а на ночь отрядил послов к архиепископу и воеводам: «Молитесь обо мне королю, я ранен крепко, каюсь перед королем, что стал против него и сердце повередил ему, но Бог грехи отдает, пусть и он простит мне вину и не выдаст меня Изяславу. Я очень болен, и если умру, поручу сына своего королю. Напомните ему, как я служил отцу его до сыти своим кошем и своими полками, когда тот был слеп, как я бился за него с ляхами. Пусть он все это вспомнит и меня простит». С этими словами Владимирко прислал архиепископу и мужам многие дары золотом и серебром, сосудами и портами. Поутру король, встретившись с Изяславом, поведал ему речи Владимирковы: «Он кланяется и молится, говорит, что ранен и болен при смерти: что ты отмолвишь ему?» Изяслав и слышать не хотел о мире: «Сыну, говорил он, если Владимирко и умрет, то это ему Божья казнь за то, что сступил нам крестного целования. Что он исправил тебе из обещанного и первое, и второе? Да еще и сором положил на обоих нас: нечего ему верить. Дал его нам Бог в руки, так мы должны его взять и волость его отнять». Мстислав, сын Изяслава, которому досталось от Владимирка под Сапогынем, донимал короля еще пуще отца и перечислял все обиды Владимирковы. Но противная

сторона, архиепископы и мужи, получившие богатые дары, превозмогли. Король решил: «Не могу его убить, он молится и кланяется, и в винах своих раскаивается; ежели отступит того, на чем теперь крест целует, то как Бог даст: либо мне быть в Угорской земле, либо ему в Галицкой».

Владимирко прислал послов к Изяславу: «Брат, виноват, прости меня и присоедини свою просьбу к королю — простить меня, а мне дай Бог с тобою быти».

Изяслав оставался непреклонен, но вынужден был согласиться с королем, и начались переговоры. Король сказал Владимирку: «На том должен ты целовать крест, чтобы возвратить Изяславу все Русские города, сулжить ему вполне и не отлучаться ни в добре, ни в лихе». Владимирко обещал все.

В шатре у короля собрались все — Изяслав с братом Владимиром и сыном Мстиславом. Решено было послать мужей к Владимирку с крестом. Изяслав не хотел водить его к кресту. Тогда Гейза сказал: «Право ти, отче, молвлю — сей есть крест, на нем же Христос Бог наш восхотел пригвоздитися. Предок наш Стефан достал его по милости Господней. Если он поцелует крест, и в тот час жив останется, — заверяю тебя: либо я голову свою сложу, либо достану тебе Галицкую землю, а ныне убить его не могу». Мстислав сказал тогда королю и отцу: «Вы поступаете по христианской вере честному кресту, отдавая свой гнев, но я вам пред тем же честным крестом объявляю вот что: как вы его ведете ко кресту, так он от крестного целования отступит. А ты, король, своего слова не забудь, что сказал: если он отступит, то тебе у Галича стоять». Король отвечал: «Так и будет. До сих пор отец мой Изяслав звал меня к себе на помощь, а если Владимирко изменит, то я позову отца моего Изяслава к себе на помощь». Мужи королевские отправились приводить галицкого князя ко кресту. Изяслав присоединил к ним своего мужа Петра Борисовича.

Посланные должны были сказать Владимирку: «Бог дал нам тебя и волость твою за твою вину, но ты просишь нас, и мы отдаем тебе гнев, и волости у тебя не отнимаем. Ты должен только возвратить, что захватил, и Изяслава не отлучаться, а быть с ним во всех местах».

Посланные мужи привели ко кресту Владимирка, который лежал как будто изнемогая от ран, а ран у него не было.

Некоторое время король и Изяслав провели вместе в великой любви и великом веселье и потом разъехались: король в угры,

Изяслав в Русскую землю.

Придя во Владимир, Изяслав послал посадников в города, на которых целовал крест Владимирко: в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, — и Владимирко их не отдал. Вот он был каков! Изяслав известил короля: «Нам уже не ворочаться, ни тебе, ни мне; я только являю тебе, что Владимирко отступил крестного целования; не забывай же своего слова, что ты сказал».

Владимирко этим не удовольствовался и, услышав, что Юрий опять грозит великому князю киевскому, сам отправился против него, но должен был возвратиться в Галич, узнав, что Изяслав спешит его встретить.

Великий князь киевский справился с Юрием окончательно и прогнал его домой за леса.

Тогда послал он своего мужа Петра Борисовича к Владимирку с крестными грамотами, напомнить о крестном целовании и требовать возвращения Волынских городов, а в противном случае грозить войной. Владимирко отвечал: «Скажи брату, что он напал на меня врасплох и навел на меня короля, так я либо голову сложу, либо сам отомщу». «Но подумай, князь, возразил Петр, что ты целовал крест, и что ты хочешь теперь изменить своей клятве». А Владимирко: «Этот ли крестик малый?» «Мал крест, князь, сказал Петр, но сила его на небе и на земле велика. Ты помнишь ли, что говорил король, как Бог своей волей на том кресте руце свои простерл, и привел и Бог по своей милости к святому Стефану; ты помнишь ли, что говорил король: не будешь жив, если изменишь этому кресту». «Ну, сказал Владимирко, ты поговорил довольно, а теперь ступай вон и возвращайся к своему князю». Петр положил перед ним крестные грамоты и вышел вон; ему не дали ни повоза, ни корма. Он должен был ехать на своих конях. Когда он съехал с княжего двора, Владимирко шел к вечерне к Святому Спасу и с переходов увидел отъезжающего посла: «Поехал муж Русской, сказал он, насмехаясь, отъимав у нас все волости», — и взошел на палати.

По окончании вечерни, Владимирко вышел из церкви, и лишь только ступил он на ту ступень, с которой наругался над Петром, как вскрикнул: «Оле те некто мя удари за плече», — не мог двинуться с того места и готов был упасть. Его схватили под руки и понесли в горницу. Одни говорили, что подступила дна (ломота в костях), другие объясняли иначе, и много было толкований. К вечеру князь Владимир разнемогся сильно и на ночь преставился (1153).

Изяславов муж Петр выехал из Галича и остановился ночевать в селе Болшове. Подходило время к курам, как прискакал к нему детский из Галича и сказал: «Не езди дальше, но пожди, пока за тобой пришлют». Петру было это очень неприятно: ему не хотелось ехать назад в город и принимать там новые оскорбления, и он очень тужил, а детский не сказал ему ничего о княжеской смерти.

Перед обедом прискакал к нему еще детский и позвал в город: «Князь тебя зовет». Петр вернулся в город, въехал на княжий двор и увидел слуг княжьих, идущих к нему навстречу с сеней в черной одежде. Петр удивился, не понимая, что это значит, вошел в сени и увидел князя Ярослава, сидящего на отцовом месте в черной мятле и клобуке. Так и все мужи его. Перед Петром поставили столец. Ярослав взглянул на Петра и расплакался. Петр все еще не знал ничего и спрашивал, что это такое. Ему отвечали, что нынешней ночью Бог князя взял. «Да я вчера поехал, он был здоров». «Он почувствовал удар в плечо, и с той поры начал изнемогать». «Воля Божия, сказал Петр, всем нам быть там». Ярослав объявил Петру: «Мы позвали тебя вот для чего: Бог волей своей сотворил, как ему было угодно. Поезжай же ты к отцу моему Изяславу, поклонись ему от меня и скажи ему: что у тебя с отцом моим было, то знали вы и Бог. Теперь я сижу на его столе и занял его место. Полк его и дружина его у меня, одно только копье поставлено у гроба его, и то принадлежит мне. Кланяюсь отцу моему Изяславу и прошу тебя: будь мне отцом и прими меня, как сына своего Мстислава. Пусть Мстислав ездит подле твоего стремени с одной стороны, а я буду ездить подле твоего стремени с другой стороны со всеми своими полками».

С этими словами он отпустил Петра Бориславича.

Несмотря на обещания, молодой князь галицкий, по полученным примерам, не думал отдавать городов названному отцу. Изяслав не мог перенести такого оскорбления, призвал подчиненных ему князей и пошел на него войной. Ярослав выступил навстречу. Пока воины бились через Серет, он сам пошел к Теребовлю. Ярослав последовал за ним, хотя и не успел помешать его переправе через Гниснов. Полки стали одни против других. Галицкие мужи отослали своего князя в город. «Ты молод, князь, сказали они ему, притом у нас один. Если случится с тобою недоброе, что тогда нам будет делать! Поезжай лучше прочь и смотри на нас издали, как будем мы биться. Отец твой нас любил и кормил, и мы хотим за честь твою и за честь

твоего отца сложить свои головы. Если нас побьют, мы прибежим к тебе и затворимся вместе в городе».

Полки сошлись, и была сеча злая, бились противники от полудня до вечера. Произошло смятение, и неизвестно было, кто победил. Изяслав обратил в бегство галичан, спасавшихся в город, а братья его от них побежали: Святополк Владимирович, Владимир Мстиславич и Мстислав Изяславич. При преследовании Изяслав пленил галицких мужей, а галичане Изяславовых. Возвратившись, он поставил на поле стяги галицкие, под которые собралось много галичан, попав в плен к Изяславу. Их набралось больше, чем оставалось у него своей дружины, и он побоялся нападения на другой день из Галича.

Он велел перебить пленников, кроме лучших мужей, уведенных в Киев, в ожидании выкупа. Жестокость, которой он, в сердцах на галичан, посрамил себя в конце своей жизни. «Бысть плачь велик по всей земле Галицкой», свидетельствует летописец.

Он недолго прожил после этой резни (ум. 1153), и молодой Ярослав избавился от опасного врага.

Киевский стол достался, наконец, Юрию Владимировичу Долгорукому, тестю Ярослава. Галицкий князь удержал, вероятно, Волынские города, и помогал Юрию в его походах на Мстислава Изяславича к Луцку (1155), на Владимир (1157), на Изяслава Давыдовича черниговского, на половцев. В благодарность за свои услуги он просил выдать ему двоюродного его брата, Ивана Берладника, который находился в Суздале, и прислал за ним князя Святополка и Коснятина Серославича с многочисленной дружиной. В оковах привезен был несчастный князь, но митрополит и игумены отвели великого князя от такого бессовестного дела: «Грех тебе, целовавши крест, держать его в такой нужде, а ты еще хочешь и выдать его на убийство». Юрий послушался и отправил его, скованного, назад в Суздаль. По дороге перехватил его Изяслав Давыдович черниговский и увел к себе в Чернигов.

Юрий просидел на киевском столе недолго. Он умер в 1158 году, и великим князем стал Изяслав Давыдович черниговский, покровитель Берладника.

Ярослав не считал себя твердым на своем столе, пока жив был этот законный наследник и притязатель на целую половину Галицкого удела, находившийся под покровительством великого князя киевского. Он подговорил всех князей русских и даже лядских, самого венгерского короля, чтобы они были помощниками ему

против Ивана, и все обещали, отправили каждый особых послов в Киев, требовать у Изяслава выдачи. Изяслав дал отказ начисто, и вскоре послы отъехали без успеха, но Берладник испугался, бежал из Киева на Дунай, где, может быть, с ведома Изяслава, притеснял рыболовов галицких, захватывал суда и грабил, приняв к себе многих половцев и жителей Берлада. Все вместе пошли они на пределы Галицкие. Иван пошел к Кучелмину, жители которого приняли его с радостью, потом осадили Ушицу, из которой, несмотря на засаду Ярослава, перебежало к Ивану много смердов через частокол. Половцы хотели взять город приступом, но Иван не допустил, и буйные кочевники в сердцах оставили его. Великий князь прислал за Иваном и отозвал его в Киев. Услышав о намерении Ярослава идти на него войной со своими союзниками, волынскими князьями, он составил оборонительный союз, но нападение не состоялось: те, проведав о согласии братьев, отказались от своего намерения.

В следующем году (1159) сам великий князь вздумал идти на Галич, ища волости Ивану Ростиславичу, которого звали галичане, «веляче ему всести на коне: только ты явишь свои стяги, и мы отступим от Ярослава».

Ярослав сговорился с волынскими князьями, имея свои намерения относительно великого князя Изяслава Давыдовича, и дал им свои полки, чтобы идти к нему навстречу. Союзники заняли Белгород, из которого, выходя, бились с Изяславом и, наконец, вследствие измены торков и берендеев, выудили его бежать; таким образом, он лишился Киева и, отказавшись прежде от Чернигова, остался теперь ни с чем.

Берладник бежал, и, вместе с ним, защищал его супругу, осажденную в Выре, и, наконец, очутился оттуда в Селуне, где вскоре умер (1161), вероятно, отравленный подосланными убийцами.

Ярослав остался без соперников владеть спокойно своим богатым княжеством.

В том же 1159 году галицкие полки вместе с волынскими князьями разбили половцев между Мунаревым и Ярополчем и освободили много христианских душ, захваченных ими.

В следующих войнах против Изяслава Давыдовича, Ярослав принимал участие и присылал помощь с Тудором Елчичем к Святославу Ольговичу черниговскому (1159).

В 1161 году великому князю Ростиславу Мстиславичу в войне, в которой погиб Изяслав Давыдович, покровитель ненавистного ему

Берладника.

В 1164 году случилось ужасное наводнение в Галиче, и вода выступила из реки Днестра до Быкова болота; потонуло до 300 человек, ехавших с солью из Удеча. Много людей и возов снято было с деревьев.

В 1165 году нашел убежище у князя Ярослава Андроник Комнин, сын Исаакия и брат царствовавшего императора Мануила. Галицкий князь дал ему на содержание несколько городов, и, по примирении его с братом, через присланных двух митрополитов, отпустил в Константинополь с честью, в сопровождении епископа Козьмы и лучших людей.

В 1166 г. Ярослав женил старшего сына своего Владимира на дочери черниговского князя Святослава Всеволодовича.

С великим князем Ростиславом Ярослав оставался в союзе, и в 1167 г. посылал к нему помощь для возведения гречников.

После смерти Ростислава и изгнания Мстислава Изяславича, Ярослав присылал ему пять полков, помогая добыть Киев (1170). Воевода Коснятин Сероставич, однако же, оставил его, представив ложную грамоту, повелевавшую ему оставаться только пять дней при Мстиславе, и этим решил судьбу осады Вышегородской.

Ярослав был силен и славен. Княжество его наслаждалось спокойствием, но в семействе у него возникли прискорбные и опасные раздоры: княгиня его Ольга, дочь Юрия, сестра Андрея, им оскорбленная, бежала в ляхи со своим сыном Владимиром, Коснятином Сероставичем и многими боярами (1172). Она пробыла там восемь месяцев. Некоторые из оставшихся бояр, державших ее сторону, прислали звать ее домой, обещая захватить князя Ярослава. Сын ее Владимир просил тогда у Святослава Мстиславича, брата Романа, Червна: «Сидя там, мне будет удобно пересылаться с Галичем; если я сяду в Галиче, то я верну тебе Бужск и придам еще три города». Святослав согласился и обещал помогать ему. Когда он отправился с матерью к Червну, пришла к нему весть из Галича от приятелей: «Торопись скорее, отца твоего мы взяли, и приятелей его, Чаргову чадь, избили, а се твой ворог Настаска». Галичане сложили костер, положили на дрова эту несчастную любовницу своего князя и сожгли, а ее побочного сына, Олега, послали в заточение. Князя привели к кресту, чтобы ему жить с законной супругой, — и так было дело кончено.

Но, видно, мир не водворился между супругами. Жена на

следующий год (1173) опять бежала с сыном к Ярославу Мстиславичу луцкому, который обещал ему искать волости. Тогда Ярослав галицкий нанял ляхов, не надеясь, видно, на своих, за три тысячи гривен серебром, и потребовал выдачи сына. Ляхи сожгли два города. Ярослав луцкий отпустил Владимира в Торческ, вместе с матерью, к Михалку, ее брату. Оттуда вызывал его тесть Святослав в Чернигов, но Михалко выдал племянника за брата, плененного Ростиславичами, которые предали его отцу. Между тем, несчастная Ольга добралась до Владимира, постриглась там под именем Евфросинии и вскоре скончалась. Положена она у Св. Богородицы Золотоверхой во Владимире.

Но и муж ее, галицкий князь Ярослав, не находил себе покоя. Сын Владимир вел распутную жизнь. Ярослав выгнал его от себя в 1183 году.

Владимир пришел к Роману во Владимир. Роман, не желая портить отношений с отцом его, не дал ему и переночевать у себя; он пошел к Ингварю в Дорогобуж, и тот не принял его, по той же причине; он отправился к Святополку в Туров, к Давыду в Смоленск, Давыд препроводил его к дяде Всеволоду во Владимир. Никто не давал ему убежища; наконец, у Игоря Святославича северского, женатого на сестре его, он был принят с честью в Путивле и через два года примирился с отцом.

Впрочем, отец все-таки не хотел оставлять ему Галича. Умирая (1187) в тяжкой болезни, созвал он к себе мужей своих, Галицкую землю всю, духовенство, нищих и богатых, сильных и худых: «Отцы и братьи, сказал он им, обливаясь слезами, я умираю, согрешил я вам тяжко, сколько никто не согрешал. Простите и отдайте». Прошло три дня. Ярослав велел раздавать имение свое бедным, в церкви и монастыри. Три дня раздавалось оно по всему Галичу, и не могло все быть роздано. Столько было у князя всякого добра. Он сказал мужам своим: «Вот, я одной своей худой головой ходя, удержал всю Галицкую землю, а место свое Олегу приказываю, сыну моему меньшему, Владимиру даю Перемышль». Распорядившись так, Ярослав велел привести к присяге всех мужей, и самого Владимира, чтобы не искать ему под братом Олегом Галича. «Олег был Настасьич, и Ярославу мил, замечает летопись, а Владимир не ходил по его воле, потому и не дал ему Галича». 1 октября он скончался, а 2 положен был в церкви Св. Богородицы.

«Бе же князь мудр и речен языком (видно, в отца,

многоглаголивого Владимирка) честен в землях и славен полкы, где бо бяшеть ему обида, сам не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я с воеводами, бе бо разстроил землю свою и милостыню сильну раздавашеть» и проч.

Слово о полку Игореве так изображает Ярослава: «Галичькый Осмосмысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе; подпер горы Угорския своими железными полкы, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, мечя бремены (кидая громады) чрез облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текуть; отворяеши Кыеву врата; стреляеши с отня злата стола салтани за землями».

После смерти Ярослава Галицкая земля, усиленная, подобно Суздальской, вследствие своего единения, оставаясь во владении одного рода, при Володаре и Васильке, Владимирке и Ярославе, в продолжение почти ста лет, подверглась одинаковой участи с прочими княжествами. Начались междоусобия, смуты боярские, а потом иноземное и единоплеменное вмешательство.

Мужи галицкие, сговорившись с Владимиром, тотчас преступили крестное целование и выгнали Олега из Галича. Он бежал к Рюрику во Вручий (дальнейшая участь его неизвестна), и Владимир сел на столе. Но не умел на нем удержаться: он не любил думы с мужами, а проводил время в пьянстве и блуде; взял у попа жену и поставил себе женой, от которой прижил двух сыновей. Да и кроме нее, где понравится жена чья или дочь, Владимир насиловал всех.

Соседний князь, Роман волынский, выдавший дочь за его старшего сына, услышав, что мужи галицкие недовольны своим князем, вошел с ними в сговор и всячески старался подговорить их, чтобы они выгнали развратного Владимира, а его приняли к себе на стол. Мужи галицкие последовали совету, собрали полки и восстали на своего князя, но не смогли захватить его, потому что не все были в сговоре, а многие держали еще его сторону. Они послали сказать ему: «Князь, мы восстали не на тебя, мы не хотим только кланяться попадье и убьем её, а ты выбирай, кого хочешь; мы возьмем за тебя». Они пригрозили так, зная наперед, что Владимир не отпустит попадьи, и хотели только иметь предлог, чтобы его прогнать. Владимир испугался, захватил золото и серебро, взял свою любезную с двумя сыновьями и уехал в угры к королю, с частью своей дружины. Галичане отняли у него невестку Романовну и послали за Романом. Роман отдал свой Владимир навсегда брату Всеволоду и

сел в Галиче (1188).

Король, между тем, принял изгнанника и со всеми полками пошел искать ему стола. Роман, не ожидавший такого оборота обстоятельств, увидел, что ему сопротивляться не под силу, и с дружиной бежал в свою отчину. Туда не пустил его брат, и он, отправив жену с галичанками к тестю в Овруч на Пинск, обратился к ляхам. Не найдя там успеха, пошел к Рюрику в Овруч с теми мужами, которые приводили его на княжение.

Король Бела, заняв Галич, не отдал его Владимиру, как обещал, а посадил сына Андрея. Несчастного же увел с собой назад и заточил в башне с женой.

Роман, между тем, получив помощь от Рюрика, с сыном его Ростиславом и воеводой Славном Борисовичем пошел на Галич. Передний отряд его хотел занять Пресненск. Жители затворились. Подоспевшие угры и галичане напали на отряд и разбили его. Роман, отпустив шурина, опять поехал к Казимиру, дяде по матери, искать помощи против брата, который не пускал его во Владимир. Но Казимир, тесть Всеволода, не мог дать ее, а дал другой дядя Мешко (Мечислав) Великопольский, и также без успеха. Только уже вследствие угрозы Рюриковой получил Роман свой Владимир, а брат отошел на старое место в Бельз.

Бела не надеялся удержать за собой Галич и предложил великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу, с которым имел прежде какие-то сношения, прислать к нему сына. Святослав обрадовался возможности получить Галич и послал туда Глеба. Рюрику, его ревнивому союзнику, это было неприятно, и он, упрекая, помешал предприятию. Князья помирились и решили идти вместе на Галич. Митрополит ободрил их, сказав: «Се иноплеменники заяли вашу отчину, и лепо было б вам потрудиться».

Они пошли, но не могли между собою согласиться в дележе: Святослав предлагал Рюрику Галич, а себе выговаривал всю Русскую землю около Киева, а Рюрик не хотел лишиться Русской земли и предлагал поделиться Галичем. Союзники должны были вернуться, и угры остались владеть Галичем (1189).

Там возникла третья сторона после русской и угорской: члены ее позвали Берладникова сына, скитальца, подобно отцу, жившего у Давыда в Смоленске. Испросившись у Давыда, он поспешил на родину, взял два города на Украйне и оттуда пошел к Галичу, следуя совету галицких мужей. Но другие, чьи сыновья и братья были у

короля, крепко держались за королевича. Король прислал к нему сильную помощь, прослышав о замыслах русских князей. Королевич снова привел к присяге всех галичан, подозревая их в сговоре с Ростиславом Берладничем. «Правые целовали крест не ведаюче, а виноватые блюдучеся угров». Ростислав шел в полной уверенности, с малой дружиной, полагаясь на обещания галичан отступить от королевича при первой встрече. Этого не случилось. Спутники его, увидев лесть братьев своих, ушли. Дружина ему сказала: «Князь, ты видишь измену. Ступай прочь». Несчастный отвечал: «Братья! Вы знаете, на чем они крест мне целовали. Если они хотят теперь ловить головы моей, Бог им судья! Не хочу я блудить по чужой земле. Лучше сложить мне голову здесь, на своей отчине». Он бросился на противников. Угры и галичане окружили его, сбросили с коня и, сильно раненого, еле живого, унесли в Галич. Многие из галичан усовестились и хотели, отняв его у угров, приять на княжение. Угры, убоясь, приложили яд к ранам, и несчастный вскоре умер.

Так погиб благородный юноша, разделив судьбу отца и деда, насильственной смертью, лишенный своей законной отчины. Он был погребен в монастыре Св. Иоанна.

Распри у угров с галичанами не прерывались. Угры, испытывая беспрестанно вражду на себе, отвечали ею же и причиняли много зла галичанам, отнимали жен у мужей, насиловали, ставили коней в церкви и избы. Галичанам приходилось тяжко терпеть от иноплеменников (1189).

Между тем, Владимир успел бежать от короля. Ему поставлен был шатер на каменной скале, где держал его Бела с попадьей и двумя детьми. Ночью он изрезал шатер, свил веревки из холстины и спустился по ним вниз на землю. Двое из сторожей помогли Владимиру пробраться в Немецкую землю к императору (Фридриху Барбароссе). Император, узнав, что он племянник сильного суздальского князя, принял его с великой честью и любовью и, приставив своего мужа, послал в ляхи к Казимиру, чтобы тот добыл ему Галич. Владимир обещал платить ему дань по две тысячи гривен серебра в год. Казимир послал его со своим мужем Миклаем к галичанам. Галичане, выведенные из терпенья буйством угров, выгнали королевича Андрея (после двухлетнего господства) и приняли Владимира на Спасов день, 6 августа 1190 года.

Владимир, сев, наконец, на столе отца и деда, кажется, несколько образумился и исправился. Окруженный врагами и сомнительными

друзьями, он решил искать себе опоры и защиты в великом князе суздальском Всеволоде Юрьевиче, своем дяде, который в то время слыл за сильнейшего государя на Руси и пользовался общим уважением. Он отправил посольство в Суздаль: «Отче господине, удержи Галич за мною, а я Божий и твой со всем Галичем, из твоей воли не выйду никогда». Всеволод суздальский оповестил всех князей и короля в ляхах и водил их к кресту, что они под сестричичем его Галича искать не будут.

Десять лет прожил Владимир с тех пор, княжа в Галиче спокойно. Страна, после всех своих тревог и волнений, успокоилась и отдохнула.

Владимир умер около 1200 года, и опять начались смятения, продолжавшиеся лет двадцать.

И достался все-таки Галич, хотя и под старость, Роману, который искал его уже почти двадцать лет, приступал к нему много раз и некоторое время владел. Елена, племянница его, княжившая в Кракове, дала ему помощь вместе с сыном своим Лестком. Роман быстрым движением занял Галич и жестоко, по сказаниям современного польского летописца Кадлубка, наказал своих противников и недоброжелателей, подверг их страшным казням. «Чтобы спокойно есть медовый сот, говорил он, надо задавить пчел».

На него выступил тесть, великий князь киевский Рюрик Ростиславич, который также давно зарился на Галич и питал злобу на Романа за его неблагодарность, за оскорбление дочери, которую он еще прежде (1197) бросил и хотел постричь. Может быть, подговаривали его сами галичане, выведенные из терпения жестокостями Романа.

Но между тем как Рюрик искал себе союзников и привел Ольговичей, чтобы идти вместе на Галич, Роман, упредив их, явился внезапно в Русской земле с полками галицкими и владимирскими. Черные клобуки, недовольные Рюриком, собравшись, вышли к нему навстречу. Из всех городов русских люди валили к нему толпами. Он подступил к Киеву. Киевляне отворили ему ворота Подольные, в Копыреве конце. Он послал к Рюрику и Ольговичам на гору сказать им, чтобы Рюрик шел во Вручий, а Ольговичи в Чернигов.

Те должны были согласиться, видя перед собой великую силу (1202).

На киевский стол Роман посадил Ингваря Ярославича, с согласия великого князя суздальского Всеволода, который, видно, еще прежде

сошелся с ним, раздраженный против Рюрика.

Той же зимой (1203) Роман ходил, по просьбе императора Алексия Комнина, защитить империю от половцев, опустошавших Фракию. Роман взял вежи половецкие, освободил христианских пленников и захватил много добычи, к великой радости Русской земли и Греческой.

Но Рюрик не мог сидеть равнодушно во Вручем. Он нанял половцев и взял Киев, подвергшийся совершенному опустошению (1204). Не надеясь удержать великокняжеского стола, ушел он, однако же, к себе во Вручий. Туда явился Роман и старался отвести его от Ольговичей и от половцев, обещая исходатайствовать ему Киев. Рюрик поцеловал крест ему, великому князю Всеволоду и его детям (1204).

На следующий год ходатайствовал Роман перед великим князем Всеволодом и об Ольговичах.

Ничем нельзя объяснить этих действий Романа, кроме намерений его ударить всеми русскими силами на половцев, куда он за год проложил себе дорогу.

Поход этот был совершен на зиму (1204): Роман галицкий, Рюрик киевский, Ярослав переяславский и другие князья приняли участие. Ольговичи отряжены были на литву, беспокоившую русские пределы своими набегами. Зима была лютая, и половцы были жестоко наказаны, потерпев великий урон. Русские князья возвратились с огромной добычей, гоня перед собой их многочисленные стада.

В Триполе был общий совет о волостях, по мере того, кто сколько пострадал за Русскую землю. Рюрик заспорил, и Роман вспылил. Будучи сильнее на ту пору всех прочих князей, стремительный, он не знал меры своему гневу — велел постричь Рюрика, его жену и дочь в монашество, а сыновей Ростислава и Владимира увел с собой в Галич.

(Они были отпущены вскоре, по ходатайству великого князя суздальского, который посадил Ростислава, своего зятя, в Киеве).

В это время прибыл к галицкому князю посол Иннокентия III, папы римского. Он старался доказать Роману превосходство латинской веры, но, опровергаемый Романом, искусным в богословских прениях, сказал ему, наконец, что папа может наделить его городами и сделать великим королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостью отвечал: «Такой ли у папы? Пока он у меня при бедре, мне не нужно другого, и

кровью беру я города, по примеру дедов, что размножили землю Русскую».

Вернувшись из половцев, Роман пошел в Польшу помогать своему двоюродному брату Лешку против дяди Мечислава Старого и взял два города. Мечислав умер. Сын его Владислав Тонконогий был избран вместо него и примирился с Лестком, который обратился с просьбой о том же к Роману. Роман потребовал вознаграждения за убытки, а в залог Люблинскую область.

Отъехав с малой дружиной от своего полка, под Завихвостом, на берегу Вислы, неосторожный витязь был настигнут ляхами и убит. Малочисленная дружина его пала около него (1205).

Так погиб этот знаменитый русский князь, который в молодости отразил блистательную рать Андрея Боголюбского от Новгорода, в старости стал сильнейшим государем на юге, овладел Галичем, располагал Киевом, поразил половцев, защитил Византийскую империю от нападения варваров, смирил ятвягов и литву. Галичане отнесли его тело в Галич и положили в церкви Св. Богородицы.

Волынский летописец поминает его как «приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолевшаго всим поганьскым языком, ума мудростью ходяща по заповедем Божиим. Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко же и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур. Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаильтяны, рекомыя Половци».

А Слово о полку Игореве так говорит, обращаясь к Роману и брату его: «А ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носит ваш ум на дело; высоко плаваеши на ветрех ширяяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи (верхняя часть брови), под шеломы Латинскыми. Теми тресну земля, и многы страны; Литва, Ятвязи, Деремела, и Паловци сулици своя повергоша, а главы своя поклониша подътыи мечи харалужныи».

Vir strenuus et robustus (муж ретивый и крепкий), называет его византийский летописец Никита Хониат, описавший помощь его грекам против половцев.

Роман оставил двух сыновей от второй жены, которую летопись называет ятровью Андрею, королю венгерскому, и Лестку Белому, королю польскому, Даниила, четырех лет, и Василька, двух лет. Галичане присягнули им.

Рюрик, услышав о смерти своего врага, скинул тотчас

монашескую одежду, нанял половцев и поднялся на Галич вместе с подговоренными Ольговичами.

Вдова Романовая, вероятно, угорская княжна, услышав о грозе, обратилась с просьбой о заступничестве к родственнику своему, Андрею, королю венгерскому, который продолжал еще называться и галицким. Свидание было в Саноке.

Андрей принял Даниила как «милаго» своего сына и в охранение осиротелого семейства дал свою значительную засаду, Мокия великого, слепоокого, Корочуна, Воплта и сына его Витомира, Благиню и иных угров, при которых галичане, не любившие Романа, следовательно, и детей его, не могли причинить им никакого вреда, точно так как и Рюрик, по крайней мере, на первых порах.

Бояре галицкие и владимирские встретили его в Микулине на реке Серете, сразились и вынуждены были отступить. Но в Галиче Рюрик нашел встречу сильнее и должен был удалиться в Русь без успеха.

В следующем году (1206) собрались Ольговичи на сейм в Чернигове и решили опять идти на Галич с половцами. Они соединились в Киеве с Рюриком и его детьми, который пригласил берендеев.

С другой стороны, Владимиру угрожали ляхи. Галичане опять просили помощи у короля, а вдова, не дождавшись его, решила искать спасения с детьми во Владимире. Король, перейдя горы, загородил дорогу ляхам и смирил их. Они отошли прочь. Русские князья, также услышав о движении короля, остановились и не смели идти далее. Они стояли несколько дней без действия. Король, сговорившись с галичанами, послал в Переяславль звать Ярослава, сына Всеволода, сильнейшего князя на Руси. Он ждал две недели. Между тем, ни русские князья не подступали к Галичу, ни король. Наконец, они все устали и разошлись: король за горы, князья домой в Русь. По удалении короля, галичане испугались, чтобы они не пришли назад. Боярин Володислав с братом, кормиличичи (сыновья кормильца) изгнанные покойным Романом и теперь вернувшиеся в Галич, указали на Игоревичей, — хваля их достоинства, — племянников последнему галицкому князю Владимиру, сыновей его родной сестры, бывшей за Игорем Святославичем северским.

Тотчас послано было за Владимиром, бывшим с союзным, отступавшим войском, только еще в двух днях пути. Укрывшись от братьев, он прискакал в Галич и был посажен на стол, а брат Роман в

Звенигороде. Ярослав Всеволодович также приехал, но уже поздно: три дня как Владимир был в Галиче, и Ярослав должен был вернуться в Переяславль.

Владимир, по совету некоторых бояр, желая искоренить Романово племя, вслед за княгиней послал попа к владимирцам сказать: «Не останется город ваш на земле, если не выдадите Романовую: возьмите на княжение брата моего Святослава».

Владимирцы хотели убить попа. Некоторые бояре, задумавшие измену, спасли его, говоря: «Не подобает убити посла». Княгиня, проведав о злом умысле предать их, посоветовалась с дядькой Мирославом и ночью бежала в ляхи. Даниила взял дядька на руки, а Василька поп Юрий с кормилицей; вышли они, пролезши через отверстие в городской стене («дырею граднею»). Несчастные не знали, куда приклонить голову; отец их был убит в ляхах, а Лестко мира еще не заключил.

Однако Лестко не помянул вражды, но с великой честью принял ятровь свою с детьми.

Оставив Василька у себя, он послал Даниила с послом своим Вячеславом Лысым к королю Андрею: «Я не помянул свады Романовой: а тебе он был друг, и ты клялся, оставшись в животе, иметь любовь к его племени. Теперь дети его в изгнанье. Пойдем вместе возвратить им отечество».

А гонитель сирот, Владимир Игоревич, прислал дары Андрею и Лестку, и благодетели успокоились, медля со своей помощью. Даниил остался в Венгрии, Василько с матерью в Польше.

Игоревичи так укрепились, что могли посылать помощь старшему из Ольговичей, Всеволоду Чермному, в войнах его с Рюриком Ростиславичем. Но согласие их продолжалось недолго, они перессорились между собой. Роман бежал в угры, привел оттуда полки и стал биться с братом, победил его и занял Галич, а Владимир удалился в свой Путивль (1208).

Таким образом, один благодетель не только пропустил случай помочь детям Романа, но еще помог их врагу овладеть их достоянием, может быть, обещавшему подданство.

Точно так поступил и другой: как Андрей помог Роману, так Лестко, вместе с братом Кондратом, помог Александру Всеволодовичу овладеть Владимиром. Владимирцы предались ему, как внуку Романа, а ляхи, пришедшие с ними, пустились грабить, приступили к собору, намереваясь изломать двери. Александр

пожаловался Лестку. Лестко с братом изрубили несколько ляхов и спасли остаток города и церковь Св. Богородицы. Владимирцы раскаялись в своем легковерии: без Александра ляхи не перешли бы и Буга.

Александр сел во Владимире, а Святослав Игоревич уведен в плен к ляхам. Лестко женился на дочери Ингваря, князя луцкого, который, как старший в роде Мстислава великого, занял место Александра, впрочем, ненадолго: он, не любимый боярами, уступив опять Владимир Александру, вернулся в Луцк.

Берестьяне прислали к Лестку просить у него Романовой с детьми к себе. Лестко отпустил. Город встретил Василька, «как бы великого Романа жива видяще» (Даниил все еще оставался в Венгрии). После мать, жалуясь перед Лестком на Александра: «Яко сий всю землю вашу вотчину держить, а сын мой во едином Берестьи», выпросила ему еще Бельз, за который были уступлены Украйные города, на левом берегу Буга: Угровеск, Верещин, Столпье и Комов.

Дикие литовцы и ятвяги, смиренные Романом, пользуясь расстройством земли, вторглись в ее пределы и разорили окрестности Турийска, переправились на левую сторону Буга, опустошили селения около Комова, подступили даже под стены Червена, имея главный обоз в Уханях. Владимирцы отбили их и прогнали, но с большим для себя уроном.

Король Андрей, видя беспрерывный мятеж в Галиче или недовольный Романом, призываемый некоторыми боярами, прислал туда войско под начальством воеводы Бенедикта. Бенедикт захватил Романа, моющегося в бане, и препроводил в ляхи, а сам остался управлять. Бенедикт неистовствовал в Галиче, «томитель бе боярам и гражданам, и блуд творя, и оскверняху жены же и черницы и попадьи, вправду бе антихрист за скверная дела его. Бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, отечество имея в граде Киеве, притчею рече слово о сем томителе Бенедисте, яко в последния времена тремя имены наречется антихрист. Бегаше бо Тимофей от лица его». Несчастные галичане не знали, к кому обратиться: они призвали Мстислава пересопницкого, но он не мог ничего сделать против Бенедикта. Илья Щепанович, смеясь, возвел его на Галичину могилу около города и сказал: «Ну вот, князь, ты посидел на Галичине могиле, так и в Галиче покняжил!»

Между тем, Роман бежал из угров на родину. Галичане прислали

послов к изгнанному ими Владимиру звать его с братом к себе: «Виноваты перед вами, избавьте нас от мучителя Бенедикта».

Братья пришли с войском, и Бенедикт не в силах был им противиться: он бежал в угры. Владимир сел в Галиче, а сыну своему Изяславу дал Теребовль. Роман сел в Звенигороде, Святослав в Перемышле (1211). Другой сын Владимира, Всеволод, был послан в угры с дарами и просьбой выдать им Даниила.

Бояре продолжали мутить воду. Игоревичи тогда решились на страшное дело — перебить их всех и, воспользовавшись каким-то случаем, исполнили свое зверское намерение: пятьсот человек галицких бояр погибло, а прочие разбежались: Володислав кормиличич, Юрий Витанович, Илия Щепанович, Судислав, Филипп и еще несколько.

Они увидели Даниила в Угорской земле и выпросили его у короля, чтобы избавиться от Игоревичей. Король дал им многочисленное войско. Они собрались все и выступили в поход. Первый город, осажденный ими, был Перемышль. Владислав сказал: «Братья! Чего вы дожидаетесь. Не Игоревичи ли избили отцов ваших и братьев ваших. За них ли хотите вы положить души свои. Они, пришед, завладели вашими отечествами, разграбили ваши имения, дочерей ваших выдали за рабов». Жители послушались, сдались и выдали Святослава. От Перемышля полки направились к Звенигороду.

На помощь к Даниилу пришли соседние русские князья: Мстислав Немый из Пересопницы, Александр с братом из Владимира, сын Ингваря из Луцка, войско из Дорогобужа, Шумска, от Василька из Бельза Вячеслав Толстый, Мирослав, Демьян, Воротислав, от Лестка из ляхов Судислав Бернатович. Звенигородцы бились, но не могли устоять против такого союзного ополчения, так что и половцы, приведенные Изяславом и Володимеричем, не принесли им большой пользы. Когда угры отошли за реку Лютую, половцы навалились, и один из воевод угорских, Марцел, отбежал от своей хоругви, к великому стыду, но русские князья ее выручили. Роман оставил город, намереваясь искать помощи на Руси, но в Шумске на мосту взят был Зерньком и Чухомою и выдан Даниилу и уграм. Они послали тогда сказать звенигородцам: «Сдавайтесь, князь ваш взят». Звенигородцы сдались. Оттуда все пошли к Галичу. Владимир бежал с сыном своим Изяславом и был преследован до реки Незды. Галич был занят. И княгиня приехала Романовая

повидать сына своего Даниила. Ребенок не узнал ее.

Бояре владимирские и галицкие, Вячеслав владимирский и Владислав галицкий, воеводы галицкие посадили князя Даниила на столе отца его великого князя Романа, в церкви Св. Богородицы. Взятых в плен князей: Романа, Святослава, Ростислава, галичане, пылая мщением, решили повесить, а угры хотели вести к королю, но, получив великие дары, согласились. Несчастные сыновья Игоря Святославича северского получили достойное наказание за свое злодейство: они были повешены (в сентябре).

Спокойствие не восстановилось. Бояре вздумали вскоре выгнать мать Даниилову, чтобы управлять самим. Даниил не хотел расстаться с матерью и плакал. Александр, тиун шумавинский, взял коня ее за повод. Даниил ударил его мечом и ранил коня. Мать взяла у него меч из рук и упросила остаться у неверных галичан по совету Владислава, а сама уехала в Бельз.

Король рассердился и пришел в Галич (1212). Он призвал ятровь свою из Бельза, с боярами владимирскими пришли на совет другие князья, Ингварь луцкий и иные. «Владислав княжится, а ятровь мою выгнал», так пожаловался король на совете. Владислав был захвачен и, окованный железом, отведен в угры. Судислав откупился золотом. Яволод и Ярополк, братья его, приводившие Мстислава, бежали к нему в Пересопницу и звали его опять в Галич.

Мстислав пришел с ними к Бужску. Тамошние бояре, Глеб Попович, Иванко Станиславич и брат его Сбыслав, возвестили в Галиче новое нашествие.

Княгиня Романовая, с сыном Даниилом, опять должна была искать спасения в уграх. Вячеслав Толстый провожал ее, а Василько с Мирославом удалились в Бельз. Но и тот должны они были потерять. Лестко, убежденный тестем своим Александром, подступил к Бельзу и взял для него город. Василько должен был идти в Каменец, сопровождаемый только некоторыми боярами. Вот все, что оставалось у Романовичей из их пространной отчины.

Король опять собрался на Галич, но лишь только перешел он горы, как получил известие о домашнем смятении. Супруга его была умерщвлена, брат, архиепископ, разделил ту же участь. Многие вожди погибли. Магнаты, озлобленные на короля, за разрушение их многих замков, служивших притоном для разбойничьих шаек, хотели свергнуть его с престола. Он должен был вернуться из галицкого похода.

Боярин Володислав, получивший свободу во время этих замешательств, собрал войско и подступил к Галичу на Мстислава. Мстислав бежал, и Володислав сел на княжеском столе.

Даниил с матерью, обманувшись еще раз в своих надеждах, отпросился у короля в ляхи, принят был Лестком с честью и оттуда удалился к матери и брату Василько в Каменец, где был принят с великой радостью.

Собралось новое ополчение против Володислава: Мстислав из Пересопницы, Александр из Владимира, Всеволод из Бельза со своими полками, Даниил из Каменца, все великие бояре Даниилова отца собрались у него. Ярополк и Яволод затворились в Галиче, а Володислав вышел с уграми и чехами на реку Боброку. Лестко выслал на него ляхов, Даниил Мирослава и Демьяна, Мстислав Глеба Еремеевича и Юрия Прокопьича. Они сразились. Сеча была великая. Ляхи и русь одолели. Даниил, едва сидевший в седле, принимал участие в битве. Володислав бежал, потеряв много воинов. Но Галич все-таки не был взят. Ляхи, повоевав около Теребовля, Моклекова и Збыража, взяв Быковен, отошли домой с большой добычей. Лестко вытребовал у Александра Тихомль и Перемиль в пользу Романовичей. Там водворились они с матерью и смотрели оттуда на Владимир, призывая время, когда б им была возвращена их отчина: «се ли ово ли, Владимир будет наю».

Таким образом, Галицкое княжество переходило из рук в руки. Ни малолетние Романовичи с деятельной своей матерью не могли удержать его, ни другие русские князья, приходившие по зову бояр, которые, со своей стороны, увеличивали замешательство.

Ляхи и угры, помогавшие Романовой, решились, наконец, овладеть богатым княжеством в свою пользу. Лестко, по совету боярина своего Пакослава, предложил королю через послов свою дочь в замужество за сына его Коломана, и пусть сядет он княжить в Галиче, а боярину «не есть лепо княжити там».

Андрею полюбился совет. Он встретился с Лестком в Спише. Галич был взят, и Володислав пленен. Пятилетний Коломан женат на трехлетней дочери Лестка Соломии, прибывшей в сопровождении краковского епископа Кадлубка. Папа Иннокений III, которому поданы виды на присоединение Галича к Римской церкви, поручил стригонскому архиепископу помазать и венчать его на Галицкое королевство. Таким образом, Коломан получил Галич, Лестку уступлен Перемышль, а Пакослав награжден Любачевым.

Володислав отправлен в заточение, где вскоре и умер, «нашед зло, княжения деля, племени своему и детям своим», которых не хотел принимать к себе на службу ни один князь.

Пакослав, главный виновник этой сделки, доброжелатель Романовой, подал еще совет Лестку, чтобы тот вытребовал у Александра Владимир для Даниила и Василька: «если не отдашь, то приду на тебя с Романовичами». Александр уступил (1211).

Казалось, все уладилось и оставалось в покое лет пять, как вдруг король, неизвестно, по какой причине, отнял Перемышль у Лестка и Любачев у Пакослава. Лестко вознегодовал и предложил Галич Мстиславу новгородскому, слава которого гремела тогда на всем севере, который недавно решил дела киевские в пользу своих родичей против Всеволода Чермного. «Ты мне брат, писал он Мстиславу в Новгород, в злобе на Андрея, иди и сядь в Галич».

Проведя почти всю свою жизнь на юге, знакомый со всеми тамошними делами, Мстислав уже давно, видно, зарился на эту богатую и обильную волость и хотел положить свой топор на весы решения, для чего, вероятно, и приезжал в Русь из Новгорода еще в 1206 году, вскоре по смерти Романа.

Решась теперь при благоприятных обстоятельствах приступить к исполнению давнего замысла, он принял приглашение Лестка и простился с новгородцами. Добравшись до Киева, он и начал собирать войско. Сборы продолжались недолго. Кто был не рад стать под стяги Мстислава, любимые победой! Снарядившись, он пошел, наконец, в поход, — и один страх от его имени обратил врагов в бегство. Воронье, что терзало бедный Галич, разлетелось, почуяв сокола. Свирепый Бенедикт Лысый, наместник Андрея, бежал в угры с Судиславом, опекуном малолетнего королевича, Галич стал пуст, и Мстислав без всякого затруднения сел на стол галицкий. Легкий успех, но труды были еще впереди!

Угры не могли легко отказаться от своей завидной добычи. Мстислав на всякий случай должен был готовиться к встрече. Он выдал свою дочь Анну за Даниила, получившего, между тем, после многих бед и превратностей, отчину свою, княжество Владимирское, надеясь иметь в нем верного сотрудника и помощника против иноплеменников. Но не с одними уграми предстояла борьба.

Непостоянный Лестко взял вскоре их сторону, хотя против них только что призвал Мстислава, и вот по какому случаю.

Во время смут он овладел некоторыми городами владимирскими.

Даниил, возмужав и утвердясь на отцовском столе, потребовал их назад. Лестку не хотелось расстаться с ними. Даниил пожаловался Мстиславу. Тот отвечал: «За первую любовь, я не могу восстать на него; ищи других помощников».

Молодой князь владимирский решил управиться один и занял всю свою Украйну, разбил и ляхов, высланных Лестком воевать по Бугу. Тогда Лестко озлобился и, полагая, что зять действует заодно с тестем, тотчас вступил в переговоры с Андреем: «Я отказываюсь от части своей в Галиче, говорил он, и отдаю все зятю (т. е. Андрееву сыну, женатому на его дочери), выгоним только русских».

Андрей не мог ничего желать лучше. Он собрал войско и подступил к Перемышлю. Ярун тысяцкий должен был бежать. Войска, присланные Мстиславом к Городку, отложившемуся с людьми Судислава, были разбиты подоспевшими уграми и ляхами. В схватке убит дьяк Мстислава Василий, по прозванию Молза; с Михалка Скулы враги сняли три золотых цепи, потом отсекли голову и принесли к Коломану. Мстислав стоял на Зубрье с князьями киевскими и черниговскими. Туда прибежали к нему разбитые бояре и известили его о силе вражеской. Он увидел, что не может спорить теперь и отошел дальше назад, убедив Даниила и Александра бельзского подержаться в Галиче. Даниил затворился, а Александр не поспел. Коломан и ляхи подступили к городу, бились долго на Кровавом Броду, но оставили его, устремились на Мстислава и вынудили выйти из земли. Он успел, однако же, дать знать зятю, чтобы тот выходил из засады, и Даниил, показав великую храбрость и ловкость, прошел почти через неприятельские полки, достиг Днестра, оттуда приплыл к Мстиславу, который «великую хвалу сотворил» своему мужественному зятю, дал ему многие дары и даже борзого своего сивого коня. Он не думал, разумеется, уступать и, не имея у себя почти никаких воинов, решил найти их вовне. «Пойди, княже, в свой Владимир, сказал он, а я пойду в половцы, и мы отомстим свой сором».

Угры торжествовали. К Коломану на помощь пришел в Галич воевода Филя Прегордый, как отзывается о нем Волынская летопись: «Он надеялся объять всю землю, потребить море, и говорил обыкновенно: острый мечу, борзый коню — многая Руси». Еще была у него пословица: одним камнем можно много горшков перебить.

Наконец, пронесся слух, что идет Мстислав с половцами; Лестко поспешил на Даниила. Фильний не сомневался в победе: оставив

молодого Коломана в Галиче с женой, он укрепил город и, к великому соблазну православных, употребил церковь Пресвятой Богородицы под стену, а сам пошел на встречу с уграми, ляхами и галичанами. Мстислав ожидал его, вместе с верным своим другом и первым сподвижником под Липицами, князем Владимиром Рюриковичем смоленским. Половцы были поставлены в засаде, чтобы ударить, когда разгорится бой. Полки приближались. Нетерпеливый Мстислав выехал вперед на высокий холм, чтобы обозреть вернее их количество и силу…

Владимир, заметив из своего полка его одного на виду перед врагами, испугался, чтобы не случилось чего с ним, — а от него зависело все, — прискакал к бесстрашному и убеждал вернуться назад к своим. Мстислав быстро спустился и тотчас велел начать сражение, обещая своим воинам победу силой честного креста. Полки сошлись. А на Владимировом крыле дело загорелось еще прежде. Ляхи сильно напирали. Наши будто обробели, побежали, князья с ними. Ляхи пустились в погоню. Часть венгров присоединилась к преследователям, считая победу решенной. Все они удалились на большое расстояние от побоища, а Мстислав все еще стоял. Увидя против себя малочисленный остаток, он ударил с половцами в тыл венграм и киевлянам и привел их в совершенное замешательство. Тогда и Владимир Рюрикович, условившись, вероятно, заранее, обернулся против них с прочими беглецами — и враги были смяты совершенно. Фильний был взят в плен. Без воеводы дух у воинов упал. Бежать было некуда и сражаться нельзя. Половцам и русским оставался только труд убивать их. Между тем, первые ляхи возвращались с песнями на побоище, не предчувствуя поражения венгров и галичан. Половцы окружили их со всех сторон с одним князем, и началась новая резня. Они бежали: на другой стороне развевалось белое знамя; несчастные ляхи устремились туда, думая, что это их товарищи держатся, а знамя было распущено русскими, которые принимали их на мечи, по приказанию Мстислава, не велевшего давать никому пощады. Победа одержана совершенная. Нельзя было счесть убитых, трупы лежали грудами, кровь везде лилась потоками. Вопли раненых и умирающих слышны были в Галиче. А половцы принялись грабить — коней, одежд, оружия, множество поляков и венгров угнали они в неволю. Тогда и галичане, услышав о победе, начали убивать тайно остававшихся у них венгров, как овец. Русские превозносили Мстислава до небес, и за такую

совершенную победу, что одержал он, и за приказ не давать пощады уграм и ляхам. «Красное ты наше солнышко, ясный ты наш сокол; сам Бог насылает тебя смирять гордых и строптивых, чтоб не смели хвалиться пред тобою победою», — восклицали они в восторге, и слава Мстислава между русскими воинами совершенно утвердилась: нет ему равного воителя!

Он подступил к Галичу.

Остававшиеся там с Коломаном угры и ляхи решили с отчаяния защищаться до последней капли крови. Смерть ждала их перед городом та же, что и в городе. Готовясь к осаде, они выгнали всех жителей с женами и детьми, опасаясь голода, равно как и измены с их стороны. Пленный Фильний, вероятно, по приказу Мстислава, советовал им не противиться победителю, которому сам Бог предал во власть всю галицкую землю, — но они не послушались. Потом послал к ним Мстислав своего тысяцкого Димитрия с предложением сдаться, и также без успеха. Наконец, сам подъехал к крепости, и в третий раз они отказались. «Ну так готовьтесь на убой, а не к сражению», пригрозил раздраженный князь. Полки его окружили крепость со всех сторон. К несчастью осажденных, одни задние ворота они оставили без нужного внимания. Русские сделали под ними подкоп, ворвались в крепость и впустили туда ночью Мстислава с его людьми. Произошло всеобщее замешательство. Враги метались из стороны в сторону среди ночного мрака и падали под острием меча. Славный летописец польский, архиепископ краковский Кадлубек и канцлер Иван успели убежать из города. Коломан с женой спасся в церковь, которую еще до похода укрепил сам Фильний, соединив ее с ближайшей стеной. Несколько угров и ляхов последовало за ним; одни взбежали на каморы церковные, другие поднялись на веревках и начали бросать оттуда камнями. На рассвете Мстислав окружил это последнее убежище и вызывал Коломана для переговоров. Приближенные убеждали его не выходить и не соглашаться ни на что, в надежде, не подоспеет ли помощь от отца, который уже должен был получить известие об их положении. Мстислав стоял.

Хлеба было припасено хотя мало в церкви, но пить было нечего, и жажда одолевала несчастных. Мстислав, сжалившись, послал им бочку воды, и они приняли ее как драгоценнейший дар и разделили между собой по мерке, хотя, впрочем, и половина не утолила жажды.

Наконец, к жажде присоединился и голод. О помощи не было

слышно ниоткуда, — и осажденные отворили ворота. Мстислав велел вывести венгерских и польских бояр с их женами и раздал их по половцам и по своей дружине. Последним вышел молодой Коломан с женой и был отослан под стражей в Торческ. Враждебный Мстиславу галицкий боярин Судислав попался здесь также в его власть. Он обнимал ноги князя и обещал служить ему верно. Князь не попомнил зла, поверил словам его, себе на беду, и, почтив его честью великой, дал ему Звенигород.

Торжество Мстислава было полное, разделить которое приехал вскоре храбрый Даниил, которому Лестко мешал до сих пор соединиться с ним и принять участие в войне. Русские епископы венчали Мстислава, как утверждают некоторые из новых летописцев, златым венцом Коломановым, доставшимся ему в руки, и он принял на себя имя царя галицкого.

Андрей, услышав о происшедшем, прислал к Мстиславу вельможу своего Яроша требовать, чтобы тот освободил его сына и всех пленников, не то поднимет на него все царство свое и придет войной. «Победа не в твоих руках, а в Божиих, отвечал Мстислав спокойно, приходи, и я тебя встречу, надеясь на помощь небесную».

Второе посольство привезло речи более умеренные. Король венгерский увидел, что Мстислава устрашить ничем нельзя и что лучше прибегнуть к другим средствам. Супруга Андрея отправила к нему от себя особых мужей молить о сыне. Мстислав долго не соглашался, опасаясь, чтобы галицкие бояре, его не любившие, не приняли опять стороны Коломановой и не затеяли новой войны. Посольства не прерывались. Предложения следовали одни за другими. Начались переговоры. Наконец, решено было, особенно вследствие советов Судислава, что Мстислав освобождает Коломана и пленных угров, а он отказывается от Галицкого княжества, которое через три года предоставляется в приданое дочери Мстислава, Марии, вступающей в супружество со вторым Андреевым сыном Андреем; теперь угры получают только Перемышль.

Лестко озлобился на Андрея за этот договор, которым дочь его лишалась Галича, и старался посредством папы разрушить его, но напрасно, и поневоле помирился он с русскими князьями.

Мстислав имел еще случай показать доброе сердце, умилостивив Даниила, который хотел было наказать войной двоюродного князя бельзского за его союз с врагами: тесть сказал зятю: «Пожалуй брата Александра», — и он, разорив только окрестности Бельза, воротился

во Владимир.

Таким образом, дела, кажется, совершенно устроились: Мстислав до времени владел бесспорно Галичем, зять его Даниил Волынью. Враги смирились, соседи утихли, и никто не смел потревожить доблестных князей, одного в возрасте цветущей юности, другого в летах мужественной старости, окруженных верными, испытанными дружинами, но издали неслись новые, еще более грозные, тучи.

ТУРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Туров, ныне местечко недалеко от Мозыря в Минской губернии, получил во второй половине X столетия норманнских поселенцев. Приплыв, вероятно, по Западной Двине, одни из них, с вождем своим Рогвольдом, остановились в Полоцке у кривичей, другие с Туром добрались до Припяти, впадающей в Днепр, и поселились на берегах ее, положив основание особому княжеству Туровскому.

Владимир Святой отдал Туров старшему своему сыну-пасынку, Святополку, вступившему в брак с дочерью польского короля Болеслава Храброго.

Католичка, она привела с собой католического епископа Рейнберна колбергского, который начал проповедовать свое учение между местными жителями.

На Святополка пало подозрение, что он от отчима хочет передаться к тестю, от Руси к Польше.

Владимир велел заточить их всех троих: князя, жену и епископа, в темницу в Киеве, говорит немецкий летописец Дитмар, но после смерти, а может быть и перед смертью его, они были освобождены.

Святополк, как старший, сел на великокняжеский стол, который старался утвердить за собой убийством братьев: Бориса, Глеба и Святослава. Вслед за ними он погиб сам, и наследник его Ярослав стал государем всея Руси.

Туров отдал он, как и отец его Владимир, старшему своему сыну Изяславу.

Из Турова (1054) Изяслав, после смерти отца, сел на великокняжеский стол.

В 1078 году, Туров, вместе с Владимиром Волынским, отдан великим князем Всеволодом старшему сыну Изяслава Ярополку.

После его смерти (1086), Туров достался другому его брату Святополку, который отсюда так же, как Святополк первый и

Изяслав, пошел на великое княжение.

Туров принадлежал, вероятно, сыну его Ярославу, вместе с Владимиром, как прежде.

После смерти Ярослава, убитого ляхами под Владимиром, Туров достался Владимиру Мономаху (1127), который отдал его сыну Вячеславу.

Всеволод Ольгович черниговский, заняв стол великого княжества, выгнал Вячеслава из Турова, сказав ему (1142): «седиши во Киевской волости, а мне достоит; а ты пойди в Переяславль, отчину свою».

Он отдал Туров своему сыну Святославу. После этот город несколько раз переходил из рук в руки в Мономаховом роде. Юрий Долгорукий отдал его сыну Борису в 1157 г.

Наконец, Туров возвратился в род Изяслава, Святополка, в лице Юрия Ярославича, бывшего, вероятно, малолетним при смерти отца (1157–1167).

Изяслав Давыдович, заняв великокняжеский стол, хотел было покорить Туров (1157) с Пинском для Владимира Мстиславича. «И бьяхуться крепко, выходячи из города, и много бываше язвеных. И многу мольбу створиваше Гюрги Ярославич, высылая из города к Изяславу, река: брате, прими мя в любовь к себе. Изяслав же того не восхоте».

Впрочем, после десятинедельной осады он со всеми своими помощниками, вследствие конского падежа, вынужден был отступить.

Юрий выдержал еще другую осаду от Мстислава Изяславича в 1160 году.

У Юрия было шесть сыновей, между которыми разделилось его малое владение: Дубровица, Пинск, Слуцк, Клеческ.

Рюрик Ростиславич киевский, женатый на его дочери, мог поддерживать оставшихся шурьев своим влиянием.

Потомки их должны до сих пор вестись на Волыни.

Знаменитее всех князей был епископ туровский Кирилл, труды которого представит история духовной жизни.

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

Полоцк, на Западной Двине, в земле кривичей, существовал до Рюрика. Он был известен норманнам, грекам, арабам. Рюрик посадил

в Полоцке своего мужа. Во время Святослава водворился здесь Рогволод, норманн, пришедший из-за моря родоначальник по женскому колену полоцких князей, Всеславичей,[19] которые враждовали с самого начала с прочими князьями русским.

«О сих Всеславичах, говорит древняя летопись, описывая происхождение этой вражды, так рассказывают сведущие: Рогволод держал Полоцкую землю, владел ею и княжил в ней, а Владимир был тогда в Новегороде, еще очень молодой и поганый (язычник); и был у него воеводою Добрыня, храбрый и нарядный муж. Сей послал к Рогволоду просить у него дочери за Владимира. Рогволод спросил свою дочь: хочешь ли за Владимира? Она отвечала: не хочу разуть робичича,[20] но хочу Ярополка. Владимир разгневался о той речи, что сказала: не хочу я за робичича, и пожаловался Добрыне. Тот исполнился ярости и собрал войско. Они пошли на Полтеск и победили Рогволода. Рогволод убежал в город. Они приступили к городу, взяли город и захватили самого Рогволода, и жену, и дочь его. Добрыня поносил ему и дочери его, называл ее робичицею, и велел Владимиру быть с нею перед отцом ее и матерью. Потом убил отца, а ее дал женою Владимиру. Она была прозвана Гориславою и родила Изяслава. После Владимир взял себе других жен, и начал ей негодовати (разлюбил ее). Неколи он пришел к ней и уснул. Она хотела зарезать его ножом, и ключися ему убудитися (случилось ему проснуться), и он схватил ее за руку. Она сказала: „Я сжалилася, потому что ты из-за меня убил моего отца, и землю его полонил, а ныне ты уже не любишь меня и этого младенца“. Владимир велел ей устроиться во всю тварь царскую, как в день ее посага (посяга), и сесть на постели светлой в храмине, да пришед потнеть ю (пронзит ее). Она исполнила так, и дав в руки сыну своему Изяславу меч наг (обнаженный), сказала: „Как придет сюда отец, выступи и скажи: отче, разве думаешь, что ты здесь один?“ Владимир отвечал: „А кто тебя знал здесь“, и бросил свой меч, созвал бояр и рассказал им (все происшедшее). Они порешили: „Не убивай ее, ради дитяти сего, но воздвигни отчину ее и отдай ей с сыном своим“. Владимир построил город, назвал его Изяславлем и отдал им. Вот с каких пор Рогволожи внуки взимают меч против Ярославлих внуков».

---

[19] У Владимира от Рогнеды был сын Изяслав, у Изяслава Брячислав, у Брячислава Всеслав, по имени которого все и называются Всеславичами.

[20] Владимир родился от Малуши, ключницы Ольги.

Изяслав скончался еще при жизни отца, Владимира, в 1001 году.

Сын его Брячислав начал враждебные действия вскоре по его кончине и напал в 1021 году на Новгород, с помощью норманнов.

Война его с Ярославом описывается в Эймундовой саге с разными баснословными подробностями.

Ярослав настиг его при реке Судомире, на обратном пути из Новгорода к Полоцку, и отнял всю добычу. По заключенному миру Брячислав получил себе Витебск и Усвят.

Брячислав умер в 1043 году, и на его место заступил сын Всеслав, знаменитейший из князей полоцких. Предание говорит, что мать его родила от волхвованья. На голове у него оказалась язва, и волхвы велели матери обвязать голову, а ему носить эту повязку до самой смерти, «которую и носит Всеслав, говорит летописец под 1043 годом, до сего дне на себе сего ради не милостив есть на кровопролитье».

С 1064 года Всеслав начал воевать. По следам отца ходил он (1067) на Новгород и ограбил город.

«Всеслав разшибе славу Ярослав(л)ю, скочи волком до Немигы с Дудуток».

Ярославичи пошли на него за то войной, взяли Минск, иссекли мужей, а жен и детей взяли на щит.

На Немизе, 3 марта 1067 года, «была сеча злая, говорит летопись, и многие пали».

Певец Слова о полку Игореве описывает сечу так: «на Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце (на току) живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом (не благом) бяхуть посеяни, посеяни костьми Руськых сынов».

Ярославичи потом обманом уговорили Всеслава переправиться к ним через Днепр, поцеловав крест, что не сделают ему зла. 10 июля, когда он приплыл к ним в ладье, они захватили его на Рши у Смоленска и отослали в Киев. Там посажен он был в темницу с двумя сыновьями.

На следующий год (1067) в Киеве, среди народного мятежа, вследствие отказа великого князя Изяслава вновь идти на половцев, дружина советовала великому князю убить Всеслава, но тот не согласился, — Всеслав, освобожденный, посажен на стол (13 сентября).

Когда Изяслав воротился с польской помощью через семь

месяцев (1068), Всеслав вышел к нему навстречу, но тайком от киевлян бежал ночью из Белгорода в Полоцк. «Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мгле (обвернувшись синею мглою)».

Изяслав прогнал его и оттуда и посадил сына своего Мстислава, который вскоре там умер, замещенный Святополком (1069).

Всеслав напал тогда во второй раз на Новгород и был отражен князем Глебом с новгородцами (23 октября, на память Св. Иакова).

Он не унывал, собрался с новыми силами и через год (1071) выгнал Святополка из Полоцка, но был опять побежден братом его Ярополком у Голотическа.

Более о нем ничего не известно. Его кончина записана в 1101 г. 14 апреля, в среду, в 9 часу дня. Вероятно, он успел после Ярополковой победы возвратить себе отчину. Слово о полку Игореве прославляет его так: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Кыева дорыскаше до Курь Тьмутораканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше».

Он оставил многих сыновей: Романа, Давыда, Рогволода, Бориса, Глеба, Ростислава, Святослава, о которых вместе упоминается в летописи только под 1106 годом: «победиша Зимегола Всеславич, всю братью, и дружины убиша девять тысяч».

Примечательнейший из них был Глеб, князь минский, на которого ходило еще в 1101 году ополчение южных князей: Путята от великого князя киевского Святополка, Ярополк от отца Мономаха, и Олег Святославич, имея при себе брата Глебова Давыда. Успеха никакого не было, и князья вернулись домой.

Десять лет прошло спокойно, но в 1115 г. Киевская летопись рассказывает, что Глеб воевал дреговичей, сжег Случеск и не каялся в своей вине, а упрекал Мономаха и говорил против него. Владимир выступил с сыновьями своими и Ольговичами: Вячеслав взял Оршу и Копысу, а Давыд с Ярополком Друцк, сам Владимир пошел к Минску, и когда Глеб увидел, что он начинает ставить частокол у своего лагеря, то начал просить пощады, высав послов. Мономах, не желая проливать крови в дни постные, дал ему мир. Глеб вышел из города с детьми и дружиной, поклонился и обещал слушаться во всем. Распорядившись о делах, Владимир возвратился в Киев, а Ярополк срубил город Желди для полоненных дручан.

Через год (1117) Глеб был, однако же, выведен из Минска, вероятно, не сдержав своего обещания.

Мономах привел его в Киев, где он и умер в 1119 году 13 сентября.

Он дал с княгиней в монастырь 600 гривен серебра и 80 золота. Жена его, дочь Ярополка Изяславича, дожила до глубокой старости (1157) и похоронена в Печерском монастыре, в головах у Св. Феодосия. Она дала сто гривен серебра и 30 гривен золота после смерти князя, а по своей смерти пять сел с челядью и все имение.

Рогволодовичи продолжали враждовать с Ярославичами.

В 1128 году сын Мономаха Мстислав, великий князь киевский, вооружился со всеми силами против полоцких князей, которые «зане не были в его воли» и не слушались его, когда он звал их на помощь в Русскую землю, «но паче молвяху Бонякови Шелудивому в здоровье». Мстислав разгневался и хотел идти войной, но поход не состоялся, потому что половцы тогда налегли на Русь. Он «стоял и перемогался, бияся с ними», но лишь только «опорознился он от рати (сделался свободным)», как и приступил к исполнению своего намерения.

Посланные им братья и сыновья разными дорогами должны были в один день, 11 августа, напасть со всех сторон на Полоцкие области.

Брячислав, сын полоцкого князя Давыда, вышел из Логожска к отцу со своими людьми, но на середине дороги остановился, не решая, куда идти, и попал в руки к шурину своему Изяславу Мстиславичу, который отвел пленника с его людьми к дяде Вячеславу, стоявшему и бившемуся перед Изяславлем. Изяславцы, видя князя своего и логожан в целости, взяли с Вячеслава клятву, что он не тронет их, и сдались. Отроки его, однако же, по недоразумению пустились грабить, так что с трудом был сохранен двор Мстиславлей, жены Брячислава. Полочане решили выгнать своего князя Давыда с его детьми и просили к себе у Мстислава князем Рогволода, брата Давыдова, на что Мстислав и согласился.

Через год, в 1130 году, выгнал, однако же, Мстислав всех полоцких князей в греки с женами и детьми, «еже преступиша крестное целование. Первые посла по Кривитьстеи князе по Давыда, по Ростислава, и Святослава, и Рогволодича два, и усажа у три лодьи, и поточи и Царьграду за неслушание их», а мужей своих посажал по их городам.

Полоцк был отдан им старшему сыну Изяславу. Изяслава, после смерти Мстислава (1132), великий князь Ярополк вызвал оттуда в Переяславль, а Полоцк передал другому племяннику, Святославу.

Полочане выгнали его, однако же, от себя, и посадили у себя Василька Рогволодовича, который, видно, возвратился из ссылки и занял отцовский стол, может быть, воспользовавшись киевскими смятениями. Мы узнаем об этом из известия, что он (1138) пропустил свободно через свои владения Всеволода Мстиславича, изгнанного новгородцами и призванного плесковичами из Киева, «забы злобу отца его», Мстислава, изгнавшего полоцких князей в Грецию.

Дочь свою Василько выдал замуж за сына великого князя киевского Всеволода Ольговича, Святослава.

Под 1140 отмечено в летописи, что вернулись из Царьграда еще два княжича: прочие или умерли там, или возвращение их, как Васильково, не записано.

В 1144 в Полоцке княжил Рогволод Борисович, который женился на дочери великого князя Изяслава Мстиславича.

Он был согнан полочанами со стола и отослан в Минск под стражей (1151), где и жил в великой нужде.

Полочане прислали к Святославу Ольговичу, северскому князю, приглашение с любовью и поддались под его покровительство, «яко имети его отцем себе, и ходить в его послушанье».

Затем, вследствие общей причины, раста числа князей, в Полоцке начинаются междоусобия между братьями, в которых, по родству, принимают по временам участие и прочие русские князья. Князем себе, после изгнанного Рогволода Борисовича, полочане посадили двоюродного брата его, Ростислава Глебовича.

Спустя восемь лет, Рогволод Борисович появляется у Святослава Ольговича, который дает ему свой полк искать себе волости, «потому что братья его обидели и отняли у него волость и жизнь его всю». Приехав к Слуцку, он начал договариваться с дручанами, которые звали его к себе: «Приезжай, князь, не стряпай, мы рады тебе, и если нам с детьми придется биться за тебя, мы готовы биться». Больше трехсот людей дручан и полочан выехало к нему, и он вступил в город с великой честью, откуда князь Глеб Ростиславич был изгнан и уехал к отцу (1158) в Полоцк.

И в Полоцке началось смятение: многие хотели Рогволода. Насилу Ростислав Глебович смирил людей, одарив многими дарами и приведя их к кресту; а сам с братьями Всеволодом и Володарем Глебовичами выступил против Рогволода к Друцку. Рогволод затворился в городе. Начались стычки и, наконец, противники заключили мир.

Ростислав передал волости Рогволоду и вернулся домой, но недолго пользовался там покоем. Напрасно полочане целовали ему крест и говорили прежде: «Ты наш князь, и дай Бог нам с тобою пожити, без всякого извета». Напрасно, ибо преступили крестное целование и послали втайне сказать Рогволоду Борисовичу в Друцке: «Князь ты наш, согрешили мы пред Богом и пред тобою, вставши на тебя без вины, разграбивши твою жизнь и твоей дружины, отдавши самого тебя на великую муку Глебовичам. Если ты не помянешь всего этого, что мы сделали тебе своим безумием, и поцелуешь нам крест, то мы люди твои, а ты нам князь». Рогволод исполнил их желание, поцеловал им крест, что не помнит зла. Полочане начали думать, как бы им захватить своего князя; пригласили его в Петров день на братчину к Святой Богородице, с тем, чтобы там его взять. Приятели Ростислава из полочан дали ему о том знать. Он надел на себя броню под одежду, и никто не осмелился поднять на него руки. На другой день полочане стали приглашать его к себе в город, а он был тогда на Белчице: «Приезжай к нам, князь, у нас есть речи до тебя». Ростислав отвечал послам: «Да я вчера был у вас, что же вы не говорили со мною, если у вас есть речи до меня». Однако без всякого умысла поехал к ним в город. Навстречу прискакал к нему детский из города предупредить его: «Не езди, князь, в городе вече, дружину твою избивают, а тебя хотят взять». Ростислав вернулся и, собрав всю свою дружину на Белчице, отошел с полком к брату Володарю в Минск. Дорогою, в сердцах, много вреда причинил он Полоцкой волости, скотом и челядью. Полочане послали за Рогволодом в Друцк, и сел он на столе отца своего и деда с честью великой, к удовольствию полочан.

Потом Рогволод собрался с силами: полочанами, смольнянами и новгородцами, чтобы идти на Ростислава к Минску. Ростислав Мстиславич смоленский прислал к Рогволоду (женатому на его племяннице) двух сыновей своих в помощь, Романа и Рюрика. Идя к Минску, он подошел прежде к Изяславлю на брата его Всеволода, который затворился в городе. Всеволод имел великую любовь к Рогволоду и, надеясь на любовь, вышел и поклонился ему. Рогволод дал ему Стрежев, а Изяславль отдал Брячиславу: «того бо бяше отчина»; оттуда пошел он к Минску, стоял десять дней под Минском и, наконец, заключил мир. Князья поцеловали крест, кроме Володаря, который был под Литвою в лесах (1158).

Но мира не получилось. В следующем году опять ходил на

Ростислава Рогволод с полочанами и помощью великого князя Ростислава, уже киевского, который прислал ему шестьсот торков с Жирославом Нажировичем. Впрочем, они вскоре ушли домой, поморив коней. Рогволод стоял под городом шесть недель и заключил мир с Ростиславом на своих условиях, освободив Володшу из поруба и Брячислава из желез, Васильковичей, захваченных перед тем Глебовичами, из-за чего, видно, и состоялся поход (1159).

Рогволод показал свою благодарность великому князю, проводив благополучно его сына Святослава, изгнанного из Новгорода, до Смоленска (1160).

На Ростислава (Глебовича) он ходил еще раз и заключил, наконец, с ним мир, вероятно, на своих условиях (1160).

Но поход на Володаря (Глебовича) к Городцу (Гродно) был для него пагубен (1161): Володарь не дал ему сражения днем, а ночью напал на него врасплох с литвой и разбил его совершенно: много было у него убито, а еще больше захвачено в плен. Рогволод бежал в Слуцк, а оттуда через три дня перешел в Друцк, но в Полоцк не смел показаться, потому что у него погибло много полочан. И действительно, полочане посадили у себя в Полоцке Васильковича Всеслава, троюродного племянника Рогволода.

Володарь Глебович, оставшийся старшим между полоцкими князьями, не мог позволить княжение в Полоцке племяннику равнодушно, и, собравшись с силами, пошел на него ратью. Всеслав Василькович вышел к нему навстречу с полочанами, но Володарь не дал ему соединиться со своими помощниками, ударил на него внезапно и разбил. Всеслав бежал к Витебску. Володарь вошел в Полоцк и целовал крест с полочанами, потом вышел к Витебску на Давыда Ростиславича и укрывшегося у него Василька. Они встали на разных берегах реки. Давыд потому не давал ему боя, что ожидал брата Романа со смольнянами. В полночь послышался гром, как будто войско переправлялось через реку, и страх напал на дружину Володареву: «Чего стоишь, князь, здесь, и не едешь прочь. Слышишь — Роман бродит, а оттуда грозит Давыд». И побежал Володарь от Витебска. Утром Давыд увидел, что Володарь бежал, и не послал никого за ним в погоню, только в лесу было много перехватано заблудившихся. Всеслава Давыд Ростиславич опять посадил в Полоцке (1166).

Смоленские князья имели случай оказать ему еще одну услугу. Когда в 1178 г. Мстислав Ростиславич пошел было войной на него из

Новгорода, намереваясь возвратить один погост, захваченный за сто лет перед тем Всеславом первым, то Роман смоленский прислал к нему сына в помощь и уговорил брата отложить свое намерение.

В 1180 г. полоцкие князья являются помогающими великому князю Святославу Всеволодовичу, шедшему домой из Новгорода после похода на великого князя Всеволода суздальского: Всеслав с полочанами, брат его Брячислав из Витебска (с ними была ливь и литва), Всеслав Микулич из Логожска, Андрей Володьшич и сыновья его, Изяслав, Василько Брячиславич. Они пошли навстречу Святославу мимо Друцка, куда пришел перед тем Давыд Ростиславич смоленский, помогавший Глебу Рогволодовичу. Дело кончилось сожжением Друцка.

В 1186 г. Полоцкое княжество подверглось нападению Давыда смоленского с сыном Мстиславом новгородским, которым помогали Василько Володаревич из Логожска и Всеслав из Друцка.

Полочане, осознавая свое бессилие бороться, умилостивили врагов многими дарами.

В 1195 г. полоцкие князья помогали Ольговичам и содействовали их победе над полками Давыда смоленского. Борис друцкий взял в плен Мстислава Романовича смоленского, который был им после отпущен.

Это — последнее известие русских летописей о Полоцком княжестве. Вскоре водворились в соседстве, и даже на его землях немцы, которые стали опаснейшими его врагами.

От немецких летописцев, между которыми первое место занимает Генрих Латыш (1226–1227), известны некоторые сведения о полоцких князьях. Сначала немцы искали их приязни и покровительства.

Древнейший паломник, монах Мейнгард, который часто провожал бременских купцов, начавших плавать в устье Двины с 1169 года, построил первую церковь (1187) при деревушке Икескола, с позволения полоцкого князя Владимира. Он назначен был епископом.

С его времени число поселенцев увеличивалось с каждым годом, и третий между ними, Альберт, был, собственно, основателем немецкого владычества в нынешних Остзейских губерниях.

Полоцкие князья, бравшие дань со здешних племен, вскоре увидели свою ошибку, допустив поселение, хотели помешать ему, но было уже поздно.

Сами племена почуяли беду и соединялись по временам, куры, есты, зимегола, литва, ливь, но не могли и не умели действовать дружно. Напротив, они часто продолжали воевать между собой, например, ливы с эстами, чем и пользовались немцы.

Из полоцких князей ливонские летописи упоминают о Владимире полоцком, Всеволоде в Герцике (близ Шкокмансгофа), и Вячко в Кокенгаузене (Крейцбург в Лифляндской губернии).

В 1201 году епископ Альберт положил основание в устье Двины городу Риге, которая стала главной точкой опоры незваных гостей.

Вероятно, около этого же времени он основал орден Христовых воинов, или Меченосцев, и перевел союз цистернских монахов с горы святого Николая в устье Двины.

В марте 1206 года епископ Альберт послал в Полоцк к князю полоцкому Владимиру аббата Дитриха просить о дружбе, а там был уже старшина ливонский Ако из Гольма, который приходил жаловаться на немцев, и убедил князя предпринять военный поход на Ригу. Дитрих нашел случай уведомить Альберта, который собирался плыть в Германию. Он остался, и поход был отложен. Отправлены послы с аббатом до Кокенгаузена, из которых один, Стефан, приглашал епископа для переговоров 30 мая на реке Огере, а другие старались, между тем, возбудить ливов и эстов к войне против немцев.

Ливы из Гольма, Трейдена и Вейналя, вместе с несколькими литовцами, собрались, овладели 4 июня крепостью Гольмом и угрожали Риге. Но рижские немцы с зимеголой отняли Гольм опять. Когда опасность миновала, Альберт уехал в Германию.

Тогда Владимир, около 15 июля, спустился из Полоцка вниз по Двине с многочисленной дружиной, напал было на Икскуль, и потом осадил Гольм, но по одиннадцатидневной осаде, услышав о подплывавших латинских судах, вернулся домой.

Один из полоцких князей, владевший Кокенгаузеном Вячко, заключил (1207) оборонительный договор против литвы с епископом Альбертом, которым уступил последнему половину своей волости и крепости.

Около Рождества подданные его селоны пропустили литву, которая напала на епископскую область по правому берегу Трейденской Аа, но была побита.

Один из рыцарей, Даниил Банкеров из Леневардена, напал на Вячка и взял его в плен, но епископ Альберт велел освободить его,

принял благосклонно в Риге и дал двадцать благонадежных воинов для защиты и укрепления Кокенгаузена. Вячко, впрочем, не был доволен такой милостью, не поверил немцам и решил мстить. Полагая, что Альберт с прошлогодними поклонниками отплыл из Двины, велел он русским и подчиненным леттам и селонам избить данных ему немцев, и позвал полоцкого князя на Ригу. Но Альберт был еще там, удержанный противными ветрами. Он убедил триста поклонников остаться в Лифляндии и кликнул клич всем немцам и ливам собраться в Риге. Устрашенный Вячко сжег свою крепость и спасся бегством в Русь, вероятно, в Полоцк, а Альберт отплыл в Германию.

На весну 1208 года он возвратился в Лифляндию с новыми многочисленными поклонниками и распорядился тотчас восстановить и укрепить Кокенгаузен и стеречь отсюда русь и литву.

Осенью лифляндские немцы со своими христианскими союзниками предприняли поход на князя Всеволода, княжившего в Герцике. Он был женат на дочери литовского князя Дангеруте и враждовал с немцами. Немцы взяли и сожгли город. Чтобы освободить свое плененное семейство и возвратить себе город Герцике, он должен был ехать в Ригу, договориться с епископом Албертом об уступке подданной ему дотоле страны ливов и леттов, и за возвращенное ему княжество Герцике присягнуть в верности.

В 1210 году было общее покушение куров, эстов, литвы, зимеголы, вместе с русскими из Полоцка и Герцике, на немцев в Лифляндии, в Кокенгаузене и Риге, но без успеха.

Несмотря на свои успехи, немцы все еще сознавали свою слабость, и в 1210 году лифляндские старшины в Риге послали рыцаря Рудольфа в Полоцк с поручением стараться заключить мир. Вслед за ним другой рыцарь Ордена Арнольд, после схватки с эстами явился в Полоцк и просьбами своими достиг того, что князь Владимир дозволил рижским купцам вести торговлю по-прежнему и послал в Ригу уполномоченного Лудольфа из Смоленска, который осенью заключил мир с условием, чтобы ливы ежегодно платили должную дань полоцкому князю, или епископ Альберт за них.

В 1211 году область Герцике была разделена между четырьмя лифляндскими епископами и братьями Альберта.

Весною 1212 года рижский епископ имел свидание с полоцким князем. При посредничестве князя Владимира псковского они заключили торговый договор и союз против литвы; вместе с этим

Владимир отказался от подати с леттов и ливов и предоставил немцам земскую власть над ними.

В 1213 году рыцари нападали на Герцике за неверность и непокорность князя и ограбили город.

В 1216 году эсты убедили князя Владимира полоцкого напасть на Ригу, а сами они брались напасть на ливов и леттов и запереть гавань. Владимир собрал большое войско из руси и латышей, хотел уже садиться на суда, как вдруг упал и скоропостижно умер.

Число немцев увеличивалось беспрестанно: Альберт беспрестанно ездил в Германию и приводил оттуда новые толпы; страна освобождалась от русской зависимости, а немцы, напротив, утверждали более и более свое владычество, и вместе уничтожали следы православной веры, заставляя местных жителей принимать римскую.

В 1222 году в ливонских летописях встречается известие о посольстве полоцких князей, в числе прочих, в Ригу, для заключения мира с немцами.

Под 1223 и 1224 годами в ливонских и новгородских летописях мы находим последнее известие о Вячке, который изгнан был немцами из своего Кокенгаузена и искал себе спасения на Руси. Новгородцы посадили его в Дерпте и дали ему двести воинов, чтобы он брал дань с окружных эстов и покорял, что может. Немцы не дали ему покоя и здесь: с большими силами напали на него, — сам Альберт с епископами и рыцарями, — и осадили город. Вячко храбро защищался и отвергал все предложения, в надежде на новгородскую помощь. Немцы решились на приступ. Город был взят и сожжен, все защитники перебиты, и в их числе мужественный Вячко.

НОВГОРОД

Новгород, избранием Рюрика дав государей Русскому государству, остался, после его смерти, почти совершенно обособленным.

Олег, преемник его, уходя отсюда вместе с младенцем Игорем (882) на юг, в Киев, оставил здесь, вероятно, мужа, посадника, как оставлял по дороге в Смоленске и Любече.

Из Киева, утвердившись, он определил дани словенам, кривичам и мери. Это, без сомнения, те две тысячи гривен, которые посадники новгородские платили Владимиру, и от которых Ярослав в конце

отцовой жизни отказался. Третья тысяча гривен раздавалась, по его распоряжению, гридям или военной засаде. Вот единственная связь Новгорода с основавшимся в Киеве государством. Заморским варягам Олег присудил платить триста гривен.

После Олега, вдова Игоря, Ольга, приходила (947) в Новгород и уставила дани и погосты по Мсте и Луге.

Через сто лет (970) новгородцы, не удовольствуясь, видно, посадниками, захотели опять иметь у себя князя и пришли просить его у Святослава. «А не то, сказали они ему, мы найдем себе князя в другом месте». «Да кто к вам пойдет», возразил Святослав и, действительно, старшие сыновья, Ярополк и Олег, отказались. Тогда новгородцы, по совету Добрыни, попросили себе Владимира, рожденного от сестры его, ключницы Ольгиной, Малуши.

Когда Владимир, после смерти отца Святослава, услышав об убийстве брата Олега, бежал к варягам, то Ярополк прислал в Новгород своих посадников (972).

Вернувшись с вспомогательными северными воинами, Владимир прогнал их с помощью новгородцев и нанятых варягов, овладел Киевом и отмстил старшему брату смертью за смерть среднего брата Олега (980). Став великим князем, он сохранял свою власть над Новгородом, полностью зависевшим от него.

Описывая введение христианской веры, летопись говорит, что Владимир дал Новгороду архиепископа: пришел в Новгород архиепископ Иоаким (которому приписывается особое сказание), разрушил капища, изрубил Перуна и велел бросить в Волхов. Его поволокли веревками, били палками по дороге к реке; никому не велено было принимать его. Отправился из Пидьбы рано утром местный житель продавать горшки в город и, увидев плывущего по реке идола, оттолкнул его шестом. «Ты, Перунище, пил и ел до сыти, а ныне плови уже проче. И плы с света в окромешное». Ходила еще в народе молва, что Перун, плывя под мостом, бросил новгородцам палицу и как будто завещал им междоусобные распри.

Ко времени введения христианства принадлежит народная пословица: Путята крести мечом (в Новгороде), а Добрыня огнем.

Владимир, вследствие беспрерывных войн с печенегами, приходил в 996 году в Новгород «по верховные вои».

Он посадил здесь старшего сына Вышеслава, а потом Ярослава (988), который сидел прежде в Ростове; Ростов, следовательно, новгородский город, находился уже в его распоряжении.

Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа, Ингигерде (1019), и дал по условию родственнику ее Рагнвальду Ладогу (Альдейгаборг) с данями.

Он княжил тридцать с лишним лет в Новгороде, и под конец отказался платить определенную с новгородцев дань своему отцу.

Владимир на старости велел было уже «теребить путь» и «мостить мост», чтобы идти на сына в Новгород, но его внезапная кончина отвратила законопреступную войну (1018).

Ярослав должен был повести ее с двоюродным своим братом Святополком, который начал княжение в Киеве избиением братьев. А между тем новгородский князь только что рассорился перед тем с новгородцами. Призванные им на помощь норманны причиняли насилие жителям и женам их. Новгородцы встали и избили их на дворе Парамона. Ярослав озлобился, лестью призвал к себе в Ракому нарочитых мужей и иссек их. В эту самую ночь получил он известие от сестры Передславы о происшествиях в Киеве и на другой день обратился, плачущий, с просьбой о помощи к остальным новгородцам. «Аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тобе бороти». Ярослав собрал тысячу варягов, кроме других воинов.

Подойдя к Киеву, они остановились на берегу Днепра и стояли три месяца. Воевода Святополка ездил на противоположной стороне и укорял новгородцев: «Что пришли, плотники, с хромцем своим? Мы поставим вас хоромы нам рубити». Новгородцы, раздраженные, решили переправиться, оттолкнули свои лодки и сразились. Победа осталась за ними. Святополк бежал, и Ярослав стал великим князем киевским (1016).

Через год Святополк возвратился с польской помощью, под предводительством тестя своего, Болеслава Храброго, который победил Ярослава на берегу Буга, и тот бежал в Новгород; он хотел было бежать еще дальше, за море, но новгородцы удержали его, с посадником Коснятином, сыном Добрыни, и изрубили его ладьи, сказав: «Хотим еще биться со Святополком и Болеславом». «Начаша скот собирати от мужа по четыре куны, от старост по десяти гривен и от бояр по осмнадцати гривен». Наняли варягов и пошли к Киеву. На берегах Альты они одержали решительную победу над Святополком, оставленным перед тем за измену и Болеславом. Ярослав, заняв киевский стол, оделил воинов, старостам дал он по десяти гривен, смердам по гривне и всем новгородцам по десяти гривен.

Ярослав часто приезжал в Новгород, получал отсюда помощь, и

сам помогал, например, преследуя ограбившего Новгород в 1021 году Брячислава полоцкого.

В 1030 году он основал Юрьев (Дерпт) для собиранья дани с ближайших берегов Варяжского моря.

В 1032 году он посадил здесь своего старшего сына Владимира, а епископом поставил Луку Жидяту, от которого сохранилось поучение.

Владимир ходил отсюда на емь (в южной Финляндии) в 1042 году, а Улеб на Железные ворота.

В 1043 году Ярослав посылал Владимира на греков — последний норманнский поход, закончившийся неблагополучно.

В 1045 году Владимиром был заложен знаменитый собор Св. Софии, имя которой вскоре стало тождественным с Новгородом.

Там и лежит этот ее основатель, умерший еще при жизни отца, в 1052 году, вместе с матерью своей, норманнской княгиней Ингигердой, которая умерла, вероятно, также в Новгороде в 1050 году.

В благодарность за оказанные услуги, Ярослав (скончавшийся в 1054 году), дал, вероятно, новгородцам, вместе с правом избирать себе князей, разные льготы, что касается до самоуправления и самосуда, на которые до позднейшего времени они ссылались.

Оставаясь с древними обширными владениями и распространяя беспрестанно свои пределы, не допуская у себя никакого дележа, не позволяя князьям иметь даже частную собственность. Новгородское избирательное княжество не подверглось общей участи — мельчать и слабеть, подобно прочим. Бояре, оставаясь на месте, стали вскоре землевладельцами и приняли большее участие в управлении общественными делами.

Дань с обширных владений и выгодная торговля, которую вели новгородцы с Данией, Готландом и вообще всеми берегами Балтийского моря, с севером и западом, доставляя нужные товары, особенно драгоценные меха, служила источником богатства, копившегося год от года, более и более в дому Святой Софии. Купцы и люди житые составили значительное сословие.

Знакомство с немецкими соседями доставляло Новгороду различные житейские сведения, подобно как Киев заимствовался ими от греков из Царьграда.

Князья новгородские были, по преимуществу, предводителями в новгородских походах.

Вместе с князьями деятельное участие в управлении приняли, с одной стороны, архиепископы, а с другой посадники. Веча решали дела.

Все должности были выборные.

Новгородцы продолжали свои походы, главной целью которых были финские племена, окружавшие их со всех сторон.

Некоторые походы предпринимались вольницей, которая в этом отношении наследовала обычай древних норманнских витязей.

Во время кончины Ярослава (1054), Изяслав, старший после Владимира сын его, находился в Новгороде и был, вероятно, наречен князем, свидетельство о чем заключается в послесловии к знаменитому Остромирову Евангелию: «написах же Евангелие се рабу Божию наречену сущу в крещении Иосиф, а мирьски Остромир, близоку сущу Изяславу князю. Изяславу же Князю тогда предръжащу обе власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира. Сам же Изяслав Князь правляаше стол отца своего Ярослава Кыеве, а брата своего стол поручи правите близоку своему Остромиру Новегороде».

Остромир ходил отсюда на соседнюю, к западу, чудь (1055) и был убит на сражении, в котором пало много новгородцев. Вслед за Остромиром на чудь ходил сам Изяслав и взял город Солнечную руку (?).

В 1064 году ушел из Новгорода на юг молодой, удалой сын умершего здесь Владимира, Ростислав, с сыном посадника Остромира, Вышатой, Пореем и другими новгородскими молодцами, покорил там Тмуторакань, разнес страх и ужас русского имени по всем окрестным странам, в Крыму и на Кавказе, и умер через два года, отравленный греками, оставив трех сыновей, столько же впоследствии славных Ростиславичей.

В 1066 году Новгород подвергся нападению полоцкого князя. Молодой Всеслав, по следам отца Брячислава, напал на Новгород, занял его до Неревского конца, ограбил Святую Софию, снял даже колокола, паникадила. «О велика бяше беда в час той», восклицает новгородский летописец.

Ярославичи наказали его и захватили в плен.

В 1069 г. по возвращении из Киева, Всеслав опять приходил на Новгород. Князем тогда был Глеб Святославич, княживший прежде в Тмуторакани и присланный отцом Святославом, который занял было великокняжеский стол. Новгородцы поставили полк у Зверинца на

Кзени и отбились.

В княжение Глеба проявился в Новгороде волхв, который смущал и привлекал к себе народ своими предсказаниями. Он говорил, что знает все, «творяся яко Бог», хулил веру христианскую и хвалился перейти Волхов перед всеми по воде. Почти весь город поверил ему и хотел убить епископа. Епископ облекся в ризы, взял крест и сказал народу на вече: «Кто хочет верить волхву, тот иди к нему; кто верует, тот иди ко кресту». Вече разделилось пополам: князь Глеб и дружина его отошли на сторону к епископу, а люди все стали за волхва. Произошло смятение. Тогда князь Глеб, спрятав топор под полой, приблизился к волхву и спросил его: «Знаешь ли, что будет поутру и что случится до вечера?» Волхв отвечал: «Все знаю». Глеб спросил еще: «А знаешь ли, что произойдет теперь?» «Великие чудеса сотворю», сказал волхв. Тогда Глеб выхватил топор из-под полы, ударил волхва, и пал он мертвый, рассеченный надвое. Люди разошлись и успокоились.

Этот Глеб был убит в Заволочье, в одном из новгородских походов против финских племен. Место его занял Святополк, — сын павшего, между тем, в бою с Олегом Святославичем великого князя Изяслава, старшего племянника севшего на княжение Всеволода.

В 1087 г. он перешел оттуда на княжение в свой Туров, и великий князь Всеволод дал новгородцам внука Мстислава, имевшего пятнадцать лет от роду.

В 1093 г. великий князь Святополк и Владимир Мономах, распоряжавшийся всеми волостями на Руси, посадили в Новгороде Давыда Святославича, переведя его из Смоленска, а Мстислав был послан в Ростов; но через два года, после того как Давыд поехал было зачем-то в свой прежний Смоленск, новгородцы не пустили его к себе, а призвали опять Мстислава из Ростова.

Мстислав, узнав в Новгороде (1096), что отчина его, Ростов и Суздаль, занята Олегом Святославичем, а брат Изяслав убит в сражении с ним, послал к нему посла сказать: «Иди из Суздали Мурому, а в чужой волости не сиди; я помирю тебя с отцом». Олег не только не послушал его, но думал даже отнять у него и Новгород. Мстислав отправился на него в поход с новгородцами, отрядив прежде вперед Добрыню Рагуиловича. Тот задерживал данников, присланных от Олега с братом его Ярославом. Мстислав шел быстро, и Олег, не надеясь бороться с ним, изъявил свое согласие помириться в ответ на второе предложение Мстислава. Мстислав, обнадеженный,

распустил дружину по селам, как вдруг среди обеда, в Федорову субботу, получает известие, что Олег уже идет на него и стоит на Клязьме. Он начал собирать дружину, новгородцев, белозерцев и ростовцев, и приготовился встретить врага под Суздалем. Олег приблизился. Четыре дня стояли они друг против друга. В четверг по Федорове недели пришел на помощь к Мстиславу из Переяславля брат его Вячеслав. В пятницу произошло сражение на реке Колокше, на котором Мстислав одержал совершенную победу.

Новгородцы долго помнили эту победу. Написав письмо к отцу с советом о примирении, Мстислав возвратился в Новгород. «Сие же бысть исходящу лету 6604, индикта 4, на полы», то есть в марте 1097 г.

Под этим же годом в Суздальской летописи помещен рассказ, содержащий любопытные сведения в общем обиходе того времени о дальних странах северных, уже тогда подвластных Новгороду.

«Вот я расскажу, говорит летописец, что слышал четыре года назад от Гюряты Роговича Новогородца: я посылал, говорил он мне, отрока своего в Печеру, к людям, которые дают дань Новугороду. Оттуда отрок мой ходил в Югру. Югра — народ немой, и живет в соседстве с Самоядью на полуночных странах. Югра рассказывали моему отроку: чудеса происходят в горах, — зайдуче луку моря, — чего прежде и слыхом не было слышано. Сеже третье лето поча быти. Суть… горы, им же высота, ако донебесе, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору, хотя высечися; и в горе той просечено оконце мало, и оттуда говорят люди, но нельзя понять их речи; они показывают на железо, помавают рукою, прося железа, и кто даст им нож ли, или секиру, и они дают мехами противу. Дорога до тех гор непроходимая, пропастями, снегом и лесом. Потому мы и ходим туда редко. А живут люди и дальше, к полуночи.

Я сказал Гюряте, что это, должно быть, люди заклепении Александром Македонским Царем, как рассказывает о том Мефодий Патарийский: Александр, придя в восточные страны до моря, „наричемое Солнче место“, увидел там человеки нечистые, от племени Афетова, которые едять всякую скверну, комаров и мух, котков и змиев, не погребают мертвых. Александр убоялся, чтоб они не умножилися и не осквернили земли, и загнал их на полуночные страны, в горы высокие, и Божиим повелением сступишася о них горы полуночные, только не сступишася о них горы на 12 локоть, и ту створишася врата медяны, и помазашася сунклитом, и аще хотять

огнем взяти, не возмогут и жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь может вжещи его, ни железо его приметь. В последние же дни изыдут восемь колен от пустыни Етривские, изыдут и сии скверные языкы, яже суть в горах полунощных, по повелению Божию».

В 1102 году Святополк и Владимир договорились, чтобы «Новугороду быти Святополчу» и Святополку посадить там своего сына, а Владимиру получить за то для своего сына Владимир. Призван был Мстислав с новгородцами. На общем совещании в избе мужи Владимировы сказали им: «Вот вам сын Святополков — берите его в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». Новгородцы отвечали Святополку, как некогда отцы их сыну Ольгину, Святославу: «Мы присланы к тебе, князь, вот с чем, — нам велено передать — не хотим ни Святополка, ни сына его. Если у сына твоего две головы, так пошли его; Мстислава дал нам Всеволод, и мы воскормили его себе князем».

Сколько ни спорил великий князь Святополк с ними, они настояли на своем и увели к себе Мстислава назад.

Мстислав часто ходил с ними (1105, 1111, 1113, 1116) на соседние племена чуди (ее имя сохранилось в имени Чудского озера), с которой от времен Ярослава, основавшего Дерпт в 1030 году, не слышно было никаких неприязненных отношений.

Все эти походы были очень удачны и оканчивались сбором дани и получением большой добычи.

Поход 1105 г. начат был из Ладоги.

В 1111 г. целью была Очела (в Эстляндии, на берегу верхней Аа) на границе леттов и эстов, по соседству с Новгородскими волостями.

В 1113 г. была побеждена чудь на бору.

В 1116 г. Мстислав взял Медвежью Голову (Оденпе, близ Дерпта).

В этом году заложил город (крепость, детинец в Новгороде), шире прежнего.

Тогда же Павел, посадник ладожский, заложил город каменный в Ладоге.

В 1117 году, 17 марта, великий князь Владимир призвал Мстислава к себе в Киев и посадил его в Белгороде, а в Новгороде оставлен князем старший сын Мстислава, внук Владимира, Всеволод-Гавриил.

Памятниками Мстиславова княжения там остались, кроме расширенной им крепости: церковь Св. Благовещения (1103) на

Городище, в древнем пребывании варяжских князей, на острове между Волховом и Волховцем, верстах в двух от Новгорода.

Церковь Святого Николы на княжем дворе (1112).

Церковь Св. Федора Тирона (1115) среди Щирковы улицы и Разважи, которую заложил Воигост.

В год отбытия Мстислава игуменом Антонием Римлянином начата церковь каменная в его монастыре.

Святая София украсилась стенным писанием, на иждивении епископа Св. Никиты, печерского инока, который в начале Мстиславова княжения (1096–1108) был, вероятно, главным ему помощником и советником.[21]

Последнее распоряжение Владимира, то есть отозвание Мстислава и назначение князем его молодого сына, подало повод, кажется, к неудовольствиям в Новгороде, где произошло возмущение (1118).

Нужно было принять особые меры. Мономах разгневался на новгородцев, сказано в летописи, за то, что они грабили Даньслава и Ноздрчу, вероятно, преданных ему мужей, разгневался за что-то на сотского Ставра, — и заточил их всех. Все бояре новгородские, призванные в Киев, были заведены честному кресту; некоторые, более заподозренные или обвиненные, были оставлены в Киеве, а прочие отпущены домой.

Через год (1020) прислан был даже посадник из Киева в Новгород, Борис. В 1122 году Мстислав взял себе в жены дочь посадника новгородского Дмитрия Завидича (первая жена его Христина умерла в 1121 году).

В следующем году и сын его Всеволод женился в Новгороде.

Всеволод, по следам отца, также часто ходил в походы на соседние финские племена (1124, 1130, 1132, 1133).

Первый поход на емь (в южной Финляндии), в великое говение, хотя и был успешен, но лют был путь, и хлеб покупался по ногате.

Поход 1130 года, против юго-восточных эстов, представляет особое явление в истории Новгорода. Он предпринят был собственно великим князем киевским Мстиславом, который послал на чудь сыновей своих: Всеволода, Изяслава и Ростислава. Много людей было побито, жены и дети взяты в плен, хоромы сожжены.

---

[21] Каменный дом, построенный Св. Никитой, цел до настоящего времени, — по крайней мере, стены, — и известен под именем Никитского. В ризнице Софийского собора показываются его вещи.

В поход 1132 года «сотворися пакость велика, много добрых муж избиша в Клине (Вагия) Новогородец, Генваря 23, в субботу».

Из внутренних событий в Новгороде в княжение Всеволода, за это время, заметим следующие, — церковные:

В 1119 году Кирьяк игумен и князь Всеволод заложили каменную церковь в Юрьеве монастыре, которому великий князь Мстислав в 1123 году дал следующую грамоту, до нас дошедшую: «Се яз Мьстислав, Володимерь сын, держа Русьску землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйце и вено Возьское Святому Георгиеви с вирами и продажами (с головными и прочими пошлинами и пенями), и яз дал рукою своею и осеньнее полюдие даровное полтретия десяти гривен… А се яз Всеволод дал есмь блюдо серебрено во 30 гривен серебра… велел есмь бити в не на обеде, коли игумен обедает; даже кто запортит или ту дань и се блюдо, да судит ему Бог в день пришествия своего, и тъ Св. Георгий».

В 1127 году была завершена каменная Антониева церковь.

В 1127 г. Всеволод заложил церковь Св. Иоанна на Петрятине дворе, во имя сына своего, незадолго перед тем рожденного, и дал ей многие льготы в особой грамоте, доказывающей, что князь пользовался тогда в Новгороде гораздо большей властью, чем после.

Из необыкновенных явлений природы летописью замечены:

«В лето 6632 (1124) месяца Августа в 11 день, перед вечернею, почя убывати солнця, и погибе вся. О велик страх и тьма бысть! И звезды быша и месяць, и пакы нача прибывати, и вборзе наполнися, и ради быша вси по граду».

«В лето 6633 (1125) бяше буря велика с громом и градом, и хоромы раздра, и с божниць вълны раздьра, стада скотины истопи в Волхове, а другыя одва переимаша живы».

«В лето 6635 (1127) паде метыль густ (серный дождь) по земли и по воде, и по хоромом, по две нощи, а по четыри дни».

В этом году свирепствовал в Новгороде голод: снег лежал до Яковля дня, «а на осень мороз уби вьрьшь (верхнее, зелень), и озимицу». Осминка ржи (1/2 четверти) во всю зиму продавалась по полугривне.

А на следующий год (1128) цены еще поднялись, и продавалась ржи осминка по гривне, люди ели липовый лист, березовую кору, мох истолокши с плевелами и соломой, ушь (род лютика или купальницы), конину; умирали с голоду, трупы валялись по улицам,

на торгу и по дорогам. Нельзя было выйти из дома от смрада. Отцы и матери сажали детей в ладьи и отдавали гостям даром; многие разбежались по чужим землям. «Туга, беда на всех. И тако, по грехом нашим, погыбе земля наша».

В 1131 году погибло семь ладей, возвращавшихся из-за моря, с Гот. Товар потонул, а люди спаслись, нагие, и вернулись домой здоровые.

В 1131 году, на место уволившегося Иоанна, поставлен архиепископом Новгороду знаменитый Нифонт, из печерских иноков.

В 1132 году скончался отец Всеволода, великий князь киевский, а прежде новгородский, Мстислав Владимирович.

Он имел большое влияние на дела новгородские, что видно не только в грамоте 1125 г. и по походу 1130 года, им организованному, но и по другим обстоятельствам: в 1129 году, например, прислал он из Киева, подобно отцу Мономаху, своего посадника в Новгород, Даниила; сын его Всеволод часто являлся к нему в Киев из Новгорода.

После кончины Мстислава, в 1132 году, Всеволод был призван в Русь дядей Ярополком, который хотел дать ему Переяславль согласно воле его отца и по смерти своей прочил, может быть, как говорили, сам Киев. Новгородцы оскорбились, потому что Всеволод целовал им крест на том, чтобы не расставаться с ними и умереть у них. Он, было, вернулся, потому что ему на юге не посчастливилось; пришли псковичи и ладожане, и они все сообща решили выгнать князя, но, одумавшись, вернули его с Устьев. Посадничество в городе было дано Рагуилу, а в Пскове Мирославу. Спокойствие восстановилось, но ненадолго.

В следующем 1133 году прислан был в Новгород от великого князя киевского Ярополка к братьям Изяслав Мстиславич, которому была выдана дань печерская, «и тако хрест целоваше».

В 1134 году Всеволод ходил с новгородцами на чудь и взял город Юрьев, зимою, 9 февраля, на память Св. Никифора.

Тогда же обновлен был обрушившийся мост через Волхов.

В этом году опять приходил в Новгород Изяслав Мстиславич, которому брат Всеволод хотел доставить Суздаль. Новгородцы пошли со своим князем, но вернулись с Дубны (впадающей в Волгу ниже Корчевы), и по дороге отняли посадничество у Петрила и дали Иванку Павловичу.

Зимой пришел в Новгород митрополит Михаил, вместе с послом

новгородским, игуменом Исайею. Новгородцы опять собирались на Суздаль. Может быть, были и другие столкновения, подобные последующим, которые надо было решить войной. Митрополит отсоветовал им, но они не послушались, а его задержали. Вышли они 31 декабря. На Жданой горе (во Владимирской губ.) погиб храбрый посадник Иванко Павлович и Петрило Микульчич и много мужей, но суздальцев больше. Впрочем, поход этот не имел никаких последствий, и «сотворше мир», новгородцы возвратилось и митрополита отпустили.

С этого времени смуты на юге, в Киеве, умножились, а слабый Ярополк не был способен, подобно брату Мстиславу и отцу Мономаху, поддерживать и охранять мир и тишину; все князья там перессорились между собой: братья великого князя, Ольговичи, племянники, дети Мстислава.

В 1133 году новгородский посадник Мирослав, переведенный незадолго перед тем из Пскова, ходил мирить киевлян с черниговцами. Враги старались склонить новгородцев, каждый на свою сторону. Посредничество не имело успеха. На зиму пошел еще архиепископ Нифонт с лучшими мужами и был свидетелем заключения мира.

«Сильно взмялась вся земля Русская», говорит летопись, но и в Новгороде утихнувшие было беспокойства начали развиваться сильнее и сильнее. Новгородцы беспрестанно меняли посадников, и, наконец, принялись за князей, как будто наверстывая свободу, стесненную Мономахом и Мстиславом.

В 1136 году, призвав псковичей и ладожан, на шумном вече положили они вновь изгнать князя Всеволода и вот что ставили ему в вину: 1) Не блюдет смердов. 2) Оставлял Новгород и хотел сесть в Переяславле. 3) Бежал со сражения («ехал с полку») прежде всех. 4) Изменяет свои намерения: сначала договорился с Всеволодом черниговским, а потом велел отступить от него.

28 мая они посадили Всеволода под стражу с женой, детьми и тещей на епископском дворе, велев стеречь его день и ночь, по 30 человек с оружием, пока придет князь. Держали они его таким образом два месяца и отпустили 13 июля. Всеволод удалился в Киев к дяде, великому князю Ярополку, который дал ему Вышгород.

Унимать новгородцев было некому, потому что все южные и восточные князья (киевские, черниговские, суздальские), заняты были своими распрями, и новгородцы возвратили себе в полной мере

самоуправление, стесненное Мономахом и Мстиславом.

Избранный ими Святослав северский, брат черниговского князя Всеволода Ольговича, пришел «19 июля, прежде 14 каланд августа, в воскресенье, на собор Св. Евфимия, в 3 часу дня, а луне небесной в 19 день». Но с его избранием мир не водворился, а потрясен был еще более: в Новгороде оставалось много приверженцев изгнанного князя.

«В том же году, наставшу индикту 15» (следовательно, в сентябре), убит Георгий Жирославич и сброшен с моста, вероятно, за преданность Всеволоду. Тогда же «милостники» Всеволода стреляли в князя Святослава. Епископ Нифонт, всеми чтимый, держал Всеволодову сторону. Он отказался венчать князя Святослава и запретил своим попам и чернцам венчать его, говоря: «Недостоит ее пояти (вероятно, по какому-нибудь родству). Святослав оженися в Новегороде и венчася своими попами у Св. Николы».

В 1137 году Константин посадник со многими мужами бежал из Новгорода к Всеволоду в Вышгород. Плесковичи прислали с ним Жиряту с дружиной. Все приятели звали его в Новгород, говоря: «Пойди, княже, хотят тебе опять». Всеволод согласился.

Когда стало известно в Новгороде, что Всеволод пришел в Псков с братом Святополком, поднялся великий мятеж. Некоторые граждане побежали к нему в Псков. Их дома были преданы разграблению — Константинов, Нежатин и многих других. Отыскивали всех приятелей Всеволодовых между боярами и, собрав с них полторы тысячи гривен серебра, дали купцам на войну. Святослав Ольгович собрал всю землю Новгородскую, привел своего брата Глеба с курянами, с половцами и пошел на Плесков выгнать Всеволода. Плесковичи решительно объявили, что князя не выдадут, засекли все осеки и приготовились к обороне.

Тогда новгородцы со своим князем одумались и с Дубровны вернулись назад: «Не станем проливать кровь с братьею, пусть управит нас Бог своим промыслом».

Впрочем, Всеволод-Гавриил в тот же год (1137) умер и погребен в Троицком соборе (впоследствии он был причтен к лику святых).

Плесковичи клялись брату его, Святополку, и не было у новгородцев мира ни с ними, ни с суздальцами, ни со смольнянами, ни с полочанами, ни с киевлянами.

В следующем году (1138), 17 апреля, в неделю третью по Пасхе, неугомонные новгородцы выгнали и Святослава, сидевшего у них два

года без трех месяцев, и послали за князем к Юрию Владимировичу суздальскому, просить у него сына Ростислава.

Вдруг разнесся слух, что идет Святополк с плесковичами. Весь город всполошился и бросился к Сильнищу, но там никого не было. Святославлюю, однако же, задержали они с лучшими мужами и засадили в монастыре Св. Варвары, «ждуще оправы Ярополку со Всеволодом».

Самого же Святослава задержали на пути смольняне и посадили в Смядыне монастыре.

10 мая пришел Ростислав, — и новгородцы помирились с плесковичами.

В 1139 году Юрий суздальский, пришедший в Смоленск, позвал новгородцев на великого князя Всеволода. Новгородцы не послушались, и тогда Ростислав бежал к отцу в Смоленск, просидев в Новгороде год и четыре месяца.

Юрий рассердился на них и взял Новый Торг. Это был первый случай, в котором новгородцы увидели, чего они должны ожидать и бояться со стороны суздальских князей.

Новгородцы опять послали за Святославом Ольговичем. Брат его, великий князь Всеволод, хотел утвердить власть над Новым городом, подобно Мономаху и Мстиславу, и уговорил брата согласиться. Новгородцы ходили ему присягать. Долго волновался город, и Святослав пришел 23 декабря.

В 1140 году отправлены были в Киев к Всеволоду Константин Микулич, Полюд Константинович, Демьян и несколько других мужей, шестеро заключены в оковы, вероятно, по жалобе Святослава, — и вскоре новгородцы на вечах начали вставать на него «про его злобу». Он, увидев общее неудовольствие, послал сказать брату, великому князю Всеволоду: «Тягота, брат, в этих людях, я не хочу у них оставаться, пришли сюда кого хочешь». Всеволод прислал Ивана Войтишича, предлагая им сына и требуя в посольство мужей лучших, которые и были отправлены. Новгородцы продолжали волноваться и удерживали Святослава впредь до прибытия нового князя. Кум Святослава, тысяцкий, дал знать ему, что быть худу, и что хотят его захватить. Святослав бежал с женой и дружиной на Полоцк к Смоленску. Якуна поймали на Плисе и привели вместе с братом Прокопьем. Раздели их донага, как мать родила, били мало не до смерти и сбросили с моста, но Бог спас Якуна: он приплыл к берегу, и его оставили в живых, а взяли тысячу гривен да с брата сто и

заточили их в чудь, приковав руки к шее.

Юрий привел их после к себе, и жен их из Новгорода, и содержал в великой чести.

Святославу Ольговичу принадлежит устав о церковной дани, которым определяется епископу вместо десятин от вир и продаж сто гривен из клети княжеской, кроме уездных оброков и пошлины с купеческих судов.

Всеволод, хотевший дать им сына, остановился и удержал новгородских мужей, к нему присланных послами. Новгородцы отправили к нему епископа с новыми послами и сказали: «Дай нам сына, а Святослава, брата твоего, не хотим». И он отпустил, наконец, к ним сына Святослава. Не успел Святослав доехать до Чернигова, как новгородцы передумали и прислали сказать великому князю: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотим племени Владимиря». Всеволод, рассердившись, велел тогда вернуть епископа с мужами и задержал их в Киеве. Новгородцы стали просить его шурина, Мстиславича. Всеволод, не желая отдавать Новгород Владимирову племени, призвал своих шурьев и дал Берестий, говоря: «За Новым городом не гонитесь, пусть посидят о своей силе, где-то они найдут себе князя!» Послов же продержал у себя с епископом зиму и лето.

Таким образом, новгородцы опять сидели без князя девять месяцев, и товары не шли к ним ниоткуда. В нетерпении они послали, наконец, в Суздаль, звать к себе Судилу, Нежата, Страшка, которые бежали туда из-за Святослава, и Якуна. Они дали посадничество Судилу и велели сказать Юрию: «Поди к нам сам, либо сына пусти: Святополка (Мстиславича) Всеволод к нам не пускает, а Ольговича мы не хотим».

Юрий прислал Ростислава, который и прежде был у них. Ростислав прибыл к ним 26 ноября.

Между тем, послы новгородские — епископ и купцы, сидели в Киеве задержанные. Они твердили, что новгородцы не хотят иного князя, кроме Святополка. Всеволод согласился, наконец, убежденный женой, Мстиславлеей, и дал им шурнна из своей руки.

Новгородцы, прослышав, что едет к ним Святополк, засадили Ростислава на епископском дворе, где и просидел он четыре месяца.

Святополк пришел 19 апреля, а Ростислав отпущен к отцу, который вознегодовал сильно на новгородцев за такой их норов.

С этих пор усиливаются и умножаются беспрерывные

столкновения и распри новгородцев с Юрием суздальским, которые продолжались и при его преемниках. Суздаль, и после Владимир, откуда получал Новгород хлеб, тяготел над Новым городом более и более и приводил его к себе в зависимость. Между посадниками и боярами возникла партия сторонников суздальских. Только в краткие промежутки, и то в ближайшее время, новгородцы по-прежнему обращались иногда к Киеву и избирали тамошних князей, как защитников от притеснений. Несколько лет, впрочем, прошло спокойно, пока на киевском столе сидел великий князь Всеволод Ольгович, покровитель новгородского князя, и пока Юрий суздальский не думал еще или не смел искать Киева.

В 1142 году емь, пользуясь смятениями, приходила воевать Новгородскую волость. Ладожане избили их 400 человек и не выпустили ни одного.

Король шведский приходил с епископом на 60 судах напасть на гостей, шедших из-за моря на трех ладьях. Произошла битва. У неприятеля захвачено три ладьи, а избито полтораста человек.

В 1113 году Святополк женился в Новгороде, приведя жену из Моравы. Брат его Изяслав приходил к нему и зимовал в Новгороде.

«Стояла вся осенина дождева от Госпожина дни до Корочюна, и вода в этом году поднялась в Волхове и везде, вельми высока». Мост разбило, и четыре городни занесло «без знатьбе».

В 1144 году построен через Волхов новый мост, в стороне от ветхого.

Расписан притвор в Святой Софии епископом Нифонтом.

Поставлен попом переписчик Новгородской летописи.

В 1145 году новгородцы, по зову Всеволода, ходили иа помощь киевлянам в галицком походе с воеводой Неревиным и вернулись с любовью.

Великий князь киевский, Всеволод Ольгович, вернувшись из похода, умер (1146), и все дела на юге изменились. Великокняжеский стол достался Изяславу Мстиславичу, брату новгородского Святополка. Юрий суздальский вступил в союз против него со Святославом Ольговичем северским; началась продолжительная война, среди которой доставалось всем союзным и враждебным властям.

В 1147 году пришел Юрий воевать Новгородскую волость, взял Новый Торг и всю Мсту. В ответ ему ходил Святополк со всей областью Новгородской на Юрия. Новогородцы вернулись с Нового

торга из-за распутицы.

В следующем году архиепископ Нифонт ходил к Юрию в Суздаль, договариваться о мире; Юрий принял его с честью, но мира не дал, и удерживал за собой новгородские дани, хотя и выпустил всех новоторжцев и захваченных гостей, целых и невредимых.

В 1148 году Святополк был изгнан «злобы его ради». Изяслав прислал сына Ярослава, а брату дал Владимир; вскоре и сам великий князь пришел, приглашенный новгородцами.

Новгородцы вышли к нему навстречу за три дня пути от города. В воскресенье встретил его сын Ярослав с боярами новгородскими, и поехали вместе к обедне к Святой Софии. Посланы были подвойские и бирючи кликать по улицам и звать к князю всех на обед, от мала до велика. «И тако обедавше, веселишася радостью великою, и с честью разъидошася в свои домы». Поутру послал Изяслав на Ярослав двор звонить вече. Новгородцы и плесковичи собрались на вече. Изяслав сказал: «Братцы, сын мой и вы прислали мне жаловаться, что вас обижает стрый мой Юрий. Вот я и пришел к вам, оставя Русскую землю для вас и для ваших обид. Гадайте же, братцы, что нам делать, как идти, чтобы покончить с ним либо миром, либо ратью». Новгородцы в один голос воскликнули: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав. Рады идти с тобою за наши обиды». Еще собрались новгородцы и решили всем идти на войну, всякой душе: хоть кто и дьяк будет, и гуменцо у кого пострижено, но не поставлен, пусть и тот идет, а поставлен — пусть Богу молится.

Новгородцы, плесковичи, корела, пошли всеми силами на Юрия к Ростову. Подойдя к устью Медведицы, Изяслав остановился в ожидании брата Ростислава, который через четыре дня пришел с полками русскими и смоленскими. Ольговичи же не приходили к ним на помощь, по уговору, выжидая в вятичах, чем кончится дело. Братья спустились вниз по Волге. От Юрия не было никакой вести. Он не отпускал их посла, отправленного к нему еще, ни слал к ним своего, — и они начали опустошения по обоим берегам реки до Углича поля и до устья Мологи, взяли и сожгли шесть городов. Остановившись, они отправили новгородцев и русь воевать дальше, и те с огнем и мечом дошли почти вплоть до Ярославля. Они захватили много добычи и привели семь тысяч человек. На вербной неделе наступило тепло, и братья решили вернуться, видя, что реки вскрываются.

Юрий не оставался в долгу. Лето ходили новгородские данники в

малом числе; услышав это, Юрий выслал на них Берладника. Они сразились между собою, и с обеих сторон было много убито.

Но главный удар был устремлен на юг, где великий князь Изяслав дорого поплатился за свое посещение Поволожья с новгородцами и другими воинами. Летом, соединившись со своими союзниками, Юрий подступил к Киеву, заставил Изяслава отказаться от него и бежать во Владимир.

А потом не оставил его в покое и там, и только в уважение ходатайства старшего брата Вячеслава примирился с ним. Изяслав, при заключении условий, всеми силами старался выговорить у Юрия захваченные им новгородские дани, на что Юрий, наконец, и согласился.

Епископ Нифонт возвратился (1151), отпущенный Юрием, к радости новгородцев: он ходил в Киев, позванный митрополитом Климом, избрание которого отрицал, и посажен был в Печерский монастырь, где и сидел, пока пришел Юрий.

По возвращении епископ обил свинцом святую Софию и кругом обмазал известью.

В 1184 году, 28 марта, новгородцы изгнали Ярослава Изяславича и призвали Ростислава Мстиславича из Смоленска, который, однако же, вскоре после смерти брата великого князя Изяслава, ушел в Киев, оставив им сына Давыда. Рассердившиеся новгородцы, что тот не дал им мир, а еще пуще все расстроил, выгнали сына и послали епископа Нифонта с лучшими мужами к Юрию, просить у него опять сына Мстислава, который пришел 30 января 1155 года.

В следующем году (1156) архиепископ Нифонт преставился в Киеве, выйдя навстречу митрополиту. Злые языки говорили: «облупив Св. Софию, пошел к Царюграду». «Это несправедливо, замечает летописец: кто из нас не знает, как украсил Нифонт Св. Софию, исписал притворы, сотворил кивот, устроил снаружи, а в Плескове создал каменную церковь Св. Спаса, в Ладоге Св. Климента. Бог за грехи наши не дал нам видеть у себя его гроб».

Ростислав смоленский не мог простить новгородцам своего бесчестия. Он имел, видно, много сторонников в городе. Люди поднялись (1157) на Мстислава Юрьевича и хотели выгнать его из Новгорода, но торговый люд вступился за князя и стал за него «в оружии». Братья уже были готовы сойтись, но, к счастью, мост был разобран. Сторожа стерегли по обоим краям. Пришли сыновья Ростислава, Святослав и Давыд, а за ними на третий день и сам

Ростислав. Мстислав бежал, и все утихло. Ростислав, посадив сына Святослава на стол в Новгороде (1158), а Давыда на Новом торгу, оставил Новгород с княгиней.

Между тем, дела на юге приняли совершенно другой оборот. Юрий, враг новгородцев, умер на киевском столе в 1158 году, 13 мая. Место его через некоторое время занял Ростислав смоленский, а в Суздале и Владимире мужественный сын Андрей, который вскоре стал для новгородцев гораздо тяжелее Юрия.

Андрей из отношений и действий своего отца Юрия понял, какое влияние он может получить на Новгород, имея в своих руках не только значительной частью его торговлю, но даже и пропитание, и, управившись с домашними делами, решительно объявил новгородцам: «Ведомо вам буди — хочу искать Новагорода добром и лихом; целуйте же крест мне, чтобы иметь меня князем себе, а мне добра вам хотети».

«И оттоле, говорит летописец, начашася новогородци мясти и вечи часто начаша творити». Почуяло их сердце, что приближается к ним от близкого Владимира туча, какой не видывали они еще от далекой Киевской Руси, и что придется им когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей, сказав это слово, сделал первый шаг к Новгороду, проложив дорогу, по которой пошли неукоснительно его преемники, князья владимирские, а еще успешнее московские, и с которой Ивану Третьему осталось совершить только один шаг, уже последний, до Св. Софии.

Новгородцы не поладили со своим князем (1160), и через некоторое время на вече решили сказать ему: «Не можем держать двух князей, выведи брата Давыда с Нового торга». Святослав не хотел их сердить, и, выведя Давыда, отослал его к Роману в Смоленск. Новгородцы не удовольствовались. Через малое время они опять созвали вече на самого Святослава. Князь пребывал в Городище у Святого Благовещения, как прибыл к нему вестник сказать: «Князь, в городе деется великое зло, хотят тебя взять». Святослав отвечал: «Чем же я прогневил их? Вчера еще целовали они крест мне и отцу моему, иметь меня князем себе до живота моего». Нахлынуло множество народа. Они заперли князя в истопке, княгиню отослали в монастырь, дружину перевязали, а двор разграбили. Потом отправили князя в Ладогу.

Когда известие о том дошло до Киева, великий князь Ростислав в гневе велел перехватать всех новгородцев, бывших по торговле в

Киеве, и посадить их в Пересеченский погреб. Там ночью задохнулось четырнадцать человек. Ростислав, огорченный, велел на другой день выпустить их и развести по городам.

Чтобы привлечь на свою сторону Андрея, новгородцы прислали к нему просить его сына на княжение. Андрей предлагал им брата, от которого они отказывались, ибо он княжил у них прежде и почему-то не угодил им. Тогда Андрей прислал им племянника Мстислава Ростиславича, разумеется, на выгодных для себя условиях.

Вскоре, однако же, Андрей договорился о Новгороде с великим князем киевским Ростиславом, утвердившимся окончательно в Киеве, и вывел племянника, вместо которого посажен был опять Святослав Ростиславич.

Андрей за уступку выговорил себе Двинскую область.

Святослав княжил у них долго (1161–1167), не в пример других князей, вероятно, потому, что они боялись выступить против воли великого князя владимирского Андрея и великого князя киевского Ростислава, которые действовали сообща, и с которыми бороться было невозможно.

К тому же случился у них голод, нередкое их несчастье: «Все лето стояло вёдром, и пригорело жито, а на осень всю ярь убил мороз, зимою же стоял теплынь и часто шел дождь; кадка малая стоила семь кун. О, велика скорбь бяше в людях и нужда».

Наконец, новгородцы повздорили со Святославом (1166). Отец его, великий князь Ростислав, собрался к ним, чтобы уладить дело, но не мог добраться до Новгорода по причине болезни и велел сыну выехать с новгородцами на Луки. Новгородцы привезли многие дары и клялись ему не искать себе другого князя, кроме его сына, и разлучиться с ним только смертью.

Но прошло немного времени, и прежние неудовольствия возобновились еще с большей силой. Новгородцы вышли из терпения, и Святослав также. Он уехал от них на Луки и прислал сказать им: «Не хочу княжить у вас». Они собрались на вече и поклялись между собой не хотеть Святослава. Пошли прогнать его с Лук и послали к киевскому великому князю Мстиславу Изяславичу, занявшему стол после смерти Святославова отца Ростислава, просить у него сына Романа. Слава о доблестях Мстислава внушила им надежду найти в киевском великом князе заступника себе против притязаний Андрея, тем более, что сам он также был не расположен к великому князю владимирскому.

Святослав, услышав, что идут на него, отошел из Лук к Торопцу и потом на Волгу. Андрей подал ему помощь, и он сжег Новый Торг. Новоторжцы отступили к Новгороду. Братья его, Роман и Мстислав, сожгли Луки.

Андрей соединился со смольнянами и полочанами. Они заняли все пути и перехватили послов новгородских, силой требуя Новгород принять Святослава. «Нет вам иного князя, говорили они, кроме Святослава».

Новгородцы крепились, убили посадника Захарию, Неревина, Незду бирюча, обвиняя их в сговоре со Святославом. Он подошел было к Русе с суздальцами и прочими союзниками. Новгородцы поспешили навстречу с Якуном, и враги отступили. Якун и выбран был посадником.

Между тем, Даньславу Лазутиничу удалось с дружиной пробраться окольной дорогой в Киев и привести оттуда князя Романа Мстиславича, «14 апреля, во вторую неделю по великом дне, индикта 1 (1168), и рады были новгородцы своему хотению: они сидели без князя о Якуне от Семена дня до великого дня, ждуче от Мстислава сына».

Следовало ожидать войны с Андреем, который не мог стерпеть подобного оскорбления. Новгородцы вместе с псковичами сходили прежде на его союзников: пожгли Полоцкую волость, не доходя только тридцати верст до стольного города. На весну Роман сжег Торопец, смоленский город, и привел много пленников.

Даньслав Лазутинич, привезший новгородцам князя, отправился данником за волок в Двинскую область, захваченную Андреем. Суздальцы пытались было преградить ему дорогу, но были им разбиты, и он собрал всю дань, так что заплатившие суздальцам должны были потерпеть вдвое.

Андрей решил прежде всего наказать великого князя Мстислава киевского. Многочисленная рать его, собранная всеми князьями русскими, покорными ему, явилась под Киевом. Мстислав, после короткого сопротивления, должен был искать спасения в бегстве, и победитель, старший сын Андрея Мстислав, посадил на киевский стол своего дядю, Глеба переяславского.

Покорив себе Киев, Андрей обратился к Новгороду. Собрались полки суздальские, ростовские и владимирские; князья рязанский и муромский прислали сыновей со своими ратями, смоленский с братом. «Толико бысть множество вой, что и числа их нетуть»,

говорит летописец. Андрей опять поручил их своему сыну Мстиславу, покорителю Киева, и главным воеводой назначил прежнего, Бориса Жидиславича.

Летописцы разделяют негодование Андрея. Им всем было как будто оскорбительно, зачем новгородцы живут не как прочие и могут распоряжаться своими князьми по своему разумению. «Нельзя, говорят, оправдывать новгородцев тем, что они освобождены прадедами князей наших. Пусть это так, но разве передние князья велели им переступать крест и соромлять своих внуков или правнуков, целовать им крест и после изменять присяге? Злое наверстие в них вкоренилось. До которых пор Богу терпеть над ними! Вот и навел он наказание на них рукою благоверного князя Андрея».

Лишь только вступила рать в пределы новгородские, как и начала предавать все огню и мечу, воины жгли села, убивали людей, пленили жен и детей, похищали имение. На пространстве трехсот верст все было разорено и опустошено.

Новгородцы решили защищаться. Их молодой князь, тот славный Роман, что покорит впоследствии всю Волынь и весь Галич, приведет в ужас литву, запрягши ее в плуг, и распространит свои владения за Дунай и Карпаты, тогда еще юноша, у которого, разумеется, билось сердце на подвиг и рука рвалась на удар, ободрял их к сопротивлению. Ему уже хотелось попытать своей силы, потешиться в битве, помериться с могучим противником.

Вместе с посадником Якуном, таким же молодцом, принялись они укреплять город и ворота, устраивать острог, расставлять сторожей, снаряжать ратных людей в ожидании неприятеля.

И вот они явились. Начались приступы. Суздальцы, уверенные в победе, уже поделили в уме между собой новгородские улицы. Три дня продолжались приступы. Роман успешно отражал все нападения; однако, силы его начали ослабевать, число воинов уменьшалось, враги напирали сильнее и сильнее, казалось, что городу долго не удержаться…

Но у новгородцев был еще иной защитник, иной воитель. Это архиепископ Иоанн, муж праведный, который славился в народе многими великими подвигами веры. Между тем, как его соотечественники бились, проливали кровь и принимали смерть за Святую Софию, Иоанн молился, молился денно и нощно. Вдруг, на молитве, в тишине, ночью, послышался ему голос: «Иди в церковь на Ильине улице, возьми образ Божией Матери, поставь его на забрале

города, и вы узрите спасенье».

Поутру он поведал людям о полученном свыше откровении. Все исполнились радости и надежды, одушевились верой, пошли собором на Ильину улицу. Митрополит совершил молебное пение перед святой иконой. Потом повергся перед ней на колени, и, плачущий, рыдающий, произнес молитву: «О Пречистая Мати, упование наше! Грешные, мы молимся Тебе со слезами — не предай нас!» С этими словами он взял ее на руки; казалось, она сама о себе подвигнулась. Народ в умилении, в восторге, не мог выговорить ни слова и только восклицал: «Господи помилуй!» Архиепископ передал икону двум дьяконам, и торжественным ходом, со всем духовенством, под сенью хоругвей, в сопровождении народа, отнесли ее к укреплениям и поставили на стене. Там кипела отчаянная битва. Стрелы, как дождь, сыпались за стены. Вдруг одна ударилась в икону, и икона, рассказывают, повернулась к городу. Слезы потекли из очей Божией Матери, кои архиепископ принял на свой фелонь. Новгородцы получили «якобы некую силу дерзости». В то же время туман покрыл суздальцев: они, не видя, начали убивать друг друга. Новгородцы бросились из укрепления и довершили поражение. Вся осаждающая рать обратилась в бегству (1170).

Множество суздальцев попало в плен, так что продавались они в Новгороде по две ногаты. Остальные, возвращаясь по разоренным местам, терпели ужасный недостаток в продовольствии: иные умирали с голода, другие в великий пост ели конское мясо.

Новгородцы приписали свое спасение от такой многочисленной рати заступничеству Пресвятой Богородицы, и, в изъявление своей благодарности, положили праздновать ежегодно, 27 ноября, ее честному знамению, что после исполнялось ими уже вместе со всей православной церковью — однако же долго кроме Суздаля!

Андрей не достиг своей цели, рать его была разбита, он, казалось, должен был уступить, — но нет, побежденный, он все-таки остался победителем, и уступили новгородцы, а не он. Сила его уже не зависела от случайностей. Новгородцы вскоре должны были указать путь от себя своему храброму защитнику, князю Роману, и прислали к Андрею просить о мире и князе. Ужасная дороговизна возникла у них вследствие разорения, недостатка в подвозе из соседних, Андрею подчиненных, областей, или неурожая: кадь ржи продавалась почти по 4 гривны, хлеб по две ногаты, а пуд меда по 10 кун.

Андрей, довольный их покорностью, дал им Рюрика, брата

умершего, между тем, Святослава Ростиславича, из-за которого он начал войну.

Рюрик прожил у них недолго, недовольный, кажется, своим положением; неудовольствие его обнаружилось отнятием посадничества у Ярослава, преданного Андрею, который и бежал к нему в Суздаль. Андрей не поладил и с прочими Ростиславичами. Рюрик уже не мог оставаться в Новгороде, и поспешил оттуда вон, а новгородцы послали к Андрею просить себе князя (1171).

Андрей прислал сначала посадничать того же Жирослава, прибежавшего от Рюрика под его покровительство, а потом дал своего младшего сына Георгия (1172). Новгородцы слушались его во всем, и сам архиепископ Иоанн, который столько прославился во время последней осады города, приходил к нему во Владимир.

Новгородцы ходили по зову Андрея со своим молодым князем, Георгием Андреевичем, на помощь его полкам под Киев против Ростиславичей.

Таким образом, они почти совершенно подчинились великому князю суздальскому, как вдруг он был убит в Боголюбове своими приближенными, составившими против него тайный заговор (1174). Новгородцы обрадовались, разумеется, избавившись от сильного противника, надеясь освободиться из-под ненавистной власти.

Во Владимире произошли смятения. Дружины выбрали себе в князья племянников Андрея, сыновей его старшего брата Ростислава, шуринов рязанского князя Глеба. Они не смогли утвердиться и вынуждены были уступить дядям, Михаилу и Всеволоду, младшим детям Юрия Долгорукого.

Ростиславичей приняли к себе новгородцы, незадолго перед тем выгнавшие Андреева сына Георгия. Они рассчитывали, что враги великого князя суздальского лучшие для них друзья и помощники.

Мстислав Ростиславич женился в Новгороде, взяв за себя дочь посадника Якуна Мирославича. Его вызвали, однако же, вскоре ростовцы, после смерти Михалка, и оставил в Новгороде своего сына.

Эта война также была несчастлива для Мстислава, и он должен был вернуться в Новгород, но новгородцы указали ему путь вместе с сыном Святославом (1176): «Ты ударил пятою Новгород, и пошел на стрыя своего Михалка, поваблен ростовцами; Михалка Бог поял, а с братом его Всеволодом рассудил тебя: чего же тебе у нас надо?» Мстислав ушел в Рязань.

Новгородцы взяли у Всеволода племянника, Ярослава

Мстиславича. Глеб рязанский, его шурины начали со счастливым владимирским князем новую войну, но все были побеждены и взяты в плен.

В следующем, однако же, году (1177) они были отпущены в Русь, и с дороги повернули в Новгород. Новгородцы опять посадили у себя на столе Мстислава, брата его Ярополка в Новом торгу, а Ярославу Мстиславичу дали Ламский Волок.

Война с великим князем суздальским, который все более и более оказывался достойным преемником своего брата Андрея, была неизбежна. Вскоре он пришел под Торжок. Жители обещали дань и медлили. Дружина побудила князя взять город приступом. Город был сожжен, люди пленены, имущество взято на щит за новгородское непокорство. Ярополк бежал.

Отправив пленников к Владимиру, Всеволод обратился к Волоку Ламскому. Выручив прежде князя, племянника, он пустил людей на вороп, и город был сожжен.

Мстислав вскоре умер в Новгороде, 20 апреля, индикта 10, 1178 г.

После его смерти новгородцы перевели к себе Ярополка, бежавшего из Торжка.

Всеволод рассудил за благо принять прежние меры в отношении новгородцев и велел перехватить новгородских купцов, торговавших в его волости.

Новгородцы тогда изгнали Ярополка, привели к себе Романа смоленского, который прожил у них несколько месяцев, и они послали в Русь за Мстиславом, братом его. Мстислав отказывался, говоря: «Не могу идти из своей отчины и разойтися с своею братьею». Но братья и мужи уговорили его исполнить желание новгородцев: «Иди, брат, если тебя зовут с честью. Разве Новгород не наша отчина?» Мстислав послушался, думая вернуться при первом случае в Русскую землю. Он пришел в Новгород с боярами новгородскими и был принят с великой честью 1 ноября.

Через некоторое время Мстислав созвал новгородских мужей и предложил им идти на чудь и отмстить поганым за их обиды. Новгородцы были очень рады и собрались вслед за своим князем (1179). Мстислав опустошил Чудскую землю и возвратился, приведя много челяди и скота. Возвращаясь от чуди, он зашел в Плесков, захватил сотских, не хотевших племянника его Бориса, и договорился с людьми.

Проведя зиму в Новгороде, пошел весной на своего зятя Всеслава в Полоцк, возвратить один погост, заведенный за Полоцк Всеславом первым сто лет назад, да сосуды церковные и ерусалим, им же захваченные. Когда пришел он на Луки, намереваясь отомстить за эту старую обиду, то его старший брат, Роман смоленский, прислал к нему мужа сказать: «Обиды тебе до Всеслава нет, а если хочешь идти на него, то пойди прежде на меня». Всеславу же послал Роман помощь с сыном Мстиславом. Мстислав не захотел поступить наперекор старшему брату и возвратился в Новгород.

Там он занемог и, приказав дитя свое, Владимира, Борису Захарьичу, поручая его с волостью братьям Рюрику и Давыду, 13 июня в пятницу (1180) скончался и положен в той гробнице, где лежит Владимир, сын Ярослава. Новгородцы искренне оплакали его, приговаривая: «Не пойдем мы больше с тобой, господине, в иные земли, порабощать поганых в область Новгородскую. Тебе хотелось, господине, всех поганых привести под нашу волю, ты отмстил им за наши обиды, как и дед твой Мстислав. Ему поревновал ты, господине, и наследил путь деда своего. Теперь не увидим тебя больше, господине, и солнце наше закатилось». Так, говорит летопись, плакало над ним все население новгородское — сильные и худые, нищие и убогие. Дружина предана была ему безгранично, он всегда уступал ей всю добычу, и речами своими подавал дерзость воинам своим. Не только новгородцы, но вся земля Русская не могла забыть его доблести. И черные клобуки его долго помнили. Не было никакой страны, которая не любила бы его и не желала бы иметь своим князем: «всегда бо тосняшеться на великия дела».

После смерти Мстислава, новгородцы посылали в Русь к новому врагу Всеволода, великому князю Святославу Всеволодовичу, который прислал им сына Владимира, пришедшего в Новгород 17 августа (1180).

Он водил новгородцев в помощь отцу своему против Всеволода, и они принимали значительное участие в походах и битвах на реке Влене, верстах в сорока от Переяславля. На обратном пути великий князь киевский навестил сына в Новгороде.

Ярополк опять получил Новый Торг и тотчас начал воевать Поволжье.

Между тем, как новгородцы пошли провожать Святослава к Дрютеску, Всеволод со всем полком своим, с муромцами и рязанцами, пришел к Торжку. Новоторжцы затворились и сидели

пять недель. Ярополк был ранен стрелой, а жители умирали с голода за недостатком корма. Город был сожжен, и жители, вместе с князем, скованные, отведены в плен.

Новгородцы, после всех неудачных опытов, вынуждены были смириться, указали путь Владимиру и просили себе князя у Всеволода. Тот дал свояка своего, Ярослава Владимировича (1182).

Новый князь прожил у них около трех лет и «негодоваху ему новгородцы, зане много творяху пакости волости Новгородстей». Всеволод вывел его (1184), и они испросили у Давыда смоленского сына Мстислава, который прожил у них года два, но, видно, было им тягостно оставаться не в ладах с великим князем суздальским, и они опять обратились к нему с просьбой (20 ноября 1181 г.) об Ярославе, который остался у них теперь уже очень долго, разумеется, в силу покровительства Всеволода.

Ярослав ходил с ними на финские племена несколько лет кряду, может быть, также по указу Всеволода.

1186. Молодцы ходили на емь с Вышатой Васильевичем и возвратились с добычей.

1187. Погибло данников новгородских в Печере и за Волоком, голов со сто.

1191. Новгородцы ходили с корелой на емь и опустошили землю их.

В том же году Ярослав был позван полоцкими князьями и полочанами встретиться на рубеже. Они положили между собою любовь, и решили зимою идти либо на чудь, либо на литву. Поход состоялся на чудь. Ярослав взял город Юрьев и вернулся с большой добычей.

1192. Ярослав ходил в Плесков и посылал оттуда двор свой (дружину) воевать. Взята была Медвежья Голова и сожжена.

1193. Новгородцы пошли на югру с воеводой Ядреем, взяли один город и подошли к другому. Жители затворились и выслали сказать им: «Мы припасем для вас дань, серебро, соболей и прочие узорочья — не губите же своих смердов и своей дани». Между тем, они собирали военную силу и готовились. Изготовившись, прислали звать воеводу за данью с 12 лучшими мужами. Воевода имел неосторожность пойти с попом Иванком Легеном и прочими. Они были убиты накануне Св. Варвары. Потом пошло за ними человек 30, и, наконец, 50; все погибли. Некто Савка перебежал к князю югорскому и сказал ему: «Если не убьешь Якова Прокшинича и

пустишь его в Новгород живого, то он приведет на тебя новую рать и землю твою пусту сотворит». Югорский князь велел убить его. Яков сказал Савице: «Бог тебе судья и Святая София, за то, что подумал на свою братью. Кровь наша взыщется на тебе». При этих словах он был убит. Прочие, стоявшие под городом около шести недель, «слушаюче лесть бе их, — их было 80 человек, — изнемогше от голода, были поражены на Николин день». Во всю зиму не было вести о них в Новгород, и никто не знал, живы ли они или мертвы, к великой печали князя, владыки и всего города.

На другой уже год (1191) пришел остаток рати из югры. Дорогой убиты были Сбышка Волосович, Завид Негочевич и Моислав попович, обвиненные в советах на свою братью; другие откупились кунами. «А то Богови судити», замечает летописец.

Новгород и Ладога были опустошены пожарами.

В 1195 г. великий князь владимирский Всеволод позвал новгородцев на Чернигов и на все Ольгово племя, и они не отперлись — пошли с князем Ярославом и огнищане, и гридьба, и купцы. Но война не состоялась, и Всеволод от Торжка отпустил их с честью.

Новгородцы вознегодовали за что-то на своего князя и снарядили посольство к Всеволоду, Мирошку посадника, Бориса Жирославича, Никифора сотского — просить у него сына. Всеволод задержал посольство у себя во Владимире.

В следующем году новгородцы послали к Всеволоду новое посольство, просить, чтобы он отпустил к ним задержанного посадника Мирошку, Иванка, Фому и прочих мужей. Он, собравшись на Чернигов, велел новгородцам идти с Ярославом на Луки, а задержанных послов повел за собой. Войны не было, и Всеволод отпустил новгородцев с Лук домой, сказав им, чтобы они выбирали себе князя, где хотят, «а Новгород выложиша вси Князи в свободу, и деим любо, туже себе Князя поимають». Возвратившись во Владимир, он отпустил Фому, а Мирошка и Иванка не отпустил. Новгородцы разгневались, и послали за князем к черниговскому Ярославу Всеволодовичу, просить у него сына, а Ярославу «показали путь» осенью на Юрьев день и сидели всю зиму без князя, «и жаляху по нем в Новегороде добрии, а злии радовахуся».

Ярослав пошел на Новый Торг, и новоторжцы приняли его с поклоном. Он забрал дани по всему верху, по Мсте и за Волоком; Всеволод велел хватать всех новгородцев за Волоком и по всем волостям своим, и содержал их во Владимире, где они, впрочем,

ходили вольно.

Ярослав пришел из Чернигова «на вербницю, настанущю лету Мартом месяцем (1197)». Он просидел шесть месяцев одину (только), от вербницы до Семенова дни (Симеона Столпника). Новгородцы выгнали его и послали за Ярославом, который был в то время позван великим князем Всеволодом во Владимир. Во Владимир было снаряжено особое посольство, лучшие мужи и сотские, которые приняли Ярослава со всей правдой и честью. Ярослав пришел на зиму по крещении за (через) неделю (1198), и «седе на столе своем, и обуяся с людьми, и добро все бысть. И Мирошка приде посадник, седев два лета за Новгород, и вси приидоша неврежени ничим же, и ради быша Новегороде вси от мала и до велика».

Этот год проведен был деятельно. Ярослав посадил сына Изяслава княжить на Луках, — оплечье Новгороду от литвы. На осень приходили полочане с литвой и пожгли хоромы, но лучане удержались в городе.

В отмщение Ярослав ходил на зиму с новгородцами, плесковичами, новоторжцами, ладожанами и всей областью Новгородской на Полоцк. Полочане встретили их с поклоном на озере Каспле, и мир был заключен.

В этом и предыдущем году построено несколько церквей в Новгороде и прочих городах: Спаса Преображения на горе, а прозвище Нередице, Св. Илии на холму, Св. Преображения в Русе, Св. Никифора на Острове, монастырь Св. Евфимии в Плотниках.

У Ярослава умерли в этом году два его сына: Изяслав, посаженный на Луках, Ростислав в Новгороде.

А в следующем году (1199) великому князю Всеволоду вздумалось вывести Ярослава из Новгорода и прислать туда сына, чего желали недавно новгородцы, и в чем он им решительно отказывал. Он велел владыке Мартирию, посаднику Мирошке и лучшим мужам приехать к нему во Владимир за сыном. Разительное доказательство его власти! На озере Серегере архиепископ Мартирий скончался, тело его было отвезено в Новгород к Св. Софии, а посадник Мирошка и мужи прибыли к Всеволоду и сказали: «Ты господин князь великий, Всеволод Юрьевич, просим у тебя сына княжить Новгороду, зане отчина тебе и дядина Новгород». Всеволод принял послов с великой честью, утвердил честным крестом на всей воле своей и дал им в князья Святослава, еще младенца четырехлетнего. Согласившись с посадником, Всеволод дал

новгородцам также архиепископа Митрофана, который поехал в Киев на поставление в сопровождении новгородских и Всеволодовых мужей.

Внутри все успокоилось, а вне происходило смятение: литва опять набежала (1200), взяла Ловоть и прошла до Чернян. Новгородцы погналась за ними и побили 80 человек, остальные бежали, а из своих пало 13: Рагуил Прокопьинич с братом Олексою, Гюргя Сбыкшинич, Ратмир Нежатинич, Страшко серебреник весец, Внезд Ягинич, Лука, Мирошкин отрок, Микита Лазаревич, Жирошка Огасович, Осип подвойский, Роман Пъкт, и еще четверо. Добыча была отбита.

В том же году Нездило Пыхтинич послан был на Луки воеводой. Он ходил из Лук с малой дружиной на лотыголу набегом. Кто с Молбович не пошел с ними, с тех, избивши, взяли кун. Новгородцы застали людей врасплох. Убито было 40 человек, а жены и дети взяты в плен.

1201 года, в сентябре, возвратился архиепископ Митрофан, ходивший на поставление в Киев с новгородскими и Всеволожими мужами.

Варяги отпущены были без мира за море, а на осень пришли они горою (по сухому пути) на мир, и дан им был мир на всей воле новгородской.

В 1203 году великий князь Всеволод прислал в Новгород своего старшего сына: «В земле вашей рать ходит, а князь ваш, сын мой, Святослав, мал. Я даю вам старшего моего сына Константина, и рад бысть весь град своему хотению».

В 1208 году приходил Лазарь, Всеволодов муж, из Владимира, и Борис Мирошкинич, и велел Всеволод убить Олексу Сбыславича на Ярославовом дворе, и он был убит в субботу 17 марта, на Святого Алексия. «А заутра плака Святая Богородица у Св. Якова, в Неревском конце».

Все эти события ясно показывают, что Новгород лишился на время своей независимости, и великий князь Всеволод делал там что хотел, к великому негодованию, хотя и тайному, новгородцев.

В 1209 году они с князем Константином, позванные, пришли к Всеволоду, который сбирался идти на Чернигов. Все войско собралось на Оке. Обстоятельства изменились, и Всеволод вместо Чернигова повернул на Рязань и осадил Пронск. Взяв город, он заключил мир и отошел прочь. На обратном пути он отпустил

новгородцев с Коломны, «одарив без числа, и вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотяху новгородцы, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казните». Сына Константина и посадника Димитрия Мирошкинича он оставил у себя, с семью лучшими мужами. В Новгороде, по возвращении рати, произошло сильное смятение, как бы в исполнение прав, возвращенных Всеволодом. Было созвано вече на посадника Димитрия и братьев его: они обвинялись, «яко ти повелеша на Новогородьцих сребро имати, а по волости куны брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло». Люди бросились на дворы их, зажгли Мирошкин и Дмитров, «поимали житие их, а села и челядь распродали, изъискали все сокровища, а избыток разделили по зубу, по три гривны по всему городу и на щит, а кто тайком что взял, про то один Бог ведает». Многие разбогатели. «Что на досках было, то оставлено князю». Вскоре посадник Димитрий умер во Владимире, и тело его было привезено в Новгород. Раздраженные новгородцы хотели сбросить его с моста, но архиепископ Митрофан не допустил и похоронил его честно у Св. Юрия в монастыре возле отца. Святослав, сын Всеволода, прибыл в Новгород в неделю мясопустную. Новгородцы отдали ему доски Димитриевы, «а бяше на них без числа», и поцеловали крест честный: «яко не хочем у себе держати дети Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твердислава Станиловича и Овстрат Домажировича», — и князь отослал их к отцу в заточение, «а на инех серебро поимаша без числа». Посадничество дано Твердиславу Михалковичу.

Милостивые слова Всеволодовы, как и прежние, ясно стало, не имели никакого положительного смысла; он продолжал смотреть на Новгород, как на подвластный ему город.

Новгородцы, не привыкшие к такому образу действий, роптали, скорбели, и жалобы их разносились всюду. И вот услышал их удалой князь, Мстислав Мстиславич, сидя в своем Торопце. Что же? Он вздумал вступиться за Новгород (где княжил недавно его отец, любимец новгородцев), и со своей малой дружиной пришел в близкий Торжок.

Там, не говоря ни слова, не объявляя никому причины, захватывает он посадника и бояр Всеволодова сына, княжившего в Новгороде, Святослава, налагает на них оковы, берет имение, до чего рука дошла, и посылает сказать новгородцам: «Кланяюсь Святой Софии и гробу отца моего — и всем новгородцам. Я услышал о

насилье, что вы терпите от князей. Мне жаль стало моей отчины — и вот пришел я к вам на помощь». Новгородцы обрадовались без памяти такому заступнику, не думанному, не гаданному. Без размышления, без соображения о том, будут ли они в силах бороться с могущественным Всеволодом, они тотчас принимают предложение Мстислава и отправляют к нему почетное посольство: «Приходи, князь, мы ждем тебя». А сына Всеволода сажают на Владычнем дворе под стражу со всеми его мужами, пока управятся с отцом.

Мстислав пришел в Новгород и был торжественно посажен на столе. Новгородцы ликовали. Но деятельный Мстислав не думал о пирах и весельях, а собрав войско, поспешил навстречу Всеволоду, от которого надо было опасаться сильного нападения за кровную обиду…

Но старому князю, перед скорой смертью, жаль или страшно стало за свое милое детище: он искренне или притворно укротился. «Ты мне сын, прислал он сказать Мстиславу, а я тебе отец. Пусти ко мне Святослава и мужей его, отдай, что захватил, а я отпущу гостей новгородских с товарами». Мстислав согласился, и они примирились. Таким образом, торопецкий князь стал князем новгородским, и счастье объявило себя на его стороне.

Но он был осторожен и боялся поверить, чтобы великий князь суздальский уступил ему так дешево Новгород и забыл обиду. Тогда же осмотрел границы и распорядился везде для обороны: где велел срубить город, где определил надежного посадника, Луки поручил брату, Владимиру псковскому, а сам стал на опасном месте, в Торжке.

Наконец, убедившись, что со стороны Суздальского княжества ему опасаться нечего, Мстислав начал ходить с мечом по соседям, которые давно не видели русских воинов.

В 1212 году напал он на чудь, «рекомую торму» (в Дерптском уезде), и возвратился с богатой добычей, пригнав множество скота.

На зиму ходил он еще на другую чудь и подступил к Медвежьей Голове. Жители вышли из города и поклонились князю. Он взял с них дань и дал им мир.

Потом (1214) с псковским и торопецким князьями ходил Мстислав на третье племя чуди, ереву (в уезде Вейсенштеинском Эстляндской губ.), прошел всю Чудскую землю до моря и осадил город Воробиин (Верпель, в Викском уезде, Эстляндской губ.) Чудь еревская покорилась ему так же, как и торма. Он взял дань, отдал две

части новгородцам, а третью своим дворянам.

Не успел он вернуться в Новгород, как явились к нему послы от братьев: Всеволод Чермный, твердый в своем намерении, выгонял остальных Ростиславичей из Руси за то, что они будто содействовали гибели двух Олеговичей в Галиче. «Поди к нам, звали изгнанники своего брата, поищем нашей отчины. Всеволод Святославич не творит нам части в Русской земли». Мстислав созвал вече на Ярославле дворе и обратился к новгородцам с просьбой идти к Киеву на Всеволода. «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросим», отвечали они любимому князю, и Мстислав собрался с ними, не медля, в поход. Полки благополучно дошли до Смоленска. Здесь случилась ссора у смольнян с новгородцами, которые убили одного смольнянина и потом отказались идти за князем. Князь стал звать их на вече — разобрать дело вместе. Они не шли. Тогда Мстислав, «целовав всех», поклонился им, пожелал доброго здоровья и ушел в поход один со своей дружиной.

Новгородцам стало совестно; они сотворили вече о себе и начали гадать. Посадник Твердислав сказал: «Братцы, деды и отцы наши страдали за Русскую землю. Пойдем и мы». И новгородцы догнали Мстислава, помирились с ним, продолжили путь вместе, достигли неприятельских волостей, разорили по Днепру Черниговские города, взяли Речицу. Наконец, подступили они под Вышгород и начали биться. Мстислав одолел, и Всеволод бежал за Днепр. Вышгородцы отворили ворота. Мстислав тотчас вступил в Киев, посадил на стол своего двоюродного брата, Мстислава Романовича, и пошел к Чернигову, преследуя врага. Двенадцать дней продолжалась осада. Всеволод смирился перед противником, отказавшись от своих притязаний. Князья заключили мир, и новгородцы, осыпанные подарками с князем, вернулись домой.

Мстислав недолго остался с ними. Побывав на Руси, он увидел и услышал много нового, особенно по галицким делам, и решил попытать своего счастья. Вскоре по возвращении он созвал вече на Ярославовом дворе и распрощался с новгородцами, сказав им: «Есть мне орудья в Руси, и вы вольны в князьях».

Новгородцы избрали (1213) зятя Мстислава, сына Всеволода, великого князя суздальского, который, жестокий враг их, незадолго перед тем умер (1212), оставив свой стол второму сыну Георгию, помимо старшего Константина. Этот выбор был очень неудачен. Ярослав не походил на Мстислава. Гордый, раздражительный,

упрямый, мстительный, он не мог ужиться с новгородцами. Вскоре начались у них распри; Ярослав управлялся по-своему, и, наконец, уехал от них в Торжок, близкий к его Твери. Новгородцы послали к нему послов с объяснениями и приглашениями: он, не отвечая ни слова, задерживал послов, хватал везде купцов с их товарами, а в Новгороде случился на ту пору ужасный голод и дороговизна хлеба, так что бедные жители продавали детей своих гостям в рабство. Ярослав не пускал туда ни одного воза с хлебом, и новгородцы, не зная, что им делать, опять послали послов, и опять Ярослав задержал их, и в третий раз также, «и бысть в Новегороде печаль и вопль…»

Вдруг, откуда ни возьмись, появляется между ними дорогой их Мстислав. Трудно описать их удивление, а радости было еще больше. «Кланяюсь святой Софии, возговорил он зычным голосом, созвав вече, я услышал о ваших бедах. Либо ворочу вам ваших мужей и ваши волости, либо повалю головою за Новгород». Новгородцы были в восторге. Князь поцеловал им крест, они ему — на живот и смерть. Наместник Ярославов был тут же взят, а бояре его закованы.

Когда пришла весть к Ярославу, что случилось в Новгороде, и кто туда пожаловал, он понял, что дела примут другой оборот, и что надо думать уже и о себе: укрепил город, засек все пути от Новгорода, запер реку Тверцу, а в Новгород послал сто новгородских мужей из числа им захваченных, чтобы они старались всячески выжить оттуда Мстислава. Мужи взялись, но, приехав к себе домой, отреклись от Ярослава и стали со всеми своими заодно против общего врага, о котором теперь никто и слышать не хотел.

Мстислав был готов, впрочем, кончить с ним дело полюбовно и послал к Торжку попа Юрия со своим мужем сказать ему: «Сыну, кланяюсь тебе! Мужей моих и гостей пусти, а сам с Торжка иди и возьми со мной любовь».

Ярослав упорствовал и отпустил попа без мира, а новгородцев созвал всех на поле за город, в мясопустную субботу, мужей и гостей, числом больше двух тысяч, оковал и разослал по своим городам, конями их и товарами наделил своих и стал готовиться встретить Мстислава, надеясь на помощь своего брата Георгия, великого князя суздальского, сторону которого он держал против старшего Константина.

Тяжело приходилось новгородцам. Лучшие их люди были схвачены, меньшие разошлись от города по сторонам. Много умерло. Налицо было мало, — и те, растревоженные, упали духом. Один

Мстислав не унывал. Он созвал вече на Ярославовом дворе, поговорил и прогнал робость. «И в многe, братья, Бог, и в мале Бог, и в правде. Да не будет Новгород Торжком, ни Торжок Новым городом. Где святая София, там Новгород. Пойдем же искать мужей своих — вашей братьи и волости».

На новый год, 1 марта, во вторник на чистой неделе (1216), выступил Мстислав на зятя своего Ярослава, — но по другой дороге, по которой тот не ожидал его: озером Селигером (успех был так невероятен, и опасность была так велика, что через день из Новгорода бежало несколько мужей, переступив крест, к Ярославу, с женами и детьми). Мстислав, придя в свою волость, послал людей запастись кормом для себя и для коней, что и было исполнено. Он уже стоял в верховьях Волги, когда услышал, что деятельный Ярослав прислал и в эту сторону брата Святослава с многими воинами осаждать Ржевку, его городец в Торопецкой волости, где затворился и отбивался Ярун с сотней воинов. Мстислав поспешил к нему на помощь со своими пятьюстами (вот все его ополчение), но осаждавшие удалились еще прежде. Тогда Мстислав, вместе с братом Владимиром псковским, двинулся вперед и взял Зубцов на Вазузе. Там присоединился к нему еще союзник, двоюродный брат, князь Владимир Рюрикович, со смольнянами, и они пошли по Волге. Остановившись на Холохольне, князья повторили Ярославу предложение о мире. «Мира не хочу, отвечал им гордый, вы пошли, — ну, и идите, и изо ста человек не останется у нас по одному». «Так и быть, сказали промеж себя князья, ты, Ярослав, с плотью, а мы с честным крестом».

Новгородцы советовали князьям идти на Торжок. «Нет, не годится, отвечали они, если пойдем на Торжок, то мы попустошим Новгородскую волость, а мы лучше поворотим к Твери». Они повернули к Твери, и начали жечь села…

Ярослав, услышав о разорении своей волости, оставил Торжок, и, забрав старейших бояр и молодых новгородцев по выбору, а новоторжцев всех, переехал в Тверь, чтобы ее защитить. Посланные им вперед сто избранных мужей наткнулись в 13 верстах от города на соединенных князей, которые, расставив полки, создавали вид рати великой. Ярун бросился на них, большая часть сторожей полегла, другие взяты в плен, и немногие спаслись бегством назад в Тверь.

Но Мстислав не думал идти туда, а устремился в другую сторону. «Пойдем к Переяславлю», сказал он князьям. Этот путь был далек,

идти трудно, но там дожидался его, как говорил он, третий друг.

Кто же был этот друг, на которого мог надеяться Мстислав? Константин, сын Всеволода, старший брат Ярослава и Георгия, который с досадой сидел в Ростове и ждал случая отнять у младшего брата Владимир, принадлежавший ему по праву. Если Юрий был за Ярослава, то по одной этой причине Константин должен был взять сторону Мстислава. Так рассчитывал последний и не ошибся в расчете.

Князья обошли Тверь низом, прошли Шошу и Дубну и отправили к Константину боярина Яволода, которого пошел провожать на рубеж Владимир псковский с псковичами и смольнянами. Они шли по Волге, воюя, взяли и сожгли город Коснятин и все Поволожье. Там встретил их из Ростова воевода Еремей и сообщил: «Князь Константин кланяется вам; он рад, слыша о вашем приближении. Вот вам от него пятьсот мужей, а вы пошлите к нему от себя со всеми речами шурина его Всеволода». Они отправили к нему Всеволода и продолжали идти вниз по Волге, потом повернули к Переяславлю, побросав возы и сев на коней. 9 апреля, на Велик день, в городище на Сарре, присоединился к ним сам Константин Всеволодович. Они обрадовались, свидевшись, и поцеловали крест, спеша вместе к Переяславлю, — но Ярослава там уже не было. Он ушел к брату Георгию во Владимир. Князья повернули туда.

Новгородская война принимала другое значение. Междоусобие перенеслось в пределы Суздальского княжества, до того свободного от войн. Дело пошло не об одном высвобождении новгородских мужей и споре между Мстиславом и Ярославом, а о столе великого княжества: кому сидеть — старшему Константину, имевшему право, или младшему Юрию, которому отдал отец.

Ярослав и Юрий стояли на реке Кзе, а Мстислав и Владимир с новгородцами поставили своих близ Юрьева; Константин дальше, на реке Липице. Решительный час наступал.

Как ни смел и запальчив был Мстислав, однако, увидев полки Юрия и Ярослава, счел, что силы у них далеко не равны, и еще раз попробовал заключить мир. Он послал Лариона сотского к своим противникам, сказать князю Юрию: «Кланяемся. Обиды нам с тобою нет, обида нам с Ярославом». Князь Юрий отвечал: «Брат Ярослав и я едино есмя». Князю Ярославу посол сказал от Мстислава: «Пусти мужей новгородских; что зашел волости Новгородской, Волок, вороти и мир с нами возьми; крест нам поцелуй». Ярослав отвечал:

«Мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли и попали как рыба на сухо».

Ларион принес ответ того и другого брата своим князьям. Тогда они послали к обоим братьям вместе последнюю речь: «Братья княже Юрий и Ярослав! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Бог крови творити. Управимся так. Мы все один род, отдадим старейшинство князю Константину». Ответ последовал отрицательный, и надо было готовиться к битвам.

Мстислав и Владимир так воодушевляли своих воинов: «Братья, мы вошли в землю сильную: станем крепко. Назад оглядываться нечего; побегше не уйти! Позабудем же домы, жен и детей. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Биться будем, кто хочет пеший, кто хочет на коне». Новгородцы закричали: «Не хотим измерети на конях, но как отцы наши на Колокше будем биться пеши», — соскочили с коней, сбросили с себя платье, разулись, — и кинулись вперед пешие. Мстислав был тому очень рад. Смольняне бросились также пешие. За ними послал князь Владимир своего мужа, Ивора Михайловича с полком, а сами князья и воеводы следовали сзади на конях.

Исход сражения и последующие события принадлежат более к истории Владимирского княжества, чем Новгородского.

Мстислав с новгородцами и Константином ростовским одержали решительную победу, 21 апреля, в четверг, на второй неделе по пасхе.

В битве суздальцев и переяславцев пало без числа, а из новгородцев только: Дмитр Плесковитин, Антон котельник, Иванко Прибышинич опонник, да при преследовании Иванко попович, Семьюн Петрилович, Терский данник.

«Сильные полки победили они, говорит летописец, взяли свою честь и славу».

Война закончилась: Константин посажен был на столе во Владимире, а Георгий получил себе во владение городок Радилов. Князья и новгородцы были щедро одарены.

Определив все условия, союзные князья разошлись: Мстислав к себе домой в Новгород, Константин во Владимир, Владимир один в Псков, другой в Смоленск.

Мстислав забрал всех новгородцев, что были с Ярославом в полку, — и пришли в Новгород все целые.

Можно себе представить, какая радость была в Новгороде, когда

все мужи приехали из долгого плена, волости возвращены, и тяжкая власть суздальская над ними была уничтожена. Они вспомнили старое время, и дорог им стал Мстислав еще более. Но радовались они недолго, недолго отдыхал у них мужественный витязь.

Посадником вместо Гюргия Иванковича был поставлен Твердислав Михайлович.

На следующий год (1217), оставив в Новгороде княгиню и своего сына Василия, Мстислав уехал в Киев и взял с собой Гюргия Иванковича, Сбыслава Степаныча, Алексу Путиловича.

Литва воевала по Шелони. Новгородцы отправились на них с князем Владимиром, который был у них проездом, и посадником Твердиславом, но не настигли. Потом они осадили Медвежью Голову. Чудь явилась к ним с поклоном, а между тем послала за немецкой помощью. Новгородцы, отойдя далеко от лагеря, начали обсуждать с плесковичами речи чюди, а те, между тем, напали на лагерь. Новгородцы поспешили с веча, схватились за оружие и выбили их из стана. Немцы побежали к городу. Новгородцы убили двух воевод, а третьего взяли в плен. Коней отняли семьсот.

Во время этого похода Мстислав вернулся в Новгород и захватил Станимира Дерновича с сыном Нездилою, заключил в оковы, взял имение, но потом отпустил.

Был в Новгороде большой пожар 31 мая, от Ивана Ярышевича, и сгорел весь посад, не осталось ни одного дома; огонь проник и в каменные церкви, где хотели укрыться некоторые с добром. Церквей сгорело 15, у каменных обгорели верхи и притворы. В варяжском соборе погибло варяжского товара без числа.

В 1218 году Мстислав ходил в Торжок и взял Бориса Некуришинича, отнял много добра и потом отпустил его. Вскоре, созвав вече на Ярославовом дворе, он сказал: «Кланяюсь Св. Софии, и гробу отца моего, и вам всем. Хочу искать Галича, но вас не забуду никогда. Приведи меня Бог лечь у Св. Софии подле отца. Прощайте». Новгородцы много и долго уговаривали Мстислава, который сделал им столько добра и так пришелся им по нраву, которого они так любили, к которому так привыкли. «Не ходи, князь, молили они его печальные, останься с нами, куда тебе», и никак не могли убедить. Он распростился с ними, и уехал искать новых опасностей и новых подвигов в стороне, совершенно противоположной Суздалю и Новгороду — в Галиче.

Новгородцы послали в Смоленск за Святославом Мстиславичем,

который пришел к ним 1 августа.

Спокойствие было непродолжительно. На зиму бежал Матвей Душильчевич, связав Моисеица, «бирюча ябеднича». Он был настигнут и приведен в Городище. В городе распространилась ложная молва, что Матвея выдал князю посадник Твердислав. Ониполовцы зазвонили у Св. Николы и звонили всю ночь, Неревский конец, у Сорока Святых, «тако же копяче люди на Твердислава. Князь, учюв голку (услыша шум) и мятеж, отпустил Матвея». Ониполовцы поднялись все в доспехах, даже дети, как будто на войну, неревляне также, а загородцы не вставали ни за тех, ни за других, ожидая конца. Твердислав, воззря на Святую Софию, сказал: «Если я виноват, да буду ту мертв, а если я прав, так оправь меня Господи», — и пошел с Людиным концом и с Пруссами, и началась сеча у городских ворот, одни побежали на онпол, а другие в конец. Мост разобрали, и ониполовцы переправились в ладьях. Из Пруссов убит один муж, из кончан другой, из ониполовцев Иван Душилькевич, брат Матвеев, из Неревского конца Коснятин Прокошинич и еще шесть мужей, ранено же множество народа. Это случилось 27 января 1219 года. Веча не прекращались целую неделю. Князь Святослав прислал, наконец, своего тысяцкого на вече сказать: «Не могу быть с Твердиславом и отнимаю от него посадничество». Новгородцы спросили: «В чем же его вина?» Святослав отвечал: «Без вины». Твердислав сказал: «Я рад, что вины за мною нет, а вы, братья, вольны и в посадничестве, и в князьях». Тогда новгородцы дали такой ответ: «Княже, оже нету вины его, ты нам крест целовал без вины мужа нелишити, а тобе ся кланяем, а се наш посадник, а в то ся не вдадим», — и князь уступил, и «бысть мир».

Святослав ходил с Владимиром псковским на леттов и ливов. Они проникли до нижней Аа, но были отражены и должны были вернуться вследствие нападения литвы на Псков.

В следующем году Мстислав Романович прислал в Новгород своего младшего сына Всеволода, говоря: «Примите Всеволода, а Святослава старейшего пустите ко мне». Новгородцы исполнили его волю.

Зимою Семьюн Емин, с четырьями сотнями, ходил на Тоймакары. Но великий князь владимирский Юрий, занявший после смерти старшего брата Константина и брат его Ярослав переяславский не пустили их через свою землю. Они возвратились в ладьях, и стали, «на зло», шатрами по полю, взводя на Твердислава и

Якуна тысяцкого, будто они засылали к Юрию поверенных с советом не пропускать новгородцев. Город взволновался, и посадничество было отнято у Твердислава и дано Семену Борисовичу, а тысяцкое у Якуна и отдано Семьюну Емину.

Всеволод ходил с новгородцами к Пертуеву (Пернау). Немцы, литва и ливь встретили сторожей и бились, победа осталась на нашей стороне, но без всякой пользы.

Вернувшись от Пертуева, они отдали посадничество Твердиславу и тысяцкое Якуну.

Антоний, архиепископ новгородский, отлучился в Новый Торг; новгородцы в отсутствие его ввели сверженного Митрофана опять на стол, а Антонию послали сказать: «Иди куда хочешь». Антоний ушел в монастырь Св. Спаса в Нередицах. Тогда новгородцы одумались и сказали Митрофану и Антону: «Идите к митрополиту, и кого он назначит, тот и будет нашим владыкой». С ними были отпущены два попа: Вассиан и Борис.

В 1220 году возвратился архиепископ Митрофан; Антонию же, удержанному митрополитом у себя, дана епископия перемышльская.

Всеволод ходил «своим орудием» (по своему делу) в Смоленск, и, вернувшись, рассерженный без вины на Твердислава, хотел убить его. Князь пришел с Городища на Ярославов двор, со всем двором своим, в полном вооружении, в бронях, как бы на войну. Новгородцы также собрались с оружием и стали полком на княжем дворе. Твердислав был болен, и его привезли на носилках к Борису и Глебу. Пруссы, загородцы, Людин конец, собрались около него и разделились на пять полков. Князь, «уразумев их ряд (намерение), что они хотят крепко животы свои отдати», не выехал к ним, а выслал архиепископа Митрофана «со всеми добрыми повестьми», и владыка свел всех в любовь: князь и Твердислав поцеловали крест, «и братья вся вкупе быша». Твердислав, помирившись с князем, отказался за болезнью от посадничества, которое отдано было Иванку Дмитровичу. Твердислав же был болен еще семь недель, и тайно от жены, детей и всех родственников, ушел в Аркаж монастырь, где и постригся. Жена постриглась после в монастыре Св. Варвары.

В следующем году (1221) новгородцы изгнали князя Всеволода: «Не хотим тебя, иди куда хочешь», — и он ушел к отцу в Русь.

Крещенные эсты с немцами нападали на Новгородские волости.

В 1222 году посылали новгородцы владыку Митрофана, посадника Иванка и старейших мужей к великому князю

владимирскому, просить у него сына, и Георгий дал им Всеволода «на всей воле новгородской», щедро одарив архиепископа и всех мужей. Вскоре он прислал им еще брата Святослава в помощь для похода их к Кеси (Венден). Они много воевали, но города не взяли, потому что ему пришла помощь из литвы. Казалось, все было согласно, но Всеволод той же зимой, тайно, ночью, бежал из Новгорода со всем двором своим. Новгородцы опечалились и послали сказать великому князю Георгию: «Если не хочешь держать Новгорода сыном, то дай нам брата, и он дал им брата Ярослава».

Ярослав, некогда ненавистный, пришел к ним (1223), и они с радостью пошли с ним немедля на литву. Около Торопца погнались за ними до Усвята, но не догнали. Потом Ярослав ходил к Колываню и повоевал всю волость Чудскую. Добыто много золота, всякого добра, но город взят не был.

Ярослав по возвращении оставил Новгород с княгиней и детьми и отправился в свой Переяславль, как ни упрашивали его новгородцы, кланяясь: «Не ходи, князь». Они послали к Георгию за сыном, и тот дал им опять Всеволода.

Архиепископ Митрофан скончался 3 июля, на святого Иакинфа, «свитающу понедельнику», и на его место введен был Арсений, «муж добрый и зело боящийся Бога», чернец из Хутына монастыря.

В следующем году (1224) новгородцы испытали много горя: немцы, которые усиливались с каждым годом в соседстве и искали сначала их дружбы, например, епископ Альберт, присылавший посольство в 1220 году, начали действия наступательные, взяли город Юрьев, после долгой и жаркой осады, и убили князя Вячка, одного из полоцких князей, посаженного там новгородцами, которые не успели подать ему помощи, литва победила рушан, которые вышли было к ней навстречу с посадником Федором. Они были ссажены с коней и многие убиты: Домажир Торлинич и сын его Богша и прочие. Остальные разбежались по лесам.

Внутренние смятения умножались с каждым годом.

ПСКОВ

В пределах Псковского княжества, заселенного славянским племенем кривичей и составлявшего часть волости Новгородской, древнейшим городом был Изборск, в 1,5 верстах от Псковского озера, и почти в 40 от Пскова, к западу, на высокой горе, близ реки Исы и

Славянских ключей.

В Изборске сидел третий брат Рюрика, Трувор. До сих пор показывают здесь на кладбище его надгробный камень, огромной величины, с иссеченными в нем прямыми чертами в разных соединениях.

Псков был, вероятно, основан кем-нибудь из мужей Рюрика, которым он велел «городы рубити».

О Пскове первое известие встречается в летописи Нестора под 903 годом, где сказано о великой княгине Ольге: «Игореви же возрастшу, и хожаше по Олзе, и слушаше его, и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу». «От рода Варяжска», прибавляет ее житие и другие новейшие сказания. Без сомнения, она принадлежала к семейству какого-нибудь норманна, поселившегося в здешних краях при Рюрике, из числа варягов, которые рассыпались тогда по всем городам.

Приняв на себя управление после смерти своего мужа, великая княгиня Ольга приходила в Новгород (946) «и устави по Мсте погосты, говорит Нестор, и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земле, знамянья, и места, и погосты, и сани ея стоять в Плескове и до сего дне…»

И до сих пор сохраняется здесь память об Ольге во многих собственных именах: близ Пороменской церкви, на самом берегу реки Великой, стоит часовня, известная под именем Св. Ольги, при источнике, из которого, летом и зимой, струится чистая вода, имеющая целебное свойство для черпающих с верою. На этом месте, говорит предание, Св. Ольга, посетив здешние страны около 957 г., увидела над возвышением противоположного берега, где ныне стоит Троицкий собор, три светозарных луча, и, по этому чудному явлению, предрекла, как о просвещении Псковской области верой в Живоначальную Троицу, так и о величии и славе города. Она водрузила здесь крест, перенесенный впоследствии в собор, где ныне находится его подобие из дубового дерева, а настоящий крест сгорел в пожар 1509 года.

Предание говорит еще, что великая княгиня Ольга построила церковь Св. Власия, на месте которой стоит ныне Власьевская часовня, у Довмонтовой стены, при съезде на плавучий мост через реку Великую.

Один рукав реки Великой, около острова, в полутора верстах ниже села Выбутского, родины, по преданию, Ольги, называется до

сих пор Ольгиными слудами (слуда — подводный камень); другой же рукав, глубже, Ольгиными воротами.

В окрестностях Снетогорского монастыря, ближе к устью реки Великой, находится деревня Перино, или Ольгин городок, и Житник, или Ольгин дворец.

Как Псков основан был на границе Новгородских волостей, для обороны от западных соседей, финнов и латышей, так Ярослав, отодвигая далее эти границы, построил на реке Амовже Юрьев (нынешний Дерпт), для сбора дани с окрестных чудских племен.

При Ярославе заточен был во Пскове в 1036 году брат его Судислав, который сидел здесь 24 года и освобожден в 1059 году, переведенный в Киев, где он и постригся.

Псков, принадлежа Новгороду, управляемый посадниками, принимал участие в его действиях, особенно во всех походах против чудских племен, и подвергался также их нападениям, а с другой стороны нападениям литвы, когда она усилилась.

Псковичи участвовали в походах новгородцев с Мстиславом и сыном его Всеволодом (1116, 1123, 1130); с последним князем ходили они и на Суздаль в 1135 году.

В 1137 году, на короткое время, Псков стал пребыванием новгородского князя Всеволода, сына Мстислава, внука Мономаха, изгнанного из Новгорода в 1136 году. Псковичи, как на вече в Новгороде, так и после, держали его сторону.

Всеволод пришел в Псков, вызванный новгородскими и псковскими мужами, сторонниками его. Новгородцы, услышав о возвращении Всеволода, поднялись ратью.

Вновь избранный ими князь Святослав Олегович привел брата Глеба с курянами, нанял половцев и хотел прогнать Всеволода, но псковичи не покорились новгородцам и объявили, что Всеволода не выдадут, засекли осеки и показали такую решимость защищаться, что новгородцы решили с Дубровны вернуться. Всеволод прожил недолго, успев, однако, приобрести общую любовь всех псковичей, и был причтен впоследствии к лику святых. Он скончался 11 февраля, в четверг, на масленой неделе, 1138 года.

В летописях осталось за ним название псковского князя.

Ему принадлежит завершение Троицкого собора, где и почивают нетленные мощи его, перенесенные из церкви Димитрия Селунского в 1192 году. Над гробницей висит его изображение и меч франкской работы с латинской надписью: honorem meum nemini dabo (чести

моей никому не отдам). Прежде висел здесь и щит его.

В молитвах, до сих пор воссылаемых на службе благоверному князю Всеволоду-Гавриилу, слышится: «Своим честным молением испроси у Христа на поганыя Латыни победы. Град свой Псков сохраняй от находящих Латынь».

В житии его читается, что однажды он сказал в сновидении о Пскове: «Христос бо мой Господь предаде мне град сей Псков хранити и соблюдати от поганых и безбожных Немец».

После смерти Всеволода, псковичи позвали его брата Святополка и остались в неприязненных отношениях к Новгороду, но недолго, и вскоре все дела пришли в прежнее состояние, т. е. Псков остался по-прежнему пригородом новгородским.

Псковичи находились в числе воинов новгородских в походах на Смоленск в 1158, на Смоленск и Полоцк в 1170 году.

Зимой 1177 г. вся Чудская земля (эсты) приходила на Псков. Было несколько сражений, в которых пали Вячеслав и Никита Захарьиничи, Станимир Иванич и некоторые другие мужи, равно как и множество чуди.

С 1183 года появляется новый враг Пскова — литва, начавшая нападать на пограничные волости.

В 1190 году плесковичи избили чудь поморскую: они пришли в 7 шнеках; люди все были избиты, а шнеки привезены в город.

В 1191 году псковичи принимали участие в походе Ярослава из Лук против эстов и вместе взяли Юрьев.

В 1192 году Ярослав приходил в Псков на Петров день и послал свою дружину вместе с плесковичами воевать с чудью. Они взяли и сожгли Медвежью Голову.

В 1198 году посажен был Ярославом сын его Изяслав княжить на Луках — «от Литвы оплечье Новугороду».

Осенью полочане с литвой напали на Луки и пожгли хоромы.

В отмщение Ярослав в том же году с новгородцами и псковичами, новоторжцами и ладожанами, ходили на Полоцк. Полочане предупредили войну своей покорностью.

В 1201 году немецкие купцы везли драгоценные товары в Псков, которые отняли у них эсты, жившие около Оденпе и Дерпта.

В 1211 году Мстислав новгородский дал лучанам псковского князя Владимира Мстиславича, своего брата.

В 1213 году он был изгнан за родственный союз с немцами, а в его отсутствие литва набежала на Псков и пожгла его, а псковичи

были на озере.

Владимир нашел убежище в Риге у епископа Альберта, за брата которого он отдал свою дочь. Он содействовал там после заключению мира между Владимиром полоцким и епископом Альбертом. Потом управлял в некоторых замках, подвластных немцам.

Псковичи с новым князем своим, Всеволодом Борисовичем, и Давыдом торопецким, братом Мстислава, принимали участие в походе новгородского князя на чудь ереву и дошли с огнем и мечом до самого моря, в 1214 году.

В 1216 году псковский князь Владимир является помощником брата своего Мстислава новгородского в войне против суздальских князей.

В этом же году из Новгорода ходил он на город Оденпе и наложил на унганнов дань, за то, что они от греческого исповедания перешли к латинскому и покорились немцам.

1216. Псковичи потребовали от леттов в Толове обыкновенную дань, сожгли город Беверин, были пленены вендским комтуром Бертольдом, и, по требованию Мстислава Мстиславича новгородского, отпущены на волю.

1217. Новгородцы, с посадником Твердиславом и Владимиром псковским, преследовали нападавших литовцев и осадили Медвежью Голову. Немцы пришли на помощь, но, разбитые, должны были уступить на предложенных новгородцами условиях и отдали брата Албертова Дитриха в заложники.

1218. Псковичи с князем своим Владимиром и новгородцами, через Унганнию, нападали на страну леттов и ливов до епископской волости, на правой и нижней Аа, отражены от Вендена и должны были вернуться, вследствие нападения литвы на Псков. Военные действия на границах продолжались беспрерывно — с леттами, эстами, немцами и литвой.

В 1224 году псковичи и новгородцы заключили мир с немцами, которые уступили им прежнюю дань с Толовы.

Псков, новгородский пригород, во все продолжение этого времени, кроме одного случая сопротивления, разделял судьбы своего города, которому служил обороной с запада, получал от него посадников и под конец князей, а в прочем жил и развивался независимо, осуществляя значительную торговлю по близкой Двине.

СУЗДАЛЬСКОЕ ИЛИ ВЛАДИМИРСКОЕ (НА КЛЯЗЬМЕ)

КНЯЖЕСТВО

Залесская (относительно Киевской Руси) сторона, занимая восточную часть ее владений, соприкасалась на севере с Новгородскими волостями, а с востока и юга была окружена финскими племенами, рассеянными и внутри некоторых ее местностей.

Древнейшие города ее, Ростов и Белоозеро, были сначала поселениями финскими: в Ростове жила меря, в Белоозере весь. Суздаль также именем своим доказывает финское свое происхождение. К ним пришли новгородские словене, может быть, смешанные с варягами, и утвердили над ними свою власть: они стали волостями новгородскими еще в предисторическое время. При Рюрике, приславшем сюда своих мужей, варяжская составная часть населения усилилась и сообщила свой строй всему населению. От Новгорода Ростов и Белоозеро перешли, вероятно, во власть великого князя киевского Олега или Владимира, который посадил в Ростове сына Ярослава. Вероятно, от его имени и построен на Волге город Ярославль. Он был переведен отсюда в Новгород. Ростов же отдан был тогда Св. Борису.

Став великим князем киевским, Ярослав предоставил Залесскую сторону третьему, любимому своему сыну Всеволоду, при его Переяславском княжестве.

Сын Всеволода, Владимир Мономах, ездил часто в эту область для сбора дани и прочих хозяйственных распоряжений, что видно из его поучения, написанного им на пути в Ростов, около 1096 года.

Он посадил в Ростове сына Мстислава, который оттуда переведен был в Новгород.

Место его занял другой сын Владимира, Изяслав, который хотел захватить себе и чужой Муром, принадлежавший к Черниговскому уделу второго Ярославова сына Святослава, но поплатился жизнью за свое корыстолюбие, в сражении со спасшимся сюда Олегом Святославичем, который, в свою очередь, хотел овладеть всей страной и грозил отсюда даже Новгороду. Мстислав новгородский вынудил его отказаться от такого намерения.

Владимир Мономах предоставил здешнюю сторону меньшим своим детям, из которых Юрий, получивший впоследствии прозвание Долгорукого, водворен здесь, кажется, еще прежде Олегова погрома, судя по следующему месту из письма Владимира к Олегу, по кончине

Изяслава: «если ты мыслишь на меня лихое, да то ти седить сын твой хрестьный (Мстислав) с малым братом своим, хлеб едучи дедень».

Юрий Владимирович был женат отцом на Аепиной дочери, Осеневой внучке, половецкого князя, 12 января 1108 года.

Мономах в одну из следующих поездок основал здесь город на Клязьме и назвал по своему имени Владимиром, который вскоре получил преимущество перед старшим Суздалем и послужил ступенью к будущему возвышению северо-восточной России над юго-западной, Великороссии над Малороссией.

Из первоначальных действий Юрия летописи сохранили только известие о походе на болгар, знаменитое торговое племя, которое столько пострадало от нашествия Святослава. Юрий возвратился оттуда с богатой добычей, в 1020 г.

При кончине отца в 1125 году, Юрий находился в Киеве, и ему, верно, не хотелось ехать оттуда в свою дикую, лесистую сторону.

При старшем брате Мстиславе он не смел самовольствовать и оставался дома в покое, но при слабом Ярополке он пытался было водвориться в Переяславле, который сначала занял насильственно, выгнав племянника, Всеволода новгородского (1132), а потом выменял на Суздаль, но вскоре вынужден был от него отказаться и уйти восвояси (1134).

Мстиславичи, в свою очередь, хотели было отнять у него Суздаль, и Всеволод Мстиславич, изгнанный им из Переяславля, ходил два раза (1134) войной на Суздаль, намереваясь посадить там брата, Изяслава Мстиславича, остававшегося без волости.

Сражение на Жданой горе (1135) не доставило никакой пользы находникам, несмотря на их победу.

При Всеволоде Ольговиче Юрий не мог предпринять ничего относительно южной Руси, и поход его 1135 года не мог состояться из-за отказа новгородцев, хотя и избравших перед тем к себе его сына Ростислава. Ростислав должен был бежать к отцу (1139).

Юрий рассердился и на обратном пути в Суздаль взял Новый Торг и опустошил пограничные села.

С этих пор суздальские князья начинают притеснять Новгород.

После кончины Всеволода Ольговича, когда стол киевский достался племяннику Изяславу Мстиславичу, Юрий принял деятельное участие в распрях киевских, как союзник северского князя Святослава Ольговича, враждовавшего с великим князем по своим причинам. Юрий надеялся, разумеется, посредством этого союза

достать себе вожделенный Киев, захваченный племянником не по праву.

Первый его поход на помощь Святославу Ольговичу (1146) прервался от Козельска, вследствие нападения рязанского князя на его собственные волости, по вызову великого князя Изяслава Мстиславича.

Юрий послал к Святославу на помощь своего сына Ивана, которому северский князь дал Курск с Посемьем.

Дела Святослава, однако же, ухудшались час от часа. Изяслав со своими союзниками Давыдовичами стремительным походом занял его волости, начиная с Новгорода (Северского), и, преследуя по пятам, вынудил спасаться бегством от Карачева в Дедославль и оттуда к Колтеску. Юрий прислал ему сюда тысячу человек дружины белозерской. Святослав хотел идти с ними на Давыдовичей к Изяславлю, как вдруг занемог Иванко Юрьевич. Святослав остался при нем и не отпустил дружины, а Давыдовичи, услышав о полученной им помощи, поручили продолжение враждебных действии вятичам и отправились домой от Дедославля.

Иванко умер в ночь на понедельник, на масленицу, 24 февраля 1147 года.

Наутро приехали два брата его, Борис и Глеб, «сотворили плач велик» и, взяв тело его, повезли в Суздаль к отцу «с жалостию».

Святослав отошел в верховья Оки и стал в Лобыньске; Юрий прислал к нему послов утешать его и сказать: «Не тужи о сыну моем, аще того Бог отъял, а другии ти сын пришлю». Вместе с этим Юрий одарил Святослава, жену его и дружину многими дарами.

Продолжение войны было несомненно.

Юрий хотел ее, чтобы достать себе Киев, Святослав хотел ее, чтобы выручить брата, Давыдовичи хотели ее, чтобы утвердить за собою захваченные вместе Новгород-Северские волости, Изяслав, чтобы покончить с неугомонным врагом.

Весной враждебные действия возобновились: Юрий начал воевать Новгородскую волость, где княжил брат Изяслава, взял Новый Торг и всю Мсту, а Святославу велел воевать Смоленскую волость Ростислава, брата Изяславова, и тот взял люд голяд, в верховьях Протвы. «И тако ополонишася дружина Святославля, сказано в Киевской летописи, и прислав Гюрги и рече: прииди ко мне, брате, в Москов».

Москов, так значится в одном списке летописи, в другом

Москова, в третьем Москва! Что за имя? Какое странное! В первый раз только оно здесь послышалось. Не ошибка ли это? Нет, не ошибка: так значится во всех списках летописи. Что же это такое: деревня, село или город? Где находится Москва?

На краю волостей Суздальских, Черниговских, Рязанских и Смоленских, к югу от вышеназванного люда голяди, там, где протекает мелкая речка Москва, берущая начало за Можайском, и принимает в себя другие речки, еще меньшие, Яузу и Неглинную, рассыпано по горам и долинам несколько селений, и в среднем их, на крутом берегу, мелькает деревянный городок, окруженный дремучим бором. Это будущий Кремль, его окружность — это славная Москва.

Думал ли Юрий Долгорукий, что этому бедному городишке, который готов он был променять с придачей на один конец, не только киевский, но и переяславский, предопределена слава, перед которой поникнет и старый Ростов с Суздалем, и великий Новгород, и сам славный Киев, которому посвящены были теперь все его труды, все его думы и мечтания.

Думал ли Святослав Ольгович, что его любезный Новгород Северский и дорогие вятичи достанутся некогда во власть этого захолустья и вменят себе в великую честь считаться его пригородами.

Думал ли кто-нибудь на Руси, что здесь, на этом берегу, на этой горе, в этом лесу, средоточие русского могущества, что здесь скрыто то таинственное ядро, к которому прильнет, которое притянет, соберет около себя всю землю Русскую и многие иные.

Думал ли сам летописец, занося случайно известие об обеде в свою летопись, записывая странное имя города с сомнением и колебанием, думал ли летописец, что этой строкой его будут дальше потомки дорожить гораздо более, чем подробным и тщательным описанием всей междоусобной войны великого князя Изяслава Мстиславича киевского и его дяди Юрия Владимировича суздальского, с ее сражениями, победами, нападениями и переговорами; что все они почти позабудутся и пренебрегутся, а эта строка станет предметом глубоких размышлений и тщательных исследований…

Но когда все это будет? Скоро ли? Нет, не скоро! Долго еще силе русской носиться по веянию ветров, долго еще сила эта будет искать себе места и, найдя его здесь, не скоро она остановится, осядет, водворится!.. А потом начнутся испытания! Москва будет терпеть, страдать, мучиться, гореть, и долго не будут понимать ее сами

соотечественники; она подвергнется браням и ругательствам, клевете и напраслинам, но она восторжествует, наконец, с русским началом в сердце, возьмет все свое, ей предопределенное, возвысится, возвеличится, спасет отечество, подаст руку помощи меньшой братии, единоплеменной и единоверной… Когда же это будет? Не скоро, не скоро. Пройдут века, сменится много поколений, перетерпится много горя, уяснятся чувствования, очистятся понятия. Теперь Москва — беднейший городок, но здесь начинается ее история.

Князья разъехались на другой день после пира. Что им было делать в пустыне, где случайно привелось встретиться, так сказать, по дороге, на перекрестке своих путей? Юрий узнал, что по особенному ряду братьев Изяслава киевского и Ростислава смоленского, против него вооружаются новгородцы и смольняне. Он должен был поспешить назад, чтобы приготовиться для встречи врагов с другой стороны. Осенью, действительно, выступил против него брат великого князя Изяслава Святополк со всей Новгородской землей, но вернулся из-за распутицы от Нового Торга.

Следующий год (1148) Юрий оставался дома, послав на помощь к Святославу сына Глеба. В Суздаль приходил к нему с мираом знаменитый новгородский епископ Нифонт, который выпросил захваченных новоторжцев и «гость весь цел» (всех задержанных купцов). Он освятил церковь Св. Богородицы великим освящением, и Юрий оказал ему любовь и уважение, но мира новгородцам не дал.

Юрия постигло в это время еще семейное огорчение. Старший сын его Ростислав ушел от него из Суздаля и обратился к врагу его, великому князю киевскому Изяславу. «Отец меня обидел, сказал он, и не дает мне волости в Суздальской земле; я пришел к тебе — ты старше всех в Владимировых внуках; я хочу потрудиться за Русскую землю и ездить подле тебя». Изяслав принял его и дал ему пять городов.

На зиму Изяслав приходил в Новгород и вместе с новгородцами пошел отсюда воевать Юрьевы волости. Они взяли по Волге шесть городов, опустошили страну до Ярославля и захватили до семи тысяч пленников. Распутица заставила их вернуться. Юрий отплатил немедленно за набег, к чему побудил его в особенности сын его Ростислав, который, по возвращении великого князя Изяслава из волжского похода, был лишен им волостей, по наветам, и с бесчестьем отослан по Днепру к отцу. Он просил прощения у отца и

побуждал идти на Киев: «Тебя ждет вся Русская земля и черные клобуки». В негодовании Юрий сказал: «Неужели мне и детям моим нет части в Русской земле». Он собрался со всеми силами и 24 июля 1149 г. выступил на вятичи.

В Ярышеве он имел свидание со Святославом Ольговичем, который опять взял его сторону. На Супое соединились с ним приглашенные половцы.

Ополчение явилось под Переяславлем. Юрий требовал себе Переяславля и уступал Киев. Изяслав не соглашался. Сражение 23 августа кончилось его поражением, и Юрий, к великой его радости, занял киевский стол.

Тотчас и начал он свои распоряжения, предполагая остаться там навсегда и пренебрегая своей Залесской стороной, Суздальским княжеством. Всех сыновей своих он рассажал по киевским городам, Ростислава в Переяславле, Андрея в Вышгороде, Бориса в Белграде, Глеба в Каневе. Суздальское княжество предоставлено было младшему сыну Васильку.

В том же году данники новгородские ходили по смежным с Суздальскими волостями странам: Юрий выслал на них Берладника — была сильная схватка, но суздальцев пало больше.

Недовольный своим успехом, Юрий хотел покончить со своим противником: «Выжену Изяслава, говорил он, и перейму волость его».

Однако же, помирился с ним, по совету Владимирка галицкого и сына Андрея, но не исполнил условий касательно возвращения даней новгородских и награбленного товара по переяславскому полку, что послужило вскоре поводом к возобновлению военных действий.

Он выдал тогда свою дочь (1150) за Владимиркова сына Ярослава, своего нового союзника, а другую за Святославова сына Олега.

Изяслав неожиданно приблизился к Киеву. Юрий, не приготовившись его встретить, бежал в городок Остерский. Его выручил из беды Владимирко, но ненадолго. Будучи совершенно разбит за Рутом, бежал за Днепр вместе с детьми, был там осажден неутомимым Изяславом и должен был дать обещание, что не будет искать Киева под Изяславом и Вячеславом, и вернулся в свой Суздаль.

Святослав Ольгович на обратном скорбном пути принял изгнанника с великими почестями.

В следующем году (1152) услышав, что мстительные враги сожгли его Городец, единственную точку опоры на любезном юге, воскликнул: «Они сожгли мой Городец, я им отожгу», и собрался в поход. Повоевав около Чернигова, он должен был вернуться домой, будучи не в силах бороться с подоспевшим на помощь великим князем Изяславом и оставил верному своему союзнику Святославу Ольговичу сына Василька с 30 человек дружины, а сам через вятичи ушел в Суздаль.

Но его тянуло к Киеву, и он в 1154 году собрался в новый поход с ростовцами, суздальцами, со всеми детьми. По дороге, в вятичах, случился в его войсках конский падеж, и он опять должен был повернуть на Суздаль.

Возвратившись, он услышал о неожиданной смерти непримиримого своего врага, великого князя Изяслава Мстиславича. Недолго думая, он поспешил в путь. По дороге в Смоленск узнает он о кончине старшего брата Вячеслава и о занятии великокняжеского стола черниговским князем Ярославом Давыдовичем.

Отпустив сына Мстислава, за которым приходил епископ Нифонт, в Новгород, он поспешил вперед.

Далее встретил его с поклоном старый друг, Святослав Ольгович северский, а потом в Стародубе и Святослав Всеволодович. Следовательно, все главные князья признали его старшинство.

Остановившись у Моровийска, он послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мне отчина Киев, а не тебе. Ступай домой, в Чернигов». «Избезумился я, отвечал Изяслав, виноват», — и Юрий вступил, наконец, с торжеством в Киев на вербницу в 1155 году, достигнув к старости, семидесяти лет, своей желанной цели.

Он раздал все волости своим детям: Андрею Вышгород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Василию Поросье, Мстислав оставался в Новгороде.

Суздальское княжество предназначалось им, вероятно, как и Мономахом, младшим его детям: Михаилу и Всеволоду.

Следует сознаться, что оно обязано Юрию Владимировичу Долгорукому первоначальным своим гражданским устройством. Он основал здесь несколько городов: Переяславль, Юрьев, Дмитров, Москву. Многие церкви остались памятниками его княжения.

Старший сын Андрей не хотел оставаться на юге: недолго прожил он в Вышгороде; как отца тянуло всю жизнь на юг к Киеву, так сыну полюбился север с Владимиром.

Ему надоели, кажется, эти нескончаемые, бесплодные войны за Киев; он посчитал, что его отцу, уже семидесятилетнему, недолго оставалось жить на свете, а после этой близкой смерти Киев ему достаться никак не мог при таком множестве соискателей, из которых иные имели и права гораздо больше, чем он, а именно все старшие двоюродные братья, не говоря об Изяславе Давыдовиче, уже сидевшем на киевском престоле, и о Святославе Ольговиче, имевшем притязания даже прежде Изяслава и Юрия. А там еще издали глядели с жадностью на Киев ретивые дети Изяслава… Борьба с ними со всеми, вместе или поодиночке, притом без права, не предвещала верного успеха, а трудов множество; в Суздальском же княжестве ожидало его владение обширное, почти бесспорное; он родился там, или, по крайней мере, провел лучшие годы жизни, привык к земле, людям и обычаям. Жена его была оттуда родом и предпочитала, разумеется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной беспрерывных опасностей; ее братья, Кучковичи, близкие к Андрею, твердили беспрестанно о своей родине и убеждали сестру и зятя туда переселиться.

Как бы то ни было, Андрей, вскоре по водворении в Вышгороде, решил оставить этот удел и в 1155 году, без отчей воли и даже ведома, тайно, ночью, с женой, детьми и двором, отправился на нашу далекую, залесскую сторону, взяв с собой из Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впоследствии получила такое важное значение в Русской истории и ныне составляет первую Московскую святыню в Успенском соборе под именем Владимирской.

Благочестивое предание сообщает об этом, важном по своим следствиям, переселении несколько любопытных подробностей…

Случилось Андрею, уже долго думавшему о своем отъезде, разговориться в искренней беседе с близкими людьми о святых иконах, от которых бывают чудеса — исцеления, указания, пособия и другие. Бояре сообщили ему, что здесь, в Вышгороде, носится слух о греческой иконе Божией Матери, привезенной купцом из Царьграда и поставленной князем Юрием в Девичьем монастыре, будто она не хочет здесь оставаться. Крылошане рассказывают, что они увидели ее однажды висевшую среди церкви в воздухе. Они осмелились перенести ее на прежнее место, и тогда повернулась она лицом к алтарю. Священники отнесли ее в алтарь и поставили за святой трапезой, но после она явилась опять «о себе», вне трапезы.

Андрей, слыша эти речи, разгорелся духом, как говорит предание: ему представилось, кажется, что спутница, покровительница, заступница для задуманного им дела нашлась, — он поспешил в монастырь: лик Святой Девы сиял в его глазах паче всех икон. Князь пал перед ним ниц и взмолился усердно: «Владычице, аще хощеши, можешь помощницею быти нам в Ростовской земле, иде же тщимся шествовати, простри руце свои на мольбу Сыну своему, сохрани и заступи ны от всякого зла».

Собравшись, ночью, путники пришли в церковь и отслужили со слезами молебное пение: князь Андрей взял образ на свои руки, и все, помолясь, отправились в далекий путь. Крылошане церковные, священник Никола и зять его, Нестер, последовали за ними.

Многими чудесами ознаменовалось путешествие святой иконы, перед которой по всей дороге пелись молебны: там, на Яузе, Андрей послал всадника искать брод, и несчастный вдруг стал невидим в переполнившейся реке. Князь, обвиняя себя в его гибели, обратился с молитвой к Божественной Спутнице, и в то же мгновение утопавший всплыл живой и невредимый; там, на полях Рогожских, взбесившийся конь сбил с себя служителя и затоптал жену священника Николы, которая слезла перед тем со своего воза. Муж пал со слезами перед иконой, и увечная очнулась целой и невредимой. Наконец, не доходя до Владимира, на берегу реки Клязьмы, кони, везшие святую икону, вдруг остановились. Никакими усилиями нельзя было побудить, чтобы они двинулись с места. Перепрягли других, и те стали как вкопанные. Князь Андрей понял, что Владычице не угодно шествовать далее, остановился на этом месте, назвал его Боголюбимым и обещал построить церковь.

Андрей, благополучно совершив путь, водворился во Владимире. Ему было тогда под пятьдесят лет. У него было несколько детей — двое взрослых сыновей и дочь. Отец оставил его, кажется, в покое. Хотя старику тяжело было лишиться такой твердой опоры, но возле него оставалось еще много доблестных сыновей… Он, впрочем, недолго прожил в Киеве без Андрея, и через два года скончался, накануне новой опасности, когда новый враг уже стоял перед Киевскими воротами (1159). Андрей сотворил по нему «великую память».

Ростовцы и суздальцы посадили Андрея на отчем столе в Ростове и Суздале, «занеже, сказано в летописи, бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имеяше к Богу и ко всем сущим под

ним». А впрочем, эти княжества, по завещанию Юрия, должны были принадлежать его младшим детям.

Этих последних Андрей вскоре выгнал, вместе с мачехой, второй женой Долгорукого, и ближними мужами отцовскими, «желая быть самовластец всей земли», а может быть, вместе и в исполнение воли избравших его городов. Княгиня, гречанка родом, отправилась в свой родной город Константинополь, и сын ее, Василько, получил себе в удел от императора четыре города по Дунаю.

Десять лет Андрей спокойно прожил в своем княжестве, приводя в порядок хозяйские дела, ладя с соседями, укрепляя силы для будущих действий, строя церкви и украшая зданиями свой стольный город.

В 1158 г. он заложил во Владимире церковь Успения Божией Матери «об едином верхе» и дал ей много имения, слободы, купленные с данями, лучшие села, десятину в стадах своих и десятый торг. Через два года она была завершена. Андрей украсил ее дивно многими иконами, сосудами и дорогими каменьями, а верх ее позолотил. «Из всех земель, сказано в летописи, по вере его и по тщанию к Святой Богородице, пришли к нему мастера и украсили ее паче всех церквей». Через год она была расписана. На икону Покровительницы своей он пожертвовал более 30 гривен или фунтов золота, кроме серебра, крупного жемчуга и дорогих каменьев, и поставил ее в новосозданном храме.

В 1164 году он соорудил церковь на Золотых воротах, построенных им по образцу и в воспоминание о Ярославовых Золотых воротах в Киеве.

Он также окончил церковь Святого Спаса, начатую его отцом, и несколько монастырей.

Город Владимир заложил больше прежнего.

Десятилетнее спокойное княжение его во Владимире было возмущено только ересью Леонтья, епископа, которого он изгнал прежде вместе с братьями, а потом принял в Ростов, вместо Суздаля: Леонтий начал запрещать скоромное в господские праздники, даже в Рождество и Крещение, если они придутся в среду или пятницу. Великий князь просил у него разрешения на мясо от Воскресения до недели Всех Святых. Епископ дозволял только на Святой неделе. Произошла «великая тяжа между духовными» перед князем и всеми людьми. Суздальский епископ Феодор доказывал Леонтию неосновательность его заповеди, но тот не хотел слушать и уехал за

решением в Царьград. На Дунае, в ставке императора Мануила, в присутствии послов суздальского, черниговского, переяславского, киевского решено было, к удовольствию князя Андрея, болгарским святителем Адрианом, это важное прение, растревожившее весь русский православный мир. Леонтий, однако, не был убежден и противоречил столь дерзко, что вельможи греческие хотели утопить его в Дунае (1164).

Другой остовский епископ, Феодор, ослушался Андрея, не захотев ехать в Киев ставиться. Летописи рассказывают ужасы о его жестокостях: много пострадали люди, говорят они, в его держание, не только простцы, но даже монахи, игумены, священники: он брил им головы и бороды, выжигал глаза, вырезал языки, распинал по стене, заточал, предавал работе и мучил немилостиво, «хотя восхитити от всех имений, несытый, как ад». В ответ на увещания князя, он затворил все церкви во Владимире, и ключи взял к себе, так что не было нигде ни звона, ни пения, даже у самой Богородицы Владимирской. Князь, выйдя из терпенья, послал Феодора судиться к митрополиту Константину в Киев. Тот обвинил его во всех грехах, велел отвести на Песий остров, где отсекли ему правую руку, вырезали язык и вынули очи: «зане хулу измолви на Святую Богородицу» (1164).

Из внешних действий Андреевых во все это время примечательна только война против волжских болгар, сильных и богатых его соседей с юго-восточной стороны (1164). Желая ли обезопасить себя с их стороны и внушить страх от русского имени, которое здесь давно не было слышно, или вследствие какой-нибудь распри и за добычей, Андрей с сыном Изяславом и муромским князем, взяв с собой чудотворный образ, отправился за Оку и Волгу. Перед сражением он приобщился Святых Тайн и обратился с молитвой к своей Божественной Помощнице. Вслед за князем и все воины ударили челом перед иконой, и, облобызав ее, смело пошли против врагов. Болгары были разбиты, и великий князь Андрей с конными далеко преследовал их. Пешие остались на полчище под знаменами, около Божией Матери. Князья, вернувшись, пали ниц перед ней, хвалу воздавая со слезами и радостью великой. Андрей взял еще три города, и, наконец, столицу Болгарскую, на берегах Волги, знаменитый Бряхимов, обширные развалины которого мы теперь видим верстах уже в двадцати от реки. С богатой добычей и славой возвратился великий князь суздальский в отчизну и уставил

праздновать своей Покровительнице, в благодарное воспоминание о счастливом походе, 1 августа, что совершается православной церковью и до сих пор.

В делах южной Руси Андрей не принимал во все это время никакого участия, если только мы исключим малую помощь, посланную им в 1160 году, с сыном Изяславом, по просьбе союзника его Изяслава Давыдовича, для его племянника, князя вщижского, Святослава Владимировича, за которого выдал свою свою. Но он готовился к действиям.

Соседние князья, рязанские, муромские, смоленские, полоцкие, так или иначе, признали над собой волю Андрея, и во всех следующих его предприятиях находились в числе его воинов.

Первым предметом его замыслов был Новгород, богатое и сильное, не подверженное разделению и междоусобиям, цветущее торговлей княжество, с которого он не спускал глаз с самого своего водворения во Владимире.

Андрей еще тогда (1160) послал сказать новгородцам: «Ведомо вам буди, что я хочу искать Новагорода добром или лихом; целуйте мне крест на том, чтоб иметь меня отцом себе, а мне желать вам добра». «С тех пор, замечает летописец, начали новгородцы мястися и часто творить веча». Почуяло их сердце, что заходит на них от близкого Владимира туча, какой не видывали они еще от далекой Киевской Руси, и что придется им когда-то потерять свою дорогую волю. Андрей, сказав это слово, сделал первый шаг к Новгороду, проложив дорогу, по которой неукоснительно пошли его преемники, князья владимирские, а затем московские, и с которой Ивану Третьему осталось ступить только один шаг, уже последний, до Святой Софии.

В следующем году, чтобы умилостивить Андрея, новгородцы прислали просить у него сына. Сына он почему-то не давал, а предлагал брата, от которого те отказывались, ибо он уже княжил у них и не угодил им; тогда он дал племянника Мстислава Ростиславича, разумеется, на условиях, на каких хотел, или, как говорилось тогда, «на всей воле своей» (1160).

Но вскоре переменил свое решение и вывел племянника из Новгорода, договорившись со своим старшим двоюродным братом, великим князем киевским, Ростиславом Мстиславичем, который прислал туда своего сына Святослава, не без особых выгод для Андрея, уступая ему, кажется, Двинскую дань (1161).

Святослав жил у них долго, но, наконец, они рассорились. Новгородцы, по старой привычке, указали ему путь от себя, поцеловав Святую Богородицу, «яко не хотети его». Андрей заступился за Святослава, как за своего союзника, и отправил к нему помощь на Волгу, куда тот удалился. Изгнанный князь сжег Новый Торг, а прочие союзники, смольняне и полочане, по воле князя Андрея, Великие Луки.

Они ходили было к Русе, но, не дойдя, вернулись, когда услышали о приготовленной встрече (1167). Новгородцы избрали к себе на стол сына великого князя киевского Мстислава Изяславича, Романа. Союзники перехватили послов и заняли все пути, чтобы до него не могло дойти никакой вести о происходившем. Андрей, «силою местяче» (насильно помещая) на стол новгородский своего ставленника, говорил новгородцам: «Нет вам другого князя, кроме Святослава», и новгородцы, не привыкшие к такому языку, возмутились, убили посадника и других чиновников, державших сторону изгнанного князя, и настаивали на своем выборе. Новые послы, с Даньславом Лазутиничем, успели пробраться окольными дорогами, мимо всех засад, в Киев, и привезли, наконец, князя, которого новгородцы ожидали от Семена дня до Велика, сидя с одним посадником Якуном (1168). Новгородцы обрадовались, но Андрей вознегодовал на них за упорство и ослушание, вознегодовал еще более на киевского Мстислава, как тот осмелился, вопреки ему, дать сына строптивому городу.

Он решил наказать и Мстислава, и Новгород, и начать с первого, которого не любил издавна. Ему досадно было, что этот младший князь, хотя и по условию со старшими, занял великое княжество Киевское, к которому сам он, Андрей, по праву был ближе сына Изяславова. Прочие русские князья также завидовали ему, начали сноситься речами на него с Андреем и утвердились крестом между собой.

Многочисленная рать собралась по зову Андрея. К полкам ростовским, суздальским, владимирским, со старшим сыном его Мстиславом, присоединились Роман из Смоленска, Глеб из Переяславля, Олег Святославич и брат его Игорь черниговские, Владимир из Дорогобужа, Рюрик из Вручего, Давыд из Вышгорода, брат его Мстислав, брат Андрея Всеволод Георгиевич, племянник Мстислав Ростиславич, всего 11 князей. Главным воеводой послан был Борис Жидиславич. Сам Андрей не пошел, уверенный, что дело

обойдется успешно и без него.

Все полки собрались в Вышгороде, и на второй неделе поста осадили Киев. Мстислав затворился и отчаянно бился из города. Помощников у него не было никого, кроме торков и берендеев, и те «льстили под ним». Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабела. «Что, Князь, стоишь, говорили ему, нам их не перемочи». Мстислав не мог противиться долее: с четвертого приступа город был взят, и Мстислав вынужден был оставить Киев. Бастеева чадь погналась к Василеву, стреляя в плечи ему, и захватила многих из его дружины: Дмитра хороброго, Олекса дворского, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тиуна его, и многих других. За Уновью Мстислав соединился с братом Ярославом, и оба поспешили в свой Владимир (Волынский), а жена его и дети достались в плен победителям.

Киев был взят в марте, на второй неделе поста (1169). Сборная рать бросилась грабить по горе и подолью, суздальцы, смольняне, черниговцы и Олегова дружина хватали ризы, иконы, книги, колокола из Десятинной церкви, от Святой Софии. Дома, церкви и монастыри загорелись. В монастыре Печерском показался было огонь, но пожар был потушен. «И бысть в Киеве, говорит тамошний летописец, стенание и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные. Сия же вся содеяшася грех ради наших». А суздальский летописец почитает это бедствие наказанием за митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополит незадолго перед тем запретил печерского игумена Поликарпа, не веля ему есть молока и мяса в господские праздники, что казалось страшным грехом, повлекшим общее тяжелое наказание.

Мстислав, разумеется, по мысли и воле своего отца, посадил в Киеве дядю Глеба Юрьевича; никто не смел противиться, хотя и были еще двое старших двоюродных братьев. Слабые, они радовались, что, по крайней мере, у Мстислава Киев был отнят. Сын Андрея возвратился во Владимир с великой честью и славой.

Отец его был очень доволен, исполнив свое желание — примерно наказать ослушника и принять в свое распоряжение древнюю русскую столицу. Брать ее себе он не думал, навсегда утвердив местопребывание в любезном ему Владимире.

Теперь дошел черед до Новгорода. Летописцы разделяют негодование Андрея: им всем было как будто оскорбительно, зачем новгородцы живут не как прочие и могут распоряжаться князьями по

своему усмотрению. «Нельзя, говорят они, оправдывать новгородцев тем, что они освобождены прадедами князей наших. Пусть это так, но разве передние князи велели им переступать крест и соромлять своих внуков или правнуков, целовать им крест и после изменять присяге? Злое неверствие в них вкоренилось. До которых пор Богу терпеть над ними! Вот и навел он наказание на них рукою благоверного князя Андрея».

Новгородцы, между тем, успели сходить с молодым своим князем на волости союзников Андрея, Полоцкие и Смоленские, пожгли и разорили их. Данник их, Даньслав Лазутинич, тот, который ходил в Киев за Романом, послан был с дружиной, «по сту мужей от конца», за Волок собирать дань с Двинской области, предавшейся Андрею, и разбил суздальский полк, что выслан был к нему навстречу, взял всю дань, а с суздальских смердов другую.

Новые причины гнева Андрея, который не любил прощать обид. Давно уже он кликнул клич, и собрались у него полки ростовские, суздальские и владимирские; князь рязанский прислал к нему сына с полком; князь муромский прислал сына с полком. «Толико бысть множество вой, говорит летописец, что и числа их нетуть». Андрей поручил их опять сыну своему Мстиславу, победителю Киева, и главным воеводой назначил прежнего, Бориса Жидиславича.

Лишь только вступила рать в пределы новгородские, как и начала предавать все огню и мечу; жгли села, убивали людей, пленили жен и детей, похищали имение. На пространстве трехсот верст все было разорено и опустошено.

Новгородцы решили у себя защищаться и бились так успешно, что вся осаждающая рать предалась поспешному бегству (1170).

Множество суздальцев попало в плен, так что продавались они в Новгороде по две ногаты. Остальные, возвращаясь по местам разоренным, терпели ужасный недостаток в продовольствии, иные умирали от голода, другие в великий пост ели конское мясо.

Новгородцы приписали свое спасение от такой многочисленной рати заступлению Пресвятой Богородицы, и в изъявление своей благодарности положили праздновать ежегодно 27 ноября ее честному Знамению, что после исполнялось ими вместе уже со всей православной церковью, — однако же, долго кроме Суздаля!

Андрей не достиг своей цели, рать его была разбита, он, казалось, должен был уступить, — но нет, побежденный, он все-таки остался победителем, и уступили новгородцы, а не он. Сила его уже не

зависела от случайностей: новгородцы вскоре должны были указать путь от себя своему храброму защитнику, князю Роману, и прислали к Андрею просить его о мире и князе. Ужасная дороговизна возникла у них вследствие разорения, недостатка в подвозе из соседних, Андрею подчиненных, областей, или неурожая.

Андрей, довольный их покорностью, дал им Рюрика, брата умершего, между тем, Святослава Ростиславича, из-за которого он начал войну (1171).

Андрей посылал тогда рать на болгар с сыном Мстиславом и воеводой Борисом Жидиславичем. Рязанский и муромский князья также выставили полки со своими сыновьями. Всем не люб был поход: зимой воевать болгар трудно, но, нехотя, все пошли в исполнение воли Андрея. Князья соединились на устье Оки, постояли две недели и, не дождавшись всех ратей, пустились вперед с главной дружиной. Они напали на болгар врасплох, взяли шесть сел, седьмой город, иссекли мужей, пленили жен и детей и отправились с богатой добычей назад. Болгары опомнились, что их было мало, пустились было с шестью тысячами в погоню, но не догнали двадцати верст: Мстислав, отпустивший вперед дружину, был уже на устье и мог свободно уйти восвояси (1172). Он вскоре умер во Владимире.

Между тем, не стало в Киеве брата Андрея, Глеба (1172). Ростиславичи, княжившие в городах окружных, соблюдая свои выгоды, осмелились без ведома Андрея призвать на великое княжение Владимира Мстиславича из Дорогобужа, действительно старшего из потомков Мономаха. Андрей приказал Владимиру идти вон из Киева назад в Дорогобуж, а Роману приказал идти из Смоленска в Киев, послав сказать Ростиславичам: «Вы нарекли меня отцом, и я хочу вам добра; я даю Киев вашему брату Роману». Роман смоленский, по слову Андрееву, пришел в Киев, а Владимир, между тем, умер (1172).

Новгородцы, прогнавшие своего Рюрика, который начал было действовать не согласно с Андреем, отняв посадничество от преданного ему Жирослава, опять просили себе князя у него. Андрей сначала прислал посадничать того же Жирослава, прибежавшего от Рюрика под его покровительство, а потом дал своего младшего сына, Георгия (1172). Новгородцы слушались его во всем, и сам архиепископ Иоанн, который столько прославился во время последней осады города, приходил к нему во Владимир.

Но вдруг один нечаянный слух нарушил его спокойствие: ему

сказали, что брат его Глеб в Киеве умер не своей, а насильственной смертью, изведенный киевскими боярами, и он потребовал их у Ростиславичей: «Выдайте мне Григоря Хотовича, Степанца и Олексу Святославця, — это враги всем нам». Ростиславичи не хотели их выдать, и отпустили Григоря от себя. Рассерженный Андрей прислал сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею — иди же из Киева, а Давыд из Вышгорода, Мстислав из Белгорода. Ступайте в Смоленск и там делитесь между собою. Киев я отдаю брату Михалку».

Так был силен Андрей, что одного своего слова он считал достаточным, чтобы выслать многих князей из их княжеств и произвести совершенно новое между ними размещение.

И этого слова было, в самом деле, достаточно: Роман, услышав его, собрался и беспрекословно выехал из Киева, а Рюрик, Давыд и Мстислав огорчились и решили попытаться, не успеют ли переменить гнева на милость. Они послали сказать Андрею: «Брат! Правда, мы нарекли тебя отцом своим, целовали крест тебе и стоим в крестном целовании, хотяче добра тебе, а ты брата нашего Романа вывел из Киева и нам кажешь путь из Русской земли, без всякой со стороны нашей вины. Но Бог и сила крестная над всеми!»

Андрей не давал им никакого ответа.

Между тем, Михалко, которому он назначил Киев, не пожелал переезжать туда, а послал младшего брата Всеволода с племянником Ярополком.

Ростиславичи, видя, что им от Андрея надеяться не на что, напали ночью на Киев, захватили Всеволода и его племянника, всех бояр, и отдали Киев брату Рюрику, договорившись с Михалком.

Ольговичи черниговские, не терпевшие Ростиславичей, рады были этому случаю и послали своих мужей к Андрею, «поводяче его на ослушников»: «Кто тебе ворог, говорили они, тот и нам ворог; мы готовы с тобою».

Андрей уже и сам «разжегся гневом» и послал Михна мечника с новым приказом в Киев: «Поезжай к Ростиславичам и скажи Рюрику, — пусть он идет в Смоленск к брату в свою отчину; Давыду скажи: пусть идет в Берлад; а Мстиславу скажи: все от него, я не велю ему быть в Русской земле!»

Мстислав, привыкший с юности не бояться никого, кроме Бога, как говорит летописец, выслушав этот грозный приказ, велел перед собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь к

своему князю, сказал он, и донеси ему: мы считали его до сих пор отцом себе, по любви; но если он прислал тебя с такими речьми ко мне, не как князю, а как подручнику и простому человеку, то я не хочу знать его. Что умыслил он, пусть и делает то, а Бог за всем!»

Обруганный, обесчещенный посол явился во Владимир. Когда Андрей увидел его в таком состоянии, остриженного, без бороды, «образ лица его потускнел, говорит летописец, и взострися на рать, и бысть готов».

Все рати собрались на его зов: и ростовцы, и суздальцы, и владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, рязанцы. Сами новгородцы пришли с его юным сыном Георгием. Войско Андрей снова поручил испытанному воеводе Борису Жидиславичу и велел ему — Рюрика и Давыда выгнать из своей отчины, «а Мстислава, взявши, не троньте, и приведите ко мне».

Летописец, передавая эти слова, сам, кажется, трепетал, и так о них рассуждает: «Андрей князь, толик умник сы во всих делех, добль сы, и погуби смысл свой невоздержанием, распалився гневом, такова убо слова похвальна испусти!»

Когда ополчение проходило мимо Смоленска, князь Роман выслал сына со своими полками, вынужденный идти против родных братьев из-за страха перед Андреем.

Потом, по дороге, получив приказ, присоединились князья полоцкие, пинский, туровский, городенский; потом Ольговичи с полками черниговским и новгород-северским; наконец, братья Андрея, Михалко и Всеволод, перед тем выпущенные из плена, племянники Ярополк и Мстислав Ростиславичи, Владимир Глебович переяславский.

Все князья и войско остановились у князя черниговского Святослава Всеволодовича, по указу Андрея, для совещания, и потом пошли на Киев.

Киев был уже пуст: Ростиславичи оставили его и разъехались по своим городам: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давыд уехал в Галич, просить помощи у тамошнего князя Ярослава.

Князья, заняв оставленный Киев, поспешили к Вышгороду, где засел главный противник Андрея, Мстислав, которого им было велено представить живого суздальскому великому князю. Святослав Всеволодович черниговский, старший между всеми князьями, которых числом было двадцать, отрядил вперед Всеволода Юрьевича

и Игоря с младшими князьями. Мстислав не унывал. Увидев подходившую рать, выстроил свои полки и вышел к ней навстречу на болонье. Полки те и другие ждали боя. Стрельцы сшиблись и начали стреляться, гоняясь между собою. Приметив замешательство между своими, Мстислав подскочил к дружине и воскликнул: «Братья, ударим, надеясь на помощь Божью и святых мучеников Бориса и Глеба!» Противники стояли тремя полками: новгородцы и суздальцы, а посередине Всеволод Юрьевич. Мстислав бросился на середину и потоптал ее; а другие ратные, увидя, что противник малочислен, окружили его, и все перемешалось. «И было ужасное смятение, говорит летописец, и стон, и крик, и голоса незнаемые, лом копийный и стук оружьиный; от множества праха не видать ни конников, ни пешцев». Крепко бились враги и разошлись к ночи; впрочем, убитых, к удивлению, оказалось немного, а больше раненых. Таков был бой первого дня на болонье у Мстислава, с Всеволодом, Игорем и другими младшими князьями. А наутро пришли все силы, окружили город и начали каждый день ходить на приступ; из города также часто выходили биться. Мстислав держался. Много было в его дружине раненых и убитых добрых мужей, но он не думал сдаваться. Девять недель продолжалась осада.

На десятой неделе пришел на Ростиславичей же Ярослав Изяславич луцкий, со всей Волынской землей, и потребовал себе старейшинства перед Ольговичами, которым Андрей предоставлял Киев. Ольговичи не уступили ему Киева, и строптивый Ярослав вступил в переговоры с Ростиславичами, договорился о Киеве и перешел на их сторону.

Между осаждающими разнесся слух, что на помощь к Ростиславичам идут еще галичане, и что черные клобуки готовы перейти на их сторону.

Как бы то ни было, по справедливой или мнимой причине, полки черниговские испугались и, не дождавшись рассвета, бросились через Днепр в великом смятении, так что и удержать их было невозможно, и множество потонуло в реке. За ними последовала и остальная рать суздальская. Мстислав, увидев такое внезапное бегство, «никому не гонящу», выехал из города с дружиной, ударил на стан и взял множество колодников.

Много пота утер он и много мужества показал со своей дружиной, за то и наградил его Бог победой.

Вся сила Андрея со стыдом возвратилась во Владимир. Тяжело

было великому князю на старости лет потерпеть такое унижение, но Ростиславичи, — кто бы подумал, — чувствуя его силу, видя, что Киева, переходившего после из рук в руки, от Ярослава луцкого к Святославу черниговскому, получить они не могут без воли и помощи Андреевой, смирились перед ним и послали к нему с повинной головой, просить стольного города русского брату их Роману (1174).

Андрей отвечал: «Подождите, я послал к братьям в Русь. Когда будет весть от них, я дам ответ».

Андрей рассуждал с собой, простить ли Ростиславичей или наказать их и послать на них новую рать, чего требовать от них, или кому отдать Киев, — он рассуждал, а между тем дни, или, лучше, часы его были сочтены, и в темноте ночной точилось уже то острие, которым пресечется завтра нить его жизни.

Старый князь рассердился за что-то на одного из Кучковичей, своего шурина, который находился всегда при нем со времени его женитьбы, провожал его в Киев, уговорил переселиться оттуда в Суздальские области и пользовался особенной его милостью. Он велел взять виновного и казнить. Брат его Яким, услышав о таком приказе, передал его своим родным, и все вспыхнули злобой. В пятницу, накануне Петра и Павла, после обедни, собрались они у Петра, Кучкова зятя, позвав к себе и других княжеских слуг — Анбала ключника, Ефрема Моизовича и прочих, человек двадцать. Яким начал: «Нельзя нам стерпеть этого: князь казнит ныне одного, а завтра доберется, пожалуй, и до нас. Добра ждать нечего. Надо же подумать о себе…» Все согласились с ним, и, нисколько не откладывая, решили на другую ночь убить своего кормильца и господина.

В десяти верстах от Владимира, вправо, на берегу реки Нерли, которая, живописно извиваясь по обширной долине, впадает здесь в Клязьму, на холме, стоит уединенная обитель, под сенью древних широколиственных лип и дубов. Близ нее возвышается старый вал, прорытый большой дорогой Нижегородской. Поодаль, в стороне, вы видите ряды деревянных изб с косятчатыми окнами, с узорными коньками. Эта обитель — Успенская, где соборная церковь построена великим князем суздальским Андреем; это село — Андреев город Боголюбов, где жили его дворяне и служители; эти узкие окна под тоненькими столбиками, между церковью и колокольней, принадлежали к его покоям. Отсюда рассылал он приказы к князьям,

кому идти на княженье, кому сходить с княженья; отсюда распоряжался он Киевом и Новгородом; сюда, по его призыву, собирались к нему полки ростовские, суздальские, владимирские, рязанские и пр.

Смерклось. Шум постепенно утихает. Горожане, отслушав всенощную, спокойно разошлись по домам. По широкой улице не видать уже более никого из прохожих. Православные, каждый у себя, готовятся к новому празднику. Вот наступает и ночь. Огни погасли. Все ложатся спать. Одни только заговорщики не смыкают глаз, каждый в своем доме готовясь к замышленному кровавому делу. Вот смолкло все, и на дворе княжеском: затворены тесовые ворота, заперты двери. Только сторожа остались ходить дозором. Старый князь, совершив по обычаю вечернюю молитву, отошел ко сну, один; подле него, в другой горнице, спит детский — вся его прислуга.

Заговорщики вылезают из логовищ, сходятся, и, видя, что весь город уже спит крепким сном, и никто помешать им не может, идут с оружием к княжескому двору.

Они убили сторожей, выломали двери в сенях, бросились к спальне — и вдруг отшатнулись, испугались, сами не зная чего. Трепет пробежал по их жилам. Тихо отошли они прочь, не зная еще, на что им решиться. «Зайдем в медушу», сказал кто-то. Они пошли в княжую медушу, напились вина и крепкого меду, хмель начал разбирать их, и они, уже смелее, вернулись в сени. Один подошел к опочивальне, где спал Андрей, постучался и начал кликать: «Господине, княже великий!» «Кто там?» — спросил Андрей, проснувшийся на шум. «Прокофий», отвечал тот. «Нет, это не Прокофьев голос», сказал Андрей. Тогда подскочили к двери прочие и выломали ее, двое вошли. В горнице было темно. Андрей, удивившись необыкновенному шуму, уже вскочил с постели и искал свой меч, меч Святого Бориса, — а меча не было: его унес прежде ключник Анбал. Злодеи напали на князя. Андрей стал бороться и повалил одного на землю, а другой, думая, что повален князь, в темноте ударил мечом товарища и убил. Тот закричал; прочие, ждавшие в сенях, прибежали на крик, как звери свирепые, и напали все на князя. Он все еще оборонялся, потому что был силен, и вопил: «Злодеи, за что вы хотите убить меня? Что я вам сделал? Бог отомстит вам за меня и за мой хлеб. Вы забыли о Горясере». Они били его мечами и саблями, кололи копьями, и, наконец, думая, что он уже испустил дух, поспешно схватили труп своего сообщника и

выбежали, а Андрей был еще жив. Очнувшись от ударов, но все еще без полной памяти, он побежал за убийцами и громко стонал от боли. Те услышали голос и вернулись. Андрей спрятался под сенями за столпом всходным. «Где он?» — спрашивали убийцы в испуге друг у друга. «Кажется, сказал один, он сошел с сеней вниз». «Посмотрите там, где мы его били», сказал другой. Некоторые побежали наверх, и тотчас воротились, принеся в ответ, что там его нет. «Мы пропали», кричали прочие. «Огня!» Засветили огонь, зажгли свечи и пошли со свечами в спальню, а оттуда уже по следам крови нашли под столпом несчастного Андрея, который, увидев их приближение, успел только обратиться с молитвой к Богу о грехах своих. Они поразили его мечами, а Петр отсек ему правую руку.

Убив князя, злодеи пошли в другую горницу и убили любимого Андреева детского, Прокофья, а потом поднялись в сени, забрали все имение княжее, золото, серебро, жемчуг, каменье дорогое и всякое узорочье, сложили на княжих (милостных) коней, и услали все, еще до света, прочь.

Горожане боголюбские, проснувшись, ждали праздничного благовеста к обедне, чтобы идти в церковь, как услышали, что князь убит. Они изумились и не знали, что делать. Страх объял всех. Ждали, что будет. Вступиться в дело было некому: его последний сын, княжил в Новгороде, братья — на Руси, знатные люди сами участвовали в заговоре.

Убийцы, обобрав княжее оружие, что раздавалось воинам, старались приманить на свою сторону его дворян, опасаясь, чтобы не вышла на них дружина владимирская, и собрали, наконец, полк. Тогда они послали сказать владимирцам: «Не помышляете ли вы что на нас? Лучше сговориться нам всем вместе. Дума была не одна наша; из вас были в той же думе». Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот ваш, а нам его не надо», но не предпринимали никаких действий. Сообщники были тому и рады, принялись грабить дом княжий, избили детских его и мечников, опустошили их дома, отняли все имущество у мастеров, что пришли строить церковь. Смотря на них, принялись грабить и другие. Унимать было некому. Грабеж тотчас распространился во Владимире и в волости. Дома посадников и тиунов везде были разоряемы. «Люди не разбирают, говорит летописец, что где закон, там и обид много». Страх напал на народ, и никто не понимал, что делается. Произошло общее смятение. Уже попу Микулице пришла в голову благая мысль, одевшись в

ризы, взять чудотворную икону Божией Матери и пойти с ней по городу. Только тогда прекратился грабеж во Владимире, и утихло смятение.

Между тем, тело Андрея лежало забытое, непогребенное. Киевлянин Кузмище осмелился, наконец, войти на княжий двор, чтобы поклониться покойнику, и, не видя тела на месте убиения, спрашивал, где оно. «Валяется на огороде, отвечали ему, не моги брать его. Кто его примет, тот нам ворог, мы и того убьем». Кузмище, однако же, пошел, отыскал убиенного и начал плакать над ним, причитая: «Господине мой! Что сталось с тобой, отчего ты не очютил скверных ворожбит своих, отчего же ты не домыслил победить их, как победил болгар?»

Анбал, один из заговорщиков, любимец княжий, которому Андрей дал ключ от всего дома и волю надо всем, родом ясин, проходил мимо. «Анбале вороже, сказал, увидев его, Кузмище, брось ковер, прикрыть тем господина нашего». «Поди прочь, закричал в ответ Анбал, мы хотим выверечи его псам». «Ах ты жид, окаянный, воскликнул Кузмище, уж ты хочешь выверечи псам княжее тело? Помнишь ли, в каком рубище пришел ты и теперь ходишь в оксамите, а князь лежит нагой? Смилуйся, сбрось же что-нибудь». Анбал сбросил ковер и корзно. Кузмище обернул тело и понес в церковь. Она была заперта. «Отоприте», говорил он. «Кинь тут на паперти, чтоб тебя лихо взяло», отвечали слуги, все пьяные. «Уже и парубки твои не узнают тебя, господине, плакал Кузмище, а, бывало, придет какой гость из Царьграда или из других стран Русской земли, — латинянин, христианин, — ты приказывал отводить всякого в церковь, на полати: пусть он посмотрит славы Божией и церковного украшения — а теперь тебя самого не пускают в церковь твою!» Кузмище должен был оставить тело Андрея на паперти, прикрыв корзном… Оно лежало тут два дня и две ночи. Наконец, игумен Арсений, от Козмы и Демьяна, тщетно дожидавшись старших, пришел в церковь и сказал: «Долго ли же князю лежать здесь? Отомкните божницу, положимте его в колоду (буду) или гроб и отпоем над ним, а когда престанет злоба сия, тогда придут из Владимира и отнесут его туда». Крылошане боголюбские взяли тело, положили в каменный гроб, отнесли в церковь и отпели над ним погребальное вместе с игуменом Арсением. А на шестой день образумились, действительно, и владимирцы. «Нарядите носилицы, поедем взять князя и своего господина», сказали они игумену

Феодулу и Луке демественику Пресвятой Богородицы. А Микулице велели собрать попов, и, оболокшеся в ризы, выйти с Пресвятой Богородицей за Серебряные ворота: «Тут дожидайтеся князя». Когда владимирцы с крылошанами поехали за телом князя в Боголюбов, все люди высыпали встречать его за городом. Долго смотрели они в ту сторону, откуда должно было показаться погребальное шествие… И вот из-за горы «поча выступати стяг от Боголюбаго». Тогда все зарыдали, и вопль был слышен далече. Народ плакал и причитал: «В Киев ли ты едешь, господине, теми ли вороты Золотыми, в ту ли церковь, что хотел поставить на великом дворе на Ярославовом, в память всему твоему отечеству?» Тихо приближался гроб. Все люди заливались слезами. Тело было принесено и положено с честью у Святой Богородицы Золотоверхой, что он сам создал.

Если вы будете во Владимире, ступайте в Кремль поклониться этому древнему зданию зодчества в Русском царстве. На правой стороне от северных дверей стоит серебряная гробница, и недалеко от нее висит древний шитый образ во весь рост усопшего. Помолитесь ему, и поклонитесь мощам благоверного князя Андрея. Это был самый мудрый князь своего времени, который умел захватить в свои руки власть почти над всеми своими братьями, которого слушались равно и Киев, и Новгород, и Ростов, и Суздаль, и Владимир, князья смоленские, полоцкие, волынские и прочие. Но не тем заслужил он себе особенную память в летописях отечества, а вот чем: он повернул центр русской государственной тяжести в нашу сторону, он вывел на сцену Истории другое племя, великорусское, самое младшее из всех здешних племен, из всех племен славянских, и, второй Рюрик, положил основание другому княжеству, которое примет в один из меньших городов своих, заложенный отцом его, все прочие, и заключит в себе судьбы отечества.

Потомство Андрея пресеклось. Два старших сына, слуги его побед, Изяслав и Мстислав, умерли еще при его жизни. Внука, Мстиславова сына, Василия, след пропал в летописях, где записано только его рождение и кончина. Младшего сына, Георгия, новгородцы тотчас после смерти Андрея выгнали от себя, и он, по какому-то удивительному стечению случайностей, очутился в Грузии, супругом знаменитой царицы Тамары, славной своими победами и любовью к истории, стихотворству, просвещению, и потом, изгнанный, скончался неизвестно где. А что сталось с его убийцами? От Владимира в семи верстах, вверх по Клязьме, недалеко

от реки, на левой по течению ее стороне, есть озеро, заросшее от берегов мохом, которое прозывается Пловучим. По этому озеру всегда плавают какие-то темные глыбы и переносятся часто ветром с одного конца на другой. Однажды в году из глубины этого озера слышится, говорят, человеческий стон. Это бывает 29 июня, на память Святых Апостолов Петра и Павла, в день убиения Андрея. Простой народ думает, что тела убийц Андреевых, которые были казнены впоследствии братом его Михалком, были зашиты в короба и брошены здесь в воду.

А куда делась Андреева сила? Андреева сила рассеялась вместе с его смертью, как рассеивается грозная туча, настигнутая вихрем. Ее как будто и не бывало, и все труды его пропали вместе с ним. Как наследовать из его рода было некому, так и наследовать было нечего, разве наследник или преемник, сам своей особой, сумеет сделаться тем же, чем был Андрей.

Узнав о княжей смерти, ростовцы и суздальцы, переяславцы и вся дружина, от мала и до велика, съехались во Владимир и думали на вече: «Князь наш убит, а детей у него нет, — один сынок мал в Новгороде, — братья его в Руси. Кого же нам взять к себе в князья?» Рязанские послы, Дедилец и Борис, указывали на братьев своей княгини. «В самом деле так, рассудили думцы, рязанские князья, что муромские, у нас в соседстве: они могут пойти ратью на нас, пока нет князя. Пошлем лучше к Глебу и скажем: князя нашего Бог поял, и мы хотим твоих шурьев, Ростиславичей, Мстислава и Ярополка».

Эти князья были племянниками Андрея, — сыновья старшего брата Ростислава. Избирая их, граждане преступали, как прежде, при избрании Андрея, свое крестное целование Юрию на младших его детях.

Все утвердились Святой Богородицей и послали сказать Глебу: «Тебе твоя шурина, а наша князя, шлем к тебе послов и просим, ты приставь к ним своих, и пусть едут вместе за нашими князьями».

Глебу было очень лестно, что оказывают ему честь и хотят его шуринов: он исполнил желание суздальцев.

Послы нашли избранных, вместе с их дядями Юрьевичами, младшими братьями Андрея, в Чернигове, и сказали молодым князьям: «Ваш отец добр был, когда жил у нас; поезжайте к нам княжить, а других мы не хотим». Мстислав и Ярополк отвечали: «Спасибо дружине, что не забывает любви отца нашего». Посоветовавшись между собой, под влиянием Святослава

черниговского, который был им покровителем, они сказали дядям: «Либо лихо, либо добро всем нам, а пошлемте все четверо вместе». И, утвердясь между собой перед святым крестом, у черниговского епископа Антония, они поехали — Юрьевича два и Ростиславича два, Михалку, по соглашению, «держащу старейшинство».

Двое отправились вперед — Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич, — и прибыли в Москву, перепутье между старой Русью и новой, Малой и Великой.

Ростовцы, услышав, что кроме избранных ими князей едут еще двое дядей, вознегодовали, и велели Ярополку продолжать путь одному, а Михалку пождать. Ярополк уехал от него тайно в Переяславль.

Михалко, лишь только узнал о его отъезде, как и сам поехал во Владимир и был принят владимирцами.

Ростовцы, поцеловавшие крест Ярополку, взволновались, как те смели принять князя к себе вопреки их решению. «Это холопы наши каменщики, кричали они, мы сожжем их и посадим у них опять посадника. Владимир пригород наш». Владимирцы не могли сносить такой обиды и решили стоять на своем, хотя их дружина, в числе полутора тысяч, вышла еще прежде навстречу к князьям, и в Переяславле должна была целовать крест Ярополку, вместе с прочими. Когда те пришли с рязанцами и муромцами принудить их силой к покорности, они затворились в городе и начали биться. Семь недель продолжалась осада, и князья не могли одолеть города. Но голод изменил дело. Они сказали Михаилу: «Мирись или промышляй о себе». «Делать нечего, отвечал сын Юрия, не погибать же вам из-за меня», и, простясь с ними, уехал в Русь.

Ярополк и Мстислав, утвердясь крестным целованием с жителями, чтобы не делать им никакого зла, вступили в город. Владимирцы не имели, впрочем, ничего против этих князей, замечает летописец, но не хотели только поддаться ростовцам, которые хвалились перед ними беспрестанно: «Мы старшие, что нам любо, то и сотворим».

Князья утешили их и разделили между собою волости: Мстислав сел в Ростове, а Ярополк во Владимире. Сына Мстиславова приняли к себе новгородцы.

Но они усидели недолго… Раздав посадничества русским детским, которые начали притеснять народ продажами и вирами, князья возбудили против себя общее неудовольствие. Они были

молоды и слушали своих бояр, а бояре учили взимать большие дани. Даже из соборной церкви они взяли серебро и золото, отняли город и дани. Владимирцы вышли из терпения. «Мы вольные люди, говорили они, прияли сами князей к себе, а они поступают как будто не в своей волости, не рядят, а грабят; грабят не только волость, но и церкви. А промышляйте, братья!» Владимирцы, впрочем, послали сначала к ростовцам и суздальцам сказать о своей обиде. Те на словах были за них, а делом были далече, и бояре крепко держались князей. Но владимирцы стояли твердо, и послали прямо в Чернигов звать к себе Михаила: «Ты старший в братье своей, иди к нам. Если ростовцы и суздальцы из-за тебя замыслят что-нибудь на нас, то как с ними Бог даст и Святая Богородица!»

Михалко и его брат Всеволод отправились, черниговский князь Святослав дал им сына Владимира с полком. «Михалка уя болезнь велика на Свине; его понесли на носилках, еле жива, и так донесли до Кучкова, рекше до Москвы». Здесь князья были встречены владимирцами с Юрием Андреевичем.

Племянники, посоветовавшись со своей дружиной, решили не допускать их до Владимира. Ярополк пошел навстречу с полком своим, преградить им путь, но, к счастью, они разминулись дорогами: Михалко, через силу, держал путь к Владимиру, а Ярополк прибыл в Москву. Тогда он решил повернуть и ударить на Михалка сзади, а Мстислав, которому он дал знать, должен был принять его спереди от Владимира.

Мстислав, получив эту весть от брата, поскакал на Михалка с дружиной, «как на зайцев», и встретил его уже в пяти верстах от Владимира, больного, несомого на носилках. Ростовцы бросились на владимирцев, «как будто съесть их хотели»; но те дружно приняли натиск, отбились, и, в свою очередь, ударили с такой силой, что ростовцы не выдержали и, бросив стяг, вынуждены были бежать. Мстислав спасся в Новгород, а Ярополк в Рязань. Сражение происходило почти под Владимиром, и все люди, с духовенством и крестами, вышли после встретить братьев-победителей (1175).

Радость в городе была несказанная. «Ялись за правду мизеннии люди владимирские, говорит летописец, не убоялись двоих князей, бывших в их волости, положили ни во что прещения бояр, семь недель оставались без головы, говоря, либо найдем себе князя Михаила, либо головы свои положим, — и Бог им помог, и увидели они у себя опять князя всея Ростовския земли».

Суздальцы прислали сказать Михалку: «Мы, князь, на полку том не были с Мстиславом, а были с ним только бояре; ты лиха на нас за то не держи и приезжай к нам».

Михалко поехал в Суздаль, а из Суздаля в Ростов, и «сотворил везде людям наряд», утвердился крестным целованием и приял честь со многими дарами от ростовцев.

Посадив своего брата Всеволода в Переяславле, он ходил к Рязани войной на Глеба; но Глеб умилостивил его, признав себя виноватым и обещая вернуть все до золотника, что взял у своих шуринов, равно как и образ Божией Матери. Михалко жил недолго: он умер через несколько месяцев (1176). Владимирцы поцеловали крест младшему его брату, Всеволоду, а ростовцы вернулись к своей прежней думе. Они послали за Мстиславом в Новгород известить, что Михалко умер, и что они не хотят никого, кроме него.

Мстислав приехал в Ростов и, собрав ростовцев, бояр и гридьбу, пасынков и всю дружину, пошел к Владимиру.

Всеволод вышел навстречу с остальными боярами и послал сказать ему: «Брат, тебя привела старейшая дружина, ростовцы, а меня привели владимирцы. Я останусь во Владимире, а ты ступай в Ростов, и мы оттуда возьмем мир. Суздаль же пусть останется пока у нас общим: кого похотят они, тот и будет им князь».

Мстислав выслушал эту речь и согласился, но бояре сказали ему: «Хоть бы ты дал ему мир, но мы не даем». Особенно восставали Матьяш Бутович, Добрыня Долгий, и другие злые люди. Мстислав их послушался.

Всеволод передал, между тем, переяславцам свои переговоры, и те ему отвечали: «Ну что же, князь, ты хочешь ему добра, а он ловит твоей головы. Стой крепко».

Соперники сразились на Юрьевском поле, и Всеволод победил: Мстислав бежал, Добрыня Долгий, Иванко Степанович убиты, множество ростовцев и бояр взяты в плен. Владимирцы повязали пленников, взяли их села, погнали скот и коней во Владимир.

Мстислав бежал в Ростов, а из Ростова в Новгород, но новгородцы уже не приняли его: «Ты, князь, сказали они ему, ударил пятою Новгород и ушел к ростовцам с их подговору, на дядю своего Михалка, — ну вот, Михалка Бог взял, а Всеволода Бог рассудил с тобой: что же тебе делать у нас?»

Мстислав обратился тогда к зятю, Глебу рязанскому, и старался склонить его на свою сторону. Тот пришел на Москву и сжег ее.

Всеволод хотел было сам тотчас напасть на него, но был удержан новгородцами, Милонежковой чадью, которые советовали ему дождаться их помощи, и возвратился во Владимир. Зимой, получив помощь из Руси от Святослава Всеволодовича и от племянника Глеба из Переяславля, он пошел к Рязани. Уже когда был в Коломне, пришла к нему весть, что Глеб с половцами пришел другим путем к Владимиру, пожег села боярские, а жен, детей и товар отдал поганым, запалил многие церкви.

Всеволод вернулся от Коломны и нашел Глеба на Колокше, с половцами и полоном. Они стояли друг против друга месяц, потому что нельзя было перейти реки по льду. Наконец, Всеволод решил дать бой и на масленице «пустил возы» на Глебову сторону реки. Рязанский князь отправил людей с Мстиславом на возы, а сам с сыновьями и Ярополком перешел Колокшу ко Всеволоду, на Прускову гору. Между тем, Мстиславу не удалось около возов, к которым Всеволод прислал на помощь дружину с переяславцами: он не выдержал и бежал. Глеб, увидев его бегство, заколебался, постоял немного и также бежал. Всеволод погнался за ними, убивая и пленяя. Тогда взяли самого Глеба, его сына Романа, шурина Мстислава Ростиславича, всю его дружину, всех его думцев. Здесь попался и Борис Жидиславич, знаменитый воевода Андрея, Дедилец, Ольстин и множество других. Половцы все были избиты оружием.

Всеволод вернулся во Владимир с победой и славой. Князь рязанский, бояре и дружина, были приведены пленниками, а свои освобождены. Новая радость во Владимире.

На третий день случился мятеж: встали бояре и купцы и приступили к Всеволоду. «Князь, мы хотим добра тебе и кладем за тебя свои головы, а ты держишь ворогов своих на свободе: вороги твои и наши, — суздальцы и ростовцы. Либо казни их, либо слепи, либо отдай нам». Всеволоду не хотелось поступить так жестоко, и он, для успокоения мятежа, посадил колодников в темницу, а между тем послал в Рязань за другим соперником, Ярополком: «У вас мой ворог, отдайте его, не то приду к вам».

Рязанцы подумали: «Князь наш и братья наши погибли из-за чужого князя», и согласились: поехали в Воронеж, взяли там Ярополка и выдали руками Всеволоду. Тот велел посадить его вместе с прочими.

Между тем, Глебова жена молилась о своем муже. Мстислав новгородский, зять Глеба, убеждал Святослава Всеволодовича,

союзника Всеволодова, вступиться за Ростиславичей: князь черниговский прислал епископа Ефрема и игумена к владимирскому князю ходатайствовать за пленников и просить их в Русь. Но Глеб сам не согласился и сказал: «Лучше здесь умру, а не пойду». Он в самом деле вскоре умер, а Роман, сын его, был, наконец, по долгом молении, за крестом, отпущен. Освобождены из темницы были и Ростиславичи, будто ослепленные.

Таким образом, брат Андрея, великий князь суздальский Всеволод, освободился от всех своих врагов, и сила Андрея, расточавшаяся по его смерти, собралась, хоть частично, опять в одной руке (1177).

Последний сын князя Юрия Владимировича Долгорукого, от второй жены его, гречанки родом, и, следовательно, младший почти из всех многочисленных внуков Мономаха, — тот, кому предназначено было судьбой продолжить дело Андрея, возвеличить Владимирское княжество, утвердить средоточие будущего государства на севере, быть главой всех действующих лиц своего времени, наконец, стать прародителем славнейшей ветви Рюрикова дома, князей северных, — владимирских, суздальских, ростовских, нижегородских, тверских, московских, а через этих последних и всех царей русских, до Феодора Иоанновича включительно, — Всеволод начал свое долгое и многозначительное поприще очень несчастливо, тихо и бедно.

Оставшись ребенком после отца, умершего на киевском, любезном для него, столе в 1157 году и завещавшего еще прежде младшим детям Суздальское княжество, он возвратился было с матерью в свою отчину, но вскоре, через пять лет (1162), был изгнан старшим братом Андреем Боголюбским, который уже давно там водворился (с 1155 г.) и не хотел делить власти ни с кем из своих родственников.

В Грецию, отчизну печальной вдовы, удалилось осиротелое и обездоленное семейство, и император Мануил Комнин дал старшему из них брату Василько один фракийский город во владение.

Неизвестно, сколько времени продолжалось изгнание. В 1169 году мы видим Юрьевичей, уже возмужавших, на Руси. Они примирились со своим гонителем, великим князем суздальским, и служили ему против великого князя киевского, Мстислава Изяславича. Вероятно, они получили себе за то какие-нибудь уделы, после того как Киев поступил в распоряжение Андрея.

В его новой войне с Ростиславичами за Киев братья опять находятся в составе его войска: нашему Всеволоду, как младшему между всеми участвовавшими князьями, довелось начать первое сражение под Вышгородом и получить урок в ратном деле от храбрейшего воителя того времени, Мстислава храброго, — урок, принятый, впрочем, с честью.

После поражения Андреевой рати, младшие Юрьевичи остались на юге едва ли не без пристанища. Со смертью Андрея, их главного прежде притеснителя, наступил для них, казалось, счастливый случай вернуться на родину и получить отцовское наследие, но граждане сочли себя вправе избрать князя по своей воле, несмотря на свою прежнюю присягу. Последующие происшествия обратились в их пользу, как мы видели выше, и Всеволод избавился благополучно от своих врагов, получил в единственное, бесспорное владение почти всю северную Русь — Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль, Москву, Тверь, Поволжье, Белоозеро, — это была область обширная, сильная, богатая, что касается до естественных произведений, нужных для жизни, не слыхавшая почти никогда об усобицах, не видавшая давно никакого врага, ни своего, ни чужого. Северная Русь со стольным городом Владимиром находилась теперь точно в том положении, в каком была южная — Киев, при первых князьях, следовавших один за другим поодиночке, до Ярослава включительно, и потому имевших время и возможность основать, распространить и усилить свое княжество-государство. Всеволод, подобно им, заступил теперь после кратковременной усобицы, один, место Юрия и Андрея, — и на сорок лет оставался один же на севере, между тем как на юге было уже до ста князей, которые все хотели есть и искали себе хлеба вместе с половцами, вырывая куски друг у друга.

Вот в чем состояла простая тайна северной силы, вот в чем состояла простая тайна владимирского преимущества перед Киевской Русью, дробившейся все мельче и мельче. Здесь случилось быть одному князю, а там число беспрестанно умножилось. Пока сохранялись эти численные отношения, то есть, пока здешний князь стоял один лицом к лицу с множеством тамошних князей, до тех пор он мог, если только хотел, иметь значительное влияние на все их дела, даже не отличаясь от природы чрезвычайными способностями, а властолюбивый, высокомерный, деятельный, даровитый, как Андрей, «кольми паче». Всеволод же не уступал старшему брату в доблестях. При самом вступлении на поприще, несмотря на

молодость, он выказал много смелости и твердости, равно как и расчетливости, осторожности. Так, во все продолжение своего княжения, умея пользоваться обстоятельствами, не пропуская ни одного случая к каким бы ни было приобретениям, Всеволод, без особенных усилий со своей стороны, без вызова происшествий, становился могущественнее и значительнее с каждым годом.

По счастливому стечению обстоятельств, одним и тем же ударом, которым приобретены были Всеволодом Владимир, Ростов и Суздаль, тем же ударом поражена была и соседняя Рязань, и ему нечего стало опасаться Рязани, как Киев опасался Чернигова.

Подчинив себе Рязань, которая сама беспрестанно подавала ему поводы к участию в ее делах, прибрал к своим рукам Новгород, зависевший от него по своему естественному положению, овладел Переяславлем (Русским) и, возобновив любезный отцовский Городец на Остре, выговорив себе многие города от Киевского княжества, за помощь, без которой южные князья не могли обойтись, пособив удержаться за Днепром Мономаховичам, которые за то должны были признать его своим главой и получить от его руки Киев, приводя в повиновение черниговских Олеговичей, оказывая покровительство Галичу, стеснив соседнее царство Болгарское и нанеся удары не только близкой мордве, но и отдаленным половцам, Всеволод достиг, наконец, цели Андрея и Мономаха, то есть, господства, господства в пределах еще более обширных, чем какое было у этих могущественных князей, — казалось, что удельное расстройство прекращается, княжество его вполне готово стать государством, и он сам становится самодержцем; но не станем упреждать событий и передадим их по порядку.

Новгородцам хотелось сбросить с себя непрошенную стеснительную опеку князей суздальских, и они опять приняли изгнанных Всеволодом племянников, Мстислава и Ярополка, (ослепление которых было, кажется, мнимое, для народа владимирского или для самого Всеволода), и посадили первого у себя, а второго в Торжке; Ярославу же Мстиславичу, данному им Всеволодом, после первой разлуки с Мстиславом, поручили Волок Ламский, крайний город их владений, близ границ Суздальского княжества. Враги тамошнему князю казались им самыми надежными друзьями, покровителями и защитниками; но Всеволод не мог, даже для самосохранения, оставить их в покое.

Управившись дома, он пошел к Торжку (1177). Жители обещали

дань и медлили. Владимирская дружина, привыкшая в последнее время своевольничать, начала роптать: «Мы не целовать их приехали. Они лгут, князь, и Богу, и тебе». Толкнули коней, вскакали в город, зажгли, мужей повязали, а жен, детей, имущество, взяли на щит за новгородскую обиду (8 декабря). Ярополк бежал.

Из Торжка, отправив добычу Владимиру, Всеволод обратился к Волоку Ламскому с остальной дружиной. Они взяли город, выручив прежде князя, и сожгли его, но людей не тронули.

Мстислав вскоре умер (20 апреля 1178 г.), и новгородцы посадили у себя бежавшего из Торжка Ярополка.

Всеволод, вернувшись из похода, решил действовать иначе, и, как показали следствия, гораздо удачнее, хоть тише и легче: он велел перехватать и рассажать под стражу всех гостей новгородских, торговавших в его волостях. Новгородцы тотчас указали путь Ярополку (1178), чего желал на первый случай Всеволод, но обратились за князем не к нему, а к Роману смоленскому, потом к брату его Мстиславу (1179), и, наконец, к новому врагу Всеволода, великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу (1180), который прислал им сына Владимира.

Святослав, старший тогда между всеми князьями русскими, только что получил великое княжество и распоряжался в то же время всеми волостями Ольговичей, следовательно, относительно, был сильные всех на юге.

Всеволод разошелся с ним по следующему случаю.

Дети несчастного князя Глеба, который дорого заплатил за мгновенную честь, на него возложенную ростовцами и суздальцами, принять от его руки его шуринов на княжение, были выпущены из владимирского плена, в уважение ходатайства многих родственных им князей, разумеется, на условии совершенной покорности, или, как говорилось тогда, на всей воле великого князя суздальского.

Вскоре (1180) они перессорились между собой и подали повод ему утвердить власть над собой еще крепче, прислав к нему жаловаться, младшие на старших: «Ты господин, ты отец (вот уже какой язык послышался на Руси). Брат наш старший Роман отнимает у нас волости, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и переступил».

Всеволод пошел к Рязани. Суздальские разъезды встретились с рязанскими и обратили их в бегство. Роман бежал не заходя в Рязань, где затворились согласные с ним братья, Игорь и Святослав. А когда

Всеволод взял Борисов-Глебов, то смирился перед ним и получил мир. Великий князь суздальский сотворил ряд всей братье, раздав им волости по старейшинству.

Святослав черниговский, некогда благодетель Всеволода в изгнании, не мог снести, разумеется, хладнокровно нанесенного оскорбления. Он пошел мстить за сына. Другой сын его, Владимир, только что избранный новгородцами, вел к нему помощь от Новгорода. Они вышли из Твери, опустошили берега Волги и подступили почти к Переяславлю. На реке Влене, в 40 верстах от города, встретил их Всеволод с полками суздальскими, рязанскими и муромскими. Суздальцы стояли на горах, в пропастях и ломах, так что их нельзя было достать. Всеволод удерживался от сражения. Только однажды он отрядил рязанских князей в стан Святослава, которые произвели было там замешательство, но после вынуждены были отступить. Святослав послал попа своего к Всеволоду: «Брат и сын! много делал я добра тебе и не чаял такого от тебя возмездия; но если ты умыслил уже на меня зло и взял моего сына, то недалеко тебе искать меня: отступи от реки и дай мне путь; я перейду на твою сторону, и Бог нас рассудит. Если же ты не хочешь дать мне пути, то я дам тебе; переезжай сюда, и Бог нас рассудит». Всеволод не отвечал и удерживал посла. Святослав долго дожидался и, наконец, опасаясь оттепели, отошел, спалив по дороге Дмитров. Всеволод не велел гнаться за ним.

Ему надо было управиться с новгородцами, которые опять посадили Ярополка в Новом Торгу, и он тотчас начал воевать Поволжье (1181). Всеволод пришел со своим полком, с муромской и рязанской помощью к городу. Новоторжцы затворились и сидели пять недель. Настал жестокий голод; князь был ранен стрелой, и они должны были сдаться. Город сожжен, жители с женами и детьми отведены в плен, и сам Ярополк с ними, в оковах.

Всеволод, впрочем, скоро помирился с великим князем Святославом. Ему, видно, совестно стало прежних своих отношений; он выпустил Глеба из оков и сватался со старым Святославом, выдав за его младшего сына свою вторую свояченицу (1182).

Новгородцы вынуждены были смириться, после всех своих неудачных опытов, и, указав путь Владимиру Святославичу, просили князя у Всеволода: он дал им своего свояка Ярослава Владимировича (1182), который княжил у них очень долго и был выведен только однажды на краткое время.

Таким образом, домашние и соседние дела устроились как нельзя лучше; новгородцы смирились, Рязань слушалась, южные князья находились в дружбе, и Всеволод, с их помощью, мог предпринять внешний поход на богатых болгар, куда любили ходить и ходили так часто и счастливо Юрий и Андрей.

Ополчение собралось большое (1183). Князья черниговский и смоленский прислали к Всеволоду своих сыновей; все Глебовичи рязанские, муромский князь, соединили с ним свои полки. Окой и Волгой пошли они в землю Болгарскую, стали у Тухчина городка, а на третий двинулись к великому городу, выслав вперед сторожи. К ладьям отряжен был белозерский полк с воеводой Фомой Лазковичем. На пути, при устье Цевцы, наши разъезды увидели полк в поле и сочли его болгарским. Но тотчас пятеро мужей из этого полка явилось к Всеволоду и ударили челом перед ним: «Кланяются тебе, князь, половцы Емяковы, пришли мы воевать болгар с князем болгарским». Всеволод, посоветовавшись с братьями и с дружиной, взял с них клятву половецкую, принял к себе и продолжал путь. Перейдя Черемшан, он выстроил полки и начал думать с дружиной, а Изяслав Глебович, племянник его, взяв копье, пустился к плоту, что болгаре, выйдя из города, учинили твердью. Он гонял их за плот к воротам, копье свое изломал, как вдруг ударило его стрелой сквозь броню под самое сердце, и принесли его свои еле живого. Между тем, другие болгары, из городов Собекуля и Челмаша, пошли в ладьях, а из Торцского на конях, на наши ладьи. Те вышли против, ударили дружно, и болгары побежали. Наши секли их, преследуя, а многие потонули в опрокинувшихся лодках. Великий князь стоял десять дней под городом. Болгары выслали к нему послов с миром, и он, видя брата изнемогающего, дал им мир. Изяслав умер. Всеволод послал коней на мордву, а сам вернулся во Владимир.

Через год (1183) посылал он на болгар воевод своих с городчанами, которые взяли многие села и вернулись с добычей.

Рязанские князья служили ему верно во всех этих походах — и против новгородцев, и против Святослава, и против болгар: они не смели его ослушаться, но вражда между ними не прекращалась, а напротив, возгорелась до такой степени, что старшие — Роман, Игорь, Владимир, искали случая убить младших (1186). Те проведали и начали укреплять свой город Пронск. Старшие пришли с ратью и стали разорять села. Всеволод прислал к ним послов с увещаниями: «Братья, что вы делаете? Не дивно, что поганые воевали прежде нашу

землю, а вы теперь ищете сами убить друг друга!» Они же, «восприимше помысл буй», начали злобствовать еще сильнее. Тогда великий князь суздальский прислал осажденным, по их просьбе, триста человек владимирской дружины. Битвы продолжались. Всеволод послал еще свояка своего Ярослава Владимировича да двух муромских князей, и осаждавшие, при этой вести, удалились от города. Тогда один из освобожденных князей, Всеволод, выехал из Пронска навстречу к покровителям в Коломну, объявить им о происшедшем, и оттуда с ними на совет во Владимир, — а старшие, узнав, что Святослав остался в Пронске один, вернулись и возобновили осаду. Они обманули Святослава; Святослав отворил ворота. Братья вошли и отдали город ему, приведя ко кресту, а жену Всеволодову с детьми и что осталось дружины его, бояр, связав, увели в Рязань; имение расхитили, владимирцев, присланных на помощь, пленили.

Великий князь собрал войско и требовал задержанной дружины у Святослава: «Отдай мою дружину добром, как ты взял ее у меня, выбив челом. Если ты помирился со своей братьей, так зачем же держать тебе моих людей. Они ратны, когда ты ратен, а ты мирен, так и они мирны».

Тогда рязанские князья, услышав о его сборе, прислали к нему сказать: «Ты господин, ты отец, ты брат; где твоя обида будет, мы прежде тебя сложим свои головы, а ныне не имей на нас гнева! Мы воевали своего брата, потому что нас не слушает, а тебе кланяемся и мужей твоих отпускаем». Всеволод не слушал их, и уже только в следующем году (1187), в уважение ходатайства черниговского епископа Порфирия и своего епископа Луки, приходившего с мужами черниговскими Всеволодовичей, Святослава и Ярослава, дал Рязани мир, послав туда вместе с этими послами своих послов и свободив пленников. Порфирий справил, однако же, свое посольство не верно, не по-святительски, а как «переветник и лож». Утаяся от прочих послов, он изворочал речь великого князя суздальского перед рязанскими князьями и отошел иным путем в страну свою. Всеволод, узнав об этом, хотел было послать за ним, но оставил, а на Рязань пошел вместе со свояком своим, князем Ярославом Владимировичем, и муромским князем Давыдом Юрьевичем. Всеволод Глебович из Коломны ходил с ними на братьев своих. Переправившись через Оку, они пожгли многие села, «сотворили землю (1186) пусту» и возвратились с большой добычей.

Южные князья начали искать его союза и дружбы. Великий князь киевский Святослав Всеволодович, глава Ольговичей, женил своего племянника Ростислава Ярославича на его дочери Всеславе; деятельнейший из Ростиславичей, сидевший несколько раз на столе великого княжества, Рюрик просил у него дочери, еще восмилетней, Верхуславы, в замужество за своего старшего сына Ростислава. Богатый и многолюдный поезд явился за ней во Владимир; Рюрик прислал князя Глеба туровского, своего шурина, с женой, тысяцкого Славна с женой, и многих других бояр с женами. С велика дня отправились они из Руси, а на Борисов день (2 мая) отдал им великий князь дочь свою и дал за ней без числа золота и серебра; всех сватов одарил богатыми дарами и отпустил с великой честью. До трех станов проводили горестные отец и мать свое милое детище и простились с ней с горькими слезами, дав ей в провожатые своего близкого родственника, боярина Якова, с женой, и других бояр, снабженных разнообразными дарами для всех новых родственников. На Офросиньин день приведена была невеста в Белгород и принята с честью и любовью, заутра Богослова венчана была у Святых Апостол епископом Максимом. «Сотворил же Рюрик Ростиславу велми сильну свадьбу, ака же несть бывала в Руси, и быша на свадбе князи мнози, за двадцать князей; снохе же своей дал многие дары и город Брагин; Якова же свата и с бояры отпустил в Суздаль с великой честью и дарами многими одарив» (1187).

Слава о силе и значении Всеволода уже тогда распространилась настолько, что немецкий император, к которому спасся бегством из Венгрии галицкий князь Владимир Ярославич, узнав от него, что великий князь суздальский Всеволод ему дядя, принял его с любовью и поручил польскому королю Казимиру добыть ему Галич. Владимир был посажен на стол отца и деда, с обязательством платить императору по две тысячи гривен серебра ежегодно. Он искал, однако же, опоры больше во Всеволоде и прислал сказать ему: «Отче господине! Удержи за мной Галич, а я Божий и твой со всем Галичем, и из твоей воли не выйду». Всеволод послал оповестить всех князей и короля ляшского и привести их к кресту, чтобы они под сестричичем его Галича никогда не искали. Владимир утвердился в своей отчине, и с тех пор никто более не пошел на него (1190).

Точно так же, когда великий князь Святослав киевский хотел было присвоить что-то от Смоленской области, Всеволод вместе с Рюриком убедили его оставить свои притязания, и он послушался.

Святослав, заспорив о пограничных волостях с рязанскими князьями, хотел было вместе со своими братьями идти на них войной и послал к Всеволоду «просячеся у него» на Рязань. Всеволод не изъявил своего согласия, и великий князь киевский возвратился от Карачева (1194).

После смерти Святослава, сначала благодетеля, потом на короткое время противника, а потом союзника и единомышленника Всеволодова, Киев занял Рюрик Ростиславич, сват его, позванный к умиравшему князю и принятый киевлянами (1194 в июле), а Всеволод, тогда уже старший из всех князей, прислал мужей своих посадить его на киевский стол, чего прежде никогда не бывало, и чем ясно объявилось его первенство. В делах южной Руси он начал тогда принимать деятельное участие.

Вскоре он вознегодовал на Рюрика и прислал к нему послов сказать: «Вы нарекли меня старшим во Владимировом племени, а ныне ты сел в Киеве и не учинил мне части в Русской земле: раздал области иным младшим, а мне ничего; если так, да то ты, а то Киевская область; кому ты дал ее, с тем и стереги. Я посмотрю, как вы удержите; а мне не надо».

Рюрик был приведен в большое затруднение, потому что города, требуемые себе Всеволодом: Торческ, Триполь, Богуславль, Корсунь, Канев, он отдал своему зятю Роману волынскому, славному сыну Мстислава Изяславича, еще в молодости защитившему Новгород от сильной рати Андрея Боголюбского, и целовал ему крест. Рюрик предложил Всеволоду другую волость, но тот не согласился. Тогда он, после многих советов с дружиной и духовенством, обратился к Роману, объясняя, что им всем нельзя быть без Всеволода, на котором положили они старейшинство всего Владимирова племени, договорился с ним и исполнил Всеволодову волю.

Всеволод тогда дал шурину Романову, а своему зятю, Рюрикову сыну, Ростиславу, Торческ. Роман оскорбился, начал подозревать и примкнул к Ольговичам, подговаривая их на Киев и на своего тестя.

Рюрик послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, во Владимировом племени старший. Романко изменил нам. Гадай о Русской земле, о своей чести и о нашей».

Роман смирился, побежденный со своими помощниками Казимировичами — надо было наказать и Ольговичей, которые обнаружили свои виды на Киев.

Рюрик и Всеволод потребовали от них, чтобы они поцеловали

крест не искать Киева и Смоленска, отчины их, ни под ними, ни под их детьми: «как разделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вам не надо». Ольговичи отвечали Всеволоду: «Если ты велишь блюсти Киев под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; но если ты велишь лишиться его нам отныне навсегда, то мы не угры, не ляхи, но единого деда внуки; при вашем животе не ищем его, а по вас кому Бог даст». Долго они спорили между собой, и много речей было между ними: Всеволод, желая подчинить себе все племя Владимирово, пригрозил, наконец, им войной. Ольговичи испугались и послали мужей своих с игуменом Дионисием к Всеволоду, «кланяючеся и емлючеся ему под всю волю его». Всеволод поверил им и слез с коня, а Ольговичи послали на Давыда Ростиславича к Смоленску и, победив, взяли в плен племянника его Мстислава Романовича. Рюрик звал великого князя владимирского отомстить обиду и стыд (1195).

Всеволод пошел к Чернигову, соединившись с Давыдовичами смоленскими, занял города вятичей. Ярослав выехал к ним навстречу, «стал под лесы своими, засекся от них», а по реке велел разобрать мосты и послал мужей своих сказать им: «Брат и сват! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если ты любишь с нами ряд правый и хочешь в любви с нами быти, то мы любви не бегаем, и на всей воле твоей станем; если же ты умыслил что — все-таки не бежим: как рассудит нас с вами Бог и Святой Спас».

Всеволод начал думать с Давыдом, рязанскими князьями и мужами своими и был расположен помириться, но Давыд стоял идти к Чернигову, по условию с Рюриком, и там заключить мир вместе. Всеволод не послушался и предложил: отпустить свата Мстислава Романовича, Ярополка выгнать из своей земли, от союза с Романом Мстиславичем отказаться. Ярослав соглашался на все, кроме последнего, потому что Роман помог ему против своего тестя Рюрика. Всеволод послал, наконец, мужей своих, и сказал ему про волость свою и про детей своих, «а Киева не искать под Рюриком, и Смоленска под Давыдом». Мужи Ярославовы водили к кресту Всеволода, Давыда и рязанских князей, мужи Всеволодовы — Ярослава и всех Ольговичей (1196).

Покончив с Ольговичами, Всеволод известил Рюрика, который был очень недоволен, особенно Романом, оставленным со средствами вредить ему. «Сват, говорил он суздальскому великому князю через присланных мужей, крест целовал ты мне на том, кто мне ворог, то и

тебе ворог, и просил у меня части в Русской земле; я дал тебе область лучшую, не от обилья, а отняв у братьи своей и у зятя своего Романа. Он сделался мне ворогом из-за кого, как не из-за тебя. Ты обещал мне сесть на коня и помочь мне, но перевел все лето и зиму ту; ныне сел на коня, да как помог? Свой ряд взял, а про кого была мне и рать, про зятя своего, того дал рядить Ярославу и с волостью, что я же дал ему. Да про кого же я и на коня сажал тебя! С Ольговичами у меня не было никакой обиды, и они Киева подо мной не искали. Недобр я был с ними, потому что с тобой они были недобры. Оттого я воевал с ними и волость свою зажег. А ты ныне не исправил мне того, на чем крест целовал».

Рюрик отнял у Всеволода за то русские города. Но тот скоро отомстил ему, по окончании распри с Новгородом, происшедшей по следующему случаю: собираясь в 1195 году к Чернигову, Всеволод звал новгородцев на помощь, и они явились, огнищане, гридьба и купцы, но были отпущены с честью из Нового Торга, потому что поход не состоялся. Они ободрились, видно, тогда прислать мужей своих к Всеволоду, Мирошку посадника, Бориса Жиславича, Никифора сотского, чтобы пожаловаться на шурина Ярослава, верного и лучшего слугу Всеволода, за притеснения, и просить сына.

Всеволод, видно, рассердился, сына не дал, а мужей задержал. Новгородцы присылали за ними к следующем году, но напрасно. Князь велел им идти на Луки, а сам, пойдя в другой раз к Чернигову, взял с собой задержанных мужей.

Новгородцы еще раз явились с просьбами. Всеволод отвечал, чтоб они выбирали себе князя, где хотят, а из мужей отпустил только некоторых. Новгородцы «разгневались», выгнали сами Ярослава и взяли себе князем сына у князя черниговского. Изгнанный Ярослав, между тем, был принят новоторжцами, самыми близкими к мести Всеволодовой, и начал брать дань по всему верху, по Мсте за Волоком. А Всеволод употребил прежнюю меру, оказавшуюся столь действительной: велел ловить новгородцев за Волоком и на всей земле своей и привозить во Владимир, где они ходили, впрочем, на свободе.

Новгородцы опять смирились, и, продержав у себя черниговского князя только полгода, вынуждены были исполнить волю Всеволодову и опять просить к себе Ярослава (1197).

Всеволод велел Ярославу придти из Торжка к себе во Владимир, а новгородским лучшим мужам явиться за ним туда же. Так и было

исполнено. Они пришли и взяли его со всей правдой и честью во Владимире, как бы из рук великого князя суздальского, в знамение его верховной власти, а их подчиненности. Всеволод отпустил тогда и всех новгородцев, томившихся у него в неволе, — посадник Мирошка, сидевший два года под стражей, также возвратился в Новгород, к общему удовольствию его сограждан.

Но через год (1199) Всеволоду вздумалось самому вывести Ярослава из Новгорода и посадить там сына. Он велел владыке Мартирию, посаднику Мирошке и лучшим мужам приехать к нему во Владимир за сыном. Разительное доказательство его власти! На озере Серегере архиепископ Мартирий скончался, тело его отвезено было в Новгород к Святой Софии, а посадник Мирошка и лучшие мужи прибыли к Всеволоду и сказали: «Ты господин князь великий Всеволод Юрьевич! Просим у тебя сына княжить Новгороду, зане отчина тебе и дедина Новгород». Всеволод принял послов с великой честью, утвердил честным крестом на всей воле своей и дал им в князья Святослава, еще четырехлетнего младенца, который и приведен был к ним 1 января 1200 года.

Согласившись с посадником, Всеволод дал новгородцам архиепископа Митрофана, который поехал в Киев на поставление в сопровождении новгородских и Всеволодовых мужей.

Наступала пора отомстить Рюрику, который взял перед тем назад города, уступленные им великому князю суздальскому.

Всеволод не спускал глаз с юга, и в 1195 году он прислал тиуна своего Гюрю с людьми, создать «град на Городци на Востри» и обновил свою отчину. В 1197 году дал епископа Павла в Переяславль. В 1198 году, по смерти племянника Ярослава Мстиславича в Переяславле Русском, прислал туда княжить своего сына Ярослава, еще отрока, так же как в Новгород младенца Святослава. Теперь у Рюрика с Романом началась новая распря. Всеволод принял сторону Романа, который заставил тестя отказаться от Киева и идти в свой старый Овруч. На киевском столе посажен был тогда именем Всеволодовым и Романом Ингварь Ярославич луцкий (1202). Рюрик хоть взял город (1 января 1204 г.), соединившись с половцами и Ольговичами, но не мог его удержать за собой без согласия Всеволода и удалился в свой Овруч.

Роман, желая оторвать своего тестя от половцев и Ольговичей, взявших тогда его сторону, пришел было к нему мириться во Вручий. «Слися, сказал он, к свату своему великому князю Всеволоду, и я

слюся к нему, к своему отцу и господину, и молимся ему, чтоб он отдал тебе Киев опять». Рюрик поверил Роману и поцеловал крест Всеволоду, с сыновьями и братьями.

И Всеволод не помянул зла, достигнув своей цели, то есть, получив, может быть, прежние города: он опять отдал Рюрику Киев.

Ольговичи также, при посредстве Романа, который молился за них великому князю, «дабы приял их в любовь», примирились с Всеволодом, и он прислал своего боярина Михаила Борисовича привести их к кресту. Черниговские бояре ездили к Владимиру, и великий князь целовал при них крест. Роман присягнул также. Южная Русь успокоилась хоть ненадолго; Всеволод обратился к северной.

Он решил вывести Святослава, княжившего четыре года, из Новгорода, сказав новгородцам: «По земле вашей ходит рать, а князь ваш, сын мой, Святослав, мал: даю вам старейшего сына своего Константина» (1205).

Отпуская Константина, Всеволод сказал ему: «Сын мой Константин! Бог положил на тебе старейшинство во всей братье твоей и во всей Русской земле, а Новгород Великий имеет старейшинство между всеми княженьями в Русской земле. По имени твоем и хвала твоя. Поезжай в свой город. И я даю тебе старейшинство». Всеволод дал ему меч и крест: «Се буди тебе охранник и помощник, а меч прещенье и спасенье, пасти люди твоих от противных». С этими словами, поцеловав, отпустил его. Все братья его — Георгий, Владимир, Иоанн, бояре отца его, купцы, проводили его с честью великой до реки Шедакши. «От множества людей, говорит летопись, великий был говор, доходящий как будто до неба: все радовались, и, настигшу вечеру, поклонились ему братья его, мужи отца его, послы от братьев, воздавая хвалу великую и простились».

Таким образом, Всеволод стал как бы полным господином Новгорода, и, разумеется, делал, что хотел.

В 1208 году пришел Лазарь, Всеволодов муж, из Владимира, и повелел убить Олексу Сбыславича, — и убили его без вины на Ярославле дворе. Разительное доказательство Всеволодова самоуправства, которое смиренный Новгород должен был вытерпеть беспрекословно. Святая Богородица плакала на другой день у Святого Иакова, замечает летописец.

Вскоре по отбытии Константина, мать его, великая княгиня,

одержимая жестокой болезнью в продолжение восьми лет, почувствовала приближение кончины и изъявила желание постричься. Великий князь Всеволод, Георгий, его любимый сын, дочь Верхуслава, приехавшая из Киева погостить у родителей, епископ Иоанн и Симон игумен, отец ее духовный, все бояре и боярыни, духовенство и горожане, проводили ее до монастыря, ею основанного, со многими слезами, «зане бяше до всех преизлиха добра». Великая княгиня наречена в монастыре Марией, и, прожив только восемнадцать дней, была погребена там, оплаканная семейством и городом.

Между тем, на юге произошли перемены: Роман, целовавший крест вместе с прочими князьями, не только выгнал Рюрика, но и постриг его. Вскоре он погиб в походе на ляхов (1205), и Рюрик сел на киевский стол, но тут явился ему новый враг, Всеволод черниговский, сын Святослава, который, унаследовав Чернигов после Игоря Святославича, принялся за воплощение мысли, занимавшей некоторое время его деда (Всеволода): изгнать Владимирово потомство из Руси. Он отнял Киев у Рюрика и потом выгнал Всеволодова сына из Переяславля, сказав ему: «Иди к отцу своему в Суздаль, а Галича не ищи под моей братьей (его избирали перед тем галичане); если же ты не уйдешь добром, то я приду на тебя ратью». Молодой Ярослав, которому судьба предназначила много превратностей, должен был повиноваться и просил у него пути, на чем тот целовал крест. Несколько раз Киев переходил из рук в руки у Всеволода с Рюриком, пока, наконец, великий князь суздальский решил положить конец междоусобию, сжалившись о том, что Ольговичи с половцами разоряют землю Русскую.

«Разве им одним отчина Русская земля, сказал он, а нам разве она не отчина? Хочу пойти к Чернигову: как нас управит с ними Бог». Он послал за своим сыном Константином, который, собрав новгородцев, псковичей, ладожан, новоторжцев, прибыл к нему в Москву; рязанские и муромские князья также должны были придти (1207).

Послушные зову, они немедля снарядились и пошли на соединение с ним по крутому берегу Оки. Вдруг Всеволод, уже встреченный в Москве сыном Константином с новгородцами, узнает, верно или нет, что «они идут к нему на льстях, свечавшись с врагами его Ольговичами». Он решил прежде всего покончить с ними и от Москвы повернул назад к Коломне. Дойдя до Оки, великий князь остановился шатрами на пологом берегу. В тот же день подоспели и

рязанские князья: Роман, который тридцать лет сидел у него в темнице, Святослав, изменивший ему в Пронске, с двумя сыновьями, и еще четверо племянников, сыновей Игоря и Владимира. Поцеловав их, Всеволод велел им сесть в шатре и послал к ним князя Давыда муромского и мужа своего Михаила Борисовича. Долго ходили эти посредники между князьями, «оным клянущимся и ротящимся», что злого умысла у них никакого не бывало, как вдруг двое из них, «братичичи, а им своя», Глеб и Олег Владимировичи, явились обличителями. Когда великий князь услышал, что истина установлена, то велел взять их вместе с думцами (несчастное семейство, несшее из рода в род измены и казни), и вести во Владимир, а сам пошел к Пронску через Оку. Михаил Всеволодович, услышав, что стрыи его взяты, а на него рать идет, бежал в Чернигов к тестю. Проняне приняли к себе Изяслава Владимировича, третьего брата «обличителей», или, как называет их Новгородская летопись, «клеветников», и затворились в городе. Великий князь прислал к ним Михаила Борисовича смирить их, но они, надеясь на крепкие стены, решили защищаться. Суздальцы приступили со всех сторон, отвели воду. Проняне бились изо всех сил и по ночам выходили за водой. Великий князь велел, наконец, стеречь с оружием день и ночь и распределил всех князей, кому стоять против каких ворот и биться: сыну Константину с новгородцами и белозерцами против одних ворот на горе, Ярославу с переяславцами против других, Давыду с муромцами против третьих, а сам, с сыновьями Юрием и Владимиром, и при них рязанские Глеб и Олег Владимировичи за рекой с поля половецкого. Проняне все-таки бились, уже выходя из города «не для брани, а для жажды водной»: многие люди умирали даже в городе. И у осаждавших оказался недостаток в продовольствии; надо было послать «по корм к ладьям на Оку». На ладьи напал тогда Роман Игоревич, выйдя из Рязани со своим полком. Всеволодов полк, к которому приставлен был Олег Владимирович, быстро двинулся к ладьям на помощь. Рязанцы, оставив ладейников, выстроились и сразились. Олег победил Романа и возвратился к Пронску к великому князю с победой. Три недели длилась осада и, наконец, проняне сдались. Всеволод смирил их, посадил у них Олега Владимировича, а сам пошел под Рязань, сажая своих посадников по всем городам. Когда он был у Доброго и наутро хотел переправиться через Проню, рязанцы прислали к нему гонца с поклоном, моля, чтобы он не подходил к городу, епископ Арсений

слал одного за другим послов, молясь, чтобы он не шел далее: «Князь великий! Не опусти мест честных, не пожги церквей святых, в них же жертва Богу и мольба за тебя совершается. Мы исполним теперь всю волю твою, все, чего ты хочешь». Всеволод отошел к Коломне. На устье Мерьской, на пути к Владимиру, его догнал сам епископ с мольбой и поклоном от всех людей.

Рязанцы, сдумавше, послали своих князей с княгинями к великому князю во Владимир.

Всеволод в следующем году (1208), уже считая Рязань своей, послал своего сына Ярослава на стол, а рязанцы, «лесть имуще к нему, хотя целовали крест, но не управили, изымали людей и сковали; других изморили, в погребах засыпавше».

Тогда Всеволод собрался вновь и пришел к Рязани. Ярослав вышел к нему и целовал его с радостью. Рязанцы все еще говорили «буюю речь по своему обычаю и непокорству». Великий князь велел всем людям выйти из города с добром, а другие говорят, что он вызвал их к себе лестью, и, когда все вышли, велел зажечь город, послав к городу полки; оттуда пошел он к Белгороду и также велел его зажечь. Потом, взяв всех рязанцев и епископа их Арсения, со всеми своими полками и сыном Ярославом возвратился во Владимир и распределил колодников по городам.

(Михаил Всеволодович, бежавший из Пронска, и Изяслав Владимирович, заступивший его место, приходили было воевать около Москвы, но были прогнаны, побежденные сыном великого князя Юрием.)

Оставив намерение идти на Чернигов, после получения известия оттуда об успехе Рюрика, вновь занявшего Киев (1207) Всеволод отпустил новгородцев домой, одарил их и возвратил им прежние законы, уставы старых князей, чего всегда желали новгородцы, сказав, как прежде: «Кто вам добр, того любите, а злых казните».

Может быть, последнее действие Всеволода (умерщвление Олексы Сбыславича) возбудило особенное раздражение в Новгороде, и осторожный великий князь хотел своими ласками сгладить произведенное тягостное впечатление. Впрочем, это были только слова, как и прежде, ибо Всеволод все-таки прислал князем младшего сына, малолетнего Святослава, со своими мужами, а Константина оставил у себя, дав ему Ростов. Ясно, что влияние осталось прежнее.

В это время Всеволод находился на верху своего могущества и значения: Новгород находился почти в его власти, Рязань была

покорена, киевский князь обязан ему своим столом, на который и был его мужами посажен, черниговские обратились перед тем с повинной головой, Галич признавал его покровительство.

Всеволод везде на Руси делал, что хотел. Противников не было. Ослушаться, казалось, не мог никто.

И в это самое время князь самого незначительного Смоленского удела, Мстислав Мстиславич торопецкий, осмелился объявить себя его противником. Услышав о притеснениях великого князя суздальского и о негодовании новгородцев, сам назвался к ним в князья, чего никогда прежде ни с кем не случалось. Из своего Торопца пришел он в Торжок, заковал посадника; изгнал дворян Святославовых, захватил имущество, все, до чего дошла рука, и послал сказать новгородцам: «Кланяюсь Святой Софии, гробу отца моего и всем новгородцам. Я слышал про насилье к вам от ваших князей, и мне жаль стало моей отчины — я пришел к вам». Новгородцы обрадовались и послали за ним с великой честью, а Всеволодова сына Святослава засадили на Владычнем дворе с мужами его, «пока будет управа с отцом». Мстислав пошел со всем полком на Всеволода (1210).

Всеволод выслал на него Константина с братьями, как вдруг переменил все намерения и прислал ему сказать: «Ты мне сын, а я тебе отец, пусти ко мне Святослава с мужами, и все, еже зяседел, исправи — я освобожу гостей и товары их». Мстислав отпустил сына и мужей его. Всеволод — гостей новгородских с их товарами.

Надо удивляться, каким образом Всеволод мог так легко перенести полученное оскорбление: разве что он хотел выручить скорее сына, во что бы то ни стало, и отлагал отмщение до другого времени, более благоприятного?

Как бы то ни было, Новгород на эту пору совершенно освободился из-под его влияния. Обстоятельства изменились в ущерб могущественному князю суздальскому и в прочих областях русских, и, наконец, дома.

В 1209 году великий князь Всеволод, уже в старости, женился во второй раз, взяв за себя полоцкую княжну Васильковну.

Он послал в Ростов за старшим сыном Константином, у которого было уже два сына (Василий, род. 1209 г. и Всеволод, род. 1211 г.), давая ему после своей смерти Владимир, а Ростов Юрию. Константин, узнав о таком решении, отказался ехать к нему и требовал себе Ростов вместе с Владимиром. Отец послал за ним во

второй раз и получил тот же отказ и то же требование. Разгневанный Всеволод решил лишить старшего, непослушного, доселе любимого сына Константина великого княжества. Он созвал со всех волостей и городов бояр, игуменов, попов, купцов, дворян и всех людей, епископа Иоанна, — новое явление, — и завещал Владимир своему сыну Юрию (женатому за год на Всеволодовне, дочери Чермного, 1210 г.) подчинил ему всех братьев и всех водил к кресту. Все люди целовали крест на Юрия, Константин же «воздвиже брови своя с гневом на братью свою, а более всех на Юрия».

Таким образом, великий князь суздальский увидел в этой братней распре начало того зла, той болезни, которая расстроила, ослабила и привела к гибели все русские княжества; таким образом, перед его глазами начались междоусобия, приготовившие Суздальскому княжеству из-за роста числа князей одинаковую участь с участью древнейших княжеств, оказалось, что сила его была также случайной, временной, как Андреева, Мономахова, и зависела от его личности, равно как от стечения счастливых обстоятельств, не заключая в себе ничего прочного, несмотря на наружный блеск и великую славу. Всеволод достиг своей цели только для того, чтобы на верху своего могущества, когда желать ему ничего не оставалось, увидеть разрушение своего здания, столь же легкое, скорое, как было и разрушение братнего здания, увидеть на старости, при смерти, открывшейся внезапно и неожиданно, под его ногами, источник зла, который грозил его потомству тем же наводнением, в котором потонули князья южной Руси.

Он недолго пережил свое огорчение и скончался 14 апреля 1212 года, имея с лишком шестьдесят лет от роду. Летописец так изображает его свойства: «много мужествовав и дерзость имев, на бранех показав, украшен всеми добрыми нравы злыя казня, а добросмысленныя милуя: князь бо не туне меч носит, в месть злодеем, а в похвалу добро творящим… судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших, и работящих сироты и насильствующим».

Всеволод оставил многочисленное семейство, по которому и прозывается он в Родословных книгах: Большое гнездо.

Сыновья его: Константин (род. 1185), Георгий (род. 1187), Ярослав (род. 1191), Владимир (род. 1192), Святослав (род. 1196), Иван (род. 1198), Борис (род. 1187), и Глеб, скончались в младенчестве, первый в 1188, последний в 1189 г. Дочери: Всеслава

замужем (1186) за Ростиславом Ярославичем черниговским, Верхуслава за Ростиславом Рюриковичем киевским (1187), Елена, сконч. в 1203 г., Пелагея-Сбыслава, четвертая дочь, род. 1180 г.

Памятниками Всеволодова княжения остались во Владимире: Собор Св. Димитрия, основанный им в честь своего ангела. Он успел приобрести для этого собора гробовую доску от Св. Димитрия Селунского, вместе с сорочкой святого мученика, что было поводом к великому торжеству во Владимире в 1187 году.

Монастырь Рождественский (1192–1196), где до времени Петра I почивали мощи Св. Александра Невского.

Всеволодом были поставлены многие церкви и в других городах его княжества: в Суздале Святой Богородицы, «яже бе опадала старостью и безнарядьем».

Крепости построил он в старом Городце Остерском близ Киева, в Переяславле, в Суздале (срублен град 1190) и во Владимире (1194).

Не успели братья опустить тело своего отца, великого князя Всеволода, в могилу, как начались распри. Великий князь владимирский уже не мог думать ни о Новгороде, ни о Киеве, ни о каком значении перед прочими князьями, а разве только о том, как удержать за собой столицу, угрожаемую соперниками.

Первым делом Георгия было отпустить рязанских князей с их людьми и епископом Арсением.

Между тем, старший брат Константин готовился к войне в своем Ростове.

К нему пришел брат Святослав. Чтобы предупредить их, Георгий, собрав полки, пошел с остальными братьями к Ростову.

Князья помирились, но ненадолго. Владимир бежал от Георгия к Константину, который дал ему, вызванному с Волока, Москву, а Святослав бежал от Константина к Георгию, который дал ему Юрьев Польский.

В следующем году (1213) новая война, набеги и опустошения (Константин около Костромы, Георгий около Ростова) и примирение. Владимира Георгий вывел из Москвы и дал ему Переяславль Русский.

Два года прошло в покое; но вражда между братьями не утихала, и первый представившийся случай ее обнаружил: их третий брат Ярослав призван был на стол в Новгород и действиями самоуправства, жестокими поступками, вывел граждан из терпения. Мстислав, прежний любимый князь, явился к ним на помощь. Он

начал войну против Ярослава, который ушел перед тем в Торжок, захватив с собой многих знатных новгородцев, и держал несколько посольств, присланных за ним из Новгорода, а также и всех новгородцев, попавших ему в руки. Мстислав, оставляя Ярослава в Торжке, решил идти к Переяславлю, в надежде на помощь брата Ярослава, Константина, в чем и не ошибся. Константин ростовский присоединил к нему свои полки. Ярослав из Переяславля ушел во Владимир к брату Георгию.

Новгородская война приняла другое значение. Междоусобие перенеслось в пределы Суздальского княжества, до того почти не задетого войнами. Дело пошло не об одной выручке новгородских мужей и ссоре между Мстиславом и Ярославом, а о столе великого княжества: кому сидеть — старшему Константину, имевшему право, или младшему Юрию, которому отдал отец.

И Юрий, почувствовав это, поднял всю свою силу — и суздальцев, и муромцев, и бродников, и городчан, «было согнано и до поселей и до пешцев». Нечего говорить, что и Ярослав вывел все свои полки с захваченными новгородцами и новоторжцами; младшие братья также. У Юрия стягов было 13, а труб и бубнов 10. Константин со всеми своими полками был при Мстиславе. «Оле страшно чудо и дивно, братья, восклицает летописец, дети шли на отца, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов».

Во Владимирском княжестве, на севере, начинались те же междоусобия, что были и на юге между князьями киевскими, черниговскими, галицкими и прочими.

Полки сблизились.

Ярослав и Юрий стояли на реке Кзе, а Мстислав и Владимир с новгородцами поставили своих близ Юрьева; Константин дальше, на реке Липице. Решительный час наступил.

Как ни смел и запальчив был Мстислав, однако, увидев полки Юрия и Ярослава, счел, что силы у них далеко не равны, и запросил мира. Он послал Лариона сотского к своим противникам сказать князю Юрию: «Кланяемся. Обиды нам с тобою нет, обида нам с Ярославом». Князь Юрий отвечал: «Брат Ярослав и я едино есмя». Князю Ярославу посол сказал от Мстислава: «Пусти мужей новгородских; что зашел волости Новгородской, Волок, вороти и мир с нами возьми; крест нам поцелуй». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли и попали, как рыба на сухо».

Ларион принес ответ того и другого брата своим князьям. Тогда

они послали к обоим братьям вместе последнюю речь: «Братья княже Юрий и Ярослав! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Бог крови творити. Управимся так. Мы все один род. Отдадим старейшинство князю Константину. Посадите его во Владимире, и вам Суздальская земля вся». Князь Юрий отвечал: «Скажи братье моей, князьям Мстиславу и Владимиру — вы пришли, так и уйдите, куда хотите. Если отец не смог помирить меня с Константином, то вам нечего браться за то. А брату Константину молви: переможешь нас, тебе вся земля».

Так надеялись Юрий и Ярослав, видя свою силу, что не хотели слушать о мире, — и начали пировать в шатре со своими боярами. Веселье было шумное. Только и речей, что о предстоявшей битве. Почти все не сомневались в победе, но было и другое мнение. Один боярин сказал Юрию и Ярославу: «А лучше бы, князья, вам помириться и отдать старейшинство князю Константину. Меньшая братья в вашей воле, и спорить с вами не будут. Подумайте о том, что при наших полках нет Ростиславова племени, мудры те князья, и рядны, и хоробры, а каков Мстислав Мстиславич в том племени, вы сами ведаете: дана ему от Бога храбрость изо всех! И мужи их, новгородцы и смольняне, дерзи к бою. А, господина, гадайта?» Не люба была эта речь князьям Юрию и Ярославу. Зато другие говорили: «Князья Юрий и Ярослав, не опасайтесь! Не было того ни при отце вашем, ни при деде, ни при прадедах, чтобы вошел кто ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел. Хотя бы вся Русская земля наступила, — и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, и то не успели бы ничего против нашей силы, а нынешние полки, да мы седлами их закидаем». Такие слова нравились князю Ярославу, и он, жестокого сердца, обратясь к боярам и первым людям своим, сказал: «Пришел бы товар в руки, вам все — кони, брони, порты, только не брать никого живого; кто возьмет, тот сам будет убит. Хоть бы золотом у кого было шито оплечье, все равно, убивать; кто утечет из полка, не убит… поимаем… вешать, либо распинать. Чтоб не осталось ни одного в живых. А о князьях, что попадутся к нам в руки, мы рассудим после».

Потом князья отпустили людей и остались одни, — начали делить города между собой. Князь Юрий заключил: «Мне, брат князь Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, тебе Новгород, а Смоленск брату Святославу; Киев отдать черниговским князьям, а

Галич вам же». Они поцеловали крест между собой, и написали грамоты, которым следовать.

А что происходило в Мстиславовом стане? Там не было такой надежды и веселья; напротив, сомнение колебало сердца. Братья опасались больше всего, чтобы Константин, испугавшись, не изменил им. Долго толковали они между собой, и, наконец, привели его снова к кресту, потом начали готовиться к бою и, велев затрубить в трубы и кликнуть во всех полках, двинулись к Липицам, куда вызывали их противники.

А суздальцы ночью отошли от Липиц через овраг на гору Авдову. Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили свои полки на горе Юрьевой, под которой протекал ручей Тунег. Они послали еще раз к Юрию трех мужей просить мира, «а если не дашь мира, то отступи дальше на ровное место, и мы перейдем на вашу сторону; или мы оборотимся назад к Липицам, а вы станете на наше место». Юрий отвечал: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли столько земли, — через этот ли овраг не переберетесь». Суздальцы надеялись на свое укрепление: гора была оплетена плетнем, «осована кольем», на случай ночного нападения.

Похолодало, подул сильный ветер: князья послали было свою молодежь против Ярославовых людей, но как-то не жарко схватились они, бились целый день до ночи, и безрезультатно.

Среди опасений, в нерешимости, пришла им в голову новая мысль — идти прямо к Владимиру, оставленному без защиты. Не трогая полков, они «начали доспевать в станах». Противники, заметив движение, подумали, что они хотят бежать, спустились было с горы, но те повернулись и опрокинули суздальцев. Между тем, подоспел Владимир псковский из Ростова.

Константин отговорил идти на Владимир: «Если мы пойдем мимо них, то они возьмут нас в тыл, а другое дело: мои люди к бою не дерзки, разойдутся по городам». «Так пойдем на них прямо, братья Владимир и Константин, воскликнул Мстислав, которому уже становилось скучно среди этой неизвестности и нерешимости, гора нас не победит, и гора нам не поможет». Это было 21 апреля, в четверг, на второй неделе по Пасхе.

Полки выстроились: Владимир смоленский встал на фланге против Ярослава, возле него Мстислав и Всеволод с новгородцами перед Юрием; Владимир псковский с псковичами, а за ним Константин с ростовцами, лицом к младшим братьям.

Мстислав и Владимир так воодушевляли своих воинов: «Братья, мы вошли в землю сильную: станем крепко. Назад оглядываться нечего; побегше не уйти! Позабудем же дома, жен и детей. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Биться будем, кто хочет пеший, кто хочет на коне». Новгородцы закричали: «Не хотим измрети на конях, но как отцы наши на Колокше будем биться пеши», — соскочили с коней, сбросили с себя платье, разулись, — и кинулись вперед пешие. Мстислав был тому очень рад. Смольняне также бросились пешие. За ними князь Владимир послал своего мужа Ивора Михайловича с полком, а сами князья и воеводы следовали сзади на конях.

Передние, не дождавшись никого, с криком и воплем ударили на Ярославовых пешцев. Те не выдержали первого напора, подались назад, а эти за ними, — бьют, подсекают стяг Ярославов, — и вот подоспел с полком Ивор, под которым в овраге споткнулся было конь, и он едва выбрался оттуда… вместе досекаются они до другого стяга Ярославова… здесь завязывается жаркая схватка, а князья еще не доехали. Мстислав видит издали опасность… он не утерпел. «Не дай Бог, брат Владимир, выдать добрых людей», кричит он брату и пускается во весь опор на противников сквозь свою пехоту. Полк его за ним. За ним и Владимир со смольнянами, Всеволод Мстиславич с дружиной. Ударили и Владимир с псковичами, и Константин с ростовцами. Мстислав впереди. Ничто противостать ему не может. Все перед ним уклоняются, все пятятся. Три раза без сопротивления проехал он сквозь полки Ярославовы и Юрьевы, сек топором тех, кто попадался ему на дороге. Кого доставала его рука, тот уже не поднимался с места. Владимир не отставал от Мстислава. И такой крик поднялся от живых, а стон от раненых, что в городе Юрьеве было слышно. Враги, ошеломленные от ударов, объятые страхом, пустились бежать по всем дорогам, кто в ближний город, кто во Владимир, кто в Переяславль.

А Юрий еще держится против брата Константина. Вражда у них закоренелая. Им сеча на жизнь или смерть. Победителю стол великого княжества, побежденному нет надежды и на кусок хлеба. Ему терять больше всех. Он держится. Брат Ярослав, виновник войны, уже стоит возле него, помогает…

Между тем, Мстислав и Владимир прорвались до Ярославова стана. Все его войска разбежались: Мстислав закричал: «Братья-новгородцы! Не стойте к товару, прилежите бою, чтобы не

воротились они, образумясь. Тогда они ведь измятут нас!» И новгородцы стали крепко, а смольняне принялись грабить обоз, — но никто не возвращался. Сеча продолжается только на другой стороне, да и там уже недолго.

Юрий, видя «полки пожинаемые везде яко класы на ниве», видя войска Ярославовы сбиты, наконец смутился… еще несколько ударов… страх запал в сердце, и он в отчаянье повернул своего коня в сторону, брат Ярослав в другую; они поскакали без памяти…

Трех коней загнал Юрий дорогой, — и прискакал во Владимир на четвертом в одной сорочке. Рати сошлись в час обеда, а он прискакал во Владимир о полудне. Вот как он гнал! Во Владимире оставались только жены и дети, чернецы и попы. Завидя скачущего ратника, они обрадовались, подумав: наши одолевают, посол от князя! А как узнали, что это был сам князь Юрий, то ужас сковал на всех. Юрий в беспамятстве кричал еще издали: «Твердите город, твердите город», и начал ездить около стен и распоряжаться. К вечеру прибежали многие с битвы, кто раненый, кто нагой, полумертвый — и поднялся в городе плач вместо жданного веселья…

Поутру князь созвал людей. «Братья-владимирцы, сказал он жалобно, затворимся в город. Может быть, Бог даст, мы отобьемся». «Княже Юрий, отвечали люди, с кем затвориться нам? Братья наши избиты, а другие изоиманы. Остальные прибежали без оружия. С кем же мы станем?» Князь Юрий сказал: «Все это знаю, но не выдайте меня брату Константину, ни Мстиславу, ни Владимиру, чтобы я вышел из города по своей воле». Владимирцы обещали.

А что происходило с Ярославом? Как Юрий во Владимир, так Ярослав прискакал в Переяславль на пятом коне, загнав четырех. Но ему мало было первого зла, замечает летописец, ему мало было крови, пролитой в Новгороде, Торжке, на Волоке: в сердцах, велел он перехватать всех новгородцев и смольнян, которые пришли с товарами в землю его, и запереть кого в погреб, кого в тесную избу, кого в гридницу, — полтораста их в одну ночь задохнулось; только пятнадцать человек смольнян, посаженных отдельно, остались в живых.

Возвратимся к победителям, или, лучше, к победителю, потому что он, Мстислав, один, крепкой своей рукой, доставил победу над неприятелем, который был их во много раз сильнее.

Не уйти бы Юрию и Ярославу, говорит летописец, если бы Мстислав захотел их преследовать, и он в тот же день занял бы

Владимир. Но, милостивое племя Ростислава, князья не хотели гнаться и остались на месте побоища. На другой день тихо подошли войска к Владимиру и остановились перед стенами. Князья объехали стены кругом, высматривая, с какой стороны его занять. Ночью загорелся княжий двор. В суматохе легко было напасть на город и ворваться; так и хотели новгородцы, но великодушный Мстислав не пустил; его примеру последовал и Владимир, не позволив на другую ночь, во вторник, смольнянам воспользоваться новым общим пожаром города, со второго часа ночи до света. Юрий выслал к князьям с челобитьем: «Не ходите на меня теперь, а заутро я сам выйду из города».

Поутру рано выехал князь Юрий с двумя братьями, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру и сказал: «Братья, вам челом бью! Вам живот дати и хлебом накормити, а брат мой Константин в вашей воле, он не будет спорить о том, что вы обо мне положите».

Мстислав и Владимир держали совет и отдали старшему Константину стол великого княжества, а Юрию Радилов городец, куда тот немедля и отплыл в ладьях с женой и своими людьми. Оставляя свой любезный Владимир, он зашел в собор и, ударив челом у отчего гроба, плачущий, сказал: «Суди Бог брату Ярославу — до чего он меня довел». А Константин въехал во Владимир, встреченный духовенством и всеми людьми, одарил князей и бояр на радости многими дарами и привел владимирцев к кресту.

Ярослав, между тем, затворился в Переяславле, «пребывая в злобе и дыша гневом». Он не хотел покориться, надеясь выдержать осаду. Но недолго продолжалась его надежда. Мстислав не думал оставить дела незавершенным. В пятницу, на третьей неделе по Пасхе, двинулись его рати к Переяславлю… и дрогнул Ярослав! Увидя, что как-нибудь дело кончиться не может, начал высылать послов навстречу князьям, молясь о мире. Князья шли вперед, не слушая его речей.

Во вторник поутру выехал он сам и, как ни тяжело было его гордому сердцу, ударил челом князю Константину: «Господине! Делай со мною что хочешь. Не выдавай меня только отцу моему князю Мстиславу, ни князю Владимиру, а накорми хлебом сам, как тебе угодно».

И князь Константин исполнил его желание, примирил его с тестем, велел освободить новгородских мужей, бояр, купцов, возвратить их имение, отказаться от волостей. Не доходя еще

Переяславля, князья договорились между собой.

В среду на Преполовенье они пришли к городу. Ярослав одарил князей и воинов многими дарами. Мстислав принял дары, но в город въехать не захотел, а потребовал к себе только дочь, жену Ярославову, а также оставшихся в живых новгородцев, и расположился станом за городом. Князь Ярослав несколько раз присылал к тестю с мольбой о своей княгине, но Мстислав оставался непреклонным. Напрасно Ярослав говорил: «Мало ли какие ссоры бывают между князьями. Я виноват, и крест меня убил», но Мстислав никак не хотел отпустить к нему дочери.

Константин сел на стол великого княжества, принадлежавший ему по старшинству. Ему, набожному и благочестивому, северная сторона обязана основанием знаменитых церквей, преимущественно в любимом им Ростове, Ярославле, Владимире. Во Владимире принесение епископом полоцким мощей Логина сотника и Марии Магдалины, положенных в соборе Димитриевом, подало повод к великому торжеству церковному и народному.

Добрый от природы, он примирился вскоре с братом Георгием, которому еще при отце не хотел уступать любимого Ростова, и после спорил о старейшинстве. Он призвал его из Радилова городка с Симоном и боярами и сказал ему: «По животе моем Владимир тебе, ныне возьми себе Суздаль».

Брат Владимир, возвратившийся из Руси, получил еще прежде Стародуб.

Своим малолетним сыновьям он дал уделы: Василько Ростов, и Всеволоду Ярославль.

Летописец приписывает ему следующее наставление: «Чада моя возлюбленная! Будьте в любви между собою, Бога бойтеся, заповеди соблюдайте, примите мои нравы, что видели меня творяща, нищих и вдовиц не презрите, церкви не отлучайтесь, иерейский и монашеский чин почитайте, книжного поученья слушайтесь, слушайтесь старших, что вас на добро учат, потому что вы еще в младоденстве. Чувствую, что я должен умереть скоро, поручаю вас брату и господину Георгию, который заступит для вас мое место».

Действительно, он скончался в следующем году (1217), на Сретенный день. Предание приписывает ему особенную любовь к образованию и собиранию книг. Епископ Симон торжественно положил его тело возле Андреева, в храме Владимирской Богоматери. Весь народ собрался на его погребение. Княгиня

Константиновая постриглась над его гробом и прожила не больше двух лет после своего мужа.

Георгий занял тогда великокняжеский стол.

Во владениях, принадлежавших одному Андрею и одному Всеволоду, теперь уже стало семь князей: братья — Ярослав княжил в Переяславле, Святослав в Юрьеве, Владимир в Стародубе, Иван… племянники Василько в Ростове, Всеволод в Ярославле. Они жили, впрочем, довольно дружно, хоть и не без временных неудовольствий, и слушались старшего брата, который был сильнее их всех.

Княжение Георгия примечательно распространением пределов Руси на восток, куда проложили путь еще первые князья: Юрий, Андрей и Всеволод, еще перед кончиной посылавший своего оруженосца Козьму Ратшича, который взял Тепру. Несколько раз его полки ходили на мордву и на болгар.

В 1220 г., в отмщение болгарам, которые за год приходили на Устюг, взяли его обманом и нападали на Унжу, Георгий посылал на них свои полки с братом Святославом, к которому присоединились полки переяславские от Ярослава, ростовские от Василька, муромские с молодыми своими князьями. Воеводой был поставлен Еремей Глебович. Ополчение собралось на Волге, в устье Оки, и в ладьях поплыло вниз. От Исад против болгарского города Ошля вышло оно на берег и двинулось лесом. Болгары встретили их на конях, выстрелили раз и вернулись в город, где и заперлись. Острог около города был укреплен дубовым тыном, за ним два оплота, между которыми насыпан вал. По тому валу скакали воины и стреляли из-за тына. Святослав устремился к городу, отрядил вперед людей с огнем и секирами, за ними лучников и копейщиков. Передовые подрубили тын, рассекли оплоты и зажгли. Болгары побежали в город, наши вслед и зажгли город. Дым поднялся к небу, и вдруг ветром потянуло его от города на полки Святослава. От дыма и зноя, без воды, воинам стало невтерпеж, и Святослав велел всем отступить и отдохнуть. Отдохнув, Святослав сказал: «Пойдемте, братцы, с поветру, на другую сторону».

Полки обошли город. Князь воскликнул: «Братцы и други! Сегодня нам на долю добро или зло, примемся крепко», — и бросился к городу впереди всех. Воины поскакали за ним, подрубили тын, рассекли оплоты, и с этой стороны зажгли. Болгары бросились бежать. Полки за ними; ветер разносил пламя повсюду. Город загорелся со всех сторон, послышались там стоны и вопли. Князь

болгарский выбежал другими воротами и спасся на конях с остатком дружины. Что выбежало за ним пешцев, то все были побиты. Женщины и дети взяты в плен. Другие сгорели в городе. Иные предали себя смерти сами. Святослав дождался, пока весь город сгорит, некоторые из воинов сунулись было в город, но едва спаслись от огня. После взятия Ошля, 13 июня, Святослав вернулся к ладьям и поплыл вверх по Волге. Болгары из великого града и прочих городов, услышав о разорении Ошля, собрались с князьями своими на берег, кто на конях, кто пешие. Князь велел полкам своим «оболочиться в брони, наволочить стяги и, бьюще в бубны, трубя в трубы и сопели», проплыли они мимо несчастных, которые, видя своих соотечественников, уводимых в неволю, кто отца, кто детей и родных, прощались с ними, плача и рыдая. В устье Камы пришел к ним Вячеслав Добрынич с ростовцами и устюжанами, посланный прежде Васильком из Устюга воевать по Каме. Они также привезли много пленников и добычи. Святослав послал весть брату Георгию о счастливом окончании похода. Дойдя до Городца, он вышел из ладей и отправился к Владимиру на конях. Георгий встретил ополчение в Боголюбове, на реке Сурамле, и «сотворил брату и рати во Владимире учреждение велие по три дни, одарил всех, начиная с брата, дарами многими, золотом, серебром, порты разноличными, поволоками, аксамитами, белью, коньми, оружием каждого по достоинству».

Зимой болгары прислали послов к Георгию просить мира. Он не согласился на их просьбу и начал готовиться к новому походу, велел Васильку идти на Городец, и вслед за ним сам отправился в путь. Когда он был на Омуте, пришли вторые послы болгарские с челобитьем. Великий князь не слушал их, продолжал путь и достиг Городца, где присоединился к нему и племянник Василько. Послы оповестили своих, что князь уже в Городце, мира не дает, но хочет опять идти на них; болгары послали третьих послов с мольбами и дарами великими. Георгий принял их, постановил быть миру, как стоял при отце его Всеволоде и деде Георгие и отправил мужей своих приводить их к клятве по их закону.

В следующем (1221) году для утверждения своей власти на востоке, Георгий поставил, при слиянии рек Оки и Волги, Новгород Нижний.

Новгород, освободившийся с помощью Мстислава из-под ига Всеволодова, под конец его жизни, почувствовал опять свою

зависимость от владимирских князей, и после Мстислава, избирая к себе на стол князей смоленских и киевских, обратился, наконец, к великому князю суздальскому Георгию, послал к нему владыку Митрофана, посадника Ивана и старейших мужей просить у него сына, — и он дал им (1222) Всеволода, на всей, впрочем, воле новгородской; в том же году прислал им брата Святослава в помощь против чуди. Но Всеволод оставался у них недолго, и на ту же зиму бежал от них тайно ночью со всем своим двором, может быть, из ложного страха. Опечаленные новгородцы опять послали к Георгию своих старейших мужей: «Если тебе неугодно, сказали они, держать Новгород сыном, то дай нам брата», — и Георгий дал им Ярослава, весьма ими нелюбимого, а через год (1223) опять сына Всеволода, который, не поладив по-прежнему, опять ушел ночью с двором своим в Торжок. Туда пришел к нему отец со своими послами, брат его Ярослав, Василько с ростовцами, Михаил с черниговцами. Новгородцы прислали к нему двух мужей просить: «Княже, пусти к нам дитя, а сам с Торжку иди». Георгий отвечал: «Выдайте мне таких-то мужей; не выдадите, я поил коней Тверью, напою и Волховом». Новгородцы выдать мужей не хотели и начали укреплять свой город. «Поймите у меня шурина моего Михаила», предложил последнее свое условие Георгий. Новгородцы согласились, и великий князь, причинив им много вреда, оставил их пределы.

Что касается южной Руси, Переяславль оставался в распоряжении великого князя суздальского, и Георгий с самого начала послал туда брата Владимира (1215), который ходил оттуда на половцев, был разбит ими и взят в плен.

Владимир, княжа в Переяславле, женился на дочери черниговского князя Глеба, а старший сын Георгия — на дочери Владимира Рюриковича киевского.

Сам Георгий женат был на дочери Всеволода Чермного, и сыну его, ставшему впоследствии знаменитым и святым, Михаилу, Георгий помог (1224) получить Новгород, приходил также на помощь против Олега курского (1223), с которым заключить мир содействовал оказавшийся там митрополит Кирилл.

Михаил провинился, однако же, перед братом Георгия, Ярославом, который собрался на него войной. Тогда с юга во Владимир прибыло великое посольство от Владимира Рюриковича киевского. Митрополит киевский, епископ черниговский, многие игумены и бояре, стали просить у великого князя посредничества, и

Ярослав послушался своего брата и отказался от войны, к великому удовольствию всех.

Вообще, после войны братьев, решившейся сражением при Липице, хотя они жили довольно дружно, опасаясь великого князя Георгия, который был сильнее их всех, но бывали предлоги и к недоразумениям, грозившие обычными следствиями.

МУРОМСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Муром, на реке Оке, принадлежит к числу древнейших городов в России, основанный, вероятно, новгородцами, еще до Рюрика, среди финского племени муромы. Этот город имел издревле по Оке торговые сношения с болгарами, жившими по средней Волге.

Ко времени Владимира святого народные песни относят подвиги знаменитого русского богатыря, Ильи Муромца, имя которого до сих пор слышится во многих местностях около смежного с городом села Карачарова.

Владимир отдал Муром Глебу, преданному смерти в Смоленске, на пути отсюда в Киев, сообщниками Святополка.

По завещанию Ярослава, Муром достался второму сыну, Святославу, и его потомству.

После него на короткое время его занял сын Мономахов, Изяслав, но вынужден был возвратить прибывшему Олегу Святославичу, — в сражении, в котором лишился жизни (1093).

По Любечскому съезду Муром утвержден за сыновьями Святослава, и младший сын его, Ярослав, является основателем здесь гражданского устройства и утвердителем христианской веры, как свидетельствует житие его, — под именем Константина, после упорной борьбы со здешним идолопоклонством.

В 1123 году, после смерти старшего брата Давыда, он получил право на черниговский стол и предоставил Муром, по обычаю, племяннику, Всеволоду Давыдовичу. В Чернигове прокняжил он недолго: другой племянник, Всеволод Ольгович, напал на него врасплох и разбил его дружину. Самого же отпустил в Муром (1128).

Ярослав обращался оттуда к великому князю киевскому Мстиславу за защитой и помощью, которую тот сначала клятвенно обещал, но после, умилостивленный своим зятем Всеволодом и убежденный духовенством, отказался.

Ярослав должен был возвратиться назад в Муром, и Муромское

княжество, таким образом, совершенно отделилось от Черниговского.

Ярослав скончался в 1129 году, оставив трех сыновей: Святослава, Ростислава, Георгия.

При них Муромское княжество разделилось на Муромское и Рязанское.

Ростислав Ярославич, по требованию великого князя Изяслава Мстиславича, присланному полем, воевал (1146) область Юрия, во время его войны на юге за Игоря Ольговича, чтобы отвлечь его силы.

В следующем году он должен был бежать от напавших Юрьевичей, Ростислава и Андрея, и, наконец (1152), принужден был подать Юрию помощь.

Им основан на берегу Оки город Ростиславль (1153).

Муромские князья вскоре подчинились суздальским, и полки их упоминаются во всех походах великого князя Андрея, Всеволода и Георгия на Киев (1169, 1173), Новгород (1170, 1181, 1215), Рязань (1185, 1186), Чернигов (1190, 1207), болгар (1164, 1172, 1182, 1184, 1220).

РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Старая Рязань, верстах в пятидесяти от новой Рязани, ныне довольно обширное село, по течению Оки, на правом берегу. Часть природной крутизны влево при переправе именуется Сокольей горой, а далее, на возвышении, где находится деревня, Фатьяновым столпом. Вправо еще более возвышен нагорный берег, и на самой вершине его находится городок, в длину 389, в ширину 336 сажен, обнесенный с трех сторон довольно высоким валом, а с четвертой, западной, укрепленный крутым берегом Оки, протекающей неподалеку.

Рязанское княжество окончательно отделилось от Муромского со времен Глеба Ростиславича, который, получив Рязань от отца, перешедшего в Муром, начал собой особую княжескую ветвь (1144).

В 1155 году рязанские князья входят в союз со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем против Суздаля и причисляются к его подданным: «имеяхуть и отцем себе».

В княжение великого князя владимирского Андрея Боголюбского, рязанские князья подчиняются ему, наравне с муромскими, и принимают участие во всех его походах.

По убиении Андрея (1174), на вече во Владимире было решено:

«Князь наш убит, детей у него нет, один сынок в Новгороде, а братья в Руси. Кого выбрать нам в князья: ну, как соседи наши, рязанские и муромские князья, нападут на нас внезапно, пока князей нет: пошлем лучше к Глебу просить у него шурьев (сыновей Ростислава, старшего брата Андреева, Мстислава и Ярополка) — пусть отправит послов за ними вместе с нашими послами».

Совет подали рязанские послы Дедилец и Борис: роковое вмешательство, приведшее их родину к погибели!

Глеб обрадовался чести, на него возложенной, и исполнил желание дружины.

Ростиславичи пришли и водворились в Ростове и Владимире, но им не посчастливилось в Суздальской земле; неблагоразумным правлением они возбудили против себя негодование граждан; в происшедшем междоусобии между ними и их дядями, вновь призванными из Руси, рязанцы помогали первым и должны были пострадать за свое участие.

Михалко пришел на них войной. Глеб выслал к нему навстречу послов с повинной к реке Мерской и обещал возвратить все награбленное во Владимире и полученное от Мстислава и Ярослава, до золотника, образ Святой Богородицы, книги и пр., что и исполнил.

Михалко вскоре умер, и, во вновь происшедшей войне, Глеб рязанский, помогая шурину Мстиславу Ростиславичу, который, не принятый в своем Новгороде, обратился за помощью к нему, пошел войной на Всеволода и сжег город его Москву. Всеволод, в ожидании новгородцев, не мог помешать ему (1176).

Зимой Глеб пришел к Владимиру с половцами, а Всеволод, напротив, подступил было к Коломне, думая встретить его там.

Глеб опустошил волости, пожег многие села, отдал жен и детей на щит, ограбил церкви, особенно Андрееву Боголюбскую. Всеволод, вернувшись, встретил Глеба на реке Колокше.

Целый месяц стояли противники один против другого, задерживаемые рекой. На масленичной Всеволод переправил свои рати на ту сторону реки, где стоял Глеб.

Глеб отрядил против них Мстислава Ростиславича. Всеволод прислал в помощь племянника Владимира с переяславцами. А Глеб с сыновьями и Ярополком, переправившись через Колокшу, пошел на Прускову гору против Всеволода. Не успели они еще дойти до него на полет стрелы, как увидели, что Мстислав, отряженный вперед, не выдержав нападения, побежал.

Тогда и Глеб, немного постояв, последовал за ним.

Всеволод, преследуя, всех их забрал в плен: Глеба с сыновьями, шурина его Мстислава, Бориса Жирославича, Ольстина, Дедильца и прочих.

Под стражей во Владимире все они едва были спасены от народной ярости и посажены в темницу.

За Ярополком Ростиславичем, остававшимся в Рязани, Всеволод послал послов: «У вас скрывается наш ворог; если не выдадите, то я приду с войной».

Рязанцы собрали на вече, на котором решили: «Князь наш и бояре наши погибли из-за чужого князя», поехали в Воронеж, взяли Ярополка и отвезли сами во Владимир.

Жена Глеба послала к черниговскому князю Святославу Всеволодовичу просить его ходатайства о муже, сыне и братьях. Святослав прислал Порфирия, епископа черниговского, и Ефрема игумена, которых Всеволод держал у себя два года. Святослав предлагал отправить Глеба в Русь, но Глеб не соглашался: «Лучше здесь умру, говорил он, но не пойду». И он, действительно, умер 30 июня (1179), вслед за ним и жена его. Сын Роман, приведенный к кресту, был отпущен в Рязань.

В следующем году (1180) братья перессорились, деля между собою Рязанскую отчину. Всеволод и Владимир Глебовичи прислали к великому князю Всеволоду жалобу на своего старшего брата Романа: «Ты господин, ты отец, — брат наш Роман отнимает у нас волости, слушая своего тестя Святослава, а к тебе он крест целовал и переступил».

Всеволод двинулся на Рязань; в Коломне встретили его княжичи с поклоном; туда подошел и Глеб, сын Святослава черниговского, которого он прислал зятю Роману на помощь. Всеволод пригласил его к себе, тот волей-неволей должен был принять приглашение, потому что был в его руках. Скованный, он был отправлен во Владимир.

Разъезды рязанские встретились с суздальскими, переправившись через Оку, и были разбиты ими, прижатые к реке. Роман, услышав это, бежал в поле мимо Рязани, оставив в ней братьев Игоря и Святослава. Всеволод взял город Борисов-Глебов и под Рязанью заключил мир с Романом на своих условиях, поряд сотворив всей братье и раздав им волости по старшинству.

Святослав черниговский, мстя за сына, ходил на него войной, и

рязанские князья вынуждены были помогать Всеволоду, равно как и муромские, но этот поход остался без последствий.

Рязанские князья вместе с муромскими участвовали в походе великого князя Всеволода на болгар 1184 года.

В 1186 году братья опять перессорились между собой: Роман, Игорь, Владимир, со Всеволодом и Святославом, зовя их к себе, думали обманом захватить и убить их.

Узнав о том, младшие отошли к Пронску и принялись «город твердить». Старшие явились с полком и начали воевать город и села.

Великий князь суздальский хотел их уговорить, но напрасно. Они раздражились еще более. Осажденные просили Всеволода о помощи; он послал 300 человек владимирской дружины и вслед за ними своего свояка Ярослава с муромскими князьями, Владимиром и Давыдом. Тогда осаждавшие бежали от города.

Всеволод Глебович, услышав об идущей помощи, оставил брата Святослава в Пронске, а сам отправился к Коломне навстречу Ярославу, Владимиру и Давыду, шедшим к ним от великого князя.

Князья, узнав от него о бегстве старших братьев, сочли дело конченным и возвратились во Владимир, взяв с собой на совет и пришедшего из Пронска Всеволода.

Между тем, Роман, Игорь и Владимир снова появились перед Пронском и осадили его; отвели воду и требовали сдачи у сидевшего там Святослава: «Не морися голодом с дружиною, и людей не мори, а выдь к нам, мы тебя не съедим, только не приставай к брату Всеволоду». Бояре советовали ему то же: «Брат твой уехал во Владимир, тебя выдав».

Святослав послушался и отворил ворота. Братья, действительно, поцеловали ему крест и посадили его в Пронске, а дружину Всеволода и жену его с детьми увели в Рязань, равно как и бояр его, добро же разграбили. Владимирцев, присланных на помощь к ним, повязали.

Брат их Всеволод был очень огорчен судьбой жены с детьми и боярами, расхищением имения и образом действий брата Святослава. Он сел в Коломне и начал воевать.

Великий князь, придя в негодование, начал собирать рать и, между тем, требовал возвращения своей дружины.

Рязанские князья, испугавшись приготовлений Всеволода, прислали сказать ему: «Ты наш отец, господин, брат; где будет твоя обида, там прежде тебя мы сложим свои головы за тебя; не имей

гнева на нас за то, что мы воевали на своего брата за его непослушание, а тебе мы кланяемся и мужей твоих отпускаем» (1186).

В следующем году (1187) черниговский епископ Порфирий приходил к великому князю, прося у него мира рязанским князьям (Рязань принадлежала к его епископии). Всеволод согласился, отпустил рязанцев и послал епископа в Рязань с миром, приставив к нему своих мужей, вместе с черниговскими мужами, Святослава и Ярослава Всеволодовичей, но епископ «инако речь извороча к ним, не яко святитель, но яко переветник и лож».

Вероломство его было обнаружено, и он должен был вернуться в Чернигов другой дорогой.

Великий князь пошел на Рязань вместе со свояком Ярославом Владимировичем и Владимиром муромским, к которым присоединился Всеволод Глебович из Коломны. Переправившись через Оку, они прошли до Копонова, опустошили страну и вернулись с большой добычей.

Вероятно, после этого похода был заключен мир, и Рязанское княжество некоторое время жило спокойно.

Рязанские князья имели после еще спор о пограничных волостях с великим князем Святославом черниговским, который собрался на них войной со всеми Ольговичами, прося позволения у великого князя Всеволода, но тот ему не позволил.

В 1196 году рязанские и муромские князья присылали в помощь полки свои великому князю Всеволоду, шедшему доставать Рюрику Киев.

Прошло еще десять лет в мире, и опять переменились отношения Рязани к Владимиру. Великий князь Всеволод собрался войной на Ольговичей и призвал к себе рязанскую помощь, как и прежде.

Встретив в Москве сына Константина с новгородцами, он получил известие, что рязанские князья сговорились с его врагами Ольговичами и идут к нему «на льстях».

Он повернул к ним навстречу, вместе со своими братьями, и остановился в шатре на берегу Оки.

Туда пришли к нему рязанские князья: Роман, Святослав, брат его, два Игоревича, Ингварь и Юрий, два Владимировича, Глеб и Олег, а Всеволод, брат их, умер в Пронске.

Целовав их, великий князь велел сесть им в шатре, а сам сел поодаль и прислал к ним на обличение князя Давыда муромского и

мужа своего Михаила Борисовича. Они клялись и божились, что ни в чем не виноваты, но Владимировичи подтвердили извет. Великий князь, услышав, что «воображена истина», велел изымать обвиненных, и отвести с думцами их во Владимир (это было в субботу, 22 сентября 1207 года), а сам пошел к Пронску, переправившись в воскресенье через Оку.

Михаил, князь пронский, услышав, что «стрыеве его изойманы», а отца у него нет, рать на него идет, испугался и бежал в Чернигов к тестю. Проняне взяли к себе Изяслава Владимировича и заперлись в городе.

Всеволод подступил к Пронску в следующую субботу и послал мужа своего Михаила Борисовича склонить граждан к миру, но они, понадеясь на крепость стен, не послушались, и отвечали «речью буею». Тогда великий князь велел обложить город со всех сторон и отвести воду. Проняне все-таки бились, выходя по ночам за водой. Великий князь выставил стражу и расставил князей против всех ворот. Проняне умирали от жажды.

Также имея нужду в различных запасах, великий князь отрядил часть войска с Олегом Владимировичем на Оку. В Ужеске пришла им весть, что из Рязани выступил с полком Роман Игоревич и бьется с лодейниками у Ольгова. Олег поспешил на помощь и победил Романа.

Проняне, не ожидая теперь помощи ниоткуда, сдались, наконец, через три недели, в четверг, 18 октября.

Великий князь, смирив их, дал им князя Олега Владимировича и пошел к Рязани, сажая везде своих посадников. У Доброго, где он хотел переправиться через Проню, пришел к нему епископ Арсений просить о мире, обещая полную покорность его воле.

Всеволод послушал, отошел к Коломне, оттуда на устье Мерской, где опять встретил его епископ с просьбой о пощаде. Рязанцы, держав совет, прислали ему своих князей с княгинями. Всеволод вернулся во Владимир в среду, 21 ноября.

В следующем году Всеволод послал своего сына Ярослава в Рязань на стол (1208). Рязанцы целовали ему крест, но недолго находились у него в послушании, схватили его людей, заковали, посадили в погреба и уморили.

Великий князь тотчас собрался в поход, и Ярослав выехал к нему навстречу, а рязанцы прислали «речь буюю» по своему обычаю и непокорству. Великий князь велел всем людям выйти из города с

добром и зажег его, потом пошел к Белгороду и также его сжег. Взял епископа Арсения и прочих рязанцев и отвел с собой во Владимир.

Рязанцы не унимались. Князь Михаил, возвратившись из Чернигова, и Изяслав Владимирович приходили воевать волость Всеволода около Москвы, но были разбиты высланным на них сыном Георгием.

В таком положении находилась Рязань до кончины Всеволода в 1212 году.

Сын его Георгий впоследствии занял великокняжеский стол, отпустил рязанских князей с епископом Арсением и всеми людьми в Рязань.

Недолго прожило спокойно это несчастное семейство, на котором как будто лежала печать особенного гнева Божия. Через пять лет после возвращения из владимирского плена, они собрались на сейм в Исадах: Изяслав, Кир-Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман. Ингварь не успел приехать.

Глеб Владимирович, тот, который и прежде участвовал в клевете на братьев, сговорился теперь с братом Константином перебить их и пригласил в свой шатер, якобы на «честь пиренья». Все шестеро пришли с боярами и слугами, не имея ни малейшего подозрения.

Злодей вооружил своих и братних слуг и скрыл вместе с половцами близ шатра. Началось питье и веселье. Вдруг Глеб и Константин извлекают свои мечи и начинают рубить, сначала князей, своих братьев, потом бояр их и слуг. Погибло множество людей.

Случилось это злодейство на память Святого Пророка Илии, огненного восхождения, 20 июля 1217 года.

Глеб не смог воспользоваться своим злодейством и должен был бежать к половцам, оттуда пришел он с их помощью через два года, но был разбит рязанским князем Ингварем, уцелевшим от побоища, и едва спасся бегством. Говорят, что он сошел с ума.

Рязань, совершенно расстроенная среди этих междоусобий, первая подверглась всероссийскому бедствию.

ОБОЗРЕНИЕ ВНЕШНИХ ВОЙН И ОТНОШЕНИЙ

В продолжение первого, норманнского, периода, Русь находилась в близких связях с норманнами, от которых происходила, и Грецией, куда ходила воевать за славой и добычей и откуда после получила христианскую веру. После кончины Ярослава эти связи значительно

ослабли, если не совершенно прекратились, ибо на севере образовались самостоятельные государства: Швеция, Дания, Норвегия, — походов оттуда более не предпринималось; а на юг, к Византии, дорога для Руси закрылась размножившимися восточными ордами, преимущественно половцами; сама русь, племя, разделенное по многим княжествам, не могло предпринять походов, подобных прежним, и пускаться надолго из дома в дальние края.

Война наступательная уступила место оборонительной.

Пагубнее всех для древней Руси были половцы, занявшие место печенегов норманнского периода.

Половцы, кочевое племя, родственное нынешним киргизам, пришедшее из степей из-за Каспийского моря, оттеснили или истребили прочие племена, жившие на север от Каспийского и Черного морей, до нынешней Молдавии, преимущественно между Волгой и Днепром.

Половцы набегали беспрестанно и опустошали южные княжества, в особенности Переяславское и Киевское, и появились, наконец, и со стороны Рязани.

Это были разбойные набеги, подобные крымским набегам XVII и XVIII, и кавказским XIX столетий. Причин искать нечего, кроме желания обогащаться.

К несчастью, в разгар междоусобий князья сами часто прибегали за помощью к половцам и звали их к себе за плату.

Первый пример подали дети Святослава Ярославича, которые и несли за то вину перед нашими предками. Владимир Мономах, в союзе со своим двоюродным братом Святополком, нанес половцам сильные удары; сын его Мстислав загнал их за Дон, Волгу, Яик, но при междоусобии их детей и внуков с Олеговичами они опять поднялись и успели причинить много зла, например, посылая помощь Всеволоду Ольговичу и потом Святополку Ольговичу северскому, связанному с ними родством, в войнах его против великого князя Изяслава Мстиславича.

Половцы мешали южной греческой торговле, и князья, соединенными силами, вспоминая старое время, пошли на них сами войной (1180) и одержали верх. Особенно прославились походы Игоря Святославича северского и Романа волынского.

От половецких набегов по границе русских поселений были возведены валы, остатки которых сохранились до нашего времени.

Русские князья старались также удерживать половцев от набегов

дарами, посредством переговоров и брачных союзов (1094, 1107), наконец, посредством поселения на границе других восточных племен, более мирных и склонных к оседлой жизни, на правой стороне Днепра, вплоть до Переяславского и Киевского княжеств по реке Роси.

Средоточием этих поселений был город Торческ на берегу Торчи, впадающей слева в реку Рось, в Таращанском уезде Киевской губернии.

Военные поселенцы, помогая нам содержать стражу против половцев, иногда и изменяли нам, смотря по обстоятельствам, но вообще принимали деятельное участие в судьбах Киевского княжества. В последнее время половцы притихли, и знакомство с оседлым и образованным племенем, вероятно, содействовало укрощению их нравов.

Остатки прочих восточных племен, кочевавших по степям Новороссийским, или смешались с половцами, или подчинились русским князьям и вошли в состав их пограничной стражи.

Поселенные торки, печенеги, берендеи, ковуи, каепичи, известные у нас под именем черных клобуков, соединяясь с остатками военного русского населения, стали после нашествия татар родоначальниками малороссийских и запорожских казаков.

Кроме половцев, древняя Русь имела многих других врагов, которые усилились, благодаря междоусобиям, преимущественно в конце нашего периода.

Ляхи, после Болеславова похода за Святополка, находились по большей части в дружественных отношениях к Руси, и почти все короли польские имели в супружестве русских княжон; они являлись на Руси только с помощью к князьям или родственникам. Заметим, что почти все польские короли дома Пястов имели русское происхождение, от русских княжон, а именно:

Казимир I (ум. 1058), Болеслав II Смелый (ум. 1081), Болеслав III Кривоустый (ум. 1139) по первому браку, Болеслав IV Кудрявый (ум. 1194) по двум бракам, Мстислав III Старый (ум. 1201) по второму браку, Казимир II Справедливый (ум. 1194), Лешек Белый (ум. 1237).

В периоде от Ярослава до татар, из 10 польских королей семеро были женаты на русских княжнах, из них — тремя (Казимир I, Болеслав III, Казимир II) велась собственно династия (исключение составляют: Владислав Герман, Владислав II и Владислав Тонконогий).

К ним следует присоединить Конрада (ум. 1247), сына Казимира и брата Лешка Белого, деда Владислава Локетка, который был женат на русской княжне и стал ближайшим родоначальником следующих королей — даже до Ядвиги, основавшей с Ягайлом литовским новую династию Ягеллонов.

С помощью ляхи приходили — к Изяславу Ярославичу (1068, 1077), Ярополку Изяславичу (1086), Ярославу Святополчичу (1123), Всеволоду Ольговичу (1140, 1146) и проч.

Так точно и русские князья ходили помогать ляхам, например, Мономах и Олег Святославич (1076), Всеволод Ольгович (1142, 1145) и проч.

Из враждебных ляхам князей особенно замечателен теребовльский Василько Ростиславич.

После смерти Романа волынского (около 1206 года) Галицкое княжество стало предметом спора между ляхами, уграми, детьми Романа, киевскими и северскими князьями, призванными от бояр галицких. Лешко Белый, король польский, сын Казимира II Справедливого, помогал то Ольговичам, то детям Романовым, то против них своему тестю Александру Всеволодовичу бельзскому, то действовал в союзе с уграми, наконец, призвал на них князя Мстислава из Новгорода, потом поссорился и с Мстиславом, опять вступил в союз с Андреем угорским, и опять против него, и проч.

Первые сношения с уграми (знакомыми со времени расселения их в Дунайских странах) происходили так же, как и с ляхами, преимущественно вследствие брачных союзов.

Изяслав Мстиславич, великий князь киевский (1146–1153), борясь с Юрием Владимировичем Долгоруким, суздальским, имел себе главного помощника в своем зяте, женатом на родной, младшей сестре его, Евфросинии, — Гейзе, короле венгерском, и против Юрия, и против союзника его Владимирка галицкого.

Со смерти Ярослава Владимирковича (1187) сношения с уграми переменяют свой характер и из родственных, вспомогательных, становятся притязательными: короли решили воспользоваться смятениями, возникшими в Галиче, и покорить его своей власти, но нашли себе противников в русских князьях и в ляхах.

Ятвяги, древнее сарматское племя, дикие обитатели нынешнего Подляшья. Русские походы на них относятся к 1112, 1113, 1120 годам. Их набеги на Волынь 1205, 1207.

Литва, племя древнеславянское, но весьма рано отделившееся от

своего корня, попавшие под влияние с одной стороны немцев, а с другой финнов, и занявшее западную, лесистую окраину Русской земли, причисляется к древнейшим данникам Руси, по свидетельству Нестора.

Мстислав, сын Мономаха, предпринимал большой поход на Литву с подручными ему князьями (1132).

В продолжение удельного периода литовцы совершали набеги из своих лесов на области Владимиро-Волынского и Полоцкого, наконец, Новгородского и Псковского княжеств, иногда с успехом (1183, 1213, 1224), иногда с потерей (1193, 1200, 1203).

С чудью (так назывались у нас, по преимуществу, жители Эстляндии), находились в беспрерывных сношениях новгородцы и псковичи, ведя против них большей частью войны наступательные, вероятно, из-за дани, которую те должны были платить со времен Ярослава, построившего в 1030 году город Юрьев (Дерпт) как место опоры для владычества над соседними финскими и леттскими племенами.

Из частных названий чуди и ее владений, по нашим летописям, мы знаем следующие:

Оденпе, Медвежья Голова, на юг от Дерпта.

Кесь — Венден.

Колывань — Ревель.

Чудь Торма — в Дерптском уезде Лифляндской губернии.

Чудь Ерева — в Вейсенштейнском уезде Эстляндской губернии.

Чудь Очела — по верхней части Трейденской Аа, близ границы леттов и эстов.

Чудь Толова — ныне Трикатен у речки Аббель, впадающей в Аа, в 20 верстах от Вольмара.

Лотыголою назывались у нас вообще все летты или латыши.

Зимегола — жители Семигальского княжества, в восточной части Курляндской губернии.

Походы на чудь, более или менее значительные, относятся к годам: 1042, 1079, 1105, 1106, 1111, 1113, 1116, 1123, 1130, 1131, 1133, 1142, 1143, 1149, 1176, 1179, 1186, 1187, 1190, 1191, 1192, 1193, 1200, 1212, 1214, 1217, 1219, 1223.

Все эти походы совершались новгородцами, под предводительством их князей.

Чудь, собственно эсты, в конце этого периода часто призывали русских против утвердившихся в их соседстве немцев.

Но тяжелее русских для финских и литовских племен стали немцы, которые утвердились в устье Западной Двины в начале XIII столетия.

В первый раз бременские купцы появились там в 1159 году и начали торговать вниз по течению реки.

Около 1187 года Мейнгард, латинский священник из Голштинского монастыря Зигеберга, и прежде часто провожавший немецких купцов, которые приплывали в Двину, построил церковь в Икесколе, испросив разрешение полоцкого князя Владимира, которому ливы платили дань. Вскоре после того, летом 1187 года, Мейнгард основал тут мощный замок, и папа Климент III буллами 25 сентября и 1 октября 1188 года, утвердил Мейнгарда епископом икскульским, под ведением бременской митрополии.

Около 1192 года Мейнгард построил большую крепость на Двине. Он умер 12 октября 1196 года.

В 1197 году в страну ливов пришел второй лифляндский епископ, Бертольд. Он пал в сражении против побежденных им ливов, около нынешней Риги, 24 июля 1198 года.

Несмотря на свое поражение, ливы опять поднялись против пришельцев, овладели построенной Мейнгардом крепостью Гольмом и пленили всех христиан.

Около 1 марта 1199 года, бременский каноник Алберт посвящен был третьим лифляндским епископом.

Третьего ливонского епископа Альберта (с 1 марта 1199 года) следует считать основателем немецкого владычества в Балтийском поморье. Одаренный большими способностями, он действовал с одинаковым успехом как проповедник, воин, дипломат, государственный муж. Окинув зорким взглядом вновь открывшееся перед ним поприще, он увидел, что без военной силы сделать на нем ничего нельзя, и потому решил основать крепость в устье Двины, и вместе, для успеха своей проповеди, учредить Орден, по образцу Немецкого Ордена, действовавшего в соседней языческой Пруссии, — мысль, совершенно согласную с духом времени, возбужденным в Европе крестовыми походами. Приглашенные рыцари должны были помогать ему в распространении христианской веры между туземцами и получать себе за то часть покоряемых земель в потомственное владение.

Епископ Альберт весной 1200 года явился из Германии с флотом из 23 судов в стране ливов, опять отнял у них Гольм и освободил

христиан в Иксколе. После некоторых сражений заключен был мир с ливами.

В следующем 1201 году посланный им в Рим монах Дитрих исходатайствовал у папы Иннокентия III полномочие Альберту проповедовать и буллу, которой, под страхом отлучения от церкви, запрещалось купцам торговать по реке Аа, в ущерб новому предполагаемому городу.

Летом 1201 года епископ Альберт, возвратившись из Германии, начал строительство Риги. Он предоставил рыцарям Даниилу Баннерову и Конраду Мейндорфу укрепления Лейнварден и Икскуль в ленное право и заключил с курами мирный договор. Духовный конвент был переведен из Икскула в Ригу. Тогда же последовало и учреждение Ордена Христовых рыцарей или Меченосцев.

В 1202 году брат Альберта, Энгельберт, прибыл из Германии с первыми гражданами для города Риги.

Сам епископ Альберт ездил почти каждый год в Германию проповедовать святую войну на севере и привозил с собой охотников, которые, привлекаемые надеждой получить земли во владение, стекались к нему толпами; другие принимали на себя годичную обязанность потрудиться во славу имени Божьего.

Местные племена, — ливы, летты, эсты, не могли оказать достаточного сопротивления, несмотря на постоянную злобу, с которой они смотрели на чуждое племя.

Русские князья увидели свою ошибку, когда допущенные пришельцы на их глазах начали хозяйничать в подданных им странах. Через год после основания Риги полоцкий князь Владимир осадил Икскульскую крепость и заставил ливов платить себе обычную дань.

В 1203 году Альберт построил монастырь в Динаминде, сжег Ашерадеп, где было, видно, русское владение.

С этих пор мы видим беспрестанное колебание здешних обстоятельств и отношений. Немцы все усиливались за счет прибывавшей к ним помощи из отечества, они поднимали голос, и полоцкие пограничные князья в Герцике и Кукенойсе старались снискать их благосклонность, местное население притихало, и наоборот, когда немцы слабели, тогда местные племена поднимались; русские князья возобновляли свои требования; немцы изъявляли покорность и заискивали перед Полоцком, Новгородом и Псковом.

Во всяком случае, основание владения было ими положено. Нужны были только благоприятные обстоятельства, чтобы этому

владению утвердиться и распространиться: они наступили — в ослаблении русских князей и в умножении немецких поселенцев. Епископ Альберт заключил с рыцарями договор, по которому предоставлялась им третья часть всех приобретений, что было подтверждено папой и императором.

В 1206 году епископ Альберт посылал поверенного своего аббата Дитриха к полоцкому князю, искать его дружбы, а тот уже собирался идти на него войной, подговариваемый ливами. Нападение не состоялось, потому что Дитрих предупредил своего государя, который смог приготовиться к обороне. Русские посланники провожали аббата до Кокенгаузена и звали епископа для переговоров на реке Огере, а ливы и летты убеждали начать войну. Они начали ее одни, и, овладев крепостью Гольмом, угрожали Риге. Немцы, однако же, успели отнять крепость. Но лишь только епископ отплыл в Германию, как Владимир полоцкий спустился с многочисленным войском по Двине, напал на Икскуль, осадил Гольм и снял осаду, только услышав о приближавшихся латинских судах.

С епископом, в 1207 году, приехало много новых поселенцев, которые тотчас начали наступательные действия. Они напали на удельного полоцкого князя Вячка в Кукенойсе (в марте 1208), несмотря на его сближение с епископом, которого он встретил перед тем со своими мужами, прося помощи против литвы, и принят был с почетом в Риге.

Альберт, еще опасавшийся русской вражды, взял, однако же, его сторону, велел отпустить из плена и дал ему перед новым отъездом в Германию двадцать собственных воинов для охраны и подмоги, вероятно, соглядатаев.

Но Вячко озлился на немцев, которые сожгли его крепость и подвергли его, взятого в плен, унижению. Предполагая Альберта отплывшим, велел умертвить своим русским и преданным ему леттам и селонам данных ему помощников, собрался идти на Ригу с помощью всегда готовых туземцев-язычников.

Между тем, Альберт, задержанный противными ветрами, еще стоял в устье Двины. Раздраженный, в свою очередь, видимым вероломством русского князя, он убедил триста своих спутников остаться в Лифляндии и объявил общий поход на Вячка, созывая к себе всех немцев. Вячко, не в силах бороться, сжег свою крепость и удалился в Русь.

Герцике подвергся участи Кокенгаузена. Альберт пошел на него

сам. Город был взят и сожжен. Чтобы опять получить его в свое владение, Всеволод должен был приехать в Ригу, уступить подданные ему волости ливов и леттов и принести присягу в верности епископу. Вот в каком положении были немцы, еще недавно смиренные просители.

По возвращении летом следующего года, Альберт восстановил Кокенгаузен, предназначая эту крепость точкой опоры против литовцев и русских.

Несмотря на такие успехи относительно Кокенгаузена и Герцике, Альберт все еще опасался Полоцка и летом 1210 года, вероятно, потому, что из Германии прибыло мало поселенцев, послан был в Полоцк от имени лифляндских старшин рыцарь Рудольф для заключения мира с полоцким князем.

Рижский посол исходатайствовал свободную торговлю для латинских купцов и отправление в Ригу уполномоченного. Из Полоцка послом назначен был Лудольф смоленский, и по заключенному им осенью договору, ливы обязались платить ежегодно следующую с них дань полоцкому князю или епископ за них.

Между тем, немцы распространяли свои завоевания и к востоку, в Эстляндии, искони тянувшей к Новгороду. В Новгороде сидел тогда воинственный князь, славный Мстислав Мстиславич, который, услышав о действиях немецкого войска в Эстонии, поднялся на Вагрию (к северо-западу от Чудского озера), из Вагрии на Герву, к западу от Вагрии (в Вейсенштейнском уезде Эстляндской губернии, в русских летописях на Чудь Ереву), и, не найдя там немцев, перешел в Гаррию, к северо-западу, и осадил крепость Варболе (в русских летописях Воробьев нос, по-эстонски варблене — воробей), бился несколько дней и, когда жители обещали заплатить 700 марок ногатами дани, воротился восвояси.

В Новгородской летописи сказано, что Мстислав прошел «сквозь землю Чудскую к морю».

Впоследствии храбрый Мстислав ушел сперва в Суздальскую землю, а потом на юг в Галич: если бы он остался в Новгороде, то дела на северо-западе могли бы пойти иначе.

Между тем, немцы, всякий год прибывая, усиливались все более и более: новые свежие силы давали им возможность безопасно воплощать свои замыслы, пользуясь всякими средствами: таким образом, не более как через два года после принятого Альбертом на

себя обязательства платить дань, в случае нужды, за ливов полоцкому князю, по новому договору Владимир отказался от верховной власти над ливами и леттами и заключил с Альбертом торговый и вместе оборонительный договор против литвы. Посредником был князь Владимир псковский, вступивший в родственную связь с епископом и отдавший свою дочь в замужество за его брата.

Этот псковский князь, изгнанный из Пскова за свое сближение с немцами, получил от них поместье в Лифляндии, но ненадолго и, вскоре, должен был спасаться в Русь, как прежде Вячко.

Точно так же Герцике подвергался беспрерывным нападениям (1214 и 1216).

Вероятно, эти князья, Владимир, Всеволод и Вячко, вместе с местными жителями, которые не упускали ни одного случая вредить и мешать немцам, питая непримиримую вражду к ним, убедили полоцкого князя Владимира предпринять большой поход на Ригу. Собралось многочисленное ополчение. Князь готовился к отплытию, как вдруг, уже садясь на суда, упал и скоропостижно умер (1216). Все войско разбрелось, и немцы избежали большой опасности.

Но новгородцы, со своей стороны, осадили Оденпе и потребовали с унганниев большей дани за то, что те перешли от греческого обряда к римскому. Владимир псковский принимал участие в этом походе.

В следующем 1217 году новгородцы с эстами разбили немцев совершенно и заняли Оденпе после жестокой 17-дневной осады. По договору, немцы должны были удалиться в Ливонию. Брат Албертов взят был заложником в Новгород.

Владимир псковский, с сыном и другими князьями, через Унганнию, проник в страну леттов и ливов до епископской области по нижней Аа и правому ее берегу, но был отбит от Вендена и должен был вернуться в Псков, чтобы обороняться от нападавших литовцев.

Альберт, видно, испугался: может быть, и полочане затевали что-нибудь, — а немецкой помощи было недостаточно, — и он отправился в Данию со своими сотрудниками просить короля Вольдемара о помощи от русских и эстов.

Король обещал привести ее в следующем году, за что Альберт отказывался от своих притязаний на Эстляндию, на которую датчане уже давно смотрели с завистью, нападали, еще в 1206 году, на остров Эзель и получили, подобно немцам, от папы Гонория III право на все здешние земли, по мере обращения их в христианскую веру.

Согласно с данным словом, король в следующем году (1219) пристал к берегам Эстляндии и на месте прежнего эстонского укрепления основал сильную крепость Ревель.

Алберту не понравилось, кажется, такое соседство, и он отправился в 1221 году в Италию, к императору Фридриху II, просить у него помощи против датчан, русских и язычников. Император не мог ничего сделать для него и только подал совет о сохранении мира.

Тогда, в крайних обстоятельствах, епископу рижскому не осталось ничего предпринять, как обратиться опять к самому Вольдемару. Король, видно, потребовал верховной власти не только на Эстляндию, но и на Лифляндию, и Альберт вынужден был уступить, при условии согласия своих соотечественников и товарищей.

После, однако же, под предлогом возражений со стороны капитула, ордена и города, благодаря ходатайству архиепископа Андрея, признана была независимость Лифляндии, с обязательством действовать сообща против русских, местных племен и язычников.

Новгородцы в походах 1223 года с Всеволодом Юрьевичем и Ярославом Всеволодовичем, имели временный успех. Заняв Оденпе и Дерпт, Ярослав осаждал и Ревель, но должен был отступить от крепости.

Посаженный новгородцами в Дерпт, Вячко был осажден немцами в 1224 году, и, после отчаянного сопротивления, вследствие неподоспевшей помощи, был совершенно разбит, крепость взята и сожжена, защитники истреблены, и между ними пал мужественный Вячко.

Той же участи подверглись остальные русские в Феллине, Кукенойсе и прочих городах.

Местные племена, — ливы, летты, и особенно эсты, постоянно поднимались с оружием в руках, побуждали к этому князей полоцких, псковских и новгородских, к которым, несмотря на прежние войны, они чувствовали все-таки больше расположения, чем к немцам. Ни одного года не проходило в покое с их стороны, но все усилия их были напрасны, тем более, что между собой они не могли соглашаться подолгу и действовать вместе, часто ссорились и даже ходили друг на друга войной, чем смышленые пришельцы умели пользоваться, и, наконец, покорили их совершенно, начав с торговли, продолжив введением христианской веры и закончив поселениями и завоеваниями.

Христианская вера, введенная между некоторыми из латышских и чудских племен посредством русских проповедников из Полоцка, Пскова и Новгорода по православному греческому учению, была насильственно заменена римским — папским. Так, например, под 1214 г. у ливонского летописца есть известие, что чудь толова обещала епископу перейти от греческого исповедания к римскому. В 1216 году Владимир псковский требовал от унганнов большей дани за то, что они перешли к новым проповедникам.

Вместе с немцами явились на Балтийское поморье, как выше показано, другие враги, пытавшиеся отнять у русских здешние владения, — датчане и шведы, потомки древних норманнов-варягов.

Датчане начали свои нападения на Эстляндию в 1193–1197 годах.

Летом 1206 года Вольдемар, король датский, по примеру немецких рыцарей, предпринимал поход на остров Эзель.

Папа Гонорий III предоставил (1218) датскому королю, по его просьбе, всю землю, которую он отнимет у языческих эстов.

В 1219 году им был основан город Ревель на месте старой эстонской крепости.

Немцы столкнулись было с датчанами, но после кратковременных раздоров договорились действовать сообща против русских и язычников, что и начали исполнять к обоюдной пользе.

Шведы явились сначала в западной Эстляндии, а потом избрали целью своих нападений ижорскую Новгородскую пятину.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ МЕЖДОУСОБНЫХ ВОЙН ВО ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА

Обозрение начинается с первого года по кончине Ярослава (1055–1240)

Черточками обозначаются мирные годы. Двойными черточками означаются годы набегов и войн половецких, как в этом общем обозрении, так и в следующих частных, то есть в Киевском, Черниговском и Переяславском княжествах; в прочих княжествах черточками обозначаются вообще годы внешних войн.

= — =

— 1064–1066 = 1068 1069 -

1071–1073 — 1077 1078 = =

1081–1083 1084 1085 1086 —

—= = 1094 1095 1096 1097 1098 1099 1100
1101 — = 1104 — = = — = =
— — 1116 1117–1119 —
= — 1123 — = — 1127 = —
= — 1135 1136 1137 1138 1139 =
1141 1142–1144 — 1146 1147 1148 1149 1150
1151 1152 1153 1154 1155 1156 1157 1158 1159 1160
1161 1162 — = 1166 1167 1168 1169 1170
1171 1172–1174 1175 1176 = 1178 — 1180
1181 — = = 1185 1186 = —
= — = — 1195 1196 — = —
= 1202 1203 — = 1206 1207 1208 —
— 1214 = 1216 1217–1219 —
— — 1226 —
1231 1232–1234 1235 — —
Набеги половецкие
1054 1061 1067 1071 1078 1079 1080 1085 1092 1093 1095 1096
1106 1107 1113 1125 1128 1135 1136 1139 1140 1146 1147 1152
1154 1155 1160 1161 1162 1167 1172 1173 1174 1177 1179 1183
1184 1185 1187 1188 1190 1193 1201 1206 1207 1215
Русские походы на половцев
1103 1109 1110 1111 1116 1120 1152 1153 1160 1168 1170 1180
1185 1191 1193 1198 1201 1205
Киевское княжество
— —
— — 1068 —
— 1073 — 1077 — = =
— = — —
— = — = = —
— — —
— — —
— — —
— 1135 1136–1139 =
— — 1146–1149 1150
1151–1154 = — 1158 — 1160
1161 — = — 1167 — 1170
— 1172 1173 1174 1175 1176 = — 1180
— — = — =
— = — 1196 —

= 1202 1203 — 1207 —
— 1214 — —
— — —
1231 — 1235 —
Поход на литву 1132, 1193
Черниговское княжество (вместе с Северским и вятичами)
— —
— — = —
— — 1178 — =
— — —
— = 1094–1096 —
— — —
— — —
— — 1127 —
— 1135 1136–1139 —
1141 1142 — 1146 1147 1148 1149 —
— 1152–1154–1157 — 1159 1160
— — —
— 1174 1175 — —
— — = = —
— — 1196 —
— — —
— 1214 — —
— — —
1231–1234 —
Переяславское княжество (вместе с Курским)
— —
= — — = —
— — —
— = = — —
— = — = = = —
— = — = = = —
— = — = = —
— — = —
— 1135 1136–1138 1139 —
— 1142 1143 — 1147–1149 1150
1151 1152–1154 — —
1161 1162 — — = —
— = — = — = —

— — —
— = = = — —
— — 1206 1207 —
— = 1216 —
— — 1226 —
— —

Владимиро-Волынское княжество

— —
— — —
— — 1077 —
— 1084 1085 1086 —
— — 1097 1098 1099 1100
1101 — — —
— = = — 1117 —
— 1123 — —
— — —
— — 1149 1150
1151 — 1155 1156 —
1161 — — 1169 —
1171 — — —
— — —
— — 1196 —
— = — 1207 —
— — —
— — = — = —
— 1232–1235 — —

Войны с ятвягами: 1112, 1113, 1196, 1205, 1227, 1229, 1235 обозначены двойными черточками.

Галицкое княжество

— —
— — —
— — —
— — 1086 —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— 1144–1146 —

— 1152 1153 — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — 1206 —
— — —
— — —
— 1234 1235 — —

Войны с уграми и ляхами занимают все начало XIII столетия до нашествия монголов.

Туровское княжество
— —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— 1135 — 1140
— — 1146 —
— — 1157 — 1160
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —

Полоцкое княжество
— —
— — 1066–1068 —
1071 — — —
— — —
— — —
— 1104 — —
— — 1116–1118 1119 —

— — 1127–1129 —
— — —
— — —
— — 1158 1159 1160
1161 1162 — 1166–1168 —
— — 1178 — 1180
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —

Полоцкие князья воевали с литвой 1159, 1161, а в XIII веке с немцами, которыми и были отчасти покорены.

Смоленское княжество

— —
— — —
— — —
— — —
— 1095 — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — 1147 —
— 1152 — — 1159 —
— — 1168 —
— — —
— — —
— 1195 1196 —
— — —
— — —
— — —
— 1232 — —

Рязанское княжество

— —
— — —
— — —
— — —

— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — 1177–1179 —
— 1185 1186 —
— — —
— — 1207 1208 —
— — 1217 1218 —
— — —
— — —
Суздальское княжество
— —
— — —
— — —
— — —
— = — 1096 = —
— — —
— — —
— — —
— 1134 — —
— — 1148 —
— — —
— = — 1169 —
— = 1174 1175–1177 — 1180
1181 — = — = —
— — —
— = — — 1208 = =
— — 1216 — = =
— — = — = = —
— = — —

Войны с болгарами: 1087, 1120, 1164, 1173, 1184, 1186, 1219, 1220.

Войны с мордвой: 1103, 1212, 1226, 1228, 1229, 1232.

Новгородское княжество (вместе с Псковским)

— —
— — 1066–1069 —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — 1139 —
— — 1147–1149 —
— — —
— — 1167–1169 —
— — 1178 —
1181 1182 — —
— — —
— — —
— — —
— — —
— — —

Войны с чудскими племенами, емью (в южной Финляндии), заволоцкой чудью (за Онегой, по Двине), зимеголой (в восточной части Курляндии), чудью очелой (в Эстляндии), чудью еревой (в Эстляндии), югрой (около северного Урала), лотыголою (ливонскими латышами), тоймакарами (по реке Тойме, впадающей в Северную Двину, на границах Архангельской и Вологодской губерний): 1042, 1079, 1105, 1106, 1111, 1113, 1116, 1123, 1130, 1131, 1133, 1142, 1143, 1149, 1176, 1179, 1186, 1187, 1190, 1191, 1192, 1193, 1200, 1212, 1214, 1217, 1219, 1223, 1227, 1228.

Войны с немцами: 1217, 1219, 1222, 1224, 1228, 1232, 1233, 1234, 1237.

Войны со шведами: 1142, 1169.

Войны с литвой: 1191, 1200, 1203, 1210, 1213, 1217, 1223, 1224, 1225, 1229, 1237.

Места, бывшие поприщем междоусобий в княжествах

1064: Тмуторакань; 1066: Новгород, Минск, Немиза; 1068: Киев, Полоцк; 1069: Новгород; 1071: Полоцк, Голотическ; 1073: Киев; 1077: Киев, Волынь; 1078: Сожица, Нежатина нива, Чернигов; 1081, 1083: Тмуторакань; 1084: Владимир; 1085: Луцк; 1086: Перемышль; 1094: Чернигов; 1095: Смоленск; 1096: Чернигов, Стародуб, Муром,

Ростов, Суздаль; 1097–1101: Волынь, Бужск, Всеволож, Владимир, поле Рожне, Берестье; 1104: Минск; 1116: Рша, Дреговичи, Слуцк, Копыс, Друцк, Минск; 1123: Владимир; 1128: Чернигов, Полоцкое княжество; 1135: Дубна, Жданова гора, Чернигов, Переяславль, перед Киевом за Днепром, Городец; 1136: Переяславль, Киев, Чернигов, Вышгород, Триполь, Красный, Василев, Белгород, по Желани; 1137: Псков; 1138: Переяславль, Чернигов; 1139: Переяславль, область Туровская, Владимирская, Торжок; 1141: города Переяславские, Чернигов; 1142: Переяславль, около Гомия; 1144: Галичская область; 1146: Звенигород, Киев, туров, страна Северская, Севск, Болдыж, Карачев, Дедославль, Рязань; 1147: Новый Торг, Мста, Смоленская область, устье Протвы, верх Угры, вятичи, Любеч, Чернигов, Курск, Посемье, Попашь, Уневеж, Белавежа, Бохмач, Вьяхань, Всеволож, Глебль, Городок, Брягин, Переяславль; 1148: Чернигов, Боловос, Коснятин, обапол Волги, Углече поле, Молога, до Ярославля; 1149: Переяславская область, Янчино сельце, Киев, Луцк, Шумск, Чемерин; 1150: Пересопница, Гольско, Киев, Переяславль, Болохов, Мунарев, Володарев, Звенигород, Тумашь, Ольшаница, Стугна, Чертов лес, города Волынские, Луцк, Пересопница, Зареческ, Мыльск, Горынь, Хотрия, Корецк, Случь, Ушеск, р. Ушь, Святославова криница, Мичьск, Тетерев, Белгород; 1151: Переяславль, Родунь, Днепр до устья Десны, Витичево, Зарубский брод, Киев, Белгород, Вернев, Бзяница, Звенигород, Василев, реки Рут и Рутец, Перепетово поле, Переяславль, Городок, Бужск, Сапогынь; 1152: Городок, путь из Киева через Дорогобуж, Пересопницу, в Галицкое княжество, Перемышль, река Сан, земли вятичей, Мценск, Спаск, Глухов, Чернигов, Моравийск, Новгород Северский, Рыльск, земля вятичей, Новгород; 1153: Через Тихомль, реку Серет, в Галицкое княжество, Теребовль; 1154: Переяславль, Пирятин, Чернигов, Боловос, Стародуб, Моравийск, Киев; 1155: Пересопница, Луцк; 1156: Березов, Подесненские города, Всеволож, Владимир Волынский, Дорогобуж; 1157: Чернигов, Туров; 1158: Друцк, Минск, Белгород, вятичи; 1159: Минск, Путивль, Вырь, Чернигов, река Десна, Гостяничи, Зарытый и Вщиж, Туров; 1161: Минск, Переяславль, Киев, Белгород; 1162: Городец, Пересопница; 1166: Стародуб, Новгород Северский, Полоцк, Витебск; 1167: Новый Торг, Луки, в Русе, около Киева; 1168: Полоцкая волость, Киевское княжество; 1169: Киев, Вышгород, Торопец, за Волоком, Дорогобуж, Шумск и прочие города на Волыни, Новгород; 1170: Новгород, Триполь, Киев, Вышгород,

Михаилов; 1172: Киев, Вышгород, Торческ; 1175: Владимир (Залесский), Чернигов, Лутава, Моровийск, Стародуб, Новгород Северский, Киев, Суздальская область, Сверельск; 1176: Киев, Триполь, Витичев, Белгород, Липицы, около Юрьева, Москва, Рязань, Владимир, Прускова гора; 1179: Рязань, Борисов; 1180: Торжок, Волок Ламский, река Влена, Дмитров, Друцк, в Киевской области, на Волге; 1181: Волга, Торжок; 1185: Рязанское княжество, Пронск, Полоцкое княжество; 1186: Рязанское княжество по Оке; 1195: Смоленская область; 1196: Черниговская, Киевская, Владимирская и Галицкая области, Перемышль, Каменец, вятичи; 1202: Киев; 1293: Киев; 1206: Галич; 1207: Галич, Киев, Триполь, Белгород, Владимир Волынский, Переяславль, Рязань; 1208: Рязань, Белгород, около Москвы, река Дроздна; 1213: Кострома, Ростовская область; 1214: Черниговское княжество, Речица, Вышгород, Киев; 1216: Верховье Волги, Зубцов, Вазуза, Коснятин, берега Волги, Шоши, Дубны, Сары около Твери, Переяславль, Юрьев, Липицы; 1217: Рязань; 1219: Рязань; 1226: Курск; 1231: Киев; 1232: Серенск, Мосальск, Тихомль; 1234: Полоное, Чернигов, города по Десне, Хороборь, Сосница, Сновск, Торческ, Галич; 1235: Суздаль, Киев, Перемышль, Галич, Каменец.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
РУССКИЕ КНЯЖНЫ, ОТДАННЫЕ В ЗАМУЖЕСТВО ЗА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРЕЙ

Анна, дочь великого князя Ярослава Владимировича, жена Генриха I, короля французского.

Анастасия, дочь Ярослава Владимировича, жена Андрея I, короля венгерского.

Евпраксия Всеволодовна, дочь великого князя Всеволода Ярославича, жена Генриха IV, императора германского.

Евфимия Владимировна, дочь великого князя Владимира Мономаха, жена короля венгерского Коломана.

Евфимия Глебовна, дочь черниговского князя Глеба Святославича, жена греческого царевича (Алексия IV?).

Евфросиния Мстиславовна, дочь великого князя Мстислава I Владимировича, жена Гейзы II, короля венгерского.

Елена Всеволодовна, дочь князя Всеволода Мстиславича бельзского, жена Казимира II, короля польского.

Елизавета Ярославна, дочь великого князя Ярослава I Владимировича, жена Гаральда, принца норвежского.

Звенислава Всеволодовна, дочь великого князя Всеволода Ольговича, жена Болеслава, князя вратиславского.

Мария-Доброгнева Владимировна, дочь великого князя Владимира Святославича, жена Казимира I, короля польского.

Мария-Доброгнева Владимировна, дочь великого князя Владимира Мономаха, жена греческого царевича Леона.

Передслава Святополковна, дочь великого князя Святополка Изяславича, жена королевича венгерского Николая.

Сбыслава Святополковна, дочь великого князя Святополка Изяславича, жена Болеслава III Кривоустого, короля польского.

Неизвестная русская княжна за польским королем Владиславом Плешивым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ИНОСТРАННЫЕ КНЯЖНЫ, БЫВШИЕ ЗА РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

Анна, сестра греческих императоров Василия и Константина, жена великого князя Владимира Святославича.

Анна, жена великого князя Ярослава I (см. Ингигерда).

Бановна, дочь Бана, жена князя Владимира Мстиславича.

Болгарыня, жена великого князя Владимира Святославича, мать Свв. Бориса и Глеба.

Варвара, дочь императора византийского Алексия Комнина, жена великого князя Святополка.

Гида, дочь английского короля Гаральда, жена Мономаха.

Гречанка, жена Ярополка и потом Владимира Святославича.

Ингигерда (Анна, Ирина), дочь Олофа, короля шведского, жена Ярослава I Владимировича.

Кончаковна, жена князя Владимира Игоревича.

Кунигунда, графиня Орламиндская, жена князя Игоря Ярославича.

Мария, ясыня, жена великого князя Всеволода Юрьевича.

Ода, дочь Леопольда, графа Штадского, жена князя Вячеслава Ярославича.

Рогнеда-Гориславa Рогволодовна, дочь князя полоцкого Рогволода, жена великого князя Владимира Святославича.

Половчанка, дочь Аепина, внучка Осенева, жена великого князя Юрия Владимировича.

Половчанка, дочь Аепина, внучка Гиргенева, жена северского князя Святослава Ольговича.

Половчанка, дочь Тугоркана, жена великого князя Святополка Изяславича.

Тамара, царица грузинская, жена князя Юрия Андреевича.

Христина, дочь короля шведского Инга Стенкильсона, жена великого князя Мстислава Владимировича.

Чешка, жена великого князя Владимира Святославича.

Юрьевна Кончаковича, жена князя Ярослава Всеволодовича.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора